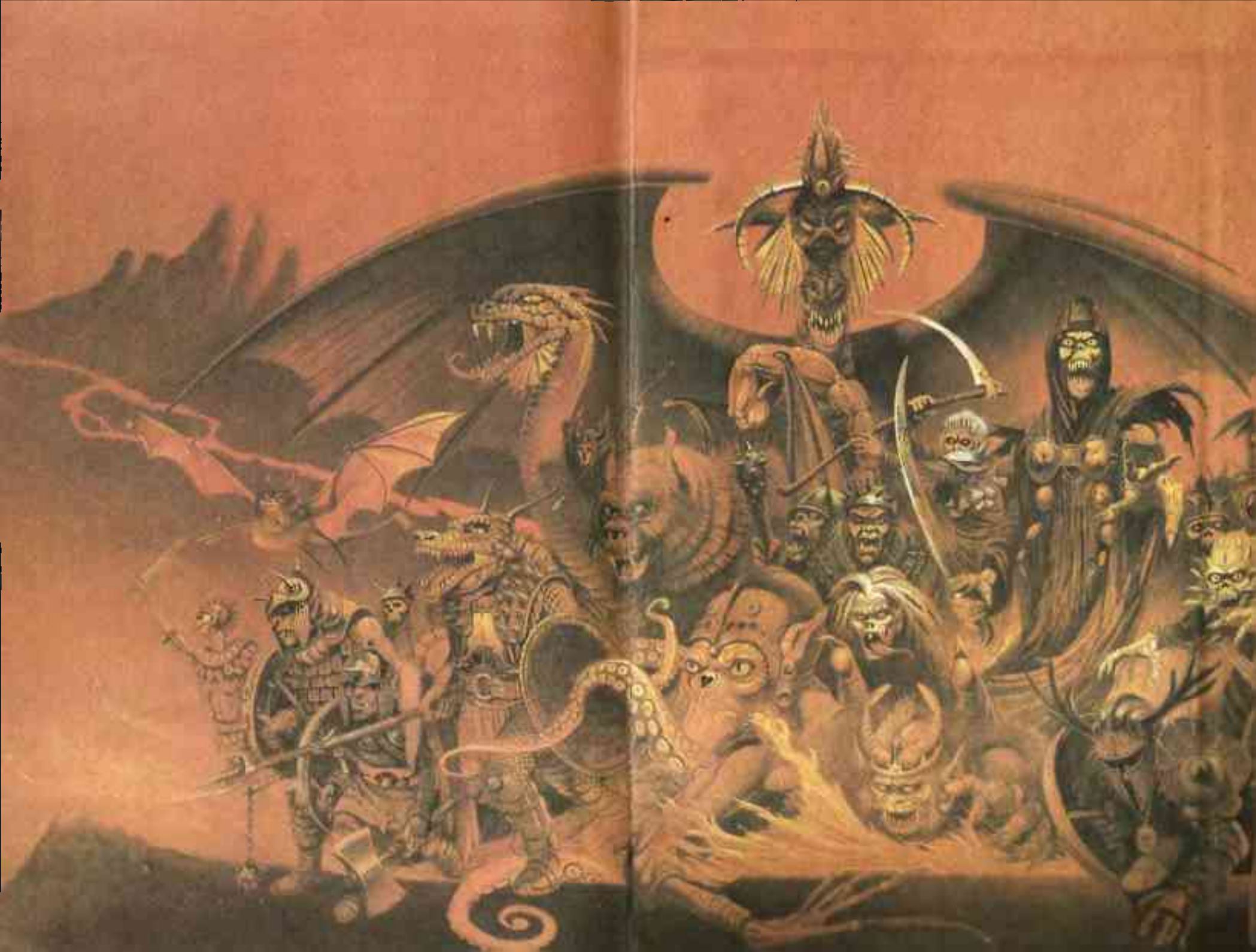
Билл НАТ

ШЕСТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Зарубежная
остросюжетная
фантастика

БИЛЛ НАТ

ШЕСТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

ТАЛЛИНН "МЕЛОР"
1993

И /США/

ЭЛИТАРНАЯ СЕРИЯ. Издается с 1990 года.

ВНИМАНИЮ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ!

Сериал «Звездные войны» является интеллектуальной собственностью издательства Эстонии и охраняется Законом.

Перепечатка данного сериала с нарушением авторских прав ЗАПРЕЩЕНА!

Нарушители Закона будут преследоваться в судебном порядке в соответствии с межгосударственным соглашением между Эстонией и Россией, а также другими государствами.

БИЛЛ НАТ.

"Шестые звездные войны". Перевод с англ. Составитель А.Саяпин. Таллинн: "Мелор". 1993, 416 стр. ил. /"Библиотека фантастики и приключ. романа". Выпуск 13./

"Шестые звездные войны" мы открываем новым фантастическим супербоевиком "Убийство в XXII-ом столетии", впервые издающемся на русском языке и представляющим один из самых популярных сериалов американской приключенческой фантастики - о Флеше Гордоне. Выполняя секретное задание по объяснению причины появления таинственного космического корабля, Флеш Гордон и двое его спутников, потерпев аварию и не имея возможности вернуться домой, втягиваются в межзвездную войну, которая длится уже тысячелетия и стала угрожать самому существованию Земли...

Мы продолжаем знакомить читателей с творчеством М.Лейнстера, известному Вам по "Четвертым звездным войнам" /"Космический старатель" и "Ловушка Проксима Центавра"/. В предлагаемом романе "Оружие-мутант" сотрудник Галактической Медслужбы - Кэлхаун совершает инспекторский полет на планету Марис-3. В ответ на запрос о разрешении посадки - происходит попытка уничтожения корабля...

В супербоевике Билла Ната "Звездный патруль" курсант Виккерс стремится получить звание Рейнджера Звездного Патруля. С этой целью он направляется в качестве Свободного разведчика на планету Саргон, где он сразу же попадает на поле боя. Многие приключения полные смертельных опасностей подстерегают его на этой и других планетах...

Роман "Звездные искатели" является остросюжетным фантастическим боевиком, рассказывающим о приключениях в просторах далеких Галактик старого звездного волка, предпочевшего полную смертельного риска жизнь, тишине уютного кабинета...

И завершает книгу роман английского автора Джеймса Уайта "Профессия - солдат". Идет отбор кандидатов-землян для ведения войны, стремительно разрастающейся на отдаленной планете. Майор Дермод стремится во что бы то ни стало попасть в их число, так как он вынашивает далеко идущий смелый план...

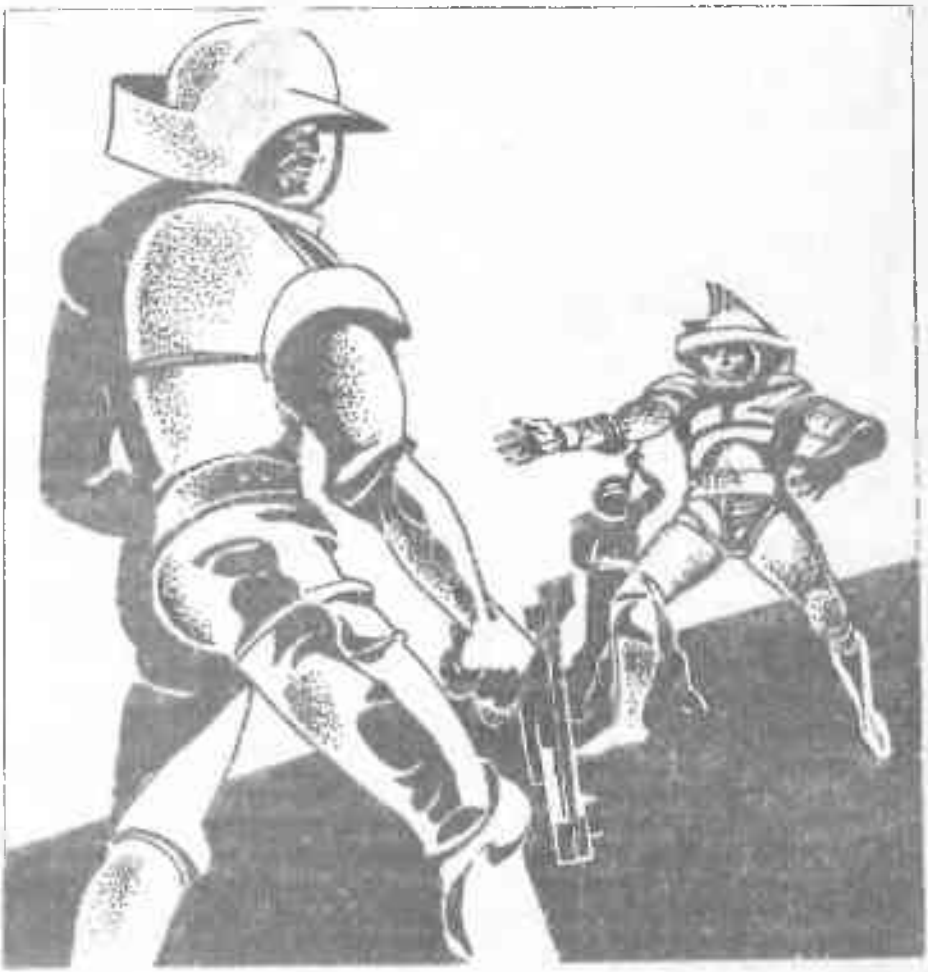
ИТАК, ФЛЕШ ГОРДОН И ДРУГИЕ ГЕРОИ В СЕРИАЛЕ "ШЕСТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ"...

Н $\frac{470310100-001}{8У3/03/93}$

ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-87005-001-4

© «МЕЛОР», 1993г.

УБИЙСТВО В XXII СТОЛЕТИИ

ПРОЛОГ

"АРС "З" ИТА" рематериализовался в каталогизированной гиперточке в восьми световых годах от Солнца. Грузовик дальнего радиуса действия весом в восемнадцать миллионов тонн находился на обратном пути с Беты Кита-4. На мостике замигал красный сигнал.

Корабль был гружен биочипами — компьютерными переключателями, изготовленными на четвертой планете системы Бета Кита. Ни на одной из других планет в Федерации не было больше подходящих условий. Эти переключатели составляли ядро каждой новейшей компьютерной системы, и даже при высокой стоимости транспортировки при продаже их по всей Федерации "Транс Фед Компани" имела огромную выгоду.

Алек Романов, Первый Офицер, в это утро единственный человек на мостике, дрожащими пальцами нажал на клавиши интеркома.

— Капитана Белугу немедленно на мостик.

— Что случилось?— осведомился Белуга.

— Будет лучше всего, если ты немедленно поднимешься на мостик,— сказал Романов, маленький темноволосый русский.

— Я уже в пути,— донеслось из интеркома.

Первый Офицер переключил дисплей на терминал данных, и информация побежала по экрану.

Через пару минут капитан Стюарт Белуга проскользнул через дверь в переборке рубки и прямиком направился к пульту, держа в правой руке полную кофейную чашку.

— Что за дьявольщина там происходит, Алек?— пробурчал он, опускаясь в свое противоперегрузочное кресло и подтягивая к себе командный модуль.

Романов хотел ему это объяснить, однако Белуга уже заметил мерцающий сигнал. Он отставил кофейную чашку и включил интерком и корабельную сирену.

— Стилмэн, Хелди, Багс, немедленно на мостик!— крикнул он. Потом он связался с бортовым компьютером.

— Охранительница?— мягко спросил Белуга. Никогда нельзя кричать на бортовой компьютер, если хочешь, чтобы он функционировал безупречно.

— Да, Стюарт,— ответил мягкий, очень женственный голос над головой Белуги.

— Место и идентификация сигнала бедствия?

— Я не могу много сказать об этом, Стюарт, кроме того, что это автоматический сигнал бедствия. Но я, конечно, могу дать тебе гораздо больше информации, если ты переключишь на меня бортовые системы.

— Ты получишь их,— сказал Белуга, и некоторое время было тихо, пока Охранительница работала.

— У них, кажется, нет на борту Охранительницы,— внезапно сказал компьютер. Белуга поднял брови.

— Что?— шокированно спросил он.— Ни один корабль не может ориентироваться в глубоком космосе без работающей компьютерной системы, которая все координирует.

— Корабль, кажется, очень стар; первобытная модель.

— Больше информации!

— Автоматический сигнал бедствия. Нет Охранительницы. Никакой реакции на радиосигналы. Главный двигатель, очевидно, атомный.

Белуга подскочил. Сердце его бешено колотилось. Атомный двигатель на межзвездном корабле существовал только в исторических книгах. Этот тип двигателя в Федерации не использовался уже лет пятьдесят. Тогда был разработан гипердрайв, а межзвездные путешествия еще не вышли за стадию исследований.

— Это исследовательский корабль?

— Он опознан как "Добрая надежда", но в моем банке данных нет сведений о подобном корабле.

Руперт Стилмэн, навигатор, зевая поднялся на мостик. Сигнал тревоги, очевидно, безжалостно разбудил его.

— Что случилось, Стью?— спросил он.

— Сигналы бедствия. Кажется, это какой-то исследовательский корабль. Древняя модель. С атомным двигателем.

Стилмэн внезапно полностью проснулся. Он скользнул в противоперегрузочное кресло и передвинул пульт в нужную позицию, чтобы он был перед его глазами. Его пальцы заиграли на переключателях, и Охранительница начала выдавать данные.

— Мы подгоняем нашу относительную скорость,— проинформировал капитан.

— Они, кажется, движутся со скоростью семьдесят процентов световой.

Томас Хелди, научный офицер, и Хэл "Багс" Богарт, главный механик, поднялись на мостик.

— Мы принимаем сигнал бедствия. Мы должны приблизиться и посмотреть,— сказал Белуга через плечо.

Оба мужчины забрались на свои места. Управление кораблем взяли на себя Стилмэн и Охранительница. Когда вновь пришедшие протиснулись мимо своих приборов, Белуга начал отдавать приказы.

— Том, мне нужны сканы об атмосфере на борту этого корабля.

— Хорошо,— ответил Хэлди.

— Багс, посмотри, что ты сможешь разузнать вместе с Охранительницей. И передай это мне на контрольный экран.

Белуга повернул выключатель, включавший приборы наблюдения. Капитан направил камеры на цель и включил сильное увеличение. Перед ним, на расстоянии примерно тысячи километров, плыла самая огромная искусственно изготовленная вещь, какую он когда-либо видел.

— Охранительница,— позвал Белуга.

— Да, Стюарт?

— Мне нужна информация о корабле, к которому мы приближаемся.

— При помощи локатора я получила не слишком много информации, Стюарт, но ты сам видишь, как велик этот корабль.

— Точнее!

— Он, приблизительно, кубической формы с длиною ребра в 3,1 километра. Масса его девяносто восемь миллионов метрических тонн.

Белуга присвистнул сквозь зубы.

— А как насчет электромагнитных волн?

— Никакой заметной активности, кроме сигнала бедствия.

— А система жизнеобеспечения?

— Мы с Томом не получили никаких точных данных. Их защитный экран мощен. Рассеянное излучение, кажется, указывает на термоядерный реактор. Я оцениваю вероятность того, что система жизнеобеспечения все еще функционирует, по меньшей мере в девяносто семь процентов.

— Спасибо,— произнес Белуга.— Расстояние?

— Еще шестьдесят секунд до стыковки,— сообщил Стилмэн, лицо которого было закрыто контрольными приборами.— Я полечу по кривой, чтобы добраться до полярной грани. Там, кажется, имеется что-то вроде приемного шлюза или посадочной площадки.

— Охранительница,— сказал Белуга,— ты можешь измерить силу тяжести, создаваемую генератором?

— Нет, кроме того, из-за сильного вращения можно заключить, что на борту нет никаких генераторов искусственного тяготения.

— Боже мой!— громко сказал Белуга.— Как велика вероятность, что этот корабль человеческий, в частности, земного происхождения?

— Почти сто процентов.

— Боже мой,— повторил Белуга.

Несмотря на усовершенствование гипердрайва, проблема межзвездной связи до сих пор не была решена. Радиоволны двигались со скоростью света, однако корабли дальнего радиуса действия были быстрее. Нервно продвигаясь из научного отсека в носовую часть, к своей маленькой каютке, капитан Белуга раздумывал над этой проблемой и над тем, что это значило для него в данный момент. Последние два часа он провел

в наблюдательном куполе, наблюдая за безуспешными попытками своего экипажа проникнуть внутрь этого бесхозного корабля.

Казалось, что на борт корабля не было никакого другого пути, кроме как вскрыть его обшивку.

В своей каюте он открыл небольшой сейф, замок которого реагировал только на его отпечатки пальцев. Он взял один из биочипов и сунул его в прибор, стоящий на складном столике.

Над переборкой замерцал красный свет; это означало, что каюта Белуги теперь герметически заперта.

Голос Охранительницы доносился из маленького динамика на столе.

— Директивная программа "Транс Федерации" активизирована. Идентифицируйте себя.

— Стюарт Белуга. Капитан "АРАС "3" ИТА".

— Обертоны голоса сличены,— сказала Охранительница после некоторой паузы.— Сообщите о своих проблемах, капитан.

Белуга глубоко вдохнул воздух и коротко сообщил все, что произошло с тех пор, как загорелся сигнал тревоги, включая и тот факт, что его экипажу до сих пор не удалось проникнуть в гигантский исследовательский корабль, который теперь безжизненно висел в тысяче метров от "АРАСА".

— Мне нужны указания,— сказал он в заключение.

— Оценка будет проведена,— сказала Охранительница. Белуга откинулся в кресле и стал ждать.

Каждый грузовик дальнего радиуса действия "Транс Фед" был снабжен директивной программой, о существовании которой вне круга руководителей Концерна едва ли кому было известно. Из всего экипажа о ней знал только Белуга.

В случае его смерти информация будет передана Первому Офицеру и никому больше. Оба эти человека, как и все руководящие офицеры, дали присягу лояльности обществу.

Каждый раз, когда корабль возвращался на базу программа дополнялась новыми решениями руководства Компании "Транс Фед" и новейшими данными, так что компьютер в случае затруднений в глубоком космосе мог дать недвусмысленные указания.

— Ваши инструкции будут следующими,— капитан Белуга.— Охранительница оторвала Белугу от его мыслей. Он наклонился вперед.— Первое — прекратите всякие попытки взять на абордаж "Добрую надежду". Второе — отбуксируйте корабль на околоземную орбиту. Третье — особый приказ. Вы должны оставить корабль на навигационном пункте Стратегического Космического Флота "Плутон", но вы можете и воспротивиться,— Белуга присвистнул сквозь зубы.— Четвертое — этот приказ строго секретен, и он ни при каких обстоятельствах не должен стать известен ни экипажу, ни Космическому Флоту.

Белуга нервно усмехнулся. Он подтвердил получение инструкций и убрал биочип обратно в сейф.

Между компьютером Концерна "Транс Федерации" и Центральным Правительством в последние два десятилетия были очень напряженные отношения. Теперь вот эта история, подумал Белуга. Она может стать поводом для открытого проявления враждебности между нами обоими.

1.

Прошлое. Настоящее. Будущее.

Доктор Ханс Царьков, морщинистый невысокий мужчина восьмидесяти семи лет поднял воротник повыше, чтобы защититься от дождя; ветер дул ему в лицо, когда он вышел из машины и вместе с капитаном Алонсом Дреггером поспешил к площадке в Военно-Командном Центре Федерации, база Омаха.

В это мгновение он чувствовал себя очень сильно погрузившимся в прошлое, потому что история этих гигантских военных зданий уходила в прошлое более чем на четыреста лет, в то время, когда о Федерации вообще еще никто не думал. И кроме последних пяти лет, он большую часть своей жизни состоял на службе на различных базах Командования.

Настоящее выглядело иначе. Уже около двадцати лет в Федерации царил мир и армия все больше и больше брала на себя роль полиции. Ни на одной из планет больше не было необходимости в подавлении бунтов и восстаний.

А будущее? Царьков остановился у главного входа в Адмиралтейство и посмотрел вверх, на тяжелые дождевые облака, Будущее находилось там, вверху, среди звезд. В Федерацию входило двадцать пять миров, которые находились во всех направлениях от Земли на́ расстоянии до ста световых лет. В его юности Федерация была не более чем всемирным правительством с колониями на Луне, Марсе и спутнике Юпитера Ганимеде. Но когда пятьдесят лет назад был разработан гипердрайв, внезапно распахнулись врата к звездам.

— Входите, доктор,— нетерпеливо сказал капитан Дреггер, когда Царьков задержался у двери.

— Извините,— пробормотал Царьков. Он последовал за молодым офицером. Они миновали пост контроля, не задерживаясь на нем.

В конце длинного, теперь, когда уже настал вечер, опустевшего коридора они вошли в антигравитационный лифт, который опустил их на много сотен метров вниз, в сердце Центра Федерации Земли, где их ждал расстроенно выглядевший бригадный генерал.

— Доктор Ханс Царьков?— спросил мужчина и подошел к ним. Он был массивен и широкоплеч. Лицо его было прочерчено глубокими морщинами. Он выглядел так, словно не спал уже целый месяц, все время находясь в своем мундире.

— Я — Питер Теслер. Я рад, что вы смогли прибыть так быстро, доктор,— он резко повернулся к спутнику Царькова.— Это все, капитан,— коротко сказал он.

— Да, сэр,— сказал Дреггер, повернулся на каблуках и, не сказав ни слова, исчез в антигравитационном лифте.

Генерал провел Царькова вниз по коридору. Они миновали пост охранников-людей и прошли через большое черное отверстие в стене. Кожа на голове Царькова зазудела, и он на мгновение потерял зрение. Помещение за стеной было экранировано от сильного гравитационного поля. и экран этот не пропускал никаких электромагнитных волн, в том числе и свет.

Три высших офицера и один в штатском, в котором Царьков сразу же узнал Уилбура Хольсона, министра межзвездных сообщений, сидели за конференц-столом из эбенового дерева. Каждое место за ним было снабжено пультом и экраном. Четверо присутствующих беседовали между собой.

— Джентльмены,— спутник Царькова откашлялся.— Он прибыл.

Все присутствующие подняли глаза. Мужчина в штатском, сам ненамного моложе Царькова, поднялся.

— Я надеюсь, что генерал Теслер уже высказал вам наши сожаления, что мы должны были доставить вас сюда таким образом, доктор.

Царьков слегка кивнул.

— Меня очень часто доставляли на базу таким образом.— Другие офицеры выглядели такими же усталыми и неухоженными, как и генерал Теслер, и на их лицах было такое же выражение растерянности.

— Я предполагаю, что речь идет о проблеме особой важности,— продолжил Царьков.

Министр обменялся взглядом с другими присутствующими, а потом снова посмотрел в глаза Царькову.

— Гораздо большей важности, чем вы можете себе представить в данный момент, доктор. Пожалуйста, займите свое место. Тогда мы сможем начать.

Два часа назад Царьков занимался с научными работниками в своей лаборатории в университете штата Юта, когда прибыл капитан Дреггер с поручением немедленно доставить Царькова на базу Омаха. Ему не позволили сообщить об этом в университет, он даже не сообщил ничего своей племяннице Дейл Прден. И капитан тоже не смог сказать ему, почему он забирает его и как долго он будет отсутствовать. Поэтому, когда он занимал место за столом, любопытство снедало его. Для чего его бы его ни доставили сюда, дело это должно было быть очень серьезным.

Министр Хольсон начал совещание.

— Генерал Теслер — командир опорного пункта на Ганимеде. Он созвал это совещание, потому что он был тем, кто эскортировал "АРАС "3" ИТА" с навигационного пункта "Плутон".

Генерал кивнул, и Царьков был вынужден сдержать дюжину вопросов, которые так и рвались из него.

Напротив него сидел генерал-лейтенант лет пятидесяти, который скорее напоминал игрока в Три-В, чем военного командира. Хольсон представил его как начальника базы Омаха.

— Он координирует наши действия в этом деле,— сказал Царьков.

Мужчина слегка улыбнулся.

— Он много рассказывал о вас, доктор.

Справа возле генерал-лейтенанта Барнса сидел старший лейтенант, которого Хольсон представил как Алонсо Форте, шефа эскадры космического надзора базы номер Семь на Луне. Слева возле Царькова сидел генерал-майор Стюарт Редман, шеф научно-исторического отдела Стратегического Космического Флота.

При этих словах Царьков поднял взгляд и посмотрел налево.

— Вы не можете вкратце описать мне сравнительные свойства гипердрайва?

Редман кивнул. Слабая улыбка заиграла на его губах.

— Действительно, великолепно,— сказал Царьков, выслушав его. Теперь он был еще более озадачен, чем прежде. Член кабинета правительства, командир базы, шеф внешних постов, офицер космического надзора и, кроме всего прочего, еще и историк. Это не имело никакого смысла.

Экран перед Царьковым засветился, и на нем появилось компьютерное изображение корабля.

— Это межзвездный корабль "Добрая надежда",— тихо сказал историк, генерал Редман.

Царьков быстро взглянул на напряженное лицо невысокого мужчины, потом в его памяти щелкнул какой-то переключатель. и он снова посмотрел на экран.

— Он стартовал двести лет назад, в 2175 или 2176 году, как мне кажется,— сказал старый ученый.

— Собственно, он был заложен в 2148 году,— поправил его Редман.— Он был построен и снаряжен в 2171 году, а покинул земную орбиту 11 октября 2176 года. Почти день в день двести лет назад.

— И он вернулся назад?— спросил Царьков.— С экипажем и пассажирами, или, лучше сказать, с их потомками?

Внезапно воцарилась зловещая тишина. и Царьков снова поднял взгляд.

— Корабль вернулся,— выдавил из себя генерал Теслер,— но весь экипаж и все пассажиры мертвы!

— Этому нет еще никаких доказательств, Питер,— резко возразил Министр Хольсон.

— Вы доставили меня сюда, чтобы я помог вам в исследовании корабля?— тихо спросил Царьков.

Хольсон кивнул.

— Вы специалист по старой технике и, короче говоря, мы нуждаемся в вашей помощи.

— Будет лучше, если вы расскажете мне все.

— Корабль находится на стабильной орбите на расстоянии двадцати двух тысяч километров. Мы возвели на его южном полюсе исследовательскую станцию под предлогом обычных карантинных формальностей.

— Пресса уже знает о его возвращении?

Хольсон устало кивнул. Волосы его были снежно-белыми и напоминали гриву большого животного.

— Директор просил ограничить распространение информации в течение семидесяти двух часов. Ему это объявили. С тех пор прошло уже двадцать четыре часа.

— Поэтому нам лучше поспешить с этим совещанием, потому что я должен осмотреться там, наверху. Из исторической хроники мне известно, что "Добрая надежда" очень велика и ужасно сложна.

— Она примерно трех километров по ребру,— сказал историк.— Самое большое транспортное средство, которое когда-либо создавали человеческие руки. Двести лет назад она покинула околоземную орбиту, имея на борту сто пятьдесят восемь мужчин и женщин. Ее целью были звезды. Это произошло задолго до открытия гипердрайва. Люди на борту должны были быть погружены в криогенный анабиоз. Только часть экипажа должна была бодрствовать десять недель в десять лет.

— Был ли построен только один-единственный корабль подобного типа?— спросил Царьков.

— Да,— ответил Редман.— Общая стоимость этого корабля, 1,8 миллиарда новых интернациональных долларов, почти разрушила тогдашнюю экономику Земли.

— Во всяком случае теперь корабль вернулся назад,— внезапно сказал Царьков после долгого молчания.

Редман кивнул.

"Добрая надежда" в течение пятидесяти лет посылала автоматические радиосигналы, потом она внезапно замолчала. Через сто лет — пятьдесят лет назад, когда был разработан гипердрайв, был предпринят поиск. Однако он не дал никаких результатов. Несмотря на управляемый компьютерный поиск, расстояние уже тогда было слишком велико. После десяти лет поиски были прекращены. "Добрую надежду" официально объявили пропавшей без вести.

Хольсон продолжал сообщение:

— Пять месяцев назад грузовик дальнего радиуса действия "АРАС "3" ИТА" принял автоматические сигналы бедствия "Доброй Надежды". Согласно инструкции, они полетели на этот сигнал. Но кроме этого сигнала с борта корабля больше не было получено никакой информации. Поэтому "Добрую надежду" оттащили на околоземную орбиту.

— На гипердрайве?— удивленно спросил Царьков.

Хольсон кивнул.

— У них из-за этого чуть было не сгорел двигатель, но Компания хотела спасти этот корабль. Одно спасение — это уже огромный доход.

— "Транс Федерация"?— спросил Царьков, и Хольсон многозначительно кивнул. Этот гигантский концерн, начинавший еще в двадцатом столетии как небольшой производитель компьютеров, со временем стал так велик и разветвлен, что по величине и финансовой мощи мог поспорить с Центральным Правительством.

Военное Командование Федерации на Ганимеде запеленговало в Навигационной Зоне "ПЛУТОН" чрезвычайно большой объект. Генерал Теслер сам повел эскадрилью, которая полетела туда, чтобы посмотреть на него,— сказал Хольсон. Он посмотрел на генерала, который казался еще более обеспокоенным, чем прежде.

— Когда мы увидели, что "АРАС" тянет на буксире, мы направились к нему и мгновенно направили его на околоземную орбиту,— сказал Теслер.

"Он, кажется, чего-то боится,— подумал Царьков.— Он отважился выступить против "Транс Фед" и теперь он обеспокоен".

— А теперь Компания кричит: "Караул!" и "На помощь!"?

Хольсон покачал головой.

— Они игнорировали это, хотя они уже заявили о своих правах спасателей корабля.

Царьков поднял брови.

— А как насчет "Доброй Надежды"? Что обнаружили на ее борту?

— Мы не смогли попасть на ее борт,— сказал Теслер с довольно несчастным видом.

Царьков нагнулся вперед.

— Что?

Теслер покачал головой.

— Шлюзы закрыты изнутри, и у нас нет техника, который разбирался бы в бортовых системах этого корабля. Я думаю, у "Транс Фед" тоже нет таких людей. Они, конечно, подумали и о том, что мы вызовем вас, и теперь просто ждут, пока мы откроем "Добрую Надежду".

Генерал продолжал рассматривать свои ногти.

— Какие магнитные записи мы там найдем, не совсем ясно. Центральный компьютер почему-то молчит об этом. Кроме того, мы не хотим разрушать корабельную обшивку. Поэтому мы и вызвали вас, доктор. Как вы видите, мы находимся в довольно запутанном положении.

— Вы думаете, что "Транс Федерация" блокировала записи Центрального Компьютера?

— Это не исключено, доктор,— сказал Хольсон. Потом он покачал головой.— Ах это, мы уверены, что это именно так, черт подери. В конце концов именно "Транс Фед" построила этот проклятый Центральный Компьютер. Однако мы вызвали вас не из-за этого, доктор. Мы хотим, чтобы вы поднялись наверх, проникли в корабль, осмотрелись и разузнали, что там происходит, дьявол его побери!

Теслер выстучал вопрос на своем пульте, и Царьков прочитал данные на своем экране:

"Расстановка важнейших существующих результатов;

Отступление от переданных данных;
Важнейшие отступления смотри под номерами от 37797 до 38840.
... Масса на 0,1 % выше, чем переданный полетный вес.
... Большая стационарная биомасса в состоянии анабиоза".
Царьков смотрел на свой экран. Внезапно в его желудке появилось странное ощущение.
— Я должен это сделать?— спросил он генерала Теслера.
Генерал кивнул, и Царьков запросил компьютер:
"Можно ли приписать избыток веса биомассе?
... Ответ отрицателен.
Можно ли локализовать избыток массы?
... Ответ отрицателен.
Соответствует ли биомасса пятидесяти восьми взрослым людям?
... Приблизительно".
— Они все мертвы,— сказал Теслер.
— Мы это посмотрим,— рассеянно произнес Царьков.— Я должен вернуться назад, в свою лабораторию, чтобы собрать снаряжение. Кроме того, я охотно взял бы с собой ассистента.
Хольсон улыбнулся
— Полковника Гордона?
Царьков кивнул.
— Само собой разумеется,— сказал Хольсон.

2.

Флеш Гордон устал. Все его тело болело. Он пострадал от жестоких ударов в силовом антигравитационном поле, что было равносильно падению с двадцатиметровой высоты.
Стройная миловидная женщина, сидевшая на корточках в другом конце пустой комнаты, играла с ним в Три-В; еще одна "В", и она станет победительницей в этой игре. Но Флешу было трудно сконцентрироваться. Она сильно напоминала ему его умершую жену,и, каждый раз, когда она приближалась, его мысли ускользали назад, в счастливые времена.
Где-то над ним прозвучал гонг, и женщина направилась к нему. Она изогнула свое тело в нужное мгновение, чтобы уклониться от постоянно движущегося антигравитационного поля, которое было похоже на мерцающий воздух.
Флеш оттолкнулся ногами от стены и прыгнул в центр арены Три-В. Женщина поймала его за лодыжку голой правой ноги. Это было ошибкой. Флеш ударил женщину левой ногой под коленку, сила удара заставила ее отлететь назад, в поле нулевой гравитации. Тело ее изогнулось от боли.

Он сейчас же оказался над ней, схватил ее за затылок и слегка прижал большими пальцами артерии за ее ушами.

Над ними прозвучал гонг, и в динамик сказали:

— "В" — полковнику Гордону. Перерыв. Пожалуйста, отдохните.

Флеш потянулся, чтобы помочь молодой женщине, но она презрительно оттолкнула его руку в сторону и сама отошла назад, в свой угол.

Три-В — каждое "В" означало "Викторию", победу — столетие назад зародилось в старой Японии. Этот вид спорта развился из джиу-джитсу, так-кванг-до и каратэ. В последние двадцать лет он стал популярным любительским видом спорта.

Молодая женщина на другой стороне арены находилась на восемнадцатом месте в списке лучших игроков мира и постепенно поднималась вверх, в то время, как Флеш, который был когда-то самым выдающимся игроком-профессионалом в Федерации, опустился на одиннадцатое место.

Это из-за моего возраста, говорил он своим друзьям. В свои шестьдесят три года он уже не был так быстр, как раньше. Однако настоящим основанием того, что он больше не был номером первым, была его халатность.

Полковник Роберт Гордон Флеш для всех, кто его знал, был агентом Тайной Службы Федерации и чертовски хорошим агентом. Но восемь лет тому назад, когда была жестоко убита его жена, в нем тоже что-то умерло. Мягкие черты его характера полностью исчезли. Он стал ужасным человеком, но не для хороших людей. Однако в состязании он был склонен забываться и стремился выиграть любой приз. Во время игры в Три-В он все время должен был сдерживаться, чтобы никого не поранить. Он хотел, чтобы это оставалось спортом и не превращалось в сражение не на жизнь, а на смерть.

Его противница была очень хороша и невероятно быстра: он спрашивал себя, смог бы он победить ее в настоящем сражении?

Хотя она была невысокой, ростом примерно метра полтора, и не тяжелее пятидесяти килограммов, тело ее было гибким под длинным, подпоясанным черным поясом кимоно, которое было надето на ней. И в этом виде спорта от двухметрового роста и стокилограммового веса Флеша не было никакой пользы.

Прозвучал гонг, и женщина осторожно вышла из своего угла, в то время как Флеш медленно двигался направо.

Огибая поле нулевой гравитации, он провел ложное нападение. И женщина отреагировала: она обоими ногами ступила по направлению к нему, ее левая нога чиркнула по гравиополю, и ее бросило на пол. Флеш уклонился от ее левой ноги и был уже позади нее, готовый убить. Но она внезапно добровольно вкатилась в блуждающее поле нулевой гравитации, и ее вышвырнуло на другую сторону, прочь от удара каратэ Флеша в ее затылок. Он вынужден был повернуться и нагнуться назад, чтобы уклониться, когда она сильным толчком от стены бросила себя ему на спину.

Флешу казалось, что бой длится вечно. Он и женщина сходились и парировали удары друг друга, словно в каком-то странном, мечущемся

балете. Каждый мог обозначить удары и падения, но тут не было никакого решения.

Здесь, на окраине Лос-Анджелеса, были уже ранние сумерки. Хотя игра этим вечером не была официальной, она была признана союзной Федерацией по Три-В и поэтому проходила с большим напряжением. Для зрителей снаружи шла голографическая трансляция происходящего на арене, хотя зрители эти не имели никакой возможности влиять на игру, как это было при настоящих соревнованиях. Что же касается борцов, то они во время борьбы полностью ушли в себя: если их не прервут извне, они смогут показать все свое искусство.

Сильнейший удар в левое ухо заставил Флеша пошатнуться. Падая, оглушенный ударом, он вынужден был изогнуться, чтобы уклониться от поля нулевой гравитации, и молодая женщина оказалась над ним. Ее тонкие, но сильные руки схватили его за горло.

Он ударил коленом между ее ног, однако она внезапно отпрыгнула в сторону, чуть было не сломав его колено. Сильная боль пронзила его тело.

Флеш напряг каждый свой болевший мускул и отшатнулся назад, рванув женщину за собой: он бросился в поле нулевой гравитации, чего она не ожидала.

Он уселся на нее и обхватил своими сильными руками ее горло. Прозвучал гонг.

— Три-В, полковник Гордон выиграл раунд,— сообщил динамик.

Женщина под ним расслабилась, и Флеш слез с нее. Потом он внезапно импульсивно нагнулся и легонько поцеловал ее в кончик носа.

— Моя сладкая,— нежно сказал он ей.

В то же мгновение он оказался лежащим на спине, правое колено женщины болезненно упиралось между его ребер, а пальцы ее вцепились в его горло. Над ними прозвучал удар гонга, но женщина не ослабила хватки, зубы ее были оскалены.

— Знаменитый полковник Гордон теряет жизнь из-за одного поцелуя,— прошипела она, он услышал ее словно в тумане, ее голос доносился до него словно через длинный туннель.

В его ушах загудело, перед его глазами взорвалась молния, когда в голову ему пришла сумасшедшая мысль, что она на самом деле пытается убить его и при этом чертовски великолепно делает свою работу.

Ему удалось высвободить свою правую руку. Он схватил ее за горло и сжал его со всей силой, какая у него только оставалась.

Гул в его ушах теперь стал громче, и ему показалось, что он парит в воздухе. Однако давление на его горло внезапно исчезло: когда его чувства постепенно вернулись к нему, он услышал звук гонга и заметил, что молодая женщина осела под ним.

Когда она снова пришла в себя, Флеш отодвинул ее в сторону. Дверь арены Три-В открылась, когда он встал. Внутрь вошли два человека из Службы Безопасности и врач Союза. Он сделал им знак уйти, но они задержались у двери.

— Все в порядке,— сказал врач мужчинам.— Она только немного помята.

На лицах всех троих мужчин появилось скептическое выражение, но они не стали приближаться. Флеш взглянул на молодую женщину, лежавшую возле него. Глаза ее были открыты, и она наблюдала за ним. Она улыбалась.

— Мне очень жаль,— слабо сказала она.

— Я не знала, что на меня так накатит. На самом деле.

Флеш поднялся и помог встать молодой женщине.

— Я не хотел бы иметь вас противником в настоящем бою,— сказал он, покачав головой.— Вы уверены, что у вас все в порядке?

— У меня все о'кэй,— сказала она и провела рукой по лбу.— А как у вас?

— В порядке,— ответил он, и они оба рассмеялись.

Трое мужчин вышли за пределы поля зрения голографической камеры. Флеш и молодая женщина повернулись к одной из камер и поклонились, приветствуя зрителей. Потом они, рука об руку, покинули арену и быстро прошли мимо безмолвно стоящих людей из Службы Безопасности и врача.

— Мисс Беренс, не так ли?— спросил он молодую женщину, пока они шли к кабинкам для переодевания.

Она взглянула на него.

— Для моих друзей Мелисса.

Он кивнул.

— Вы хорошо боролись,— сказал он и на мгновение заколебался.— Мне очень неудобно за этот поцелуй. Я не знаю, что это на меня нашло.

Она рассмеялась мягким мелодичным смехом.

— Победитель владеет жертвой,— она посмотрела ему в глаза.— Пусть будет так, если этот поцелуй — все, что вы хотели.

— Можно ли это считать приглашением?— спросил Флеш. Почти против его воли его сердце забилось быстрее.

— Может быть,— робко ответила она и подошла к нему ближе.— Я хорошая повариха. И я могу приготовить ужин. Моя квартира здесь, неподалеку.

— Звучит интригующе...— Флеш хотел сказать еще что-то, когда к ним, переваливаясь на ходу, направился директор арены.

— Полковник Гордон!— крикнул он, увидев их.

Флеш и Мелисса отпрянули друг от друга, когда мужчина, тяжело дыша, подбежал к ним.

— В моем кабинете для вас есть неотложный разговор. Мне сказали, что я должен позвать вас к видеофону, все равно, где бы вы ни находились?

Лицо молодой женщины помрачнело, но Флеш этого не заметил.

— Извини,— сказал он ей.— Это ненадолго.

Она кивнула, и он последовал за директором арены в его кабинет.

— Если я что-то смогу для вас сделать, позовите меня, полковник Гордон,— сказал директор и покинул кабинет.

Флеш сел за письменный стол и повернулся к видеофону. Царьков вызывал его из своей лаборатории. Он паковал вещи и снаряжение в ящики, ожидая Флеша.

— Добрый вечер, доктор,— дружелюбно сказал Флеш.— Похоже, что вы куда-то уезжаете.

Царьков поднял взгляд.

— Хорошо, что я добрался до вас, Флеш. Кое-что произошло и мне на пару дней понадобится ваша помощь,— старый ученый казался смущенным.

Флеш нагнулся вперед.

— Что такое, доктор?— обеспокоенно спросил он. Царьков для него был почти отцом.

— Я не могу сказать этого по видеофону. Но это очень важно,— Царьков поставил коробку, которую он только что упаковал, на переполненный лабораторный стол и подошел к видеофону. Он нагнулся над своим письменным столом, так что его лицо заполнило почти весь маленький экран.— Я хочу, чтобы вы прибыли немедленно. Еще сегодня ночью. С ЦОР все обговорено. С этого мгновения вы официально участвуете в этой работе.

— О чем идет речь?

— Позже,— грубо ответил Царьков, что было для него совершенно нетипично.— Мы встретимся в Гражданском Терминале Старого Солт-Лейк Сити,— он посмотрел на часы,— В котором часу?

— Я не знаю, смогу ли я так быстро поймать челнок...— начал Флеш свои возражения, но Царьков снова оборвал его.

— По крайней мере, "Неустрашимый" готов к орбитальному полету?

Глаза Флеша немного расширились и крылья носа затрепетали, но он кивнул.

— Я буду в Старом Солт-Лейк Сити в ближайшие сорок пять минут,— он на мгновение заколебался.— Нужно ли мне быть при оружии?

Царьков посмотрел на него, глаза его покраснели и налились кровью.

— Да,— сказал он.— И будь осторожен, Флеш,— затем он отключился.

Флеш медленно поднялся, покинул кабинет и поблагодарил директора, который ждал снаружи. Потом он пошел назад, к душевым кабинам, глубоко погрузившись в раздумья. Он в эти мгновения забыл о свидании со своей прекрасной противницей по игре в Три-В.

Доктор Царьков был для него более чем отцом — он был одновременно дядей, другом и его старшим братом. Родители Флеша погибли во время взрыва космического корабля, следующего в Луна Сити. Флешу было тогда шестнадцать лет и он посещал Университет Федерации в Янкаго. С этого времени Царьков был всегда рядом, когда требовалась его помощь.

Позже Флеш закончил Академию Федерации в Колорадо Спрингс. Потом он пошел в ЦОР, где Царьков работал научным консультантом задолго до того, как Флеш появился на свет.

Оба они вместе участвовали в выполнении заданий, начиная с той миссии на Марсе, которая длилась несколько лет и была очень трудной. Царьков этим вечером казался таким же возбужденным, как и тогда. А если Царьков был возбужден, всегда были основания для беспокойства.

Когда Флеш вошел в раздевалку, Мелисса уже приняла массажную ванну и обнаженная обсыхала перед большим голографическим зеркалом.

— Извини,— сказал он и погруженный в свои мысли вошел в свою кабинку. Там он сбросил трико для Три-В и вытащил дорожный костюм.

Мелисса повернулась. Лицо ее было яростным, когда он на пути в душ прошел мимо нее.

— Ты по крайней мере мог бы свистнуть или еще что-нибудь,— фыркнула она.

Он немного неуверенно остановился.

— Извини...— заикаясь произнес он.

У нее было чудесное тело — гибкое и сильное, но все же такое женственное. Он без стеснения любовался ее обнаженной фигурой.

— Спеши, полковник Гордон, освежись,— мягко сказала она.— У меня есть пара бутылок внеземного вина, которые я охотно разделю с тобой.

— Извини,— повторил Флеш.— Я должен разочаровать тебя. За это время кое-что произошло.

— Я не хочу слышать об этом,— сказала молодая женщина через плечо. Она снова повернулась к зеркалу и стала обсыхать.

— Я не могу этого изменить,— сказал Флеш. И еще раз залюбовался очертаниями ее тела.— Я загляну к тебе, когда вернусь,— он вошел в ванную, шагнул в душевую кабинку и ударил по кнопке. Туман из пушистой мыльной пены окутал его. Он не слышал, как молодая женщина закрыла за собой дверь раздевалки после того, как оделась. Через десять минут оделся и он сам. Он вышел наружу, и женщина исчезла из его мыслей.

"Неустрашимый" был тысячетонным кораблем Федерации. Снаружи он напоминал обычный небольшой космический транспорт с компьютером мощностью двадцать пять — тридцать единиц. По его внешности ни в коем случае нельзя было предположить, что это был один из новейших кораблей такого типа. Хотя он и был приспособлен для межзвездных перелетов, он также был достаточно маневрен для полета в атмосфере любого типа.

Официально этот корабль принадлежал Федерации и подчинялся ЦОР. На самом же деле он навсегда был предоставлен в личное распоряжение Флеша Гордона и только один раз в год проходил ремонт на

государственной верфи Берлина, где его оснащали новейшим техническим оборудованием.

В результате усовершенствований доктора Царькова и работы, которую Флеш сам проделал на этом корабле, в Федерации больше не было ни одного корабля, который мог бы сравниться с "Неустрашимым" в скорости и маневренности. И только большие боевые крейсера могли сравниться с его огневой мощью.

Флеш вызвал такси к своей квартире, засунул пару вещей в небольшую сумку и пристегнул свой лазер. Потом он поспешил в челночный порт Лос-Анджелеса на краю Сан-Бернардино.

В это время порт, как правило, был совершенно безлюден. Так что никто не видел, как Флеш вошел в огромный ангар, где находилась стартовая платформа с "Неустрашимым", и шлюз закрылся за ним.

Он быстро засунул свою сумку на полку и шагнул на мостик. Там он, не успев пристегнуться к левому креслу пилота, начал манипулировать рычагами.

Когда корабль приподнялся на своих антигравинаторах и медленно скользнул вперед, громыхая, открылись огромные ворота ангара. Однако ничего, кроме шума, который они произвели, не донеслось на мостик "Неустрашимого".

Когда Флеш миновал гигантские ворота, включилась бортовая радиоаппаратура и активизировалась Охранительница.

— Добрый вечер, Флеш. Ты поведешь корабль сам или предпочтешь, чтобы я взяла управление на себя?

— Терминал Старого Солт-Лейк Сити,— сказал Флеш.— Только сообщи мне данные. Я буду управлять сам.

— Само собой разумеется. Говорит Башня Лос-Анджелеса: "Неустрашимый", ФМС 7-7-7, атмосферный перелет в Солт-Лейк Сити,— сказал Флеш в микрофон возле своей головы.

— Все в порядке, "Неустрашимый", Охранительница работает,— донеслось из щелкнувшего динамика.

На контрольном экране мостика замерцали данные: они мелькали так быстро, что ни один человек не смог бы расшифровать их. Потом на пульте зажглась зеленая лампочка.

Флеш задействовал стартовую автоматику, и корабль почти отвесно поднялся вверх. Посадочные лампы были втянуты и яркие прожекторы на посадочном поле погасли. Между пятью и пятнадцатью тысячами метров высоты Флеш попал в турболетные завихрения воздуха, потом миновал их. Он скользил вверх, на высоту крейсерского полета, около ста тысяч метров, где он лег на курс и передал управление Охранительнице.

Он откинулся в противоперегрузочном кресле и положил левую ногу на край пульта. Прикусив нижнюю губу, он лениво наблюдал, как рабочие данные Охранительницы бежали по экрану навигационного компьютера. Время... расстояние... курс; три параметра, стоящие рядом

друг с другом и находящиеся в нужной позиции. Никаких отклонений. Никакого постороннего контроля. Ничего, кроме точности. Самые лучшие пилоты — люди, а Флеш был одним из них, не смогли бы достичь точности Охранительницы. Но компьютеры, в том числе и те, которые создавала "Транс Фед", не могли сравниться с человеком, когда речь шла о том, чтобы действовать интуитивно или принимать нужное решение.

Флеш вздохнул и закрыл глаза. Несмотря на настойчивый вызов Царькова, он все еще продолжал думать о Мелиссе Беренс. А теперь эти мысли смешались с воспоминаниями о его жене Дорис.

Они встретились за пару лет до Марсианского Кризиса. Тогда она работала служащей в ЦОР, в отделе надзора. Она была умной, красивой и очень живой. Они вместе устроили старомодный пикник и пять дней плавали под парусом в южной части Тихого океана. Когда умер брат доктора Царькова, который был для нее почти что родным дядей, Флеш в тяжелейшие времена все время был рядом с ней.

Уже через три месяца после их знакомства они поженились и переехали в квартиру на Мичиган-Сити, поблизости от Университета.

Два великолепных года они прожили идиллической жизнью, которая внезапно была разрушена, когда Флеш получил задание ликвидировать круг торговцев наркотиками, которые контрабандой доставляли гипнокамни с Мицара, на краю Федерации.

Вечером, перед своим отъездом, у него в квартире раздался анонимный вызов. Его предупреждали, что у него будут неприятности, если он выступит против торгового корабля, который с грузом гипнокамней приближается к Земле. Несмотря на это, он выступил.

Когда он сходил с платформы Чикагского космопорта дальних сообщений, он получил отчаянный радиосигнал от своей жены, который внезапно оборвался. Он тотчас же покинул космопорт, однако, когда он добрался до своей квартиры, его жена была уже мертва. Ее жестоко убили.

Потом, полный жажды мести и отчаяния, он выполнил свое задание. Когда оно было закончено, более семи человек были мертвы, кольцо контрабандистов разорвано, а гипнокамни уничтожены. Однако убийца его жены так никогда и не был найден.

С этого времени Флеш уже больше не был таким, каким он был раньше. И предполагал, что больше уже никогда им не будет.

С навигационного пульта прозвучал гонг, и он услышал голос Охранительницы, мягкий и женственный.

— Совершить посадку мне или вы сами хотите сделать это?

— Сажай ты,— сказал Флеш с отсутствующим видом, перед его глазами возникло лицо, в котором были черты лица Мелиссы Беренс и его жены. Горло его перехватило.

После смерти его жены возник кризис на Марсе, и Флеш с Царьковым помогали наводить там порядок. Племянница Царькова, Дейл Арден, сопровождала их и без ума влюбилась в Флеша.

Оглядываясь назад, он понимал, что Дейл была для него опорой и надеждой в те черные дни. Для нее его поведение было знаком, что он все-таки отвечает на ее чувства. Однако на самом деле надежды были совершенно безосновательными. Он совершенно не соображал, что он тогда делал и куда должен был идти.

Но это произошло почти восемь лет назад. С тех пор Флеш полностью сконцентрировался на своей работе, производимой им вместе с Царьковым, а иногда также вместе с Дейл Арден. Кроме Дорис, не было женщины, для которой он должен был играть какую-то роль. При Дейл он мог быть самим собой, ни больше и ни меньше.

"Неустрашимый" пробился через воздушные турболентные потоки над космодромом Старого Солт-Лейк Сити. Потом он завис над полем и совершил уверенную посадку, Флеш взял управление на себя и повел корабль к терминалу для личных кораблей в западной части космопорта.

Когда двигатель стих, он выключил освещение на мостике, открыл шлюз и поспешил по платформе наружу, в прохладный вечерний воздух.

Терминал казался безлюдным. Главное здание, находящееся на расстоянии около ста метров от места стоянки "Неустрашимого", было темным. Флеш зашагал к нему. Когда он отошел от корабля метров на двадцать, из тени у одной из стен здания ударила яркая молния и выбила у его ног большой кусок пластицемента сантиметров десять длиной.

Флеш отпрыгнул влево и дважды перевернулся, в то время как второй выстрел ударил рядом с целью. Потом Флеш был уже на ногах, и с лазерным пистолетом в руках, петляя, поспешил в тень у другой стены здания.

Следующий луч лазера с противоположной стороны здания прошел далеко в стороне от цели. Флеш сделал в этом направлении два коротких выстрела. В воздухе запахло озоном. Обогнув угол здания, Флеш остановился и быстро перевел дух. Сердце его бешено билось, однако слабая улыбка победителя играла на его губах.

Царьков по видеотелефону сказал ему, что могут возникнуть затруднения, а возможно, и опасности, но Флеш не предполагал, что они возникнут так быстро и так неожиданно.

Он как раз вовремя заглянул за край стены, чтобы увидеть двух человек, которые с оружием в руках быстро бежали в его направлении. Одним единственным мгновенным движением Флеш обогнул угол, присел на корточки и пустил в ход свое оружие.

В то же время оба человека увидели его и тоже подняли свое оружие. Флеш сделал два быстрых выстрела, оба мужчины были поражены точно в грудь и упали на землю.

Некоторое время Флеш сидел на корточках у угла здания и ждал, не покажется ли кто-нибудь еще. Однако ночь была тиха. Наконец он поднялся и осторожно приблизился к двум лежащим на земле мужчинам.

Оба они были мертвы. У каждого из них на груди была маленькая, стерильная, выженная рана. Флеш сунул свой лазерный пистолет в кобуру и быстро обыскал карманы обоих мертвецов. К его горлу подступила тошно-

та. У обоих трупов он нашел идентификационные карточки и жетоны, и ему не надо было говорить, что это за корточки и жетоны, чтобы понять, что это значило. Это были значки Центрального Отдела Разведки Федерации.

Он всмотрелся в лица мужчин. Ни одного из них он никогда не видел, но это ничего не значило. ЦОР был огромной организацией, влияние которой распространялось на пару дюжин планетных систем. Однако когда он снова посмотрел на обоих мужчин сверху вниз, у него возникла уверенность, что убийцы на самом деле не были агентами ЦОР. Он надеялся, что Царьков сможет сказать ему, кто они были и почему они хотели его убить.

3.

Машина Царькова выехала прямо на площадку для паркования, когда Флеш вышел из-за угла здания терминала. Он почувствовал облегчение, словно от прохладного бриза жарким летним днем.

Тысячи страхов пронеслись у него в голове. Он уже боялся, что увидит труп своего старого друга, лежащий где-то здесь. Эти двое мужчин ждали их, и Флеш не сомневался, что они убили бы Царькова, если бы он прибыл сюда первым.

Флеш пошел по парковочной площадке, когда машина заскрипела тормозами и остановилась у тротуара. Мгновением позже с сиденья водителя спрыгнула Дейл Арден и выкрикнула свое имя: она подбежала к Флешу и обвила руками его шею.

— Что ты здесь делаешь?— спросил он, пока она крепко обнимала его.

Через плечо он видел, как доктор Царьков устало выбирается из машины. Когда старик заметил взгляд Флеша, он глубоко вздохнул и покачал головой.

Дейл, высокая и несколько худощавая, с длинными огненно-рыжими волосами, разъяла объятия и отступила назад, надув губы.

— Прекрасное приветствие,— фыркнула она и лучисто улыбнулась.— Когда дядя Ханс рассказал мне, что вы с ним снова будете работать вместе, я была обязана стать его ассистентом.

Царьков присоединился к ним, и Флеш покачал головой.

— На этот раз нет, Дейл,— сказал он.— Ты можешь уехать на машине назад, домой.

Она хотела возразить, но что-то в лице Флеша обеспокоило ее.

— Что происходит, Флеш? Уже появились затруднения?

Флеш яростно кивнул и взглянул через парковочную площадку на подъезд терминала.

— Когда я совершил посадку, два человека уже ждали меня. У них были опознавательные жетоны ЦОР.

Глаза Дейл расширились, и она посмотрела мимо Флеша на тень у края здания.

— Кто они?— спросила она.— Что происходит?

— Происходит то, что ты поедешь домой и что твой дядя и я исчезнем отсюда. Немедленно.

— Но не без меня,— фыркнула Дейл и повернулась к Царькову.— Да скажи же ему, дядя Ханс!

Царьков был явно испуган, но он снова покачал головой.

— Это совершенно ясно. Она должна нам помочь.

Флеш был в ярости. Он схватил Дейл за плечи и посмотрел прямо в ее темно-карие глаза.

— Смотри, дитя мое, два человека уже мертвы. И если бы я прибыл пятью минутами позже, тогда твой дядя и ты были бы убиты.

— Я и дядя!— фыркнула Дейл. Она высвободилась, отбежала назад к машине и стала выгружать снаряжение с заднего сиденья.

— Они не могут быть людьми ЦОР,— сказал Царьков тихим, но настойчивым голосом.

— Я тоже так думаю,— сказал Флеш, сердито наблюдая за Дейл.— Но кто же это тогда был? И что все это значит?

— Я уверен, что это люди "Транс Федерации". Но я на самом деле не ожидал, что они так быстро смогут что-то предпринять,— Царьков выглядел смущенным.— Я все объясню вам, когда мы уберемся отсюда.

Флеш кивнул.

— Вы не можете убедить Дейл, чтобы она отправилась домой?

Царьков все еще был в состоянии иронично усмехнуться.

— Она только что закончила работу по компьютерной психологии. Лучшую в этой области. Она может нам понадобиться.

— Я надеюсь, что она не будет нам мешать,— сказал Флеш, но несмотря на это какая-то часть его радовалась, что она идет вместе с ними.

В течение десяти минут они загрузили ящики, которые привез с собой Царьков, и проверили, не был ли поврежден корпус корабля. Потом они стартовали и взяли курс в соответствии с картой, которая была у ученого с собой.

Флеш сидел в левом кресле и наблюдал за данными на экране навигационного пульта. Царьков сидел справа и считывал Охранительнице данные о "Доброй Надежде", а Дейл, все еще в ярости, откинулась, пристегнувшись к противоперегрузочному креслу, позади них.

Когда они вышли на орбиту в пятистах километрах над берегом Австралии, Царьков передал короткое сообщение на базу Омаха и описал происшествие в терминале космопорта обеспокоенному генералу Барнесу.

— Вы объяснили ситуацию полковнику Гордону?— спросил ответственный за операцию генерал.

— Сейчас я это сделаю,— ответил Царьков.— Я думаю, намерения "Транс Фед" теперь ясны нам.

— Да,— утвердительно ответил генерал. Он отвернулся от камеры и что-то сказал кому-то находящемуся вне поля зрения. Потом он снова обернулся.— Проклятье, мы ничего не можем поделать с этим. Ничего, пока у нас не будет конкретных доказательств. Министр Хольсон еще здесь, у меня, и он просит меня быть особенно осторожным. "Транс Фед" выслала команду наблюдателей. Она должна наблюдать за тем, что они называют "вложением ее капитала". Если мы будем открыто сердиться на людей "Транс Федерации", мы окажемся в затруднительном положении.

Флеш передвинул рычажок так, что мог одновременно читать на экране и видеть беседующих. Картина на экране видеофона Барнеса разделилась на две половинки.

— Можете вы мне сказать, каким краем эта история касается меня?— спросил он генерала.

Барнес удивленно посмотрел на него.

— Я предоставил всю информацию доктору Царькову, полковник. Но мои инструкции действительны и для вас. Будьте осторожны, мы в данное время не должны никому наступать на мозоли.

— Почему?— фыркнул Флеш. Политика не была его делом.

— Потому что так звучит приказ для вас, п о л к о в н и к,— проревел генерал, подчеркивая звание Флеша.— В данное время у "Транс Фед" есть законные притязания на "Добрую Надежду", мы же там, наверху, что, черт побери, все же там произошло...— Флеш услышал злорадное хихиканье из кресла позади него.

— Да, сэр,— твердо ответил он и снова переключил экран на Царькова.

Парой секунд позже Царьков закончил разговор. Он несколько мгновений смотрел на навигационный пульт, потом повернулся в своем кресле, чтобы посмотреть на Флеша.

— У нас есть еще пять минут, пока мы не подошли к "Доброй Надежде". Итак, я коротко изложу вам суть дела. Позднее вы сможете просмотреть ленты, которые я захватил с собой. У меня есть также строительные чертежи "Доброй Надежды", выкопанные в Центральном историческом архиве, хотя мало что из них сохранилось.

— Я думаю, что "Добрая Надежда" — это какой-то корабль. Корабль, на который претендует "Транс Фед".

Царьков кивнул.

— Это — или, может, лучше сказать, б ы л — исследовательский корабль, покинувший околоземную орбиту двести лет назад.

Флеш присвистнул и взглянул на передний экран, который автоматически затемнился, когда корабль повернулся к слепящему свету Солнца.

— У него атомный двигатель. Никаких генераторов антигравитации. Никакой Охранительницы. И криогенные анабиозные камеры?

— Совершенно верно, Флеш.

— А теперь он вернулся? Что с экипажем и пассажирами?

— Грузовик "Транс Федерации" на обратном пути с Беты Кита пять месяцев назад принял их автоматический сигнал бедствия. Экипаж этого грузовика произвел маневр сближения и попытался установить с ними контакт, но не получил никакого ответа. Когда они поняли, что это был очень старый корабль и на его борту по-видимому, не было ничего живого или никого бодрствующего, они взяли его на буксир.

— Станция Ганимеда отправила его в гиперпункт "Плутон", конфисковала его и переправила на земную орбиту, поставив его на карантин.

— Верно. А теперь "Транс Федерация" хочет снова иметь его.

— Почему?— озадаченно спросил Флеш.— Я ожидал, что "Федерация" просто хочет получить вознаграждение за буксировку. На этом она может заработать чертовски много денег, много больше, чем при обычном спасении судна. Но почему же тогда эти люди пытались убить меня?

— Разве вы этого не понимаете?— спросил Царьков.

— Атомные двигатели не могут быть очень ценными. А если на корабле нет никакого груза...— Флеш осекся, увидев странное выражение лица Царькова.

— Спасение, Флеш,— мягко сказал Царьков.— Старый металл.

— Это же смешно,— ответил Флеш.

— Только не в случае с этим кораблем с длиной ребра более трех километров и с массой более ста миллионов метрических тонн.

Флеш некоторое время смотрел на своего старого учителя, прежде чем заметил, что его рот широко открыт.

— Боже мой,— простонал он. Потом он покачал головой.— А что с экипажем и пассажирами?

— Двести лет назад на нем отправились сто пятьдесят восемь человек. Зондирование показало биологическую массу примерно соответствующую этому количеству людей, находящихся в состоянии анабиоза.

— Тогда вопрос собственности, который так волнует "Транс Фед", не имеет никакого смысла. Экипаж и пассажиры являются владельцами этого корабля, как это обстоит с другими исследовательскими кораблями. Его построило правительство, оно не ждало, что этот корабль когда-нибудь вернется и поэтому передало его экипажу.

— Весьма вероятно, что они все мертвы,— сказал Царьков.

— Насколько вероятно?— спросил Флеш. Он почувствовал, как холодок пробежал у него по спине.

— Может быть, на борту никого нет. Поэтому меня и вызвали. Мне сказали, что во всей Федерации нет техника, который смог бы разобраться в такой сложной механике и электронике, как на "Доброй Надежде". С тех пор, как биоэлектроника и магнетроника стали обычными, электроника превратилась в забытое искусство. Это было так же, как изготовление каменного топора для техников "Доброй Надежды", которые обучались электронике. Они разбили бы множество камней, прежде чем это удалось бы им. Если вообще удалось бы.

— А почему вызвали меня?— спросил Флеш. Он уже знал, каков будет ответ.

— По двум причинам,— сказал Царьков и тяжело вздохнул.— Во-первых, потому, что я знаю, что это вызовет гнев "Транс Фед". А во-вторых... — он на мгновение заколебался.— А во-вторых, это не более чем интуитивное решение. Предчувствие, вызванное аномалией.

Флеш ничего не сказал. Он ждал, пока старик, казавшийся старше и утомленнее, чем когда-либо прежде, продолжит.

— Превышение первоначальной массы "Доброй Надежды" оценивается в одну десятую процента. Сенсоры показывают, что избыточная масса находится в районе двигателя.

— "Транс Фед" уже побывала на борту. Каким-то образом она успела это сделать. Они играют с нами в какую-то игру,— задумчиво сказал Флеш.

Дейл нагнулась вперед и вмешалась в разговор.

— Или это, или "Добрая Надежда" когда-то за эти двести лет совершила посадку на одной из планет и взяла на борт добавочную массу.

Флеш повернулся в своем кресле и посмотрел на нее. "Если это было действительно так,— подумал он,— не может ли быть правдой, что экипаж и пассажиры на самом деле мертвы?"

Прогудел сигнал сенсора предупреждения. Флеш повернулся, чтобы отключить его, однако его рука на мгновение, дрожа, зависла над кнопкой, а сам он с открытым ртом уставился на передний экран.

Огромный корабль, если его можно так назвать, сделанный руками человека, висел прямо перед ними на ярком фоне звезд. Пока он медленно поворачивался вокруг своей собственной оси, пылающий свет Солнца переливаясь, отражался от миллионов граней и ребер. Это придавало ему вид бриллианта. Вид был одновременно и жутким, и прекрасным.

Флеш нажал на кнопку, предупреждающий сигнал смолк, и он включил армейскую связь.

— Говорит "Неустрашимый". Освободите канал Охранительницы и передайте ей управление.

Флеш задействовал соответствующие переключатели на пульте управления, установив прямую связь между бортовой Охранительницей и компьютером военного командного поста, который направил корабль к гарантийной станции на повернутой к солнцу стороне "Доброй Надежды".

— Доктор Царьков с вами?— проревел динамик.

Царьков включил свой коммуникатор.

— Царьков на связи.

— Доброе утро, доктор. Согласно данным мне указаниям, я должен оказывать вам любую возможную помощь и воздерживаться от нее, если вы этого пожелаете.

— Положение изменилось?

— Нет. Мы больше не делали ничего, только искали признаки жизни и экранировали аварийный сигнал, чтобы не вносить путаницы на главных навигационных частотах.

— Тогда ваши люди должны держаться подальше от...— начал Царьков, но радиопередача внезапно сменилась другой.

— ФМС "Неустрашимый", это "Транс Фед Исключительная". Отель "Дельа Эко". Мы просим разрешения отправить нашего человека сопровождать вас.

Флеш сердито потянулся к коммуникатору, однако Царьков сделал ему знак не вмешиваться.

— "Транс Федерация Исключительная", говорит доктор Царьков. Мы ценим это и счастливы, что ваш человек присоединится к нам.

— Мы рады, что вы согласны с нашим предложением, доктор. Сейчас мы проведем маневр стыковки.

— Я надеюсь, что с этой секунды вы берете на себя полную ответственность за то, чтобы все системы работали безупречно, если мы найдем на борту оставшихся в живых.

— Мы вас не понимаем, доктор. Что вы под этим подразумеваете?

— Я просто имею в виду то, "Транс Фед Исключительная", что вы, если что-то пойдет не так и системы жизнеобеспечения откажут, возьмете на себя полную ответственность за все случаи смерти.

— Там не обнаружено ничего живого.

— Может быть,— сказал Царьков с легкой усмешкой.— Несмотря на это, я официально настаиваю на том, чтобы "Транс Федерация" взяла на себя такую ответственность.

В течение нескольких секунд царила мертвая тишина, потом человек Компании снова вышел на их частоту.

— "Транс Фед" будет держаться в отдалении, но мы будем наблюдать. Итак, мы подготавливаем сенсорную систему для наблюдения за вами.

Царьков отключил коммуникатор.

— Выродки,— сказал он полушепотом.

Флеш впервые услышал, как ругается его друг. Он был поражен. Царьков всегда был терпеливым, вежливым человеком, который редко говорил кому-нибудь грубое слово, если вообще когда-нибудь говорил. Теперь то, что услышал Флеш, было странно.

— Сто пятьдесят восемь мужчин и женщин — а также, конечно, дети — там, внизу, может быть, мертвы, а эти стервятники из "Транс Федерации" думают только о защите своих прав спасателей,— возбужденно произнес Царьков. Он смотрел на передний экран, который теперь был полностью закрыт гигантской массой "Доброй Надежды". — Это одна из первых попыток человека достичь звезд. Боже мой, лететь на этом корабле к звездам все равно, что отправиться к Марсу на древнем паруснике. Шансы на успех примерно те же. Они почти равны нулю. Это, должно быть, гроб. А не корабль, который стоит спасать.

— Охранительница,— мягко сказал Флеш.

— Да, Флеш,— ответил компьютер,

— Я освобождаю навигационный чип, беру управление кораблем на себя для немедленной посадки на южном полюсе находящегося перед нами корабля.

Пальцы Флеша засновали по пульту управления и панели Охранительницы. Он переключился с автоматического управления на ручное, чтобы уравнять относительные скорости кораблей. Приспосабливаться к вращению гигантского корабля не было необходимости, потому что они собирались совершить посадку на том месте, которое вращается вокруг себя самого и поэтому неподвижно.

"Неустрашимый" медленно скользил над передней частью огромного корабля. Они пролетали над шлюзами ангаров, экранами, отверстиями шахт и другими возвышениями и неровностями. Все почернело и было выветрено метеоритными частицами во время путешествия в глубоком космосе.

Охранительница непрерывно передавала данные по управлению, базирующиеся на оценках скоростей и информации чипа Царькова о "Доброй Надежде" на пульте управления. В прицельном круге "Неустрашимого" на перекрестье нитей был южный полюс кубического корабля с причальным устройством. Флешу нужно было только лететь точно по курсу и совмещать перекрестье нитей с кружком, в котором находилась трехмерная цель.

— У вас есть анализы воздуха на "Доброй Надежде", пригоден ли он для дыхания?

— Он подобен земному на восемьдесят процентов,— мягко сказала Охранительница.— Немного более богат кислородом, но вполне пригоден для дыхания.

— Мы будем носить скафандры. Передай нам всю полученную информацию. Если в системах на борту "Доброй Надежды" произойдут какие-нибудь изменения, я хочу тотчас же узнать об этом. Я также хочу, чтобы меня информировали, если какой-нибудь корабль приблизится менее чем на сто километров.

— Будет сделано,— сказала Охранительница.

"Неустрашимый" скользил над нижним краем "Доброй Надежды". Внезапно под ними появилась Земля, белая с голубым. Перед ними находился южный полярный шлюз, гигантские металлические ворота в стенке купола, выступающего из корпуса корабля. А потом они оказались под гигантским кораблем. Его корпус теперь был над ними, и Флеш осторожно подводил свой корабль к шлюзу на южном полюсе. Легким прикосновением к пульту управления он уравновесил относительные скорости, пока они не оказались неподвижны относительно шлюза, который теперь находился менее чем в двадцати метрах от выходного шлюза "Неустрашимого".

Флеш включил автоматику. Выбираясь из своего противоперегрузочного кресла, он посмотрел вверх.

— Придерживайся этой позиции, Охранительница.

— Будет сделано,— пришел тихий ответ.

Флеш помог Царькову выбраться из его противоперегрузочного кресла. Вместе с Дейл они пробирались вперед, к складу снаряжения, находящемуся поблизости от шлюза. Это было самое большое помещение на корабле, которое не было забито полностью. У этих троих было достаточно места, чтобы выпрямиться и надеть скафандры.

Царьков начал снимать с грузовых полок ящики, которые он хотел взять с собой. Наконец, он выбрал металлический ящик с ручками, который очень походил на старомодный дорожный чемодан. Он поставил его на нижней полке и открыл. Там находилось несколько дюжин инструментов, многие из которых Флеш никогда не видел; они были завернуты в тряпочки из мягкой, губчатой материи.

Флеш, стоявший возле Царькова, вытащил один из инструментов. Это был длинный тонкий стержень, на одном конце которого находился круглый захват.

— Отвертка,— улыбаясь, сказал Царьков.— "Добрая Надежда" построена еще в те времена, когда не было никаких управляемых молекулярных связей. Замковые пластины, части приборов и куча других подобных вещей — список их был бесконечен — связывались при помощи металлических штифтов. На конце такого штифта находилась узкая щель, в которую вставлялось острие отвертки.

Флеш еще некоторое время рассматривал полированные инструменты, словно взятые из музея, потом осторожно положил отвертку в ящик.

— Несколько лет назад я по описаниям в старых бумажных книгах вычертил эти инструменты и изготовил их,— сказал Царьков и посмотрел на Флеша,— Если нам хоть немного повезет, эти инструменты будут тем ключом, при помощи которого мы попадем на борт "Доброй Надежды".

— Потом?— спросил Флеш.

Царьков взглянул на свою племянницу.

— Я хотел бы, чтобы ты осталась здесь, моя дорогая.

Дейл посмотрела сначала на дядю, потом на Флеша и покачала головой.

— Я не хочу оставаться, дядя Ханс,— сказала она, надела шлем, застегнула его, и сразу же после этого загудели механизмы ее скафандра.

Царьков снова повернулся к Флешу.

— Я поместил в память Охранительницы взятые с собой чипы с информацией о "Доброй Надежде". Она может провести нас к анабиозному отсеку, который находится около центра корабля. Я хочу видеть, мертв экипаж или нет. Может быть, мы сделаем это и введем в память корабля новую информацию, если мы получим ее.

— А потом к двигателям?— спросил Флеш.

Царьков кивнул.

— Прежде чем корабль "Транс Федерации" опередил нас, мы установили, что одна десятая процента составляет десять тысяч метрических тонн. Это двукратная масса "Неустрашимого"!

Флеш надел на Царькова шлем и помог ему застегнуть его. Затем застегнул свой собственный шлем. Аппаратура скафандра тотчас же ожила, и индикаторы контроля перед его глазами замигали зеленым.

— Охранительница,— позвал он.

— Я с вами,— ответил мягкий голос в его шлеме.— Ситуация на борту "Доброй Надежды" все та же, кроме области центра управления. Там зарегистрировано слабое выделение энергии, как у измерительных приборов.

Флеш поднял глаза.

— Как велика вероятность, что эти приборы — детекторы, которые засекут наше присутствие?

— Трудно сказать, Флеш,— произнесла Охранительница, и это прозвучало задумчиво.— Но я думаю, что вероятность более восьмидесяти процентов.

"Корабль, по крайней мере, пока еще жив",— подумал Флеш.

— Поле помех?

— Никакого,— ответила Охранительница.

— Держи меня в курсе событий.

— Конечно.

— Дейл?— Флеш посмотрел на нее.

Она кивнула. Шлем ее сильно качнулся.

— Я слышала.

— Доктор Царьков?— спросил он.

— Мы идем.

Флеш нажал на переключатель, и люк медленно скользнул в сторону. Все трое протиснулись в воздушный шлюз. Доктор Царьков держал свой ящик с инструментом. Флеш запер внутренний люк, включил отсос воздуха, а потом открыл наружный люк. Маленькое облачко кристалликов льда, словно хлопья снега, вырвалось наружу.

Посадочный купол "Доброй Надежды" был огромным. Когда ворота ангара были открыты, они были настолько огромны, что могли одновременно пропустить дюжину таких кораблей, как "Неустрашимый".

Царьков указал на место справа от гигантских ворот ангара.

— Похоже на люк шлюза величиной в рост человека,— прозвучал голос из динамика скафандра.— Попробуем добраться туда.

Они друг за другом оттолкнулись от "Неустрашимого" и через пару секунд уже стояли на маленькой металлической платформе наверху того, что, очевидно, было воздушным шлюзом.

Царьков при помощи магнитных присосок прикрепился к обшивке корабля. Потом он, включив нашлемный фонарь, начал исследовать массивный люк и его окрестности. Он тотчас же нашел маленькую крышечку-пластинку, которая держалась на трех утопленных винтах.

Он открыл ящик с инструментами, вытащил оттуда несколько различных отверток и быстро вывинтил винты. Пластинка открылась. В плоском углублении за ней находилась дюжина проводов, несколько

контрольных лампочек, которые сейчас светились зеленым, а также большой ящик с предохранителями.

— Охранительница,— услышал Флеш в своих наушниках голос Царькова.

— Да, доктор Царьков?

— Ты можешь отыскать данные о строении воздушных шлюзов "Доброй Надежды"?

— Попробую, — сказала Охранительница. Мгновением позже она снова вышла на связь. — Мне нужны дополнительные данные, доктор Царьков. Воздушные шлюзы, очевидно, обозначены семизначными цифрами.

Царьков напряженно всматривался в отверстие за крышкой-пластинкой, однако нужный номер нашла Дейл. Она обнаружила его вверху шлюза. Дейл передала его Охранительнице.

Мгновением позже на внутренних экранчиках шлемов появилось схематичное изображение. Царьков несколько минут пристально рассматривал его. Потом он удовлетворенно хмыкнул, взял из ящика с инструментами зонд, к которому прикреплена проволочка. Другим концом он коснулся крошечной острой клеммы. Царьков осторожно прикрепил проволочку к одному из предохранителей. Потом он отошел немного назад, коснулся зондом одного из контактов на другом предохранителе, и крышка люка тяжело открылась.

4.

Флеш включил внешний микрофон своего скафандра. Он задержал дыхание и прислушался в поисках шумов и каких-нибудь шорохов. Однако на борту "Доброй Надежды" все было тихо. Это была жуткая тишина, и Флеш почувствовал себя неуютно. Тишина могилы.

Воздушный шлюз, в котором они все еще стояли, по-видимому, находился на палубе ангара. Слабые лампочки висели высоко вверху, тусклым светом освещая четыре больших бота, похожие на наземные машины. Они стояли в ряд на своих стартовых полозьях, направленные на гигантские выпуклые ворота. Флеш сделал несколько шагов по направлению к ним.

Их никогда не использовали. Это можно было видеть по целостным носам и по внешней оболочке ботов. Это значило, что экипаж "Доброй Надежды" никогда не делал высадки на планеты. По крайней мере, на своих ботах.

— Здесь как-то призрачно, — донесся испуганный голос Дейл из наушников Флеша. Он обернулся к ней. Она вышла на пару метров из воздушного шлюза. Царьков уставился на нечто вроде пособия по обслуживанию возле пульта с приборами и лампочками. Через некоторое время старый ученый поднял взгляд и повернулся к Флешу.

Они предусмотрели этот шлюз на случай бегства при неожиданных обстоятельствах, поэтому снаружи нет никаких вспомогательных устройств.

— Как же они тогда выходили наружу при обычных обстоятельствах? — спросил Флеш. Он почти слышал, как Царьков пожал плечами.

— Я думаю, на ботах. На корабле повсюду видны ремонтные шлюзы. На плане, который я захватил с собой, показана система из сотен шлюзов.

— Существует ли возможность выяснить, использовался ли когда-нибудь этот шлюз?

— Не здесь, — ответил Царьков. — Но если существует центральный банк данных, нечто вроде бортовой компьютерной системы, это, конечно, можно выяснить, — он еще раз оглянулся назад, на воздушный шлюз. Над ним светилось слово "Снаряжение" и номер шлюза.

— Охранительница, ты слышишь меня? — спросил Флеш.

— Я слышу тебя, Флеш. Тут какие-то номера, которые я не могу локализовать. Но я попытаюсь отфильтровать их.

Царьков перестал осматривать шлюз.

— Изменилось ли что-нибудь в состоянии "Доброй Надежды"?

— Зарегистрирован короткий энергетический импульс в контрольной башне, находящейся на внешней обшивке и расположенной в двух километрах от того места, где вы сейчас находитесь. Я считаю, что вероятность его возникновения в том, что вы активизировали шлюз.

— Изменилось ли состояние биомассы? — спросила Дейл, и Флеш услышал надежду в ее голосе.

— Боюсь, что нет, — дружески ответила Охранительница. — В ее состоянии ничего не изменилось.

— Локализуй анабиозный отсек и дай мне подробную схему ходов и коридоров, — сказал Флеш.

— Сейчас, — ответила Охранительница.

Сразу же после этого над защитным стеклом шлема Флеша засветилась схема. Сначала она двигалась и мерцала, потом движение стало медленнее и схема стабилизировалась, превратившись в сложную диаграмму.

— Пожалуйста, упрости, — сказал Флеш. — И локализуй нашу позицию.

Изображение на экранчике Флеша, казалось, прояснилось. Крошечная красная точка замерцала в большом помещении в нижней части схемы. Еще большее свободное помещение находилось точно над ними, оно было окаймлено зеленой светящейся полосой.

Он некоторое время рассматривал схему, потом снова повернулся к Дейл.

— Дейл, я еще раз прошу тебя, вернись на "Неустрашимый" и подожди нас там. Ты при помощи Охранительницы сможешь узнать все, что мы здесь обнаружим.

— Нет, — ответила она.

Флеш глубоко вздохнул, потом посмотрел на Царькова.

— Пусть она держится позади нас, — сказал он, повернулся и странной спотыкающейся походкой побрел по палубе ангара. Здесь, в центральной оси корабля, где не было центробежной силы, царила невесомость. На внешней стенке отсека корабля, в самой дальней от оси вращения точке, центробежная сила, вероятно, достигла силы тяжести на Земле.

На схеме на экранчике Флеша точно по корабельной оси проходила шахта. В задней стенке ангара в нее вело отверстие. Красные регулярные точки, очевидно, указывали на ведущие на палубы отверстия и выходы, свет из которых отражался от стенок шахты. Вверху свет ламп все больше и больше слабел и, наконец, исчезал вверху шахты трехкилометровой длины. Насколько Флеш мог видеть, на стенках шахты на равном расстоянии друг от друга находились поручни. Однако, прежде чем начать подниматься, Флеш еще раз посмотрел на схему. Анабиозный отсек находился на расстоянии двенадцати метров от шахты, в главном коридоре, который пересекал центр гигантского корабля. Это значило, что он находился в полутора километрах над ними.

— Готовы? — спросил Флеш, повернувшись к Царькову и Дейл.

— Идем следом за тобой, — ответила Дейл, а Царьков кивнул.

Флеш вернулся в шахту, оторвал магнитные подошвы своих сапог от палубы и оттолкнулся. Он грациозно поплыл вверх по шахте, отталкиваясь от поручней и продвигаясь вперед.

Миновав первую пару ведущих на палубу отверстий, он посмотрел вниз. Примерно в десяти метрах под собой он увидел нашлемный прожектор Дейл, а еще десятью метрами ниже поднимался Царьков.

Пока он двигался от поручня к поручню вверх по шахте, Охранительница уточнила их местоположение. Оно обозначалось красной точкой, двигающейся вверх по шахте к пересечению с главным коридором.

На полпути к пересечению главного коридора с шахтой он услышал голос Охранительницы, слабый, прерываемый помехами.

— Флеш, ты понимаешь меня?

— Да, но прием очень плох.

— Кто-то вторгся в мои системы, — сказала Охранительница.

Хотя для компьютера, даже для такого высококлассного, как Охранительница, было невозможно никакое проявление чувств, Флеш был уверен, что в ее голосе он услышал признаки неуверенности.

— Каким образом? — спросил он и, пропустив поручень, медленно поплыл дальше.

— Я этого не знаю, — ответил голос компьютера. — Кажется, кто-то взял меня под наблюдение. Но я не могу локализовать место контакта.

— Вы слышали это, доктор Царьков? — спросил Флеш и посмотрел вниз, в шахту.

Дейл и Царьков остались далеко позади, но теперь они медленно приближались.

— Да,— задыхаясь, ответил Царьков, — Охранительница, где в данное время находится корабль "Транс Федерации"?

Некоторое время было тихо. Флеш продолжал медленно скользить вверх по шахте. Но когда Охранительница снова вышла на связь, Флеш был уверен, что снова заметил нотки неуверенности в голосе.

— Я не могу точно замерить местоположение их корабля, но мои детекторы отмечают на месте их прежнего положения гравитационную аномалию.

— Пожалуйста, извините нас за вторжение, доктор Царьков, — проревел чужой голос. Он был много сильнее и свободен от помех.

— "Транс Федерация", — сказал Царьков. — Я охотно посмотрел бы на биочипы, при помощи которых вам удалось провести этот маленький трюк.

— Они совершенно новые, доктор, но вы, конечно, сможете взглянуть на них, когда покончите с делами на борту "Доброй Надежды".

— Охранительница, — мягко сказал Флеш, — сейчас же блокируй все сенсорные датчики на "Доброй Надежде" и оборви с нами связь.

После некоторой паузы Охранительница сообщила:

— Я не могу этого сделать, Флеш, у меня больше нет контроля над переключателями.

— Пожалуйста, продолжайте ваши поиски, доктор Царьков, полковник Гордон и мисс Арден. Мы тоже хотим понаблюдать за тем, что вы найдете.

— Тогда освободите нашу Охранительницу. Нам нужен ее банк данных и ее координирование, — спокойно сказал Царьков. Он держался в паре метров под Дейл и Флешем.

— Мне очень жаль, доктор, но мы не можем этого сделать, — чрезвычайно вежливо ответил человек "Транс Фед.". — Но мы предоставим в ваше распоряжение все, что вам понадобится, и устроим так, что вы сможете установить прямой контакт с вашей машиной. А теперь, пожалуйста, продолжайте свое дело.

Царьков посмотрел вверх, мимо Дейл, на Флеша и беспомощно покачал головой.

Через несколько секунд Флеш взглянул вверх, в шахту, а потом на схему на своем экранчике. Они должны выполнить эту работу, и они закончат ее с помощью "Транс Фед" или без нее. Однако, когда Флеш снова поплыл вверх, у него появилось твердое намерение нанести визит на корабль "Транс Фед", когда они все закончат здесь. Визит, который "Транс Фед" еще долго будет вспоминать. Даже если это будет противоречить приказам генерала Барнеса.

За десять минут они преодолели оставшееся расстояние, и Флеш вышел из шахты в большой коридор, поднимавшийся к области с более заметной силой тяжести.

Он помог Дейл и доктору Царькову выбраться из осевой шахты. Потом еще раз посмотрел на схему на своем внутришлемном экранчике и провел их по коридору к большой белой двери, сильно напоминающей люк воздушного шлюза. Над ней большими красными буквами было написано: "Отсек анабиоза". Возле двери на высоте груди находился пульт с одной единственной кнопкой, светившейся слабым зеленым све-

том. Коридор был хорошо освещен и казался стерильно чистым с хорошо видимыми сварными швами на стенах. Трубопроводы, кабели и вентиляционные трубы покрывали каждый квадратный сантиметр его поверхности, за исключением пола. Пол состоял из мягкого пластика.

— Охранительница, — попросил Царьков. — Ты можешь проанализировать состав воздуха в анабиозной камере?

— Ответ отрицательный, — сообщила Охранительница. — Но я засекла сенсорную установку в станции, внешние выводы которой находятся недалеко от вас.

— У тебя есть какой-нибудь план?

— Ответ отрицательный, — повторила Охранительница через пару секунд.

— Отойди назад, Дейл, — сказал Флеш и нажал на кнопку.

Тяжелая дверь разделилась на четыре клина, которые исчезли в верхних и нижних углах отверстия. За ней находилось большое темное помещение. Когда они остановились на пороге, постепенно включилось освещение.

Флеш хотел войти внутрь, однако, спустя мгновение замер посреди движения, потому что кровь застыла у него в жилах. Завизжала сирена предупреждения, и в коридоре вспыхнули яркие красные лампы. Царьков ринулся к двери. Он схватил Флеша за руку, чтобы оттащить его назад, но потом остановился.

Они оба блокировали дверь, замерев в большом помещении, молча, неспособные шевельнуться.

— Что такое? — крикнула Дейл. — Что произошло?

Флеш повернулся к ней, его желудок взбунтовался.

— Оставайся снаружи, Дейл, — произнес он, почти не в состоянии говорить.

— Флеш, во имя Бога, что случилось? — испуганно воскликнула Дейл.

Царьков уже вошел в помещение, и Дейл заглянула туда мимо Флеша. Она что-то простонала и опустилась на пол. Глаза ее закатились, веки затрепетали.

Флеш поднял ее обмякшее тело, осторожно вынес наружу, в коридор, и положил ее на пол в стороне от двери.

— Охранительница, — сказал Флеш, — проверь жизненные функции Дейл.

— Дыхание нормализуется, пульс быстрый, но сильный, температура тела упала на десять градусов.

Сирена внезапно отключилась, и сразу же после этого Царьков нагнулся, заглядывая через плечо Флеша.

— Что случилось? — спросил он. Голос его дрожал.

Флеш поднял взгляд.

— Она без сознания. Но она скоро очнется, — он встал и заглянул в глубину глаз своего старого друга, которые были влажны. — Мы должны снова войти туда и осмотреть там все.

Царьков кивнул, но ничего не сказал.

— Что случилось там, внутри? — проревел голос человека "Транс Фед" в их шлемах.

— Мисс Арден потеряла сознание, — сказал Флеш. Мысли его бешено работали.

Пока они носили скафандры, они были связаны с Охранительницей на борту "Неустрашимого" и поэтому "Транс Фед" могла следить за каждым их движением.

— Почему? — выдохнул человек "Транс Фед".

Флеш сделал движение, словно хотел снять свой шлем, и в глазах Царькова зажглось понимание. Ученый кивнул и знаком показал, что воздух здесь пригоден для дыхания.

Когда Флеш отстегивал замки шлема, в нос ему ударил слабый запах тления. Он немного поколебался, потом снял шлем. Коммуникатор скафандра и система жизнеобеспечения тотчас отключились.

Царьков слегка улыбнулся, отстегнул и снял свой шлем.

— "Транс Фед" кричит "караул" и "на помощь", потому что вы прервали связь. Они сказали, что немедленно пошлют сюда отряд.

— Они могут войти внутрь? — спросил Флеш. Воздух здесь имел странный металлический привкус, словно он был надолго законсервирован; так на самом деле и было. Однако, он тоже пах тлением, и смрад разложения теперь стал сильнее.

— Навряд ли, — сказал Царьков, — Если только они не вскроют обшивку корабля. Однако, я не думаю, что они это сделают, тем более, когда поблизости находятся военные. Так далеко они не зайдут.

— Военные до сих пор не предложили никакой помощи, — огорченно сказал Флеш. — Но нам действительно не нужно никакой помощи. Но если "Транс Фед" попытается проделать дыру в обшивке этого корабля, они их схватят с поличным.

Дейл снова пришла в себя, и Флеш помог ей встать на ноги. Он снял с нее шлем, Некоторое время она, казалось, не понимала, где она находится. Однако потом глаза ее замерцали и она схватила руку Флеша.

— Они мертвы?

Флеш кивнул.

— Мы снова должны войти внутрь. Ты можешь пойти с нами или остаться снаружи.

— Я останусь здесь, — сказала она и прислонилась к стене.

— Ты снова в полном порядке? — спросил Флеш.

— У меня все хорошо. Я только не хочу снова входить туда.

— Тогда надень свой шлем. "Транс Фед" может послать людей, которые попытаются проникнуть внутрь. Я хочу, чтобы ты понаблюдала за предпринимаемыми ими шагами. Если что-то произойдет, что нам следует знать, сними шлем и крикни. Мы услышим тебя.

Она неуверенно кивнула и снова надела свой шлем, в то время как Флеш и Царьков вернулись в анабиозную камеру.

Это было огромное помещение, сверкающее хромом и стеклом. Безупречно белый пластик сверкал в ярком свете ламп в коридоре.

Они стояли примерно в пяти метрах от входа, между двумя рядами анабиозных камер. Камеры эти представляли из себя большие застекленные спереди ящики. Обычно они были заполнены криогенной жидкостью, консервирующей спящих людей.

— Это помещение было абсолютно стерильно до тех пор, пока мы не вошли внутрь, — сказал Царьков, глубоко пораженный всем увиденным. — До сих пор разложение здесь было абсолютно невозможно. Но теперь оно начнется и пойдет довольно быстро.

— Они все убиты, — обреченно произнес Флеш, в голову которому не пришло ничего другого.

Вид, открывшийся перед ними в заключение и сделанное ими открытие, потрясло обоих мужчин.

Стеклянные дверцы всех ящиков были открыты, и криогенная жидкость вытекла из них. У каждого спящего человека, который лежал там обнаженный с умиротворенным выражением лица, было перерезано горло. Крови видно было очень мало. Но то, что вытекло из перерезанных шейных артерий этих людей, залило грудь всем мертвецам, лежащим в ящиках. Они все выглядели молодыми и казались абсолютно здоровыми, по крайней мере, на первый взгляд. И, несмотря на зияющие раны на их шеях, казалось, что они просто спали, готовые проснуться от малейшего прикосновения.

— Боже мой... — сказал Царьков. Конец предложения застрял у него в горле. Он уставился на ближайшее отделение, в котором были видны шесть поставленных друг на друга ящиков.

Флеш проследил за взглядом старого ученого. Сначала он не заметил ничего. Однако потом он увидел кос-что, и сердце его забилось быстрее. Одна из анабиозных камер была пуста. В ней никого не было!

Они с Царьковым побежали вдоль ряда, перед которым стояли, к следующему и осмотрели пустую камеру. Там не было видно никакой крови. Пока Царьков проверял аппаратуру, Флеш быстро пересчитал все анабиокамеры с мертвыми телами.

— Здесь сто пятьдесят семь трупов. Семьдесят девять мужчин и семьдесят восемь женщин, — сказал Флеш, заканчивая подсчет.

Царьков выпрямился и посмотрел Флешу в глаза.

— Ее звали Сандра Дебоншир, — тихо сказал он. — Двести лет назад ей было двадцать два года, — он указал на металлическую табличку, которую Флеш сначала не заметил. Она была прикреплена под пультом управления молодой женщины, а под ними год ее рождения, две тысячи сто пятьдесят четвертый. Царьков печально покачал головой и еще раз посмотрел на камеру. Постройка этого корабля началась за шесть лет до ее рождения. Ребенком она, вероятно, мечтала о том, чтобы своевременно вырасти и быть избранной для этой миссии. В это время на орбите монтировался этот корабль.

— Где же она теперь? — мягко спросил Флеш.

— Я этого не знаю, — ответил Царьков. Он опустил голову и тихо заплакал. Флеш обнял рукой узкие слабые плечи своего старого друга и повел его к двери. Дейл ринулась им навстречу. Она кричала, что "Транс Фед" собирается вскрыть обшивку корабля.

5.

По всему огромному кораблю заревели сирены, когда Флеш и доктор Царьков выбежали из анабиозного отсека и тяжелая белая дверь закрылась за ними.

Дейл была сильно возбуждена. Потребовалось некоторое время, чтобы она успокоилась. Теперь можно было понять то, что она пыталась прокричать им сквозь вой сирен.

— А теперь помедленнее, — сказал Флеш и взял молодую женщину за плечи. Его собственное сердце все еще бешено колотилось от того, что он увидел в анабиозном отсеке. — Что с "Транс Фед"?

— Они у шлюза, которым мы воспользовались, — воскликнула Дейл срывающимся голосом. — Они говорят, что прожгут шлюз, если мы его не откроем.

Флеш посмотрел на Царькова, который был все еще бледен как мел.

— Они уже начали! — воскликнул Флеш. Тысячи мыслей промелькнули в его голове. — Когда они сделают это, коридоры будут перекрыты защитными переборками, и мы окажемся в мышеловке.

Царьков кивнул. Его мысли мчались также, как мысли Флеша.

— На пути наверх я видел аварийную переборку на каждой палубе. Если они на самом деле решатся на это и прожгут шлюз, потеря воздуха, вероятно, заставит аварийные переборки в шахте закрыться.

— Спокойнее, — сказал Флеш и стал искать обходной путь. — Как вы думаете, сможем мы найти центр управления и узнать, как управлять этой системой переборок?

— Без чипа с данными банка Охранительницы это сделать очень трудно, но я могу попытаться это сделать, — сказал Царьков.

— Я не хочу, чтобы нас здесь заперло. Мы должны будем прожечь множество переборок, чтобы выбраться отсюда, — сказал Флеш. Он поднял свой шлем, и когда тот был надет, он вынудил себя говорить спокойно.

— Охранительница, — сказал он. Однако, не последовало никакого ответа, только был слышен непрерывный тихий шорох.

— Они ее заблокировали, — произнес в его наушниках голос Царькова. Он, казалось, не был удивлен.

— Попытайся пройти к центру управления. А я вернусь в ангар и посмотрю, не смогу ли я задержать их.

— Я иду с тобой, — сказала Дейл.

— Ты идешь со своим дядей, — фыркнул Флеш. — Иначе он разозлится.

Она открыла один из глубоких карманов своего скафандра и достала оттуда лазерный пистолет.

— Я уже подумала о том, что это рассердит его, — сказала она, — но я иду с тобой.

— У нас нет времени для дискуссий, — сказал Флеш.

— Верно, — ответила она. — Идем.

Флеш еще немного поколебался, потом рассерженно покачал головой, и они поспешили по коридору назад, к осевой шахте.

Дейл и Флеш полетели вниз, а Царьков отправился на верхнюю палубу.

Им понадобилось довольно много времени, чтобы спуститься вниз по шахте. В паре метров над отверстием, ведущим в ангар, Флеш перехватил Дейл и остановился, вынув пистолет.

Он велел ей оставаться позади него, потом спустился к отверстию и заглянул в ангар.

Сирены громко ревели, однако не было никаких признаков, что что-то изменилось. Переборка шлюза, который находился перед ними, все еще была цела. Флеш предположил, что люди "Транс Фед" сейчас работали над внешней переборкой, если они только не блефовали.

Наверху находилось сто пятьдесят семь мужчин и женщин с перерезанными шеями: этот груз и горячая реакция Царькова угнетали Флеша.

Однако ему быстро удалось справиться с этими мыслями. Он протиснулся через отверстие. Когда он поставил на палубу магнитные подошвы своих сапог, Дейл последовала за ним. Он обернулся и осмотрел переборку осевой шахты, отчаянно ища возможность закрыть отверстие, которое ограничит утечку воздуха с этой палубы, если воздушный шлюз будет вскрыт.

Как и наверху в коридоре, стены здесь тоже были покрыты кабелями, лампочками и сотнями различных приборов. Наконец Флеш нашел выключатель с надписью: "Аварийная переборка палубы ангара". За маленьким стеклянным кружочком находилась кнопка. Он разбил стекло рукояткой пистолета и нажал на нее. Тотчас же опустилась стальная плита и прикрыла отверстие.

Флеш, спеша к пока еще неповрежденному шлюзу, указал Дейл, чтобы она держалась позади него. Когда она сделала это, он нажал на выключатель шлюза. Дверь открылась. Флеш отскочил назад метров на пять, присел на корточки и прицелился в отверстие из лазерного пистолета.

Когда дверь открылась полностью, он увидел, что внешний люк был уже вишнево-красным. Люди "Транс Фед" действительно пытались прожечь его.

— "Транс Фед Исключительная",— сказал Флеш в микрофон своей рации. — Вы меня понимаете?

— Будь осторожен, Флеш,— услышал он в наушниках голос Дейл. Он посмотрел на нее. Она казалась решительной.

В центре крышки люка появилось белое пятно, и металл начал плавиться.

— "Транс Фед Исключительная" это полковник Гордон. Я предупреждаю вас, не вторгайтесь сюда.

Люк раскрылся и был выдут наружу, когда воздух взрывоподобно улетучился из ангара. Ревущий ветер почти оглушил Флеша.

— "Транс Фед", — крикнул Флеш в микрофон своей рации, — оставайтесь снаружи, иначе нам придется применить силу.

В отверстии шлюза появилась фигура в скафандре. Увидев ее, Флеш поднял свой лазерный пистолет и открыл огонь по фигуре с колена. Фигура прыгнула через шлюз.

Флеш возобновил огонь. Потом он отпрыгнул вправо, к ботам; в это время сквозь шлюз протиснулся второй человек. Первый упал на пол с разбитым шлемом.

Часть бота над Флешем взорвалась. Дождь расплавленного металла брызнул на палубу. Второй человек упал назад, в открытую внутреннюю дверь шлюза. Он изогнулся в агонии. В его плече было прожжено зияющее отверстие, и система жизнеобеспечения его скафандра вышла из строя.

Флеш увидел, как Дейл огибает край бота, находящегося позади него. Он занял новую позицию за одной из посадочных лап.

— Полковник Гордон! — воскликнул голос в его наушниках. — Вы слышите меня?

Флеш плашмя лежал на полу. Его оружие было нацелено на открытый шлюз, перед ним кучкой лежали трупы двух человек. Он быстро переключил канал своей рации.

— Командный пункт Военных сил Федерации. Командный пункт Военных сил Федерации. Вы меня слышите?

— Мы блокировали связь с Военно-Командным пунктом, — прервал голос на новом канале. — Мы требуем, чтобы вы покинули "Добрую Надежду". Мы будем держаться поодаль и гарантируем вам отступление.

— Освободите связь с Охранительницей, — сказал Флеш, задумавшись над этим предложением. Не было больше никакого сомнения, что "Транс Фед" теперь не выпустит их живыми. Их смерть будет выглядеть несчастным случаем или, по крайней мере так, словно людям "Транс Фед" пришлось "зашиваться". Но все это не имело никакого смысла. У "Транс Федерации" есть законные притязания на "Добрую Надежду". Все, что они могли сделать, это дать разрешение доктору Царькову продолжить исследования и разрешить перенести трупы экипажа и пассажиров для законного захоронения, а сам корабль целиком и полностью будет принадлежать им. Почему "Транс Фед" взяла на себя риск держать свой отряд так близко от корабля, Флеш не мог понять.

— Я боюсь, что мы не сможем этого сделать, полковник Гордон. Но мы позволим вам беспрепятственно уйти с корабля.

— Нет, — сказал Флеш. — Теперь для этого уже слишком поздно. Мы останемся здесь. Рано или поздно военные захотят узнать, что случилось, и придут, чтобы посмотреть.

— Тогда вы не оставляете нам другого выбора, полковник Гордон. Мы намереваемся взять "Добрую Надежду". И мы это сделаем после того, как убедим военных, что вы и ваши спутники погибли при взрыве вашего собственного корабля.

Флеш подпрыгнул и заскользил к открытому шлюзу. Левой рукой он ухватился за край шлюза, держа в правой наизготовку лазерный пистолет. Пролетев над трупами двух человек "Транс Федерации", он влетел в шлюз и осторожно приблизился к наружному отверстию шлюза, переборка которого была полностью сожжена и выдута наружу.

Именно в этом момент он увидел, как отлетает корабль "Транс Федерации". Сразу же после этого "Неустрашимый" стал отдаляться от причального купола "Доброй Надежды".

— Командование Вооруженных Сил Федерации! Командование Вооруженных Сил Федерации! Вы меня слышите? — кричал Флеш в микрофон. Однако, он не получил никакого ответа и беспомощно смотрел, как медленно поворачивается "Неустрашимый". Когда он закончил поворот, включились его двигатели, и, окруженный сияющим блеском, он исчез из виду, спустившись на более низкую орбиту.

— Флеш, — прозвучал в его наушниках голос Царькова.

Флеш обернулся и поплыл обратно в ангар.

— Где вы, доктор? — спросил он, пролетая над двумя трупами. Дейл в это время зашла за один из ботов и стояла там с лазерным пистолетом в руке.

— Я в центре управления. Это тридцатью палубами выше анабиозного отсека. На отверстии у шахты написано: "Палуба управления", Вам и Дейл лучше подняться наверх.

— Главная шахта закрыта. В ангаре нет воздуха.

— Минуточку,— сказал Царьков. В его голосе слышалось слабое беспокойство. — Указатель здесь показывает на открытый шлюз. Можете его закрыть?

— Да, — ответил Флеш.

— Сейчас же сделайте это, — фыркнул Царьков. — Отсюда я смогу снова наполнить отсек ангара воздухом. Но поспешите — у нас мало времени!

— Что это, дядя Ханс? — спросила Дейл. Она осмотрелась, словно ожидая, что они вот-вот выпрыгнут из шлюза наружу.— Что происходит?

— На это теперь нет времени, Дейл. Делай то, что я сказал. И, прошу тебя, поспеши!

Ни секунды не колеблясь, Флеш вытолкнул из шлюза оба трупа, затем закрыл огромную внутреннюю дверь. Она тяжело закрылась, запоры защелкнулись, и лампочка на пульте управления шлюзом замигала зеленым.

— Шлюз закрыт, — сказал Флеш.

— Началось заполнение. Откройте люк в осевую шахту и немедленно поднимайтесь сюда, наверх! — крикнул Царьков.

Флеш и Дейл устремились к задней части ангара. Флеш нашел нужную кнопку на пульте возле люка. Лампочка над кнопкой все еще светилась красным. По мере того, как воздух устремлялся в ангар, на металле конденсировалась влага.

Наконец, замигала зеленая лампочка, когда давление в ангаре стало нормальным. Флеш нажал на кнопку, и люк поднялся вверх, исчезнув в стене.

— Поспешите, — прозвучал голос Царькова в наушниках Флеша, когда он и Дейл прыгнули в шахту.

Флеш толкнул Дейл вверх, схватился за один из поручней, отчаянно пытаясь найти пульт управления шлюзом внутри шахты. Он обнаружил его над отверстием, нажал на кнопку, и люк снова закрылся.

— Мы в шахте, и она закрыта! — крикнул Флеш и прыгнул вверх. Он подхватил Дейл и увлек ее за собой вверх по трубе.

Повсюду в шахте вспыхнули лампочки и высоко над ними завыл сигнал тревоги. Внизу, прямо над палубой ангара, закрылась ирисовая заслонка, отрезав область посадочного купола.

Сразу же после этого закрылась другая ирисовая заслонка, точно над отверстием первой палубы; заслонки закрывали палубу за палубой с такой скоростью, с какой Флеш и Дейл поднимались вверх по осевой шахте.

— Как там выглядит все это наверху? — спросил Флеш.

— "Неустрашимый" только что взорвался, Флеш, и военные летят туда. Но "Транс Федерация" подводит свой корабль к посадочному шлюзу.

— Там, наверху, есть путь, которым мы можем покинуть корабль?

— Теперь нет, — сказал Царьков. Казалось, что он находится в невероятном напряжении. — Поспеши, Флеш! — крикнул он. — Этот корабль, кажется, готовится к старту и я не могу ничего с этим поделать.

Они, не задерживаясь, миновали главный коридор, где находился отсек анабиоза. Эта палуба тоже закрылась, так же, как и остальные.

Взрыв где-то далеко под ними заставил завибрировать стенки шахты. Мгновением позже показалось, что гигантский корабль ожил. Низкое гудение внезапно поднялось так, что его можно было только чувствовать, но не слышать. Лампы мигнули раз, другой, и высота гудения поднялась еще выше.

Флеш удвоил свои усилия. Цепляясь за поручни, он поднимался вверх со всей возможной скоростью. Пот бежал по его лицу, и охлаждение скафандра было явно недостаточным. Немного выше его с той же скоростью вверх по шахте двигалась Дейл.

"Т МИНУС ТРИДЦАТЬ СЕКУНД. ГЕРМЕТИЗАЦИЯ",— прозвучал в осевой шахте безликий механический голос. Лампы вспыхнули ярче, а гудение, от которого вибрировал весь корабль, стало еще выше.

Дейл, уставшая от тягот, замедлила скорость подъема. Никто из них не спал в последние двадцать четыре часа. Тело Флеша было сгустком боли от ударов, которые несколько часов назад он получил в матче Три-В.

Отзвук другого взрыва внизу донесся сюда по стенкам шахты. А потом в пятидесяти метрах над ними в отверстии появилась фигура Царькова.

— "Транс Федерация" взорвала главные ворота ангара, — прозвучал голос Царькова в наушниках Флеша.

"Т МИНУС ДВАДЦАТЬ СЕКУНД. НАЧИНАЕТСЯ ПОСЛЕДНЯЯ ГЕРМЕТИЗАЦИЯ",— прогремел лишенный выражения голос, перекрывая вой сигнала тревоги.

Последним толчком Флеш подбросил Дейл вверх. Когда она пролетела мимо отверстия на палубу управления, Царьков схватил ее за руки и немедленно втащил в коридор. Флеш тотчас же последовал за ними.

Узкий ход, круто поднимающийся от осевой шахты, был заполнен устаревшим электронным оборудованием. Ряды мерцающих лампочек и сотни шкал измерительных приборов показывали, что корабль внезапно ожил после того, как проспал сотню лет или больше.

"Т МИНУС ДЕСЯТЬ СЕКУНД..."— прозвучал голос, теперь много ближе, без эхо в тесном пространстве. — Девять... Восемь...

Со всей скоростью, на которую были способны его старые ноги, доктор Царьков поспешил вверх по коридору, толкая перед собой Дейл. В паре метрах от осевой шахты, которая теперь автоматически закрылась, он протолкнул Дейл через узкое овальное отверстие между шкафами с приборами, а затем пролез сам.

"... СЕМЬ... ШЕСТЬ... ПЯТЬ..."

Флеш протиснулся через овальный выход в большое помещение, которое было заполнено огромным количеством старого оборудования и, по крайней мере, дюжиной противоперегрузочных кресел. Дейл и доктор Царьков пристегнулись к двум креслам в передней части помещения, стоящим перед множеством экранов, на которых были четко видны очертания корабля.

— "... ЧЕТЫРЕ... ТРИ... ДВА..." — отсчитывал голос, когда Флеш упал в кресло возле доктора Царькова и пристегнулся старомодными ремнями.

— "... ОДИН... НОЛЬ..." — корабль начал двигаться, сначала тяжело, но потом все быстрее и быстрее. Ускорение вжало трех человек в мягкие кресла.

Бортовые приборы ожили. Флеш, все еще одетый в скафандр с застегнутым шлемом, услышал, как человек "Транс Фед" что-то прокричал издали, заглушаемый сильными статическими помехами.

Внезапно раздался высокий визг, перекрывавший все другие звуки, и Флеш почти потерял сознание, когда волна дурноты распространилась по его телу. Словно сквозь густой туман он наблюдал за передним экраном, вделанным в стену перед ним. Звезды, казалось, выросли и расц-

вели в гигантском, переливающемся калейдоскопе фантастического сияния.

Перед тем, как потерять сознание, он шокировано осознал, что они ушли в гипердрайв на борту корабля, построенного за сто пятьдесят лет до создания двигателей гипердрайва.

6.

— Что это? — спросила Дейл Арден.

Она, Флеш и доктор Царьков стояли на узком мостике и смотрели вниз, в машинное отделение "Доброй Надежды". Противоположная стена находилась по меньшей мере в пятистах метрах от них, и они стояли примерно в семидесяти пяти метрах над уровнем главной палубы. Гигантские пучки кабелей, трубопроводы, части механизмов расходились и пересекались друг с другом без видимого смысла и цели.

— Я этого еще не знаю, — сказал Царьков.

Точно в центре этой колоссальной пещеры, там, где должен был стоять один из четырех главных ядерных реакторов, находилась масса неопределенной формы, словно состоящая из обычного гранита. Она выглядела словно гигантский осколок скалы, упавший между частями двигателей, и была окружена слабым голубым сиянием.

Трое людей уставились на странную картину там, внизу. Доктор Царьков время от времени посматривал на пачку голубых чертежей, которые он нашел три дня назад.

Прошла ровно неделя с тех пор, как они совершенно неожиданно покинули околоземную орбиту. За это время они ознакомились с большей частью корабля и проверили функционирование многих бортовых систем. Но несмотря на эти исследования, им так и не удалось узнать, куда они летели, куда делась Сандра Дебоншир, отсутствующая в анабиозном отсеке, и кто убил остальных членов экипажа.

Одно во всяком случае было ясно. Корабль обветшал. При своих исследованиях они проходили мимо сгоревших электромоторов. Волноводы были перебиты и нечего было от них ожидать. Электронные приборы работали неточно из-за дефектных частей, ремонт которых без необходимых знаний мог длиться годами. А теперь вот еще и это.

Царьков посмотрел на голубую схему и покачал головой.

— Чем бы это ни было, это не принадлежит к первоначальному оборудованию корабля.

— Это гипердрайв-привод, — сказал Флеш, рассматривая странный предмет внизу.

— По-видимому, — без всякого сарказма ответил Царьков. — Но кто установил его и когда?

— И почему? — добавила Дейл.

Это замечание обеспокоило Флеша.

Он спросил себя, не было ли это устройство делом рук "Транс Фед", но потом быстро отбросил эту мысль. Эта штука там, внизу, чем бы она ни была, не могла быть создана "Транс Фед". Если это действительно был гипердрайв-привод, было совершенно ясно, что никто в Федерации не мог создать его.

Кроме того, что в Федерации еще никогда не было создано ничего, что напоминало бы эту штуку, они теперь находились в гипердрайве уже целую неделю. А обычно гипердрайв-прыжок длился не дольше одной-двух секунд. Обычно большую часть времени занимал полет на досветовой скорости от одной каталогизированной гиперточки до другой.

Флеша мучило и еще кое-что. Трупы в анабиозном отсеке. Два дня назад он вернулся на эту палубу, одетый в скафандр. Его все время притягивала к себе, сцена, которую все они называли убийством.

И это было ужасно. Много хуже, чем он ожидал. Бактерии, которые они занесли с собой в стерильное помещение, вызвали разложение. То, что он увидел, войдя внутрь, запечатлелось в его памяти. Последние две ночи он спал плохо. Каждый раз, когда он закрывал глаза, он видел трупы мужчин и женщин, их разлагающуюся плоть, зияющие раны на их шеях; он видел молодую женщину, сжимавшую в руке окровавленный нож, она кричала и смеялась сумасшедшим смехом.

— Я и так это знаю, — сказал Царьков, и Флеш обратил все свое внимание на ученого. — Хотя я охотно спустился бы вниз, чтобы поближе взглянуть на эту штуку, но это не стоит затраченных усилий.

Флеш молчал. Воспоминания о пережитом кошмаре все еще теснились в его голове.

— Выключатели люков всех палуб под этим мостом заблокированы. И оставшейся энергии в нашем окружении не хватит, чтобы выжечь все эти люки. Осевая шахта проходит поблизости от этой палубы, но, несмотря на это, нам придется прожечь с полдюжины люков, чтобы спуститься туда, вниз.

— А что если мы спустимся отсюда? — спросила Дейл.

Однако Царьков покачал головой.

— Я не хочу рисковать и подходить слишком близко к этой штуке там, внизу.

Дейл взглянула через перила и согласно кивнула.

— Кроме того,— сказал Царьков, — у нас нет приборов и оборудования, чтобы узнать, что это такое. А чтобы осмотреть эту штуку, нужно много инструментов.

Флеш попытался отбросить свои мрачные предчувствия, но это ему не удалось.

— Итак, мы будем висеть в гиперпространстве до тех пор, пока эта штука там, где ей угодно быть?— спросил он.

— Это так, Флеш, — ответил Царьков. — Но, по крайней мере, в данное время мы убрались подальше от "Транс Фед".

Флеш невесело кивнул.

— Может быть, было бы лучше, если бы эта банда из "Транс Фед" подкралась, чтобы выстрелить мне в спину.

Некоторое время никто ничего не говорил. Их взгляды в полной тишине были направлены на аппаратуру в центре машинного отделения корабля.

— Никто из Федерации не мог создать этого, — наконец, сдавленным голосом сказала Дейл.

Царьков повернулся к своей племяннице.

— Никто, — подтвердил он и посмотрел на часы. Был уж одиннадцатый час вечера по времени американского Запада — стандарту времени, которого они придерживались. — Здесь нам нечего больше делать, поэтому я иду спать. Завтра утром мы еще раз попытаемся поработать с центральным банком данных.

Теперь, когда мы знаем, что эта штука... чем бы она ни была... находится здесь, мы смогли бы запросить бортовой компьютер, знает ли он что-нибудь наверняка. Вы не обещаете, доктор? — спросил Флеш.

Царьков устало покачал головой.

— Нет, — сказал он и направился к двери. — Вы, оба, идемте!

— Еще минутку, — сказал Флеш и посмотрел на Дейл.

Царьков повернулся и взглянул вниз на эту неизвестную штуку в машинном помещении.

— Не пытайтесь спуститься вниз, Флеш. Мы не знаем, что может произойти.

— Что вы имеете в виду? — спросил Флеш и попытался скрыть свое чувство вины. Именно это он и надеялся сделать: спуститься прямо к этой машине, чтобы хотя бы осмотреть ее. Если сама машина ничего не скажет ему, то, может быть, ему удастся что-нибудь выяснить из способа ее постройки и внешнего вида.

Царьков несколько секунд помедлил с ответом.

— На самом деле, эта машина меня не особенно удивляет. Единственной неожиданностью было ее местонахождение. Я считал, что она должна была находиться в районе центра управления, а не здесь,— он посмотрел через перила.

— О чем вы говорите, доктор?— спросил Флеш и подошел к старику поближе. Царьков поднял взгляд.

— Когда "Транс Фед" совершила нападение и я поднялся к центру управления, я наткнулся на контрольную аппаратуру ядерных реакторов. Все реакторы были заглушены.

— Это невозможно,— непонимающе произнес Флеш.

— Было достаточно энергии для системы жизнеобеспечения и пары сенсорных датчиков. И это все.

— О чем вы это говорите?— спросил Флеш. У него внезапно по спине побежали мурашки.

— Не было энергии ни для двигателей, ни для системы управления, и, несмотря на это, мы стартовали.

— Это гипердрайв-привод?— Флеш кивком головы указал на машину внизу.

— Это нечто большее. Пока я был на мостике, я не касался ничего, кроме монитора ядерных реакторов и пульта системы жизнеобеспечения. Н и ч е г о больше.

— Вы, должно быть, коснулись какого-нибудь переключателя. Одного из тех, что включают стартовую автоматику.

Царьков отрицательно покачал головой.

— Нет, Флеш. Я ничего больше не касался,— он снова светился мягким голубым светом.— Эта штучка почувствовала нападение "Транс Федерации" и доставила нас в безопасное место. Или, лучше сказать, обезопасила саму себя.

— Это Охранительница,— тихо сказала Дейл.

— И это, и еще кое-что,— ответил Царьков.— Этот аппарат не только отвечает за гипердрайв, он также производит энергию для всего корабля. Всю энергию, в том числе и для системы жизнеобеспечения. Сегодня утром ядерные реакторы были совершенно холодными. Я считаю, что в них просто нет горючего. Вероятно, задачей экипажа было также пополнение тяжелых изотопов водорода.

— Мы полностью во власти этой штуки.— Сказала Дейл.

— Или во власти тех, кто ее построил. Кто бы это ни был,— поправил Царьков свою племянницу. Потом он снова повернулся к Флешу.— Поэтому я считаю неразумным спускаться вниз. Она может отключиться автоматически, и мы останемся без энергии. Тогда мы все погибнем. Или она может уничтожить тебя, чтобы воспрепятствовать тому, что ты хочешь с ней сделать.

— Почему она не произвела маневр и не уклонилась, когда "АРАС "3" ИТА" взял этот корабль на буксир?— спросил Флеш.

Царьков покачал головой.

— Я этого не знаю. Может быть, буксировка не несла для нее никакой угрозы. Во всяком случае, она воспротивилась "Транс Фед", когда ее люди начали прожигать отверстие в обшивке корабля.

— Итак, нам нужно просто сидеть здесь и ждать, что произойдет дальше?— спросила Дейл. Ее голос стал заметно выше.

Царьков взял ее руки в свои.

— Я боюсь, что нам не остается ничего другого, моя дорогая. Но, я думаю, что главная задача этого аппарата обеспечить безопасность этого корабля. Итак, пока что-нибудь не испортится, с нами ничего не случится.

— Ты в этом уверен, дядя?— спросила Дейл и посмотрела старику в глаза.

Он слабо улыбнулся.

— Настолько уверен, насколько это возможно при таких критических обстоятельстствах,— ответил он. Потом, казалось, к нему

вернулась его обычная язвительность.— А теперь мы все должны отдохнуть. Кто знает, что с нами произойдет завтра?

— Мы сейчас идем, доктор,— сказал Флеш, и Царьков резко повернулся к нему.

— Я не буду спускаться вниз,— сказал Флеш и поднял руки.— Честное слово.

Царьков улыбнулся и похлопал Флеша по руке.

— Хотел кот держаться подальше от сметаны,— сказал он и медленно пошел к дверям, оставив Флеша и Дейл одних, стоящих на узком мостике.

Сначала они оба молчали. Их взгляды были неотрывно прикованы к той штуке там, внизу. На мгновение Флеш подумал о трупах в анабиозном отсеке. Если Царьков прав и эта штука была одновременно совершенной Охранительницей, гипердрайв-приводом и энергостанцией, зарегистрировала ли она это убийство? Или эту машину установили уже после того, как экипаж был убит?

Дейл, казалось, прочитала его мысли.

— Ты думаешь, что тот, кто установил эту штуку, как-то связан с убийством экипажа?

Флеш оторвался от своих мыслей и посмотрел на нее.

— Я этого не знаю,— ответил он,— но я так не думаю. Тот, кто был в состоянии создать такой совершенный механизм, не мог быть столь жесток, чтобы убить экипаж, просто перерезав ему горло. Машине надо было только приказать компьютеру отключить систему жизнеобеспечения в криокамерах.

Дейл заглянула Флешу в глаза.

— Вы с дядей Хансом нашли в анабиозном отсеке что-то еще, кроме ста пятидесяти восьми трупов?

Сначала Флеш не слышал, что она спросила. Он рассматривал ее. Казалось, он делал это впервые. И он почувствовал, желание обнять ее и прижать к себе, чтобы успокоить и ее, и себя самого.

— Что?— спросил он с отсутствующим видом.

Дейл переступала с ноги на ногу.

— Я спросила тебя кое о чем,— фыркнула она.— Вы нашли в анабиозном отсеке еще что-то, кроме ста пятидесяти восьми трупов?

— Ста пятидесяти семи,— поправил ее Флеш.

— Что?

— Один труп отсутствовал. Женщины по имени Сандра Дебоншир.

— Боже мой, это ужасно!— сказала Дейл.— Она была этим убийцей?

Флеш пожал плечами.

— Мы этого не знаем. Знаем только, что ее там нет. И что мы до сих пор не обнаружили на борту никаких ее следов.

Дейл автоматически заглянула через его плечо и вздрогнула.

— Как ты думаешь, что с ней произошло?

На короткое мгновение Флеш ощутил волну симпатии к Дейл. Однако потом это чувство перешло в злость на то, что она настояла на своем и отправилась с ними. Теперь ему приходилось заботиться также и о ней.

— Я этого не знаю,— сердито сказал он и хотел отвернуться. Однако Дейл положила свою руку на его плечо и посмотрела ему в глаза.

— Флеш, большую часть времени я держала себя в руках, но теперь я боюсь,— сказала она.

— Я же тебе говорил, что ты должна была остаться дома,— фыркнул Флеш.

— Я хочу быть с тобой,— мягко сказала она и опустила взгляд.

Смущенный Флеш хотел обнять ее, когда внезапно раздался сигнал тревоги. Чудовищный вой донесся до них от агрегата внизу.

— Что случилось?— крикнула Дейл, перекрывая шум.

Машина внезапно засветилась темно-синим светом, таким ярким, что стало больно глазам.

— Я не уверен,— крикнул Флеш, схватил Дейл за руку и потащил ее к выходу,— но я думаю, что мы вскоре покинем гиперпространство.

Они бежали по сильно изогнутому коридору, который вел к находящейся в сотне метров от них обшивке корабля. Наконец, они достигли вагончика монорельса, который ждал их на своем обычном месте.

Во время первого дня исследований на борту этого корабля они обнаружили, что осевая шахта была предусмотрена только как аварийный выход на случай катастрофы, когда снабжение энергией прекратится и корабль полностью выйдет из строя.

Обычно же люди передвигались внутри этого гигантского корабля при помощи сети монорельсов с маленькими вагончиками, места стоянок которых находились на каждой палубе, это была простая, но эффективная система.

Флеш втолкнул Дейл на заднее сиденье, а сам прыгнул на переднее. Он нажал кнопку палубы управления, и вагончик заскользил по рельсу вдоль внутренней стенки борта корабля.

— Флеш... Дейл... Где вы?— прозвучало по системе всеобщего оповещения корабля, перекрывая вой сирены.

Флеш нажал на кнопку коммуникатора на простом пульте перед ним.

— Мы на пути на мостик!— крикнул он.

— Мы покидаем гиперпространство,— сказал доктор Царьков по коммуникатору.— Поспешите!

Флеш хотел отключить интерком, когда на него нахлынула первая волна головокружения и дурноты. Он неясно услышал, как вскрикнула позади него Дейл. Вой сирен почти полностью заглушил ее крик. Он хотел обернуться назад, однако на него вновь накотилась волна дурноты. Он сильно качнулся вперед и ударился головой о пульт.

Он старался не потерять сознания. Все его тело бунтовало. Потом дурнота исчезла так же внезапно, как и нахлынула. Он был запутан и потерял ориентацию.

Вагончик монорельса только что затормозил, когда Флеш сделал попытку выпрямиться. Тонкая струйка крови бежала из раны на его лбу. Череп его гудел, но головокружение и дурнота исчезли. Очевидно, они вышли из гиперпространства. Когда вагончик остановился, ему показалось, что на корабле царит мертвая тишина. Сирены больше не выли...

Он повернулся на сиденье как раз вовремя, чтобы увидеть, как Дейл свалилась со своего сиденья на пол. Он тотчас же подскочил к ней и осторожно оттащил ее от вагончика. Веки ее затрепетали. Она попыталась что-то сказать, однако потом согнулась и ее вырвало. Флеш придерживал ее за худенькие плечи.

— Флеш!— крикнул Царьков позади них.

Флеш обернулся и увидел задыхающегося и побледневшего Царькова, спешащего по коридору к ним из отсека управления.

Когда Царьков подбежал к ним, Дейл уже пришла в себя, и Флеш помог ей подняться на ноги.

— Мы должны покинуть корабль!— задыхаясь, воскликнул Царьков.

— Тише, тише, доктор,— сказал Флеш.— Что произошло?

— Мы вышли из гиперпространства менее чем в двадцати тысячах километров от какой-то планеты. Теперь мы летим к ней. Но что-то не в порядке с кораблем.

Флеш схватил руку Царькова.

— Что не в порядке? Где мы?

— Астронавигационный компьютер сейчас рассчитывает это. Но управление кораблем вышло из строя. Он больше не реагирует на попытки коррекции курса. Мы потерпели кораблекрушение.

Дейл держалась на ногах еще довольно слабо. Флеш оставил ее в коридоре и вместе с Царьковым побежал на мостик. Фронтальные экраны были включены, и на них, прямо перед кораблем, была видна желтовато-зеленая планета. Они были так близко от этой планеты, что она почти полностью заполнила экран. Повсюду на пультах мигали красные лампочки.

— Корабль сейчас развалится,— крикнул Царьков.— Что-то с ним не так. Вместо того, чтобы выйти на орбиту вокруг планеты, мы летим прямо к ней. На такую перегрузку этот корабль не рассчитан.

Множество сирен тревоги перекрывали все нарастающий шум вырывающегося из корабля воздуха. Потом на другой стороне мостика прозвучал гонг, Царьков ринулся вперед, к низкому пульту навигационного компьютера. На маленьком экранчике мерцали цифры. Когда Флеш подбежал к нему, гонг прозвучал во второй раз, и появились данные о звезде.

Царьков прочитал их.

— Гамма Андромеды,— быстро сказал он.— Оранжевая звезда типа КО, находится на расстоянии ста шестидесяти пяти световых лет от Земли.

— За одну неделю?— пораженно спросил Флеш. Даже при помощи каталогизированных гиперточек самому быстрому военному кораблю

требуется от шести до семи месяцев, чтобы достигнуть границ Федерации, находящихся примерно в ста световых годах от Земли. А они за неделю залетели более чем в полтора раза дальше.

— Мы не сможем выйти на орбиту,— выдохнул Царьков.

— А как насчет купола ангара?— спросил Флеш.— Есть ли возможность выбраться отсюда и воспользоваться им? Или ботом?

Царьков покачал головой. Его пальцы скользнули по клавиатуре других пультов перед противоперегрузочными креслами.

— Главная дверь ангара прожжена. Теперь палубу совершенно невозможно наполнить воздухом,— он поднял взгляд.— Мы еще не заем, целы ли посадочные боты или нет. Весьма возможно, что "Транс Фед", проникая на борт корабля, уничтожила нашу единственную возможность для бегства и спасения.

Мысли Флеша бешено мчались у него в голове. Пока он пытался сконцентрироваться, завыла сирена, почти на всех пультах мостика теперь мигали красные предупреждающие лампочки.

Дейл поднялась на мостик и подошла к остальным.

— Надень свой скафандр!— крикнул ей Флеш.

Она, казалось, не поняла его. Он взял один из скафандров и помог ей надеть его. Потом он надел свой собственный и помог как можно быстрее облачиться Царькову.

— Главная шахта лишена воздуха, но переборка долго не продержится. Система аварийного питания сильно перегружена и истощена.

— Тогда у нас очень мало времени,— сказал Флеш и повел их назад, в коридор, к вагончику монорельса, ожидающему их там.

Дейл и Царьков втиснулись на заднее сиденье вагончика. Флеш опустился на переднее сиденье и нажал на кнопку самой нижней палубы, находящейся под куполом ангара.

Теперь завыли другие сирены, и освещение на корабле стало тускнеть, словно стартовые двигатели боролись с чудовищной силой, чтобы хоть как-то поддержать корабль.

Им потребовалось менее четырех минут, чтобы добраться на вагончике до самой нижней палубы, на которой находились в основном воздухопроводы, другие трубопроводы и всякая аппаратура. Когда вагончик остановился, бортовое освещение корабля замигало и погасло.

Они включили свои нашлемные фонари и как можно быстрее побежали по коридору к центру корабля, когда серия взрывов вверху над ними потрясла стены. Корабль бился в агонии.

Наконец они достигли люка, ведущего в осевую шахту. Флеш оставил Дейл и Царькова метрах в двадцати позади себя. Потом он подошел к люку, вытащил лазерный пистолет и поставил его на максимальную мощность. Энергозапас его оружия в результате двух схваток и из-за того, что при исследовании корабля им приходилось прожигать множество переборок, сильно истощился. Несмотря на это, Флеш срезал засов и запирающий механизм менее чем за шестьдесят се-

кунд. Он сжался, когда люк был выдут в отверстие. Когда воздух с хлопком улетучился, Флеш вместе с остатками воздуха рванулся в осевую шахту.

В последнее мгновение, оказавшись в шахте, он схватился за поручень и, сопротивляясь потоку воздуха, проносившемуся мимо него, снова начал подниматься вверх. Сделав это, он помог Дейл и Царькову пролезть в отверстие.

Медленно, ступенька за ступенькой, они спускались вниз, к отверстию на палубу ангара, которое уже было прожжено. Очевидно, люди из "Транс Фед" зашли достаточно далеко, когда корабль ушел в гипердрайв. На мгновение Флеш пожалел этих бедных парней, которые находились здесь, когда корабль внезапно стартовал.

Флеш первым спустился в ангар, и у него перехватило дыхание от открывшейся перед ним картины. Там, где стояли боты, в слабом свете теперь была видна только перепутанная куча проволоки, металла и пластика. Двери ангара не было. Через отверстие можно было видеть, как планета мчалась навстречу им. Теперь она была так близко, что Флеш мог видеть облака, а под ними континент и, по крайней мере, одно большое море.

7.

Огромный корпус "Доброй Надежды" ворвался в верхние слои атмосферы, когда Флешу, наконец, удалось вскарабкаться по обломкам к первым двум ботам. Жара от трения об атмосферу быстро нарастала и насосы охлаждения его скафандра яростно ревели. Он скользнул лучом своего фонарика по разбитому кокпиту третьего бота, и внезапно его сердце бешено забилось в груди. Он подобрался поближе к четвертому боту. Насколько ему было видно, он был неповрежден. Если им удастся стартовать на нем, у них появится шанс уцелеть. По крайней мере до тех пор, пока они не совершат посадку на эту планету.

— Последний бот неповрежден!— крикнул он в свой микрофон.

Дейл поднялась на обломки позади него и тоже направила луч своего фонарика на последний бот.

— А он не блокирован обломками?— спросил Царьков.

— Отсюда мне этого не видно. Я должен спуститься вниз.

— Поспеши, Флеш, у нас слишком мало времени,— продолжал настаивать Царьков.

Флеш проплыл над зияющим отверстием, в которое превратились остатки третьего бота, и спрыгнул на пол возле четвертого.

Взрывы сбросили второй и третий боты со стартовых рельсов, и они своими посадочными опорами блокировали рельсы четвертого бота.

— Стартовые рельсы перегорожены,— сообщил Флеш Царькову.

— Я иду к тебе,— произнес Царьков в ответ.

— Я думаю, что рельсы можно освободить,— сказал Флеш.

Все усиливающаяся качка заставляла центр тяжести корабля колебаться взад и вперед, и теперь стало почти невозможно сохранять равновесие.

Все же Царькову удалось перебраться через обломки трех ботов, и Флеш с Дейл помогли ему спуститься на палубу. Он быстро осмотрел стартовые рельсы, потом опустился на колени, чтобы осмотреть остатки стартового устройства.

— Идите вперед и при помощи лазерного пистолета очистите рельсы,— сказал он наконец, поднявшись на ноги.— Но будьте осторожны и не прожгите дыры в обшивке.

Флеш вытащил свой лазерный пистолет. Царьков занялся пультом на внешней обшивке бота, потом он открыл большой люк.

— Я открыл главный шлюз,— сказал он по радио.— Сейчас поднимусь на борт и подготовлю все к старту. Поспешите.

Флеш начал отрезать скрытые посадочные опоры, но лазерный пистолет его был уже почти пуст, и работа теперь двигалась слишком медленно.

Дейл тоже вытащила свой лазерный пистолет и открыла огонь по задней стороне опоры. Металл стал вишнево-красным. Наконец, он размягчился, и опора соскользнула со стартовых рельсов.

Флеш оттолкнул раскаленный металл подальше от рельсов. Потом они с Дейл ринулись к открытому шлюзу и забрались на борт бота. Сами стартовые рельсы были свободны, однако опоры и другие обломки все еще лежали слишком близко от рельсов и могли причинить неприятности.

Флеш и Дейл пробрались вперед, в кокпит, уселись на сиденья возле Царькова и пристегнулись, когда "Добрая Надежда" наклонилась вперед. Она качнулась еще раз, и бот почти сбросило со стартовых рельсов.

— Мы слетим с копылков!— крикнул Царьков и снова отключил стартовую автоматику. Мы никогда не сможем этого сделать!

— Но мы должны это сделать!— крикнул Флеш в ответ и забрал у Царькова управление.

Флеш нажал на кнопки стартовой автоматики и передвинул рычаг вперед. Двигатель дико взвыл, бот задрожал и затрясся.

— Нет!— крикнула Дейл.

— Мы взорвемся!— воскликнул Царьков.

Однако Флеш передвинул рычаг вперед до упора. В то же мгновение "Добрая Надежда" начала разваливаться. Она опрокинулась вперед, и бот вместе с обломками вылетел в ворота ангара. Они оказались снаружи и устремились прочь от гигантского корпуса корабля. Который все еще как сумасшедший танцевал над ними.

Флеш развил полное ускорение, пока они не вышли из-под "Доброй Надежды". Теперь они медленно летели сквозь верхние слои плотной атмосферы, окутывающей поверхность планеты.

Позади них "Добрая Надежда" разваливалась. Повсюду из ее треснувшего корпуса дико били языки пламени. Части корабельного корпуса отходили друг от друга и, вращаясь и переворачиваясь, падали в море под ними.

А потом огромный корабль пронзила одна единственная молния. Бот вышел из-под контроля и дико завращался вокруг оси.

Флеш отчаянно повис на рычагах управления, чтобы справиться с ускорением, когда невероятные силы грозили выдавить переборки и развалить обшивку маленького корабля.

Следующий взрыв разметал то, что еще оставалось от гигантского корабля, и миллионы обломков дождем обрушились вниз, на поверхность планеты. Снизу это должно было напоминать звездный дождь. Большая часть обломков сначала раскалилась, а потом сгорела в атмосфере. А потом все кончилось. От "Доброй Надежды" не осталось ничего, кроме световых точек, ниточек дыма от воспламенившихся в плотных слоях атмосферы металлических частиц.

В ста километрах от поверхности Флешу удалось, по крайней мере наполовину, обрести контроль над ботом, если только вообще можно было управлять им после двух взрывов, происшедших так близко от него.

Под ними находилась огромная зеленая поверхность, и даже с такой высоты можно было понять, что это был лес или джунгли. Восточнее, на некотором расстоянии, находился берег моря, которое они только что перелетели.

Флеш попытался направить бот к берегу моря, однако последний больше не мог реагировать достаточно быстро, чтобы дотянуть туда. Флеш подумал, что место посадки должно быть, будет находиться километрах в двадцати от берега. Двадцать километров неизвестных джунглей.

В двадцати километрах от поверхности автоматически включились тормозные ракеты, которые выпрямили бот для посадки и затормозили скорость .

Километрах в пяти автоматически включилась вторая ступень тормозных ракет, которые снова замедлили падение бота.

— При помощи этих вот приборов здесь я провел анализ атмосферы,— произнес в наушниках голос Царькова.

Флеш отвернулся от пульта управления, а Царьков продолжал работать у пульта над его головой. Он посмотрел на Флеша.

— Она нам подходит. Она богата углекислотой и кислородом. Немного азота. Гравитация 0,85 процента земной. Большая влажность воздуха. Относительное сходство с Землей девяносто процентов, температура около двадцати пяти градусов Цельсия. Жарко и влажно.

Бот внезапно клюнул носом, и короткий сильный взрыв потряс корму в районе двигателя. Бот стал неуправляемо падать, беспорядочно вращаясь.

— Что случилось?— воскликнула Дейл.

— Мы потеряли двигатель,— крикнул Флеш, перекрывая вой рассекаемого воздуха.

Царьков отстегнулся и с большим трудом выбрался из своего кресла на дико раскачивающийся пол кокпита. Флеш, который подумал, что

старик выпал из своего кресла, хотел помочь ему, однако Царьков оттолкнул руки Флеша и потянул за два красных рычага.

Бот вздрогнул и на несколько секунд затормозил, однако потом продолжил свое падение. Царьков рванул за вторую пару красных рычагов.

— Устройство для торможения воздухом,— сказал он, тяжело дыша.— Они называли его парашютом.

Бот снова вздрогнул, но на этот раз парашют помог. Скорость падения замедлилась, и они повисли в атмосфере под двумя гигантскими парашютами.

Царьков снова вскарабкался в свое кресло и пристегнулся, когда они вошли в слой облаков и закачались в завихрениях воздуха.

— Застегните свои пояса! Это будет жесткая посадка!— крикнул он в микрофон.

Сквозь толстое стекло кокпита они видели, как джунгли становились все ближе и ближе, они приближались намного быстрее, чем при нормальной посадке. В последнюю минуту Флеш еще раз засек направление, в котором находился далекий берег моря. Потом он собрался.

— Держитесь крепче!— крикнул он, и бот с треском сломал первые ветви деревьев более чем в сотне метров над почвой. Он пропахал кроны деревьев, но в последнее мгновение опрокинулся и плашмя упал на почву первобытных джунглей.

Сейчас же корму бота объял огонь. Хотя Флеша немного оглушило, он отстегнулся и выбрался из кресла.

Дейл была в порядке, но Царьков потерял сознание. Кровь бежала из уголка его рта.

Флеш расстегнул ремни и вытащил ученого из кресла. Они последовали с Дейл вниз, к главному шлюзу. Внутренность корабля быстро наполнялась дымом. Флеш положил Царькова на сильно покоробившийся пол, и при помощи Дейл ему удалось вручную открыть люк и выбраться наружу.

Флеш помог Дейл пролезть в отверстие. Когда они оказались снаружи у корпуса бота, он поднял тело Царькова и спустил его вниз.

Когда они оттащили Царькова от бота, корпус потряс небольшой взрыв.

Флеш положил Царькова на плечо и направился прочь от горящего бота. Короткими выстрелами из своего лазерного пистолета он прокладывал себе путь через подлесок. Не прошли они и пятидесяти метров, как мощный взрыв полностью уничтожил остатки посадочного бота. Дейл и Флеш стояли в джунглях и глядели сквозь узкую просеку, прожженную им в чаще, на последнее звено, связывающее их с Землей, находящейся в ста шестидесяти пяти световых годах отсюда.

Дейл дрожала. Царьков пошевелился, Флеш осторожно положил старика на мягкую почву и снял с него шлем. Царьков вдохнул свежий, насыщенный кислородом воздух. Веки его затрепетали. Потом он

открыл глаза. Флеш, так же, как и Дейл, снял свой собственный шлем и положил его на почву.

— Как вы себя чувствуете, доктор?

Царьков слабо улыбнулся.

— Теперь, когда я знаю, что мы благополучно совершили посадку, я чувствую себя великолепно.

Дейл опустилась на колени возле своего дяди и помогла ему подняться.

— Ты уверен, что у тебя все в порядке, дядя Ханс?

Царьков потрепал рукой руку своей племянницы.

— Только небольшой озноб, дорогая. В конце концов, такой старик, как я, не каждый день испытывает подобное. Но если я благополучно перенесу произошедшее, я снова буду в полном порядке. Сегодня мне, конечно, больше не придется так кувыркаться.

Все облегченно рассмеялись, а Царьков посмотрел мимо Дейл и Флеша на просеку, которую они пробили, на ярко полыхавший бот. Потом он вопросительно посмотрел на Флеша, и улыбка исчезла с его лица.

— Ты знаешь, в каком направлении находится море?

Флеш кивнул.

— Почти точно на восток. Но берег находится примерно в двадцати километрах отсюда.

— Мы оказались довольно близко от ночной стороны. До того, как стемнеет, у нас есть час или около этого. Сегодня на ночь мы лучше останемся здесь и пробудем здесь до рассвета.

Флеш и Дейл помогли старому ученому встать.

— Почему нам надо идти к берегу?— спросила Дейл.

— Если на этой планете имеется какая-нибудь цивилизация, шансов найти ее на берегу моря гораздо больше, чем в глубине суши. Кроме того, намного легче идти вдоль берега, чем через джунгли.

— На пути сюда мы не видели никаких следов цивилизации,— сказала Дейл. Голос ее звучал немного истерично. Она смахнула со лба прядь волос и оглянулась назад, на бот. Огонь там затухал.

— У нас нет времени для тщательных поисков,— обеспокоенно сказал доктор Царьков.

Дейл снова обернулась.

— Мы крепко засели здесь, дядя. Мы застряли здесь на весь остаток нашей жизни. Мы в шестидесяти пяти световых годах от внешних постов Федерации. Между нами и ними лежит бездна неисследованного пространства. Они не смогут найти нас, даже если будут знать направление, в котором мы исчезли...

— Ты кое-что забыла, Дейл, тихо прервал ее Царьков.

Глаза девушки наполнились слезами, но она подавила рыдания и стала ждать объяснений Царькова.

— Что заставило "Добрую Надежду" покинуть околоземную орбиту и перенести нас сюда? И это, конечно, произошло не случайно. Эта

планета должна быть родиной конструкторов той машины, которая доставила нас сюда.

Дейл вздрогнула.

— Я немногого жду от их искусства конструирования, если они каждый раз будут разбивать свои корабли во время посадки.

Царьков покачал головой.

— Развалилась "Добрая Надежда", а не эта машина. Корабль просто не выдержал нагрузки.

Дейл удивленно посмотрела на своего дядю.

— Однако, ты действительно рад, что мы здесь,— резко и обвиняюще сказала она.

Царьков отреагировал так, словно его ударили по лицу.

— Но не при таких обстоятельствах,— печально сказал он.

Дейл сейчас же пожалела о том, что она сказала, и обняла своего дядю.

— Извини,— я не то имела в виду.

— Очень хорошо,— ответил Царьков.— Ты увидишь, что все будет в порядке.

Флеш отвернулся от Царькова и Дейл и посмотрел на подлесок. Он был уверен, что в зеленой чаще что-то происходит. Там находилось что-то огромное. Но потом все пропало.

Флеш напряженно прислушался, однако не услышал ничего, кроме треска огня у бота, и шума ветра в вершинах деревьев высоко над ними. Потом шорох снова повторился. На некотором расстоянии. Что-то ломилось через подлесок.

Флеш вытащил свой лазер.

— Идемте назад, к боту,— сказал он тихо,— и, насколько возможно, без спешки.

Дейл оставила своего дядю и посмотрела на все еще горящий бот.

— Почему?— спросила она.— Там для нас больше ничего не осталось.

— Что случилось?— спросил Царьков, заметив беспокойство во взгляде Флеша.

Флеш снова услышал шорох в подлеске, но на этот раз он был много ближе, и Дейл тоже услышала его. Она побледнела и глаза ее расширились.

— Флеш,— сказала она протяжно.

— Идем,— сказал Флеш, не скрывая больше своего беспокойства. Он взял Царькова на руки, и все поспешили назад к поляне, которая была прожжена и выбита в джунглях во время посадки. Они подошли к горящему боту так близко, как это только было возможно.

Но как только они снова повернулись, чаща раздалась, и в маленькую просеку, которую они только что прожгли, вышло огромное чудовище. Оно сильно напоминало земного медведя, которого они видели в зоопарке, но оно было значительно больше. Увидев их, чудовище встало на задние лапы и заревело.

Дейл закричала. Флеш поднял свой лазерный пистолет и прицелился в грудь чудовища. Когда оно пришло в движение, он нажал на кнопку. Однако, ничего не произошло.

8.

Медведеобразное чудовище стояло на задних лапах и достигало примерно метров четырех; упав на четвереньки, оно ревело и визжало, выходя на поляну. Флеш отбросил свой опустевший пистолет, оттолкнул Царькова назад, а сам прыгнул вперед. При этом он отломил тяжелую ветку с одного из упавших деревьев.

Может быть, ему удастся задержать чудовище, пока Царьков и Дейл не окажутся позади все еще горевшего бота. Возможно, что чудовище, как и большинство диких зверей, боится огня и не будет пытаться напасть на них.

Чудовище уже почти достигло его, и он ощутил его вонючее, гнилостное дыхание. Однако, Флеш двигался теперь как машина. Он отступил назад, перенес вес на свою правую ногу и взмахнул тяжелой веткой как дубиной. Чудовище встало на задние лапы, и его могучая передняя нога устремилась к нему с невероятной скоростью. Однако, в следующее мгновение голова чудовища лопнула, и верхняя часть его тела окуталась большим синим облаком. Кровь, осколки костей и плоть брызнули во все стороны. Ринувшееся вперед чудовище опрокинулось на Флеша, который в последнее мгновение отпрыгнул в сторону и дважды перевернулся. Чудовище упало на землю и осталось лежать неподвижно.

Флеш перевернулся на спину и удивленно взглянул вверх на Дейл, стоящую менее чем в метре от того, что осталось от гигантского чудовища. Она целилась из лазерного пистолета в мертвое чудовище. Руки ее дрожали.

Царьков хотел подойти к своей племяннице, когда она начала дико палить в чудовище короткими выстрелами, которые выжигали дыры в его трупе.

Флеш вскочил и отнял у нее оружие. Сначала она защищалась, однако потом обвисла в его руках, и слезы ручьями побежали по ее щекам.

— О Боже... О, мой Боже...— вскрикивала она.

Флеш прижал ее к себе одной рукой, а другой передал оружие сильно потрясенному доктору Царькову.

— Все хорошо, Дейл. Все уже хорошо. Все кончилось,— пытался успокоить ее Флеш.

Однажды, во время кризиса на Марсе, Дейл тоже спасла ему жизнь, а потом также разразилась истерическими рыданиями. Тогда Флеш был очень удивлен ее способностью сохранять холодную голову, пока опас-

ность не исчезнет. Теперь он не был этим удивлен. На этот раз он чувствовал что-то другое. Что-то, чего он не чувствовал очень давно, со времени смерти своей жены.

Он держал ее в объятиях до тех пор, пока слезы ее, наконец, не иссякли и она не перестала дрожать.

Наконец, она подняла взгляд и заглянула в его глаза. Ее лицо было грязным и на нем были видны следы слез.

— Я люблю тебя, Роберт Гордон, — нежно сказала она. — Безразлично, что ты говоришь или делаешь или что ты чувствуешь ко мне. Ты должен знать, что я люблю тебя и всегда буду любить.

Что-то шевельнулось в нем, он хотел еще крепче прижать ее к себе и поцеловать в губы, однако потом он вспомнил последний крик о помощи своей жены, он мысленно увидел ее растерзанное тело, лежащее на полу их квартиры. Чудовищная чернота поднялась внутри него и погасила все, что он испытывал к Дейл. Он отступил назад.

Дейл устало улыбнулась.

— Дорис была одной из самых прекрасных и чудесных женщин. Я это знаю. И я знаю также, что я никогда не смогу занять ее место в твоем сердце. Ты также никогда не сможешь почувствовать ко мне то, что я чувствую к тебе.

Флеш хотел прервать ее, однако Дейл положила свой палец на его губы.

— Нет, мягко сказала она, — теперь не говори ничего, о чем потом, может быть, будешь жалеть. Просто сохрани в дальнем уголке памяти то, что я люблю тебя.

На короткое мгновение Флеш понял, что он боится. Он любил и пережил ужасную потерю. Тогда он чуть было не убил сам себя. Он больше не сможет вынести чего-нибудь подобного.

Только он хотел объяснить это Дейл, как сдавленный крик Царькова отвлек его.

Близнец гигантского чудовища, которое убила Дейл, стоял на просеке, которую они пробили; он вышел из чащи. Флеш медленно подошел к Царькову и взял у него лазерный пистолет. Магазин его был заряжен менее чем на четверть, и оружие было поставлено на максимальную мощность и широкое рассеивание.

Еще одно медведеподобное чудовище вышло из подлеска в паре метров от первого. А вскоре после него появились еще четыре.

Флеш повел Дейл и Царькова вокруг бота так, чтобы горящие обломки оказались между ними и ужасными животными.

— Очевидно, их привлек огонь, — сказал Царьков.

— Да,— ответил Флеш,— но мы будем надеяться, что он остановит их и они не станут подходить ближе.

Двое других чудовищ проломились сквозь чащу и, ворча и ревя, вместе вышли на просеку позади преследуемых.

Флеш установил оружие на малое рассеивание, опустился на колено и взял лазерный пистолет обоими руками. Он одним единственным коротким выстрелом обезглавил ближайшее чудовище.

Чудовище упало и рефлекторно вздрогнуло. Другие чудовища тотчас же оказались над ним. Они ворчали и визжали, разрывая тело своего мертвого сородича и отнимая друг у друга куски мяса.

Из чащи вышли еще три чудовища слева и одно справа. Всех их привлекло убитое животное. Скоро джунгли наполнились их визгом и ревом.

— Пора, — настойчиво произнес Флеш. Он повел Дейл и Царькова так, чтобы бот оставался между ними и пирующими чудовищами.

На краю поляны Флеш начал прожигать тропу в густом подлеске. Он старался как можно экономнее расходовать тот запас энергии, который еще оставался в лазерном пистолете. Без него они не смогут выжить. Но джунгли, казалось, были бесконечными, и на мгновение Флеш подумал, что у них нет никаких шансов когда-нибудь достигнуть берега моря. Однако потом они вышли к реке.

Это был быстро бегущий поток не шире пятидесяти метров с поворотами и излучинами. В слабеющем свете дня они видели быстрину и скалы, на которых бурлила и клокотала вода. Берег реки был похож на ухоженный парк. Между джунглями и водой с каждой стороны реки были широкие полосы низкой травы с отдельными кустами и небольшими деревьями. Полосы эти спускались к узкой кромке бледно-желтого песка.

На другом берегу, немного вниз по течению, пило небольшое животное, похожее на серну. Когда они вышли из джунглей, оно подняло голову и на мгновение уставилось на них большими печальными глазами. Потом оно спокойно повернулось и грациозно исчезло в густом подлеске, так, словно его никогда и не было. И они спросили себя, видели ли они на самом деле это животное.

— Эта река, конечно, ведет к морю, — сказал Царьков.

Вода сверкала и искрилась в свете заходящего солнца. Флеш затенил глаза ладонью и посмотрел вверх и вниз по реке.

— Все здесь удивительно похоже на Землю, — сказал Царьков: он совершенно изнемог. Огромный синяк вздулся на его правой щеке, там, где он ударился головой во время аварийной посадки. Дейл все еще была возбуждена сражением с медведеподобными чудовищами. И сам Флеш устал как собака. Он снова посмотрел вверх по течению реки. Солнце уже почти коснулось горизонта и приняло кроваво-красный оттенок. Через полчаса станет темно, и никто из них не был в состоянии идти ночью.

— Сегодня на ночь мы останемся здесь, — сказал Флеш Дейл и Царькову.

Дейл нервно оглянулась через плечо.

— А как насчет этих чудовищ?

— Я разведу костер, и мы выставим охрану. Сейчас мы не сможем идти дальше. Скоро совсем стемнеет.

Дейл хотела запротестовать, но Царьков прервал ее.

— Он прав, Дейл. Я не в состоянии идти дальше. Мы можем спокойно остаться здесь. У нас есть скафандры, в которых мы будем сухи и согреты, даже без шлемов. Здесь достаточно воды, а завтра мы отправимся вниз по течению.

— А как насчет еды? — спросила Дейл слабым голосом.

— Ты и твой дядя, вы можете набрать валежника для костра..., а я позабочусь о еде, — сказал Флеш. — Я спущусь немного вниз по течению реки и подожду там, пока какое-нибудь животное не подойдет к воде. Тогда у нас, по крайней мере, будет мясо.

Дейл скорчила гримасу. Флеш рассмеялся.

— Только не говори мне, что ты так привыкла к кухонной автоматике, что забыла вкус изжаренного на костре мяса.

— Да, хорошего вкуса мяса. Полусгоревших остатков одного из этих бедных животных. Но я могу отказаться от этого.

— Мы посмотрим, — сказал Флеш.

Он твердыми шагами направился вдоль реки и за пару минут более чем на сотню метров отошел от того места, где Дейл и Царьков собирали хворост и складывали его в кучу.

Флеш поставил лазерный пистолет на малую мощность. Он тихо отошел от реки и спрятался на краю леса.

Как только он это сделал, из джунглей вышли два серноподобных животных. Они остановились на краю чащи менее чем в тридцати метрах от Флеша и, казалось, начали нюхать воздух. Потом они медленно побрели вниз, к берегу. Одно из них начало пить, а другое наблюдало за окрестностями. Потом они поменялись местами.

Однажды одно из них взглянуло прямо в направлении Флеша. Но или оно видело не особенно хорошо, или Флеш не показался ему опасным, во всяком случае, Флеш увидел, как оно просто отвернулось.

Животные были небольшими, не больше собаки. У одного из них были рога. Вероятно, это был самец.

Флеш тщательно прицелился в бок самца, туда, где, как он думал, находилось его сердце, и сделал короткий выстрел.

Животное испуганно подпрыгнуло вертикально вверх и сделало пару шатающихся шагов вперед. Там оно упало на бок. Его спутник без оглядки огромными прыжками понесся в укрытие джунглей.

Флеш медленно поднялся и пошел вниз, к берегу. Выстрел пробил тело животного над его передними ногами. Это было печально выглядевшее животное с большими темными глазами. На мгновение Флеш пожалел, что убил его. Но он знал, что у него не было другого выбора. Чтобы выжить на этой планете, им нужны были все их силы.

Осторожно, используя лазерный пистолет, он разделал тушку животного и вырезал множество небольших кусочков мяса. Было не-

безопасно есть мясо или пить здешнюю воду. Все могло быть смертельно ядовито для них. Но у них не было химических анализаторов и они вынуждены были положиться на везение.

Когда Флеш вернулся назад с мясом и теперь уже почти совершенно пустым лазерным пистолетом и разжег костер, подвесив над ним кусочки мяса, уже совсем стемнело.

Все трое присели возле костра. Дейл сидела в середине. Она молча уставилась на пламя. Когда мясо было готово, Царьков, казалось, уже почти совсем сдал. Лицо его приняло желтоватый оттенок. Дейл временами нервно оглядывалась через плечо на темные джунгли.

Дичь, как они это назвали, потому что это лучше звучало, была неожиданно мягкой и нежной. Она казалась приправленной лимонным соком. Даже Дейл, которая сначала не хотела принимать участия в этом ужине и есть мясо этого бедного, беззащитного животного, жадно набросилась на свою порцию.

Потом они умылись в реке и напились из нее холодной, свежей воды. Царьков опустился возле костра и заснул через секунду после того, как Флеш пообещал разбудить его, как только наступит его очередь дежурить.

Ночные звуки и запахи на этой планете едва отличались от звуков и запахов земных джунглей. Успокаивающий, шелестящий звук воды, треск лагерного костра и приятное чувство после сытного ужина, все это сделало Дейл сонной. Она вытянулась возле костра и положила голову на колени Флеша.

Долгое время никто из них ничего не говорил, и Флеш уже подумал, что Дейл заснула. Глаза ее были закрыты, дыхание равномерно. Однако через некоторое время она улыбнулась, придвинулась поближе к костру и открыла глаза.

— Ты должен жениться на мне, — сказала она.

Флеш молчал. Горло ему перехватило.

— Я имею в виду, если мы навсегда застрянем на этой планете, лучшее, что мы можем сделать, это заселить это место.

Флеш не мог понять, шутит ли она или говорит серьезно.

— Как я вижу, ты все хорошо обдумала.

Она поднялась.

— Серьезно, что вы надеетесь найти завтра утром там, на берегу?

— Я не знаю, — осторожно ответил Флеш. Он не хотел будить в ней никаких надежд. — Может быть, ничего кроме океана.

— Но, может быть, ч т о-т о кроме океана? — настаивала она. — Что такое это ч т о-т о ?

— Твой дядя уже все объяснил, — сказал Флеш. — Этот аппарат или чем бы это ни было там, в машинном отделении "Доброй Надежды", без нашего участия доставил нас сюда. Это значит, что весьма вероятно, что его создатели обитают на этой планете.

— Мы прибыли незваными гостями. Может быть, они отправили нас на тюремную планету.

— Возможно, — без всякого выражения ответил Флеш. Он не хотел успокаивать Дейл. Он не хотел говорить ни ей, ни ее дяде, как в действительности мало энергии осталось в его лазерном пистолете. Он сомневался, чтобы энергии там хватило, чтобы убить еще одну из этих серн, не говоря уже о том, чтобы остановить одного из этих медведеподобных чудовищ. Берег моря, находящийся на некотором расстоянии от джунглей, мог бы дать им известную защиту. Если только они доберутся до него.

Дейл снова улеглась на колени Флеша и закрыла глаза.

— Как ты думаешь, кто убил экипаж "Доброй Надежды"? — спросила она сонным голосом. — Исчезнувшая женщина?

— Я думаю, да, — ответил Флеш. Вероятно, она сошла с ума, убила их всех и вышла через шлюз наружу без скафандра.

— Но почему?

— Вероятно, мы этого никогда не узнаем.

Дейл пробормотала что-то еще, но что, Флеш не понял. Потом она заснула.

Примерно с полчаса Флеш просидел у костра, потом осторожно снял голову Дейл со своих колен.

Ночь была мягкой, и ветер повернул на восток. Сквозь мускусный запах джунглей Флеш ясно почувствовал свежий аромат моря. Он спросил себя о том, что до сих пор занимало Дейл. Что они действительно ожидали найти завтра утром на берегу моря? Только ли защиту? Или они в самом деле надеялись найти дружественных туземцев в тростниковых хижинах, таких, о каких Флеш помнил еще из курса истории?

Или следы цивилизации, которая была настолько высокоразвита, что смогла установить на "Доброй Надежде" гипердрайв-привод? Если это было так, они должны были наблюдать крушение космического корабля и посадку бота. И здесь давно уже была бы поисковая экспедиция.

Флеша занимало и кое-что другое. Он занялся этим, когда еще находился на борту "Доброй Надежды", и ему до сих пор не удалось найти на это удовлетворительного ответа. Почему отсутствующая в анабиозном отсеке женщина проснулась? Судя по записям в бортовом журнале, при дальних перелетах автоматически будились только члены экипажа. Н е с к о л ь к о членов экипажа, а не только одна эта женщина.

Было ли это ошибкой электроники, которая ведала пробуждением членов экипажа, находящихся в анабиозе? Или это было что-то другое...?

Он посмотрел вниз, на фигуру спящей Дейл. Весьма вероятно, что ее желание исполнится и им придется заселять этот мир. Может быть, среди обломков "Доброй Надежды" они найдут пару исправных приборов, при помощи которых они, используя рации своих скафандров, смогли бы передать сигнал бедствия. Но даже и тогда весь остаток своей жизни им предстоит провести на этой планете.

Где-то в глубине джунглей закричало животное. Флеш тихо вернулся назад, к костру. Он устало опустился около Дейл и стал ждать утра.

Солнце стояло точно вниз по течению реки, когда Флеш внезапно проснулся. На мгновение он не понял, где он находится, но потом все вспомнил и поднялся.

Царьков все еще спал у тлеющего лагерного костра. Флеш обнаружил Дейл внизу, у реки. Она сняла свой скафандр и сейчас стаскивала с себя нижнюю одежду. Он встал. Утро было теплым, воздух — великолепным и свежим. Веял легкий бриз. Несколько более низкая сила тяжести и повышенное содержание кислорода в воздухе позволили им восстановить свои физические силы гораздо быстрее, чем на Земле. Флеш чувствовал себя хорошо и, по крайней мере, в первое мгновение забыл о том бедственном положении, в котором они находились. Он смотрел, как обнаженная Дейл плавает в воде. Она нашла немного ниже по течению заливчик, образованный группой скал, между которыми застряли стволы деревьев, образовав естественную плотину. Дейл вошла в заливчик, и шла, пока глубина не позволила ей плыть. Потом она грациозно заскользила к стволам деревьев.

Флеш снял свой скафандр и положил его возле костра. Затем сунул лазерный пистолет в карман штанов, вымыл в реке лицо и пошел вдоль берега к тому месту, где купалась Дейл.

Она не заметила, что Флеш наблюдает за ней, и хотела вскарабкаться на стволы деревьев.

— Ты действительно хочешь забраться туда? — спросил Флеш.

Дейл обернулась, потом снова нырнула в воду. На мгновение она уставилась на него, однако потом рассмеялась и поплыла к берегу.

Флеш поднял ее нижнюю одежду, перекинул ее через плечо и со смехом сказал:

— Почему ты меня не разбудила, когда встала?

Она перестала плавать и с испуганным выражением лица вошла в центр заливчика.

Флеш громко рассмеялся.

— Я украду твои вещи... — начал он объяснять, но потом увидел, что Дейл, яростно жестикулируя, указывет на что-то позади него вверх по течению реки.

Флеш повернулся и увидел двух медведеподобных чудовищ. Они вышли из-за поворота реки на их берегу и, хотя находились пока больше, чем в сотне метров от них, уже казались страшными и угрожающими.

— Сейчас же выходи из воды, — бесцветным голосом сказал Флеш и уронил ее одежду. — Я заберу твоего дядю.

Дейл большими гребками поплыла к берегу, а Флеш заспешил назад, к лагерному костру, чтобы разбудить Царькова. Старик тотчас же проснулся.

— Моя очередь дежурить?

— У нас затруднения, — сказал Флеш. Он помог Царькову подняться на ноги и указал вверх по реке.

Дейл только что оделась, когда чудовища заметили ее и медленно заковыляли вниз по реке.

Дейл, увидев как они приближаются, бросилась к лагерному костру, на ходу застегивая на себе одежду.

Флеш помог Царькову выбраться из тяжелого скафандра. Когда тот освободился от него, Дейл была уже рядом. Они вместе поспешили вниз по течению. Чудовища последовали за ними в спокойном темпе.

Спустя несколько минут, они подошли к тому месту, где Флеш убил серноподобное животное. Однако от трупа больше ничего не осталось, кроме следа в траве. Какое-то ночное создание, вероятно, уволокло его.

Потом река сделала пологий изгиб, и чудовища исчезли из их поля зрения.

Они почти час шли вперед быстрым шагом, а медведеподобных чудовищ позади них все еще не было видно. Наконец, Царьков стал серьезно уставать, и они вынуждены были остановиться.

Они опустились на прибрежный песок, и Царьков лег на спину. Глаза его были закрыты, а дыхание сильно убыстрилось. "Теперь мы должны будем идти помедленнее,— подумал Флеш,— или Царьков никогда не доберется до берега".

Утреннее солнце поднялось уже довольно высоко. Флеш отметил его настоящее местоположение и посмотрел на свой хронометр.

Царьков уже открыл глаза и наблюдал за ним.

— Как это выглядит? — тяжело дыша, спросил он.

— Судя по положению солнца, могу сказать, что один оборот эта планета делает за двадцать два часа или немного меньше.

— Итак, продолжительности дня нам не хватит, чтобы достичь побережья моря.

— Кажется, что так, — подтвердил Флеш.

— Дядя Ханс больше не может идти, — сказала Дейл.

— Я лучше буду усталым до изнеможения стариком, чем завтраком для медведей, следующих за нами.

— А идут ли они еще за нами? — спросила Дейл.

— Мы подождем здесь, а ты сбегаешь вверх по реке и посмотришь,— слегка насмешливо произнес Флеш. — Худшее, что с нами может произойти, это паника.

— Ты невозможен, — фыркнула Дейл.

— А ты очень мила без одежды.

Она покраснела, и Царьков рассмеялся.

— Ты должен принять ее от меня, Флеш, — сказал он, — я еще так и не сказал своего последнего слова.

— Ты так же плох, как и он, дядя, — сказала Дейл, однако заставила себя рассмеяться, и губительное настроение рассеялось.

Флеш помог Царькову встать.

— Как вы себя чувствуете, доктор? Вы можете идти дальше?

Царьков кивнул.

— Но позволь нам идти немного помедленнее. Я не хочу, чтобы потом вы несли меня.

— Конечно, — ответил Флеш.

Больше не оглядываясь, трое людей направились дальше на восток. Медленным, но спокойным шагом они шли по низкой траве, а солнце тем временем достигло своей высшей точки.

За все утро они ни разу не увидели позади себя этих медведеподобных чудовищ. В полдень они нашли на краю джунглей дерево, ветви которого были усеяны зелеными с голубым плодами, по форме сильно напоминавшими груши.

Царьков сорвал один из плодов, надавил на него, выдавил из него сок и попробовал его на кончике пальца.

— По вкусу напоминает гибрид апельсина и грейпфрута, — сказал он. И прежде, чем они успели остановить его, он откусил большой кусок и стал задумчиво жевать его. Потом он проглотил этот кусок.

— Дядя! — воскликнула Дейл, вырвала у него из рук "грушу" и выбросила ее.

Царьков улыбнулся.

— Один из нас должен был попробовать их, — сказал он. — Мы должны захватить с собой пару штук. Если в ближайшие полчаса со мной ничего не произойдет, значит, будет безопасно съесть один или два плода.

— Это было безумием, — сказал Флеш.

— Я знаю, но разве у нас была лучшая возможность?

— Нет,— через некоторое время согласился Флеш. Он подумал о риске, на который они уже пошли, употребив в пищу мясо "серны" и попив воды из реки. Но у них не было никакого другого выбора, если они хотели выжить.

Они нарвали побольше плодов, рассовали их по карманам и отправились дальше.

Примерно через час Царьков вытащил из кармана "грушу" и стал ее есть. Дейл и Флеш сделали то же самое. Плоды были вкусными, и, съев их по паре, путешественники почувствовали себя освеженными и смогли немного повысить темп ходьбы.

Было уже далеко за полдень, когда они снова остановились. Царьков очень сильно устал и с благодарностью опустился на прибрежный песок. Они все тотчас же заметили, что что-то изменилось.

Флеш уставился на воду, а Дейл с наклоненной головой прислушивалась к чему-то. Они посмотрели друг на друга.

— Река, — сказал Флеш, поднявшись, — она течет быстрее.

— Послушай,— произнесла Дейл и вскочила. — Этот странный звук!

А потом они все услышали это — глухой шум, словно шум сильного ветра в вершинах деревьев, но на большом расстоянии.

— Водопад, — сказал Флеш, — он должен находиться на самом берегу. Теперь мы достаточно близко к нему.

Царьков с трудом поднялся.

— Чего же мы еще ждем?

— Вы не в состоянии идти дальше... — начал Флеш, но старик оборвал его.

— Я отдохну много лучше, когда мы окажемся там, подальше от тех джунглей. Теперь море не может быть слишком далеко.

— Вы уверены, доктор? — спросил Флеш. Он беспокоился о своем друге. До сих пор они пока оставались целы и невредимы. Он не хотел, чтобы со стариком что-нибудь случилось. — Мы можем отдохнуть здесь с полчаса или чуть больше. Пока еще достаточно светло.

Царьков покачал головой.

— Мы легко преодолеем это расстояние. Я хочу убраться подальше от этих джунглей.

Они пошли вниз по реке. Чем дальше они продвигались, тем сильнее становился шум водопада. Через полчаса они могли уже видеть впереди туман из брызг низвергающейся воды. На обоих сторонах реки джунгли отступали в стороны и назад. Становилось все яснее и яснее, что они находились на гигантском плато. Дейл, которая не могла больше ждать, побежала вперед на пару сотен метров.

Шум падающей воды теперь был очень громок. Царьков должен был кричать, чтобы перекрыть грохот и чтобы его можно было понять.

— Она чудесная девушка, Флеш. Она всегда была для меня, как дочь.

Флеш помог ковылять старику вперед. Он положил свою руку ему на талию, чтобы поддержать его.

— Она вбила себе в голову, что любит меня, — ответил он.

Царьков посмотрел на него понимающим взглядом.

— Она влюблена в тебя с тех пор, как встретила тебя в первый раз. Еще до смерти твоей жены.

Флеш молчал.

— Если мы действительно должны будем оставаться здесь навсегда... — церемонно начал Царьков, однако потом он помедлил. — Если это действительно произойдет, обращайся с ней хорошо.

Неожиданно Дейл закричала. Оба мужчины повернули головы и посмотрели в том направлении. Она была в нескольких сотнях метров вниз по реке и стояла совершенно неподвижно.

Они побежали к ней со всей возможной скоростью, причем Царьков сильно отстал. Флеш выкрикивал имя Дейл, однако она не шевелилась и стояла молча. На бегу Флеш вытащил из кармана лазерный пистолет и поставил его на максимальную мощность.

Он мог сделать только один выстрел, поэтому нужно было тщательно прицелиться.

Дейл стояла на краю скальной стены высотой около трехсот метров, которая отвесно обрывалась к морю. Океан тянулся на восток, насколько хватало глаз; вдали он сливался с туманной линией горизонта.

Дейл молча уставилась на северо-восток, и Флеш проследил за ее взглядом. То, что он увидел, почти лишило его разума.

Она стояла на краю огромной бухты, в центре которой река заканчивалась водопадом. На северо-западе, на противоположной стороне бухты, находился город. Город такой необычный, какого Флешу не приходилось видеть еще никогда в жизни.

Башни всех мыслимых цветов сверкали в свете солнца почти как фата-моргана; люди видели огромные аркообразные структуры и гигантские строения длиной, должно быть, в несколько сот метров, а может быть, и километров. Тянущиеся к морю доки и набережные были самим совершенством. Свободно висящие улицы и мосты связывали здания друг с другом. У них перехватило дыхание от этой совершенной красоты — так же, как и от сознания, что существование такого прекрасного города означает, что они на этой планете были не одни.

Кто бы ни построил этот город, он, конечно, располагал техническими возможностями доставить их назад, домой.

Царьков, наконец, добрался до них: когда он взглянул вдаль, глаза его повлажнели и он удивленно покачал головой.

— Боже мой, — тихо сказал он, — боже мой.

9.

Когда Флешу, наконец, удалось подстрелить небольшое кроликообразное животное, уже стемнело. Они развели костер на краю скальной стены, на изрядном расстоянии от водопада. Ни один из них не уделил внимания их скудному ужину. Они неотрывно смотрели, как город вдали пробуждается к жизни.

Сначала в глубине города зажглись огни и осветили весь горизонт мягким, красноватым сиянием. Потом огоньки зажглись в башнях, как им показалось, в одной за другой. Все это было непередаваемой, совершенной красоты.

Налетел легкий ветерок и заставил пламя костра мерцать и танцевать. Дейл сидела с одной стороны костра. Она положила голову на колени и уставилась на великолепное зрелище вдали. Оно заворожило ее, и впервые с тех пор, как "Добрая Надежда" покинула околоземную орбиту, она, казалось, расслабилась и полностью избавилась от страха.

Однако Царьков, который также напряженно рассматривал город, казался странно подавленным.

Флеш спустился вниз, к реке, чтобы переправиться на ту сторону. Царьков устало поднялся и направился за ним. Они оказались на расстоянии метров шестидесяти от Дейл, которая все еще неотрывно смотрела на город и совершенно не слышала их. Несмотря на это, Царьков говорил тихо.

— Я не хотел говорить об этом в присутствии Дейл, ее надежды слишком велики, — без предисловий сказал старик.

Флеш, опустившийся на колени, чтобы вымыть в воде руки, поднял взгляд и встал. Царьков, казалось, был обеспокоен.

— Что случилось, док?

Свет теперь был еще слабее, а лагерный костер находился далеко. Несмотря на это, Флеш мог различить мрачное выражение лица Царькова.

— Вы заметили в городе что-нибудь необычное?

Оттуда, где они стояли, они могли видеть башни, поднимающиеся над бухтой, и Флеш посмотрел в этом направлении.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Я обратил внимание на то, что с тех пор, как мы увидели этот город в первый раз... кроме освещения, я не заметил там никакой активности.

— Мы далеко от..., — попытался возразить Флеш, однако Царьков покачал головой.

— Мы не настолько далеко, чтобы не видеть кораблей, входящих в гавань. В доках и у грузовых ангаров там, внизу, вообще не было видно никакого движения. Мы не настолько далеко, чтобы не видеть самолетов или, по крайней мере, их позиционные огни. Мы не настолько далеко, чтобы не видеть движение транспорта из города и в город.

Некоторое время оба мужчины пристально смотрели на город.

— Ничего, — наконец, сказал Флеш. — Но это не значит, что город покинут. Может быть, рабочие там забастовали именно сейчас. Или сегодня у них национальный праздник, — подумал он вслух. Однако, говоря это, он уже знал, что он просто принимает желаемое за действительное.

Царьков печально покачал головой.

— Где-то там находится управляющий механизм, включающий и выключающий свет.

— А где же люди?

Царьков пожал плечами.

— Эпидемия. Война. Мы это узнаем, как только завтра утром спустимся вниз. А, может быть, не узнаем никогда.

— Когда я увидел этот город в первый раз, мне показалось странным, что к нам не было послано никакой поисковой экспедиции. Кто бы ни построил этот город, он должен был заметить падение "Доброй Надежды", если он еще существует.

— Да, — сказал Царьков. Он задумчиво прикусил нижнюю губу. — И даже, если мы предположим, что город пуст и население исчезло, существует еще одна проблема.

— Эта машина на "Доброй Надежде", — сказал Флеш.

— Верно. Кто ее встроил и почему она доставила нас сюда?

Дейл подошла к ним и остановилась в темноте, в паре метров от них. Она содрогнулась.

— Там внизу больше никого нет, не так ли?

Флеш и Царьков обернулись, услышав ее голос, но она не подошла ближе.

— Мы этого не знаем, дорогая, — сказал Царьков. Это прозвучало не особенно убедительно.

— Но ты же знаешь это, — сказала Дейл. Голос ее стал громче. Она смотрела на город. — Там внизу никого нет. Они все мертвы или исчезли. Мы все еще одни.

Флеш подошел к ней.

— Даже если люди исчезли, там все же еще остался город, — сказал он.

— Нет! — воскликнула Дейл. Она побежала назад, к костру.

Флеш хотел последовать за ней, однако Царьков удержал его.

— Оставь ее на некоторое время одну, — сказал он.

— Ей нужен кто-нибудь, кто сказал бы ей, что все в порядке.

Царьков внимательно посмотрел Флешу в глаза.

— Ты хочешь ей солгать? — жестко произнес он. Когда Флеш помолчал, Царьков покачал головой. — Это ни к чему не приведет. Она — сильная женщина, и она сама справится с этим. Если она сама сообразила, что мы на самом деле здесь одни, она может оказаться нашей помощницей, а не обузой.

Флеш был удивлен, услышав эти слова Царькова, и сказал ему об этом, однако, Царьков не обратил никакого внимания на его слова.

— Речь идет о нашем выживании, Флеш,— сказал он. — Ты очень полагаешься на то, что мы найдем в городе что-то, что поможет нам в дальнейшем. Но, может быть, их техника будет настолько непонятной для нас, что мы ничего не сможем с ней сделать, — они вместе медленно пошли назад, в лагерь, к костру, где Дейл снова сидела с поджатыми коленками, уставившись на город.

— Кроме того, город может быть для нас опасным. Это все равно, что перенести дикаря в Новый Лос-Анджелес. Он там не проживет ни дня. Его там задавят или он ступит в неработающий гравилифт и разобьется насмерть. Для него существуют миллионы опасностей, потому что он не знает нашей техники. То же самое может ждать нас завтра утром там, внизу.

— Может быть, вы считаете, что мы не должны идти туда? — спросил Флеш.

— Нет, — поспешно ответил Царьков. — Я только считаю, что мы должны быть особенно осторожными. И ты не должен полагаться на то, что мы найдем там что-то, что нам поможет.

— В худшем случае мы, по крайней мере, весь остаток своей жизни сможем заниматься изучением коммуникационных связей города.

— Нет, Флеш, — сказал Царьков. — Наш невежественный дикарь не сможет изучить основ электроники, даже если в его распоряжении будет время большее, чем человеческая жизнь. Я уже не говорю о межзвездной связи и даже о таких повседневных вещах, как межмолекулярные связи. Но, играя с не известной ему механикой, он может легко убить себя.

— Несмотря на это, мы отличаемся от дикаря в одном, — аргументировал Флеш. — Мы понимаем устройство библиотек и банков данных. Мы можем учиться.

— Может быть, — ответил Царьков. — Может быть, — но это прозвучало не очень убедительно.

Дейл снова всматривалась во что-то с обрыва реки. Когда Флеш и Царьков оказались у костра, она подняла взгляд и слабо улыбнулась.

— Как ты себя чувствуешь? — озабоченно спросил Царьков свою племянницу.

— Много лучше, дядя, — сказала она. — Мне очень жаль, что я потеряла голову. Я не знаю, что на меня нашло.

— Ты устала. Сегодня мы проделали огромный путь, — сказал он.

— Завтра утром мы пойдем туда, вниз? — спросила она.

Царьков кивнул.

— Да.

— Улыбка ее стала горькой.

— Хорошо, — сказала она. — Это значит, что завтра утром я буду спать в постели, а не на земле.

Флеш и Царьков обменялись взглядами и, спустя пару минут, все они начали поудобнее устраиваться на ночь.

Царьков первым заступил на дежурство. Когда он увидел, что лазерный пистолет был почти пуст, он подбросил в костер еще несколько веток.

Эта ночь прошла так же быстро, как и предыдущая. Утром они снова почувствовали голод. Вместо того, чтобы охотиться, они решили утолить голод остатками "груш", которые они сорвали вчера.

В паре километров вверх по течению они нашли место, где река была довольно широкой. Вода там текла не так быстро и казалась не особенно глубокой.

На рассвете они направились туда и примерно через полчаса достигли этого места. Флеш первым перешел реку вброд. Хотя течение было сильнее, чем он ожидал, вода достигала ему лишь до живота. Через пару минут все они уже оказались на другом берегу и пошли назад, к морскому побережью.

Утро было приятным, а небо чистым. Когда они уже достигли скал, веял легкий ветерок, приятно пахнувший морем. Хотя они видели много мелких животных, а однажды им встретилось целое стадо серноподобных существ, по крайней мере, в дюжину голов, они не встретили ни одного подобного медведю чудовища.

У скальной стены они повернули на север. Местность плавно понижалась на восток, опускаясь к песчаному берегу далеко под ними.

Казалось, что настроение Дейл за последнюю ночь значительно улучшилось. Пока они шли по низкой траве на краю скальной стены, она мурлыкала разные мелодии, которые были популярными, когда они покидали Землю.

Состояние Царькова тоже, казалось, было намного лучше, чем вчера. Хотя они поели не слишком сытно и вынуждены были спать на открытой местности.

Мрачное настроение, охватившее их прошлым вечером, улетучилось в лучах утреннего солнца.

Был уже полдень, когда они достигли берега моря. Они обнаружили дорогу — а с ней и уверенность, что город покинут.

Дорога шла с запада вдоль моря, потом поворачивала на север и пару сотен метров вела над берегом прямо в город, который теперь находился менее чем в пятистах километров.

Сначала Флеш только заметил, что часть местности, по которой они приближались к городу, была неестественно плоской. Они пробрались через густой кустарник и ступили на широкую дорогу.

Поверхность дороги состояла из материала, какого они еще никогда не видели. Он, казалось, был комбинацией из многих веществ — твердого камня с непрозрачной пластмассой, которая была гладкой, как шлифованное стекло. Она не была повреждена, поцарапана или выветрена. Однако, насколько они могли видеть, она в обоих направлениях была покрыта листвой, упавшими ветками и пометом животных.

— Этой дорогой не пользовались по меньшей мере лет сто, — сказал Царьков и посмотрел на город. На этом расстоянии башни высоко возносились в небо перед ними. Высота их была метров тысячу, а, может быть, даже и больше.

— Итак, это место покинуто, — тихо сказала Дейл. Она оглянулась назад, туда, откуда они пришли, на водопад. Масса воды рушилась вниз с высоких скал в огромную чашу, из которой она устремлялась в море. В ее брызгах на половине высоты скальной стены мерцала и играла радуга.

— Мы должны принять решение, — сказал Царьков. — Там, у реки, мы найдем пищу и воду. А в городе, может быть, мы не найдем ничего. Ни пищи, ни воды.

— Что ты имеешь в виду, говоря это, дядя? — нервно спросила Дейл.

— Я имею в виду, что будет умнее вернуться по берегу к подножию водопада. Там есть свежая вода. Может быть, мы там найдем черепах или еще что-нибудь съедобное. Когда мы поедим и отдохнем еще одну ночь, мы сразу же утром сможем отправиться в город.

Дейл покачала головой.

— Нет, — просто сказала она. — Я не хочу проводить еще одну ночь на открытой местности. Если существует механизм, который включает ночью свет, там так же должна быть и свежая вода. Мы ее найдем.

— Флеш? — спросил Царьков.

— Если мы не найдем в городе ничего, я всегда могу пойти назад, к водопаду, и принести оттуда воды. Какой-нибудь сосуд мы там обязательно найдем. Я думаю, мы должны идти дальше, — он посмотрел на город. — Так или иначе, но наше выживание чертовски сильно зависит

от того, что мы там найдем. И чем раньше мы начнем осматриваться, тем больше у нас появится шансов.

Царьков согласился, хотя не был в этом убежден. Они пошли по заваленной мусором дороге к городу, каждый со своими ожиданиями и страхами, однако, все они хорошо сознавали, что это отнюдь не была воскресная прогулка. Речь шла о жизни и смерти.

Дорога шла вдоль берега направо и вела в район доков и мест стоянок. Чем ближе они подходили к городу, тем больше они встречали больших строений, которые, очевидно, служили ангарами.

Они больше нигде не видели других дорог, хотя в таком большом городе можно было ожидать, что наземный транспорт является здесь главным средством передвижения. Когда они подошли еще ближе, они, кроме всего прочего, обнаружили, что город имел два уровня. Нижний уровень, на котором они находились, охватывал дорогу, доки и ряд темных отверстий в нижней части зданий. Собственно улицы города, если такие имелись, а также входы в здания находились на верхнем уровне, примерно в десяти метрах над подъездной дорогой. Лестниц или виадуков, по которым можно было бы попасть на верхний уровень, с края города не было видно.

Сразу же после полудня они подошли по низенькому мостику, который вел в нечто вроде гавани, и вошли в город, или, во всяком случае, в область порта. Дорога бежала дальше, вдоль домов. Со стороны берега находились грузовые ангары, а с другой стороны были туннели, ведущие под городские дома. Здания на нижнем уровне состояли из того же материала, что и дорога. Он был похож на естественный камень, но блестел в лучах солнца и был гладким, как стекло. И так же, как на дороге, на зданиях тоже не было никаких следов старения или выветривания, кроме травы и ветвей, наваленных на дорогу.

В туннелях, ведущих под город, лежал толстый слой пыли. Действительно, прошло много времени с тех пор, как здесь кто-то был в последний раз.

— Ни в одно из складских помещений, казалось, не было входа. Они были похожи на большие высеченные и покрытые пластмассой каменные блоки.

Пройдя по дороге мимо складов около двух километров, они достигли широкого виадука, ведущего на верхний уровень города. Дейл была первой, кто ясно заметил разницу между виадуком и улицей, по которой они шли.

— Он чистый, — произнесла она, когда они посмотрели вверх, на виадук.

Сначала Флеш не понял, что она имеет в виду, однако потом это почти повергло его в шок. Виадук был ч и с т . Им, очевидно, пользовались, и совсем недавно. Покрытие его блестело в свете солнца, как будто его только что отполировали.

Дейл со всей возможной скоростью помчалась вверх по виадуку. Царьков окликнул ее, велев ей подождать, однако было уже поздно. Или

она не слышала его, или просто проигнорировала его предупреждение. Во всяком случае она остановилась только тогда, когда достигла верхнего уровня. Она вскрикнула, и ее крик показался им радостным.

Флеш и Царьков поспешили к ней. Когда они достигли конца виадука, Царьков начал задыхаться. Несмотря на это, вид, открывшийся перед ними, заставил его застонать.

Все трое с открытыми ртами уставились на протянувшийся вдаль, усаженный деревьями бульвар. То, что он, по-видимому, предназначался для пешеходов, доказывали мощеные прогулочные дорожки, которые, казалось, бесцельно извивались между ухоженными лужайками, кустарником, маленькими деревцами и клумбами с цветами. Тут и там были искусно оформленные источники, низвергавшиеся фантастически выглядевшими водяными каскадами; маленькие животные паслись на зеленых лужайках среди великолепия красок и источников, цветов, а также самих дорожек, которые, казалось, были составлены из осколков радуги.

На каждой стороне широкого бульвара, тянувшегося перед ними, насколько хватало глаз, поднимались чудесные здания города. Огромные, но несмотря на это, стройные башни блестели и сверкали в свете солнца.

На высоте бульвара здания были остеклены, и за огромными окнами было множество незнакомых вещей и предметов. Очевидно, они находились в районе магазинов, и Дейл была вне себя от радости и возбуждения.

Флеш и Царьков сейчас же поняли значение того, что они увидели. Трава была только что коротко подстрижена: стекла витрин были чисто вымыты; и несмотря на присутствие небольших животных, бегающих среди кустов и живой изгороди, пешеходные дорожки были тщательно выметены. Город н е б ы л покинут.

Дейл хотела подбежать к одной из витрин, но Флеш остановил ее.

— Нам лучше быть осторожнее, — сказал он.

Она освободилась от его захвата и подпрыгивая побежала вдоль дорожки, которая вела к витрине.

— Как великолепно! — воскликнула она, и ее голос отразился от стен зданий. — Просто чудесно!

Царьков первым увидел движение и предупреждающе кивнул.

Дейл внезапно остановилась и на ее лице появилась неуверенность.

— Дядя... — начала она, однако тут она тоже увидела это. В паре сотен метров от них, перед магазинами, появилась маленькая автоматически управляемая машина, парившая на воздушной или антигравитационной подушке. Она была темно-серого цвета и совершенно бесшумно скользила над дорожкой.

Машина заметила движение Дейл и полетела прямо к ней.

Флеш прыгнул вперед и побежал к Дейл, когда машина выпустила большие захваты и ускорила ход.

Машина была узкой. За управляющими и сенсорными устройствами находился большой ящик.

В самое последнее мгновение, когда машина уже достигла Дейл, Флеш подпрыгнул высоко в воздух. Он ударом обеих ног отбросил машину в сторону, а следующим ударом опрокинул ее.

Дейл отпрыгнула в сторону, и Флеш грубо схватил ее за локоть. Они побежали назад, к виадуку, а машина тем временем, размахивая захватами, пыталась снова перевернуться; почти как лежащая на спине черепаха.

Царьков выкрикнул еще одно предупреждение, и Флеш своевременно оглянулся. Полдюжины маленьких машин со всех сторон мчались к ним и к опрокинутой машине и они отрезали их от виадука.

Флеш, все еще тащивший за собой Дейл, пересек один из тротуаров и пробежал через большую лужайку, нырнув в группу ухоженных кустов. Мгновением позже к ним присоединился совершенно обессилевший Царьков с бледным, как мел, лицом.

— Если нам удастся добраться до одного из источников, я не думаю, что машины будут преследовать нас в воде, — произнес Флеш. Он беспокоился за Царькова. Он не рассчитывал на то, что возбуждение увеличит силы старика. Если он сломается, его едва ли можно будет защитить от такой опасности.

Однако, Царьков снова восстановил дыхание и слегка улыбнулся.

— Не так быстро, Флеш, — сказал он тяжело дыша. — Я думаю, мы здесь в безопасности.

— Эти машины... — Дейл заплакала. Она дрожала всем телом, и Царьков положил руку ей на плечо.

— Смотри, — сказал он.

Флеш проследил за взглядом Царькова и тоже увидел, что там происходило.

Две другие машины подняли перевернутую машину и потащили ее прочь, в то время как полдюжины других машин вычистили тротуар и вернулись назад, больше не обращая на них никакого внимания.

Царьков выбрался из кустарника. Он сломал ветку на одном из кустов, подошел к одной из дорожек и уронил на нее ветку. Сейчас же подлетела одна из машин, не обращая никакого внимания на неподвижного Царькова, подняла упавшую ветку и исчезла с ней.

Царьков громко рассмеялся.

— Мусороуборщик, — сказал он.

— Мусороуборщик? — недоверчиво переспросила Дейл, пока они с Флешем выбирались из кустарника.

Царьков кивнул и рассмеялся еще громче. На мгновение Флеш подумал, что смех Царькова был истерической реакцией на опасность, миновавшую несколько минут назад. Но потом Царьков снова взял себя в руки.

— Мы не принадлежим к этому городу, поэтому машины приняли нас за отходы... за мусор... и хотели убрать нас. Но когда мы напали на одну из них, прилетели другие, чтобы устранить повреждения и убрать обломки.

— Ящики в задней их части, предназначены для мусора, — сказала Дейл, как зачарованная наблюдая за работой машин.

— Прекрасно, великолепно... кроме двух вещей, — сказал Флеш, — во-первых, отходы, которые они убирают. Я уверен, что они их как-то уничтожают. Если они нас поймают, мы погибнем.

Дейл вздрогнула, а Царьков посмотрел Флешу в глаза.

— Техника — это вторая вещь, которая вас интересует, не так ли?— спросил он. Флеш кивнул.

— Она здесь неуместна, док. Если я не ошибаюсь, машины эти сделаны из устаревшего легированного алюминия. Если смотреть с точки зрения техники, то от таких машин к аппарату на борту "Доброй Надежды" и к городу долгий путь.

— Может быть, мы находимся в музее, — предположила Дейл.

— Нет, — задумчиво ответил Царьков, — Флеш прав. Я думаю, эти уборщики созданы уже спустя много времени после того, как жители покинули город.

— Но кем? — спросила Дейл придушенным голосом.

— Я этого не знаю, — медленно ответил Царьков. Последний робот-уборщик исчез, оставив после себя безупречно чистый бульвар. — Если мы узнаем, кто их построил и почему, мы приблизимся к пониманию того, почему покинут этот город.

— Если он покинут, — сказал Флеш.

— Что ты имеешь в виду, Флеш? — спросил Царьков после долгого молчания.

— Я не знаю, — осторожно ответил Флеш. — Это только неопределенное ощущение, — он посмотрел на витрины с мириадами предметов, а потом взглянул вниз в длинное цветастое ущелье между гигантскими зданиями.

Тот, кто построил этот город, должно быть, очень человекоподобен. Это место просто излучает удобство и, что еще важнее, кажется знакомым. Хотя Флеш никогда еще здесь не был, ему казалось, что он это уже где-то видел.

— Я не пойду назад, к реке, — сказала Дейл. Она постаралась, чтобы ее голос звучал твердо, но он звучал не очень убедительно.

Флеш повернулся к ней.

— Нет, мы не пойдем назад. Наше выживание все еще зависит от того, что мы здесь найдем.

— Тогда у нас остаются две возможности и пара необходимостей, — сказал Царьков. — Мы можем или расположиться здесь лагерем, или найти все необходимое в магазинах.

— А в чем необходимость? — спросил Флеш.

— Воду мы имеем в изобилии благодаря источникам. Но нам также нужны пища и крыша над головой.

— В моем лазерном пистолете больше нет энергии, чтобы подстрелить какое-нибудь животное или развести костер. А я не склонен к

тому, чтобы охотиться на маленьких зверушек и есть их сырыми. Итак, остаются только магазины.

— Если я найду одежду, которая мне подойдет, я возьму ее и надену сегодня ночью, — грубо произнесла Дейл, и это высказывание улучшило ее настроение.

— Если мы будем подальше держаться от дорожек, с нами не должно ничего произойти, — проговорил Царьков.

Когда они шли через большую лужайку к ближайшей подходящей витрине, солнце стояло уже довольно низко. Скоро станет темно, и Флеш хотел задолго до этого найти какое-нибудь убежище на ночь. Ему не хотелось проводить ночь под открытым небом, особенно без костра.

Вещи на витрине были ошеломляюще знакомы и одновременно какие-то чужие. В одной из витрин лежало что-то похожее на затвердевшие, материализованные молнии; другая содержала приборы, снабженные экранами, которые могли быть всем: от крошечных голографических рокордеров до охранительниц в карманном варианте. В следующей витрине находились сотни небольших странной формы блоков и каких-то камней.

Вдруг Царьков почувствовал себя несколько неудобно и оглянулся через плечо. Они стояли в тени одной из башен, подножие которой выступало на несколько метров над бульваром. Царьков отвернулся от витрины. Казалось, что-то магнетически притягивало его.

Мгновением позже Дейл подняла голову вслед за своим дядей, а тут и Флеш тоже ощутил что-то.

Это было так, словно его тело стало струной какого-то музыкального инструмента и кто-то или что-то играло на нем. Флеш последовал за Дейл и Царьковым на бульвар, в свет заходящего солнца. На горизонте появилось зрелище, которое было одновременно и жутким, и приятным.

Радуга, казалось, протянувшаяся через все небо над солнцем, сопровождалась глухими раскатами грома. В течение нескольких секунд небо под сверкающей радугой заполнилось кипящим, почти слепящим потоком красок и вспышек молний. И все это сопровождалось почти мелодичными звуками.

Повсюду вдоль бульвара зажигались мягкие светящиеся фонари, и свет их вспыхивал в источниках калейдоскопом красок. И все еще росло, пульсировало нечто занимающее теперь половину западного горизонта. Это нечто превратилось в трехмерное образование непередаваемой красоты.

Флеш почувствовал, как его против воли тянет на запад, вниз по бульвару. Несмотря ни на что, он не сопротивлялся, когда они покинули лужайку и пошли по широкому, золотистому тротуару.

Флеш краем глаза замечал, как над ними и вокруг них вспыхивали огни. Он смутно представлял себе, сколько времени прошло, когда они, наконец, подошли к шару возле лестницы и эйфория пронизала их и взволновала, как ветер пшеничное поле.

Переходящие друг в друга картины появились перед его мысленным взором — занятие любовью с его женой, с Дейл, разговоры с доктором Царьковым, полет на "Неустрашимом", выигрыш в Три-В; он пьет хорошее вино; плывет под парусами в южной части Тихого океана. Все это сопровождалось такими приятными ощущениями, что вся его душа тосковала больше и больше. Это было словно сладкий аромат цветов, который трудно обнаружить, но он все же существует.

И он почувствовал власть, и знание, и силы... такие мощные, что он с благосклонностью посмотрел на Дейл и Царькова, которые, как ему казалось, были странно ниже его.

Все эти ощущения были реальны. Флешу казалось, что он еще раз переживает все самое прекрасное, что только было в его жизни. Но несмотря на это, часть его разума осознавала тот факт, что они стояли перед огромным прозрачным шаром, который, казалось, состоял из какой-то пластмассы; он парил над входом на широкую лестницу, которая вела вниз, в ярко освещенный коридор.

Интенсивность видений на западном горизонте усилилась, скорость их изменений все увеличивалась. Когда картины бешено помчались и непонятными узорами стали струиться через его душу, Флеш почувствовал боль — жгучую, колющую муку, перехватившую его горло.

Дейл упала на колени, а Царьков почти уже потерял сознание, и это на довольно продолжительное время отвлекло Флеша от гигантского шара, через который он смотрел на видение на небе.

Времени было вполне достаточно, чтобы Флеш осознал окружающее... и он понял, что они все умрут, если останутся снаружи под влиянием видений на западе. Он шагнул вперед и ступил на первую ступеньку лестницы. Он потащил за собой Дейл и Царькова. Как зомби, они, шатаясь, шли прочь от фантастических красок и звуков.

— Флеш? — вскрикнула Дейл. Ни она, ни Царьков не сопротивлялись ему, когда он вел их вниз, в коридор, который находился по меньшей мере метрах в пятнадцати под бульваром.

Они остановились у подножия лестницы, и Царьков посмотрел назад и вверх. На его лице было выражение глубокого благоговения.

— Что это было? — спросил Флеш. Царьков медленно обернулся.

— Я этого не знаю, — сказал он, покачав головой. Он казался почти опечаленным и снова посмотрел вверх по лестнице. — Я за всю свою жизнь еще не встречал ничего подобного.

Дейл была совершенно потрясена. Ее лицо было бледным, как мел, когда она проследила за взглядом Царькова. Казалось, что она находилась под гипнотическим внушением, повелевавшим ей вновь подняться по лестнице.

Они стояли в широком коридоре с безупречно белыми стенами и высоким потолком. Он тянулся в том же направлении, что и бульвар. Далеко впереди, на западе, Флеш заметил расширение коридора. По крайней мере, они здесь находятся под защитой от ночи, подумал он.

Если они останутся у лестницы, существует опасность, что Дейл или Царьков снова выйдут наружу.

Он протащил их еще пару метров вниз по коридору, и они начали приходить в себя.

Царьков вздрогнул и удивленно покачал головой.

— Это словно сон, — тихо сказал он. Он повернулся к своей племяннице. — Ты в порядке, Дейл?

— Я думаю, да, — сказала она. — Это была реальность, дядя? Я имею в виду, все эти вещи произошли на самом деле?

— Какие вещи, — спросил Флеш. Дейл некоторое время смотрела на него, как на чужака.

— Ты был там, — сказала она, — по крайней мере, я так думаю.

— Где? — настаивал Флеш.

На ее лице появилось мечтательное, восторженное выражение, но она согнала его.

— Я не знаю, — ответила она. — Это было так реально, но теперь я больше не помню... не помню так ясно.

Яркая вспышка осветила лестницу и погасла снова. Они инстинктивно отступили назад. Следующая вспышка отразилась от стены коридора, находящейся напротив лестницы. Флеш почувствовал как его потянуло вперед, когда узоры затанцевали взад и вперед по стене.

Флеш схватил Дейл и Царькова за руки, они повернулись спинами к лестнице и со всей скоростью, на которую они были способны, побежали вниз по коридору.

Мелодичные звуки, если их так можно было назвать, казалось, летели вслед за ними по коридору, но, к счастью, их эффективность уменьшалась тем больше, чем дальше они уходили от лестницы. Наконец, они вошли в огромное помещение. Коридор заканчивался залом, который был поразительно похож на вокзал Всеземной подземной дороги. Коридор, по которому они пришли сюда, был только одним из бесчисленных отверстий в стенах гигантского помещения. В некоторых коридорах проходила монорельсовая дорога.

На потолке находился треугольный видеоэкран, который в настоящее время был пуст. Флеш сейчас же понял, что он служит для информации о прибытии и отправлении поездов.

У него снова появилось чувство, что это место сделано людьми; что его назначение знакомо ему. И все же все это было ему чужое.

Дейл, очевидно, почувствовала тоже самое, потому что она облегченно вздохнула.

— Станция подземки, — сказала она и замолкла, когда из одного из коридоров появился вагончик, бесшумно скользнул в центр зала и мягко остановился там.

Вагончик был длинным и узким, с низкими боковыми стенками и удобно сделанными контурными креслами. Он мог вместить по меньшей мере дюжину существ с пропорциями тела человека.

— Вы не находите, что все это странно знакомо? — спросил Флеш. Он уставился на вагончик, как на привидение.

Царьков кивнул.

— Город, полевая дорога, животные, а теперь вот еще это здесь... да, — сказал он. — Но только не это небесное явление.

— Техника едва ли сильно отличается от нашей, — сказал Флеш, все еще уставившись на вагончик.

— В основном все это похоже, — Царьков осторожно подбирал слова. — И все же есть разница. Все кажется простым. Слишком простым. Просто примитивным для этого места.

Позади них, на лестнице, все еще пульсировала фантастическая игра красок.

Они не могли вернуться туда. Оставался только один путь вперед. Только один путь. Почти казалось, что их нарочно гонят в этом направлении. Однако, кто и зачем это делает, Флеш даже не мог предположить.

Прозвучал гонг. Когда они инстинктивно оглянулись, они увидели, что на видеоэкране на потолке появились символы и диаграммы.

Такой же гонг прозвучал и на вагончике. Сразу же после этого он пришел в движение и исчез в одном из ходов. Видеоэкран погас.

Внезапно появился другой вагончик, который тоже бесшумно остановился в центре вокзала.

— Здесь мы оставаться не можем, — сказал Флеш и подошел к вагончику. Однако, Царьков удержал его.

— Мы не знаем, куда он отправляется, — сказал ученый.

Флеш повернулся.

— И мы отсюда не можем этого узнать, — он посмотрел на Дейл, — мы не можем оставаться здесь. И мы также не можем снова выйти наружу. Во всяком случае, не сегодня.

Дейл и Царьков молчали.

— Если мы хотим выжить, мы должны продолжить осмотр.

— Но только систематически, — сказал Царьков.

Прозвучал гонг, и на экране снова появилась непонятная информация. Потом и этот вагончик отправился с вокзала.

— Если здесь имеется подземка, то здесь должна быть и ее схема. Нужно установить, куда отправляются отсюда вагончики.

Снова на вокзал прибыл вагончик, и на этот раз они направились через зал к нему. На нем не было никаких символов и в нем также не было никаких рычагов управления.

— Флеш! — крикнула Дейл. Они с Царьковым обернулись и увидели, как несколько роботов-уборщиков вылетели из коридора, ведущего на бульвар.

— Быстрее в вагончик! — крикнул Флеш.

Когда они забрались в него, прозвучал гонг на потолке и вспыхнул видеоэкран.

Через пару секунд вагончик должен был отправиться. Однако, роботы быстро приближались.

— Давай... давай... — в отчаянии кричал Флеш.

Когда вытянутые манипуляторы роботов были уже менее чем в двух метрах от них, в вагончике прозвучал гонг. Он двинулся сначала медленно, потом скорость стала увеличиваться, и они внезапно покинули вокзал. Вагончик продолжал набирать скорость. И их вжало в контурные кресла.

У Флеша появилось непреодолимое чувство, что они были на верном пути. Но куда, он даже не отважился предположить. Потом ход внезапно круто пошел вниз, и вагончик помчался еще быстрее.

10.

Вагончик мчался вниз, в глубины планеты. Кроме проносившихся мимо стенок туннеля, не было никаких ориентиров для определения их скорости. Не было никаких звуков, никакого встречного потока воздуха, никакой вибрации.

Они не ели и не пили с тех пор, как рано утром отправились в город. Царьков апатично сидел возле Флеша. За все прошедшие десять минут их казавшегося долгим путешествия старый ученый не проронил ни слова, очевидно, погрузившись в свои собственные мысли.

Дейл молча уставилась вперед в однообразный туннель. Ее руки крепко стискивали подлокотники, костяшки ее пальцев побелели.

Шаг за шагом, начиная с "Доброй Надежды" на околоземной орбите, их неуклонно влекло сюда. Был ли это твердый план какого-нибудь разумного существа, или только автоматические действия старых механизмов, Флеш не знал.

Но одно он знал точно. Если в конце этого путешествия они не найдут чего-нибудь поесть или попить, Царьков, вероятно, не выдержит ближайшей ночи, а если выдержит, то ни в коем случае не переживет следующего дня.

Флеш был уверен, что теперь они находятся, по меньшей мере, в сотне километров под поверхностью планеты. Он только повернулся к доктору Царькову, как вагончик вылетел из туннеля, в пещеру невообразимых размеров. Дейл застонала, а Царьков очнулся от своей летаргии, когда вагончик понесся по своему тонкому рельсу над, по-видимому, бездонной пропастью.

Огромные арки из сверкающей керамической субстанции вздымались под потолок пещеры, их концы терялись вдали. Гигантские машины всевозможных форм заполняли все свободное пространство, как деревья в лесу.

Висели цепочки светильников; огромные гало из сверкающих красок опутывали совершенно незнакомые объекты, размеры которых были почти непредставимы.

Противоположная стена быстро приближалась, и вагончик снова нырнул в отверстие туннеля. Стены снова помчались мимо них.

— Что это было? — спросила Дейл.

Царьков медленно и неуверенно покачал головой.

— Я этого не знаю, — ответил он. Голос его дрожал.

Флеш нагнулся над стариком.

— Все в порядке, док?

Глаза Царькова слегка повлажнели.

— Я не знаю, Флеш, я устал.

Маленькие капельки пота выступили над его верхней губой. Кожа Царькова приобрела нездоровый восковой оттенок. Флеша внезапно обеспокоило здоровье его старого друга.

Вагончик влетел в следующую гигантскую пещеру, заполненную механизмами. Она протянулась насколько хватало глаз. Тонкий, свободно висящий рельс вел через лабиринт гигантских аппаратов. Через некоторое время рельс пошел еще круче вниз и вагончик еще больше увеличил скорость. Гигантские колонны машин все выше и выше вздымались над ними, однако пола пещеры все еще не было видно — насколько они могли видеть, во всех направлениях были только провода и части машин.

— Дядя! — внезапно воскликнула Дейл и схватила Флеша за руку.

Царьков схватился за грудь. Лицо его посерело. Пот бежал по лбу, а его рот был искажен от сильной боли.

Флеш расстегнул воротник одежды Царькова. Царьков дышал толчками, но они ничего не могли для него сделать.

— Ханс! — крикнул Флеш, но Царьков, казалось, ничего не слышал.— Ханс, вы должны выдержать! — взгляд Царькова блуждал. Он повернулся и уставился на Флеша. Слезы бежали по щекам Дейл. Она хотела прикоснуться к своему дяде, не зная, как ему помочь. Она дрожала всем телом.

Однако, вскоре приступ, казалось, кончился. Выражение боли постепенно исчезло с лица Царькова. Дыхание его стало легче и кожа его постепенно стала приобретать нормальный цвет.

Старик попытался заговорить, но это ему не удалось. Когда он хотел подняться, Флеш удержал его.

— Спокойнее, док, — сказал Флеш, — сначала отдохните.

— Это все его сердце, — произнесла Дейл сквозь слезы. — Он не хотел идти к врачу. Ему немедленно требуется регенерация тканей. Он говорил, что откладывает это, потому что у него нет на это времени.

Под ними, в глубине, выросло что-то похожее на город. Огромные, многоцветные башни и гигантские, плоские четырехугольники сверкали в искусственном свете, не имевшем видимого источника. Казалось, что свет исходит одновременно со всех сторон.

Когда они приблизились к полу пещеры, оказалось, что мнимый город на самом деле был базой чудовищных машин, которая, казалось, была бесконечной.

А потом монорельс описал широкую кривую, вагончик прошел по гигантской дуге, мягко затормозил и остановился в центре местности, похожей на парк, протяженностью, по меньшей мере, в километр.

Ухоженные лужайки, фруктовые деревья и кусты всех размеров и форм были посажены геометрически правильными рядами. Меж ними находились источники, как на бульваре, струившиеся причудливой формы фонтанами в пенящиеся пруды.

Со всех направлений потолка сюда сбегались ветки монорельсов, паутиной расположившиеся над парком на высоте пары сотен метров. Нигде не было видно опор этой сети рельсов — они просто были здесь и тянулись во всех направлениях. Под ними виднелись слабые контуры машин и городских структур, напоминающие фантастический, бесконечный лес, связанный с парком сотнями веток монорельсов, которые тонкими ниточками исчезали вдали.

Флеш и Дейл помогли Царькову выбраться из вагончика и положили его на траву. Сразу же после этого вагончик тронулся с места, помчался вверх по спускающемуся рельсу и исчез.

Дейл быстро сорвала с деревьев несколько плодов, с тех деревьев, которые находились поблизости от них. А потом, не обращая внимания на риск возможных последствий, они съели три плода, облокотившись спинами на стенку источника. Они смотрели на вагончики, снующие по рельсам взад и вперед. Каждый из вагончиков на мгновение останавливался в центре парка, а потом бесшумно уходил в том же направлении, откуда появился.

— Все пути ведут в Рим, — тихо сказал Царьков после того, как они отдохнули с полчаса.

— Что? — переспросил Флеш.

Царьков покачал головой и слегка улыбнулся.

— О, ничего, — ответил он. — Это только поговорка.

— Во всяком случае, мы в любое время можем вернуться назад, на поверхность планеты, — сказала Дейл.

Флешу было ясно, что она искала безопасности и уверенности, что они выберутся отсюда целыми и невредимыми. Опасения Царькова не найти в городе ничего, казалось, сбывались. Перед лицом чудовищных, заполненных машинами пещер и огромного, полного опасностей города над ними, казалось совершенно невозможным найти здесь что-нибудь нужное.

Флеш чувствовал себя, как дикарь Царькова, очутившийся в Новом Лос-Анджелесе. Это место было захватывающим и одновременно чуждым. Хуже всего было то, что оно скрывало опасности, о которых они не имели никакого представления.

Через некоторое время Флеш поднялся. Они должны где-нибудь найти банк информации, библиотеку или банк данных. Место, где они могли бы изучить историю этого мира — кто построил этот город, почему исчезли его создатели, а потом, может быть, они найдут карту пла-

неты. Где-то на этой планете или под ее поверхностью должно было находиться что-то, что должно было помочь им выжить.

— Куда вы хотите идти? — спросил Царьков, подняв взгляд. Он выглядел намного лучше и, казалось, больше не испытывал никакой боли.

— Вы с Дейл останетесь здесь. Я же осмотрюсь.

— Нет, — резко возразил Царьков и попытался встать на ноги.

Дейл вскочила и помогла своему дяде.

— Мы должны оставаться вместе, — сказал Царьков. — Вы же видели, что происходит. Мы не знаем, что может произойти дальше. Вместе у нас есть шансы. Поодиночке — нет.

— Вы в этом уверены, док? — спросил Флеш.

Царьков пожал плечами.

— Можно спорить об этом, Флеш. Во сяком случае, мы не можем просто продолжать сидеть здесь, у источника.

— И мы не можем снова подняться наверх, — вздрогнув, сказала Дейл. — Во всяком случае, до утра.

Они спустились на одну из дорожек, пронизывающих парк, и пошли в центр гигантской зоны.

Вдали они увидели низкое, серое строение и направились к нему. Они тотчас же заметили, что все дорожки в парке вели к этому сооружению в центре. Вагончики тоже замедляли ход на пути, ведущем к строению.

— Единственной целью этого монорельса, кажется, является доставка к этому месту, — сказал Царьков.

— Оно, должно быть, очень важно, — ответил Флеш.

Подойдя ближе, они увидели, что строение имело форму восьмиугольника с темным отверстием на каждой из восьми сторон. Оно состояло из того же материала, что и другие здания города. Стены между входами были покрыты филигранными узорами.

Вокруг строения тянулась широкая дорожка из мягкого материала, похожего на пластик. Все дорожки парка заканчивались на ней. Оттуда, где они стояли, им было видно, что филигранные узоры были не украшением, а каким-то видом шрифта.

— Это инструкции? — спросила Дейл у своего дяди.

Царьков глубоко погрузился в размышления, но через несколько мгновений поднял глаза. Потом он кивнул.

— Ты, может быть, права, моя дорогая. Я уверен, что эти знаки являются указаниями, — он повернулся к своему молодому другу. — Я думаю, мы нашли библиотеку, Флеш.

Царьков подошел к одному из входов и остановился менее чем в метре от него. Он попытался заглянуть внутрь, но там было совершенно темно. Он подошел еще ближе и протянул руку.

— Будь осторожен, дядя, — сказала Дейл, но рука Царькова уже исчезла в отверстии. Мгновением позже он снова вынул ее, на его лице появилось выражение удивления.

— Трансмиттер материи, — медленно произнес он. — Мы еще только начали разрабатывать его техническое обоснование, но наша техника сильно отстала в развитии в сравнении с этой.

Он приблизился к порталу, словно что-то тянуло его вперед, но Флеш мягко отстранил его назад.

— Помедленнее, док. Мы не имеем никакого понятия, куда он ведет, или каково его назначение. Он, может быть, как-то связан с одним из регионов, сюда могут приходить люди, которые хотят умереть. Может быть, он ведет в ничто. Или он — улица с односторонним движением, и пути назад нет. Может быть, он даже ведет куда-то с этой планеты.

— Я не думаю, Флеш, — осторожно ответил Царьков. — Слишком здесь большое движение. Для инструмента религиозного самоубийства сюда приходит и отсюда уходит слишком много вагончиков.

— А где же тогда люди? — тихо спросила Дейл. — Может быть, они все пришли сюда и исчезли?

— Я так не думаю, — сказал Царьков. Он осмотрел портал и, прежде чем Флеш или Дейл успели остановить его, сделал шаг вперед и исчез.

— Дядя! — крикнула Дейл. Она хотела последовать за ним, но Флеш остановил ее.

— Подожди! — крикнул он и оттащил ее подальше от отверстия, когда темнота замерцала. Потом наружу, на дорожку, вышел Царьков.

Дейл подбежала к нему и обвила руками его шею.

— Боже мой, дядя, как ты меня напугал!

Царьков похлопал ее по плечу.

— Все в порядке, моя дорогая. Никаких оснований для страха.

Она порицающе посмотрела на него.

— Было очень глупо так поступать.

— Но один из нас должен был это сделать, — сказал он. — И я сделал разумный выбор, — он повернулся к Флешу. — Это, кажется, действительно центральный банк данных. Вероятно, местные жители использовали монорельс, чтобы попасть сюда, вниз, в этот город, когда им требовалась информация или данные для исследований.

— Это трансмиттер материи?

— Я думаю, да. Помещение, в котором я только что был, огромно по размерам, такое же, как весь этот парк.

По-видимому, банк этот используется для исследовательских целей, вероятно, для астрономии и астрофизики.

— Как вы думаете, вы сможете включить приборы, находящиеся там?

Царьков пожал плечами.

— Я не знаю. Но я охотно попробую.

— И мы найдем путь домой? — возбужденно спросила Дейл.

— Не так быстро, — сказал Царьков. — Может быть, мы не найдем ничего, чем бы мы смогли воспользоваться. И можно с уверенностью сказать, что существует большая доля риска.

— Что ты под этим подразумеваешь? — спросила Дейл.

— Я не совсем уверен, — задумчиво ответил старик. — Все, что мы до сих пор видели на этой планете, скрывает подстерегающую нас опасность.

— Все, кроме этого парка, — сказала Дейл. Она посмотрела через плечо.

— Может быть, мы пробыли здесь еще недостаточно долго, чтобы включились защитные устройства этого парка, может быть и так.

— Тогда пошли, — сказал Флеш. — Мы не должны напрасно терять времени.

Царьков мгновение помедлил, потом снова исчез в портале. Дейл следовала за ним по пятам, а секундой позже Флеш тоже вошел в отверстие.

Мурашки побежали по его телу, и в следующее мгновение он оказался в полной темноте. Потом он вышел в огромное помещение. В паре шагов от него ждали Царьков и Дейл.

Все четыре стены помещения были покрыты видеоэкранами. С потолка свисало множество аппаратов, которые очень сильно напоминали астогационные модели. Сотни пультов, каждый из которых был снабжен контурным креслом, экраном и переключателями, рядами тянулись по этому гигантскому помещению.

Помещение имело только один вход, через который они пришли сюда.

— Подождите минутку здесь, — сказал Флеш, которому в голову внезапно пришла идея. Прежде чем Дейл с Царьковым успели запротестовать, он прошел через портал и снова оказался в парке. Он побежал вокруг строения к другому входу и прошел через него.

На этот раз он снова оказался в помещении, которое было так же велико, как и первое, но было наполнено дюжинами ландшафтов джунглей и гор, очень сложно устроенными, с движущимися животными, ветром и текущей водой.

Он на мгновение уставился на предметы в этом помещении, потом прошел через вход и воспользовался третьим порталом сооружения в парке.

Стены этого помещения были покрыты гигантскими диаграммами. Пока Флеш смотрел на них, линии и контрольные лампочки на диаграммах двигались, меняясь местами и постоянно меняя цвет и силу свечения. В центре помещения находился гигантский круглый пульт, на котором мерцали и бегали какие-то символы. Вероятно, это помещение служило для контроля обеспечения планеты энергией.

Когда Флеш снова вернулся в парк, он увидел перед собой черный человекоподобный механизм примерно на полголовы выше себя.

Долгое мгновение Флеш стоял совершенно неподвижным и смотрел на машину, которая, должно быть, только что подошла к порталу. У нее был симметричный красный корпус, две ноги с тремя суставами, а также две руки, приделанные к гладкому торсу. Каждая рука оканчивалась ладонью с более чем дюжиной многосуставчатых пальцев. Голова ее была клиновидной с двумя световыми сенсорами, напоминающими фасетчатые глаза насекомого.

В целом впечатление было угрожающим, и Флеш внезапно ощутил страх за Дейл и Царькова.

Андроид что-то сказал на языке, звучавшем почти как земной староанглийский. Голос его был ровным и лишенным эмоций.

— Я не могу понять... — начал Флеш.

Но тут он внезапно услышал крик Дейл и зов Царькова; эти звуки, казалось, исходили откуда-то из андроида. Он оттолкнул машину в сторону и, прежде чем та успела среагировать, побежал назад, к помещению, в котором он оставил своих друзей.

11.

Каждое место на этой планете, где они побывали, казалось, обладало своим защитным устройством. В джунглях были медведеобразные существа. В городе — роботы-уборщики. А здесь теперь были черные андроиды. Однако, ни одно из этих устройств, казалось, не соответствовало достойному всяческого уважения техническому уровню развития города или этим фантастическим машинам в подземных пещерах. Казалось, что роботов поместил сюда кто-то другой, когда местные жители этого мира ушли отсюда.

Дорожка снаружи восьмиугольника была пустой, когда Флеш подбежал к порталу, где он оставил на произвол судьбы Дейл и Царькова. Он был уверен, что слышал крик Дейл из динамика черной машины. Однако, не имел никакого представления, что это могло значить.

Он без промедления прыгнул через портал в астрофизическую лабораторию. И тотчас же увидел, как две мащины, точь-в-точь такие же, как та, от которой он убежал, тащили Дейл и Царькова в заднюю часть гигантского зала.

Что-то тяжелое ударило Флеша по плечу, так что он упал на колени и стал хватать ртом воздух.

Перевернувшись на спину, он увидел, как одна из машин напала на него. Он использовал классическую технику Три-В и ударил машину по одному из суставов ее левой ноге.

Материал, из которого была сделана машина, оказался хрупким. Нога ее сломалась, и она упала на пол. Флеш отпрыгнул в сторону, прочь из зоны досягаемости ее рук.

Это была машина, но, несмотря на это, она не была непобедимой. Это придало Флешу уверенности, когда он, все еще не отдышавшись, помчался между пультами к Дейл, Царькову и их конвоирам.

Как только Флеш приблизился к ним, за одним из видеоэкранов открылась большая дверь.

Царьков был без сознания, однако Дейл яростно сопротивлялась тащившим их машинам. Увидев Флеша, она закричала и стала бороться еще более ожесточенно.

Казалось, что это сопротивление Дейл не оказало на машину никакого влияния и она вместе с ней исчезла за дверью. Однако, другой робот выронил Царькова, и Флеш бросился, чтобы помочь старому ученому.

Флеш ударил робота опущенной головой и толкнул его в торс своим мощным плечом. Когда машина опрокинулась, ударившись спиной об один из пультов и выбив при этом сноп искр, дверь, через которую утащили Дейл, закрылась.

Робот дико катался и при этом разбил несколько приборов на пульте. Однако потом он встал и, как сумасшедший, резко размахивая руками, направился к Флешу.

Флеш подхватил Царькова и потащил его прочь от машины, которая внезапно начала ходить по кругу, дико молотя вокруг себя руками.

Веки Царькова затрепетали, и он схватил Флеша за руку.

— Дейл..., — простонал он, — они утащили Дейл!

Машина среагировала на голос Царькова и направилась к ним, конвульсивно вздрагивая.

Флеш затащил Царькова за один из пультов и толкнул тяжелое контурное кресло, загородившее машине дорогу. Робот немного помедлил, однако потом он, спотыкаясь подошел к креслу и попытался убрать его с дороги. Но это ему не удалось. Искры брызнули из культи, как бенгальские огни. В конце концов, машина неподвижно застыла на полу.

Сердце Флеша бешено билось и он глубоко дышал, чтобы успокоиться. Потом он помог Царькову, который с трудом выпрямился и уцепился за край пульта. Старик оперся на руку Флеша и тотчас же начал осматривать помещение.

— Где она? — спросил Царьков. Голос его был слабым, дрожащим и полным страха.

— Робот забрал ее с собой, — ответил Флеш.

Лицо Царькова исказилось от мучительной боли.

— Они ждали нас. Я знал, что должно было что-то произойти. О, боже... Флеш...

— Успокойтесь, док, мы ее обязательно найдем, — сказал Флеш.

Он беспокоился за своего старого друга. Недостаток настоящего отдыха и полноценной пищи истощили Царькова не только физически, но и духовно. Флеш знал, что старый ученый не сможет больше продержаться достаточно долго. И сам он уже чувствовал накатывающееся на него отчаяние. Он сомневался, что они когда-нибудь смогут найти Дейл на этой огромной планете, что бы они не предпринимали.

Флеш оставил Царькова у пульта и направился к стене, в которой исчезла Дейл. Не было никаких признаков, что там когда-нибудь находилась дверь. Не было никаких петель, никаких запоров, не было даже тонкой как волос щели в стене, которая бы указывала на наличие двери.

Царьков наблюдал за каждым его движением. И когда Флеш подошел к нему с помрачневшим лицом, Царьков побледнел, как труп.

— Она исчезла, — прошептал старик и спрятал лицо в ладони. — Она исчезла, и я не мог воспрепятствовать этому.

Флеш положил руку на плечо своего старого друга.

— Вы ничего не могли сделать. Я не должен был оставлять вас одних. Она предупреждала меня. Мы должны были оставаться вместе.

Царьков поднял взгляд. В нем сквозило отчаяние.

— Я должен был защитить ее, я должен был что-то сделать.

Флеш покачал головой.

— Нет, Ханс, — мягко сказал он. — Даже я едва ли что смог бы сделать, а я моложе и сильнее вас.

Царьков умолк, полный умиления.

— Мы ее найдем, — сказал Флеш, — мы найдем ее вместе. Мы только должны узнать, куда они ее поместили.

В глазах Царькова появилась заинтересованность. Ученый в нем взял верх над старым, чувствительным дядей.

— Нет, — сказал он медленно, словно размышляя вслух. — Важно не куда они увели ее, а почему они ее увели. Это и есть ключ. Почему ?

— Мы вторгшиеся, — изрек Флеш, — это сказали вы сами. Мы попали в их защитную систему.

Царьков покачал головой.

— Тогда здесь будут еще роботы. Они направят сюда еще роботов. И будут направлять их до тех пор, пока не возьмут нас.

Флеш начал понимать, что Царьков имеет в виду. Однако, это не имело никакого смысла.

— Она заложница? — спросил он.

— Кажется, что так, — сказал Царьков. Он осмотрел гигантское помещение.

— Тогда, значит, эта планета населена.

— Не обязательно. Как нам удалось узнать, существа, создавшие это место, были чрезвычайно высокоразвитыми. Много более высокоразвитыми, чем мы в Федерации.

— Я заметил это, — сказал Флеш.

— Это значит, что роботы могут управляться высокоразвитой компьютерной системой, которая понимает этические ценности чувствующих существ. Ты ксеносоциолог, Флеш — что ты об этом думаешь? В состоянии ли эта компьютерная система понять моральный принцип ответственности за заложников?

— Если мы будем исходить из того, что любовь или какая-нибудь симпатия имеет ценность... повсюду во Вселенной... да, когда это возможно. Чувствующие существа склонны вкладывать в высокоразвитые машины по крайней мере часть своих этических ценностей. Вспомните хотя бы наши собственные кибернетические законы.

— Тогда вполне возможно, что Дейл — заложница.

— Если это так, значит, мы должны остаться здесь и ждать, чего от нас потребуют — если мы только вообще сможем что-нибудь понять.

Царьков увидел, что Флеш внезапно напрягся.

— Где ты был до сих пор? — спросил он.

— У меня возникла идея относительно других порталов, потому что я не видел других выходов из этого помещения, — сказал Флеш. Он почему-то чувствовал себя виноватым. Если бы он не оставил их одних, Дейл, может быть, не захватили бы.

— Я так и подумал, — сказал Царьков. Его возбуждение росло. — Что ты там нашел?

Флеш рассказал ему о помещении с моделью поверхности планеты, а потом о центре управления снабжением энергией.

Некоторое время Царьков, задумавшись, молчал. Потом он поднял взгляд, заметно возбужденный.

— Вот как? — сказал он и оттолкнулся от пульта. Колени его дрожали, и Флеш подхватил его под руку, чтобы поддержать.

— Что? — спросил Флеш.

— Если Дейл действительно заложница, от нас, вероятно, потребуют, чтобы мы сдались. Сдались машине. Тогда нам нужно иметь что-нибудь в руках.

— Что ты имеешь в виду?

— Пещеры, а теперь еще это место здесь... Что ты на это скажешь?

— Я не знаю.

— А я... — сказал Царьков. — Это место меня убедило. Мы в планетном банке данных, если его можно так назвать. Здесь, в этом здании, имеется восемь исследовательских центров — может быть даже центров управления — в которых заложены данные об этом мире. Такая система нуждается в обеспечении. Я имею в виду машины, которые все это смогут проделать: сохранение данных, наблюдение и обеспечение энергией.

Флеш понял, что хотел сказать Царьков.

— Гигантские пещеры, через которые мы проезжали на пути сюда, вниз... все это чудовищный компьютер.

— Почему бы и нет? — спросил Царьков. — Конечно, часть этих машин предназначена для снабжения энергией города, а может быть, даже нескольких городов на поверхности. Но они также должны обеспечивать энергией и осуществлять контроль над этими зданиями.

— Итак, нам нужно просто закрыть кран, — сказал Флеш, но Царьков нетерпеливо прервал его.

Это не просто кран. Скажи мне, что является важнейшей частью компьютера?

— Его память, — автоматически ответил Флеш.

— Верно. Память компьютера. Его центр хранения информации. Его сердце. Если мы будем угрожать уничтожить его, машина поставит сохранение своей памяти превыше всего.

— И она будет еще сильнее защищать свою память.

— Да, — тихо сказал Царьков. — Она даже может попытаться спрятать свою память. Но это ей не удастся.

На несколько мгновений Флеш снова оказался сбит с толку, однако, потом он понял все, что Царьков пытался объяснить ему все это время. Без лишних слов Царьков оперся о Флеша, и они пошли вверх, к порталу. Робот, которого Флеш вывел из строя во время боя, все еще лежал на полу, изредка вздрагивая.

Снаружи в парке не было видно других машин; но Флеш предположил, что это продлится недолго, пока компьютер не поймет, что они намереваются делать. Итак, они должны были поспешить. Не только поэтому, но еще и из-за Дейл. Они не знали, что происходит с ней в данное время или что с ней произойдет, если они не достигнут успеха.

Они побежали вокруг здания и прошли через портал в помещение энергообеспечения. На протяжении нескольких секунд Царьков всматривался в диаграммы на стенах и пытался разгадать значение мигающих световых символов.

— Я понял, — сказал он наконец, и они прошли к круглому пульту управления в центре помещения.

Световой узор, такой же, как и на стенах, мерцал и на пульте. Под ним находились ряды маленьких пестрых кнопок.

У каждой кнопки был свой собственный символ, напоминающий значки, которые они видели снаружи, на стенах строения.

Без долгих колебаний Царьков осторожно коснулся одной из маленьких кнопок. Сейчас же световой узор на пульте управления и на диаграмме на стенах слегка изменился.

— Так мы это никогда не разгадаем, — сказал Флеш.

— Это нам и не нужно, — ответил Царьков. Он указал на часть настенной диаграммы, образующей соответствующий световой узор. — Я думаю, там показывается энергетический поток к городу, проходящий через это место.

Царьков поискал на пульте соответствующие кнопки и, найдя их, нажал одну за другой, и каждый раз часть светового узора гасла.

— Мы можем отключить весь город. Ну и что из этого? — нетерпеливо спросил Флеш.

Пальцы Царькова играли на кнопках пульта управления.

— Мы можем отключить всю планету и все ее системы. Или, по меньшей мере, можем попытаться это сделать.

Теперь на настенной диаграмме погасли также и другие огоньки, а сам узор мерцал все быстрее и быстрее.

Где-то здесь находится точка, на которой центральный компьютер обнаружит надвигающуюся опасность, угрожающую планетарным системам. Когда это произойдет, он вмешается, я готов держать за это любое пари.

Царьков нажал уже около сотни кнопок на пульте управления. Его пальцы двигались все быстрее и быстрее. Настенная диаграмма стала мерцать в сумасшедшем темпе: большая часть узора погасла, а другая

пылала ярким красным светом, и сложные символы бешено мчались по шкалам приборов.

А потом стены перестали мерцать и затуманились.

Когда Флеш заметил, что огни в огромном помещении стали слабее, он сначала подумал, что у него что-то случилось с глазами. Однако потом он уставился на пульт управления, находящийся прямо перед ним. Пульт внезапно стал прозрачным.

— Док! — воскликнул Флеш и схватил Царькова за рукав.

Старик поднял взгляд.

— Ну вот, теперь это и произошло, — сказал он.

Стены и потолок тоже стали прозрачными, и через пульт можно было различить что-то, отдаленно напоминающее пчелиные соты.

Потом помещение полностью исчезло. Они стояли в центре одной из гигантских позолоченных ячеек, и низкое, глухое гудение наполняло воздух. Здесь было тепло, и пол под их ногами казался мягким, словно они стояли на животе какого-то гигантского живого существа.

Отдельные секции этого сумасшедшего парка поднимались отвесно вверх, насколько хватало глаз. Узкие тротуарчики вели во всех направлениях, словно спицы гигантского колеса. Каждая ячейка имела около метра в поперечнике и освещалась мягким, золотистым светом; казалось, что они находились в глубине какого-то лабиринта.

Флеш и Царьков медленно отошли от центра сот и пошли по узкой дорожке среди других ячеек.

Узкие трубы тянулись, насколько хватало глаз, так же, как и дорожки перед ними.

— А что с тем зданием и парком? — спросил Царьков. — Это должно быть они.

— Что со зданием и парком? — переспросил Флеш. Он говорил приглушенным голосом. Это место было так похоже и на библиотеку, и на церковь.

Царьков улыбнулся.

— Это действительно трансмиттер материи. Однако, вместо того, чтобы перебросить нас в какую-либо точку планеты, он перебросил парк и каждое отдельное помещение сюда, на это место. Итак, мы все это время находились в памяти машины. Это величайшее достижение науки.

— Две вещи в одном и том же месте, — сказал Флеш. Он поднял брови.

— Может быть, на том же месте, но не в то же самое время, — сказал Царьков. Он прикусил нижнюю губу. — Я считаю, что это происходит в результате модуляции или разложения реального времени и пространства. В одно мгновение на этом месте существует помещение управления, в другое — здесь появляется банк данных, а помещение управления уже в другом месте, потом помещение управления снова оказывается здесь и так далее.

— А как насчет Дейл? — спросил Флеш.

Лицо Царькова помрачнело. Он остановился и повернулся.

— Пошли назад.

— И что мы будем делать?

— Вероятно, это втулка "колеса" — центральная ось банка данных. Мы пойдем назад и начнем разрушать соты, может быть, камеру за камерой.

— Надеюсь, ты говоришь это не всерьез, док.

— Нет, — сказал Царьков. — Компьютер знает, что мы здесь. Он знает, что мы совершили вынужденную посадку. Он узнал, что мы пришли в город, и попытался уничтожить нас. Он знал также, что мы подошли очень близко к его памяти, и снова попытался задержать нас, уведя Дейл.

12.

Флеш Гордон всегда любил и уважал доктора Царькова по многим причинам, а также за его дружелюбие и терпимость. Он еще ни разу не видел, чтобы Царьков действовал неразумно. Однако, в то время, как они стояли внутри чудовищной, непредсказуемой машины, он заметил одну из сторон своего друга, о которой он раньше и не предполагал, что она существует.

— Ты действительно хочешь это сделать, док? — в последний раз спросил Флеш.

Царьков отвел взгляд. Потом он посмотрел на Флеша и заметил сильное беспокойство в глубине его глаз.

— Она забрала Дейл, — ответил он.

Мысль об этом наполнила Флеша болью. Несмотря на это, то, что они намеревались сделать, было невероятным: он ясно чувствовал это.

— Если бы машина хотела ей что-нибудь сделать, она не стала бы ее похищать. Вы же сами это сказали. Дейл — заложница. А теперь вы хотите мстить.

Царьков усмехнулся и положил свою руку на руку Флеша.

— Никакой мести, — сказал он, когда они снова вернулись в центр сот. — Мне нужны внимание и сотрудничество этой машины.

— Мы изменим эту ситуацию, — сказал Царьков тихо, но с нажимом.

— Тогда мы должны установить контакт с машиной, а не пытаться разрушить ее.

— Не говоря уже о нас самих. А как с мужчинами и женщинами с "Доброй Надежды"? — в голосе Царькова звучала угроза. — Весьма вероятно, что их убила эта машина.

— А как насчет Сандры Дебоншир?

— Без установки в машинном отделении я никогда бы не счел ее убийцей. Но этот компьютер смонтировал на борту ту установку, и

когда кто-то ступил на борт корабля, она направила его сюда и совершила кораблекрушение.

Флеш покачал головой и пригладил волосы ладонью.

— Это все довольно плохо согласуется между собой.

— Да, — мягко ответил Царьков. — Но эта несогласованность находится там, — он указал на соты, — а не у нас.

Царьков коснулся края одной из камер банка памяти. Материал обломился при легком прикосновении. Кусок величиной с ладонь Царькова упал на пол.

Каждый мускул на теле Флеша напрягся. Машина должна была защищать саму себя. Он был уверен, что она не потерпит того, что сделал Царьков.

Царьков уже поднял руку, чтобы ударить по хрупкому материалу, когда в паре метров от него вспыхнуло световое изображение.

Царьков замер, и они оба уставились на световое изображение, которое становилось то более, то менее резким и, наконец, они увидели Дейл Арден, которая стояла там, протянув руки вперед.

— Перестань, дядя Ханс, — настаивала она. Голос ее доносился откуда-то издалека.

— Дейл! — крикнул Царьков.

— На самом деле я не здесь, дядя. Это только голографическая проекция.

— Где ты? — спросил Флеш.

— Ты в порядке? — в свою очередь спросил Царьков. — Она тебе что-нибудь сделала?

— У меня все хорошо, дядя. Но ты не должен разрушать память машины. Мне сказали, что ее уже никогда нельзя будет отремонтировать.

— Я уничтожу все, если они не освободят тебя целой и невредимой.

Она посмотрела на кого-то, кто находился вне поля их зрения, потом снова повернулась к ним.

— Нет! Я слышала, что вы только что сказали. Мы работали со всей возможной скоростью, чтобы собрать проектор голограмм. В действительности все не так, как это кажется. Вы должны поверить мне.

— Кто с тобой? — спросил Флеш.

В ее глазах появилось своеобразное беспокойство, когда она снова оглянулась через плечо.

— Вам все объяснят. Но вы сначала должны увидеть это собственными глазами. Вы мне не поверите, если я расскажу вам все теперь.

— Они что-то с ней сделали, — сказал Царьков Флешу. — Если мы отсюда уйдем, мы можем потерять все.

— Дядя, — крикнула Дейл. — Пожалуйста, уйдите отсюда. Одно ваше присутствие в банке данных причиняет чудовищный вред. Пожалуйста.

Флеш взглянул на Царькова, и старый ученый тяжело вздохнул. Наконец, он кивнул.

— Как нам выбраться отсюда? — спросил Флеш. На лице Дейл тотчас же появилось выражение облегчения.

— Возвращайтесь назад, в центр сот, и вы снова материализуетесь в помещении управления энергоснабжением. Оттуда возьмите какой-нибудь вагончик монорельса к поверхности. Я буду вас там ждать.

— Ты уверена, что все в порядке, Дейл? — спросил Флеш.

— Да, — сказала она. — Я устала и боюсь. С вами произойдет то же самое, если вы останетесь здесь. Но я в полном порядке. Теперь, пожалуйста, поспешите. Мне сказали, что тепло ваших тел и ваши испарения разрушили миллионы ячеек.

Изображение исчезло. Гигантская пещера с клетками памяти машины замерцала и стала прозрачной. Вокруг них появилась централь энергоснабжения.

Настенная диаграмма и пульт управления снова были приведены в первоначальное состояние. Когда материализация закончилась, Флеш помог Царькову подняться к порталу.

Снаружи, в парке, они на мгновение задержались.

— Я не разрушал памяти машины, Флеш, — печально сказал Царьков.— Я хотел только привлечь ее внимание, и мне это удалось.

— Мне очень жаль, что я принудил тебя, — сокрушенно сказал Флеш.

Они молча поднялись в вагончик, который только что подошел.

Вагончик сразу же пришел в движение и со все увеличивающейся скоростью помчался по рельсу, который, описывая пологую кривую, пошел к потолку, по направлению к поверхности планеты.

Царьков уронил голову и закрыл глаза. Тоже сделал и Флеш: во время их более чем двадцатиминутной поездки он, казалось, погрузился в свои собственные мысли.

Дейл, как и обещала, ждала их на вокзале монорельса. Она поспешила к ним, чтобы помочь дяде выбраться из вагончика, издав при этом вздох облегчения.

— О, боже... Я так беспокоилась о тебе, дядя Ханс. Я не знала, что мне делать, когда прекратилось снабжение города энергией и они сказали мне, что в этом виноваты вы оба.

— Кто это о н и? — спросил Флеш, вылезая из вагончика и останавливаясь позади Царькова.

Она посмотрела на него.

— Тебе предстоит шок. Вам обоим.

— Ты в порядке? — спросил Флеш.

Она кивнула.

— Как я уже сказала, я устала. Но я в порядке.

Она, казалось, на мгновение о чем-то задумалась, однако потом снова подняла глаза.

— Для всех нас скоро многое изменится, но мои чувства всегда останутся прежними.

Она взяла дядю за руку.

— Это недалеко, — сказала она. — И там есть, что поесть и попить.

Она повела их назад, по длинному коридору к лестнице, ведущей наверх, на бульвар. Они без колебаний стали подниматься по ступенькам.

— А как насчет этой штуки на небе? — спросил Флеш, пока они, помогая Царькову, медленно поднимались наверх.

— Я еще до сих пор не знаю этого, — сказала Дейл, — но во всяком случае, она исчезла.

— И эти роботы-мусорщики? — спросил Царьков.

Дейл рассмеялась.

— Мусорщики? Они ими и были. Но они нам больше ничего не сделают.

Была уже поздняя ночь. Воздух был холодным, а небо темным. Потом город залили потоки света, хотя он все еще выглядел покинутым. У конца лестницы Дейл подождала, пока Царьков восстановит дыхание. Потом она повела их мимо прекрасных источников, по бульвару, к одной из гигантских башен.

Когда они приблизились к этому строению, поднимающемуся над бульваром по меньшей мере на километр, часть стены засветилась и исчезла. Они через этот вход вошли в строение и оказались в громадном вестибюле. Пол вестибюля был из каменной плитки, здесь были огромные окна, выходившие на бульвар, и множество деревьев и других растений, которые поднимались к потолку, находящемуся не менее, чем в сотне метров над ними.

В центре гигантского вестибюля Дейл ввела их во что-то, что выглядело обычным антигравитационным лифтом. Но вместо движения во время подъема в антигравитационном поле, они ощутили легкий зуд. В долю секунды вестибюль исчез и на его месте появился широкий коридор.

— Мы на месте, — сказала Дейл.

— Мы двигались вверх или вниз? — спросил Флеш.

— Вверх, — ответила она. — Мы на верхнем этаже. Вид отсюда чудесный. Можно видеть водопад и реку, вытекающую из джунглей.

Царьков осмотрел устройство, из которого они только что вышли.

— Транслятор материи?

— Я думаю, да, — ответила она. — Они, кажется, использовали его для многих целей.

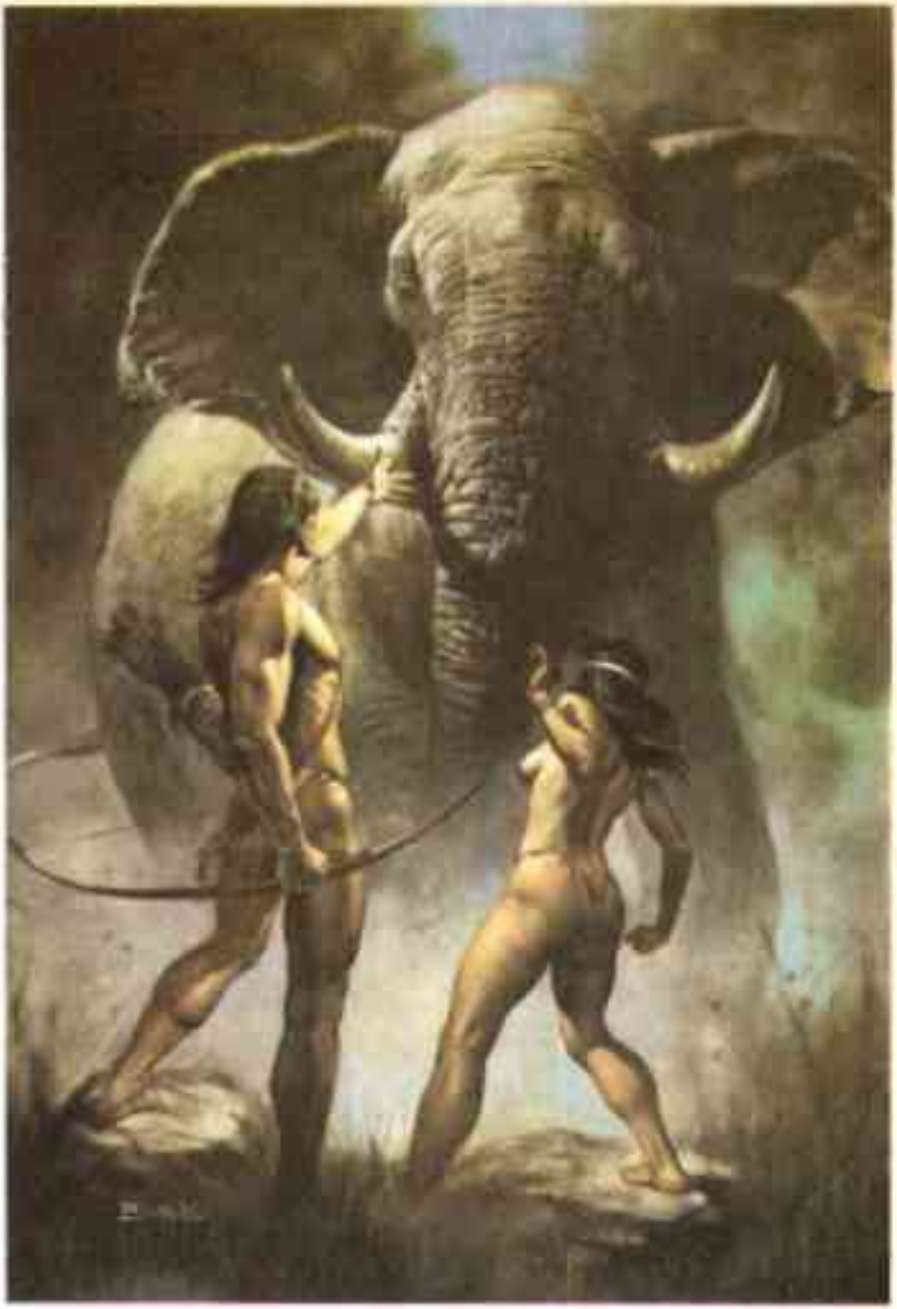
— Использовали? — спросил Флеш, — в прошлом?

Дейл кивнула.

— Я не знаю всей этой истории, но мы ее скоро услышим. Во всяком случае люди, которые построили все это, исчезли. Очень, очень давно.

Метров через пятьдесят коридор сделал резкий поворот. В метре до поворота Дейл остановилась и посмотрела на них.

— Приготовься к неожиданности, дядя, — мягко сказала она.

Зак. 3975. Нет

— Я готов, — ответил Царьков, а Флеш только кивнул.

Они все трое повернули за угол и вошли в большое, скудно освещенное помещение. Окна здесь тянулись от пола до потолка и открывался великолепный вид на город глубоко под ними. Покрытие пола, казалось, состояло из какого-то меха, и помещение было уставлено низкими кушетками, стульями и столиками для коктейлей; у столиков этих были большие крышки. Здесь маленькими группками сидели и беседовали между собой по меньшей мере человек сто пятьдесят. Когда Дейл, Царьков и Флеш вошли, все взгляды устремились на них.

Молодой человек, пожилой мужчина и юная женщина отошли от группы у окна и поспешили через помещение. Все трое были одеты в безукоризненную одежду.

Флеш и Царьков потеряли дар речи, а Дейл, казалось, немного нервничала и чувствовала себя неуютно.

— Что вы рассказали своим друзьям? — спросил у Дейл молодой человек. Он был невысоким, Флеш возвышался над ним, по крайней мере, на полголовы, и он был намного тоньше Флеша. Он говорил на английском со странным акцентом.

— Ничего, — ответила Дейл приглушенным голосом. — Я хотела, чтобы всю историю они услышали от вас.

— Так и должно было быть, — сказал мужчина и протянул руку Флешу, который взял ее. — Я Петер ван д'Хеф. Приветствую вас в Цитадели-1, полковник Гордон.

Дрожь пробежала по телу Флеша, и краем глаза он заметил, как побледнел Царьков, услышав это имя.

— Вы капитан "Доброй Надежды"?

Ван д'Хеф побледнел и кивнул. Он, казалось, был дружелюбным человеком.

— Вы же мертвы, — с трудом выдавил из себя Флеш, и мужчина рассмеялся.

— Как видите, нет, — сказал он и повернулся к Царькову. — Вас я хотел бы приветствовать особо, доктор Царьков. Ваша племянница много рассказывала нам о вас.

Царьков нагнул голову, потом уставился на молодую женщину, которая ответила ему несмелой улыбкой.

— Сандра Дебоншир? — спросил он, наконец, едва слышным голосом.

Молодая женщина кивнула.

Царьков повернулся к пожилому человеку, который широко улыбался, протягивая ему руку.

— Зовите меня Мартином, — сказал он. Голос его был мягким и благозвучным, но с тем же акцентом, что и у ван д'Хефа.

— Мартин был единственным жителем этой планеты, прежде чем мы попали сюда... или лучше сказать, прежде чем он забрал нас сюда... однако, он никогда не был живым существом в настоящем смысле этого слова. Он робот-андроид, — сказал ван д'Хеф.

— Поразительно, — ответил Царьков, почти не дыша. Потом он осмотрелся. — А другие? Здесь все сто пятьдесят восемь человек?

Ван д'Хеф кивнул.

— Мы — экипаж межзвездного исследовательского корабля "Добрая Надежда", который покинул Землю двести лет назад по земному летосчислению.

Царьков сделал шаг вперед.

— Как давно вы здесь?

— Сто двадцать лет.

— После восьмидесяти лет полета на субсветовой скорости вы были разбужены и были доставлены из корабля сюда? — спросил Царьков.

Ван д'Хеф кивнул.

— Потом вы на сверхсветовой скорости полетели к прежней точке и получили назад "Добрую Надежду"?

Ван д'Хеф вновь кивнул.

— Около пятнадцати лет назад.

Царьков покачал головой.

— Тогда сейчас вас здесь не должно быть. Через пятнадцать лет после вашей смерти вы снова прибыли в эту точку времени, в которой вы покинули корабль. В это мгновение вы перестали существовать в настоящем.

Лицо мужчины поскучнело.

— Мы стараемся не думать об этом, — он взглянул на молодую женщину рядом с собой, и она улыбнулась. — В строгом смысле этого слова мы все не люди. Но в отличие от Мартина, который состоит из неорганического вещества, наши тела чисто органические, — он глубоко вздохнул. — В эти первые пятнадцать лет для нас были сконструированы новые тела, а наша психика помещена в искусственный мозг. Это не совсем то, но я, например, не чувствую никакой разницы.

В последние секунды ноги Царькова сдали. Мартин среагировал первым и подхватил старого ученого, прежде чем тот упал на пол.

— Я думаю, вы должны поесть и отдохнуть, прежде чем мы расскажем вам всю историю, — сказал ван д'Хеф.

Мартин помог Царькову лечь на кушетку. Дейл последовала за ним, однако Флеш остался с ван д'Хефом.

— Прежде всего я хотел бы знать, почему вы позволили, чтобы мы упали, и не направили нам никакой помощи. У нас не было ничего, и мы ничего не могли сделать, — сказал Флеш. Он был в ярости, потому что он чувствовал, что его для чего-то использовали. Да еще машина.

— Мы сочли вас за врагов, — просто ответил ван д'Хеф.

— Это был в а ш корабль, — фыркнул Флеш. Голос его стал громче. — С помощью этих машин вы оснастили "Добрую надежду" универсальным двигателем, который и занес нас сюда.

— Нет, — сказал ван д'Хеф. — Мы этого не делали.

13.

Было уже утро, когда Флеш внезапно проснулся. У него было чувство вины, потому что он не остался бодрствовать и не нес ночную вахту.

Несмотря на их яростные протесты, ван д'Хеф и его экипаж отказались дать им какие-нибудь сведения, пока они не отдохнут.

— Завтра, — пообещал ван д'Хеф. — Завтра вы все узнаете.

Им дали поесть и отвели в уютно обставленную спальню на том же этаже. Царьков и Дейл упали на постели и тотчас же заснули.

Флеш еще долго глядел в огромное окно на город, однако потом он тоже лег в свою постель, чтобы отдохнуть, но не спускал глаз с двери.

Однако, он тоже смертельно устал. События прошедших дней утомили даже его мощное тело. Наконец, он тоже заснул.

Теперь он поднялся и осмотрелся. Сердце его забилось. Обе других постели были пусты. Он был один.

Он вскочил с постели, когда дверь открылась и вошла Дейл.

— Доброе утро, — сказала она, улыбаясь. Она подошла к нему, встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. — Ты хорошо поспал?

— Где твой дядя? — фыркнул Флеш.

— Все в порядке, Флеш, — сказала она примирительно. — Он сейчас завтракает вместе с остальными. Я пошла сюда, чтобы разбудить тебя. Они хотят начать свой рассказ.

Флеш провел рукой по волосам.

— Я не хотел спать предыдущей ночью. Я не знаю, что происходит. Я им не доверяю.

— Они не хотят причинить нам вред, — сказал Дейл. — Но, кажется, существуют какие-то затруднения.

— Что ты под этим подразумеваешь? — он резко взглянул на нее.

Она покачала головой.

— Я точно не знаю, но они все, кажется, обеспокоены. Даже андроид Мартин чем-то озабочен, но никто ничего не говорит об этом. Ничего, пока мы все вместе не соберемся.

— Они все в общем зале? — спросил Флеш.

— Нет. Кроме нас, там только ван д'Хеф, Сандра и Мартин. Остальные снова вернулись к своей работе.

— Работе?

Дейл кивнула.

— Эти люди с "Доброй Надежды" создали роботов-уборщиков и машины, которые схватили меня внизу, в банке данных, поэтому они и кажутся такими неподходящими к технике города. Теперь они все работают над чем-то другим. Они не хотят говорить мне, что это, но это, кажется, нечто важное, — она слегка улыбнулась и кивком головы указала на дверь. — Там, внутри, есть кабинка, сильно напоминающая

душ, но только это намного лучше. Когда освежишься, спускайся вниз, в общий зал. Там кое-что приготовили нам поесть.

— Я не доверяю им, Дейл. Они бросили нас в джунглях на произвол судьбы и даже пальцем не пошевельнули, чтобы помочь нам. Но когда мы стали представлять для них опасность, мы вдруг стали для них желанными гостями.

— Дядя Ханс сказал ван д'Хефу, то же самое, и тот ответил, что сегодня утром нам все объяснят и тогда мы все поймем.

— Что-то тут было не в порядке. Совсем не в порядке... Флеш буквально чуял это. Но несмотря на это Дейл, кажется, была убеждена в том, что они здесь были в безопасности.

Он глубоко вздохнул и пожал плечами.

— Хорошо, — сказал он. — Я немного освежусь, и мы увидимся через пару минут.

— Нам все объяснят, Флеш, — повторила Дейл. — Несмотря на то, что здесь происходило раньше, эти люди все же с Земли. Они — люди.

— Само собой разумеется, — мрачно ответил Флеш. — Но среди них есть убийца.

— Я знаю, — тихо произнесла Дейл. — Ван д'Хеф ничего об этом не говорил, кроме того, что одна из групп отправилась, чтобы разыскать обломки "Доброй Надежды".

— А что сказал андроид? — спросил Флеш.

Дейл покачала головой.

— Я с ним ни о чем не говорила. Когда я проснулась, он и дядя Ханс уже сидели возле окна и беседовали.

Что касалось кабинки, то тут Дейл была права. Она сильно напоминала душ, но в нем использовалась не вода. Несмотря на это, выйдя из аппарата, он почувствовал себя чистым и освеженным. Свежая белая рубашка из мягкой ткани, похожей на шелк, и пара пластиковых сапог уже лежали на его кровати.

Он натянул все это и пошел в общий зал, куда Дейл привела их в прошлую ночь, когда они впервые пришли сюда.

Царьков и андроид Мартин все еще сидели у гигантского окна, с которого открывался великолепный вид на город и прилегающую к нему бухту с водопадом. Дейл сидела за большим столом вместе с ван д"Хефом и Сандрой Дебоншир.

Когда Флеш вошел, ван д"Хеф посмотрел на него и лучезарно улыбнулся.

— Доброе утро, полковник Гордон,— сказал он, встал и указал на стул рядом с ним. — Хотите чего-нибудь поесть?

Флеш подошел к столу и сел напротив капитана.

— Чашечку кофе, если вы не против,— ответил он.

Ван д"Хеф улыбнулся и подошел к небольшому устройству в задней части стола. Он налил темную жидкость из кувшина в чашку без ручки. Потом вернулся и поставил чашку на стол перед Флешем.

Напиток этот был горячим, черным и жидким. Не то, чтобы настоящий земной кофе, но похож.

Флеш отхлебнул глоток, потом отставил чашку и посмотрел в глаза ван д"Хефу.

— Есть множество вопросов, на которые я хотел бы получить ответы сегодня утром, капитан; вчера вечером вы уклонились от ответов на них.

Ван д"Хеф медленно кивнул. Улыбка исчезла с его лица.

— Я отвечу на все ваши вопросы.

— Кто убил ваш экипаж и пассажиров?

Дейл, выпрямившись, сидела на своем стуле, и краем глаза Флеш видел, как Царьков с андроидом поднялись и подошли к столу.

Ван д'Хеф посмотрел на молодую женщину, сидевшую возле него. Она немного побледнела и опустила голову.

— Это сделала я,— тихо сказала она.

— Почему?— спросил Флеш. Голос его внезапно смягчился.

— Я этого не хотела,— произнесла она. Голос ее все еще были тихим. — Боже, я этого не хотела, но у меня не было другого выхода.

— Может быть, на этот вопрос лучше отвечу я, полковник,— сказал андроид Мартин.

Флеш поднял взгляд, когда Царьков и андроид подошли к другой стороне стола и сели: Царьков возле Дейл, а Мартин с другой стороны стола, сбоку от ван'Хефа, возле молодой женщины.

Флеш в первый раз заметил, что хотя андроид и был похож на человека, все же слегка отличался от других присутствующих. Как и у черных роботов в информационном центре, у него были руки и ноги с тремя суставами, вместо одного колена и одного локтя. Руки его заканчивались дюжиной тонких, многосуставных пальцев. Он не производил впечатление очень сильного, но был строен и подвижен.

Лицо его было дружелюбным, глаза темно-синие, а густые волосы серебристо-белые. Он смотрел на молодую женщину и почти печально улыбался.

— Если ты не в состоянии этого вынести, ты можешь спокойно уйти, Сандра. Тебе не обязательно оставаться здесь.

Она подняла глаза и покачала головой.

— Я уже в полном порядке,— произнесла она.

Мартин еще несколько секунд смотрел на нее. Потом он, казалось, вздохнул и повернулся к Флешу.

— У нас с доктором Царьковым сегодня утром был исчерпывающий разговор. Теперь он понимает многое из того, что здесь произошло и происходит. Но как я ему объяснил, полковник Гордон, я хочу, чтобы вы были все вместе, когда я расскажу всю историю. Я ждал более двадцати тысяч лет прибытия "Доброй Надежды"...

— Вам двадцать тысяч лет?— поразился Флеш.

Андроид кивнул.

— Я еще старше, но не так стар, как этот город. Хотя меня создавали вскоре после того, как была возведена эта Цитадель.

— А что это за видения, которые мы вчера вечером наблюдали на небе?— спросил Флеш, движимый каким-то импульсом.

— Это одно из тех явлений, которое я не могу вам объяснить. Это уже имелось до того, как меня создали. Если так можно выразиться, это наследство моих создателей. Исходя из этого, я еще могу вам сказать, что этот феномен возникает через совершенно несопоставимые промежутки времени. Последний раз это произошло восемьдесят лет тому назад. До этого прошла почти тысяча лет. С тех пор, как я начал существовать, я наблюдал это всего полдюжины раз.

Андроид на мгновение замолчал. Он слегка поднял голову, задумавшись о чем-то, что требовало полной сконцентрированности.

— Мы отклонились. Нужно еще много рассказать. Когда я закончу свою историю, вы, доктор Царьков, и его очаровательная племянница должны будете принять решение. Вы можете или остаться здесь, или вернуться на Землю.

Флеш нагнулся вперед, чуть было не опрокинув свою чашку с кофе.

— Мы можем вернуться? У вас есть средства, чтобы сделать возможным это возвращение?

Мартин кивнул.

— Доктор Царьков понял это. По его данным мы можем построить корабль дальнего радиуса действия, в точности напоминающий ваш "Неустрашимый". Вам будет указана гиперточка, которая доставит вас на окраину Федерации. С этого мгновения все воспоминания об этой Цитадели будут стерты из вашей памяти. Вы в течение многих столетий не сможете отыскать нас.

— А какова другая возможность, если мы примем решение?— спросил Флеш.

— Остаться здесь и помогать нам.

Флеш медленно откинулся назад.

— Я сегодня утром дам вам столько информации, что вы сможете принять решение,— продолжал Мартин.— Если вы решите остаться здесь, у нас есть возможность перенести вам в мозг всю эту историю. И, кроме того, многое из наших технических знаний, какие вы только сможете воспринять.

Воцарилось долгое молчание, затем, наконец Царьков взял слово.

— Продолжайте, Мартин,— сказал он. И андроид чисто человеческим жестом сцепил руки на столе.

Освещение в помещении померкло. Огромное окно, до сих пор свободно пропускавшее яркий свет солнца, стало непрозрачным. В центре стола появилась голографическая проекция мужчины и женщины. Оба они были обнажены и внешне очень сильно напоминали Мартина.

— Мои создатели,— сказал андроид.

Фигуры их были прекрасными. Тела их были стройными и загорелыми. У обоих были блестящие серебристые волосы. Когда Мартин заговорил, голографическая картина мигнула, и появились гигантские города, космические корабли, огромные машины, а также ужасные сражения.

— Миллиард лет назад в Галактике, независимо друг от друга, развивались две совершенно различные цивилизации. До самого последнего времени в развитии моих создателей ни одна цивилизация ничего не знала о существовании другой.

В нашей части Галактики расцвела Галактическая империя. Она протянулась во все стороны от главных миров. Существовал Большой Руководящий Совет империи, были многие тысячелетия мира, была обширная торговля между мирами десятков тысяч разнообразных культур, объединившихся под общим руководством Совета... мир и партнерство между всеми мыслящими существами.

Появилось голографическое изображение города, который был еще больше и прекраснее, чем тот, в котором они находились.

— Центральный Город, Центрус, если перевести точнее, — где находился Совет. Где процветали литература, музыка и где, в итоге, наступил конец.

Мартин был андроидом, машиной, но он был гораздо более высокоразвит, чем любая Охранительница, какую Флеш когда-либо видел. И теперь он казался почти печальным. Так, словно он жил в то время, о котором он рассказывал, и теперь с ностальгией смотрел на него.

— В высшей точке расцвета нашей Империи была открыта другая цивилизация. Это было почти сто тысяч лет назад,— голос андроида внезапно стал горьким.— Все началось с контакта исследовательских кораблей на огромном расстоянии от самого дальнего края нашей Империи. Экипаж нашего корабля был убит, корабль, записи находящиеся в нем, и его технология были изучены. Дюжину лет спустя последовало первое нападение на наши окраинные миры, которые оказались практически беззащитными.

Голографическое изображение превратилось в трехмерную карту Млечного Пути.

— Ваша Солнечная Система вместе с нашей находится в одном рукаве Галактики, протяженностью в сто тысяч световых лет. Империя моих создателей расцвела возле Центра Галактики. Другая цивилизация находится на противоположном крае. Из тридцати миллиардов звезд Галактики более десяти миллионов находились в зоне нашего влияния.

У Флеша и Царькова на лицах было выражение восторга. Мартин улыбнулся.

— Да,— тихо сказал он. — У нас была огромная Империя. Ее размеры превосходили всякое воображение. Но она развивалась почти миллиард лет, прежде чем пришли другие.

Была большая война,— продолжил Мартин.— Война, длившаяся без перерыва почти восемьдесят тысяч лет. Это была такая чудовищная война, что она истощила ресурсы буквально целой Галактики. Величайшее безумие казавшихся разумными существ, которые напали на нас.

— И ваши люди помедлили?— спросил Флеш.

Мартин покачал головой.

— Никто не победил. Все проиграли. Наша Империя пала, другая, вероятно, тоже. После многих тысячелетий дух войны так прочно укоренился в генах моих создателей, что понятие мира стало для них почти неосознаваемым. Однако, к этому времени Империя уже лежала в развалинах. Контакт со всеми другими мирами, кроме горстки центральных миров, был безвозвратно утрачен. Процветало пиратство. Повсюду царили насилие, смерть, бунты и анархия. Позднее мы обнаружили, что в подобном же положении оказалась и другая Империя. Однако, это было слабое утешение. Величайшее творение всех времен было уничтожено.

Кофе Флеша остался нетронутым. Он не осмеливался даже дышать, только безуспешно старался переварить ужасные видения, которые андроид пытался описать ему. Цивилизация, возрастом в миллиард лет. Война, длившаяся восемьдесят тысяч лет и развернувшаяся на миллионах планет. Это было непредставимо.

— Только несколько сот тысяч моих создателей двадцать тысяч лет назад бежали с Центруса и, наконец, пришли на эту планету. Здесь они оказались далеко за пределами первоначальной Империи и между нами и уцелевшими представителями другой цивилизации теперь лежала целая Галактика. Здесь воцарился мир. И здесь они построили Цитадель — убежище для всех оставшихся в живых существ нашей Империи. Всю технику, какую они взяли с собой, все искусство, музыку и другие достижения своей цивилизации они перенесли сюда.

— В компьютер, который мы видели?— спросил Царьков. Он тоже преисполнился благоговения. Голос его был едва слышен.

— Вы видели только систему управления планетой, не больше,— сказал Мартин — в с я планета выдолблена и в ее нутро встроен компьютер. Планета скрывает в себе знания целой Империи. После изготовления этого компьютера изготовили и меня.

— А этот город?— спросил Царьков.

— Сразу же после того, как они закончили эту работу, ученые поднялись на гигантский корабль, который они построили из материала ядра планеты. Их целью была Туманность Андромеды, как вы ее называете, находящаяся отсюда на расстоянии почти в миллион световых лет.

— Почему они все ушли, когда обжили и обработали эту планету? И почему они построили только эту Цитадель?— спросил Царьков.

— Они построили Цитадель, чтобы знания их цивилизации не были потеряны навсегда. Но сначала они ушли не все. На гигантском корабле отправились только ученые. Они узнали, что то, что произошло с Первой Империей, когда-нибудь повторится вновь. Они хотели отправиться в другую галактику в надежде вновь обрести мир. Или, может быть, даже найти цивилизацию, которая убережет их от повторения прежней судьбы.

— А те, которые остались?— спросил Царьков у андроида.

— Потом и они улетели. На маленьких исследовательских кораблях. Они во все стороны разносили семена разума,— на лице у робота снова появилось выражение печали.— Но они были слишком плохо оснащены, чтобы выжить на новых, нецивилизованных мирах,— он посмотрел в глаза Царькова.— Насколько я знаю, один из этих кораблей примерно десять тысяч лет назад совершил посадку на вашей планете. За все это время мы больше ничего о нем не слышали. Это означало, что он погиб либо при посадке, либо вскоре после нее.

— Существуют легенды,— ответил Царьков,— старые легенды об исчезнувших цивилизациях и корабле со звезд. Никто в них по-настоящему не верил...— он замолчал.

Мартин почти снисходительно улыбнулся.

— Что привело нас к настоящему.

— Что привело нас к "Доброй Надежде".— Поправил Флеш, нагнувшись вперед.

Мартин посмотрел на него.

— Прежде чем я к этому перейду, я должен объяснить еще кое-что.

Флеш замолчал и стал ждать, когда андроид продолжит.

— Другая цивилизация, та, что развязала войну в этой Галактике, развивалась так же. Когда ее Империя пала, их ученые тоже построили хранилище для своих знаний, такое же, как здесь. Только две тысячи лет назад мы смогли послать зонды. На другой стороне Галактики находится Цитадель-2. Тоже компьютер, размером с планету, который содержит в себе все знания этой цивилизации, включая и жажду войны.

— Мы еще долго не сможем дотянуться до этой цивилизации,— сказал Флеш.

— До того времени, как "Добрая Надежда" с вами на борту не вернулась назад, я тоже так считал. Однако, теперь я больше так не считаю. Очевидно, нас обнаружили. Когда мы засекли, что "Добрая Надежда" с вами на борту вышла из гиперпространства, мы засекли также агрегат в двигательном отсеке, построенный не нами. Это механизм, созданный другой цивилизацией. Они обнаружили нас и узнали также, что нас поддержал экипаж "Доброй Надежды".

Царьков побледнел.

— Боже мой!— прошептал он.

Мартин наклонился вперед. Он на мгновение проигнорировал Царькова и сконцентрировался на Флеше.

— Вы солдат, полковник Гордон. Вы разбираетесь в войне и сражениях, однако вы должны понять еще кое-что. Я только машина — высокоразвитая машина, по вашим понятиям, но, несмотря на это, всего лишь машина. Как ни примитивны ваши люди по сравнению с моими создателями времен расцвета Империи, они находятся выше меня в одном. У них есть интуиция. Интуитивный разум. Еще не построена машина, способная на это. Ни у одной из машин нет жизненных сил и энергии, которыми обладают даже нецивилизованные существа, обладающие чувствами.

Во время их беседы Флеш против своей воли начал ощущать уважение к Мартину. Теперь ему было неприятно думать, что тот не более чем машина. Робот.

— Но ведь машины могут вести войну.

— Нет,— печально ответил Мартин.— И это создало наши теперешние трудности.

— Другая планета-Цитадель,— уточнил Флеш.

— Да,— ответил Мартин и встал. Голографическая проекция погасла, погасло и освещение, и окно снова стало прозрачным для света.

— Когда создатели построили Цитадель, они запрограммировали два указания,— сказал андроид. Он пересек помещение и взглянул через окно на город.

Флеш и остальные последовали за машиной и опустились на стулья поблизости от нее. Мартин продолжил.

— Первым указанием было искать появление новых цивилизаций. Они знали, что в Галактике развиваются и другие формы жизни. Вторым указанием было обращать внимание на признаки, указывающие на возрождение другой Империи.

— Обе эти вещи произошли,— заметил Царьков после недолгого молчания, и Мартин кивнул.— Каков ваш приказ, полученный на этот случай?

— Есть приказы на оба этих случая. Мы должны установить контакт с новой цивилизацией, когда она достаточно разовьется для того, чтобы усвоить знания, находящиеся здесь, и не использовать их во вред. И мы должны, используя м и н и м а л ь н у ю силу, воспрепятствовать любой попытке другой цивилизации захватить контроль над Галактикой. Но я в одиночку просто не могу выполнить все эти условия.

Мои создатели верили, что техники и другие оставшиеся здесь, останутся здесь и дальше и заселят планету. Потом они используют компьютер и смогут выполнить эти указания. Они были миролюбивыми людьми или, по крайней мере, хотели быть ими и обладали даром интуиции, который отсутствует у меня. Но они ушли и так никогда больше и не вернулись назад.

— Вы заметили "Добрую Надежду", наш первый межзвездный корабль, и забрали его экипаж, так?— спросил Царьков.

Мартин посмотрел на Сандру Дебоншир и кивнул.

— Я думал, что экипаж "Доброй Надежды" сможет разрешить эти две проблемы. Сначала потребность в мыслящих существах, которым я могу передать Цитадель. А потом я хотел воспрепятствовать вашей расе снова добраться сюда. Честно говоря, ваши люди еще недостаточно зрелы для обладания Цитаделью.

— Как вы доставили их сюда?— спросил Царьков.

— Мои исследовательские зонды постоянно находятся в полете, чтобы искать следы другой цивилизации и новые разумные расы. Они обнаружили "Добрую Надежду" и сообщили мне о ней. Я полетел к кораблю,

доставил весь экипаж сюда и рассказал ему все то, что теперь рассказываю вам. Все они были готовы помочь. Это был вызов и вопрос выживания.

— Я бы сказал точнее: безопасность Галактики — это наш общий долг,— вмешался ван д'Хеф протяжным голосом.— Но, может быть, тут было больше корыстных мотивов. Нам предложили настоящее бессмертие. И власть. Вот мы и приняли все это.

— Вы приняли предложение,— сказал Флеш.— Но почему же вы тогда вернулись назад и убили самих себя? Почему вы позволили "Доброй Надежде" дрейфовать? Вы же знали, что рано или поздно кто-нибудь найдет этот корабль и обнаружит трупы. Почему вы просто не перенесли корабль сюда? Или не уничтожили его?

— Потому что в поисках нас люди могут зайти слишком далеко — "Добрую Надежду" считали пропавшей без вести.

— Раньше или позже вы снова возобновили бы поиски,— сказал Мартин.— После того, что я узнал от экипажа "Доброй Надежды", я понял, что ваша раса так легко не отказывается от подобных предприятий. Вы бы продолжали поиск "Доброй Надежды". Раньше или позже ваши люди обнаружили бы эту планету.

— Я не могу понять этот ваш аргумент,— сказал Флеш. Он встал и начал ходить перед окном взад и вперед. День был ясным и хорошим. Вдали, как иллюстрация из старой книги сказок, виднелся водопад с радугой.

— Я боюсь, что вам придется убедиться в этой логике,— сказала Сандра Дебоншир.— Я психолог. Я была уверена, что это можно предотвратить только в том случае, если "Добрая Надежда" вернется назад с нашими телами.

— Итак, вы вернулись на борт в более раннее время и убили экипаж... включая и саму себя?— недоверчиво спросил Флеш.

Молодая женщина кивнула.

— Однако, в последнее мгновение я не смогла убить саму себя... по крайней мере так, как я это сделала с остальными. Я вытащила свое тело из криокамеры и вытолкнула его из шлюза.

Дейл подавила стон.

— Если корабль в конце концов будет найден, все будет выглядеть так, словно я сошла с ума, убила всех на борту, а потом выпрыгнула из шлюза,— сказала она.

— И что теперь?— с отвращением спросил Флеш.

— К несчастью, корабль Цитадель-2 обнаружил "Добрую Надежду" раньше ваших людей. Они узнали, что мы сделали, установили генератор гипердрайва и отправили корабль назад... судя по тому, что рассказал мне доктор Царьков, в область вашей Федерации,— сказал Мартин.

— Почему?— резко спросил Флеш. Он ощущал потребность убить кого-нибудь.

— Они хотят войны,— сказал Мартин,— Они хотят, чтобы ваша Федерация напала на них. Они живут для войны. Наша Цитадель возведена военными стратегами. Отправляя "Добрую Надежду" с трупами

на борту назад, в Федерацию, они надеялись спровоцировать реакцию на насилие. Гипердрайв-привод был запрограммирован на возвращение сюда. Ваша Федерация, снабженная знаниями Цитадели, выставит достойные внимания военные силы. Это именно то, чего они хотят.

— А вашим создателям потребовался почти миллион лет, чтобы развить эту философию?— воскликнул Флеш.

Мартин подошел к нему, положил ему руку на плечо и улыбнулся.

— Вы получите все способности, которые мои создатели хотели когда-либо распространить по Галактике. Способности, которые ваша цивилизация давно утратила. Вы понимаете войну и насилие, но ненавидите их и все, что с ними связано. Если вы готовы помочь нам, то, я знаю, что для всех нас наступит мир. Вечно длящийся мир и Вторая Империя, которая однажды, может быть, протянется к той Империи, которая будет создана на Туманности Андромеды.

Флеш посмотрел в киберглаз андроида, но перед собой он видел прекрасную молодую женщину, лежащую на полу. Убитую женщину. А потом он увидел сто пятьдесят семь мужчин и женщину с "Доброй Надежды", их перерезанные шеи и разлагающиеся тела. Его охватила дурнота.

Андроид говорил о насилии. Но о насилии в таких чудовищных размерах, что его невозможно было себе даже представить.

И все же от него требовалось, чтобы он признал, что такое насилие может существовать. Он него также требовали признать тот факт, что оно может произойти снова, и, может быть, даже довольно скоро.

Может ли он отказаться?

Он посмотрел на Дейл, которая сидела на краешке своего стула и напряженно наблюдала за ним. Возле нее сидел Царьков, ушедший в себя, сражающийся со своими собственными мыслями.

Может ли он отказаться?

Его взгляд упал на Сандру Дебоншир, которая видела больше, чем кто-нибудь из них мог себе представить. И на капитана ван д'Хефа, который предлагает предательство, или, по крайней мере, терпит его.

Может ли он отказаться?

Потом он посмотрел на Мартина, андроида, казавшегося человеком как и все другие люди, которых он когда-либо встречал. И он опустил голову.

— Как я могу отказаться?— тихо спросил он.

Мартин еще крепче сжал его плечо.

— Ты не можешь,— сказал андроид.— Ты этого не можешь.

Нет, он не может отказаться, подумал он, Даже если это значит, что они должны будут остаться здесь без всякого контакта с Землей. На многие месяцы, может быть, даже годы.

Он снова посмотрел на Дейл и Царькова. Они оба кивнули. Они сделали свой выбор. Потом он снова посмотрел на Мартина.

— Мы поможем вам,— сказал он.— Как бы долго это ни продлилось, мы вам поможем.

«ОРУЖИЕ — МУТАНТ»

Кэлхаун лежал на своей койке, читая книгу Фицджеральда "Вероятность и поведение человека", пока его небольшой кораблик, принадлежащий МедицинскойСлужбе, парил в состоянии гиперпространственного режима, называемого сверхдрайвом, позволяющим перемещаться со сверхсветовой скоростью. В полете на сверхдрайве ничего другого не остается, как убивать время. Мургатройд, тормал, спал, свернувшись в клубок в углу маленькой кабины корабля. Хвостом он тщательно прикрыл собственный нос. Система освещения корабля работала круглосуточно.

Тишину нарушали разные случайные шумы, шорохи, щелчки, необходимые человеку в мертвой неподвижности гиперпространственного перелета, чтобы не сойти с ума. Кэлхаун перевернул страницу и зевнул.

Где-то что-то зашуршало. Потом раздался щелчок, и записанный на пленку голос сказал:

— После включения сигнала остается пять секунд до выхода в нормальное пространство.

В тишине сурово и неумолимо зазвучал отсчет метронома. Кэлхаун заставил себя подняться с койки, заложив закладкой недочитанную страницу. Он перешел к креслу пульта, уселся, пристегнул ремень безопасности. Потом он сказал:

— Мургатройд. Травка зеленеет, солнышко блестит, и кто-то там в гости к нам летит. Очнись, расправь свои усы. Мы прибываем.

Мургатройд открыл один глаз, увидел Кэлхауна в пилотском кресле. Развернувшись, он побрел к месту, где можно было за что-то ухватиться. Его большие светлые глаза внимательно смотрели на Кэлхауна.

— Банг!— послышалось с ленты. Начался отсчет.

— Пять... четыре... три... два... один.

Вместе с окончанием отсчета корабль выскочил из гиперпространства. Ощущение ни с чем нельзя было спутать. Желудок Кэлхауна тошнотворно вывернулся два раза и у него возникло отвратительное чувство, как будто он по спирали с головокружительной скоростью по какому-то конусу спускается вниз. Он сглотнул. Снаружи все полностью переменилось.

В иллюминатор заглянуло ослепительное солнце Марис. За кормой лежало созвездие Кита, и свет, делавший возможным созерцание соз-

вездия, должен был путешествовать много лет, чтобы дойти до точки, где находился Кэлхаун, хотя Штаб-квартиру Медслужбы он покинул всего три недели тому назад. Третья планета звезды Марис величественно кружилась по своей орбите. Кэлхаун сверился с данными, довольно кивнул.

Через плечо он обратился к Мургатройду:

— Все в порядке, мы на месте!

— Чин!— пронзительно завопил Мургатройд.

Он раскрутил хвост, которым придерживался за ручку ящика, и запрыгнул на ящик, чтобы посмотреть на видеоэкран. То, что он увидел, конечно, для него смысла не имело. Но все тормали имитируют действия людей, подобно попугаям, имитирующим человеческую речь.

— Это Марис-3,— пояснил ему Кэлхаун.— До него рукой подать. Там колония с Деттры-2. Город, как сказано в рапорте, основан два земных года тому назад. Сейчас там должна быть приличная колония.

— Чин-чин!— провопил Мургатройд.

— Так что прочь с дороги!— приказал Кэлхаун.— Мы сейчас начнем подтягиваться на посадочную орбиту. И я сообщу, что мы прибыли.

Он произвел стандартный маневр подхода на межпланетной тяге. Само собой, это потребовало времени. Несколько часов спустя он щелкнул тумблером передатчика и произвел обычную процедуру запроса на посадку.

— Корабль Медслужбы "Эклинус-20" просит посадки,— сказал он в микрофон передатчика.— Прошу дать координаты космодрома. Наша масса — пятьдесят тонн. Цель посадки: планетарная санинспекция.

Он расслабился. Задание было чисто рутинным. В космопорту на Марис-3 должна быть посадочная решетка. Из диспетчерской службы будут посланы для его корабля инструкции, указывающие, в какой именно точке на расстоянии пяти планетарных диаметров от поверхности должен зависнуть медкорабль. Гигантская посадочная решетка протянет тогда в космос свое специальное силовое поле, захватит корабль и мягко, но неумолимо потянет к планете, опустив, в конце концов, на решетку. После чего Кэлхаун, представляя Медицинскую Службу, вступит в серьезные переговоры с планетными властями, чтобы выяснить состояние общественной Медслужбы этой колонии.

Сейчас Кэлхаун ждал ответа на свой запрос на посадку... рассматривая обширный диск планеты.

— Судя по карте,— заметил он, обращаясь к Мургатройду,— город должен располагаться на берегу вон того залива. Недалеко от закатной линии, от терминатора.

Вызов Кэлхауна, наконец, получил ответ. Изумленный голос произнес в динамике космофона:

— Что? Что такое? Что вы там такое сказали?

— Корабль Медслужбы "Эклинус-20",— терпеливо повторил Кэлхаун,— запрашивает координаты на посадку. Наша масса пятьдесят тонн. Повторяю: пять-ноль-тонн. Цель прибытия: планетарная санинспекция.

Голос с еще большим изумлением сказал:

— Медкорабль? Великие небеса...— судя по изменению тона, человек у передатчика отвернулся в сторону от микрофона.— Эй! Вы только послушайте его!

Наступила тишина. Кэлхаун приподнял брови. Он не ожидал каких-либо затруднений в этой миссии. Он должен был познакомить местных медиков с последними достижениями науки и практики в этой области. Возможно, все это уже имелось на Марис-3, добытое путем обычной торговли, но нужно было убедиться. И — что было маловероятно — он мог узнать какую-либо новинку, придуманную на этой планете. В любом случае, через три дня он должен был вернуться в свой небольшой медкорабль, посадочная решетка должна была забросить его обратно в небеса, не менее чем за пять планетарных диаметров, и там отпустить на волю. Кэлхаун, Мургатройд и медкорабль прошли бы тогда в состояние сверхдрайва и поспешили бы назад, в штаб-квартиру Службы, откуда и явились на эту планету.

Кэлхаун нетерпеливо постукивал пальцами по приборной панели. Очень длинная пауза. Потом послышался новый голос, донесшийся с поверхности планеты через космофон корабля.

— Эй, наверху! Назовитесь!

Кэлхаун очень вежливо сказал:

— Это мед корабль "Эклинус-20". Я хотел бы совершить посадку. Цель: санитарная инспекция.

— Ждите,— сказал голос как-то сдавленно.

Послышалось бормотание — люди, собравшиеся вокруг передатчика за пятьдесят тысяч миль от корабля, переговаривались в полголоса. Потом — щелчок. Кэлхаун снова вопросительно поднял брови. Это все не вмещалось в рамки рутинной процедуры. Абсолютно! Сотрудников Медслужбы не хватало, они выполняли двойную и тройную работу. Ресурсы межсистемной Медслужбы всегда имели тенденции исчерпываться до дна, поскольку никакого межзвездного правительства не было и не могло быть. Тысячи колонизированных планет, самые близкие — в световых годах друг от друга. Эти миры не могли производить выборы и иметь политические партии по простой причине — средства транспортировки, даже с применением сверхдрайва, были слишком медлительны. Могли существовать лишь службы, работа которых зависела от согласия помогать им тех людей, которые этим службы служили, а поддержка к которым приходила там и тогда, где и когда эту поддержку эти службы находили.

Но важность Медицинской Службы никто еще не оспаривал. Штаб-квартира местного сектора находилась в созвездии Кита. Это было нечто вроде межзвездной клиники, с добавлениями. Здесь собирались и отсюда распространялись результаты нового опыта в лечении и диагностике, разносились по тысяче колонизированных миров. Время от времени местная штаб-квартира входила в контакт с другим центром Службы, ведущим аналогичную работу в другом месте. Новой технологии генной селекции понадобилось пятьдесят лет, чтобы пересечь Галактику, вер-

нее, ее заселенную часть. Но даже в сверхдрайве на полет по прямой шло три года. И Медицинская Служба стоила затраченных усилий. Не было еще такой проблемы экологического приспособления людей к новому миру, которой Служба не могла разрешить. И десятки планет имели людей-колонистов только благодаря помощи Медслужбы. И нигде, нигде еще медицинскому кораблю не отказывали в гостеприимстве при исполнении поручений штаб-квартиры данного сектора.

— Послушайте, там, на поверхности!— резко нарушил молчание Кэлхаун.— В чем дело? Вы думаете меня сажать или нет?

Ответа не последовало. Потом, совершенно внезапно, корабль наполнился чудовищным шумом. Любой предмет, способный издавать шум, вибрировать, подпрыгивать, дрожать, производил свою частичку грохота, визга, писка, гудения, которые наполнили кабину "Эклипуса-20". Система освещения отключилась — сработали защитные предохранители. Затарахтел клаксон детектора приближающихся объектов. Индикатор температуры корпуса завопил. Внутреннее искусственное гравиполе корабля на миг дало всплеск интенсивности и исчезло полностью. Все индикаторы корабля, которым предназначалось извещать экипаж об опасности пришли в действие, словно сойдя с ума. На миг воцарился полный бедлам.

Но продолжался он лишь долю секунды. Потом все прекратилось. Бес внутри корабля исчез. Наступила мертвая тишина. Освещение погасло. Где-то жалобно плакал Мургатройд.

Кэлхауну почему-то вспомнилась книга, которую он перед этим читал. Следуя книге, я имею дело с неблагоприятными последствиями чего-то того или этого. Но дело было в большем, чем просто в неблагоприятном стечении обстоятельств. То, что с ним произошло, было кем-то сделано намеренно и намерение, вероятно, было смертельно ориентировано по отношению к нему.

— У кого-то чешутся руки,— подчеркнуто спокойно сказал Кэлхаун. Вокруг царила мертвая темнота.— Черт побери, какая муха их укусила?

Он щелкнул клавишей экранов, чтобы выяснить, что происходит снаружи, видеоэкраны корабля имеют сложную и чувствительную систему предохранителей, защищающую их от сжигающих перегрузок, потому что нет в космосе более беспомощного корабля, чем тот, что потерял "зрение". Но экраны, вопреки надежде Кэлхауна, не загорались. Они не могли загореться — предохранители не сработали вовремя.

Кэлхаун почувствовал, как шевелятся у него на голове волосы. Но по мере того, как его глаза приспособились к темноте, он начал различать слабое флюоресцентное свечение ручек и дверей. Флюоресцентными они были сделаны на всякий случай аварии системы освещения, и теперь это очень помогло Кэлхауну. Он понимал, что произошло. Другого варианта быть не могло — посадочная решетка шлепнула медкорабль силовой "ладонью", предназначенной для

посадки не пятидесятитонного судна, а лайнера в двадцать тысяч тонн массой. Такая энергия была способна парализовать любой прибор и сжечь все предохранители. И случайностью это быть не могло. Они поняли, кто перед ними, уточнили, какой именно это корабль, просили подождать... Да, попытка уничтожить медкорабль была налицо.

— Возможно,— сказал сам себе Кэлхаун в чернильной темноте кабины,— прибытие медкорабля — невыгодное следствие чьего-то поступка, и теперь они стараются избавиться от нас. Очень на то похоже.

Мургатройд жалобно завыл.

— И мне кажется,— холодно продолжил Кэлхаун,— что кое-кому не помешает быстрый ответный пинок. Обратная связь!

Освободившись от привязного ремня, он нырком пересек пространство кабины, где царила невесомость. Он открыл металлическую дверцу. То, что он сейчас делал, обычно производилось людьми в диспетчерском пункте посадочной решетки, людьми в толстых изолирующих перчатках. Он перебросил несколько переключателей, которые позволили бы разрядить аккумуляторные ячейки в отсеке питания корабля, питавшие генератор сверхдрайва медкорабля. Чудовищное количество энергии требовалось на то, чтобы ввести в сверхдрайв даже пятидесятитонный корабль, и чудовищная энергия возвращалась в аккумуляторы, когда корабль выходил обратно. Такое количество энергии, в целях безопасности, помещалось в ячейки только непосредственно перед стартом корабля, а по прибытии аккумуляторы разряжались. Но теперь Кэлхаун сделал переключение, с помощью которого огромная энергия могла быть сброшена на посадочную решетку — если возникнет такая необходимость.

Он поплыл обратно к пилотскому креслу.

Корабль нырнул, дернулся. Очень резко. Его безжалостно, жестоко трясло посадочное поле решетки. Кэлхаун едва успел схватиться за спинку пилотского кресла, как последовал новый ряд толчков, едва не вырвавший кресло у него из рук. Возникшее ускорение едва не расплющило его о стенку кабины — так и произошло, если бы он не удержался. Он был на большом расстоянии от планеты, на конце рычага в пятьдесят тысяч миль — это было одно рычажное плечо, и этим рычагом сейчас пользовались, чтобы как следует его потрясти. Для чего требовались специальные переключения и настройка там, внизу. И кто-то их сделал. Новый толчок, в противоположном направлении. Его жестоко швырнуло на спинку кресла, за которое он только что с силой цеплялся. Кэлхаун пытался справиться с переменившейся обстановкой. Новый рывок, в новом направлении. И еще один. Его швырнуло в кресло.

За его спиной зло зашипел Мургатройд, которого бросило через всю кабину. Всеми четырьмя лапами и хвостом зверек пытался за что-нибудь прочно уцепиться.

Новый рывок. Кэлхаун едва успел закрепить привязной ремень. Опоздай он на долю секунды — и яростный толчок бросил бы его прямо

в потолок кабины. Новый жуткий всплеск ускорения. Кэлхаун попытался дотянуться до пульта. Толчки и рывки становились все чаще. У него начала кружиться голова. Один раз, после особенно сильного рывка, он едва не потерял сознание. Потом рывок поменял направление и кровь взорвала сосуды. Руки его соскользнули с пульта, сознание заволокло туманом. Но каждый раз, когда руки его попадали на клавиши управления, он пытался включить в действие один контур. Почти все контуры были сожжены, но этот...

Его онемевшие пальцы нашли нужную клавишу. Последовал рев, такой яростный, словно произошел взрыв. Он нашел клавишу, делавшую возможным эффективный разряд аккумулятора Духанна. Он замкнул контур. Контур был придуман специально для того, чтобы избыток энергии, вливавшийся в аккумуляторы при последнем выходе из сверхдрайва, разряжался при посадке в порту штаб-квартиры Медслужбы. Теперь эта энергия полилась в посадочную решетку. Она равнялась сотне миллионов киловатт и была излита в долю секунды. В кабине пахло озоном, словно произошел удар молнии с громовым раскатом.

Но вдруг все кончилось. Наступило состояние полного и невероятного покоя. Замигал и загорелся свет — это трясущимися пальцами Кэлхаун начал отключать контуры предохранителей. Мургатройд негодующе запищал, вцепившись в стойку инструментов. Но видеоэкраны оставались темными. Кэлхаун разразился проклятиями и быстро привел в действие несколько дублирующих контуров. Индикатор ближайших объектов сообщил ему, что примерно в сорока с чем-то милях от корабля плывет в пространстве коварный Марис-3. Температура корпуса поднялась на пятьдесят шесть градусов. Заработали генераторы внутреннего поля тяготения, постепенно восстанавливая нормальное напряжение поля. Но экраны не хотели зажигаться. Они были мертвы навсегда. На несколько секунд Кэлхаун предался бессильной ярости. Потом овладел собой и взял себя в руки.

— Чин-чин-чин!— в отчаянии защелкал Мургатройд.— Чин-чин!

— Заткнись!— проворчал Кэлхаун.— Какой-то умник на решетке выдумал новый способ убийства. И это ему едва не удалось совершить, черт подери! Он рассчитывал, что затрясет нас насмерть, как собака крысу. Только он использовал для этого поле посадочной решетки. Но теперь, надеюсь, я его немного поджарил!

Хотя едва ли это было так в действительности. Такое количество энергии, с помощью которой сажают лайнеры массой в двадцать тысяч тонн, управляются не на прямую, а посредством реле. Энергия, сброшенная Кэлхауном, должна была расплавить трансформаторы решетки — какой это был фейерверк! Но едва ли она добралась до тех, кто стоял у пульта управления комплексом посадки.

— Подозреваю,— заметил мстительно Кэлхаун,— что он сочтет это происшествие несчастливой случайностью. Кое-кто подожмет хвост. Но только, чисто из предосторожности...

Выражение его лица внезапно изменилось. Он пытался представить последствия — для себя — управления "ослепшим" кораблем. Он вспомнил об электронном телескопе. Он не был подключен к питанию и не мог выйти из строя, как экраны обзора. Он включил телескоп. Над головой возникло звездное небо.

— Чин-чин!— истерически завопил Мургатройд.

Кэлхаун мельком взглянул на зверька и обнаружил, что сотрясения корабля сместили полку-стеллаж для инструментов, к которым цеплялся, в поисках опоры, Мургатройд. Хотя инструменты и были плотно закреплены в гнездах, хвост Мургатройда оказался плотно защемленным.

— Погоди немного!— коротко ответил ему Кэлхаун.— Мне сейчас нужно побыстрее создать видимость корабля-счастливчика. Иначе кто-то, убедившись в своей неудаче, попробует новый способ! Нужно из несчастной случайности сделать удачную.

Во время схватки с посадочной решеткой, небольшой медкорабль швыряло в произвольных направлениях и с произвольной скоростью. Кэлхаун переместил поле зрения телескопа, одновременно включив корректирующие ракеты аварийной ориентировки. Послышался отдаленный шум остронаправленных импульсов взрывных маленьких дюз, толщиной не превышающих карандаша. Корабль начал разворачиваться.

— Только не по прямой линии!— напомнил он сам себе.

Он повел корабль по неправильной головокружительной спирали, словно внутри у корабля все приборы и прочее жизненно важное оборудование было вырвано с корнем из гнезд и превращено в месиво осколков, а корректирующие дюзы пришли в действие случайно, сами по себе. Он выбросил за борт весь накопившийся за три недели полета в сверхдрайве мусор, от которого можно было избавиться только в нормальном пространстве. С поверхности планеты наблюдатель мог воспринять отстрел мусорного контейнера за внезапный взрыв внутри корабля.

— А теперь...

Через электронное поле зрения телескопа пронеслась Марис-3. Поверхность показалась до ужаса близкой, но это был лишь эффект увеличения. Хотя Кэлхауна прошиб пот. На всякий случай, он бросил взгляд на шкалу индикатора ближних объектов. Планета стала на тысячу миль ближе.

— Ха!— сказал Кэлхаун.

Он изменил спиральный курс корабля. Потом еще раз изменил. Резко поменял направление поворотов. Хорошая подготовка в тактике ведения космического боя позволяла ему вести корабль по эффективному курсу уклонения, но тогда с планеты быстро бы распознали, что за пультом — ловкий пилот. Сейчас никто не мог предугадать его маневров. Он настроил телескоп, как только планета в очередной раз вплыла в поле объективов, и щелкнул фоторекордером. Потом бросил корабль в спираль, нашел объективом город и продолжал снимать, пока не истек безопасный срок полета по прямому курсу. После этого Кэлхаун ввел корабль в

штопор, падая к планете, а затем, почти параллельно поверхности планеты, промчался в безумной гонке сошедшего с ума корабля без пилота.

На высоте в пятьсот миль он открыл иллюминаторы, которые по необходимости были закрыты в пространстве космоса.

Он увидел небо, покрытое иглами звезд. По правому борту распахнулась чернота — он шел над ночной стороной планеты.

Он начал спуск. На четырех сотнях миль индикатор наружного давления покинул отметку "0". Кэлхаун произвел в голове несложный расчет, определив, каким должно быть статическое давление на этой высоте и сравнил его с динамическим давлением, вызванным движением корабля. Указатель не должен был покидать свой "ноль". Развернув корабль на сто восемьдесят градусов, он погасил скорость, доведя стрелку индикатора до нужного места.

Корабль опускался. Две сотни миль. Он увидел яркую линию восхода за куполом шара планеты. Еще на сто миль вниз. Он включил двигатель и позволил кораблю свободно падать.

На высоте в десять миль он начал искать признаки излучений, созданных человеком. По всему электромагнитному спектру не было ничего, кроме треска статики электрического шторма в тысяче миль от корабля. На высоте в пять миль нижний индикатор ближайших объектов волнообразно задвигался, указывая, что корабль движется над гористой местностью. Он снова повернул корабль и погасил эту скорость.

На высоте в две мили он включил посадочные ракеты. Ориентируясь на видимые в иллюминаторе, покрытые лесом горы, Кэлхаун добился того, что местность за иллюминатором перестала двигаться относительно корабля вообще, тонкие струи концентрированного ракетного выхлопа били на много десятков метров вниз. Теперь он старался спускаться по абсолютно вертикальной линии. Он был уже довольно низко.

Если и не идеально, то вертикаль получилась вполне прилично. Корабль опустился в выжженный среди громадных деревьев туннель. Тонкие струи выхлопа, коснувшись грунта, выжгли яму, пробив почву, слой глины и вгрызлись в скальное ложе. На глубине шестидесяти футов под землей кипел расплавленный камень. В этот момент корабль коснулся грунта. Обожженная струей пламени ветка осторожно тронула корпус пришельца из космоса.

Кэлхаун выключил двигатель полностью. Корабль немного накренился, послышался хруст. Потом он замер, опираясь на посадочные опоры стабилизаторов.

— Итак,— сказал Кэлхаун,— теперь можно заняться тобой, Мургатройд.

Он включил наружные микрофоны, гораздо более чувствительные, чем человеческие уши. Детекторы радиации по-прежнему сообщали только о дальней грозе.

Но микрофоны принесли в кабину вой ветра над вершинами гор, оглушительный шорох листьев. Сквозь этот шум прорывались другие

звуки, естественный звук живой природы: чириканье, уханье, щелканье — их порождала местная фауна. В этих звуках было что-то исключительно мирное. Когда Кэлхаун уменьшил звук, превратив его в шум, они превратились в подобие концерта ночных существ, всегда казавшийся людям указателем полнейшей безмятежности.

Кэлхаун, наконец, занялся изучением снимков, сделанных фоторекордером при полете над городом. Это был город-колония, основанный, как сообщал рапорт, два года назад, чтобы принять колонистов с Деттры-2. В этом городе находилась посадочная решетка, с помощью которой некто пытался уничтожить медкорабль. Этот город заставил Кэлхауна садиться со слепым видеоэкраном, этот город сделал невозможным его возвращение в штаб-квартиру Медслужбы.

Он внимательно рассматривал снимки с телескопа. Город был виден в мельчайших деталях. Его окружало кружево шоссе и автострад с точками-медальонами жилых комплексов. Щедрая зелень парков занимала пространство между зданиями столицы планеты. Имелась и сама посадочная решетка — конструкция из стальных балок полмили высотой и в целую милю диаметром.

Но на шоссе не было машин. И не заметны на переходах точки пешеходов. На крышах зданий не было коптеров, а в воздухе не было заметно никакого транспортного движения.

Город или был покинут, или в нем никогда не было жителей, но он был в полной целости и сохранности. Здания находились в полном порядке, и даже автострады не успели зарасти травой и кустарником. Но город был пуст, или мертв.

И все-таки, кто-то в этом городе совершил попытку — не очень эффективную — уничтожить медкорабль.

Приподняв брови, Кэлхаун вопросительно посмотрел на Мургатройда.

— Что все это может значить?— спросил он.— Будут какие-нибудь предложения?

— Чин!— завопил Мургатройд.

2

В конечном итоге, Кэлхаун покинул корабль, нашел обработанное поле, мертвеца и многое другое. Но на борту медкорабля он пребывал в состоянии растерянного недоумения. В первое же утро он очень внимательно проанализировал коммуникационный сектор. В эфире Мариса-3 не было искусственных, посланных человеком сигналов. Это подтверждало предположение — планета необитаема. Но внешние микрофоны корабля уловили ближе к полудню рев ракетного двигателя, где-то далеко. Кэлхаун, выглянув, обнаружил слабую полоску ракетного следа на голубизне неба. Тот факт, что он видел инверсионный след, говорил

о том, что ракета находится в пределах атмосферы. И это означало, что ракета делает фотоснимки в поисках кратера, который должен был оставить рухнувший беспомощный корабль Медицинской Службы.

Факт такого поиска опровергал предположение о необитаемости планеты. Но в радиоспектре царила тишина. Город был внешне пуст, но там должны были находиться какие-то люди — кто-то ведь ответил на вызов Кэлхауна. А потом пытался уничтожить его. Но уничтожать мед-корабль никто не станет, если только не возникла на планете ситуация, когда Медслужба в ходе инспекции может узнать о чем-то, о чем ей знать не стоит. Но что это за ситуация в данном случае?

Логического объяснения такой цепочке противоречий не было. Цивилизованные люди действовали или так, или так. Здесь могли жить лишь цивилизованные люди, но действовали они совершенно нецивилизованно, нецивилизованным способом... и начиналась неразбериха выводов.

Кэлхаун надиктовал краткое содержание случившегося вплоть по настоящий момент в аварийный ответчик на борту корабля. Если его будут искать из космоса, ответчик передаст пакет информации. Он тщательно заэкранировал или отключил остальные контуры, чтобы корабль нельзя было найти по его энергетическим излучениям. Он собрался в путь, подготовив необходимое снаряжение, после чего покинул корабль вместе с Мургатройдом. Само собой, направились они к городу, где должен был таиться корень зла и ответ на все вопросы.

Путешествие на собственных двоих оказалось делом непривычным. Растительность была полузнакомой. Марис-3 был планетой земного типа, которая обращалась вокруг звезды класса Солнца. А в сходных условиях, при одинаковой силе притяжения, составе атмосферы и силе солнечного света должны развиваться сходные организмы. Будут здесь и стелющиеся растения, и те, что используют преимущества высоты. Будет какой-то эквивалент травы, эквивалент деревьев, будут промежуточные формы. Аналогичным путем должен развиваться и мир животных. Животные займут параллельные экологические ниши.

Таким образом окружающая среда Марис-3 была вовсе не "неземной". То, что видел вокруг себя Кэлхаун, очень напоминало неизвестный уголок Земли и вовсе не было похоже на совершенно новый для него мир. Но встречались и забавные странности. Например, травоядное животное без ног, передвигающееся наподобие змеи. Существо размерами с голубя, крылья у которого состояли из радужной туманной чешуи. Имелись создания, живущие в безумном симбиозе, и Кэлхауну было очень любопытно, действительно ли это были симбиоты, или только формы одного организма, наподобие земных светляков — самцов и самок.

Но путь его лежал к городу. И на исследования флоры и фауны он не мог выделить ни минуты. В первый день похода он искал подходящую местность, местную пищу, чтобы сохранить в неприкосновенности свой походный рацион. Здесь ему пригодился Мургатройд. Маленький тормал имел в обществе Кэлхауна свое собственное место и функции. Он

был не только дружелюбным зверьком, имитировавшим людей и обладавшим явственной собственной психологией, но приносил и пользу. И пока Кэлхаун шел через лес, где у деревьев была забавная, непохожая на земную, листва, Мургатройд преимущественно гордо вышагивал рядом с ним на задних лапах. Время от времени он падал на все четыре лапы и что-то с интересом обследовал.

Один раз Кэлхаун заметил, что Мургатройд пробует на вкус совершенно ничего не обещающий стебель. Пожевав, Мургатройд проглотил кусок растения. Кэлхаун отметил про себя этот кустарник и отрезал образец. Его он привязал эластичным бинтом к обнаженной коже у себя на руке, повыше локтя. Несколько часов спустя, когда аллергическая реакция так и не дала о себе знать, Кэлхаун попробовал растение на вкус. Вкус был очень знакомым. Что-то вроде шпината, зеленая масса, хорошо наполняющая желудок, но малокалорийная.

Немного позднее Мургатройд понюхал роскошного вида плод, свисавший достаточно низко над землей. Обнюхав фрукт, Мургатройд побежал дальше, не притронувшись к нему. Кэлхаун отметил про себя и это растение. Тормалов разводили в штаб-квартире Медслужбы благодаря некоторым очень ценным свойствам этих животных. У них был очень чувствительный желудок, и более того, метаболизм Мургатройда был очень схож с человеческим. Если тормал ел какую-то пищу, то на 99% эта пища была пригодна и для человека. Если он отворачивался от какого-нибудь плода, то, скорее всего, человеку пробовать этот плод не стоило. Но настоящая ценность тормалов заключалась далеко не в дегустации незнакомых плодов.

Когда Кэлхаун остановился на ночь, он развел костер, используя кактусоподобное растение, пропитанное горючим маслом. Окружив его валиком земли, Кэлхаун получил нечто вроде нагревательного элемента, электропечки. Необычная, но верная иллюстрация того факта, что человеческий прогресс не рождает ничего принципиально нового, а лишь увеличивает комфортность и доступность примитивных удобств. В свете кругового масляного костра Кэлхаун даже немного почитал. Но свет был слишком слабым, глаза утомлялись слишком быстро. Вскоре Кэлхаун зевнул. В Медслужбе не продвинуться далеко, не умея прогнозировать вероятность человеческого поведения. Без этого не проверить истинности или вероятности реализации тех заявлений, что делают пациенты, или представители власти, работнику Медслужбы. Но сегодня он преодолел изрядное расстояние пешком. Он посмотрел на Мургатройда, который сидел в такой же позе, делая вид, что читает свое подобие книги — большой плоский лист.

— Мургатройд,— сказал Кэлхаун,— вполне вероятно, что любой непонятный шум из темноты будет тобой интерпретирован как признак опасности, то есть нежелательного объективного опыта. Поэтому, если ты вдруг услышишь, что к нам приближается некто или нечто значительных размеров, пожалуйста, дай знать мне. Заранее благодарю.

Мургатройд сказал "Чин!". Кэлхаун завернулся в спальный мешок и уснул.

В разгаре утра, на следующий день он подошел к границе кукурузного поля. Это была тщательно возделанная земля, и на ней росли привезенные для колонистов злаки. Кэлхаун начал внимательно осматривать поле, чтобы определить, как давно появлялись здесь фермеры. И в ходе осмотра он обнаружил труп.

Труп был практически свежий, и Кэлхаун, взяв себя в руки, постарался произвести осмотр мертвого человека без лишних эмоций с чисто медицинской точки зрения, чтобы понять, что и когда с этим человеком случилось. По всем признакам, этот человек умер от голода. Он был сильно истощен и явно к числу поденных рабочих не принадлежал. До города было далеко, но это был типичный горожанин, довольно процветающий, если судить по его одежде и драгоценным украшениям, которые, впрочем, теперь больше указывали на род занятий их владельца, чем на его богатство. В карманах костюма нашлись деньги, письменные принадлежности, бумажник с документами и снимками, прочие безделицы, которые обычно носит с собой человек. Это был государственный служащий, житель города. И от голода умирать у него не было причин.

Тем более здесь, рядом с полем сочной зрелой кукурузы! Стебли уходили в высоту на десять футов. Рядом с человеком лежали остатки обгрызенных початков. Они были съедены — некоторые несколько дней тому назад. Один остался недоеденным. Если этот человек съел и не смог усвоить, переварить пищу, то живот у него должно было раздуть. Но живот у трупа был нормальный, не вздутый. Он ел сырую кукурузу, его организм усваивал пищу, и тем не менее, человек этот умер от голода.

Кэлхаун нахмурился.

— Не желаешь ли попробовать этот початок, Мургатройд?— спросил он.

Он потянулся и оторвал от стебля здоровенный в пол-ярда початок. Потом очистил от жесткой защищающей початок листвы. Мягкие желтые зерна внутри выглядели весьма аппетитно. От них пахло свежим запахом хорошей пищи. Кэлхаун предложил початок Мургатройду.

Маленький тормал взял початок передними лапами и через секунду уже уплетал с наслаждением.

— Значит, умер он не от кукурузы,— сказал хмурясь, Кэлхаун.

— А если он ел кукурузу, то умер не от истощения. Что противоречит очевидным фактам. Он должен был, на 90 процентов, умереть именно от голода.

Он решил подождать. Мургатройд очистил початок от последних зерен. Его брюшко заметно выпятилось. Кэлхаун дал ему второй початок. Мургатройд с не меньшим энтузиазмом принялся и за второй початок.

— За всю историю Медслужбы,— сказал Кэлхаун,— еще никому не удавалось отравить тормала, потому что твоя пищеварительная система оснащена особым анализатором качества, и он начинает давать аварийный звонок, стоит тебе лишь понюхать что-либо, могущее на-

нести твоему желудку вред. Если бы эта штука не годилась для еды, тебя бы уже свалил приступ дурноты.

Но Мургатройд набил живот до отказа. И с явным сожалением оставил на втором початке несколько желтых сочных зерен, которые был уже не в состоянии одолеть. Початок он аккуратно положил на землю рядом с собой. Потом потер усы с левой стороны лапкой и тщательно прочистил их языком. Тоже самое было произведено и с усами с правой стороны. Потом Мургатройд довольно сказал:

— Чин!

— Отлично!— ответил ему Кэлхаун.— Итак, от голода этот мужчина не умирал. Чем дальше, тем интереснее! Чем дальше, тем страннее!

В заплечном рюкзаке, конечно же, имелась и лабораторная сумка Кэлхауна. Набор инструментов был до смешного миниатюрен. Но в полевой работе Медслужбы процедура анализа была сведена к стандартным операциям. Кэлхаун, сморщившись, взял образец ткани, который, как он надеялся, мог дать ему необходимую информацию. Стоя, он произвел все операции аналитического процесса. Когда процедура была завершена, он похоронил умершего, как смог, и снова двинулся в путь, к городу. Лицо его было мрачно, лоб прорезали задумчивые морщины.

Примерно полчаса они шагали в тишине. Мургатройд двигался на четырех лапах из-за обильного обеда. Полторы мили спустя Кэлхаун внезапно остановился и сказал:

— Давай-ка проверим тебя, Мургатройд.

Он измерил показания пульса тормала, выделение влаги через поры кожи и частоту дыхания. Потом маленькая порция выдыхаемого тормалом воздуха была пропущена через часть комплекса лабораторной сумки, которая определяла основные показатели обмена веществ. Маленький тормал уже привык к таким процедурам и спокойно подчинялся. Результат проверки Кэлхаун мог бы предсказать — Мургатройд был в полнейшей норме.

— Но,— сердито сказал Кэлхаун,— мужчина умер от истощения. В образце ткани не было практически ни малейшего содержания жира! Он пришел туда, когда еще мог двигаться и остался там, ел початки, переваривал их и умер от голода. Почему?

Мургатройд неловко заерзал — тон у Кэлхауна был обвиняющим.

— Чин!— просительно сказал он и посмотрел на Кэлхауна.

— Я на тебя не сержусь,— сказал ему Кэлхаун.— Но, черт подери...

Он уложил комплект для лабанализа обратно в рюкзак, где кроме этого лежал запас пищи на неделю для Мургатройда.

— Пошли,— с горечью сказал он. Они двинулись в путь. Десять минут спустя последовала новая остановка.

— Что же произошло? То, что сказал я — невозможно. Но это произошло. Значит, это было что-то другое. Я сделал неправильный вывод. Он ел. Он усваивал пищу. Почему тогда он умер от голода? Потому что перестал есть?

— Чин!— сказал Мургатройд убежденно.

Кэлхаун громко вздохнул и они снова замаршировали. Этот человек умер не от болезни. Это было ясно. Во всяком случае, не непосредственно. Анализы тканей показали, что прекращение функций какого-то организма причиной смерти тоже не явилось.

Значит, весь организм вдруг перестал совершать действие, необходимое для функционирования? Он перестал есть? Кэлхаун осторожно осматривал это предположение со всех сторон. Невероятно. Что-то с ним произошло, и это что-то заставило его перестать есть...

— Он жил в городе,— проворчал Кэлхаун.— А отсюда до города чертовски далеко. Что он здесь делал в первую очередь?

Постояв в нерешительности, Кэлхаун зашагал дальше. Возможно, этот горожанин заблудился. Но если и заблудился, без пищи он не остался, это ясно.

— Значит, он сам из города,— медленно рассуждал Кэлхаун.— Город он покинул. Город почти пуст. Там наши с тобой неудачливые убийцы. Город — новая колония. Был построен город, были распаханы и засеяны поля. Потом с Деттры-2 прибыли колонисты. Город стоит, на полях созрел урожай. А где население?

Он задумчиво нахмурился, глядя себе под ноги. Мургатройд попытался нахмуриться, но у него получилось не так хорошо.

— Где же ответ, Мургатройд? Этот человек покинул город, изгнанный болезнью, эпидемией? Он был вынужден покинуть свой город?

— Чин,— без особого доверия сказал Мургатройд.

— И я не знаю,— согласился с ним Кэлхаун.— Он зашел в поле, потом опустился на землю. Он был голоден, он начал есть. Организм успешно переваривал еду. Он находился там несколько дней. Почему? Он ждал своей смерти? Отчего? И что заставило его покинуть город? Почему он перестал есть?

Почему умер?

Мургатройд осмотрел какое-то мелкое растение, решил, что интереса оно не представляет. Потом вернулся к Кэлхауну.

— Он умер сам,— продолжал Кэлхаун.— Он не был убит. Но нас кто-то, укравший город, пытался убить. Возможно, этот человек убежал, спасаясь от тех же людей, что пытались убить нас. И он все равно умер. Непонятно отчего. Но зачем им было нужно убивать его? И зачем им понадобилось прикончить нас? Попытаться прикончить? Потому, что мы — Медслужба? Чтобы наша служба не узнала, что здесь какая-то болезнь? Смехотворно!

— Чин!— сказал Мургатройд.

— Мне это вовсе не очень нравится,— сказал Кэлхаун.— В любой экологической системе есть стервятники. И часть — крылатые. Если бы город был полон трупов, на это были бы ясные указания — летающие стервятники, кружащиеся над мертвыми. А где они? Их нет. И если бы была эпидемия, они бы приняли Медкорабль с распростертыми

объятиями, но тот, умерший, он покинул город не просто так, должно быть произошло нечто необычное. И умер он не просто так. Итак, мы имеем обезлюденный город, невероятным образом погибшего человека и еще более невероятную попытку погубить корабль Медслужбы. И что это дает нам, Мургатройд? Мургатройд взял Кэлхауна за руку и потянул. Ему было скучно. Кэлхаун слишком часто останавливался, и вообще они продвигались вперед чересчур медленным темпом.

— Парадоксы в природе не случаются,— мрачно сказал Кэлхаун.

— То, что происходит естественно, не противоречит другому естественному процессу. И только когда вмешивается человек, получается что-то нескладное... вроде чумы, во время которой пытаются уничтожить корабль Медслужбы. И города, где никто не появляется на улицах, если дело именно в этом, и смерть от истощения, когда есть еда и пищеварение работает нормально. И все это происходило! Все это было на самом деле, здесь! В космопорту что-то нечисто. И я подозреваю, что здесь что-то нечисто на каждом перекрестке. Нужно смотреть в оба, Мургатройд.

— Чин,— сказал Мургатройд.

Кэлхаун шагал широко, и Мургатройд отпустил его руку, и отправился вперед на разведку.

Кэлхаун достиг вершины закругленного холма, примерно в трех милях от того места, где он покинул могилу неизвестного. Впереди показалась новая цепочка холмов.

Через час он подошел к этой цепочке возвышенностей. Это были источенные временем остатки древней горной цепи, теперь высотой не превышающие полторы-две тысячи футов. На самом гребне он остановился. Место и время были подходящими, чтобы осмотреться, обдумать и вспомнить то, что он видел. На много миль вперед уходила мягкими волнами местность, сливаясь с голубой полоской моря на горизонте. Немного левее что-то ярко белело. Кэлхаун вздохнул.

Это был единственный город Марис-3, построенный для колонистов с Деттры-2, призванный облегчить перенаселенность планеты. Он должен был стать ядром прекрасной всепланетной цивилизации — нации, которая присоединилась бы к остальным обитаемым мирам. С самого начала население его должно было составлять сотню тысяч человек. И воздушное пространство над городом должно было быть переполнено воздушными экипажами жителей города.

Кэлхаун начал осматривать город через бинокль. Конечно, электронный телескоп намного превосходил силой и качеством изображения обыкновенного бинокля, но видно было достаточно. Город был идеалом. Он был полностью цел, но признаков присутствия обитателей по-прежнему не было нигде. Город казался не столько мертвым, сколько замороженным. В воздухе не было ни коптеров, ни фазеров. Одна из автострад бежала как раз вдоль его линии зрения. Если бы на автостраде имелось движение, он увидел стремительно уносящиеся цветные пятнышки. Но дорога была пуста.

Сжав губы, он занялся обследованием ближайшей местности. Он увидел квадраты и прямоугольники полей, где почва была подготовлена к приему земных культур. Это был сложный процесс. Сначала почва очищалась бульдозерами от всякой местной растительности. Потом за дело брались громадные машины, утюжившие почву, убивавшие все местные микроорганизмы, семена, корни. После этого над почвой распыляли аэрозоли земных почвенных бактерий — азотосвязывающие и фосфороосвобождающие, которые живут в симбиозе с земными растениями. И перед этим нужно было убедиться, что они смогут выжить в окружении местной микрофлоры. Только после этого можно было высевать земные семена.

Что и было сделано. Кэлхаун видел зелень растений, тот самый оттенок, который всегда узнается. Это зелень растений, предки которых процветали на Земле, и которые последовали за детьми этой планеты через всю Галактику.

— У полей есть всегда такой оттенок во внешнем виде,— сказал Кэлхаун, который довольно долго рассматривал поля в бинокль,— который всегда поможет определить, что за люди за этими полями ухаживали. Вот на тех полях, впереди, никто уже не бывал несколько недель, хотя сами поля ухожены. Борозды прямые, злаки имеют здоровый вид. Но уже проступают признаки заброшенности. Этими полями никто не занимается!

Мургатройд, размышляя над словами Кэлхауна, с многозначительным видом рассматривал поля так, как ему казалось, в данный момент делал Кэлхаун.

— Короче,— сказал Кэлхаун, происходит нечто, совсем мне не нравящееся. Население должно быть практически нулевым, иначе за полями бы присматривали как следует. С современными машинами даже один человек может ухаживать за чертовски большой площадью. И люди не закладывают поля для того, чтобы потом их забросить. Здесь явно в последнее время поменялись планы и очень кардинально. Враждебная акция по отношению к Медслужбе — это не случайно.— Кэлхауну радоваться было не с чего. Без видеоэкранов возвращение в штаб-квартиру было невозможно.— Те, кто управлял посадочной решеткой, в нашей помощи явно не нуждались. Им не нужны даже гости. Но Медслужба получила запрос на инспекцию этой колонии. Или кто-то отчаянным образом изменил свои намерения, или посадочной решеткой сейчас командуют совсем другие люди, не те, что просили общественного саносмотра.

Мургатройд заметил глубокомысленно:

— Чин!

— Бедняга, которого я похоронил, сам факт его смерти намекал на нечто подобное. Ему-то помощь очень даже понадобилась бы. Возможно население здесь разбилось на две группировки. Одна помощи не требует, и они нас пытались уничтожить, потому что мы эту помощь пред-

ложили. Вторая... им помощь необходима. Если так, то возможен антагонизм, столкновение определенного рода...

Насупив брови Кэлхаун смотрел вдаль, к обширной дуге горизонта. Мургатройд в этот момент немного отстал от Кэлхауна. Он поднялся на задние лапы и внимательно смотрел в сторону. Совершенно человеческим образом и жестом он прикрыл передней лапкой глаза, словно бы заслоняя их от солнца и вопросительно рассматривал нечто, привлекшее его внимание. Кэлхаун ничего не замечал.

— Сделаем предположение, Мургатройд,— сказал он.— Дикое. Мертвый человек, не имевший причин умирать. Живые люди, не имевшие причин стремиться разнести в клочья корабль. Некий фатальный фактор оказался губительным для умершего. Некто пытался фатальным образом повлиять на нас. Есть здесь связь?

Мургатройд был поглощен наблюдением за участком кустарника примерно в пятидесяти ярдах влево от него. Кэлхаун двинулся вниз по склону холма. Мургатройд остался на месте, замерев в позе полностью поглощенного любопытством внимания. Он не сводил глаз с кустарника. Кэлхаун спускался по холму. Спина его была обращена к кустам.

Послышался басовитый музыкальный звук, словно тронули тугую толстую струну. Толчок заставил Кэлхауна пошатнуться. Споткнувшись, он упал. Древко толстой стрелы торчало в его спине. Упав, он замер неподвижно.

Мургатройд заскулил. Он бросился к Кэлхауну, лежавшему лицом вниз в траве. Зверек, возбужденно попискивая, затанцевал вокруг тела хозяина. Передние лапки он заломил в человекоподобном жесте отчаяния. Он потрогал Кэлхауна, попытался тащить его за руку, но Кэлхаун оставался в неподвижности.

Из густых кустарников показалась девушка. Она была сильно истощена, явно потеряла много сил, хотя одежда на ней была отличного качества, модного покроя, что говорило о состоятельности хозяйки и ее принадлежности к жителям города. В руках у нее было странное и совершенно примитивное оружие. Она подошла к Кэлхауну, нагнулась над ним и взялась за деревянную стрелу, которая попала ему в спину. Кэлхаун внезапно ожил. Он дернул девушку за руку, и та неожиданно легко, впрочем, не так уж неожиданно, принимая во внимание ее истощенный вид, упала на землю. Она сопротивлялась, но преимущество силы было на стороне Кэлхауна. Она вдруг часто, с трудом задышала, полностью прекратив борьбу. Мургатройд возбужденно танцевал вокруг борющихся.

Кэлхаун быстро поднялся. Он смотрел на лежавшее у его ног скорченное тело девушки, пытавшейся убить его стрелой из лука. Девушка задыхалась.

— Честное слово,— сказал Кэлхаун профессиональным тоном,— как врач, могу вам сказать, что вам следовало бы оставаться в постели, а не бродить в дикой местности с целью погубить какого-нибудь совер-

шенно вам незнакомого человека. Да еще такой вот штукой. Когда это с вами началось? Сейчас я измерю вашу температуру и частоту пульса. Я и Мургатройд, мы надеялись, что найдем кого-нибудь вроде вас, то есть живого местного жителя. Единственный местный житель, которого я пока что встретил, был не в состоянии что-либо нам рассказать.

Он быстро стащил со спины свой рюкзак и сердито выдернул стрелу. Наконечника у стрелы не было, она просто была заостренной палкой.

Кэлхаун извлек из рюкзака футляр полевой лаборатории, которая, по счастливой случайности, не пострадала.

Полностью отключившись от окружающего, он приготовился к экспресс-анализу состояния его нового неудачливого убийцы.

Состояние было крайне болезненным. Явственно выделялось сильное истощение. Глаза отчаянно задыхавшейся девушки глубоко запали. Она со всхлипом втягивала в себя воздух, не приносивший, казалось, ей облегчения. И так же тяжело вздыхая, она проваливалась в бессознательное состояние.

— А вот здесь,— сказал отрывисто Кэлхаун,— на сцену появляешься ты, Мургатройд. Именно с такими вещами и должен справляться ты. Для того тебя и придумали.

Он энергично принялся за работу. Через некоторое время Кэлхаун заметил:

— Кроме очень чувствительного пищеварения и тончайшей системы выработки антител, ты, Мургатройд, должен бы иметь инстинкт сторожевого пса. Мне не нравится, что кто-то может подобраться со спины и подстрелить меня, вот как эта наша юная пациентка. Так что посмотри, нет ли еще кого-нибудь в округе, ладно?

— Чин!— сказал Мургатройд пронзительно. Но он, конечно, ничего не понял.

Кэлхаун ловко ввел в вену девушки иглу, взял немного крови и, скрепя сердце, впрыснул эту кровь в особое место на боку Мургатройда. Мургатройд не почувствовал, тем не менее, боли — еще в недельном возрасте ему в этом месте сделали особую операцию, отключив болевые нервные окончания. Половина крови пошла в микроскопическую ампулку из лабораторного комплекса.

— Скажу вам как один работник медицины другому работнику,— сообщил ему Кэлхаун,— вы коллега, наверняка уже заметили симптомы аноксии — кислородного голодания. Что являет собой абсурд на свежем воздухе, где мы свободно вдыхаем воздух, а с ним и кислород. Еще один парадокс, Мургатройд! Но нужно срочно действовать! Как помочь при аноксии, когда нет кислорода?

Он внимательно посмотрел на девушку. Она была в глубоком обмороке. Были явственно заметны признаки истощения, такие же, как и у мужчины, умершего посреди кукурузного поля, в окружении пригодной для еды пищи. Только девушка находилась в несколько более ранней ступени. Какой-то служащий из города забрел и умер там истощенный.

Девушка пыталась убить Кэлхауна стрелой, самодельной стрелой, даже без наконечника. И какие-то люди в городе пытались уничтожить Кэлхауна и медкорабль, и Мургатройда, там в космосе, в сорока тысячах миль над поверхностью планеты. Оружие убийства, которое принадлежало девушке, явно не соответствовало тому оружию, которым располагали люди из города. Возможно, она сама бежала из города под угрозой смерти.

Кэлхаун взвесил все эти факты, соединил их вместе. Потом выругался, охваченный горечью и злостью. И резко оборвал себя, опасаясь, что она услышит.

Она ничего не услышала. Она все еще не пришла в себя.

3

Она медленно, очень медленно приходила в себя. Словно пробуждалась от слишком долгого кошмарного сна. Когда она в первый раз открыла глаза, ее блуждающий взгляд, без цели упал на Кэлхауна. И тут же взгляд наполнила горькая, презирающая ненависть. Рука девушки слабо шевельнулась, пальцы потянулись к ножнам на поясе. Нож едва ли можно было назвать серьезным оружием, скорее, столовый прибор. Рукоять была слишком изящна, чтобы ее хорошо и удобно обхватывала рука, способная нанести смертельный удар. Наклонившись, Кэлхаун отобрал у нее нож. Чья-то неопытная рука источила острие в иглу, явно путем трения о простой камень.

— Будучи врачом,— укоризненно сказал Кэлхаун,— я запрещаю вам колоть меня этим шилом. Нам это ничего хорошего не принесет. Меня зовут Кэлхаун. Я прибыл из управления Медслужбы вашего сектора для того, чтобы провести планетарную инспекцию состояния медицинского обслуживания и санитарии. Но каким-то парням в городе явно не по вкусу мой медкорабль, и они нас попробовали прикончить. Способ был прост — так тряхнуть решеткой, чтобы я размазался по стенам каюты. Мне пришлось произвести практически аварийную посадку, и теперь я хочу знать, что у вас здесь происходит, в конце концов.

Сверкающая ненависть осталась у девушки в глазах, но к ней прибавилась доля сомнения.

— Вот,— сказал Кэлхаун,— мое удостоверение.

Он показал ей жетон — очень высокого уровня документ, дававший ему полномочия обширнейшие, если, конечно, местные власти соглашались способствовать посланцу Медслужбы в его миссии.

— Конечно,— добавил он,— этот жетон можно было похитить, но у меня есть свидетель, готовый подтвердить, что я тот, за кого себя выдаю. Вы слышали о тормалах? Мургатройд может за меня поручиться.

Он подозвал своего маленького пушистого спутника. Осторожно приблизившись, Мургатройд осторожно и вежливо подал маленькую цепкую лапку. Он тонким голоском пропищал свое неизменное "Чин!" и, имитируя движения Кэлхауна, принялся измерять у девушки пульс на запястье.

Кэлхаун молча наблюдал. Девушка смотрела на Мургатройда. Но по всей галактике распространились слухи о тормалах — они были обнаружены на планете в районе Денеба, оказались ласковыми домашними животными, проявив выходящую за рамки обычного способность вырабатывать иммунитет к болезням, которые человек собирал и сеял на своем космическом пути. Неизвестный исследователь Медслужбы открыл ценнейшие качества тормала, сделавшего этих животных далеко не простым спутником человека. И до сих пор тормалов было очень мало, и потому присутствие зверька служило верной визитной карточкой службы.

Девушка слабо сказала:

— Если бы вы появились раньше... теперь уже слишком поздно. Я... я думаю, вы пришли из города.

— Я туда направляюсь,— сообщил ей Кэлхаун.

— Они вас убьют.

— Да,— согласился Кэлхаун.— Вероятно, убьют. Но пока что вы больны, нуждаетесь в помощи, а я — представитель Медицинской Службы. Я подозревал, что здесь была какая-то эпидемия. И по каким-то причинам люди в городе не желают появления Медслужбы на планете. Кажется, вы тоже заболели этой болезнью. К тому же, у вас любопытное оружие, из которого вы меня пытались подстрелить.

Девушка устало сказала:

— Один в нашей группе имел такое хобби. Древние виды оружия. У него были луки, стрелы, дротики. А вот это... арбалет. Ему не нужна энергия: ни химическая, ни какая-то другая. Поэтому, когда мы бежали из города, он пробрался туда и вынес всю свою коллекцию. Там мы вооружились.

Кэлхаун кивнул. Перед началом беседы с пациентом самое лучшее небольшой разговор, не относящийся непосредственно к теме. Но то, что рассказала девушка, имело к теме прямое отношение. Группа людей бежала из города. Им требовалось оружие. Один из них вернулся в город. Он знал, где найти коллекцию древних смертельных устройств. Такое хобби. Похоже, что речь идет о группе людей, занимающих административные, гражданские должности. Конечно, больше не было классов, разделенных по степени доходов. Во всяком случае, на большинстве миров. Но имелись социальные группы, создавшиеся на основе схожести вкусов, что приводило к сходству места жительства и служило хорошей основой для зарождения доброжелательных межличностных отношений. Теперь Кэлхаун знал положение девушки в обществе. Он припомнил старомодный термин — "верхний слой сред-

него класса", который больше ничего не значил в экономике, но мог кое-что значить в медицине.

— Мне требуется история болезни,— сказал он.— Имя?

— Хелен Джонс,— устало сказала девушка.

Он держал микрофон карманного рекордера, чтобы слова девушки были хорошо слышны. Род занятий: статистик. Она входила в административную группу, управляющую строительством города.

Когда строительные работы закончились, большинство рабочих вернулось на родину, на родную планету Деттру-2, но сотрудники учреждения, где работала Хелен, остались в новом городе, чтобы заниматься организаторской деятельностью для прибывших колонистов.

— Подождите,— сказал Кэлхаун.— Вы были с теми, кто остался в городе ждать колонистов, но минуту назад вы упомянули о бегстве из города. Там есть еще люди, по крайней мере, в районе посадочной станции. У меня есть причины так думать. Они тоже часть вашей группа? Если нет, то откуда они взялись?

Она слабо покачала головой.

— Кто они?— повторил Кэлхаун.

— Не знаю,— утомленно сказала девушка.— Они появились уже после эпидемии.

— Вот как,— сказал Кэлхаун.— И дальше... когда началась эпидемия? И как это произошло?

Слабым прерывающимся голосом она продолжила рассказ. Эпидемия началась среди последних партий рабочих, которые должны были вернуться на Деттру-2. Их было около тысячи в городе — люди всех классов и занятий. Сначала болезнь появилась среди тех, кто ухаживал за обширными посевами на полях.

Болезнь успела как следует укрепиться, укорениться среди рабочих, прежде, чем была обнаружена. Первоначальных явных симптомов не было, но те, что заболели, жаловались на упадок сил, тревожное состояние, вялость и апатию. Все это выразилось в том, что между собой рабочие прекратили все стычки и споры. Обычно здоровые люди ведут себя агрессивно и ссорятся между собой как бы походя, невзначай, в виде побочного эффекта. Но на этот раз всякий шум прекратился. У людей просто не оставалось на это энергии.

Позднее появилась одышка. Люди чувствовали, что им не хватает энергии, не хватает воздуха. Поначалу эта нехватка была незаметной. Люди, впавшие в апатию, тратят мало энергии, и потому расход кислорода у них невысок. Открыл симптом один из медиков, пытавшийся побороть то, что он считал временным упадком сил, и вдруг обнаруживший, что задыхается. Он проанализировал свой уровень обмена веществ, потому что одышка была нешуточной. Он заподозрил что-то серьезное. Уровень обмена веществ у него, как показал анализ, был поразительно низким.

— Еще раз прошу вас пояснить,— перебил Кэлхаун девушку.— Вы статистик по профессии, но употребляете медицинские термины. Откуда вам обо всем этом известно?

— Ким,— устало сказала девушка.— Он учился на врача, был членом медгруппы. Я... мы должны были пожениться.

Кэлхаун кивнул.

— Продолжайте, пожалуйста.

Хелен, казалось, должна была время от времени отдыхать и собираться с силами хотя бы для того, чтобы продолжить рассказ.— Одышка среди жертв эпидемии прогрессировала. Вскоре простое усилие, например, для того, чтобы только подняться на ноги, заставило их синеть от удушья. О ходьбе трудно было даже думать. Очень скоро они могли только неподвижно лежать. У них не было энергии даже на то, чтобы пошевелиться. Потом они погружались в бессознательное состояние и умирали.

— А что обо всем этом думали врачи?— спросил с напором Кэлхаун.

— Ким бы вам рассказал,— прошептала девушка.— Врачи работали до изнеможения. Они испробовали все, буквально все! Они получили аналогичные симптомы у лабораторных животных, но не могли выделить вирус, бактерию или какой-либо другой носитель болезни. Ким говорил, что им не удается получить чистую культуру. Это было невероятно, просто уму не постижимо. Ни один из известных врачам методов не выделял причины болезни, а она, тем не менее, была явно заразной! Это было ужасно!

Кэлхаун нахмурился. Всегда возможно появление нового патогенного механизма, но едва ли это вероятно. И все же, если стандартные лабораторные анализы не в силах выявить носителя болезни, то это явно дело для Медицинской Службы. Почему же тогда люди в городе пытались не допустить на планету корабль Медслужбы? Чему он мог помешать? Девушка один раз упомянула о тех в городе, когда говорила о побеге из города. И она, приняв за одного из них Кэлхауна, пыталась застрелить его из арбалета. Описание эпидемии так же давало повод для любопытных сопоставлений.

Носитель болезни удачно прятался от исследователей, что не в силах сделать другой известный микроорганизм. Ведь такая способность не приносит микроорганизму выгоды в естественных условиях. Микробы не так часто сталкиваются с лабораторными анализами, чтобы эволюция научила их становиться невидимыми для электронных микроскопов. Нет причины для выработки такой невидимости — естественным путем, конечно.

Но более того, зачем кому-то мешать такому специалисту, как Кэлхаун, исследовать необычный случай эпидемии? Когда зараженные люди бегут из города умирать в дикой местности, почему оставшиеся должны пытаться уничтожить несущий им спасение корабль Медицинской Службы? Обычно люди в разгар эпидемии до ужаса опа-

саются заразиться и стремиться получить помощь Медслужбы они должны не меньше, чем те, кто уже заболел. Что же здесь происходит?

— Вы сказали, что в городе было около тысячи человек,— отметил Кэлхаун.— Они работали на полях, где уже созревал урожай и ждали, пока прибудет основная масса колонистов. Что произошло после того, как эпидемия была распознана?

— Прибыл первый транспорт с Деттры,— безнадежным голосом продолжала девушка.— Их не стали сажать с помощью решетки. Мы предупредили их с помощью радио об эпидемии. Мы добровольно установили на планете карантин, пока наши врачи пытались найти средство борьбы с болезнью. Транспорт с колонистами отправился обратно, домой, неразгруженным.

Кэлхаун кивнул. Это было естественно.

— Потом появился другой корабль. Нас осталось в живых человек двести, наверное, и большая половина уже проявляла симптомы болезни. Но пришел новый корабли. Он приземлился на собственных аварийных двигателях, потому что управлять решеткой было некому.

В этом месте рассказа голос девушки дрогнул, когда она описала посадку незнакомого корабля в городе, где люди уже умирали, так по-настоящему и не жив. Никто не пришел к посадочной площадке космодрома, чтобы встретить корабль. Люди, не успевшие заразиться, покинули город и теперь были разбросаны на обширной местности нетронутой природы вокруг города, надеясь, что им удастся избежать заражения, изолировавшись в новых еще неиспользованных поселках и отдельных домиках. Но недостатка в средствах связи не было. Практически все выжившие наблюдали за спуском корабля через экраны диспетчерской башни космопорта.

Корабль коснулся земли. Наружу вышли люди. Внешне на врачей они не были похожи. И вели они себя вовсе не как врачи. Видеоэкраны в диспетчерском пункте были тут же выключены. Связаться с космодромом не удалось. Поэтому изолированные группы возбужденно обсуждали происшествие между собой. Обменивались посланиями отчаянной надежды на то, что это все-таки врачи, которые их спасут. Потом новоприбывшие показались в комнате одного из тех, кто как раз вел такой разговор с другими выжившими, которые находились в дальнем здании. Визифон остался включенным, когда владелец открыл дверь пришедшим. Владелец радостно приветствовал тех, кого считал исследователями, по крайней мере, которые явились, чтобы отыскать причину внезапной чумы и уничтожить болезнь.

Собравшиеся у другого визифона с нетерпением смотрели на происходящее в другом здании. Они видели, как вошли незнакомые люди. Они увидели, как хладнокровно они убили их друга и всех, кто еще остался в живых из его семьи.

Люди, уже ощутившие первые симптомы чумы, или просто перепуганные, по двое и по трое разбросанные по всему городу, охваченные

ужасом и отчаянием, начали быстро связываться между собой через визифоны. Возможно, произошла ошибка, глупое недоразумение, и было совершено преступление по воле отдельной группы лиц, а не командира корабля. Но это была не ошибка, хотя идея казалась чудовищно невероятной, но, очевидно, чуму на Марисе-3 решили прекратить тем же способом, каким прекращались эпидемии среди сельскохозяйственного скота. Те, кто был заражен или подвергался опасности заражения, должны быть уничтожены, дабы предотвратить распространение болезни среди новоприбывших.

Убеждение в подобной ужасной реальности было возможно лишь при наличии абсолютно неопровержимого доказательства. Но с наступлением ночи была отключена энергетическая городская сеть, и всякая возможность видеоконтакта среди уцелевших исчезла. Закаты на Марисе-3 всегда отличаются своим спокойствием и безмятежностью, но теперь над городом повисла в буквальном смысле мертвая тишь. И лишь иногда пустоту черных окон города прорезали жуткие вопли умирающих.

Жалкие остатки выживших поспешили покинуть город под покровом ночной темноты. Они бежали по одиночке и группами, и они несли с собой чуму. Некоторые вели и тащили с собой членов семей, тех, которые были уже слишком слабы, чтобы передвигаться самостоятельно. Они помогали уже обреченным отцам, мужьям, женам, матерям и друзьям выбраться из города на открытую местность. Побег уже не мог спасти им жизнь. Он только предотвращал жестокое убийство. Но почему-то именно это казалось обреченным выходом из положения.

— Но это,— сказал мягко Кэлхаун,— не ваша личная история болезни. Я хотел бы знать, как все было с вами. Когда началась у вас эта болезнь? Что бы не послужило ее причиной...

— Так вы не знаете, что это?— с безнадежным видом спросила Хелен.

— Еще нет,— признался Кэлхаун.— У меня слишком мало данных. Я пытаюсь собрать побольше.

Он не упомянул об информации, которую дал ему случай с мертвым человеком посреди кукурузного поля, в нескольких милях от места, где сейчас находились он и девушка.

Хелен рассказала о себе. Первым симптомом была апатия, безразличие к окружающему. Сначала она могла преодолеть апатию, но с каждым днем вялость усиливалась. С каждым днем требовались все большие, все более отчаянные усилия, чтобы заставить себя сосредоточиться хоть на чем-то, и еще большее утомление, как она заметила, приходило, стоило лишь ей попытаться что-то сделать. Она не чувствовала никаких неприятных ощущений, ни голода, ни жажды. Ей приходилось огромными усилиями напоминать себе даже о самой необходимости что-то делать.

Симптомы отлично соответствовали тем, которые испытывает человек на большой высоте, когда он долго находится в разреженной атмос-

фере, при недостатке кислорода или в негерметизированном флаере на большой высоте, с отключенным кислородным питанием. Человек в таких условиях потеряет сознание, даже не поняв, что соскальзывает в забытье. Только произойдет это все в считанные минуты. Здесь же процесс был бесконечно более замедлен, шел по ступеням. Был растянут на несколько недель. Но конец — тот же самый.

— Я заразилась до того, как мы бежали из города,— устало сказала Хелен.— Я об этом тогда не знала. Теперь я знаю, что у меня осталось всего несколько дней, в течение которых я могу думать и что-то делать, если буду прилагать все усилия. Но с каждым днем будет все труднее и труднее, а потом я перестану даже пытаться.

Она говорила. Кэлхаун смотрел на миниатюрные катушки своего комнатного рекордера, перематывающего многоканальную ленту.

— У вас хватило энергии попытаться убить меня,— заметил Кэлхаун.

Он взглянул на оружие девушки. Стрелу посылала в полет энергия сжимаемой пружины. Пружина сжималась с помощью рычажка. Для удобства стрельбы имелся ствол и рукоять, за которую было удобно держать арбалет, прижав его приклад.

— Кто собрал этот арбалет?— спросил он.

— Ким... Ким Колпол,— сказала Хелен после некоторого колебания.

— Значит, вы здесь не единственная? Здесь есть другие выжившие члены вашей группы.

Она снова поколебалась, потом сказала:

— Кое-кто из нас понял, что если мы будем стараться держаться в одиночку, это ничем нам не поможет. Выжить у нас все равно нет надежды. Ким — один из нас. Он сильнее остальных, и он зарядил для меня этот арбалет. Это его арбалет, из его коллекции.

Кэлхаун начал задавать внешне случайные вопросы. Девушка отвечала. Группа беженцев из города держалась вместе, поскольку беглецы все равно были обречены. Их было одиннадцать. Двое уже умерли. Трое погрузились в летаргическое забытье. Есть они уже не могли, и кормить их было невозможно. Они медленно умирали. Больше всего сил оставалось у Кима Уолпола. Это он отправился на вылазку в город и вернулся с оружием. Это он сразу же возглавил группу и до сих пор оставался самым сильным и, так считала девушка, самым умным среди них.

Они ожидали собственной смерти. Но пришельцы-захватчики, как считали колонисты, не собирались оставить их в покое и дать спокойно умереть самим. Из города приходили группы охотников, выискивающие уцелевших и приканчивали тех, кто еще оставался в живых.

— Наверное,— равнодушно, бесстрастно сказала девушка,— чтобы сжечь наши тела, уничтожить тем самым заразу. Они нас убивают, чтобы не ждать долго. И как это ужасно — нам приходится защищать свое право на естественную смерть. Поэтому я и выстрелила в вас. Я не должна была стрелять, но...

Она беспомощно замолчала. Кэлхаун кивнул.

Беглецы теперь помогали друг другу избежать насильственной смерти. Под покровом ночи они собирались в одном месте, и те, у кого еще оставались силы, делали, что могли, для остальных. Днем они все укрывались в одиночных "норах", достаточно далеко разбросанных друг от друга. Таким образом, если бы нашли одного из них, остальные могли избежать бесчестия смерти, достойной разве лишь какого-то животного. Других мотивов поведения, более сильных, у них не оставалось. Они просто старались умереть с честью, естественным образом, а не быть забитыми, как больные животные на мясофабрике, что говорило о традициях, достойных уважения в глазах Кэлхауна. Такие люди должны знать кое-что о науке вероятности в поведении людей. Только называть эту науку они будут этикой. Но те, кто убивал их — захватчики — были людьми совсем иного сорта. Они, очевидно, прибыли совсем из иного мира.

— Мне это не нравится,— сказал вдруг Кэлхаун.— Одну минутку.

Он подошел к Мургатройду. Мургатройд, как ему показалось, несколько приуныл за последний час. Кэлхаун проверил характеристики дыхания и сердечных сокращений.

Мургатройд спокойно подчинился процедуре, сказав только "Чин!", когда Кэлхаун отпустил его.

— Я помогу дойти вам до места встречи группы,— сказал энергично Кэлхаун.— Мургатройд уже начал реагировать на введенную ему зараженную кровь. И я хочу поговорить с остальными из вашей группы, еще до темноты.

Девушка едва смогла подняться на ноги. Даже необходимость что-то говорить утомила ее, но она мужественно, хотя и медленно, направилась к склону холма. Кэлхаун подобрал забавное оружие, внимательно осмотрел зарядный механизм, взвел пружину, потом вставил на место деревянный заостренный стержень и двинулся вслед Хелен. В арьергарде бежал Мургатройд.

Четверть мили спустя девушка остановилась и приникла к стволу небольшого дерева, обессиленная. Ей, совершенно очевидно, был необходим отдых, и они опасались опускаться на траву, потому что подъем требовал бы более чрезвычайных усилий.

— Я вас понесу,— твердо сказал Кэлхаун,— Показывайте дорогу.

Он поднял ее на руки, они двинулись дальше. Девушка была очень легкая. Даже не будучи плотного сложения, она все равно должна была бы весить больше. Кэлхаун без труда продолжал нести и антикварное оружие.

Мургатройд следовал за Кэлхауном и девушкой, которые поднялись по склону небольшого зеленого холма, потом спустились в довольно глубокий овраг. Кэлхаун пробивался сквозь густой кустарник, пока они не оказались на небольшой полянке. Здесь стояло несколько примитивных навесов — крыши из ветвей с листьями на подпорках из шестов. Но эти навесы не предназначались для постоянного употребления. Они должны были всего лишь стать на короткое время укрытием для тех несчастных, которые хотели умереть здесь своим естественным образом.

Но произошла катастрофа. Кэлхаун понял это прежде, чем признаки ее увидела Хелен. Под навесом были сделаны постели из листвы. На листьях лежали мертвые тела. Три мертвых человека. Очевидно, это были те самые беглецы, которые, как говорила девушка, впали в перманентную кому и уже не приходили в себя, что соответствовало состоянию тела того мертвеца в кукурузном поле. Но теперь — и Кэлхаун увидел это сразу — имелось одно отличие. Он быстро повернулся, так, чтобы девушка на его руках ничего не могла увидеть. Потом он осторожно опустил ее, сказав:

— Не двигайтесь. Лежите тихо. Не поворачивайтесь.

И он отправился, чтобы убедиться в своей ужасной догадке к шалашам. Секунду спустя он был охвачен раскаленной добела яростью. Профессией Кэлхауна была борьба со смертью и с болезнями, во всех их проявлениях. И он очень серьезно относился к своей профессии. Конечно, ему приходилось терпеть поражения, и он принимал неизбежное, как приходится делать любому врачу. Но на месте Кэлхауна любой медик пришел бы в ярость при виде людей, которые могли бы стать его пациентами, но теперь лежали с перерезанными глотками.

Он накрыл их ветками, а затем вернулся к Хелен.

— Здесь побывали уже те, из города,— сказал он хрипло.— Они убили больных. Не советую вам смотреть туда. Предполагаю, что те, кто совершил это преступление, сейчас ищут остальных из вашей группы.

Он мрачно нахмурился, обошел полянку, отыскивая следы. Большая часть открытого пространства была покрыта травой, но на краю он обнаружил несколько глубоких отпечатков подошв. Кэлхаун поставил свой ботинок рядом с отпечатком неизвестной ноги, нажал всем весом своего тела. Отпечаток получился менее глубокий, значит, здесь прошел человек, весивший больше Кэлхауна. Следовательно, это́ не мог быть один из группы заболевших чумой.

На противоположном конце поляны он нашел аналогичную картину, они вели на поляну.

— Всего один человек,— сказал он хладнокровно.— Значит, он не опасается нападения, поскольку административный городской персонал, а именно этим занимались эти люди до начала эпидемии, обычно при себе оружия не имеют. И он уверен, что вы все достаточно слабы, чтобы не представлять для него опасности.

Хелен не побледнела. Она и до этого была бледна. Она немо смотрела на Кэлхауна. Кэлхаун мрачно смотрел на небо.

— Через час солнце зайдет,— гневно сказал он.— И если эти пришельцы — захватчики, вернее будет сказать,— собираются сжигать тела убитых, то тот, кто совершил это преступление, должен вернуться сюда, чтобы избавиться от тел убитых. Днем он этого делать не хотел, и он знает, что навесы рассчитаны не на троих, а на большее число. Он обязательно придет назад.

Мургатройд простонал "Чин!". Он стоял на четвереньках, рассматривая свои лапы, словно они принадлежали не ему. Он тяжело дышал.

Кэлхаун быстро осмотрел тормала, дыхание участилось. Сердце работало в том же режиме, что и Хелен. Температура тела понизилась. Кэлхаун сказал с жалостью:

— И у меня, и у тебя, Мургатройд, случаются неприятные моменты — такая уж у нас профессия, но мне хуже, чем тебе, ведь тебе не приходится проделывать надо мной всякие грязные штуки, а я, вот, должен рисковать тобой...

Мургатройд сказал "Чин!". Он жалобно скулил. Кэлхаун осторожно уложил его на подстилку из листьев.

— Лежи спокойно!— приказал он.— Тебе вредно перенапрягаться!

Он зашагал прочь. Мургатройд заскулил, но остался лежать, словно сильно утомился.

— Я вас сейчас перенесу,— сказал девушке Кэлхаун,— чтобы вас не заметил тот, который должен вернуться. И мне придется держаться пока что не на виду, чтобы ваши друзья меня не спутали с пришельцами из города. Надеюсь, что вы за меня поручитесь. Пока что я ухожу в засаду.— И пояснил раздраженно: — Идти за ним по следу я не решаюсь, потому что он ведь может и не вернуться сегодня назад.

Он уложил девушку в месте, откуда она легко могла видеть всю поляну, оставаясь при этом невидимой. Сам он скрылся на некотором расстоянии от нее. Кэлхаун был недоволен теми мерами, которые был вынужден предпринять, он мог бы отправиться выслеживать убийцу, но тогда Хелен и Мургатройд остались бы без защиты, хотя убийца мог найти другую жертву и на место первого преступления уже не вернуться. Во всяком случае, сейчас жизнь Мургатройда была важнее жизней всех остальных живых существ на Марис-3. От маленького тормала зависело все.

Но самим собой Кэлхаун совсем не был доволен.

Вокруг было тихо, не считая обычных шорохов, которые слышны в любом живом лесу, где идет нормальная жизнь его обитателей. Иногда слышались мелодичные попискивания словно звуки флейты — позднее Кэлхаун узнал, что их источником были ползающие существа, внешне напоминающие земных черепах. Глубоким басом гудели миниатюрные летающие создания, которые с натяжкой можно было назвать птичками. Чирикали какие-то создания, отдаленно напоминающие диких синиц, хотя это были совсем другие животные. Но солнце Марис медленно опускалось к округленной верхушке ближнего холма, и с приближением сумерек лес охватила предвечерняя тишина ожидания.

Нарушил эту тишину далекий, прерывающийся, но с каждой минутой все более громкий шум, кто-то, или даже несколько людей, пробирался через кустарники подлеска, приближаясь к поляне. Вскоре стала слышна и человеческая речь. Из подлеска вынырнул на поляну высокий изможденный юноша, поддерживающий плечом совершенно ослабевшего жалкого старика, который почти не в состоянии был идти.

Кэлхаун предупреждающим жестом заставил Хелен сохранять тишину. Пара, еле переступая, вышла на поляну. Юноша помог старику сесть на траву. Сам он, тяжело дыша, остался стоять.

На поляну вышла новая пара — мужчина и женщина, помогающие друг другу идти. В слабом свете вечерней зари, Марис успел опуститься за холм, еще можно было разобрать, какие у них бледные изглоданные болезнью лица.

С другой стороны вышел на поляну, покачиваясь, пятый человек. У него была темная борода и широкие плечи, когда-то это был сильный мужчина. Но чума наложила на него тяжелый отпечаток.

Едва выговаривая слова, люди приветствовали друг друга. Они еще не успели обнаружить, что их число сократилось на троих — тех, что были убиты.

Молодой человек с бородой, собравшись с силами, направился к навесу, где жуткое зрелище убитых товарищей еще было скрыто от остальных ветками, которыми накрыл трупы Кэлхаун.

Захныкал Мургатройд.

Снова послышался шорох веток, но на этот раз шорох был резкий и агрессивный, не имевший в себе оттенка вялости. Чья-то мощная ладонь отвела в сторону ветки, и на поляну уверенно вышел мужчина. Он был плотного сложения, и цвет лица у него был превосходный. Кэлхаун машинально отметил, что по внешнему виду этот человек был в превосходном здравии, немного полноват, правда, зато того психофизического типа, который очень редко страдает от психосоматических расстройств, счастливо и с удовольствием живя сегодняшним днем.

Кэлхаун поднялся. Он вышел на поляну, в меркнущий вечерний свет. Как раз в этот момент незнакомец ухмыльнулся, глядя на жалкую группку уцелевших горожан, больше похожих на передвигающиеся скелеты, чем на людей.

— Назад вернулись, да?— дружелюбно сказал убийца.— Спасибо, вы мне сэкономили массу времени. Покончим с этим делом сразу.

И с ленивой уверенностью он потянулся к кобуре бластера на бедре.

— Брось оружие!— рявкнул за его спиной Кэлхаун.— Брось!

Толстяк стремительно повернулся. Он увидел перед собой Кэлхауна с арбалетом, ствол которого был направлен прямо на него. Света сумерек было еще достаточно, чтобы стало ясно — это не бласт-ружье, и вообще не современное оружие. Но куда большее значение имело для здоровяка то, что на Кэлхауне была форма Медслужбы, и что Кэлхаун был в отличной физической форме.

Он с профессиональной быстротой выхватил свой бласт-пистолет из кобуры.

И Кэлхаун прострелил ему горло деревянной стрелой из арбалета. И когда здоровяк упал на траву, он был уже мертв, к сожалению.

4

Мургатройду была сделана прививка зараженной неизвестным болезнетворным началом крови Хелен. Это было произведено за три с лишним часа до заката. Но одно из важнейших и ценнейших генетических свойств расы тормалов заключалось в том, что тормалы реагировали на бактериальную инфекцию подобно тому, как человеческий организм реагировал на введение лекарств. Если нанести лекарство на кожу, то эффект, как правило, будет слабым. Введение лекарства через слизистую оболочку дает более полное проникновение вещества в организм. Еще более эффективное лекарство, которое глотают — вводят через пищеварительную систему. Но субстанции, вводимые в ткани или в кровеносные сосуды, превосходят по степени воздействия все остальные. Десятая часть грамма любого лекарства, введенная в кровь, будет соответствовать по произведенному эффекту грамму вещества, принятого через рот. Воздействие начинается тут же, непосредственно, и на эффект не влияют модифицирующие желудочные соки.

В обезболенный участок на боку Мургатройда, где он не чувствовал боли от укола, было введено полукубического сантиметра крови Хелен. В крови содержался неведомый возбудитель неведомой чумы, свирепствовавшей на Марис-3. Поскольку прививка была сделана непосредственно в кровь, эффект был гораздо большим, чем если бы вещество было введено через поры кожи или оболочку слизистой. В любом из последних случаев вообще не было никакого эффекта, поскольку тормалы были крайне невосприимчивы, имунны к любому обычному виду заражения. Вместе со "встроенной" системой хемоанализаторов пищеварения, предупреждающих о вредности пищи, организм тормалов обладал свойством вырабатывать, мгновенно, антитела, если токсин или патогенный микроб входил в контакт с клетками организма. Поэтому тормалы были практически защищены от любой инфекции, если она попадала в их организм обычными путями. Но если патогенная культура вводилась через кровяной поток, все тело тормала включалось в работу по выработке антител, поскольку атаке подвергался сразу весь организм. Практически, никакого инкубационного периода не было.

Мургатройд, которому ввели культуру неведомого микроба за три часа до захода солнца, к вечеру уже выказывал все признаки бурной реакции. Но два часа спустя он вдруг поднялся и пронзительно прокричал "Чин-чин!". Он пробудился от тяжелого сна, в котором пребывал эти два часа. Когда он проснулся, на поляне уже горел небольшой костер, вокруг которого собрались истощенные, изможденные горожане, беседовавшие с Кэлхауном. Кэлхаун говорил с горечью в голосе:

— Все это сплошной нонсенс! Противоречит сам себе! И значит, люди, или один человек, вломились в природный ход вещей, в тот порядок, по которому должна существовать вселенная. Те, в городе, они не

борются с эпидемией, нет! Они с ней сотрудничают! Когда появился мой медкорабль, они должны были приветствовать мое появление, а вместо этого они попытались меня убить, чтобы я не смог исполнить свою функцию, чему меня учили, чем я занимался всю жизнь в Медслужбе. Из того, что мне рассказала Хелен, мне стало ясно — они приземлились не для того, чтобы истребить болезнь. Они истребляют вас. И поэтому вам и пришлось бежать из города.

Усталые истощенные люди молча слушали Кэлхауна.

— Захватчики, а они именно захватчики,— продолжал Кэлхаун,— должны обладать иммунитетом, и они это знают, иначе бы опасались заразиться, контактируют с вами. Город заражен, а они не напуганы. Потом являюсь я, и я могу помочь больным, а они стараются меня убрать, следовательно: они знают, что это за болезнь, и их не устраивает одно — она убивает недостаточно быстро. И они стараются ей помочь. Все это не имеет смысла и противоречит порядку вещей мироздания. Разумные существа так себя не ведут.

Мургатройд вертел головой. Он только что проснулся, и оказалось, что окружающая обстановка совершенно изменилась за время его сна.

— Значит, эта чума не является природной болезнью! Человек вмешался в естественный ход событий. Очевидно, кто-то спланировал все эти события с самого начала, все это — чей-то преступный замысел. К несчастью, человек с бластером ничего не может нам рассказать, я рассчитывал только ранить его, но арбалет — не очень точное оружие. Содержимое его карманов нам мало о чем рассказало. Единственная значительная деталь — ключи от наземного кара, и это значит, что где-то ждет его возвращения с охоты на людей машина.

Истощенный молодой человек вяло сказал:

— Он не с Деттры, нашей планеты. Одежда на разных мирах разная, а на нем форма, какой у нас не бывает. И скрепляющие застежки на его одежде не такие, как у нас. Он с какой-то совсем другой планеты.

Мургатройд заметил Кэлхауна и помчался к нему. Он с энтузиазмом обнял ноги Кэлхауна и радостно попискивал, обнаружив знакомого человека. Скелетообразные жертвы чумы уставились на тормала.

— Это Мургатройд,— с бесконечным облегчением сказал Кэлхаун.— Он поборол чуму. Теперь мы вас всех вылечим. Эх, если бы было побольше света!

Кэлхаун проверил частоту сердцебиения и дыхания Мургатройда. Мургатройд был в том состоянии источающего энергию здоровья, которое характерно для всех низших животных, о которых заботятся, но у тормалов переходит в стадию "гениальности". Кэлхаун смотрел на него с глубоким удовлетворением.

— Отлично!— сказал он, наконец.— Пойдем!

Он вытащил из костра ветку растения, сок которого напоминал каучук и горел ярко, с треском. Он вручил ветку истощенному юноше, а сам пошел впереди, показывая путь. Мургатройд, довольный, шагал

позади. Кэлхаун остановился перед одним из незанятых навесов и раскрыл футляр своей полевой лаборатории. Он наклонился над Мургатройдом. То, что он делал, не вызывало у Мургатройда боли. Когда Кэлхаун выпрямился, он, прищурясь, принялся рассматривать на свет красную жидкость в стеклянном цилиндре инструмента, которым он пользовался.

— Около 20 кубических сантиметров,— заметил он.— То, что я делаю — мера абсолютно чрезвычайная. В нормальных условиях я бы так не поступил. Но кто бы назвал эти условия нормальными.

Истощенный юноша сказал:

— По-моему, мы обречены. Инкубационный период составляет примерно шесть дней. Именно столько времени понадобилось, чтобы заболели врачи и исследователи.

Кэлхаун открыл одно из отделений своей экспресс-лаборатории. В навесном отраженном свете блеснули миниатюрные трубочки и пипетки. Очень осторожно Кэлхаун перелил красную жидкость в миниатюрную фильтрующую колбочку, пробив самозатягивающуюся фильтрующую пластиковую мембрану. Потом он сказал:

— Вы, конечно, учились медицине. Судя по тому, как вы разговариваете...

— Я был интерном,— сказал Ким.— А теперь я кандидат в трупы.

— В последнем сомневаюсь,— сказал Кэлхаун.— Но если бы у меня было немного дистиллированной воды... теперь антикоагулят.— Он добавил каплю жидкости к рыжеватому раствору. Потом потряс фильтрующую пробирку, чтобы привести содержимое в движение. Теперь немного связующего...— Он добавил новую каплю субстанции из почти микроскопической ампулы. Снова потряс фильтр.— Вы уже догадались, должно быть, что я делаю. Если бы у меня была привычная лаборатория, я бы срочно вывел формулу антитела, которую выработал организм Мургатройда, мы бы занялись синтезированием сыворотки, и очень скоро вакцина у нас пошла бы потоком. Но лаборатории у нас нет.

— В городе есть такая,— сказал безнадежно юноша.— Ее сделали для колонистов, которые вскоре должны были прилететь. И мы оснастили ее, как положено, чтобы обеспечить их соответствующей медицинской помощью, но началась чума, врачи делали тогда все, что можно, чтобы предотвратить ее. Не только обычные процедуры по выявлению бактериальной культуры, но и культивирование проб тканей фатальных случаев, в каждом отдельном случае. И им так и не удалось найти хотя бы один микроорганизм, даже под электронным микроскопом, который мог бы быть причиной эпидемии.— Он добавил с усталой горечью: — Те, кто работал с культурами, получили, в конечном итоге, чуму сами, и их место заняли другие. Каждый врач работал до тех пор, пока мог заставить свой мозг подчиняться.

Кэлхаун, прищурившись, рассматривал содержимое стеклянной пробирки фильтра в свете мигающего, трещавшего факела-щетки.

— Почти связалось,— сказал он.— Подозреваю, что кто-то очень хорошо поработал, придав этим захватчикам иммунитет от болезни. Они приземлились и тут же взялись за очистку города — чтобы завершить работу, которую не успела сделать чума. И я подозреваю, что в какой-то лаборатории очень хорошо поработали, чтобы сделать механизм чумы невидимым для стандартной технологии распознавания культур. И мне все это не нравится!

Он снова проинспектировал содержимое стеклянной трубки.

— Кто-то где-то,— хладнокровно сказал он,— счел мое прибытие неблагоприятной случайностью — для себя и того, чего он добивается. Он пытался меня убить. Но ему не удалось. Боюсь, что его существование мне придется рассматривать как неблагоприятную случайность.— Он сделал паузу, потом сказал отчетливо: — Сотрудничество с чумой — дело весьма тонкое. И требует столько же информации, сколько и борьба против чумы. А на расстоянии сотрудничать так же невозможно, как и сражаться с чумой. Если бы эти пришельцы явились бороться с чумой, они прислали бы своих лучших медиков. Если они явились помогать чуме, то все равно, вместе с убийцами, "мясниками", должны прислать и отличных специалистов, которые должны следить, чтобы все шло как положено с самой чумой. Логически, руководителем отряда уничтожения населения — а с ним и чумы — должен быть тот самый человек, который все это придумал, вместе с эпидемией и бактериями чумы.— Кэлхаун сделал паузу, потом добавил ледяным тоном: — Я не судья, чтобы делать выводы в виновности или невиновности, но как работник Медицинской Службы, я должен принять меры.

Он начал медленно нажимать на плунжер фильтра, ориентируясь по уровню красной жидкости в колеблющемся свете импровизированного факела. На противоположной стороне начала появляться прозрачная жидкость.

— Итак, вы говорите, что в городе была лаборатория, и что ваши врачи ничего не смогли обнаружить? Правильно?

— Ничего,— безнадежно кивнул Ким.— Была произведена полная бактериологическая проверка планеты. Ничего нового. Внутриротовая и кишечная флора были проверены у всех. Нормальная. Естественно — местная флора не могла бы сориентироваться, соревноваться со штаммами, которые живут вместе с человеком уже тысячелетия. Ничего неизвестного ни в одном из анализов не обнаружено.

— Возможно, произошла мутация,— сказал Кэлхаун. Он смотрел, как увеличивается количество чистой сыворотки.— И если не удалось передать болезнь здоровому организму...

— Искусственное заражение удалось!— безнадежно сказал Ким.— Выведение некоторых культур бактерий, взятых у больного организма — в кровь, через желудок, через слизистую — вызвал чуму у подопытных животных. Но мы не могли нащупать, какая же именно бактерия эту болезнь передает! Невозможно было выделить чистую культуру!

Кэлхаун продолжал наблюдать, как прибывает сыворотка в чистом отделении фильтра. Очень скоро с "чистой" стороны оказалось более двенадцати кубических сантиметров прозрачной сыворотки, а с другой — "грязной" стороны фильтра — почти что сухой плотный блок спрессованной массы кровяных клеток. С огромной осторожностью Кэлхаун высосал шприцем чистую жидкость из фильтра.

— Мы работаем в далеко не идеальных условиях,— сказал он с кислой улыбкой.— Но придется рисковать. Я начинаю кое-что подозревать. Патогенный механизм, основанный на чем-то отличном от отдельной патогенной бактерии — это за световой год воняет спецлабораторией. Так же, как и убийцы в форме, обладающие иммунитетом к чуме. И совсем нетрудно заподозрить, что кто-то вывел нашу милую чуму в лаборатории, вместе с тем синтезировав и иммун-сыворотку. И чума наша специально была придумана такой, чтобы привести в полное остолбенение врачей, которые попытаются с ней бороться.

— В полное остолбенение,— горько подтвердил Ким.

— Значит,— продолжал Кэлхаун,— чистая культура и не должна переносить болезнь. Очевидно, патогенный аппарат присутствует в чистой культуре в тот момент, когда вы его ищите. Есть причина подозревать кое-что специфическое. Я знаю только один случай, когда Мургатройд так же интенсивно реагировал на введенную ему пробу, как и сегодня. Ведь сегодня он был очень болен! Тот случай запомнился мне надолго. Ну и пришлось же нам тогда попотеть.

— Если бы я не был обречен,— мрачно сказал Ким,— я бы поинтересовался, что это за случай.

— Поскольку вы будете жить,— сказал ему Кэлхаун,— то я расскажу вам. Имелось два организма. Отдельно они были практически безвредны. В присутствии друг друга вырабатывали ядовитейшие токсины. Это называется синергия. Синергическая пара, которая будучи полной, опаснее взрывчатки. Бризантная бомба. И выследить эту парочку было чертовски трудно!

Он пересек поляну в обратном направлении. Мургатройд, подпрыгивая, последовал за хозяином, почесывая лапой обезболенное место на боку.

— Вы — первая,— кратко сообщил Кэлхаун Хелен Джонс.— Это — сыворотка для выработки антител. Может появиться зуд, но это не обязательно. Вашу руку, будьте добры.

Она обнажила свою жалкую исхудалую руку. Он ввел Хелен один кубический сантиметр жидкости, которая — плюс корпускулу и сорок с чем-то необходимых элементов — циркулировала последний час в крови Мургатройда. Кровяные тельца были удалены с помощью специального связывающего вещества и фильтра, антикоагулянт, предотвращающий свертывание, аккуратно модифицировал остальные. В течение нескольких минут лабкомплекс подготовил сыворотку не хуже, чем любой комплекс, использующий стандартную технику иммунизации животных, с помощью которых и производилась затем

вакцина. В условиях хорошо оснащенной лаборатории Кэлхаун изолировал бы содержащиеся в ней тела, определил бы их химическую структуру, и синтезированная вакцина была бы введена жертвам эпидемии, которые еще были живы. Но сейчас перед Кэлхауном была группа людей, обреченных на смерть. И у него был лишь портативный полевой комплекс, с помощью которого он должен был произвести чудо малого масштаба. В массовом масштабе чудо было ему не по силам.

— Следующий!— сказал Кэлхаун.— Ким, объясните им, что все это значит.

Истощенный юноша обнажил свою руку.

— Если то, что он говорит верно, этот укол вас излечит. Если нет, то вреда нам уже не будет.

И Кэлхаун быстро произвел впрыскивание вакцины — которая, как говорил его опыт, должна была излечить неопознанную чуму, которая, как он подозревал, вызывалась не отдельным микробом, а синергической парой бактерий. Древесный уголь горит очень медленно. Но соединенные вместе, они дают взрыв, сравниваемый только со взрывом динамита. Синергия в медицине, значит, что одна субстанция, введенная в комбинации с другой, определенной субстанцией, с другим эффектом, даст эффект третьей субстанции, усиленной в четыре, пять раз.

— Думаю,— сказал Кэлхаун, когда уколы были закончены,— что к утру вам станет легче — возможно, вообще излечитесь от чумы, и только будете ощущать слабость от недостатка питания. Если это произойдет, как я рассчитываю, то советую вам как можно дальше уходить от города. И на долгое время. Боюсь, что планета будет снова перезаселена, и транспорты с новыми колонистами уже в пути. Но только не с Деттры, не с той планеты, которая построила город. И очень опасаюсь, что здоровые или больные, вы можете попасть в неприятности, когда войдете в контакт с новыми "колонистами", если так можно их называть.

Люди устало смотрели на Кэлхауна. Эта была особая группа больных. Они были полумертвы от голода, но в глазах их не было огня страданий, они казались просто неимоверно усталыми. И все же они не махнули на себя рукой. Это был тот особый тип людей, которые продолжают поддерживать нить человеческой цивилизации вопреки инерции человека как расы, которые действуют по внутреннему убеждению, заставляющему их совершать то, что должно быть. Они не стремятся к внешнему эффекту, эти усталые люди, на которых держится ход цивилизации. Иногда это абсурдно. Почему должны следить за чистотой тела люди, обреченные на смерть? Почему они должны каждый день умываться — если это требует такого напряжения сил. И помогать друг другу умереть с достоинством — это уже дело не интеллекта, а самоуважения. Но, будучи работником Медслужбы, Кэлхаун смотрел на них с теплотой. Это были люди того типа, которые берутся за дело в моменты опасности, и те, кто копит добро, предпочитают обратиться в бегство, а

несознательная, неразвитая часть населения предпочитает бунтовать, мародерствовать, или еще что-нибудь похуже.

Теперь они апатично ждали собственной смерти.

— Тому, что случилось на Марис, нет точного прецедента,— объяснил Кэлхаун.— Тысячу, или более того, лет назад во Франции жил король — это была такая страна на старой Земле,— который пытался уничтожить болезнь проказу, подвергая смертельной казни всех, кто имел несчастье этой болезнью заразиться. Но ведь прокаженные были помехой. Они могли работать, не могли нормально вступать в контакт с другими людьми, их приходилось кормить из милости. Умерших прокаженных хоронить могли только другие прокаженные. В общем, прокаженные нарушали нормальную жизнь остальных людей. Но на этой планете происходит что-то другое. Человек, которого я случайно убил, хотел убить вас по другой причине. Он и его друзья хотели убить вас немедленно.

Ким Уолпом устало сказал:

— Они хотели избавиться от наших тел — это вроде санитарии!

— Чепуха!— воскликнул Кэлхаун.— Город заражен. Мы там жили, ели, ходили по улицам. И никто не осмелится войти в этот город, если он не уверен, что владеет механизмом заражения, и знает, как с болезнью бороться. Ваши колонисты повернули назад. А эти люди не совершили бы посадки, если бы не знали, что они в безопасности!

Тишина.

— Если чума — намеренно совершенное преступление, то вы все его свидетели. И от вас надлежало избавиться прежде, чем сюда прибудут какие-то другие колонисты, не с Деттры!

— Чудовищно, чудовищно!— хрипло прошептал темнобородый мужчина.

— Согласен,— сказал Кэлхаун.— Но межзвездного правительства пока не существует, так же как в прошлом не существовало единого межпланетного правительства на Земле. И если кто-то пиратски отнимает у законного владельца готовую к колонизации планету, не найдется на него власти, могущей наказать преступника. Единственный выход — война. Но никто не решится начать межпланетную войну — когда существуют бомбы, спускаемые с орбит! Если захватчики высадят здесь колонистов, то смогут удержать планету за собой.— Он поморгал, а затем добавил с иронией:

— Конечно, их можно убедить в том, что они не правы.

Но об этом не стоило даже помышлять. При вычислении вероятности человеческого поведения, личная выгода — очень действенный фактор. Дети и дикари понимают идею справедливости, направленной по отношению к ним. Но не понимают идеи справедливости, направленной от них на других людей. И хотя человеческая цивилизация распростерлась до дальних звезд Галактики, но еще очень значительная часть населения оставалась цивилизованной только в том смысле, что умела пользоваться орудиями труда. Большинство людей оставалось детьми или

дикарями в своей эмоциональной моральной жизни. И этот факт Кэлхауну необходимо было учитывать в своей работе. Этот факт составлял значительный отпечаток в делах, связанных с передачей инфекции, здоровьем и самой жизнью.

— Вам придется спрятаться,— сказал Кэлхаун.— Возможно, навсегда. Все зависит частью от того, насколько мне повезет, и от того, что будет со мной. Мне нужно в город. Нужно решить эту серьезную проблему.

Ким сказал с мрачной иронией:

— В город? Там все здоровы. Настолько здоровы, что отправляются на охоту за нами ради развлечения.

— Учитывая, что город заражен,— сказал Кэлхаун,— этот иммунитет представляет собой медицинскую проблему. Кроме того, похоже, что источник эпидемии кроется где-то здесь. Подозреваю, что создатель чумы одновременно является и техническим руководителем уничтожения уцелевшего населения. И он должен быть на корабле, принесших этих многочисленных мясников-захватчиков. Готов поспорить, что на борту у него отличная лаборатория.

Ким смотрел на Кэлхауна, сжимая и разжимая кулаки.

— И могу сказать, что бесполезно бороться с эпидемией, пока не будут взяты под контроль эта лаборатория и этот человек,— продолжал Кэлхаун.— С вами, наверное, все будет хорошо. И вы проснетесь уже здоровыми, хотя она и была придумана специально для того, чтобы сделать колонизируемую планету бесполезной для мира, который ее освоил, но безопасной для людей, намеревающихся захватить ее...

— И что тогда?

— Возможно, это был лучший вариант, но далеко не единственный. Наверняка, были выведены десятки разных штампов, чтобы выбрать из них самый смертоносный. На случай, что вам удастся разгадать фокус с синергической парой, должны были быть приготовлены десятки других маскировочных уловок. У них есть вторая, третья, четвертая чума, и готовы... Понимаете?

Ким безмолвно кивнул.

— Вы сами заразились. Не забыли сделать себе инъекцию?

— Введите мне четверть кубика,— попросил Кэлхаун.— Этого должно хватить.

Он передал иньектор истощенному юноше. Ким явно умел обращаться с инструментом, судя по той ловкости, с какой была произведена инъекция. Потом он помог остатку группы уцелевших горожан — их теперь было шестеро — перейти на подстилки из листьев под навесами, служившими постелями, чтобы в состоянии покоя и неподвижности антитела, выработанные организмом Мургатройда имели больше шансов произвести полный эффект. Больше молчали — они были даже более молчаливы, чем того требовало их состояние. Они были очень вежливы. Пожилые мужчина и женщина, вместе выбравшиеся на поляну, даже

пожелали Кэлхауну спокойной ночи — вежливость, присущая традиционным городским жителям.

Кэлхаун занял позицию для всенощного бдения. Мургатройд устроился поближе к нему. Над поляной повисла тишина.

Но не абсолютная. Ночь на Марис-3 была полна тихих звуков, а иногда и не слишком тихих. Со всех сторон, даже сверху, доносился слабый писк. Где-то в траве раздались чириканья. Откуда-то со стороны холмов доносилось громкое пыхтение. В низине что-то погромыхивало. Источник дальнего грома передвигался, и Кэлхаун оценил его, как стадо каких-то животных, совершающих ночной переход, издавая странные для земного уха звуки при передвижении.

Кэлхаун размышлял, рассматривая некоторые довольно мрачные возможности. Человек, которого он убил, приехал в город на земном каре. В кармане у него был ключ от машины. У него мог быть и спутник, который может отправиться на поиски исчезнувшего товарища.

Кроме того, оставалась еще чума.

Идея синергической пары по-прежнему казалась наиболее вероятной причиной эпидемии. Допустим, токсины — отравляющие продукты метаболизма, двух отдельных видов бактерий, объединенных для того, чтобы произвести максимальный эффект, уменьшают способность крови нести кислород и выносить углекислый газ. Такую бы пару бактерий было бы крайне трудно обнаружить, а симптомы соответствовали тому, с чем столкнулся Кэлхаун на Марисе. Ни одна чистая выделенная культура микроорганизмов не дала бы заражения на подопытном животном. Каждая бактерия, сама по себе, была бы безвредной. И только комбинация двух микробов принесла бы смертельный вред. И если кровь потеряет способность нести кислород в ткани, то первым же симптомом болезни станет умственная апатия. Чтобы нормально работать, мозгу необходим высокий уровень насыщенности крови кислородом. Посадить мозг человека на голодный паек кислорода — и возникнут все описанные эффекты. Остальные органы начнут замедлять свои функции тоже, но не так быстро. Человек будет забывать о том, что ему нужно поесть. Кровь его будет поглощать пищу и сжигать жиры — но все более и более вяло. Мозг его будет окутан туманом. Он погрузится в полубессознательное состояние. А потом наступит кома, больной погрузится в темную глубину обморока, и тело его будет продолжать жить, как машина на холостом ходу, пока не закончится топливо и машина не остановится.

Кэлхаун пытался срочно выяснить, какая же именно синергическая комбинация в крови человека могла бы дать такой эффект прекращения усвоения кислорода. Очевидно, требовались минимальные дозы дуального яда. Он мог бы работать, как антивитамин или антиэнзим...

Но захватчики в городе — они были не восприимчивы к чуме, тем не менее. Вполне возможно, что те самые антитела, которые произвел Мургатройд, отвечали и за безопасность преступников. Кто-то где-то самым чудовищным образом использовал научные достижения

медицины, чтобы совершить ужасное преступление. Но медицина продолжала оставаться наукой, системой знаний о части окружающего мира и о самом человеке. А законы природы естественного мира всегда последовательны и работают в направлении, в котором предназначено двигаться самой Вселенной.

Он услышал на поляне чьи-то шаги. Рука Кэлхауна настороженно тронула бластер, а потом он увидел, что причин для тревоги нет — это Ким с огромным трудом переходил к навесу, где лежала Хелен Джонс. Кэлхаун услышал его утомленный шепот:

— Как ты себя чувствуешь?

— Да, Ким,— тихо ответила девушка.— Не могу заснуть. Я все думаю... есть ли у нас надежда?

Ким ничего не ответил.

— Если мы будем жить,— сказала Хелен с тоской. Она замолчала.

Кэлхаун почувствовал, что наступил момент, когда ему следует заткнуть уши пальцами, но делать этого не стоило из соображений общей безопасности. Поэтому он несколько раз кашлянул, тем самым выдав свое невольное присутствие.

— Кэлхаун, это вы?

— Да, сказал Кэлхаун.— Если вы хотите поговорить, то советую делать это шепотом. Я хочу быть на страже — в случае, если у убитого мной человека был спутник, который может теперь отправиться искать своего товарища. Но один вопрос... Если чума искусственная, то ее нужно было как-то начать. Примерно за две недели или месяц до начала появления первых симптомов среди партии рабочих... Не совершал ли посадки какой-нибудь корабль? Любой, откуда угодно?

— Никто не садился, никаких кораблей не было,— сказал Ким.— Нет. Не было.

Кэлхаун нахмурился. Цепочка рассуждений казалась непроницаемой верной.

— Любой корабль?— настаивал он.— Кто-то должен был приземлиться.

— Не было.— Ким был тверд.— Никаких инопланетных связей в течение трех месяцев до начала чумы. И других кораблей, кроме корабля с Деттры, с рабочими и прочими необходимыми грузами, сюда не спускалось.

Кэлхаун наморщил лоб. Это казалось невозможным. Потом, очень тихо прозвучал голос Хелен. Ким что-то проговорил в ответ. Потом сказал громче:

— Хелен напомнила мне, незадолго до начала чумы ночью прокатился над городом странный гром. Она не уверена, что этот гром что-то означает, имеет какое-то отношение к эпидемии, но это случилось за две недели до начала эпидемии. Все были разбужены. Весь город. Раскат укатился куда-то за горизонт. Метеорологи не смогли объяснить, что это было.

Кэлхаун молча размышлял. Мургатройд поплотнее прижался к хозяину. Вдруг Кэлхаун щелкнул пальцами.

— Вот оно!— сказал он свирепо.— Вот где весь фокус! У меня нет еще всех ответов, но теперь я знаю, какие вопросы мне задавать. Очень тонкие вопросы, и, кажется, я знаю, кому и где задавать.

Он успокоился и сел. Мургатройд спал. Чуть-чуть доносился шепот голосов с той стороны, где сидели Ким и девушка с тоской говоривших о вероятности надежды.

Кэлхаун еще раз рассмотрел проблему, которая стояла перед ним. Выживших горожан осталось мало, очень мало. Имелся десант захватчиков-мясников, убийц! Высадившихся, чтобы позаботиться об уничтожении последних уцелевших колонистов с Деттры. Нет сомнений, что в составе группы захватчиков был и высококвалифицированный, очень талантливый микробиолог. Такой человек был необходим для того, чтобы убедиться в эффективности чумы и в том, что захватчики полностью для нее неуязвимы. Только тогда основная масса захватчиков — или даже ничего не ведающих колонистов с другой планеты — сможет высадиться и освоить планеты. Эти люди — не с Деттры — должны быть надежно защищены. Это немыслимое преступление, это невозможное похищение целого пригодного для обитания мира у законного владельца должно было, несомненно, проходить под тщательным руководством компетентного человека.

— Чума, очевидно, вызывается парой вирусов,— пробормотал себе под нос Кэлхаун.— Очевидно, распыление было произведено с ракетного крылатого корабля для полета в атмосфере. Крылья ему были необходимы для того, чтобы не совершая посадки, кружить над городом. Над городом же они сбросили замороженные гранулы с культурой вирусов. Гранулы, упав на грунт, испарились, не оставив никаких улик, окутав город одеялом заразы. После чего корабль удалился за горизонт, а потом на ракетных двигателях — на орбиту, прочь от места преступления. Вошел в сверхдрайв и направился домой. Ожидать результатов злодеяния....

Он чувствовал ледяную злость, более яростную, чем любой неконтролируемый гнев. Используя такой же прием, некое сообщество может паразитировать за счет других обитаемых миров. Они могут захватить любую планету, уничтожив ее население, и никто не сможет воспротивиться, потому что похищенная планета будет бесполезной для всех, кроме содеявших преступление людей, для убийц, которые станут этим миром владеть.

События на Марисе-3 могут быть только первым опытом, проверкой сил. И планета-убийца может, подобно раковой опухоли, распространять по всей Галактике свои бледные смертоносные щупальца.

Но необходимо было принять во внимание еще две проблемы. Первая — что будет с людьми, обыкновенными, рядовыми людьми — членами той цивилизации, которая начнет распространять свое существование за счет убийства других звездных колоний. Вряд ли внутри этого агрегата убийц им будет намного лучше, чем тем людям, которые станут жертвами преступников. И вторая...

— Половину испытаний этой системы,— хладнокровно подвел итог Кэлхаун,— они могут произвести, не совершая ничего более серьезного, чем убийство одного рядового сотрудника Медслужбы и уничтожения маленького спецкорабля. Но в серьезном масштабе им такую систему не приспособить, не уничтожив сначала Медицинскую Службу. Все это начинает мне чрезвычайно не нравиться!

5

Спустя час после восхода рюкзак Кэлхауна уже опустел. Больше еды в нем не было. Люди, проснувшись утром, начали испытывать волчий голод. Дыхание замедлилось до нормы. Пульс больше не ухал молотком. Глаза потеряли тусклость, приобрели живой блеск. Но они все находились на серьезной стадии голодания и понимали это. Но не только понимали, но стали теперь и чувствовать. Их мозг снова начал получать адекватное количество кислорода, их метаболизм вернулся на нормальный уровень активности — и они начали в буквальном смысле умирать с голоду.

Кэлхаун взял на себя обязанности повара. Он принес воду из ручья, местоположение которого описала ему Хелен. Он вернулся с водой. Пока люди глотали таблетки глюкозы из рациона, наблюдая голодными глазами за его манипуляциями, он сварил бульон из сухого концентрата, который нес в запас для себя и Мургатройда. Бульон был отдан больным — единственная пока что еда, которую могли выдержать их желудки.

Он наблюдал, как они едят. Пожилая пара делала аккуратно маленькие глотки, поглядывая друг на друга. Широкоплечий мужчина с темной бородой еле сдерживал себя, чтобы не проглотить всю порцию одним духом. Хелен, время от времени проглатывая ложку бульона, кормила самого слабого из их группы, старика, который уже не мог подняться. Ким ел молча, в мрачной задумчивости.

Кэлхаун малыми порциями отдавал несчастным свой рацион, пока у него не осталось больше еды. Но к тому времени пациенты его чудесным образом преобразились. Это было уже поздним утром.

Кэлхаун отвел в сторону Кима.

— За ночь я приготовил одну дозу сыворотки,— сказал он тихо.— Вы, несомненно, встретите других беглецов из города. Попробуйте растянуть запас сыворотки. Я вам дал большие дозы. Возможно, вам удастся обойтись половиной кубика на человека.

— А вы?— с беспокойством спросил Ким.

Кэлхаун пожал плечами.

— Если нужно, то права у меня огромные,— сказал он сухо.— Являясь представителем Медслужбы, я могу брать на себя решение любой санитарно-медицинской проблемы, в случае, если угроза населению

чрезвычайная. А у вас здесь чума, эпидемия. Искусственно вызванная. Это меняет дело. Те, кто устроил эпидемию, имели свои планы — и продолжают их иметь, пока что захватить планету, а затем, возможно, распространить свой опыт и на другие миры. Как им заблагорассудится. Учитывая совершенное состояние натуры человека, мы имеем дело с величайшей опасностью для человеческой галактической культуры за всю историю. Мне необходимо заняться этой проблемой, немедленно.

— Их там целый корабль, и они вооружены, эти убийцы,— хрипло сказал Уолпол.

— Они меня не особенно волнуют,— сказал Кэлхаун.— Мне нужно добраться до человека, который стоит в центре этой паутины и дергает за управляющие нити. Я вам уже говорил, у него должны быть в запасе и другие штампы бактерий. Очень вероятно, что операция на Марисе — только маломасштабное испытание системы, новой системы завоевания планет.

— Если эти мясники вас захватят, то тут же убьют!

— Правильно!— согласился Кэлхаун.— Но на моей стороне больше благоприятных случайностей, чем на их. Я работаю вместе с природой, они — против природы. Кроме того, как работник Медслужбы, я должен предотвратить любую посадку любого корабля — на такой планете, как эта, когда здесь свирепствует эпидемия. А я подозреваю, что сюда очень скоро прибудет транспорт. Я должен создать эффективный карантин.

Тон Кэлхауна был сух и деловит. Ким изумленно смотрел на него.

— Вы хотите сказать... что попытаетесь их остановить?

— Да, буду стараться,— сказал Кэлхаун.— Дабы употребить полномочия, возложенные на меня Медслужбой как раз для подобных случаев. Правила карантина весьма жестки.

— Вас убьют,— снова сказал Ким.

Кэлхаун игнорировал вторично услышанное предсказание.

— Этот человек-убийца нашел вас потому, что понимал — вам необходима вода. Он нашел ручей и пошел вдоль него, отыскивая признаки появления людей. На песке у ручья он нашел ваши отпечатки. Там я нашел его следы. Таким способом вы можете отыскать других уцелевших беглецов. Но только больше не оставляйте подобных следов — и передайте об этой опасности остальным. Пусть будут осторожнее на будущее. И еще один совет — советую вам достать все оружие, какое сможете. Лучше всего современное, конечно. Я вам оставляю бластер.

— Думаю,— сквозь зубы сказал Ким,— что теперь я знаю, как достать новые бластеры. Если эти убийцы из города выслеживают нас с помощью следов на берегу ручья, то я знаю, что нужно делать.

— Да,— согласился Кэлхаун.— Итак. Мургатройд выработал в своем организме антитела, излечившие вас. Как правило, теперь у вас должна начаться выработка собственных телец. Так всегда бывает, когда болезнь идет на спад. В случае суровой необходимости, любой сможет дать антитела тем, кто находится на грани гибели. Попробуйте сыворотку из пузырьков — приложите к коже раскаленный предмет, потом

извлеките из образовавшегося волдыря сыворотку. Очень часто такие тела концентрируются в таких местах поражения покровов. Я не гарантирую, что способ обязательно сработает, но очень часто это помогает.

Он сделал паузу. Ким хрипло спросил:

— А вы? Что мы могли бы сделать для вас?

— Хочу у вас кое-что спросить...

Кэлхаун вытащил фотоснимки, сделанные с помощью электронного телескопа на корабле. Он передал снимок города Киму.

— В городе должны быть лаборатория — вы сами упоминали. Покажите, пожалуйста, где она находится,

Ким подробно объяснил, показывая нужное место на снимке. Кэлхаун кивнул. Потом Ким сказал с яростью:

— Но чем мы можем вам помочь? Скоро мы будем уже достаточно сильны и добудем оружие. Можем ли мы вам помочь чем-то?

Кэлхаун одобряюще кивнул:

— Да, если вы увидите в городе дым, заметный на расстоянии, солидных размеров дым, если у вас к тому времени будет достаточное количество сильных мужчин, оружие и наземный кар, то можете отправиться на вылазку, но очень осторожно и скрытно!

— Если вы дадите сигнал, мы придем,— сказал мрачно Ким.— Не важно, сколько нас будет, мы придем.

— Отлично,— сказал Кэлхаун. Ему не хотелось требовать каких-то обязательств от этих ослабевших голодных людей.

Он забросил на свое плечо похудевший рюкзак и бесшумно скользнул в заросли на краю поляны. Он пробрался к ручью — прозрачному, ледяному ключу, бравшему начало в неведомой глубине подземного водоносного горизонта. И двинулся вдоль русла ручейка. Мургатройд весело бежал рядом, стараясь не намочиться.

Он ужасно не любил мочить свои маленькие лапы. Вскоре, в том месте, где густой кустарник подлеска подходил вплотную к воде, Мургатройд начал хныкать. Кэлхаун подобрал тормала с земли и посадил на плечо. Мургатройд с благодарностью вцепился коготками в ткань куртки. Он обожал, когда его сажали на плечо или носили на руках. Кэлхаун двинулся дальше вдоль русла ручейка.

В двух милях по течению ручья они наткнулись на новое поле. Это поле было засеяно громадным гибридом свеклы, и Кэлхаун шагал теперь мимо ботвы, которая буйным кустарником достигала ему до плеч, наслаждаясь зрелищем ярких бело-голубых цветов. Цветы, как он определил, были из семейства белладоновых, которые все еще применялись в медицине. Только выкопав один образец, он обнаружил, что это клубневое растение. Но клубень, в шесть дюймов диаметром, был еще очень незрел, чтобы его можно было есть. Мургатройд отказался к нему даже притронуться.

Кэлхаун с печалью рассуждал над ограниченностью сугубо специализированной подготовки, когда поле кончилось. Начиналась ав-

тострада. Совершенно новенькая, само собой. Все, что принадлежало к цивилизации на этой планете — культивированные поля, город, автострада — все это было выстроено незадолго до прибытия сюда колонистов, которые и должны были пользоваться этими благами цивилизации, но странное и угнетающее впечатление производили все эти приготовления к появлению населения, которое так и не высадилось в порту. Но сейчас Кэлхауна больше интересовал наземный кар, который он обнаружил на обочине автострады.

Ключ, взятый у мертвого захватчика, подошел к отверстию замка. Кэлхаун забрался в машину и поманил Мургатройда на сидение рядом с ним.

— Такие типы, как убитый мною преступник, Мургатройд,— сказал он,— мало что значат сами по себе. Они всего лишь мускулы — исполнители приказов. Такие типы любят убивать беспомощных людей и мародерствовать. Здесь грабить им нечего. Тогда они быстро начинают скучать. Начинают проявлять беспокойство. Они не причиняют нам особых неприятностей. Меня больше всего беспокоит человек, который, возможно, придумал эту чуму и привел ее механизм в действие. Вот с его стороны я ожидаю массу неприятностей.

Кар уже направлялся к городу.

До города было добрых двадцать миль, но они не встретили ни одной другой машины. Вскоре перед ним развернулась панорама города. Кэлхаун внимательно рассмотрел открывшуюся картину. Город был прекрасен. Пятьдесят поколений архитекторов на множестве миров играли с бетоном, камнем стеклом и сталью, нащупывая формулы совершенства. Этот город был приближением к совершенству. Здесь были сверкающие белизной башни, и более низкие здания. По воздуху парили мосты переходов, грациозно изгибаясь над автострадами. Пустовали овалы и прямоугольники посадочных площадок и стоянок. Царила полная недвижимость повсюду.

Единственным нарушением гармонии выделялась посадочная решетка — полмили в высоту и миля в диаметре, кружево из могучих стальных балок, оплетенных паутиной тонкой медной проволоки, изгибающейся сложными кривыми, каких требовало назначение решетки. Внутри решетки Кэлхаун увидел корабль, на котором совершили посадку преступники. Он опустился на специальную вспомогательную площадку. Позднее Кэлхаун сжег трансформаторы решетки, которые сейчас, очевидно, ремонтировались. Корабль прочно стоял на опорах-стабилизаторах внутри огромной конструкции, в сравнении с которой он казался карликом.

— Человек, который нам нужен, Мургатройд, должен быть в этом корабле,— сказал Кэлхаун.— Внутренний и наружный люки у него задраены, и от внешнего мира он отдален шестидюймовой толщиной брони корпуса из бериллиевой стали. Трудновато пробить стальную скорлупу, такой толщины в особенности. Ему явно не по себе. Интеллектуальные типы всегда испытывают тревогу в обществе тупых убийц,

вроде нашего знакомого в лесу. Думаю, что проблема заключается в том, как заставить его выйти наружу, или пригласить нас в гости. Это может оказаться трудным делом.

— Чин!— с сомнением сказал Мургатройд.

— Но мы справимся,— обнадежил его Кэлхаун.— Как-нибудь!

Он разложил свои снимки. Ким подробно объяснил, куда нужно направляться, нарисовал ему маршрут. Ким очень хорошо знал город, будучи одним из его строителей и свидетелей стройки. Ему были известны даже скрытые от постороннего наблюдателя служебные магистрали и переходы.

— Но наши приятели-захватчики, не станут снисходить до пользования какими-то служебными улочками. Они себя мнят аристократами, потому что они были посланы, как покорители, завоеватели, хотя требовалась от них работа простых убийц. Интересно, что за свиньи управляют миром, откуда они прибыли!

Он спрятал снимки и повел трофейный кар к городу. Неподалеку от городской черты он свернул на боковое ответвление от основной магистрали. Боковая дорога первоначально предназначалась для ввоза в город сельскохозяйственной продукции. Функции она имела чисто утилитарные и потому очень быстро нырнула в специальный туннель, проходивший под уровнем нарядных парков и улиц, без всяких почестей входя в служебное пространство города. Поднимаясь на поверхность, дорога шла между рядами простых неокрашенных ворот, за которыми находились сборные пункты отходов, которые затем, переработанные, вывозились на поя в качестве удобрений. Город был очень умно спланирован.

Ведя свой кар по пустынной гулкой служебной дороге, Кэлхаун лишь один раз увидел другой кар — высоко вверху, на паутинном мостике между двумя башнями. Наверняка, никто из пассажиров этого кара не наблюдал за серыми невзрачными нитями служебных магистралей внизу.

Вся операция по проникновению в город была в самом деле крайне проста. Кэлхаун затормозил у высокого здания. Выйдя из машины, он открыл ворота, вернулся в машину, въехал в другое пещероподобное пространство внутри крытой стоянки в полуподвальном уровне здания, затем снова затворил ворота. Он был в центре города, и его присутствие все еще оставалось тайной. Было примерно три часа, возможно, немного больше.

Он поднялся по ступенькам новенькой лестницы, вышел в секцию, которой должна была пользоваться широкая публика. Здесь помещения были украшены сверкающими стеклянными стенами, менявшими узор, по мере того, как посетитель проходил мимо по коридору. Был и лифт, но Кэлхаун даже не попытался воспользоваться ни одним из них. Он повел Мургатройда вверх по спирали аварийном рампы, рассчитанной на случай, когда невозможно будет воспользоваться лифтом. Они поднимались все выше и выше. Кэлхаун отсчитывал этажи.

На пятом этаже появились признаки недавнего пребывания здесь людей, в то время как все остальные этажи были совершенно лишены

этих признаков, покрытые слоем многомесячной пыли. Именно здесь находилась лаборатория, где обреченные врачи отчаянно пытались выяснить причину чумы и создать против нее средство. Кэлхаун увидел подносы с пробирками, созданных ими культур, теперь высохших и мертвых. Кто-то перевернул стул, наверное, во время обыска лаборатории захватчиками, искавших случайно уцелевших жителей города, которые могли здесь спрятаться.

Он нашел кладовую. Мургатройд ярко блестевшими глазами наблюдал, как Кэлхаун роется на полках...

— Смотри, Мургатройд,— разговаривал с ним тем временем Кэлхаун,— вот это все люди использовали, чтобы лечить друг друга. Любой яд может стать лекарством, если правильно его применять. Вот наборы спорогенных организмов, они тоже имеют специальное предназначение. А вот современные синтетические лекарства — но происходят они от ядов, найденных когда-то на кончиках стрел у дикарей. Большое подспорье в медицине. А вот апестетики — тоже яды. Именно они-то мне и нужны.

Он начал, скрипя сердце, выбирать нужный препарат. Декостретил, полисульфит. Одни — помеченный как огнеопасное и вредное вещество. Второй — с максимально допустимой дозой применения на этикетке и с названиями нейтрализующих действие средств. Кэлхаун отобрал нужное ему количество флаконов. Мургатройд протянул вперед лапку. Поскольку Кэлхаун что-то нес, ему тоже хотелось идти с грузом.

Они спустились по спиральной рампе. Снаружи уже тем временем начался закат. Кэлхаун снова отправился на поиски в нижние этажи здания. Наконец, он отыскал то, что ему было нужно — вихревой пистолет для маляров, посылающий "дымовые кольца" на стену или другой объект, который нужно было покрасить. Варьировать кольцо покрытия можно было от нескольких дюймов до трех футов.

Кэлхаун вымыл пистолет. Он вымыл его самым тщательным образом. Потом наполнил резервуар декстретилом, принесенным из лаборатории. Пустые флаконы он спрятал подальше от посторонних глаз случайного посетителя этих пустынных этажей.

— Этот фокус,— заметил он, снова поднимая вихревой пистолет,— был использован против одного ненормального, который носил в кармане бомбу — защиту от воображаемых убийц. Бомба могла уничтожить всех людей в радиусе четверти мили, и с этим ненормальным нужно было обращаться крайне осторожно.

Он похлопал себя по карманам и кивнул.

— А теперь — идем на охоту. С громадным автомайдером, заряженным декстретилом. У меня хватит полпульсульфата, чтобы сделать инъекции всякому, кого нам удастся сбить с копыт. Не слишком эффективно, а? Но если бы я пользовался бы бластером, то ничего бы не вышло вообще.

Он выглянул в окно, на вечернее небо. Сумерки уже почти перешли в ночь. Кэлхаун вернулся к воротам, ведущим на служебную дорогу. Выйдя наружу, он аккуратно затворил их за собой. Пешком, обращаясь

к своим фотокартам, он начал искать путь к посадочной решетке. Именно там должен был размещаться центр координации действий захватчиков, или что-то в этом роде.

Было уже совсем темно, когда он начал карабкаться по служебной лестнице другого здания, в которое проник через подвал, это была центральная станция связи города. Именно здесь захватчики должны были сконцентрировать управление операцией экстерминации — уничтожения уцелевшего пока населения Мариса-3. Распределительный пункт коммуникатора должен был показать им, в каких именно помещениях зданий города работали визифоны. Когда появлялся сигнал, убийцы засекали номер, направление и отправляли туда несколько человек, чтобы они истребили там всех присутствующих.

Даже после первой ночи истребления в городе оставались, наверное, отдельно уцелевшие, понятия не имевшие о том, что уже произошло. И на смертоносной страже должен был кто-то оставаться, на случай, если умирающий попытается вызвать кого-нибудь из знакомых, чтобы утешиться хотя бы звуком голоса еще живого человека.

У пульта в самом деле имелся дежурный. Кэлхаун увидел освещенную комнату. Держа краскораспылитель наготове, он очень тихо двинулся вперед. Мургатройд бесшумно ступал позади.

У самой двери в комнату Кэлхаун приготовил свое необычное оружие к действию. И вошел в комнату.

На стуле перед безжизненным пультом дремал человек. Когда Кэлхаун вошел, он потянулся и зевнул. Потом повернулся. Кэлхаун выстрелил в него вихревыми кольцами распыленного лекарства. Кольца состояли из вращающихся в вихревом движении частиц декстретила, средства для наркоза, выделенного из этилхлорида примерно двести лет назад и до сих пор непревзойденного по своим качествам. Первое его достоинство — малейшее количество вещества в воздухе заставляло дыхательные мышцы судорожно сокращаться, втягивая в легкие дополнительные порции воздуха. Второе — подобно древнему этилхлориду, это был самый сильный и быстродействующий анестетик из всех известных.

Человек у пульта увидел Кэлхауна. Ноздри его уловили запах декстретила. Рот его широко открылся, он глотнул воздух.

И упал без сознания.

Кэлхаун терпеливо подождал, пока наркотик рассеется. У декстретиловых паров имелось уникальное свойство при комнатной температуре его пары быстро поднимались в воздух. Кэлхаун тут же, как только декстретил освободил ему путь, двинулся к лежавшему на полу преступнику, приготовив иньектор полисульфата. Он склонился над лежавшим в обмороке убийцей. Но коснулся того лишь иглой иньектора.

Потом, повернувшись, он покинул комнату, Мургатройд маршировал позади.

Уже в коридоре Кэлхаун сказал:

— Между нами коллегами говоря, мне этого делать не следовало, наверное, но я имею дело с опасностью для здоровья населения планеты — чумой. Иногда приходится вдобавок к стандартным мерам использовать и психологию. Я считаю, что здесь мы имеем дело с таким случаем. Во всяком случае, отсутствие на посту этого человека должны заметить раньше, чем любого другого. Чем большинства других, скажем точнее. У него есть функции, и если он перестанет их выполнять, то это заметят очень быстро.

— Чин?— с деловитым видом спросил Мургатройд.

— Нет,— сказал Кэлхаун.— Он не умрет. Он нам не подложит подобной свиньи.

Снаружи стояла ночь. Когда Кэлхаун вышел наружу — внутри комнаты с распределительным пунктом связи он ни к чему не прикасался, чтобы не вызывать подозрений — ночь наступила уже полностью. Ярко сияли звезды, но пустые улицы и проспекты города были темны. Казалось, в воздухе города повисла бесформенная угроза. Когда Кэлхаун вышел на улицу, Мургатройд, ненавидевший темноту, протянул пушистую лапку и взял Кэлхауна за руку, для уверенности.

Кэлхаун двигался молча, а шаги Мургатройда были совершенно бесшумны. Город, в котором никогда не жили люди, вызывал ужасающее ощущение. Спящие города имеют в себе нечто призрачное, потустороннее, странное, даже, если их улицы освещены. Покинутый город до невозможного пустынен, если все его жители ушли куда-то или погибли. Но город, в котором никогда еще не жили, который лежит под открытым небом, потому что жители так и не пришли, чтобы его занять — этот город вызывает самые неприятные ощущения. В нем есть что-то безумное. Он похож на труп, который мог бы жить, но так и не получил души, и теперь ждет чего-то ужасного, демонического, что войдет в него и даст ему видимость жизни — слишком ужасной, чтобы пытаться ее вообразить.

Захватчики, нет сомнений, тоже чувствовали эту неуловимую атмосферу опасности. Очень скоро появилось тому доказательство. Кэлхаун услышал какой-то пьяный шум на улице. Он осторожно последовал за источником шума. Очень скоро обнаружил это место — одиноко освещенное окно на первом этаже в доме на длинной улице, с обеих сторон окруженное тянущимися к небу фигурами небоскребов. Отвесные стены были абсолютно темны. И узкая полоска звездного неба над головой казалась бесконечно далекой. Сама улица была погружена в темноту, была пуста, и лишь отзвуки эха шума, вырывающегося из-за освещенного окна, наполнял ее мертвым подобием звука. Никаких естественных звуков вообще не было, стены зданий отрезали любые звуки, которые могла принести с собой ночная жизнь природы Мариса-3. Эта мертвая, заглушенная, бормочущая тишина была оглушительнее любого грома, грозя разорвать барабанные перепонки.

Если бы не пьяное пение. Эти люди бы были все вместе, в тесной комнатке, которую они очень ярко осветили, чтобы придать ей иллюзию

жизни. Со всех сторон их окружала неподвижность и молчание, поэтому они создавали иллюзию веселости, разжигая собственную жизнерадостность многими бутылками спиртного. При достаточном количестве можно было поверить. Но звук был до жалкого крошечной светлой нитью в мрачном потоке ночного молчания города. Снаружи, где замерли, прислушиваясь, Мургатройд и Кэлхаун, звук пьяных голосов нес какую-то горькую иронию.

Кэлхаун вздохнул. Пение пьяных преступников эхом отдавалось вдоль ущелья улицы.

— Эти типы могут нам помочь,— сказал он холодно.— Но их слишком много.

Вместе с Мургатройдом они двинулись дальше. Еще раньше Кэлхаун ознакомился с местными созвездиями, и теперь знал, что движется в сторону посадочной решетки. Все шло, как и было задумано. Вихревые кольца из распылителя-пистолета отправили в бессознательное состояние наркоза одного из преступников — дежурного у пульта связи. Потом он ввел ему полисульфат. Комбинация двух лекарств была стандартной, наподобие магнезивного сульфата и эфира, применявшихся еще столетия тому назад. Полисульфат в сочетании с декстретилом делал состояние анестезии более устойчивым и легко прерываемым, хотя человек, погруженный в сон с помощью полисульфата, мог не прийти в себя несколько дней. Такой вид наркоза был безопаснее любого другого.

Но Кэлхаун сделал процесс обратным, он сначала погрузил преступника в бессознательное состояние с помощью декстретила, потом ввел дозу полисульфата, способную держать человека под наркозом три дня. И оставил его лежать. И когда остальные обнаружат своего товарища, то очень обеспокоятся. Они никогда не заподозрят, что кома, в которую погрузился их товарищ — результат вражеской вылазки. Они решат, что он заразился чумой. Поскольку кома — последняя стадия чумы, которую они выпустили на планету. Они испугаются — ведь их товарищ будет умирать от чумы, к которой, как они полагали, они полностью иммунны. Они запаникуют, ожидая скорой смерти для самих себя. Но если появятся новые жертвы коматозного состояния, то эффект усилится многократно, вылившись в полную дезорганизацию и отчаяние захватчиков.

Позади, в темноте уличного ущелья с единственным световым квадратом окна, хлопнула дверь, кто-то вышел из комнаты наружу: потом еще, а за ними — третий. Они шли вдоль улицы, напевая что-то пьяными, неуверенными голосами, такими же тупыми и противными, как их пьяные шаги. Это детонировало тишину меж высоких стен зданий. Эффект был до жути потусторонний.

Кэлхаун спрятался в проеме ближайшей двери. Он ждал, подняв пистолет-распылитель. Когда трое пьяных оказались напротив него, руки их были соединены цепочкой, чтобы увеличить устойчивость всей компании при вертикальном передвижении. Одни из компании хрипло ревел слова совершенно нецензурного характера песни, двое время от

времени присоединялись к нему. Потом третий обиженно запротестовал. Он остановился, и вся троица затеяла о чем-то путанный пьяный спор, раскачиваясь на нетвердых ногах. Пока они спорили, Кэлхаун поднял тупое рыльце пистолета и нажал на рычажок спуска. Невидимые вихревые кольца декстретиловых паров понеслись к тройке пьяных преступников. Послышался громкий коллективный вздох, потом на тротуарное покрытие, глухо стукнувшись, рухнули три бесчувственных тела. Кэлхаун поспешил сделать все остальное, что необходимо было сделать.

Вскоре один человек лежал на тротуаре в коме, отлично имитирующий финальное состояние пораженных чумой беглецов из города. Взвалив на плечо второго, Кэлхаун с Мургатройдом поспешно удалились в направлении посадочной решетки. Третий преступник, раздетый до белья, ждал момента, когда его смогут обнаружить, через день-два в определенном месте.

6

Ночной мир звуков Мариса-3 океаном жизни окружал молчаливый остров города. Сами его улицы источали только его безмолвие. Хотя имелись обширные парковые зоны, оставленные между улицами, зданиями и автострадами, но лишь редкие слабые чириканья и писканье проникали в ночное пространство города. Лишь открытая небу и не стиснутая стенами природа за его пределами пела свой гимн звездам.

Кэлхаун, устроившись в удобном месте, начал ждать вместе с Мургатройдом и бесчувственной ношей. Он не знал сколько пройдет времени до момента, когда преступники обнаружат своего бесчувственного товарища. Но он был уверен, что появление симптома коматозного состояния у человека, который, по идее, должен быть иммунным к чуме, даст свои результаты. Дежурный у пульта связи в коммутационном центре будет, наверняка, доставлен к главарю захватчиков, микробиологу, который руководит всей операцией. Такой человек должен быть здесь. И он должен быть готов встретиться с любой неожиданностью, любым отклонением от намеченного курса событий. И, очевидно, лишь самые квалифицированные люди из тех, кто работал с чумой, получат разрешение на такую должность. Руководить операцией, возможно, будет сам создатель эпидемии, тот, кто придумал убийственную синергическую комбинацию. И у него должна быть под рукой отлично оснащенная лаборатория, где найдется любое оборудование, которое вдруг может ему понадобиться. Скорее всего, лаборатория будет находиться на борту корабля. И туда принесут дежурного из центра связи.

Кэлхаун терпеливо ждал. У него был еще один человек в состоянии поддельной комы, готовый к употреблению в нужный момент. И сейчас Кэлхаун ждал в глубокой тени одной из массивных опор посадочной

решетки. Рядом сидел Мургатройд, стараясь держаться поближе к хозяину. Тормалы проявляли нормальную активность днем. Темнота их подавляла. И если рядом не было Кэлхауна, Мургатройд, обычно, начинал хныкать.

Над головой повисли парящие арки балок посадочной решетки. Эта решетка была способной принимать и отправлять лайнеры в двести тысяч тонн. И даже более тяжелые. Она была создана для обеспечения межзвездной коммерции нового мира. Здание диспетчерской, откуда управлялась решетка, растянулась на полмили, неподалеку от места, где притаился в засаде Кэлхаун. Глаза его уже привыкли к темноте, и теперь он уже видел пятна слабого свечения, словно где-то имелись освещенные окна, выходившие в противоположную от Кэлхауна сторону. В ста метрах от него стоял большой шарообразный корабль, принесший на Марис-3 банду преступников.

Было совершенно тихо, не считая хора крошечных голосов, певших небу свою ночную серенаду. Эффект производился замечательнейший. Время от времени Кэлхаун с наслаждением впитывал низкие, басовые ноты, словно звуки органа. Потом шли трели, прозрачные и бегущие, как вода в ручье — интересно, кто их производил, какой зверь, птица или рептилия? В промежутках доносились чириканье и резкие свистки, словно какие-то деревянные дудки испытывали качество своих музыкальных данных, делали пробные мелодические прогнозы.

Ждать было легко. Преступление, совершившееся на Марисе-3 было практически для Кэлхауна ясно. Части мозаики встали на свои места. Ему казалось, что он не только очень хорошо знает, что произошло на этой планете, но и то, что может произойти на других планетах, если эта операция на Марисе-3 окажется успешной и выгодной для ее авторов.

Планета Марис-3 должна была стать сестрой-двойняшкой колонии на Деттре-2. Оба мира соединились бы медленной связью общих интересов и традиций. Да, у них бы были общие традиции и общая кровь, и все другие связи, которые держат в братском союзе две цивилизации. Цивилизация-мать создала город, поля, космодром — для миллионов своих детей, которые захотели испытать новую жизнь в новом мире. Они пришли, стали бы хозяевами этого мира, начали бы с энергией и предприимчивостью развивать свою культуру по образу и подобию материнской цивилизации. Они начали бы с гордостью возвращать плату за то, что получили, и были бы готовы принять новых и новых колонистов с перенаселенного, ставшего тесным мира Деттры.

И все это было в согласии с естественными законами вселенной, которые определяли не только пути обращения миров вокруг их центральных солнц, но диктовали мудрый, полезный, выгодный для человека путь действий. Но если человек не может изменить законы природы, он их может нарушить. И где-то находилась планета, на которой правительство, которое отдало приказ нарушить основные законы вселенной, ждало результатов экспедиции.

В обширном космосе даже преступление имеет деловую, подчеркнуто утилитарную оболочку. И законы природы искажаются, нарушаются, чтобы этому преступлению помочь. Например: можно построить звездолет с атмосферными крыльями. В пространстве или в сверхдрайве крылья не нужны, бесполезны. Но если кто-то надумал совершить очень большое преступление, и вместо того, чтобы совершить посадку при входе в атмосферу на ракетных двигателях, приданных кораблю на случай аварийного приземления, тайно проникнуть в атмосферу ничего не подозревающей планеты, облететь ее на крыльях, пронесенных через многие световые годы — тогда крылья ему очень пригодятся.

Такой крылатый воздушный корабль использует свои ракеты вместо реактивного двигателя, как у самолета, и может разбросать над планетой замороженные капсулы для заражения. Место будет избрано особо — так, чтобы ветер разнес облако заражения на многие мили и высота распыления будет избрана так, чтобы зона заражения была максимальной, и тогда на многие квадратные мили почва, растения, воздух, здания — все будет насыщено невидимыми возбудителями болезни. А корабль на крыльях поднимется выше, потом еще выше, потом пойдет уже на одних ракетных двигателях, выйдет в свободное пространство вакуума. В режиме сверхдрайва он вернется домой, и единственным признаком его появления будет гром — единственной деталью, которая запомнится прокатившейся под звездным небом. А потом начнется чума.

В точности так, как это уже случилось здесь, на Марисе-3. Пустой, почти пустой город — был затоплен болезнетворными частицами, такими маленькими, что их существование можно было обнаружить только в электронный микроскоп. И отделить один вид от других организмов, которые не были опасны для человека. Но в комбинации они становились смертельными. В паре они производили токсин, который лишал человеческую кровь нести кислород. В сущности, эффект был аналогичен действию монооксида углерода. Человеческие организмы начинали умирать без кислорода.

Все это было противоестественно, человек создал эпидемию, составил план, построил средства распространения чумы. Приспособил чуму к собственным целям. И на планете, где в безоблачном небе однажды прокатился гром, начали умирать мужчины и женщины, вскоре явился корабль преступников — чтобы убедиться, что все идет как следует — вернее, как не следует на Марисе-3. Преступники знали, что чума не может принести им зла. Они убили тех уцелевших, которые оставались еще в городе. Потом начали охоту на тех, кто укрылся за его пределами, в лесах.

Они теперь ждали, пока прилетят новые колонисты, займут похищенную ими у законного владельца планету. И если с Деттры, которая построила город, возделала поля, прибудут новые корабли, колонисты с планеты-захватчицы откажутся уступить планету. Или позволят деттрянам приземлиться и будут наблюдать, как те медленно умирают. Марис-3 был теперь бесполезен для мира, его освоившего.

Только планета, уничтожившая первых, истинных колонистов Мариса-3, могла как-то эту планету использовать. Потому что эмигранты на новую планету будут иммунированы перед отправкой, получат невосприимчивость к болезни, которой наградили планету, предварительно, их правители. И они смогут жить здесь свободно. Да, кому-то такая операция покажется очень умной и непогрешимой, надежной на сто процентов.

Кэлхаун сжал зубы, скрипнув эмалью. Все это дело представилось ему под другим углом зрения. Те, кто все это организовал, могут пойти дальше, гораздо дальше. То, что представлял себе Кэлхаун, могло оказаться пустяком в сравнении с реальностью будущего.

В городе, в темноте неподвижной ночи, вспыхнул движущийся огонек. Кэлхаун, тут же насторожившись, сел, внимательно наблюдая. Это были фары наземного кара, мчавшегося по шоссе. Огонек исчез за одним из высотных зданий. Появился снова, пересек высотный мост между двумя небоскребами, исчез, снова появился, снова исчез. Свет фар приближался с каждой минутой и, наконец, ударил в глаза Кэлхауну. Машина промчалась по утрамбованному грунту площадки посадочной решетки. Скрипнули тормоза, зашипели о грунт покрышки. Машина остановилась у здания, где должны были находиться пульты управления и трансформаторы гигантской решетки.

Фары остались гореть. Из кабины выскочили люди, бегом понеслись к зданию и исчезли в дверях. Голосов Кэлхаун не слышал. На таком расстоянии голоса ночных птиц и прочих существ Мариса-3 успешно заглушали речь человека. Несколько минут спустя, тем не менее, люди посыпались из дверей здания. Они столпились вокруг кара. Несколько секунд — и кар понесся, подпрыгивая на неровностях грунта, к приземлившемуся кораблю.

Кар остановился в нескольких сотнях ярдов от того места, где укрылся в темноте Кэлхаун. Свет фар заставил блестеть и светиться огромный пузырь корабля. Человек из машины крикнул:

— Откройте, откройте! Что-то произошло! Человек заболел! Похоже, у него чума!

Никакого признака, что его услышали. Мужчина крикнул еще раз. Другой заколотил по толстому металлу крышки люка.

Из наружного громкоговорителя вдруг раздался голос:

— Что такое? В чем дело?

Взорвался хор растерянных, нечленораздельных голосов, но резкий голос оборвал их всех и начал диктовать предложения, каждое из которых Кэлхаун мог предсказать с абсолютной точностью. На посту у коммутационного пульта видеосвязи, в городе, стоял наш человек. Почему-то не произошло несколько соединений. Был отправлен на выяснение причины человек. Человек у пульта был без сознания. Симптомы напоминали коматозное состояние при чуме. Словно уколы, которые он получил, чтобы приобрести невосприимчивость к чуме, на него не подействовали.

— Чепуха! Внесите его сюда!

Секунду спустя люк с хрустом отворился, опуская и открывая проход. Одновременно он образовал трап, удобный для подъема в корабль. Люди вытащили неподвижное тело товарища из кара. Полунеся, полуволоча его, они поднялись и исчезли в люке. Вскоре наружу вышел один из преступников. Он явно дрожал. За ним вышли остальные. Хриплый голос сказал свирепо:

— Говорит, ему нужно разобраться, в чем дело! Не может быть, чтобы это была чума. У нас прививки. Все должно быть отлично. Наверное, просто обморок, или что-то еще. И хватит паниковать, словно вы уже при смерти. Все по местам, займитесь своими обязанностями! На всякий случай, я сделаю общую поверку.

Кэлхаун выслушал с удовлетворением этот разговор. Внутренний люк шлюза затворился, но наружный остался открытым. Трап был спущен до самого грунта. Кар развернулся, покатился прочь, задержался у здания контроля, высадил несколько пассажиров и мгновенно умчался в темноту. Огонек исчез в том же направлении, откуда и появился.

— Это тот, которого мы обработали первым,— сухо сказал Кэлхаун Мургатройду.— Впечатление неблагоприятное. Они надеются, что это только случай. Посмотрим, что будет дальше. Но вот этот, начальник, он собирается сделать перекличку. И он скоро что-нибудь обнаружит, что должно очень его взволновать. А потом и всех остальных тоже.

— Чин,— тихо сказал Мургатройд.

Снова неподвижность и тишина, не считая ночной песни звездному небу, доносившейся из-за пределов города. Теперь Кэлхауну слышались отдельные басовые удары барабанов в хоре всех живых инструментов.

Полчаса спустя показался свет у здания контроля — открылись невидимые двери, прямоугольник света упал на землю. Минуту спустя появился движущийся огонек на шоссе. Он то и дело исчезал и вновь появлялся, как и в первый раз.

— Ага!— довольным тоном хмыкнул Кэлхаун.— Во время проверки они нашли того типа, который остался лежать на тротуаре, и сообщили об этой находке по коммуникатору. Возможно, донесли и об остальных двух отсутствующих — один из которых лежит у тебя позади, Мургатройд. Сейчас они должны испытывать более, чем легкое беспокойство.

Кар пересек круг площадки посадочной решетки, взвизгнули тормоза. Темные силуэты уже ждали его. Несколько секунд и кар помчался к кораблю, к опущенному трапу люка. Хриплый голос пропыхтел:

— Вот еще один! Мы его сейчас внесем!

Голос из динамика, несколько увереннее сказал:

— Очень хорошо. Но у первого нет никакой чумы. Обмен веществ происходит нормально. Он просто потерял сознание, чума здесь ни при чем!

— Но мы еще одного нашли — с ним то же самое.

Темные силуэты мужчин поднялись по узким ступенькам трапа, волоча второе бесчувственное тело. Несколько минут спустя они вышли наружу.

— Он не смог привести в сознание первого,— сказал чей-то нерешительный голос.— И мне это не нравится.

— Он же сказал тебе — это не чума!

— Если он сказал "нет",— добавил голос человека, явно привыкшего, чтобы ему подчинялись,— значит это не чума! Ему-то лучше знать. Он сам ее, эту чуму, придумал!

Кэлхаун, слушавший весь этот разговор в укрытии гигантской опоры, чуть улыбнулся самому себе и тихо сказал:

— Ага!

— Но... слушай...,— снова послышался испуганный голос.— Тут в городе были врачи, когда мы сели. Вдруг кто-то из них успел убежать. И они придумали... какой-нибудь микроб и теперь выпустили его на нас, чтобы нас истребить...

Командный голос что-то резко проворчал, оборвав сомневающегося. Заговорило сразу же несколько человек, перебивая друг друга так, что нельзя было разобрать. Преступники явно потеряли самоуверенность и покой, они были напуганы. Им бы, естественно, и в голову не пришло, что кто-то может повести против них бактериологическую войну, если бы они сами не были участниками такого микробного нападения, и не явились сюда доводить до конца начатое бактериальное преступление. Если бы не это, то такая опасность им бы и не приснилась. Они бы просто не додумались, в чем может быть дело, они не опасались бактерий, пока дело выглядело в из пользу, пока гибли люди на другой стороне. Но теперь положение выглядело так, словно кто-то обратил против них их собственное же оружие. И теперь иммунитет от чумы уже не казался им гарантированным. У кое-кого из межпланетных бандитов уже начали трястись поджилки.

Кар помчался прочь от корабля преступников. Он надолго остановился у здания управления и контроля посадочной решеткой. Там происходил горячий спор. До Кэлхауна, сквозь ночные голоса природы, доносились возбужденные голоса людей. Потом кар уехал.

Кэлхаун сделал паузу еще в двадцать минут. Эти двадцать минут показались ему до бесконечности долгими. Потом он нагнулся над человеком, которого притащил с собой. С этой третьей жертвы, настигнутой на улице, где праздновала ночью пьяная компания бандитов, Кэлхаун стащил форму, натянув ее на себя. Того третьего, оставленного в одном белье, вскоре найдут. А второго Кэлхаун взвалил сейчас себе на плечо.

— Теперь попробуем получить приглашение на борт корабля — и в его лабораторию, Мургатройд. Пошли!

Он зашагал к неподвижному молчаливому серебряному шару корабля.

Шар гигантской выпуклой стеной нависал над ним по мере приближения. Наружный люк все еще был опущен в виде трапа. Кэлхаун постучал каблуками по металлической плите и вошел в тесный шлюз. Потом забарабанил во внутренний люк, взвывая:

— Еще один! Тоже без сознания, как и остальные! Что мне с ним делать?

Внутри шлюза должны были находиться вмонтированные микрофоны, так же, как и снаружи. Но зато голос Кэлхауна не будет слышаться у здания управления. Кэлхаун попытался придать своему голосу достаточно убедительную окраску — взволнованность, недоверие и глубоко рождающаяся паника.

— Уже третий, и он как и те, без сознания! Что мне делать?

— Подожди!— недовольно приказал металлический голос из динамика на стене.

Кэлхаун начал ждать.

Двое в бессознательном состоянии. Принесенные по отдельности двумя группами людей, из которых вторая была напугана явно больше первой. Очень правдоподобно, что третью жертву принесет кто-нибудь один, без конвоя недоумевающих и испуганных товарищей. Один — которому суждено рисковать возможным заражением.

За внутренним люком послышались шаги. Люк открылся, проскрипел голос:

— Вноси его!

Этот человек, открывший замок внутреннего люка, повернулся к нему спиной. Кэлхаун вслед за ним двинулся по коридору вглубь корабля. Мутгатройд бесшумно и испуганно семенил сзади. Щелкнул замок люка, автоматически затворившегося за их спинами. Человек в белом лабораторном халате, волоча ноги, шел впереди. Он был невысокого роста. И немного хромал. И едва ли его можно было назвать хорошо сложенным.

Кэлхаун, используя перекинутого через плечо бессознательного члена шайки бактериологических диверсантов для маскировки своего пистолета-распылителя — очень эффективного оружия, как показали все предыдущие события — следовал за хозяином корабля. Он мрачно вслушивался — раздастся ли какой-нибудь посторонний звук, свидетельствующий о присутствии на борту другого человека? Очевидно, как подсказала ему холодная логика, здесь не будет даже лабораторного ассистента — судя по фигуре начальника всей чудовищной операции. Хотя эту фигуру Кэлхаун видел пока в основном со спины.

Скрюченный человек в халате имел свое место в специфической экологической нише подобных натур. Есть люди, которые становятся личностями именно благодаря своему физическому уродству. Слишком много мужчин и женщин стремятся только к тому, чтобы иметь привлекательный вид. И остаются навсегда никем. Некоторые люди, отвратительной внешности, мужественно принимают положение вещей таковым, каково оно есть, и становятся людьми, с которыми приятно иметь дело, но часть их начинает бунтовать.

Зная, что этот человек использовал свой мозг, знания и талант, истратил неисчислимые и утомительные часы кропотливого труда на то, чтобы изобрести новое чудовищное оружие уничтожения других людей.

Кэлхаун мог почти в точности описать его жизненный путь. Он был физическим уродом. Посмешищем, с отталкивающей внешностью. И он ненавидел тех, кого отталкивал или смешил своим видом. Он создавал в своем воображении грандиозные фантазии о мировом господстве, чтобы наказать тех, кого он так ненавидел. И всю свою бешенную энергию, которую можно было использовать и в других целях, он вложил в свой план — план мести космосу. Да, он выработал в себе поразительную выдержку и силу воли. Он создавал план за планом, интригу за интригой, шаг за шагом приближался к своей цели...

Кэлхаун знал некоторых людей, со сходной судьбой, которые могли бы пойти таким путем. Одни из самых великолепных работников в штаб-квартире управления Сектора, ценимый за свои заслуги на вес золота, имел очень странную внешность, на первый взгляд. Но, пять минут спустя, вы уже этой странности не замечали. И был еще президент планеты в созвездии Лебедя, учитель с Альфы Кита, музыкант из...

Кэлхаун мог бы припомнить многих. Но сгорбившаяся карликовая и смешная фигурка перед ним принадлежала человеку, который избрал иной путь, не тот, который диктовало мужество и природа. Он выбрал ненависть, и отчаяние поражения было, в его случае, неотвратимо.

Они вошли в лабораторию. Оказавшись в знакомой обстановке, Мургатройд прибодрился. Помещение было ярко совещено. Привычно сверкали хромом приборы и инструменты. Даже запахи хорошо оснащенной микробиологической лаборатории были для Мургатройда приятными и домашними. И он сказал весело:

— Чин-чин-чин!

Фигурка в белом халате стремительно обернулась. Темные глаза широко раскрылись, заблестели. Кэлхаун позволил своей ноше соскользнуть на пол, позаботившись при этом, чтобы человек не слишком расшибся.

Из-под форменной куртки преступников показался его мундир медицинской Службы — соскользнувшее на пол тело потянуло застежку молнии.

— Прошу простить меня,— вежливо сказал Кэлхаун,— но я должен вас арестовать. Вы обвиняетесь в нарушении основных принципов общественного здоровья. Создание и распространение летального характера эпидемий соответствует, по крайней мере, этому.

Человек в белом халате метнулся в сторону. Рука его что-то схватила со стола. Потом он рванулся на Кэлхауна, пытаясь поразить его скальпелем — единственным оружием, оказавшимся под рукой.

Кэлхаун нажал спуск пистолета-распылителя, который вместо краски был заряжен декстретиловой анестезирующей смесью.

7

Кэлхаун связал маленького человечка разорванной на полосы курткой от формы преступника, которого он оставил лежать в одном белье в бессознательном состоянии, ожидать, пока его не обнаружат собственные сотоварищи по преступлению. Операцию эту Кэлхаун выполнил очень тщательно. Сначала он привязал пленника к стулу, потом заключил в надежный кокон тканевых пут. Затем занялся осмотром лаборатории.

Мургатройд копировал движения Кэлхауна, поднявшись на задние лапы и осматривая оборудование. В большинстве оно было ему совершенно знакомо. Имелись приборы с чашками Петри и предметными пластинками, оптические и электронные микроскопы, автоклавы и облучатели, инструменты для микроанализа, термостаты, способные содержать нужную культуру в любом из сотни выбранных температурных режимов. Мургатройд чувствовал себя как дома.

Вскоре Кэлхаун услышал стон. Повернувшись, он кивнул пленнику.

— Здравствуйте,— приветствовал он хозяина лаборатории.— Я очень заинтересован вашей работой. Кстати, я сам служу в Медицинской Службе. Я прибыл на эту планету с обычной проверкой состояния медицинского обслуживания населения, и кто-то попытался меня уничтожить, когда я запросил посадочные координаты. На их месте умнее было бы позволить мне сесть, а потом прикончить выстрелом из бластера, как только я покажусь из корабля. Но это было бы слишком прозаично, само собой.

На него смотрели круглые, маленькие, темные глаза. Выражение их заметно изменялось с каждой секундой. То их наполняла ярость, пылающая огнем, граничащая с безумием. В следующий миг они становились проницательными и хитрыми. Потом вдруг выказывали почти животный страх.

Кэлхаун сказал несколько рассеянным голосом:

— Сомневаюсь, что есть смысл сейчас с вами разговаривать. Я подожду, пока вы не оцените ситуацию и не успокоитесь. Я проник в корабль. Похоже, что сейчас никто не сможет мне помешать. Двое из вашей... команды мясников, которых вы сюда завезли, на несколько дней выведены из связи с внешним миром.— И он объяснил: — Полисульфат. Сверх доза. Это так просто, что я был уверен — вы не догадаетесь. Я их "выключил", чтобы вы могли меня впустить с третьим экземпляром.

Похожая на мумию, спеленатая лентами фигура пленника издала какой-то сдавленный нечленораздельный звук. Очевидно, человек скрежетал зубами. Потом из горла его вырвалось бульканье вышедшего из-под контроля гнева.

— Вы сейчас в эмоциональном покое,— сказал Кэлхаун.— Частично, в самом деле, частью — притворяетесь. Я вас пока оставлю в

одиночестве, чтобы вы могли прийти в себя. Мне нужна некоторая информация. Думаю, вы с удовольствием пойдете на переговоры — в вашем-то положении... Оставлю вас одного — подумайте.

Он вышел из лаборатории. Он испытывал острое отвращение к человеку, который пытался сидеть, привязанный к стулу. Он понимал, что человечек получил сильнейший шок, обнаружив, что пойман и бессилен освободиться. Но часть этого шока — бешеная ярость, настолько бешеная, что имелась угроза перехода этой ярости в безумие. Кэлхаун хладнокровно оценил ситуацию и пришел к выводу, что человек, принявший такое решение и проживший такую жизнь — а его предположение, как он понимал, было вполне соответствующим действительности, и все события пока только что подтверждали это — в буквальном смысле может быть сведен с ума. Поэтому он благоразумно покинул лабораторию, чтобы не дразнить пленника.

Он обошел весь корабль. Он определил его тип и конструкцию, верфь, в которой тот был построен, составил в уме примерный список операций, которые нужно будет произвести, чтобы превратить корабль в инертную скорлупу, неспособную подняться с поверхности в пространство. После этого он вернулся в лабораторию.

Пленник в изнеможении пыхтел. Кое-где тканевые полоски чуть ослабились — человек пытался их только что разрезать. Кэлхаун деловито подтянул путы. Пленник в истерике принялся выплевывать проклятия.

— Отлично,— сказал хладнокровно Кэлхаун.— Освободитесь от этого бешенства, и тогда мы поговорим.

Он снова направился к выходу из лаборатории. Из динамика раздался голос и Кэлхаун мгновенно начал искать микрофон, с помощью которого можно было ответить. Как раз в тот момент, когда пленник пытался дать команду в этот микрофон, брызжа слюной, Кэлхаун микрофон выключил.

— Вы еще не определили причину?— мрачно спросил голос из громкоговорителя.— Что случилось с этими парнями? Тут начинается что-то вроде паники. Парни опасаются, что это местные врачи напустили на нас собственную чуму!

Кэлхаун пожал плечами. Голос доносился снаружи. Это был голос того самого человека, который совсем недавно разговаривал командным тоном. Теперь это был голос человека, очень сильно встревоженного. Кэлхаун не ответил на его вопросы. Голос повторил. Потом повторил еще раз. Подождал и снова задал свой вопрос. Он почти молил ответить ему. Потом голос замолчал — что в нем было? Страх или ненависть к молчащему динамику. Кэлхаун не мог сказать точно. Возможно, и первое, и второе.

— Ваша популярность начинает заметно падать,— сообщали Кэлхаун связанному хозяину лаборатории. Он положил микрофон на достаточно большом расстоянии от пленника. Рядом с усилителем он обнаружил приемник космофона.

— Гм,— сказал Кэлхаун.— А вы подозрительны, а? Не доверяете даже капитану, да? Типичный случай.

Побелевшие губы на морщинистом лице человечка вдруг шевельнулись, и он спросил, абсолютно спокойно:

— Что вы хотите?

— Информацию,— сказал Кэлхаун.

— Для себя? Что именно? Я дам вам эти сведения!— произнесли губы человечка с полубезумными округленными глазами.— Я вам могу дать все, что только способно представить ваше жалкое воображение. Я могу дать вам богатство, о котором вы никогда не мечтали.

Кэлхаун небрежно опустился на подлокотник кресла.

— Я вас слушаю,— согласился он.— Но вы, очевидно, всего лишь технический управляющий локальной операции. Не очень масштабной операции. Вы убили всего лишь тысячу человек.

Вы действуете по чьим-то приказам. Что же вы можете мне дать тогда?

— Здесь...— Пленник выругался.— Здесь проводится только проверка, испытания. Дайте мне завершить его, и я сделаю вас правителем планеты. Королем! У вас будет миллион рабов. Сотни и тысячи женщин на любую вашу прихоть!

— Едва ли вы ожидаете, что я поверю вам на слово. Где более подробные детали?— равнодушно сказал Кэлхаун.

Темные глаза вспыхнули. Потом усилием воли, таким же яростным, как и предшествовавшее ему бешенство, человечек, привязанный к стулу, заставил себя успокоиться. Взял себя в руки. Но это было лишь внешнее спокойствие. Бешенство то и дело вырывалось наружу — когда он пытался подтвердить слова убеждающим жестом — и не мог. Отчаяние заставило его в бешенстве пыхтеть. Но в промежутках он говорил с ужасающей убедительностью и ледяной логикой, с такой точностью подробностей, что не могло быть больше сомнений — план был составлен с бесконечной тщательностью, и это был его собственный план. Он убедил планетарное правительство, и ему разрешили его испытать. И во главе поставить его — это было необходимо. Скоро у него должна была появиться власть, ужасающая власть, и теперь он старался подкупить Кэлхауна всем, что считал притягательным и неотразимым. Он взялся за трудную задачу — подкупить работника Медицинской Службы.

Это было жутко.

Сначала шли детали — также подробные и точные, что работник Медслужбы мог не сомневаться — он получит все, что ему обещают. Провала в плане быть не могло.

Присвоение Мариса-3 было, как уже давно догадался Кэлхаун, всего лишь полевым испытанием нового метода межпланетной войны. Имелась новая планета. Небольшая группка населения ждала основной волны эмигрантов, сотен тысяч постоянных жителей с колонизирующего мира, которые заняли бы готовый город, начали бы использовать уже

ждущие их дороги и фермы. И эту планету использовали для испытания ужасного оружия. Чума! Чума, невидимым дождем распыленная над основным — и пока что — единственным городом новой планеты. Ночью. Люди в городе ни о чем не подозревали об этом. И скоро начали умирать. И даже тогда не могли определить, от чего они умирают и кто в этом виноват. Они просто умирали!

Кэлхаун кивнул. Фразы его впечатляли. Возможно, на кого-то и другого они и произвели бы впечатление, но Кэлхаун уже и сам выяснил механизм распространения и воздействия чумы, и то, как она была создана, и каким образом не удавалось ее обнаружить с помощью обычных микробиологических методик.

Пленник продолжал говорить. Иногда он вдруг напрягался, тон его становился натужным, потом снова приобретал холод непоколебимой убежденности и поразительной убедительности.

Когда Марис-3 займут колонисты с планеты, приславшей эпидемию, уже ничего нельзя будет сделать. Деттра-2 уже никогда не сможет высадить в городе своих людей. Они будут умирать. Только население-узурпатор сможет выжить здесь. И на вечные времена мир Мариса-3 будет принадлежать народу, заселившему его смертоносными семенами чумы. Колонисты получат прививки и будут нечувствительными к чуме, так же как и члены испытательной команды.

— Которые,— вставил Кэлхаун,— сейчас не так веселы, как обычно.

Его пленник лизнул языком губы и продолжал, тоном мертвенным и гипнотически убедительным.

— Марис-3 был только началом, испытательным полигоном. Как только эффективность метода будет проверена здесь, будут захвачены и другие миры. Не только новые колонии, как здесь. Чума атакует старые, устроенные, развитые планеты, и врачи будут бессильны перед ней. Потом придут корабли с планеты, испытавшей этот способ на Марисе-3. Корабли покончат с чумой. Они предложат уцелевшим гражданам купить возможность жизни — за определенную цену!

— Непрофессионально,— заметил Кэлхаун.— Но весьма прибыльно, в случае удачи.

— Ценой, естественно, будет рабство. Те, кто не примут условий сделки, умрут.

— Конечно,— сказал Кэлхаун.— Они могут позже попытаться отказаться от собственных обещаний и порвать сделку.

Его пленник усмехнулся тонкими бледными губами, но глаза его не улыбнулись ни на секунду. Он объяснил, что в случае восстания, оно будет обречено на провал. На каждую вспышку недовольства найдется своя мера укрощения — новая чума. К употреблению готовы уже новые штампы. Будет создана межзвездная империя, в которой восстание одной из планет будет равносильно убийству. Ни один мир, однажды захваченный, не сможет себя освободить. Ни одна планета, выбранная для захвата, не сможет сопротивляться. И такой человек, как Кэлхаун,

сможет себя освободить. Ни одна планета, выбранная для захвата, не сможет сопротивляться. И такой человек, как Кэлхаун сможет править десятками, сотнями планет. У него будет собственное межзвездное королевство. Более того, его данные и знания, полученные в Медслужбе, делают его первым кандидатом на трон Императора! Он будет абсолютным повелителем и абсолютным владыкой миллионов рабов, которые вынуждены будут или ублажать малейшие его прихоти, или погибать!

— Одно маленькое возражение,— вставил Кэлхаун.— Вы ничего не сказали о Медицинской Службе. Не думаю, что она отнесется к подобной системе планетарного завоевания благосклонно.

Теперь пленнику пришлось напрячь все свои силы, способности, чтобы убедить, поколебать, внушить, почти загипнотизировать своего тюремщика. В несколько минут он свел функции Медслужбы до смехотворной незначительности, указал на незначительность секторального управления — и без возрождения древнейших предрассудков, указал на возможность применения ядерной бомбы. Кэлхаун содрогнулся. Пленник заговорил с еще большим пылом, почти с отчаянием. Он рисовал заманчивые картины миров, где любое живое существо будет рабом Кэлхауна, он...

— Достаточно,— сказал Кэлхаун.— Я получил всю информацию, какая требовалась.

— Тогда развяжи меня,— радостно сказал пленник. И тут его пылающие глаза прочли выражение лица Кэлхауна, который больше не прятал своих истинных чувств.

— Вы примете предложение!— вскричал человечек.— Вы не можете отказаться! Вы примите!!!

— Могу и принять, почему бы и нет?— спокойно сказал Кэлхаун.— К тому же, такой безумный план никогда не удастся. Законы вероятности против него. Стоит начать приводить его в действие — и возникнет масса случайных неблагоприятных факторов. Пример — мое собственное появление. Я — неблагоприятный случай, произошедший уже при первой пробе вашего безумного преступного плана!

Пленник попытался заговорить, придать голосу еще большую убедительность, привлекательность — своей картиной будущего, где будет властвовать Кэлхаун. Но в горле у него что-то заскрипело. Он пытался быть более убедительным, чем это было возможно. Внезапно он завопил, окатив Кэлхауна волной жутких проклятий. На него страшно было смотреть, он...

Кэлхаун поднял ствол пистолета-распылителя, задержал дыхание и выстрелил одно маленькое кольцо паров декстретила.

Внезапно наступила тишина. И в этой неожиданной тишине раздался тоненький голос, доносившийся из космофона в конце лаборатории.

— Вызываем город,— произносил слабо доносящийся голос с орбиты.— Корабль с пассажирами вызывает Марис-3. Вызываем...

Кэлхаун склонил голову и прислушался. Потом он занялся своим пленником.

— Вызываем город,— терпеливо повторял голос из космофона.— Не слышим вас. Если вы отвечаете, то мы не имеем вашего сигнала. Мы становимся на орбиту и будем продолжать вызывать вас...

Кэлхаун выключил приемник космофона. Мургатройд спросил удивленно:

— Чин?

— Крайний срок для нас,— мрачно ответил Кэлхаун.— Целый транспорт счастливых иммунизированных колонистов, готовых совершить посадку. Мы сожгли трансформатор посадочной решетки. Очевидно, испортили им и стационарный космофон. Так что космофон внутри этого корабля — единственный прибор связи с орбитой. И мы слишком благоразумны, чтобы отвечать на вызов. Но теперь к нам приближается крайний срок. Крайняя точка. Если они не смогут вызвать своих друзей, то пошлю кого-нибудь вниз, на разведку, в спасательной шлюпке. Чтобы выяснить причину молчания. И тогда конец. Мы получим целый транспорт засидевшихся за время полета колонистов, готовых высадиться и завершить очистку планеты, занять ее — нас они тоже "вычистят"! И только мы с тобой, Мургатройд, сейчас можем изменить эту ситуацию — больше некому. Примемся за дело!

Уже начинало светать, когда они с Мургатройдом покинули корабль. Кэлхаун с недовольной гримасой бросил взгляд в сторону величественно алевшего востока. Он увидел кар перед зданием, где находилась диспетчерская посадочной решетки.

— Эти парни сейчас на взводе,— сказал рассудительно Кэлхаун.— И они подозревают, что кто-то из местных пробирается в город, распространяя заразу. И поэтому с распростертыми объятиями они нас явно встречать не будут. В свете наступающего дня идея уходить пешком меня не устраивает. Попробуем лучше взять машину. Мургатройд, пошли!

Он направился к зданию контроля. По прошедшей ночи он помнил, что у комнат не было окон, выходивших в сторону площадки, где стоял корабль. Тем не менее, двигался он осторожно, перебегая промежутки между громадными арками-опорами. Когда он достиг последней арки, до кара оставалось еще пятьдесят ярдов.

— Будем бежать,— сказал он Мургатройду.

Кэлхаун и маленький тормал помчались вперед, сквозь розовый утренний воздух. Они успели покрыть тридцать ярдов, когда кто-то вышел из здания контроля. Человек направился к кару. Он услышал топот бегущих ног. На какую-то секунду он был поражен до неподвижности тем, что увидел. Кэлхаун был ему не знаком. Но на территории города не должно было быть живых незнакомцев — они все должны были быть мертвы к этому моменту. Итак, вот объяснение тому, что двое людей лежат без сознания, а двое — исчезли бесследно. Преступник потянулся к бластеру.

Кэлхаун выстрелил первым. Ударил скрежещущий разряд. Бластер в руке бандита взорвался с гулким громом.

— Бежим!— приказал Кэлхаун.

Голоса. В окно выглянул человек. Он увидел Кэлхауна — незнакомца с бластером. Сам вид этот был вызовом, приглашающим к стрельбе. Человек в окне завопил. Кэлхаун повел в его сторону стволом бластера. Человек успел спрятаться в глубине комнаты — окно задымилось в том месте, где ударил разряд.

Человек и тормал достигли кара у открытой двери здания. Кэлхаун развернул распылитель декстретила и отправил в здание добрую порцию вихревых колец. Одновременно он отступил, пятясь к машине. Мургатройд возбужденно танцевал рядом.

Послышался звон стекла. Топот. Крики. Кто-то бежал к двери. Но холл перед дверью был наполнен анестезирующим газом. Каждый, вошедший в холл, тут же падал без сознания.

Кто-то в самом деле упал. Кэлхаун услышал стук, с которым рухнуло тело на пол. Но из-за угла уже выскочил другой бандит со взведенным бластером. Ему нужно было сначала прицелиться, а потом только стрелять. Кэлхауну достаточно было только нажать на спуск. Он так и сделал.

Новые крики внутри здания. Снова топот ног. Новые глухие удары падающих тел. Потом выстрел бластера, и гулкий рев детонировавших паров декстретила. Взрыв сорвал часть крыши здания, посыпались куски перекрытий. Вылетели оконные рамы.

Кэлхаун прижался спиной к кару.

Разряд бластера. Мимо. Кэлхаун провел вдоль фасада здания стволом бластера, нажав на спуск. К небу поднимался дым и танцующие языки пламени. Еще один бандит упал на землю. Кэлхаун услышал чей-то панический вопль:

— Нас атакуют! Туземцы бросают гранаты! Ралли! Ралли! Нам нужна помощь, скорее!

Кто-то пытался вызвать по радио подкрепление. И все бандиты, которые сейчас где-то сидели без дела, или искали, чем бы поживиться, услышат этот вызов.

Даже ремонтная команда, работающая на починке трансформатора посадочной решетки, должна услышать. И скоро они все устремятся сюда! Охотники в машинах...

Кэлхаун рывком втянул Мургатройда на сиденье, захлопнул дверцу, повернул ключ в приборной панели и с визгом покрышек помчался прочь.

8

Автострада, конечно, была превосходная. Кар мчался вперед. Коммуникатор на передней панели взорвался взволнованными голосами, когда кто-то, уцелевший в здании контроля решетки, сообщил всем своим товарищам, что некто прорвался в город, совершил нападение на здание и скрылся в захваченном каре. Кар был описан, указаны его

цвет, направление, в котором он удалился. Голос потребовал догнать этот кар и уничтожить, уничтожить диверсанта!

Заговорил другой человек. Этот голос был холоден и спокоен, в отличии от истерической возбужденности первого. Он начал отщелкивать точные инструкции.

А Кэлхаун обнаружил, что его кар начинает преодолевать подъем. Вскоре он оказался на полпути между двумя башнями, и навстречу ему выскочила другая машина. Кэлхаун взял в левую руку бластер, и в то мгновение, пока мчавшиеся друг другу навстречу машины находились напротив друг друга, он сделал точный выстрел. Вспышка огня и хвост густого дыма. Пораженный разрядом кар, у которого закороченная аккумуляторная ячейка испарила половину корпуса, пробил ограждение моста и метеором ворвался в пропасть между двумя небоскребами.

В коммуникаторе запричитали новые голоса. Кто-то увидел вспышку взрыва. Командный голос в коммуникаторе заставил ревом замолчать всех остальных.

— Ты!— приказал он.— Если ты его засек, доложи!

— Чин-чин-чин!— возбужденно сказал Мургатройд.

Но Кэлхаун ничего не стал докладывать.

— Значит, они сняли кого-то из наших,— подвел итог хладнокровный голос.— Догоните его, обойдите спереди и сожгите его машину!

Кар Кэлхауна стрелой помчался по наклонному съезду с моста и, накренившись на двух колесах, обогнул угол здания... промелькнул между двумя небоскребами... выскочил на боковую ветвь... помчался по ней до развалин, свернул налево... новая развилка, потом направо... Но бормотание голосов в коммуникаторе не прекращалось. Одному из бандитов было приказано занять пост наблюдения на самой высокой башне, откуда просматривались все дороги нижнего уровня. Группа в четыре кара была послана вдогонку. Всем был отдан приказ стрелять в кар желтого цвета, движущийся в одиночку. Преследование вести только группой. Стрелять в любую одиночную машину! И немедленно докладывать! Немедленно!

— Я подозреваю,— сказал Кэлхаун возбужденному Мургатройду,— что это как раз и называется тактикой войны. Если они возьмут нас в кольцо... Хотя их не так уж много. Но нам нужно выбраться из города — вот в чем фокус. Значит...

Из коммуникатора возбужденный голос прочитал донесение — машину Кэлхауна засекли с ажурного моста, ведущей к самой высокой башне города. Он направляется...

Кэлхаун тут же изменил направление. Пока что он встретил только одну машину преследователей. Сейчас он мчался по пустынным автострадам, среди пустых башен домов, террас-балконов, с пустыми глазницами окон, отовсюду пристально следившим за одиноким убегающим каром.

Впечатление напоминало сцену из ночного кошмара — таково было величие и пустынность города вокруг. Кар Кэлхауна ввинчивался в пус-

тоту вдоль красиво выгнувшихся мостов, виадуков, переездов, клеверных цветков развилок, вдоль главных и второстепенных артерий города — и повсюду Кэлхаун видел полную неподвижность пустынного города. Свистел обтекающий кабину кара ветер, покрышки с визгом пожирали покрытие дороги, светило солнце, а в небе безмятежно плыли облачка. Среди великолепия этих зданий и дорог не было ни одного признака опасности. Только бормотание голосов в коммуникаторе. Его видели там-то, промелькнувшего вдоль крутого поворота. Потом его видели там-то... и только по счастливой случайности он свернул прочь от подготовленной засады... Потом его...

Слева он заметил зелень травы и деревьев. По спуску въездной рампы Кэлхаун послал кар в нырок к одной из малых парковых зон, показавшейся на его пути.

И едва машина показалась над каменным парапетом — ограждением дороги, как крыша кабины вспыхнула и испарилась, чудом не задев Кэлхауна. Кто-то попал в крышу из бластера. Свернув влево, въехав в густой кустарник, Кэлхаун вывалился из машины, потащив с собой и Мургатройда. Оба нырнули в укрытие густого зеленого подлеска. Инстинктивно Кэлхаун продолжал сжимать вихревой пистолет.

Он бросился бежать, свободной рукой отряхивая застывшие капельки металла с кожи и одежды. Ожоги адски болели. Но тот, кто стрелял, решит, что поразил Кэлхауна, тем более, что за попаданием последовало столкновение машины с кустарником. Человек этот донесет об успехе прежде, чем отправится посмотреть на предполагаемый труп предполагаемой жертвы. Потом появятся новые машины.

И сейчас Кэлхауну было лучше, как можно дальше убраться от этого места.

Он услышал шум подъезжающих каров, визг тормозов и голоса. Кэлхаун, не останавливаясь, продолжал пробираться сквозь ветви и листву парка. За парком шла дорога, за дорогой — низкая каменная стена. Он сразу узнал эту стену. Служебные магистрали частично были покрыты, чтобы спрятать их подальше от глаз. Но местами их лишь ограждали стенками, делая открытые участки для вентиляции. По одной из таких скрытых магистралей он и проник в город. Теперь перед ним была другая такая же магистраль. Он перелез через низкую стену и отпустил руки. Мургатройд без промедления последовал за своим хозяином.

Покрытие магистрали оказалось довольно далеко внизу, и Кэлхаун едва не упал, приземлившись. Он услышал над головой тихое шуршание — пронеслась машина, там, где несколько секунд стоял он. Потом еще одна.

Прихрамывая, Кэлхаун побежал к ближайшему служебному входу. Открыв железную дверь, он принялся подниматься по ступенькам, ведущим в здание. Тело горело от ожогов, ныла ушибленная при прыжке нога. Сзади прыгал по ступенькам Мургатройд. Вскоре, оказавшись достаточно высоко, Кэлхаун выглянул наружу. Его кар стоял на границе дороги и небольшой парковой зоны, окруженный несколькими карами

преследователей. Очевидно, они предполагали, что Кэлхаун спрятался где-то в кустарнике. Между карами кордона, окружавшего участок парка, расположилось около двадцати человек с бластерами. Приказы отдавал какой-то энергичный человек, бегавший между машинами.

Люди рассредоточились цепью и с интервалами в двадцать ярдов друг от друга начали прочесывать парк. Подкатили несколько новых каров — подкрепление кордона, к которому, предположительно, должны были вытеснить Кэлхауна загонщики.

Те, кто шел через парк, начали методично выжигать растения впереди себя, не жалея зарядов бластера.

Кэлхаун продолжал наблюдать. Потом его вдруг пронзила ужасная мысль. Ведь два дня назад, когда он был еще в лагере выздоравливающих беженцев, Ким спросил его, смогут ли они чем-то ему помочь. И он сказал, что если они увидят в городе мощный столб дыма, то смогут отправиться выяснять, что это за дым. Но сейчас у него не было ни малейшего желания вызывать помощь. Но ведь они могут увидеть поднявшееся облако дыма и истолковать его, как сигнал Кэлхауна, а затем поспешить к нему на помощь!

— Проклятье!— сказал он Мургатройду.— В конце концов, любая серия благоприятных случайностей иногда прерывается. Всему есть предел. Нужно начинать новую цепочку событий. Начинаем все сначала, новая политика!

Он быстро осмотрел помещения здания. Сделал необходимые приготовления. Потом вернулся к окну, их которого смотрел и отворил его.

Он начал огонь из бластера. Дистанция была дальняя, но при минимальном расхождении луча он успел поразить удовлетворительное количество бандитов, прежде чем они всем скопом устремились к зданию, посылая впереди себя плотный заслон бластерного огня, от которого полетели осколки стен и задымились фасады.

— Теперь,— сказал Кэлхаун,— мы должны превратить их превосходство в людях и в огневой силе в неблагоприятное для них обстоятельство. Они не станут робеть — ведь их много. Ну, за дело!

Он шагнул навстречу четырем карам вооруженных беженцев, высоко подняв над головой руки. Кэлхаун не хотел, чтобы его по ошибке подстрелили свои. Когда его окружили изможденные лица выздоравливающих беженцев, он поспешно сказал Киму:

— Все в порядке, у нас целая куча пленных, но пока что мы можем их кормить только внутривенно. Откуда вы взяли машины?

— Охотники,— свирепо сказал Ким.— Мы их нашли и убили, а также взяли их машины. Мы нашли других уцелевших беженцев, и я их вылечил, скоро они будут совсем здоровы. У кое-кого еще не прошла чума, но мы всем сделали инъекции сыворотки. И половина из нас сейчас имеет уже оружие.

— Оружия теперь хватит на всех,— сказал Кэлхаун.— И еще останется лишнее, все бандиты спят — почти все. Кое-кого я уложил из бластера, и они уже не проснутся. Большая часть двинулась на штурм здания, в котором я укрылся. Я их некоторое время не впускал,а потом ввел декстретил в систему вентиляции. Выждав нужное время, мы с Мургатройдом удлинили с помощью полисульфата период их спячки. Не думаю, что у нас будут какие-нибудь новые неприятности с этими убийцами. Но нужно поскорее вернуться к их кораблю. Я позаботился о том, чтобы он не смог стартовать, но на орбите их транспорт, который требует разрешения на посадку. Единственный космофон — в лаборатории корабля. Если колонисты на орбите в самое ближайшее время не получат ответа... Я хочу, чтобы с ними говорили вы...

— Мы посадим их корабль,— сказал бородатый широкоплечий мужчина.— А потом расстреляем, когда выйдут наружу.

Кэлхаун покачал головой.

— Наоборот,— чуть-чуть улыбнулся он.— Вы наденете форму наших пленных, и пусть радостные новоприбывшие увидят вас на экране космофона. Вы сейчас выдадите себя за тех, кто сейчас мирно спит. Вы расскажите о том, что сначала ваша чума действовала как нужно — уничтожила население планеты. Но потом бактерии чумы мутировали и превратились в несколько новые разновидности бактерий. И уничтожила почти всю нашу команду. Вы будете умолять совершить посадку и спасти вас — пятерых, едва живых, единственно уцелевших. Вы расскажите о том, что бактерии чумы мутивировали так мощно, что даже местные животные начали умирать. Птицы падали на лету, вы нарисуете картину Мариса-3 — мира, где больше никогда не будет животной жизни — и вы будете молить их забрать вас, доставить обратно домой.

Бородатый смотрел на Кэлхауна, потом сказал:

— Но ведь они не приземлятся.

— Нет,— согласился Кэлхаун,— не приземлятся, верно. Они отправятся в обратный путь, домой. И сообщат на своей планете о том, что произошло. Они будут полумертвы от страха — вдруг те прививки, которые они получили, тоже начнут мутировать и превратят их в похожих на вас жертв чумы? И что тогда, как вы думаете произойдет? На их планете, когда они вернутся?

— Они прикончат своих правителей,— с яростью сказал Ким.— Постараются это сделать прежде, чем могут умереть они сами. От воображаемой чумы! Они поднимут восстание! Если у кого-нибудь из них заболит живот, он от страха готов будет зубами разорвать на части свое правительство, чтобы отомстить за свою воображаемую скорую смерть. Потому что правительство его убило!

Ким глубоко вздохнул. Он улыбнулся, но совершенно без веселья.

— Вот это мне нравится,— с убийственным спокойствием сказал он.— Мне это очень нравится.

— В конце концов,— сказал Кэлхаун.— Как только бы возникла империя, державшаяся на всеобщем страхе эпидемии, как долго просуществовала бы независимость населения главной планеты, пока и оно не было бы порабощено тем же способом? В общем, отправляйтесь и напугайте их как следует, вид у вас впечатляюще жалкий. Медслужба еще займется планетой, откуда прибыл этот транспорт, но думаю, что в качестве угрозы здоровья населения Галактики эта планета более значения не имеет.

— Да,— сказал Ким, шагнув в сторону. Потом он остановился.— А как быть с пленными? Они без сознания, что делать с ними?

Кэлхаун пожал плечами.

— Пусть спят, пока мы не починим решетку. Думаю, в этом я смогу вам помочь.

— Они убийцы, все до одного,— прорычал широкоплечий бородач.

— Верно,— согласился Кэлхаун.— Но линчевать — дело недостойное. Возникает даже вероятность неблагоприятных реакций — случайностей. Давайте сначала займемся теми, что на орбите.

Так они и сделали. Странно, но казалось, что создавая видимость катастрофы, более серьезной, чем та, которую они пережили сами, эти люди испытывают необыкновенное удовольствие. Глаза их счастливо сверкали.

Транспорт с пассажирами вернулся домой. Обратный путь казался на слишком приятным. Когда он приземлился, пассажиры поспешили покинуть порт, чтобы поскорее рассказать всю историю. Началась паника, тем более не контролируемая, чем больше распространяли члены колонизационного транспорта сведения о смертоносности чумы, которой была обработана планета — ведь их как следует подготовили перед стартом. Теперь они были уверены, что чума обратилась против них самих.

Уровень смертности, резко увеличившийся, особенно среди правящих слоев, примерно соответствовал числу тех, кто погиб бы в случае настоящей эпидемии.

Но на Марисе-3 все шло как по маслу. Около восьмидесяти уцелевших граждан было найдено, вылечено и приняло участие в подготовке наказания бандитов, которые продолжали мирно спать. Операция, несомненно, принесла всем огромное удовлетворение. Посадочная решетка снова была приведена в состояние полной функциональной готовности. Потом они занялись кораблем бандитов — разобрали двигатель, вывели из строя приборы, аккумуляторные ячейки Духанна. Они выкачали топливо из баков ракетных двигателей — оно теперь пригодится для маленького корабля Кэлхауна. И, само собой, были извлечены из своих гнезд спасательные шлюпки.

Потом они разбудили преступников и одного за другим погрузили в пустую скорлупу, в которую превратился теперь их корабль. Он не мог входить в сверхдрайв, не мог двигаться на ракетах, не мог посылать

сигналы. Экраны его были мертвы — часть из них пригодилась для ремонта корабля Медслужбы.

А потом с помощью решетки — Кэлхаун сам проверил расчеты — корабль вывели на орбиту дожидаться прибытия властей. Любая попытка бежать превратилась бы для преступников в самоубийство.

— А теперь,— сказал Кэлхаун, когда планеты была очищена от преступников, я должен переправить к решетке мой корабль. Мы перезарядим ячейки Духанна и починим видеоэкраны. Сюда, в город, я могу добраться и на ракетах, но до штаб-квартиры Сектора путь более дальний. Там я подам рапорт, и сюда прибудет специальная команда, она займется планетой, а также подумает, что делать с бандитами на орбите. Это уже не мое дело. Возможно, их захотят судить на Деттре-2. А тем временем, пусть как следует подумают над тем, осталась ли у них еще совесть.

Ким нахмурился.

— Ты что-то пытаешься скрыть от нас. Мы так были заняты работой, что совсем забыли — в корабле должен быть их главарь-микробиолог. Тот самый, как ты говорил, который придумал эту чуму. И он теперь там, на орбите, с остальными — получит столько же, сколько и они! Ему следовало бы придумать особое наказание!

Кэлхаун сказал очень спокойно:

— Месть всегда тяготеет к неблагоприятным случайным последствиям. Оставим его в покое. Наказывать имеет смысл в том случае, когда есть надежда скорректировать поведение человека. А поведение этого типа уже не поправишь — после всего, что он совершил, после всех его планов вселенского господства во главе империи рабов.

Ким сказал хрипло:

— Он убийца! Это все — его рук дело! Он заслужил, чтобы...

— Смертной казни?— быстро закончил за него Кэлхаун. У вас нет права выносить такой приговор. Кроме того, подумайте, где он сейчас?

— На орбите.— Лицо Кима изменилось, повеселело.— И с ним вся его компания мясников, которые будут обвинять во всем именно его, им ничего не остается, как только ненавидеть его. Ничего не остается...

— Не вы создали эту ситуацию,— холодно сказал Кэлхаун.— Он сам это сделал. Вы просто поместили преступников в безопасную тюрьму. Предлагаю вам забыть об этом человеке.

Вид у Кима был ошеломленный. Он тряхнул головой, чтобы прояснить мысли, затем попытался выкинуть из головы даже мысль о человеке, повернувшем их планету в кошмар эпидемии. Потом он медленно сказал:

— Мы бы хотели что-нибудь сделать для вас.

— Поставьте мне памятник,— сказал Кэлхаун,— чтобы через двадцать лет никто не знал, кому он поставлен и за что. Вы с Хелен собираетесь пожениться, это правда?— Когда Ким кивнул, Кэлхаун продолжал:

— Тогда в соответствующий момент, если сочтете дело стоящим, можете назвать моим именем ребенка... Ребенок будет спрашивать, почему, и таким образом, память обо мне не увянет целое поколение.

— Гораздо дольше!— пообещал Ким.— Здесь вас никогда не забудут!

Кэлхаун усмехнулся.

Три дня спустя, что означало шесть лишних дней против ожидаемого, проведенных на Марисе-3, посадочная решетка выбросила маленький кораблик Медслужбы в свободное пространство. Прекрасный, почти пустой город, быстро уменьшался и вскоре исчез из виду. Посадочное поле решетки выбросило корабль за пять планетарных диаметров от поверхности, затем выпустило на волю. Кэлхаун развернул корабль, ориентируясь. Затем он тщательно нацелил его на точку в созвездии Кита, где находилась штаб-квартира Сектора. Потом нажал на клавишу режима сверхдрайва.

Вселенная завертелась волчком. Желудок Кэлхауна, казалось, дважды вывернулся внутри себя самого, а сам Кэлхаун испытывал чувство тошнотворного спирального скольжения вниз по какому-то конусу. Он глотнул. Мургатройд икал. Теперь вокруг корабля не было воспринимаемой физическими чувствами вселенной. Мертвая тишина. Потом корабль наполнили слабые случайные звуки, необходимые для поддержки психики человека в нормальном состоянии во время долгого перелета, когда корабль движется в тридцать раз быстрее света.

Теперь можно было бездельничать, в режиме сверхпространственного перелета не остается ничего другого, как убить время.

Мургатройд взял в правую лапку свои длинные усы и начал их тщательно вылизывать. Одновременно он осматривал кабину, отыскивая подходящее место, где можно было бы помягче расположиться и заснуть.

— Мургатройд,— строго сказал Кэлхаун.— Хочу с тобой поспорить. Ты слишком старательно иммитируешь нас, людей! Ким заметил, что ты пытался сделать нашим пленникам добавочный укол полисульфата. Надо же! И где ты только стащил иньектор? Ведь этот укол мог их убить. Я лично считаю, что это было бы неплохо, но с точки зрения Медслужбы поступок крайне неэтичный. Мы, профессионалы, должны уметь подавлять наши импульсы! Понимаешь?

— Чин!— сказал Мургатройд.

Он свернулся в клубок, аккуратно накрыв нос хвостом, приготовившись подремать.

Кэлхаун удобно устроился на койке, взял в руки книгу, которую так и не дочитал. Это была "Вероятность и поведение человека" Фитцджеральда.

Он начал читать, а корабль продолжал мчаться сквозь пустоту.

КОСМИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ

Часть I

Неподписанный контракт

1

— Курсант Виккерс, вы направляетесь Свободным разведчиком на планету Саргон, системы XI — 8948 НГ класса А 92/С на один цикл. По возвращении комиссия Штаба Патруля рассмотрит вопрос о присвоении вам звания Рейнджера Космического Патруля.— И, уже менее официальным тоном, инструктор добавил:— В этом секторе вам подберут экипировку, выдадут личное оружие, трансрессор и внешность...

При последних словах Виккерс поморщился. Его вполне устраивала своя собственная внешность.

Пройдя в этно-сектор, он взглянул на свое отражение в зеркале.

— Совсем неплохо!

На него смотрел, иронически прищурясь, высокий молодой человек, худощавый, но не тощий. Правда, голова как шар, но виноваты в этом волосы: они толпились вокруг головы, неподвластные никаким усилиям, этакий черный нимб. Ладно, волосы подкачали, зато у него выдающаяся нижняя челюсть, придающая лицу мужественное выражение, прямой нос, почти сросшиеся у переносицы брови... Виккерс подумал, что не нужно забывать выпяченную челюсть, покривлялся с секунду и захохотал — хватит чудить, кажется, подоспела настоящая работа.

Радость, как оказалось, была несколько преждевременной: этнографы несколько дней нашпиговывали его информацией, прививками... Вдолбили ему несколько наиболее ходовых языков...

И вот, наконец, корабль Патруля, вынырнув из гиперпространства, выбросил Виккерса на орбите Саргона.

Собственно, Виккерса, как такового, не было — появился он при соприкосновении сгустка силовых полей с субстанцией планеты. Для стороннего наблюдателя — возник на пустом месте.

Согласно Правилам высадки наблюдателей, Виккерс был выброшен в район планеты, излучающей наибольшие по силе импульсы агрессивности аборигенов. В общей неразберихе новичку легче было адаптироваться.

Виккерс осмотрелся. Прямо на него, с диким ревом неслась цепь людей. Рты их были перекошены от криков... Волны звуков, протяжное "А...а..." и волна страха с примесью ярости исходили от них.

Виккерс поежился. Тупые белесые глаза, руки, напряженно сжимающие какое-то примитивное оружие... И вся эта орава мчалась к нему!

Он оглянулся. Сзади, как отражение в гигантском зеркале, надвигалась такая же лавина.

— Вакуум дернул меня влипнуть в бутерброд...— выругался Виккерс и — самое разумное в такой ситуации — кинулся на землю.

Через несколько секунд цепи сошлись.

На долю Виккерса досталось несколько весьма ощутимых ударов, что-то продырявило грудь, что-то свалилось на него...

Он ждал. Волны страха и ненависти поутихли. Крики — тоже. Над полем остался только один протяжный стон, пропитанный болью.

— А это откуда?— кто-то пнул его в бок сапогом и, пока Виккерс размышлял, постонать или прикинуться мертвым, тот же сапог перевернул его лицом вверх.

— Какой-то штатский,— прогудел второй голос.— Пошарь по карманам, может, разберемся...— Оба захохотали.

Один из них наклонился и стал ощупывать Виккерса.

Найденные у Виккерса монеты они с довольным сопением разделили между собой, огрызок карандаша и кусок деревянной планки полетели в траву.

— Недурно,— резюмировал владелец знакомого сапога,— видно, не из бедных,— добавил он, еще раз пнув Виккерса.

— Гляди, у него перстенек остался...Серебришко, видать, сдерни, Ван.

Ван попытался снять кольцо. Виккерс в это время впитывал небольшую информацию, содержащуюся у Вана в мозгу, и, когда приятель Вана Смион, как уже знал Виккерс, подал нож, разведчик открыл глаза.

— Тю, живой.— Ван опустил нож, которым собирался отрезать палец с кольцом.

— Ну, так сделай его мертвым,— нежным голосом посоветовал Смион и засмеялся, довольный своим остроумием.

Виккерс сел и окинул взглядом поле. В поле виднелись группки людей, чем-то занятых. Скорее всего, тем же, чем и эта пара... Внимания на них не обращал никто.

— Я сниму,— сказал Виккерс, поднимая руку и берясь за кольцо пальцами другой. Потом быстро повернул кольцо на пальце и сжал кулак. Камень, вделанный в кольцо, засиял, выбрасывая тонкий, как паутина, луч.

Луч пробежал по лицу Вана и перешел на грудь Смиона.

Виккерс встал и, не спеша, начал снимать зеленую униформу с того, что было Ваном. Он старался не испачкать одежду в беловато-коричневой кашице, вывалившейся из аккуратно срезанного черепа.

Закончив переодевание, он склонился над Смионом, вернее, над той частью Смиона, где находились карманы, и достал свои монеты.

— Скотина... своих грабишь?— Метрах в двух, поигрывая револьвером, стоял офицер. Это Виккерс уже знал из мозга Вана. Положи все на землю и сделай шаг в сторону!

В его мозгу было твердое решение застрелить Виккерса.

...Виккерсу пришлось снова переодеваться — звание офицера сулило более богатые источники иформации.

Подобрав огрызок карандаша — трансагрессивный манипулятор и планку — генератор субполя, он закончил свое превращение в старшего лейтенанта Ронга.

Свою одежду он свалил на труп Ронга и включил субполе. Груда лохмотьев и труп бесшумно погрузились в землю, а лейтенант Ронг пошел собирать своих солдат.

II

Телепатические способности Виккерса-Ронга помогли ему довольно быстро разобраться в ситуации, сложившейся на планете.

На Саргоне в этом регионе были две мощных группировки: Сильные и Равные.

Шла гражданская война.

Тотем Сильных — Орел — красовался сейчас на форме Виккерса. У Равных эмблемой были два круга, соединенные треугольником — их эмблемы не носил никто — Равные были вне закона.

Смысл борьбы, как понял разведчик, был таков: Сильные старались удержать власть кучки Орлов над остальной массой населения. Равные стремились свергнуть Орлов и, по возможности, занять их место. Главной фигурой, которая может обеспечить выигрыш и которой можно будет пожертвовать после выигрыша, был тот же народ.

Как те, так и другие выступали под одинаковыми лозунгами: "Народ требует", "Для блага народа"...

"Требовать" у Орлов народ, правда, не смел — жизнь дорога... с благами тоже обстóяло не лучше... Рождались, трудились, гибли, умирали, так и не поняв, зачем явились на свет...

Виккерс уже знал, что многие солдаты ненавидят лейтенанта Ронга, и, как мог, пытался выправить создавшееся мнение.

Армия была на грани взрыва, и как это будет выглядеть — он уже себе уяснил. Он успел разобраться в психологии аборигенов.

Майор Валонь обходил позиции. Противник был далеко, бояться приходилось только шального снаряда, который с таким же успехом мог достать и в тылу.

В расположении лейтенанта Ронга он неудачно спрыгнул в траншею, не удержался на ногах и ощутимо ударился о станину пулемета.

От ноющей ссадины на лбу, от давней неприязни к дерзкому лейтенантику, да и вообще, от всей этой фронтовой жизни, долго сдерживаемое бешенство охватило майора. Он оттолкнул бросившегося на помощь адъютанта и, пиная по пути разложенные у стен винтовки и котелки, двинулся к ближайшему блиндажу.

За блиндажом в ходе сообщения появился лейтенант Ронг. Валонь пнул дощатую дверь и вошел, не обращая внимания на спешащего к нему Ронга.

Содаты слушали человека, стоящего в глубине помещения, который читал им что-то с листовки.

— ...Это не ваша война... Ваши враги командуют вами. Гонят в бой, как скот. Оружие в ваших руках, так используйте его для завоевания свободы...

Читавший поднял голову. В его глазах на мгновение мелькнула растерянность, сменившаяся ненавистью и презрением.

— Что здесь происходит?— Майору сразу стало как-то легче на душе. Сейчас он им покажет! В его руке заплясал револьвер.— Агитатор! Шпион!!!— Он вскинул оружие.

Солдаты не успели преодолеть оцепенения, как прозвучало два выстрела.

Майор упал. Адъютант сделал полуоборот, как в танце, что-то прохрипел и уткнулся головой в его сапоги. Оба были мертвы. За ними в дверном проеме стоял лейтенант Ронг, застегивая кобуру.

— Надеюсь, среди вас нет информаторов?— Виккерс внимательно всматривался в окружающие его лица, небритые, изможденные и, казалось, ждал ответа.

Тишина нарушалась только отзвуками далекой канонады.

— Отнесите их,— он кивнул на трупы,— в дальнюю траншею и бросьте гранату. Все будет выглядеть естественно. Их еще и наградят посмертно, за храбрость... Впрочем, минутку,— он обратился к солдату, все еще державшему листок в руке,— посмотрите, что у него в кармане...— Он ткнул пальцем в плечистого солдата.— Я бы посоветовал присоединить его к павшим...

Плечистый рванулся к выходу, но плотная стена солдат преградила ему путь. Кто-то протянул руку к его гимнастерке. Солдат взвыл:

— Братцы, я же свой, кому верите!..

На свет появился жетон государственной полиции Орлов.

Вездеход с павшими героями не успел еще скрыться за холмами, как началась атака.

Поскольку Виккерс решил ознакомиться с положением в тылу, он был ранен в плечо.

Его вынесли с поля боя на шинели и сдали в лазарет. Так он, наконец, попал в условия, приближенные к мирным.

Молодой лейтенант с рукой на перевязи объявился в столице. Вежливый, обходительный, он был желанным гостем повсюду, где только играли в патриотизм...

Ореол отважного фронтовика немало этому способствовал.

III

Равные подняли восстание и после кровопролитной гражданской войны взяли власть в свои руки. Как заведено при смене правителей, началась охота на неугодных. Сейчас это были Орлы.

Виккерса "прихватили" тоже. Он отнесся к этой невзгоде с философским спокойствием.

Его, вместе с другими "преступниками", поместили в подвале бывшей гостиницы, один из номеров которой Виккерс занимал до этого.

На бетонном полу лежали и сидели сотни людей. Было душно и тесно...

Пожилой мужчина метался в бреду, что-то выкрикивал, а иногда, на мгновение приходя в сознание, просил пить.

Виккерс осмотрел его. Сквозная рана в живот. Глоток воды положил бы конец мучениям старика, впрочем, воды все равно не было.

Виккерс подошел к двери и постучал... Безрезультатно. Он повернулся спиной к двери и ударил несколько раз каблуком. По подземным коридорам раскатился гул, и послышались шаги. Чей-то голос спросил:

— Ну, чего еще?

— Здесь тяжелораненный. Нужна срочная медицинская помощь,— крикнул Виккерс.

— А зачем? Все равно — к стенке, а так, глядишь, пулю сэкономим...

— Ах ты недоношенный ублюдок!— Виккерс сказал то, что могло наиболее уязвить собеседника — дверь не была помехой телепату.

Несколько пуль прошили дверь и отбили штукатурку в противоположной стене.

Виккерс добавил:

— А твоя жена спит с одноногим соседом и читает ему твои фронтовые письма, птенчик! Так, кажется, ты подписываешься?— Виккерс с тоской подумал, что остаться равнодушным наблюдателем ему, видимо, не удастся.

В коридоре послышался топот ног и голоса.

— Кто стрелял?

— Что случилось?

Потом загремели засовы, и в подвал ворвалось несколько Равных.

— Кто стучал?— спросил один из них, видимо, старший.

Все молчали, спрашивающий повел стволом револьвера.

— Будете говорить, или шлепнуть парочку?

Виккерс спокойно сказал:

— Я просил врача для раненого. Впрочем, ему уже не нужен никто. Он умер. Прикажите убрать труп...

— Лучше два!— из-за спины своего шефа высунулся охранник и выстрелил в Виккерса.

Выстрел был удачным: пуля разнесла стрелявшему голову и противно лязгнула по металлу двери.

Дальше все напоминало замедленную съемку. Головы ошарашенной охраны повернулись к еще подергивающемуся собрату, потом, пятясь, застревая в дверях, они выскочили из камеры. Дверь не захлопнул никто.

Виккерс с горечью подумал, что вот пришла пора и для защитного поля...

— Эй, ты, выходи!— то ли позвали, то ли приказали из коридора.

Виккерс сказал:

— Ты же стрелять будешь...— Последовало молчание, а он продолжал:— Мне же нужно передать в ваш совет командования сведения о Винсенте.— Виккерс знал, что Верховный давно разыскивает своего сына, затерявшегося на дорогах войны.— Только без фокусов! Верховный вам за меня головы поотрывает...

Ему пришлось блокировать полем дверь, а в коридоре громыхнул взрыв гранаты.

Соседи Виккерса по камере ринулись в открытую дверь — прочь из этой могилы...

Виккерс медленно пошел за ними. Его даже не покоробило зрелище, представшее в коридоре: оборванные, похожие на приведения узники старательно добивали охрану.

Добивали с гарантией.

Виккерс никогда не смог бы себе представить, что некогда более-менее благоустроенное общество может так измениться в считанные дни. Все вокруг больше напоминало какой-то кошмарный сон... По улицам бродили толпы... людей?.. Их биополя слились в единый фон, в котором не было ничего человеческого...

Голод, боль, страх и снова голод. Люди были всюду, а Виккерс искал уединения — ему нужно было сосредоточиться, попробовать спланировать свои дальнейшие действия.

Он нырнул в какой-то подъезд и начал искать. Одна из квартир была свободна, и он вошел. Тишина, прохлада и полумрак... Как-будто он шагнул в другой мир.

Виккерс принялся за анализ своих промахов и нарушений Устава Разведки Космического Патруля. Явный перебор! Да, хуже не придумаешь!..

Он мог бы в любую минуту вернуться к своим... "Вернуться"...— скорее, позорно драпануть! Так и не справившись со своим заданием... Впрочем, и дело-то не в задании. Виккерсу жаль было этих несчастных, мечущихся среди безысходности аборигенов.

Что их ждет? Новые Властители, выращенные ими на свою же голову? Рабство, преподнесенное под видом демократических законов, конституций?.. Новые Орлы, новые Равные?.. И так по кругу... а из эмоций — только страх...

Его размышления прервала вибрация субполя, исходящая от генератора. Поступило срочное сообщение: "На пять дней вы отзываетесь для выполнения спецзадания!" Виккерс принял свой обычный вид и приготовился к возвращению...

"Разрази меня космос",— пробурчал он, почувствовав присутсвие кого-то постороннего.

Волны недоумения, радости, облегчения охватывали его. Радость, как это не было странно, в этом мрачном мире преобладала.

— Ронг!— одним словом выплеснулись все воспринятые Виккерсом эмоции.— Наконец-то!

Маленькая, хрупкая девушка стояла в дверном проеме.

— Я шла за тобой... Верила и не верила.— Ее голос прерывался от волнения.

Виккерс знал ее: это Росита, сестра Ронга. Она шагнула вперед. Радость на ее лице сменилась растерянностью и недоумением.

Пять дней независимого времени — это почти столетие на этой несчастной планете. Что произойдет тут? Как сложится судьба этого доброжелательного существа?..

Девушка пошатнулась, но, собравшись с силами, заговорила:

— Простите, я приняла вас за брата... Вы знаете его?— Она с трудом сдерживала слезы.

— Знаю,— ответил Виккерс,— мы были вместе в окопах. Ронг много рассказывал о вас. И... я очень рад встрече...

Стена позади девушки раскололась, и удушливая волна взрыва захлестнула их обоих...

IV

Виккерс стоял на равнине. Земля вокруг была красновато-черной, испещренной трещинами. Никакой растительности. Создавалось впечатление, что планета, или, по крайней мере, эта ее часть, необитаемы.

Высокий уровень радиации, разбросанные тут и там блестящие лужицы когда-то расплавленной почвы — следы дурацкой бойни, учиненной аборигенами — все привычно фиксировалось мозгом Виккерса и подчинялось заданию, которое было предельно кратким: предотвратить гибель планеты!

Он осмотрел землю вокруг себя, ища, куда положить ношу, так неожиданно оказавшуюся у него на руках. Только красновато-черная земля...

На это неудобное ложе он опустил девушку. "Прощальный подарок Саргона",— подумал Виккерс, вспоминая происшедшее.

Дом, в котором он ждал капсулу, был атакован. Видимо, за ним все время следили... Сценарий был хорошо разработан: в окна влетели гранаты, дверь с частью стены была разнесена каким-то приспособлением для уничтожения танков. Взрывной волной девушку бросило к стене, у которой стоял Виккерс.

Он успел подхватить ее, стараясь уберечь ее от травм, и в этот момент открылся транспортный канал. Виккерс замкнул поле и вместе с грузом оказался здесь.

Земля вокруг лежащего тела потемнела еще больше, пропитываясь кровью.

Виккерс склонился над девушкой. Она была мертва, только в мозгу угасала последняя искорка жизни. Он включил трансгенератор и погрузил руки в тело девушки. Несколько теплых, рваных по краям кусочков металла звякнуло о камни. Медленно, очень медленно Виккерс вынимал руки из ран, одновременно поддерживая телепатическую связь с мозгом пострадавшей. Оба организма как-то слились воедино, и Виккерс начал регенерацию и перестройку поврежденной части.

Город был пуст. Так, по крайней мере, решил бы простой наблюдатель... Вообще, Валькирия, как эта планета значилась по каталогу Патруля, встретила прибывших неприветливо.

Только благодаря телепатическим способностям удалось засечь присутствие живых существ. В их излучениях преобладала жажда удовлетворения естественных инстинктов, и только иногда, очень слабо, сквозь фон голода и злобы, прорывалась мысль разумного существа.

По характеру разрушений Виккерс определил, что город подвергся "чистому" ядерному удару. Не было остаточной радиации, как в других районах, разрушения были минимальными. Погибло все живое, не успевшее найти надежное укрытие.

Росита кивнула в сторону переулка и тронула Виккерса за руку.

— Там бункер их...— она замолчала, подбирая нужное слово,— их элиты. У кучки руководителей была возможность отсидеться. Сейчас они сидят и ждут помощи.

— Пойдем.— То ли спросил, то ли решил Виккерс.

— Затем мы и здесь...

Они приблизились к бетонному кубу, казавшемуся монолитом. Виккерс начал обходить его по периметру и, наконец, отыскал узкую щель, протиснуться в которую можно было боком, и то с большим трудом.

— Поле,— бросил Виккерс и нырнул во тьму.

В стене, прямо перед его лицом, находилась панель с рядом кнопок. Виккерс равнодушно осмотрел ее и двинулся дальше.

В щели стало светлее: это за его спиной, прижатой к стене на всю высоту его роста, засверкали выстрелы.

— Крупнокалиберный пулемет,— с каким-то удовольствием констатировал Виккерс.

Пули рикошетировали от поля, долбили бетон, высекая на нем искры. В щели пахло падалью и порохом.

Проход расширился, и они вошли в квадратное помещение с одной единственной уцелевшей лампочкой, тусклый свет которой отражался в боковом экране, вмонтированном в одну из стен. Перед экраном и пультом, расположенным под ним, стояли два кресла.

Непрошенные гости подошли ближе. Виккерс поежился от представшей картины. Кучи лохмотьев в креслах были тем, что осталось от живых существ.

— А ведь тоже сапиенсы!— пробурчал Виккерс, отстраняя Роситу и манипулируя рукоятками и кнопками на пульте.

Потом им пришлось заняться довольно неприятной процедурой: вывалить из кресел прежних хозяев и занять их места.

Когда они, наконец, уселись, Виккерс щелкнул переключателем и нажал кнопку на подлокотнике кресла. Росита повторила его действия. Часть поля ушла в сторону, и кресла, подобно миниатюрным лифтам, понесли их вниз во все убывающем темпе. Наконец, падение замедлилось, и они оказались перед очередной панелью управления.

Виккерс улыбнулся.

— Снова поле. Теперь мы попробуем что-либо вроде пулемета, а то и пушки. Мне недосуг разбираться в их хитроумной сигнализации и набирать пароли покойников.— Он шагнул к двери.

Бетонный блок с глухим стуком опустился перед ним. Дверь была прочно заблокирована. Комната стала заполняться серым дымом, волнами шедшим от пола.

— Что это?— испуганно спросила Росита и тут же засмеялась: она вспомнила, что поле непроницаемо, а газы не страшны ей и без поля.

Виккерс не решился убрать преграду, опасаясь, что газы могут проникнуть в жилые помещения.

Они сели на пол, ожидая финала этого окуривания. Минут через десять включилась вытяжная вентиляция, и газ, подобно грязной простыне, втянулся в отдушины. Бетонная плита поднялась, и в проеме возникла фигура человека.

Вошедший был в скафандре высшей защиты — такие носили надсмотрщики в урановых рудниках.

— Ситуация прояснилась.— Виккерс поднялся и, обращаясь к Росите, добавил:— Ты будешь держать его под контролем. Пошли.

Охранника они пропустили вперед, а Виккерс замыкал шествие. Пришлось пройти несколько воздушных шлюзов, заполненных регистрирующей излучение аппаратурой.

Наконец, охранник шагнул в одну из многочисленных ниш по бокам прохода. Металлические захваты зафиксировали его скафандр, который раскрылся, и из него, как каштан из скорлупы, выдвинулся парень до-

вольно приятной наружности. На нем было что-то вроде униформы с огромным количеством малиновых нашивок.

Виккерс знал: малиновый цвет — цвет внутренней охраны правящей верхушки, цвет, сопутствующий палачам всех планет.

— Капитан Радови,— властно сказал Виккерс,— проводите нас к слуге народа!

Что-то скрипнуло в горле капитана, а упоминание Слуги как-будто распрямило пружину в хребте капитана. Он вытянулся и отсалютовал, подняв ладонь правой руки и приложив ее ко лбу у переносицы.

После этого, четко повернувшись на каблуках, он, таким несоответствующим его облику, писклявым голосом отчеканил:— Слушаюсь!

Капитан пошел легким, пружинящим шагом к ближайшей двери, набрал на табло какой-то код, и дверь распахнулась.

Они вышли на огромную площадь, вокруг которой теснились дома. Был полдень, солнце стояло почти в зените, но было не жарко. По небу ползли легкие, прозрачные облака.

Даже Виккерс, понимавший, что это не более, чем иллюзия, на мгновение растерянно остановился. Тут и там на домах висели занимающие подчас всю стену портреты какого-то мужчины. Его полное лицо излучало добродушие, глаза — ум...

Сюжет этих портретов-картин нигде не повторялся.

Вот Он, мило улыбаясь, стоит в кругу детей...

Вот склонился над кустом каких-то цветов.

Вот идет, бережно поддерживая старушку...

Одет Он так же, как и окружающие его персоны на картинах... И всюду добрая старческая улыбка...

Площадь была почти пустой, только кое-где мелькали малиновые нашивки охраны.

Виккерс и Росита, следом за капитаном, пересекли площадь и приблизились к низенькому приземистому зданию. Оно было одноэтажным, безо всяких украшений. Окна отливали желтизной и... никаких дверей.

Капитан нырнул в туннель под невысокой оградой домика. Когда вся группа вслед за ним расположилась на ступеньках туннеля, он включил эскалатор, который плавно опустил их метров на пятьдесят.

Посреди просторного, убранного со вкусом холла стояло необъятное кресло, в котором покоилось тело дряблого, плешивого мужчины. Мягкость кресла как бы размягчала все его черты, которые отдаленно напоминали виденные портреты. Виккерс подумал, что художники здорово польстили оригиналу.

Охранник вскинул руку в приветствии и замер.

— Кто вы?— низкий и скрипучий голос казался исходящим из несмазанного механизма.

— Космический Патруль!— отчеканил Виккерс и, сдерживая улыбку, стал наблюдать за реакцией владельца кресла.

— Что вам нужно? И...— Тут до него дошел смысл сказанного.— Как вы сюда попали?!

— На планете разразилась ядерная катастрофа. Нами зарегистрировано большое количество ядерного оружия, достаточное для уничтожения всей планеты и превращения ее в пылевое облако. Поскольку разумная жизнь в Галактике не частое явление, мы хотим ее сохранить.— Виккерс придвинул одно из кресел, стоящих рядом, и сел, жестом предложив спутникам последовать его примеру.

— Не нужно...— продолжал он,— оставьте сигнализацию в покое... Давайте попробуем разобраться в ситуации.

— Свои проблемы мы решим сами. К черту ваше вмешательство! Обойдемся без советов!— Нижайший откинулся в кресле.— Да и что вы можете предложить?

— Во-первых, уровень радиации на поверхности снизился до допустимого. Значит, пора на поверхность. Во-вторых, нужно обезвредить запасы ядерного оружия — планету нужно сохранить. А уж потом, там, наверху, будет и "в-пятых" и "в-шестых".

Нижайший заскрипел, что, видимо, должно было означать смех.

"Да, смех ему не идет",— подумал Виккерс.

Жирные телеса Нижайшего тряслись и вздрагивали, подобно студню, который пнули ногой. Он чуть не потерял вставную челюсть, но успел, смачно причмокнув, удержать ее во рту. Внезапно он посуровел. Нос, под сросшимися бровями, стал похож на клюв хищной птицы... Он плотно схватил поручни кресла, и тут в помещении стало тесно от ворвавшейся охраны.

— Взять их!— как-то брезгливо бросил Нижайший.

Охрана двинулась к креслу Нижайшего. Он, со знанием дела, был выдернут из кресла и, секунду спустя, стоял, плотно и крепко связанный.

— Измена!— вопль Нижайшего был прерван сильнейшим тычком в челюсть — стража работу знала... На сей раз вставная челюсть не удержалась на месте и, описав дугу, исчезла под сапогом одного из телохранителей.

— В "Блок-3",— распорядился Виккерс, и вся группа двинулась к выходу.

V

Росита впервые решила воспользоваться новоприобретенными возможностями — послать телепатический вызов Виккерсу.

"Не проще ли взять эту жабу под контроль? Зачем третий блок?"

Виккерс не ответил.

"Блок 3" был недалеко.

"Чтобы был всегда под рукой",— покопался Виккерс в мозгу Нижайшего.

Перед массивной дверью группа остановилась. Растерянный охранник достал из сейфа ключи и окрыл дверь.

Они прошли в обширное помещение, и, когда зажегся свет, произошла небольшая заминка: Росита согнулась на пороге, и охранник, споткнувшись о нее, растянулся на полу... Девушку тошнило...

Только вмешательство Виккерса помогло ей взять себя в руки.

На полу лежало несколько тел. Это были живые люди с аккуратно ампутированными конечностями, выколотыми глазами... Стены были увешаны людьми в самых разных позах... Тут же находились и орудия производства Слуг. В дело шло все: медицинские, слесарные, электрические иструменты и приборы; огонь и вода также не были забыты. В помещении находилось несколько телекамер, аппаратура видеозаписи...

— Дедушка, ты забыл позвать нас,— раздался позади веселый детский щебет, и Виккерс почувствовал, как Харем судорожно вцепился в его одежду.

Дети стайкой пронеслись мимо стоящих в оцепенении разведчиков к разложенным инструментам, не забывая пинать ногами обрубки людей...

Они обернулись и... пораженные, застыли, глядя на своего доброго деда.

Много времени пришлось затратить Виккерсу на регенерацию полутрупов. Наконец, они приняли свой первоначальный облик...

Десять человек сидели на каменном полу. К ним и обратился Виккерс:

— Я хочу, чтобы то, что произойдет, было последней в вашей новой жизни жестокостью. Сейчас мы уйдем... Этих,— он кивнул в сторону семьи Нижайшего,— я оставляю вам. Думайте, решайте. Вы их Высший суд!..

Вся группа покинула комнату.

— Хочешь остаться?— спросил Виккерс у Харема. Тот с испугом отказался.

— Объяви тревогу и вызови охрану!— приказал Виккерс охраннику, продолжавшему стоять у двери.— Быстрее,— добавил он, видя, что тот колеблется.

Под сводами бункера завыла серена. Послышались крики, топот сапог, лязг оружия.

Несколько десятков малиновых окружило стоящую группу.

— Что случилось?— спросил один из бежавших. Он, видимо, был старшим. Во всяком случае, на нем было навешано гораздо больше побрякушек, чем на остальных. Напоминал он объевшегося борова, тон был пренебрежительно-властным.

— Да, вот, мы решили вывести вас на поверхность,— заговорил Виккерс,— и избавить от Слуг Нижайшего и вообще от Слуг. Как вы на это смотрите?.. Я думаю, что солнце, свежий воздух и свобода лучше жизни червей? А Нижайшего,— он оглянулся на дверь Блока 3, из которой выходили узники,— думаю, больше нет...

— Измена!— рявкнул офицер, вскидывая оружие.

Он не зря носил свои нашивки — выстрел был точен: пуля попала точно в центр силового поля, отразилась, и офицер стал медленно заваливаться на бок, так и не поняв, что произошло.

— Есть еще желающие?— спросил Виккерс.— Нет? Ну и ладно! Можете пройти в блок и засвидетельствовать свое почтение шефу.

Несколько малиновых заглянули в дверь. Когда они повернулись лицом к присутствующим, в их глазах и на физиономиях застыл ужас... Больше не нашлось любопытных...

— Заберите всех с этого уровня,— распорядился Виккерс.— Встретимся на площади. И не вздумайте обидеть кого-нибудь. Впрочем, вы,— он обратился к бывшим узникам,— проконтролируете это.

***

На площади было тесно. Изможденный Народ-Хозяин резко отличался от упитанных, лоснящихся Слуг.

К простым людям и обратился Виккерс:

— Забирайте машины, инструменты и все, что может вам пригодиться. Идите наверх, к Солнцу. Когда последний из вас покинет этот бункер, я уничтожу ядерные заряды... Ближайшие полстолетия сюда небезопасно будет входить. Может, когда-нибудь здесь будет музей для ваших внуков. Музей-предупреждение! И еще... Вы можете судить Нижайших. Наказание — на ваше усмотрение.

Народ, как всегда, всепрощающ: только около десятка Нижайших они решили оставить внизу.

Толпа, хмурясь от ярких солнечных лучей, чихая от избытка свежего воздуха, кинулась в направлении, указанном Виккерсом.

Там их ждали поля, леса, ждала жизнь.

***

Виккерс, Росита и Харем, мертвой хваткой вцепившийся в своего спасителя, продолжали свою работу: разыскивали склады оружия, бункера...

Почти на всей планете было одно и то же.

Чтобы ускорить поиск, Виккерс решил на свой страх и риск создать три группы. Таким образом, он как бы разделился на трех Виккерсов.

Виккерс усмехнулся. В незапамятные времена на Земле поклонялись божеству, которое тоже представлялось в трех лицах...

Связь между ними брал на себя Виккерс до той поры, пока они сами привыкнут пользоваться телепатией. В случае острой необходимости он сможет телепатироваться к ним. Виккерс снабдил Харема и Роситу трансгрессорами, сдублировав их своими прибором.

Перед тем, как расстаться, он еще раз "объединил" все мозги, отдавая свою информацию, и воспринимая знания друзей.

Харему понравилось могущество, но он был не в восторге от этических запретов, которых должен придерживаться каждый разведчик.

Последней общей мыслью была, собственно, мысль Виккерса:" Ох, и накостыляют мне по шее за эту самодеятельность!"

И, прерывая контакт, он сказал на линкосе:

— Удачи, друзья!

VI

— Джуд!— это было первое, что услышал Харем, приблизившись к бункеру.

В отличии от большинства подобных убежищ, этот бункер не располагался на выжженной равнине. Вокруг стояли дома, окруженные садами и парками. Река в этом месте делала изгиб, чем остроумно воспользовались жители — перешеек между изгибом рукава они убрали, а на месте самой петли получилось приятное озеро.

Сам бункер был необитаем. В нем несли вахту несколько военных, но ядерный потенциал бункера был значительным. В задачу Харема входило уничтожение заряда...

Восклицание, которое издал абориген, при обычных обстоятельствах не сулило бы Харему ничего хорошего... Задача Харема была бы невыполнимой...

"Джуды" были древней расой, разбросанной по всей галактике. Никто не знал исторических истоков этой расы, но даже Виккерс считал, что является одним из ее потомков.

К джудам относились презрительно, стараясь всячески унизить, а при возможности и уничтожить. Причина была элементарно проста: джуды превосходили большинство гуманоидов по уровню интеллекта. Смешанные браки, если случались, создавали метисов, обладающих интеллектом на два-три порядка выше родительского.

Вот эти-то "порядки" и не давали покоя имеющим КИ /коэффициент интеллекта 0,1-0,5.

За 1 КИ было принято средне-арифметическое КИ 1000 жителей планеты Т 165/В, системы 4-7239 НГ.

Джудов использовали там, где нужен был трезвый ум, а ученые "высшей расы" зашли в тупик. Когда же решение было найдено, джуд обычно оставался в неизвестности — это в лучшем случае, обычно его старались ликвидировать, а слава открытия доставалась Слугам Нижайших и их прихвостням.

Тысячелетия джуды — мирная, невоинственная раса — подвергалась гонениям, пока однажды колония джудов не осела на пустынной, заброшенной планете.

Сразу же нашлись правительства, начавшие претендовать на этот пустынный, лишенный сырья мир. И джудам пришлось направить свои помыслы на вооружение.

Все было сделано с обычной для них аккуратностью.

Когда их планету Заран попытались превратить в ядерный полигон, не обращая внимания на протесты колонистов, терпение джудов-заран истощилось.

Несколько гиперпространственных крейсеров, вооруженных до зубов, исчезли с орбиты Зарана.

Не взорвались, не сгорели в пламени аннигиляции, а тихо и спокойно пропали, как заблудившийся котенок.

Через месяц после случившегося, пассажирский лайнер, делавший рейс между системами Оврон и Март, принял сигнал бедствия от спасательной капсулы. В капсуле находился экипаж пропавших кораблей.

Все спасенные были в анабиозе, а на вопросы о случившемся не могли дать вразумительного ответа.

Вот тут-то и поднялся шум. Ведь крейсерам ставилась задача захвата Зарана... Все, даже наиболее прогрессивные (во всяком случае, на словах) правительства требовали срочного принятия мер. Началась травля джудов по всей Галактике. И тут же началась эмиграция джудов на Заран.

Заран стал планетой-мозгом.

Когда появилась патрульная Служба Галактики — независимая, интернациональная организация, целью которой стала охрана правопорядка в космосе, многие джуды достигли самых высоких рангов в ее Управлении...

И возглас из бункера не сулил Харему ничего приятного...

— Вот именно...— улыбаясь, ответил Харем, шагнув к ограждению.

Прозвучало несколько выстрелов, вспыхнул короткий электрический разряд в падающем ограждении, и Харем остался лицом к лицу с офицером, который с отвисшей челюстью наблюдал за происходящим.

Харем шагнул в бетонный коридор. Из караульных помещений сюда же ринулась охрана, привлеченная выстрелами.

Харем слегка расширил и снова сжал защитное поле. Несколько охранников, расплющенных о стены, сползли, сворачиваясь, как рулон бумаги, остальные пятились по проходу.

— Космический Патруль!— громким голосом известил Харем.— Прошу всех покинуть эту дыру, сейчас она станет "горячей".— Все это прозвучало весело, задорно, и даже предупреждение о близящемся повышении радиации казалось несерьезным.

Чтобы избежать дальнейших осложнений, Харем взял под контроль офицера, убегавшего по туннелю. Тот остановился и, как бы очнувшись от сна, начал командовать:

— Всем покинуть бункер! Построиться на плацу! Энергетик, ко мне!— персонал бункера повиновался.

К офицеру подбежал долговязый парень и встал рядом.

— Заблокировать входы,— распорядился офицер, и долговязый начал колдовать у пульта.— Снять блокировку четвертого сектора. Поднять грузовой лифт.

Через минуту Харем с сопровождающими спускался на нижние уровни.

Четвертый уровень был ярко освещен. Это был уходящий вдаль, как проспект, коридор, в который выходили металлические двери.

— Разблокировать камеры,— приказал офицер и, увидев расширившиеся от страха глаза электронщика, крикнул:— Ты что, оглох?

Парень начал поочередно подходить к каждой двери, нажимать на известные ему выступы в стенах и щелкать переключателями в открывающихся нишах.

Харем подошел к ближайшей двери... Камера представляла собой бетонный ящик, до отказа забитый стоящими людьми, полуживыми и мертвыми. Когда они начали выходить в коридор, от их массы отслаивались живые и делали неуверенные шаги, мертвые падали им под ноги.

Харем молча смотрел на толпу, начавшую заполнять коридор. Люди не знали, что происходит. Может, это их последние шаги... А потом люди конвертеров, где их переработают в нужные живущим материалы и продукты.

У Харема мелькнула мысль: гениальное изобретение человечества, позволившее шагнуть за пределы Галактики, постигла судьба многих гениальных изобретений — злой гений обернул благо во вред. Конвертер, снятый с космического корабля, должен поддерживать жизнь жалкой кучки бывших "избранников народа".

Он не закрыл свой мозг, и боль, ужас, полубезумие этих обреченных начали захлестывать его. Он принял решение.

— Все на поверхность!— И, стараясь перекрыть нестройный гул голосов, крикнул:

— К грузовым лифтам!

***

Когда последние узники оказались на первом уровне, Харем отобрал наиболее сильных и раздал оружие.

— Сейчас вы соберете всех Слуг Народа с семьями и охраной,— сказал он.— И, поскольку вам нужно усиленное питание, спустите их на четвертый уровень... поближе к конвертеру...

Бывшие смертники стояли неподвижно. Наконец, один из них бережно положил оружие на пол и, не глядя на Харема, сказал тихо:

— Нет. Они — звери, а я хочу остаться человеком.

— Тогда судите их.— Харем отвернулся и добавил:— А вот оружие держите при себе, оно вам понадобится. С ним вы свободны. А этих,— он кивнул в сторону Слуг Народа,— загоните пока в бункер.

Оружие, действительно, понадобилось. Слуги и охрана яростно сопротивлялись, но, в конце концов, их согнали в бункер.

Харем заблокировал вход и не стал извещать освобожденных, что в бункере начался распад "чистого" ядерного оружия, что судить будет некого — бункер стал могилой.

— Я ухожу,— сказал Харем,— а вы постарайтесь, чтобы никто не правил вами бесконтрольно. И вообще, будьте достойны Человечества!

В следующее мгновение он стоял рядом с Виккерсом.

VII

Они стояли на опушке леса, разглядывая бегущие по шоссе машины. Было жарко.

— Наломали мы с тобой дров,— невесело говорил Виккерс.— Слишком много эмоций. Я должен был запретить тебе самому уничтожать всю эту мразь... Вот База и вмешалась... Устав есть Устав!

Решение Базы было кратким:

"Свободных разведчиков Виккерса и Харема за нарушение Устава выслать на планету Л 8/К, системы Х1 8948 НГ. Принимая во внимание, что Виккерс и Харем не нарушили общей этики, действуя по нормам этики аборигенов, ограничить срок пребывания на Л 8/К годом системного времени. Свободным Разведчикам включиться в социальную систему планеты".

— Если это наказание,— восторгу Харема не было предела,— то каково же поощрение?

Харем полной грудью вдыхал ароматный воздух, пропитанный запахом трав, деревьев, прелых листьев... Вокруг стоял несмолкающий писк, крик, шелест крыльев — жизнь приветствовала друзей праздничным концертом.

— Ну что ж, Харем, будем вживаться в роль аборигенов.— Виккерс перекинул через плечо сумку и ступил на тропинку, ведущую к шоссе.— И снова, как во всей системе Х1 8948 НГ власть "Справедливых Слуг" народа, как зараза, приобрела космические масштабы.

Харем с сожалением покинул опушку леса и двинулся за ним.

Виккерс пробовал остановить какой-нибудь транспорт, но машины проносились мимо, обдавая их пылью, смешанной с гарью. Они немного постояли и решили идти пешком.

Они могли бы остановить любой транспорт, но не хотели пользоваться своими способностями... Аборигены, так аборигены...

Пройдя солидный кусок пути, они наткнулись на стоящую на обочине машину. Хозяин поднял капот машины и сейчас беспомощно взирал на смесь металлических и пластиковых кишок, даже не пытаясь разобраться в них.

— Терпим бедствие, дружище?— спросил Виккерс.

— Да, вот... видите ли... ну, не заводится, проклятая, хоть убей!— Владелец — мужчина средних лет, начавший уже лысеть, оказался довольно приятным типом.

Виккерс и Харем довольно скоро устранили неисправность. Если брать соотношение — сотни лет, как Содружество отказалось от такого вида транспорта, и один час — это действительно "скоро".

— Вы в Севр?— поинтересовался водитель, представившийся профессором Валемом.

— Да,— ответил Виккерс,— хотя определенных планов у нас нет. Мы хотели бы получить работу и определиться с жильем...

— И что же вы хотите?— поинтересовался Валем.— Вернее, я хотел сказать, что вы можете?..

— Физика, химия... животноводство,— начал перечислять Виккерс,— защита окружающей среды, пилотирование космических кораблей...

От резкого торможения Виккерс стукнулся о лобовое стекло машины. Профессор оставил руль и вытаращился на говорившего. Наконец, он хрипло произнес:

— Кончайте валять дурака! Тоже мне бродяга-универсал. Кто многое умеет — не умеет ничего!— И добавил спокойней:— Я хотел вам помочь, а тут...

— Профессор, если у вас действительно есть местечко, можете устроить нам блиц-экзамен...— Виккерс засмеялся.

— Принято! Но на пустой желудок... У меня есть с собой кое-что: устроим пикник на природе. Заметано?

Когда "кое-что" было старательно уничтожено, они двинулись дальше.

Профессор поинтересовался последним местом работы Виккерса.

— Собственно, мы занимались решением этических проблем,— ответил Виккерс.— Боролись за разоружение, уничтожали ядерное оружие, свергали диктатуры, оживляли планеты...— Он не опасался своих откровений, зная, что в любую минуту профессор может "забыть" о разговоре.

— А ядерное оружие, какое?— поинтересовался профессор.

— "Чистые" и "грязные" ракеты,— ответил Виккерс, после чего ему пришлось объяснять смысл сказанного.

— Послушайте,— недоумению профессора не было границ,— даже в специальной литературе об этом ничего не говорится. Кто вы? Из какой страны? Зачем вы здесь, у нас?

— Профессор, не слишком ли много вопросов? Один ответ на все вас устроит? Мы Граждане Космического содружества, в которое входит множество гуманоидных и негуманоидных рас. Вот он — с Валькирии, КДЗ 821/18 Д, я — уроженец космоса... Родился лет пятьсот назад,

по-вашему системному времени... А ребеночку...— он потрепал вихри Харема,— сто-сто пятьдесят, опять-таки по-вашему... Вот и познакомились. Мы к вам на год... Примите? Будем рады...

В его голове проскальзывала ирония, но профессору было не до этого.

— Как я вас оформлю? Без документов... Справедливые видят шпионов даже в новорожденных. По их установке, я тоже должен сразу же сообщить о встрече с вами в Совет Справедливых...

— Скажите, какие нужны документы. Мы обратимся к вам через администрацию. И лучше не упоминайте о нашей встрече.

— Я не собираюсь в сумасшедший дом, куда меня неминуемо сдадут, упомяни я о вас кому-нибудь,— хмуро сказал профессор и внезапно расхохотался. А ведь ситуация действительно нереальная! Черт знает что! А я слушаю вас и, представьте, верю...

Вдоль дороги мелькали приземистые строения, похожие на ящики дома, окруженные жалкими садами и огородами.

Профессор затормозил.

— Это пригород. Деньги у вас есть?

— Профессор, лучше покажите, как все это выглядит.— Виккерс достал из кармана небольшой плоский прибор.— Какие нужны документы?

Профессор показал личную карточку, электронный накопитель, заменяющий чековую книжку, несколько купюр... Виккерс собрал все в небольшую стопку и начал поочередно вкладывать в щель под шкалой прибора. Вот на небольшом экране появилось изображение личной карточки профессора. Виккерс проделал ряд переключений, что-то подрегулировал, и с изображения исчезла фамилия профессора, а вместо нее проступили данные Виккерса. После нажатия кнопки из щели выдвинулась личная карточка Виккерса. Потом наступил черед Харема. Когда все было сдублировано, Виккерс вернул образцы профессору.

— Отличная штука!— профессор был в восторге.

— Это древняя модель с "черным ящиком",— объяснил Виккерс,— их дают в миры класса "С" и ниже. При попытке вскрыть "черный ящик", разрушается конструкция. Где вас искать, профессор?

— Исследовательский центр при Военной Академии. Скажите, что вы физики и хотите поговорить с руководителем отдела. Это я. Не подавайте вида, что знаете меня. Счастливого пути!..

***

Виккерс и Харем стояли в кабинете шефа бюро пропусков, который критически осматривал их личные карточки, он их даже понюхал... "Еще на вкус попробуй",— подумал Виккерс.

Шеф явно смаковал свою власть над просителями. Закрыв карточку Виккерса ладонью, он посмотрел на Харема. Лицо его стало каменным, и он процедил сквозь зубы:

— Джуды?!— слово звучало так же, как и на линкосе. На линкосе ответил и Харем:

— Тебе-то не все равно? Мы работать приехали.

Шеф очумело мотнул головой.

— Что ты там бормочешь?

— Справедливейший не знает линкоса,— сказал Виккерс, обращаясь к Харему. Он тоже говорил на линкосе. Но почему этот боров заговорил о джудах? Затем он добавил на языке аборигенов:

— Ни в коем случае, Справедливейший...

— Ах ты, мразь! А это что?— Он ткнул пальцем в зеленую полосу на тыльной стороне личной карточки.

Виккерс подумал о профессоре... Значит... Конечно, ведь их карточки были точной копией профессорской... Но откуда на планете, не имеющей выхода в космос, знают о джудах? Может, тут их прародина? Тогда появляется конкретная задача: попытаться найти точку исхода... Он как только мог вежливо сказал:

— Если Справедливейший не возражает, мы бы хотели побеседовать с главой отдела физики. Может, мы принесем пользу...

— Еще один дж...— Шеф не договорил и нажал кнопку на столе.

Вошел дежурный.

— Соедините с отделом физики,— и, подняв трубку внутренней связи, продолжил:— Руководителя отдела... Тут два... типа утверждают, что они физики... Да... Хорошо...

И, обращаясь к Виккерсу, добавил:

— Вас проводят.

VIII

— Ну вот мы и "хозяева" рабочие,— засмеялся Виккерс.

Работали они в лаборатории профессора Валема. Когда в лаборатории не бывало посторонних, профессор и Виккерс вели долгие беседы и споры. В первый же день работы Виккерс и Харем обошли всю лабораторию, выкорчевывая микрофоны. В дальнейшем, правда, микрофоны появлялись снова и в самых неожиданных местах...

Харем, по рекомендации Виккерса, начал выяснять предысторию джудов и даже решил перебраться на материк, бывший, согласно легендам, их родиной.

После переброски он все время поддерживал связь с Виккерсом, докладывая о достижениях и советуясь.

Виккерс также начал проводить в жизнь свой план демилитаризации планеты, обсудив все его детали с Харемом. С Валемом Разведчики быстро нашли общий язык, и, однажды, Виккерс, начав издалека, выяснил, что профессор будет преданным другом и соратником.

Разговор начался как будто с шутки:

— Дорогой Валем,— обратился Виккерс к профессору,— а ведь вы нас здорово подвели. Хотя бы предупредили нас, что вы являетесь джудом. Ох, и глупые рожи были у нас с Харемом, когда ваше начальство начало нас изобличать...

Профессор захохотал.

— Ну вот, и вам пришлось побывать в шкуре презренной. Мне, признаться, легче — я привык... Да мне в глаза они и не высказывают ненависти, по крайней мере, последние годы. Правда, в детстве меня попинали, но я устоял... устоял и поднялся... Голова джуда что-нибудь да стоит. Хотя, не думаю, что они задумались бы, приди им в голову прихоть шлепнуть меня. У них лозунг: "Кто умнее нас, тот против нас!"

Но Великому, Гениальному, Наисправедливейшему нужно оружие, нужны ракеты... А без ума... И для них не важно, чей это ум. Они даже рады держать свою расу в полуневежестве — так легче ими править, легче одурманивать своими лозунгами, призывами. Создана система, при которой бараны стригут своих же собратьев-баранов, причем стрижка идет на добровольных началах... Если же, вдруг, баран не хочет стричься, он попадет в суп стригущим...

— Послушайте, Валем, а много ли умов работает на эту справедливейшую мясорубку?— спросил Виккерс и, вдруг, вскочил со стула, на котором сидел, бросился к окну и рывком распахнул его.— Очень мило! Они установили дистанционный микрофон, он воспринимает колебания оконных стекол. Вон балкон, напротив...

Они смотрели на молодого человека, сидевшего, покуривая сигарету, в шезлонге. Тот беспокойно заерзал, встал и, как во сне, поднял что-то, похожее на рефлектор, широко размахнулся и бросил с балкона. Затем долго манипулировал ручками магнитофона, после чего аппарат последовал за рефлектором. После минутной заминки молодой человек ласточкой прыгнул с десятого этажа.

Виккерс проводил его задумчивым взглядом и с горечью произнес:

— Да, несмотря на все запреты...— Он потер лоб ладонью,— я снова вхожу в конфликт с этикой. Как говорится в вашей пословице: "Получивши власть, по совести не плачут!" Стоять мне снова навытяжку перед Комиссией Патруля!

Он обернулся к профессору.

— Так, много ли ученых работают над ядерным оружием?

— У нас только я занимаюсь им в плотную. Для мирных целей,— засмеялся он,— а у Орлов тоже один или два джуда...

— Профессор, как насчет мирного симпозиума? Вы сможете поехать к ним с дружеским визитом? Ну, и прихватить меня ассистентом.

— Ты понимаешь,— профессор вдруг перешел на "ты",— джудам нельзя выезжать из страны. Хотя Справедливейшая Конституция гарантирует всем равные права. Только Слуги Народа могут ездить беспрепятственно по всему миру... Но я попытаюсь.

Он опустился в кресло и задумался. Виккерс тоже сидел молча, размышляя. Наконец, он, видя, что вряд ли профессор решит что-либо, решительно хлопнул ладонью по столу.

— Ладно! Плевать на Справедливейших! Это я возьму на себя полностью... Сто провинностей, или сто одна... какая разница?

***

Такого таможенного досмотра и проверки документов профессор, конечно, не ожидал.

Пограничники брали личные карточки, в которых ничего не было отмечено, передавали друг другу и, в конце концов, возвращали выезжающим.

Когда Виккерс с профессором пересекли границу, все повторилось. Слежки за ними не было, так как еще "дома" шедшая за ними машина секретной службы сбила ограждение моста и рухнула в воду.

До столицы Орлов они добрались без приключений. Крупный исследовательский центр находился на окраине города, куда и прибыли путешественники. Центр был окружен лесом. Снаружи казалось, что это просто группа деревьев, среди которых кое-где стоят небольшие коттеджи. Только за невысоким забором из ажурного литья располагалась четырьмя рядами оголенная проволока, натянутая между столбиками, на которых крепились изоляторы... Войти на территорию можно было только сквозь ворота в приземистом здании...

Виккерс и профессор вошли в эти ворота и оказались в помещении, битком набитом электроникой, турникетами и охраной.

— Профессор,— начал невольно передавать Виккерс,— не делайте резких движений и не удаляйтесь от меня. Любое неосторожное движение может вызвать дикую стрельбу. Я накрою вас полем...

К ним спешил офицер охраны. Он окинул пришедших оценивающим взглядом и, не усмотрев в них особой опасности, отчеканил:

— Следовать за мной!

Сзади, держа наготове оружие, уже пристроились два охранника. Профессора и Виккерса ввели в небольшое помещение, и тот же офицер скомандовал профессору, указывая на дверь:

— Туда!

Профессор шагнул и оказался в боксе. Закрывшаяся дверь прижала его к стене: бокс был очень тесен — не повернуться.

Виккерса обыскали и толкнули в другую комнату, которая оказалась кабинетом.

За столом сидел полный мужчина, не первой молодости, с явными признаками начинающегося алкогольного отравления.

На нем была все та же зеленая форма, с такими же, уже приевшимися, малиновыми нашивками.

"Точно как у Справедливых",— подумал Виккерс.— "Только эмблемы разные..." Он мысленно окликнул профессора и составил связь — хотел держать его в курсе событий.

— Зачем пожаловали?— задал вопрос хозяин кабинета и тут, повинуясь Виккерсу, кивнул охране:— Второго сюда!

Когда профессор был доставлен, их фамилии были внесены в пропуска, и в сопровождении охранника вновь прибывшие прошли под сень деревьев.

IX

Виккерс остался доволен контактами с учеными.

— Все-таки, ум — это в первую очередь гуманность,— говорил он вполголоса Валему, когда они возвращались.— Их дети могут спать спокойно... Это, конечно, касается ядерной опасности, а не всей этой своры отличающихся цветом носов алкоголиков. Счетчики должны стоять во всех странах вашей планеты...

Валем кивал головой, но, видимо, чисто механически, он был поглощен своими мыслями. Виккерс умолк и задумался, анализируя предыдущие события.

Ученые быстро схватили суть предложения Виккерса: создать счетчики-регуляторы быстрых частиц. Счетчики, в зоне их действия, делали неуправляемую ядерную реакцию невозможной.

—...Никаких глобальных катастроф,— как бы продолжая разговор, заговорил Виккерс снова.— К сожалению, мы вмешиваемся только в распри планетарного и выше порядков.

— Валем, наконец, очнулся.

— А, может, лучше силовые поля?— спросил он.— Я видел их в действии.

— Силовое поле... Из него можно изготовить такую маленькую пухалку: пальнул Орлишка в Справедливого — и городишка как не было, а вместо звезд — черные дырочки... Ваше время еще не пришло...— Виккерс с досадой махнул рукой.

— А когда оно наступит?— Профессор оживился, от его меланхолии не осталось и следа.— Когда?

— Вот и попробуем выяснить, "когда".

Виккерс потер ладонью подбородок и застыл в этой не совсем удобной позе. Минуту спустя он, слегка оживившись, обратился к профессору:

— Я вынужден вас оставить. Буду все время поддерживать контакт, и...— профессора захлестнула волна мыслей, информации, знания такого необычайного...— не падайте духом, смелее, за вами Космический

Патруль. Вся его Этика и мощь. Вы уже не просто профессор Валем, а один из наших!

Ответить ему Валем не успел — Виккерса уже не было рядом.

По внутренней связи Валем предложил сотрудникам прибыть к нему в кабинет. Когда все оповещенные прибыли, профессор ознакомил их с идеей счетчика, умолчав о том, что счетчик делает невозможной полную реакцию вообще.

Во время беседы, Валем, с каким-то суеверным страхом, обнаружил, что "слышит" мысли своих подчиненных. Это было так необычно и, вместе с тем, страшно.

Его помощник думал: "Что еще придумает проклятый джуд?.." Смазливая сотрудница думала о предстоящей попойке у подруги, и сквозь эти мысли пробивалась тревожная: "Нужно успеть позвонить шефу Справедливых о собрании..." И еще толчея мыслей, в которых не было ничего о счетчиках.

Позже, уже после собрания, ему пришла в голову еще одна мысль: "Если бы в этом "счастливом" Справедливейшем обществе люди могли читать мысли друг друга... жизнь стала бы невозможной. Это было бы хуже атомной бомбы".

***

Счетчики изготовили в короткие сроки. Пора было испытывать...

Валем выяснил ближайшие сроки ядерных испытаний, что было ему под силу, как разработчику.

Сам он не поехал на испытания, но с нетерпением ждал результатов.

Результат не замедлил проявиться: явилось несколько человек в форме СБ (Справедливой Безопасности) и, без лишних церемоний, защелкнули на запястьях Валема наручники.

Шеф СБ встретил его ревом.

— Саботаж!!!— Багровая шея вздулась, дыхание прерывалось.— Сволочь, ты думаешь, тебе платили зря? Т... т... ты,— в его мыслях был такой хаос, что Валем не мог почерпнуть из них ничего, так же, как и из несвязного рева.— Что ты сделал с боеголовками? Чего натолкал в них?— Наконец, он мог выдавить из себя что-то более связное:— Я прикажу сунуть в них твою дурную башку! Как мы проморгали, не удушили тебя в детстве, как других... Что я доложу Справедливейшему?

— Доложишь, что счетчик работает,— спокойно сказал профессор.— Отныне на нашей территории невозможна цепная реакция.

У шефа забилась мысль: "Немедленно уничтожить счетчик!"

— Счетчик невозможно уничтожить,— добавил Валем.— Это замкнутая схема. Контроль осуществляет Патруль. Так что, шеф, я не советовал бы вам рисковать. Минут пять назад такие же счетчики начали функционировать у Орлов, и скоро весь наш мир...

Договорить он не успел. Повинуясь знаку шефа, его угостили по голове чем-то тяжелым, и он потерял сознание.

***

Вселенная пульсировала. Сжималась и разбегалась... Рождались миры, гибли цивилизации. Боль пульсировала во Вселенной...

Валем открыл глаза. Он лежал в каком-то подвале. Рассмотреть толком он ничего не смог — было темно. Только в глазок двери пробивался тоненький луч света.

Валем попытался сосредоточиться. Боль путала мысли, но знания Виккерса пригодились: постепенно удалось загнать мысль о боли в самый дальний угол мозга и попытаться реанимировать поврежденную голову.

Через полчаса, изрядно устав от необычных умственных упражнений, профессор почувствовал себя гораздо лучше — голова перестала болеть, теперь настал черед рук и ног.

Приведя себя в порядок, Валем принялся за поиск Виккерса.

Когда связь установилась, в канал хлынула бездна информации, причем, такой необычной, что Валем завертел головой, и его хватило лишь на то, чтобы известить Виккерса о своих бедах.

Виккерс был занят с Харемом, и предупредил Валема, чтобы ждал Роситу с дублем трансгрессора. Уловив в мыслях Валема желание телепортироваться, он дал понять, что в неопытных руках, а, вернее, в мозгах, такая попытка может кончиться плачевно для самого Валема: были случаи телепортации на дно океана, в открытый космос и другие малоприятные места, как, например, доменная печь...

В это время загремел засов, и дверь открылась. В подвал вошел охранник с миской и кружкой. Второй, с оружием, остался стоять у двери. Вошедший поставил принесенный обед на ступеньку и весело рассмеялся.

— Прошу к столу, джудская морда!— Он выпрямился и слегка подтолкнул миску ногой.— Все прямо из столичного ресторана, навар из рыбьей требухи и компот после омовения покойника! Да ты встань, когда с тобой говорит Справедливый! И возьми жратву — спасибо шефу — я не дал бы...

Валем поднялся, подошел к каменным ступенькам и снял с них посуду. В мозгу охранника мелькнула мысль наступить ему на руку, и Валем поспешил снять посуду. Подошва Справедливого только задела край миски, содержимое которой выплеснулось на ногу охраннику.

— Ах ты, гад, сейчас вылижешь ботинки...— охранник начал спускаться по ступенькам.

Второй охранник похохатывал в дверях.

— Стев, врежь ему! Только не по голове, сейчас придет шеф с допросом.— И вдруг испуганно добавил:— Шеф!

— Повезло тебе, джуд!— с сожалением процедил Стев, поворачиваясь к двери.

Валем, сам удивляясь собственной смелости, одел миску с остатками жижи на голову Стева.

В эту минуту вошел шеф. Сцена была комичной, несмотря на сложность ситуации. И Валем рассмеялся.

Стев рывком сбросил миску и, согнувшись, как в низком поклоне, стал вытряхивать из-за ворота гимнастерки остатки супа, а Валем в это время напрасно старался сдержать смех.

Шеф обалдело взирал на них сверху, еще не разобравшись в происходящем. Валем слышал, как тяжелыми жерновами перекатывались в тупом солдатском мозгу мысли шефа.

Валема приказано было доставить к Нижайшему слуге Народа. (Титул Нижайший был присвоен "по требованию народа" совсем недавно.) Причем тот строжайше запретил пока применять меры физического воздействия. Сам же шеф, как понял Валем, с удовольствием применил бы все степени допросов и добился результата без заигрывания с "проклятым джудом".

— Эй, ты, выходи,— наконец, заговорил шеф, дальше следовал набор отборнейших ругательств, сдобренных проклятиями на всех джудов вместе и на каждого в отдельности. Валем, обойдя Стева, двинулся к двери.

За спиной охранника в дверном проеме возникла хрупкая женская фигурка.

Она стояла спиной к свету, отчего ее темные глаза казались бездонными, а пышные волосы, подсвеченные сзади, казались воздушной аурой.

Стев ошеломленно крикнул, а шеф, следя за его взглядом, обернулся.

"Жаль, что я бросил кружку,— подумал Валем,— выкупал бы шефа..."

Раздался смех — незнакомка услышала мысли Валема.

"Что за черт?"— крутилось в голове у шефа.

"Чего уставилась?"— недоумевал охранник в дверях.

— Шеф,— обратилась незнакомка на чистейшем языке Справедливейших,— я пойду с вами. Нижайший будет рад заполучить двух вместо одного.

— Как ты прошла?— прохрипел шеф, заглядывая за спину незнакомки в пустой коридор.— Где охрана?

— Никто ничего не спрашивал...— Девушка капризно повела плечиком.— Мальчики были гораздо любезнее вас. Они даже показали дорогу. И вот я тут.— Мысленно, уже для Валема, она добавила: "Нам нужно попасть к Нижайшему. План согласован с Виккерсом..."

X

"Виккерсу тоже сейчас нелегко,— информировала Валема по дороге на верхние уровни Росита.— Пока он вытаскивал меня из царства загробного, мы были одним организмом, поэтому, получив все его знания, я смогла спокойно телепортироваться. Теперь мы должны заблокировать мозг. Даже для нас. Я — тоже. Возникли осложнения..."

Больше она, действительно, ничего не передавала, ограничиваясь ничего не значимыми фразами на линкосе, произносимыми вслух.

Они поднялись на первый уровень. Сквозь распахнутые окна вливался свежий воздух. После сырой затхлости подвала, Валем упивался ароматом и радовался, как ребенок.

Впрочем, радость была непродолжительной: они сели в машину, погрузившись в аромат кожи, металла, смазок и выхлопных газов.

Улицы, по которым, грохоча, катилась машина, были пустынны. Услышав рев сирен машин, конвоирующих выезд, жители спешили освободить улицу. Встреча со служителями Нижайших не сулила ничего хорошего.

После раздела материка, бывший дворец правительства Орлов перешел в руки Справедливых, где они и обосновались...

Не одно поколение талантливых зодчих потрудилось над его фасадом. Гранитные колонны поддерживали перекрытие главного входа. Широкая, почти во весь фасад, мраморная лестница вела к ажурным металлическим воротам, сейчас распахнутым, за которыми находилась резная дверь черного дерева. Недюжинная фантазия художника-резчика воплотилась в сценах, рельефно созданных из дерева.

Валем и Росита, несмотря на то, что шеф торопил их, остановились у двери, не в силах подавить восхищение.

— Подумать только,— сказала Росита,— никто, кроме кучки Нижайших и их прихвостней, не может любоваться этим... А им,— она кивнула в сторону шефа,— ничего не нужно, кроме набитого брюха и алкоголя...

Они прошли в огромный вестибюль.

Мрамор, золото... Впереди широкие ступени, под стенами скульптурные группы...

Валем и Росита сделали попытку рассмотреть все получше, но охрана настойчиво подталкивала их к лестнице. Пришлось подниматься.

Резвый адъютант, встретивший их, о чем-то пошептался с шефом и, обращаясь к пленникам, сказал:

— Пожалуйста, сюда.— Он распахнул дверь.

***

Нижайшего еще не было. Вошедшие, повинуясь знаку адъютанта, остановились у двери напротив массивного резного стола. У стола стояло кресло. Единственное... Видимо, в этом кабинете не принято было сидеть. Всю стену позади кресла занимало панно, повествующее о великих деяниях Нижайшего.

Валем и Росита переглянулись и поняли друг друга. Кто-то очень осторожно пробовал прощупать их сознание. Постепенно нажим усиливался, и тут Росита, опасаясь за блок Валема, заговорила:

— У вас не принято предлагать даме стул?— спросила она у адъютанта и добавила на линкосе:— Что-то у меня побаливает голова. Не мешало бы, видимо, пообедать...

— Думаю,— отозвался Валем, поняв игру Роситы,— тут кормят только громкими словами и сладкими обещаниями.

Адъютант неодобрительно поморщился и прервал Валема.

— Не нужно нервничать, ваши нужды будут удовлетворены.

Стена с мозаичным панно позади стола раздвинулась, и в образовавшемся проходе, дружески протягивая руки к пленникам, появился Нижайший. Его лицо сияло миллионом улыбок, уста источали мед.

— Капитан,— Нижайший обратился к адъютанту,— почему не позаботились о гостях? Накрыть стол!— Он, как бы прося извинения, повел рукой в сторону адъютанта, выскочившего из комнаты, и добавил:— Все приходится корректировать и контролировать. Как малые дети...

У Разведчиков был довольно глупый вид. Разинув рты, они смотрели на вошедшего.

Это был мужчина не первой молодости, высокий, плечистый, и, если бы не глаза, то довольно приятной наружности... А глаза — холодные, жестокие. Это лицо знала вся служба Патруля. Это был Ясир. Его предки были выходцами из планетной системы, в которую входил и Саргон. Портрет Ясира был вплавлен в Памятник Погибшим Разведчикам. Этот обелиск возвышался у Главного Штаба Космического Патруля на Линдее в системе Крита.

Считалось, что Ясир погиб в ядерной катастрофе на окраинах Галактики... Виккерс лет двадцать назад, по независимом у времени, знал его и не переставал жалеть об утрате до сих пор.

Нижайший привык к рабскому поклонению, и поэтому реакция разведчиков на его появление казалась ему естественной... Его слегка смутила неудача с мозговым поиском, но из опыта он знал, случаются мутации с заблокированным сознанием, проникнуть в которое может только разведчик экстра-класса. Ясир не был таким.

Только теперь Валем начал реально понимать, какое могущество доверил им Виккерс. И эта сила никоим образом не должна служить злу...

Несколько охранников внесли кресла, и Ясир, присев, галантным жестом предложил пленникам тоже сесть.

— Дорогие гости,— сказал радушный хозяин,— стол сервируют. Надеюсь, вы не откажетесь разделить со мной обед?

— Вы так любезны,— подыграла Росита,— мы как раз помышляли о хлебе насущном.

Адъютант нажал выступ на резном украшении стены, и откинувшаяся стенка обнажила внутренности бара.

— Не знаю ваших вкусов,— Нижайший перебирал бутылки и, наконец, вынул одну,— но, думаю, самый изысканный удовлетворится этим вином, сделанным из винограда солнечной Муринии.— Он подал

бутылку адъютанту, и тот с ловкостью бармена открыл ее и разлил содержимое по бокалам.

Вино было действительно отменным, а если принять во внимание жажду Валема, то просто восхитительным.

***

Только к концу обеда Нижайший, обращаясь к профессору, сказал:

— В чем суть вашего изобретения, профессор? Что-то связанное с цепной реакцией... Все это очень интересно! Вы хоть отдаете себе отчет, насколько вся эта затея опасна для страны, для народа, которому мы служим? Вы лишили нас защиты в минуту, когда мы только начали строить светлое будущее...

— Зачем так мрачно, Нижайший Справедливейший Слуга Народа,— вежливо, употребив полный титул Ясира, ответил Валем.— Точно такие же счетчики находятся во всех ядерных державах Саргона. И любая страна, обладая счетчиком, не только не может стать источником ядерного удара, угрозы, но и сама может не опасаться ядерного удара. Разве что, боеголовка упадет кому-нибудь на голову — тут счетчик бессилен, он не нейтрализует булыжников!— профессор улыбнулся, но сразу замолк, взглянув на мрачное лицо Нижайшего.

— Так вот, чтобы один из булыжников не разбил вашу мудрую голову, счетчики нужно отключить!

Разведчики лихорадочно пытались вспомнить, что нового было внесено в их экипировку после "гибели" Ясира. Что можно противопоставить ему? Какое оружие, приспособление, чувство?..

— Нижайший,— профессор постарался придать своему голосу максимум угодливости,— дело в том, что счетчики являются автономными системами, которые, после включения, блокируют себя сильным полем. Следовательно, чтобы воздействовать на них, нужно крепко пораскинуть мозгами. Нужно какое-то время...

— Два дня!— сухо бросил Ясир.

— ...соответствующее оборудование и помощники...— продолжал Валем.

— Это предоставим! В лабораторию!— приказал он, кивнув адъютанту.

Все это время Валем и Росита чувствовали потуги пробиться сквозь их мозговой блок. Нижайший надеялся, что хорошее вино и дружеская атмосфера снимут сопротивляемость...

Ясир удалился, а Разведчики, сопровождаемые адъютантом, двинулись по бесконечным коридорам к выходу.

Валема мучил вопрос: почему появление Роситы прошло как бы незамеченным. Но ответ не приходил.

XI

Лаборатория, куда доставили Валема и Роситу, была неплохо оборудована. Тут же им выделили две небольших комнаты под жилье. Вход в них был прямо из лаборатории.

При осмотре помещений они наткнулись на несколько замаскированных телекамер, а микрофонов было больше, чем насекомых в собачьей шерсти.

Была еще одна, сейчас бездействующая, установка, которую Валем классифицировал, как гипноизлучатель. "А он-то зачем?— подумал Валем и, после некоторых раздумий, решил: — Поживем — увидим!"

К работе они приступили на следующий день. Им в помощь прислали несколько лаборантов, которых Валем тут же загрузил кучей неотложных дел: каждому поручил сборку одного блока, общую схему которого держал в голове.

Когда те закончили работу, он собрал схему, использовав два блока, а остальные велел тут же разобрать, чем доставил массу огорчений специалистам, анализировавшим его чертежи. Собранная установка перекочевала в его комнату, и, когда она была задействована, служба слежения могла только лихорадочно проверять цепи и схемы своих установок: шел сплошной фон и ни изображения, ни звука... Телекамеры и микрофоны отказали...

"Благоустроив" свои комнаты, Валем и Росита попытались анализировать создавшееся положение и разработали план дальнейших действий.

Они пришли к выводу, что должны убрать Нижайшего. Но, убивая правителя, нужно кого-то дать взамен...

Кто сможет заменить его, хотя бы на время? Вот где пригодился бы совет Виккерса, но Валем боялся вступать с ним в контакт — не знал возможностей Ясира...

— Что ж, видно, нырять в канализацию придется мне,— с явным отвращением сказал Валем.— Правда, у меня были совсем другие планы и желания. Мне, например, не терпится помотаться по космосу, увидеть другие миры... Но, надеюсь, все это ненадолго.

Росита молчала. Скорее всего, она и не слушала. Мысли ее были заняты Виккерсом. Его отношение к людям и к ней самой не имели ни малейшего изъяна и, в то же время, гибель брата, который, как она теперь понимала, не заслуживал ничего лучшего, но ... оставался братом... И как мог Виккерс вообще убить? Убить живое существо?..

***

Два дня их никто не беспокоил. Они рассматривали варианты, дающие возможность отключить счетчики. Валем хотел доработать схему, чтобы сделать полностью невозможным отключение обычным путем.

На третий день в лабораторию вошла охрана Нижайшего. Подойдя к Росите, они предложили ей следовать за ними.

— Я занята,— попыталась воспротивиться Росита.

Охранник как-то криво усмехнулся и, взяв ее за плечо, развернул лицом к двери.

— Поторопись. Обойдутся без тебя!— Он толкнул ее к выходу.

— Валем, просчитайте пятый узел,— спокойно сказала Росита, предупредив его вмешательство в происходящее.

Ее тон и уверенный голос слегка успокоили Валема, но все же он сказал охраннику:

— Передайте Ближайшему, что через тридцать минут начало эксперимента, а без нее успех не гарантирован...— Он повторил еще раз:— Тридцать минут!

Охрана вела Роситу незнакомыми переходами. Попытка сориентироваться ни к чему не привела. Она запуталась окончательно.

Ясно было только то, что они опускаются на нижние уровни.

Охранник открыл какую-то металлическую дверь, и Росита поняла, что именно сюда они и шли.

Помещение было похожим на операционную в хорошей клинике. За столом, в углу, сидел Нижайший. Отпустив жестом охрану, он указал Росите на кресло.

— Садитесь и слушайте. Меня интересуют только два вопроса: первый — кто вы и как попали сюда? Второй — когда отключите счетчики? Рассказывайте!

Росита молча рассматривала его.

— Понятно. Тогда посмотрите, что вас ожидает. И, прошу понять, никакие протесты профессора не помогут.— Он нажал на кнопку, вмонтированную в стол.

Дверь открылась, и охранники втащили в комнату двух детей — мальчика и девучку. Дети тряслись от страха и, скорее всего, были голодны. Во всяком случае, их вид не производил впечатления сытости и благополучия.

Один из присутствующих подошел к девочке и, взяв за волосы, подтащил к креслу. Швырнув ее в кресло, он тщательно затянул привязные ремни, укрепил ноги и руки, зафиксировал голову... Потом подошел к мальчику и протянул руку. Комната огласилась воплем боли. Малыш впился в Справедливую руку зубами. Охранник попробовал стряхнуть малыша с руки, но тщетно. Тогда свободной рукой он несколько раз ударил мальчика по голове и, поскольку хватка зубов не ослабла, ткнул пальцем в глаз. Это подействовало. Справедливый подержал выбитый глаз в руке, осмотрел и бросил в стоящий рядом эмалированный таз. Потерявшего сознание мальчика тоже укрепили в кресле.

Росита была почти без сознания. Она не могла привыкнуть к Справедливым будням.

— Чем больше вы будете молчать,— сказал Нижайший Слуга Народа,— тем больше детей будет в тазике... Поверьте, мне самому жаль, но благо народа, его безопасность... Остановите кровь!— приказал он своим палачам.

Один из них подошел к какой-то установке и, выбрав металлический стержень, сунул его в отверстие на передней панели.

Через секунду конец стержня стал малиновым, как погоны Справедливого, и он, подойдя к малышу, ткнул стержнем в кровоточащую рану. Запахло паленым мясом, и кровотечение прекратилось. Потом он взял со стола флакон, открыл его и поднес к носу мальчика, тот пришел в себя и дико закричал...

— Так вот,— продолжал Нижайший,— этих двух джудов мы, с вашего позволения, разберем на составные части...

Один из Справедливых пошел к девочке. На какую-то долю секунды он закрыл Роситу от Нижайшего. Она уже пришла в себя и успела повернуть перстень. Когда Справедливый прошел, на Нижайшего смотрел сжатый кулак Роситы.

Выражение удивления так и не сошло с лица Нижайшего, когда половина его туловища, срезанная наискось, сползла под стол.

Росита сняла ремни с детей и, стараясь не споткнуться об останки Справедливых, понесла мальчика к столу. Потом вышла на связь с Виккерсом и Валемом.

Дверь открылась, и в комнату вошел Валем. Его сопровождала охрана. Дети испуганно прижались к Росите, которая при звуке открываемой двери обернулась и направила свой сжатый кулак в сторону входящих.

— Убрать падаль!— распорядился Валем, указывая на расфасованных Нижайшего, Справедливых и прочую нечисть.

Сноровистые охранники быстро спихнули специальными захватами всю кучу мяса в люки канализации. Затем они омыли струей из шланга остатки крови на полу, вымыли руки и застыли по стойке "смирно", ожидая дальнейших приказаний.

— Росита, я хочу посетить несколько мест в этой благословенной стране. Хочу ознакомиться с жизнью простого народа. Боюсь, что среди этих у меня начнется гомосинкразия. Их,— он показал на детей,— оставим здесь. Я думаю, так лучше...

Только сейчас Росита ощутила, как онемела ее левая рука — двое спасенных вцепились в нее мертвой хваткой, всем телом прижимаясь к ее ногам.

При словах "оставим здесь" они начали мелко дрожать...

— Лучше? Сомневаюсь. Эта форма... Они же не могут видеть ее спокойно.— Росита кивнула на охранников.— Детей я беру с собой!

Для поездки Валем выбрал легкий спортивный кар с откидывающимся верхом.

День ушел на некоторые изменения в конструкции кара.

Валем также разобрался с гипноизлучателем, но трогать его не стал, только перестроил их в ждущий режим, отвечающий только на импульсы его мозга. Под контролем остался начальник безопасности — вторая фигура после Нижайшего. Контроль могли осуществлять Виккерс, Валем и Росита.

Закончив сборы, группа отправилась в путь.

XII

Небольшой приморский городок, в котором они расположились, был чистеньким и, на первый взгляд, спокойным.

— Никаких фокусов,— заявил Валем сразу же по прибытии.— Сейчас всем отдыхать, купаться, загорать!— Он чувствовал себя настоящим отцом большого, беспокойного семейства.

Дети во время пути привыкли к ним, и временами даже ухитрялись капризничать. Взрослым это импонировало — значит, дети приняли их полностью.

Без особых усилий Валему удалось нанять квартиру из двух комнат, с крохотной кухонькой, время от времени текущей водой и миниатюрным балконом. Квартира находилась на двенадцатом этаже. Неудобство представлял неработающий лифт: в доме не жил никто из Слуг.

Первое время Валем внимательно прослушивал правительственные сводки по радио и телевидению. В них шла речь о возросшем благополучии Хозяина-народа, о тяжком труде Слуг, о "проклятых" Орлах, правительство которых так издевается над народом... Но, вскоре, он перестал обращать на эту болтовню внимание. Теперь он мог без труда предсказать, что будет говорить диктор, даже через год-два.

"Словесный понос",— так охарактеризовал он сводки.

Пока дети плескались в море, Валем и Росита выработали план действий.

— Этика — этикой,— говорил Валем,— но я хочу побывать в шкуре Хозяина. Я связался с Виккерсом. У нас есть вариант, которым пользуются на негуманоидных планетах — мы полностью сливаемся с живым существом и пользуемся доступными ему наблюдениями.

Мы можем корректировать действия особи по своему усмотрению, но тут снова всплывает эта самая э т и к а,— слово "этика" он произнес с каким-то сарказмом, понимая, что в отношении Слуг и Хозяев о ней не может быть и речи. Вернувшиеся с моря дети вслушивались в разговор. Мальчик был худощав, смуглое лицо, темные глаза, слегка вьющиеся волосы. Его звали Ливен. Девочка — Пэт, была полной

противоположностью Ливена, хотя они были братом и сестрой. Крепко сбитая, со светлыми волосами, немного выше брата, полное, миловидное лицо, покрасневшее от долгого пребывания под палящими лучами солнца. Ее серые глаза, казалось, вылезут из орбит от любопытства...

Поскольку Ливен был в биоконтакте с Роситой, он хорошо знал линкос. Пэт пришлось обучать тем же путем. Разговор, шедший на линкосе, они хорошо поняли и решили вмешаться.

— Мы будем тоже помогать,— заявил Ливен, толкая локтем в бок Пэт: мол, проси...

Валем продолжал разговаривать с Роситой, не обращая внимания на нытье Ливена, и парнишка замолчал, вслушиваясь...

Уложив детей спать, Валем и Росита еще раз обсудили план действий, и тут Валем вдруг сказал:

— Я, вот думаю... дети... ведь никакой угрозы, если мы на контроле...— Он замялся и закончил, отвечая на какую-то свою мысль.— ... а закончим в два раза быстрей... да и детям нужно набираться ума-разума...

Росита поняла его.

— Пусть займутся животными... Например, собаками... Только нужно держать с ними постоянную связь. Еще два Разведчика...— Росита засмеялась:— А они подслушивают! Марш в постели!— крикнула она, обращаясь к двери, и из-за которой раздался приглушенный смех и шлепанье босых ног.

Целый день распределяли роли. Ливену и Пэт предоставили возможность подобрать животных для экспериментов.

В Патруле выработалось мнение, подкрепленное опытом экспедиций на десятки планет, что отношение представителей цивилизаций к отличным от них формам жизни, является основным показателем интеллектуального уровня самой цивилизации.

На Севере низшими формами была флора, фауна, хозяева-рабочие, джуды и все остальное, что отличалось формой глаз, цветом кожи и еще сотнями признаков от Слуг Нижайших.

Роситу, как самого опытного члена группы, оставили на контроле и подстраховке, остальные уходили в поиск. И, надо сказать, уходили с удовольствием.

Валем на одной из улиц наблюдал безобразную сцену: несколько гангстеров избивали Хозяина. Вмешаться он не успел, но проследил путь Хозяина до больницы...

Несмотря на нежелание прибывших охранителей правопорядка, Валем настоял на составлении протокола, опросе свидетелей и регистрировании побоев. Бумага получила официальный ход.

С этим Хозяином Валем решил свести знакомство.

Еще полностью не рассвело, когда Пэт, Валем и Ливен начали работу.

Она была крупной, лобастой особой. Шерсть, видимо, была когда-то светло-серой, но голод и грязь сделали ее землисто-неопределенного цвета... В детстве она откликалась на кличку "Пела".

Ливен по этому поводу пошутил:

— Была Пела, теперь будет Пэта-Пела...

Пела тоскливо отиралась у контейнера с мусором, из которого доносились соблазнительные ароматы, вызывающие спазмы ее пустого желудка. Но стенки контейнеров были высокими — до содержимого не добраться... К тому же, она еще и замерзла. Конечно, на полное брюхо она могла бы и вздремнуть где-нибудь в уголке, прижавшись к теплому от проходящих отопительных систем асфальту, но голод властно гнал ее на поиски...

Обнаглевшие коты ковырялись в контейнере и, чувствуя свою недосягаемость, даже ухом не вели на голодное урчание собаки.

Росита передала:

— Давай!

Пелу обуял внезапный приступ страха: ей показалось, что какой-то белый, до невозможности пушистый кот обрушился сверху и вцепился когтями в нос...

Страх моментально отступил. Пела, подняв голову, втянула своим носом-индикатором запахов воздух и, ведомая запахом, двинулась вперед.

Минутой позже крупная собака толкнула дверь квартиры в партере семиэтажного дома и вошла. В одной из комнат, с самым сильны и вкусным запахом, лежали на столе мясо и хлеб.

Пела — это ее привел сюда голод — проглотила мясо, даже не ощутив его вкуса и, слегка подумав, принялась за хлеб...

От этого занятия ее оторвал вопль, всполошивший весь дом. Изрыгая потоки отборнейшей брани, размахивая разобранным охотничьем ружьем, из комнаты выскочил бывший гвардеец Справедливых.

Сейчас он был на пенсии, но продолжал оказывать мелкие услуги своим хозяевам, получая немалую прибавку к содержанию. В этих дотациях, правда, он не очень нуждался — пенсии отставных гвардейцев были самыми высокими, но страсть к лишним кредитам была у всех гвардейцев Справедливых в крови: чем больше, тем лучше. Они грабили все подряд, и Валем страшно удивлялся, как они еще не растащили все государство по своим персональным дачам, гаражам и обширным квартирам...

С таким противником, ущемленным в своих величайших устремлениях — пожрать,— предстояло столкнуться Пеле. Единственным искуплением проклятой собаке может быть только смерть!

Приклад, направленный твердой, умеющей убивать рукой, врезался в широкий лоб животного, отскочил и, выворачивая державшие ружье руки, угодил владельцу в лицо.

Всхлипнув, как унитаз, он зашатался, но устоял — голова не была его самым уязвимым местом...Чисто механически он нанес сотни раз опробованный удар ногой... Последний удар!

Пела выскочила из квартиры.

Сбежавшиеся на шум соседи нашли ущемленного пенсионера сидящим на полу. Он держал в руках свою заднюю конечность и покачивал, как бы баюкая ее, монотонно подвывая в такт...

Утолив, в какой-то мере, голод, Пела пересекла двор и вышла на многолюдную улицу. Яркий свет ослепил ее, кто-то нечаянно наступил ей на лапу, но боли не было.

XIII

Рафи любит скорость, любит свою машину, которую нежно называет "мое ландо", любит, гордо вывалив из окна машины свою покрытую черной шерстью обезьянью лапу, проноситься мимо Хозяев — людишек низших сортов, толпящихся в ожидании общественного кара.

Он был специалистом широкого профиля: черный рынок, контрабанда, наркотики, подпольные публичные дома...

Даже Охрана Справедливости опасалась вступать с ним в пререкания... Своей безнаказанностью Рафи умел хорошо пользоваться.

Львиная доля прибыли гангстеров шла Справедливым, которые, в свою очередь, заботились, чтобы поток прибылей не иссякал. А, поскольку Рафи был одним из лидеров ганга, его доходы тоже приумножались.

Все материалы о беззакониях, творимых бандой — насилиях, грабежах, убийствах — исчезали в недрах следственных органов Справедливых... И, после очередной аферы ганга, крупные суммы перекочевывали в карманы Охраны Справедливых Правопорядков. Была даже выработана своеобразная такса: убийство стоило двадцать тысяч кредитов, изнасилование — четыре...

Рафи посмеивался: "У кого деньги, у того и власть!"

Сегодня у него было отличное настроение — дела шли: партия наркотиков с судна Фара, несколько десятков каров, за которые даже Справедливые давали бешенные деньги...

И тут его самолюбию был нанесен жестокий удар: старенькая машина, изготовленная еще в пору правления Орлов, обогнала его ландо.

Рафи прибавил скорость, выходя на осевую линию шоссе для обгона...

А по осевой линии шел лобастый пес неопределенной окраски.

"Придется мыть машину",— подумал Рафи, представив разбрызганные мозги собаки на радиаторе своей любимицы, и прибавил скорость, доведя ее до предела...

Толпа без всякого сочувствия, даже со злорадством, смотрела на исковерканную машину и слушала вопли Рафи, пробующего вытянуть из-под сиденья перебитые ноги...

Собака, как бы опомнившись, отпрыгнула в толпу и исчезла.

Арькуш работал следователем при Штабе Охраны правопорядка Справедливых. В народе эту "контору" называли "ШОП". Иногда же они произносили первую букву слишком звонко...

Зарплата у Арькуша была неплохой, но основным источником жизненных благ была местная мафия — гангстеры.

Вот и сейчас у него на приеме был один из этой "славной" братии. Здоровенный детина, с волосатыми короткопалыми руками, густые клочья шерсти торчали из-под его расстегнутой рубашки: подавшись вперед, он сосредоточенно вслушивался в инструкции, даваемые следователем.

— Сходи в больницу и сразу же бери его за жабры. Пообещай сотню-другую кредитов. Пусть напишет бумажку с отказом от иска. Это — лучший выход. Медики предупреждены — пропустят. Добивать не стоит — обойдется дороже, но предупреди... Жить-то он хочет... Если не получится, придется убрать, бумаги я ликвидирую. Но тогда будешь платить еще и Справедливым Слугам.

— Думаю, согласится,— высказался клиент,— не дурак же он! Валяется уже неделю в больнице...

— Да, скажи ему, есть свидетели, подтверждающие, что он напал на вас.— Арькуш засмеялся, представив себе щуплого работягу-доходягу, нападающим на трех холеных бандитов.

"Ничего,— подумал он,— закон у нас в кармане!"

Легкое облачко скользило по стене дома, извиваясь на выступах и шероховатостях штукатурки, и медленно втянулось в открытую форточку...

Чернь, в дырявой больничной пижаме, сидел на койке, подобрав под себя ноги и с аппетитом жевал кусок черного хлеба, запивая его чем-то из горлышка чайника...

Вошедший врач замер у порога.

Неделю назад, в полдень, случайные прохожие подобрали этого парня с едва заметными признаками жизни... Прохожие спугнули трех мужчин, с тупой злобой избивавших молодого человека.

Впрочем, "спугнули" не то слово. Просто, увидев людей, эта тройка спокойно, с наглостью безнаказанности, прошла сквозь толпу... Двух из них опознали, а один из них настоял на составлении протокола и указании преступников.

Ими были негласные хозяева города — руководство гангстерской шайки.

Чернь имел неосторожность заступиться за девушку из "простых", которую "их высочества" короли ганга пытались втиснуть в машину — им пришла мысль поразвлечься...

Такого неуважения "короли" не могли снести...

Но, неожиданно, дело приобрело гласность.

Врач же удивлялся не случайно.

До сегодняшнего дня нянюшка кормила Черня из этого же чайника, с трудом просовывая его носик между бинтами в спекшиеся губы...

По всем канонам медицины Чернь был прикован к постели на добрый месяц, если вообще выкарабкается.

— Как ты себя чувствуешь? Что болит?— неожиданно писклявым голосом спросил врач.

— Проголодался я, вот и попробовал встать. Да нет, вроде не болит. Может, я пойду домой?

— Да... конечно... посмотрим,— совладав, наконец, с голосом, выдавил врач, пятясь к выходу из палаты.

В дежурном помещении он долго отупевшим взглядом всматривался в историю болезни: переломы рук, вывих челюсти, травма черепа, грудной клетки... "Не может быть!.. Должен пластом лежать!"

Дома Черня ожидала повестка в ШОП...

— Что же ты, дорогой,— встретил его Арькуш,— на людей бросаешься... избил прохожих... Будем оформлять, как злостное хулиганство.

— Так они же девушку обидели. Я только сказал: "Что вы делаете?", а они и набросились.

— Ты чего темнишь?— Арькуш посмотрел на него своим особым, "следовательским" взглядом и, тряся рыжей, подзавитой шевелюрой, вскочил во весь свой полутораметровый рост.— Ты знаешь, чем все это пахнет? Вот, подписка о невыезде! Дело-то уголовное!— Этот отработанный сотнями его предшественников прием обычно действовал безотказно...

Почему-то теперь он не сработал!

— Позвольте поинтересоваться,— исключительно вежливо и спокойно сказал Чернь.— Вег Ян все-таки выторговал у вас сто кредитов? Ах, да, вы хотите возместить их за мой счет... Так сказать, добрать до тысячи с меня... Нехорошо!.. И куда вам такая прорва денег? Ну, да! Машина у тебя... Ах, так вы знаете, что невеста шлюха... Да, да, главное машина, квартира, а потом их можно и побоку... Правильно, тестя припугнуть... Мило, очень мило... Да? Жулик он? Ну, конечно, зато богатый!

Арькуш остолбенело таращился на смеющегося парня и изо всех сил старался ни о чем не думать. Любая мысль, мелькнувшая в его голове, высказывалась Чернем.

— Так вот, дорогой Харькуш,— то ли забыв, то ли специально переврав фамилию следователя, продолжал Чернь,— сядь спокойненько в свое денежное кресло, возьми чистый листочек бумаги и пиши... Сначала свои данные, не забудь указать, что ты являешься Справедливейшим Следователем ШОП, Слугой народа. Дальше не забудь упомянуть, с кем из Справедливых делился прибылями и в какой пропорции... Пиши только за последний год — на остальное не хватит времени. Пиши! Что забудешь, напомню! Поставь дату и подпись... Теперь хорошо.

Чернь сложил листок и сунул в карман. Сняв мозговой контроль, он добавил:

— Бумага будет передана Нижайшему лично...

Вег Яна Арькуш отыскал сразу — король мафии занимал один из лучших домов в центре города. Дом назывался "экспериментальным" и строился, по данным прессы и телевидения, для Хозяев. Хозяева продолжали ютиться в конурах, а "экспериментировали" Вег Яны.

Из сбивчивого рассказа Вег Ян понял одно: нужно забрать у Черня бумагу, написанную Арькушем, средства могут быть любые. Справедливость дает ему карт-бланш.

На помощь Вег Яну Арькуш давал своего друга из ШОП, в гражданском.

Глядя на трясущегося Справедливого Стража Порядка, Вег Ян прикидывал, что можно извлечь из "бумаги", если оставить ее у себя.

Потолкавшись в очередях за продуктами, скорее по привычке, чем из чувства голода, которого он, кстати, и не ощущал, Чернь купил бутылку молока и пошел домой.

Когда он поднимался на свой седьмой этаж, пришлось протискиваться между перилами и группой парней, куривших на ступеньках.

На своей лестничной площадке, отпирая дверь, он обратил внимание, что трое парней поднялись за ним и молча наблюдают за его манипуляциями с ключами. Наконец, дверь открылась.

Парни, толкнув его в спину, вошли за ним.

— Чернь?— спросил толстячок среднего роста, расстегивая застежки на своей пластиковой куртке.

Чернь вопросительно посмотрел на них, на лужу молока, в которой толклись незванные гости.

— Не узнаешь, гад? Думал, капнешь в ШОН и застрахован? Давай бумагу Арькуш!

— Тогда мы тебя пожалеем,— поддержал второй, прижавшийся спиной к двери, так, что дверь потрескивала, "гость".

— Знаете, ребята,— растягивая слова, сказал Чернь,— шли бы вы... по-хорошему...

И прыгнул в комнату.

Троица, слегка замешкавшись в проходе, который был узковат для троих здоровяков, стремившихся войти одновременно, ввалились за ним.

У короля Вег Яна в руках оказался отличный пружинный нож, а толстенький коротышка поигрывал гирькой на цепочке. Третий мужчина, коротко стриженный, в дубленке, из-под которой выглядывали темно-синие брюки с малиновой вставкой по шву, спокойно стоял в дверном проеме, наблюдая за происходящим.

Вег Ян, несмотря на солидный вес, легко прыгнул вперед, нанося из-за спины удар ножом снизу вверх.

Несмотря на стремительность прыжка, Чернь успел сделать шаг в сторону, и нож застрял в стенке шкафа... Нападение было двойным — звякнув цепочкой, гирька описала дугу и опустилась на каракулевую с проседью венценосную голову.

Глухо хрюкнув, Вег Ян, приподняв увешанный брелками жирный зад, лег и затих.

Стриженный, взвизгнув, выскочил из комнаты... Толстяк, волоча гирьку, рванулся было за ним, но поскользнулся на осколке бутылки и плюхнулся в молочную лужу.

— Дружка забери,— крикнул вдогонку Чернь, подталкивая королевскую тушу к выходу. — Эй, блюститель порядка, войди, только спрячь свою пушку в карман, и помоги вынести этого вонючего козла...

Окончив с приемом гостей, он запер дверь и, убрав, принялся рассматривать трофей — нож.

Он давно мечтал о таком!

XIV

При всем своем желании, Дик не смог бы вспомнить хоть минутку, когда он был сыт.

Он не мог понять, почему становилось голоднее с каждым днем...

Где уж ему, не читающему газет, не слушающему радио и телевидения понять, что костлявая лапа голода протянулась ко всем пинающим ногами, бросающим камни, чешущим за ухом двуногим. Непонятным и таким разным...

Его одолевали отчаяние, безысходная тоска и такое острое ощущение голода, что Ливен, успевший изведать эти чувства, сразу решил — это то, что нужно!

Дику повезло. Какой-то разиня уронил мороженное... Пугливо оглядываясь, он торопливо слизывал с тротуара холодную жижу, довольно неприятно и резко пахнущую пряностями. Больше всего он боялся ног проходящих мимо людей, а легкое прозрачное облачко, окутавшее его, не вызывало опасений. Оно сразу исчезло, как бы запутавшись в лохматой шерсти.

Пара молодых, хорошо одетых людей прошли мимо лужицы, и... идти бы им дальше.

Так нет! Молодой человек остановился и, вернувшись назад, крепко "врезал" собаке, целясь под брюхо, носком своего модного башмака.

Дик даже не успел отпрыгнуть, настолько неожиданным был выпад... Девушка с улыбкой наблюдала за своим "бесстрашным рыцарем", и удивлению ее не было предела, когда "рыцарь" с визгом, в котором не было ничего от сапиенса, завертелся на одной ноге, пытаясь обхватить носок своего башмака, который был окончательно поврежден. Сквозь дыру выглянул рваный носок и грязные, окровавленные, начавшие синеть пальцы.

Дик, запоздало отпрыгнув, не понимал, что произошло, и почему кричит этот странный и, по-видимому, враждебно настроенный двуногий.

Вокруг, привлеченная воплями, стала собираться толпа. Как обычно — чужая беда привлекательна.

Дик решил — нужно удирать: слишком много ног.

Полная дама, обвешанная драгоценностями, в мехах не по сезону, причитающим голосом выводила:

— Самим есть нечего! Расплодили собак!— И, вдруг, изумленно вращая глазами, она согнулась, ткнулась лицом в тротуар и быстро, быстро начала вылизывать молочную лужицу, подкрашивая ее губной помадой.

Ливен осваивался с новой обстановкой. Сейчас он должен накормить Дика, да и сам он не прочь утолить голод...

Дик подошел к большому белому зданию. Это был дом Слуг Народа. Отсюда выходили высокоморальные, гуманные призывы и наставления. Слуги выполняли миссию "нести доброе, вечное" в массы.

Дика все же больше привлекал аромат, исходящий из окон нижних этажей.

"Может, тут они не такие злые",— подумал Ливен... и Дик подошел ближе.

У двух шикарных машин беседовали два водителя. Один из них что-то жевал. Дик учуял колбасу.

— Ты когда вернулся домой?

— Сразу после работы. Погода — дрянь, а мой старпер боится простуды. Сейчас поедем. У них в программе сауна, массаж и попойка с "подругами". Уже звонил Нижайший Слуга прокуратуры. Стол накрыт, "телок" пригласили...

— Ну и мой, видно, увяжется...

Жующий посмотрел на пса.

— Псина,— подозвал он и кинул кусок хлеба.

Дик подхватил на лету.

— Гляди, жрет! Ну, держи.— И он бросил недоеденную колбасу.

— Развелось собак, как начальства...— резюмировал второй, лениво посасывая сигарету.— Пошли в буфет, перехватим горяченького.

Дружелюбно повиливая хвостом, Дик пошел за ними.

— Гляди-ка, псина тоже хочет горяченького,— хохотнул первый, и они скрылись за стеклянной дверью.

Дик пнул дверь лапой и вошел следом.

В здании было прохладно, гудели кондиционеры, громыхали лифты. Дик шел за своими знакомыми...

Обоняние доносило настолько приятные ароматы, что по всему пути следования Дика на полу оставалась тоненькая темная дорожка — след слюны, стекавшей с его языка.

Ливен воспринимал мысли стоящих вдоль стен людей. "Может, сегодня не прогонят...". "О, секретарша! Накрасилась-то... юбка до колен не достает...". "А соседка вчера где-то масла урвала... Может, и мне повезет?"

Один из Слуг, рассекая толпу, продвигался по проходу. Тут он был всевластен.

"Сползлись,— неслышно текли его мысли,— нужно будет сказать Стражам Порядка, пусть гонят этот сброд в шею!"

Толпящиеся у стен, как бы предвидя грядущее изгнание, старались казаться незаметнее, втиснуться в стену.

Слуга вспомнил, как, совсем еще недавно, он мог безнаказанно бить и топтать этих... Но за последний месяц что-то изменилось там, наверху... Может, Нижайший решил позаигрывать с Хозяевами, или... Слуга испуганно оглянулся. Мелькнувшая мысль леденила кровь: "А вдруг Нижайший испугался народа?!" И ему, Слуге, придется сдерживать себя, ограничивать всевластие.

"Нет! Вы у меня еще попляшете!" — зло блеснув глазами, подумал Слуга и, неожиданно, раскинув руки, пустился в пляс. Собравшиеся, окаменев, смотрели на это необычное представление...

Последовавшая суматоха помогла Дику спокойно пообедать и он, потеряв всякий интерес к Дому Слуг, вышел из здания.

Результаты были неутешительны.

Валем даже мрачно пошутил:

— Проще всего было бы,— сказал он, обнимая Пэт и Ливена,— оставить вместо Нижайшего Дика и Пелу. Они намного человечнее...

Дик и Пела подняли головы, услышав свои имена. Они уютно устроились у ног детей, и не выказывали желания брать бразды правления в свои руки.

— Валем,— Пэт была возбуждена,— пусть,— она прикоснулась к собакам,— они сохранят неуязвимость... Ведь среди этих двуногих зверей не проживешь!

— Одним нарушением больше...— Валем махнул рукой.— Вопрос не в этом. Не могу же я вечно торчать тут! Да и не хочу!— добавил он уже спокойно.

— А если Чернь...— вмешалась Росита.

— Боюсь, окажу ему сомнительную услугу. И неуязвимость им,— он кивнул на собак,— я не могу оставить... хотя... был же Ясир! Посмотрим, что скажет Виккерс...

Виккерс не возражал...

"Дары", оставленные аборигенами Севра, были нарушением Устава, и не единственным, а нарастающим со временем в геометрической прогрессии.

Обучение не пропало зря. Никому не сообщая, дети изменили гены животных, сделав неуязвимость и способность к телепатии наследственными и передающимися, по желанию, другим особям.

Все было предельно просто: детям было не до Этических проблем — они любили животных... Наследственной стала и любовь окружающих человека животных к людям, не несущим зла!

Так был создан прецедент в Космическом Содружестве, где Севр мог стать единственной системой, в которой основным экологическим фактором становилась общность всей биосферы планеты...

Что ж, им это можно было простить: их подписи не стояли под Соглашением о соблюдении Устава Космического Патруля... А знания, переданные Виккерсом?

В Штабе Патруля знали: если проблема не решается в рамках Устава, нужно посылать Разведчиков, типа Виккерса, для которых высшим Уставом является Справедливость!

Об этом никогда никто не говорил, но знали об этом все.

А Патруль все время пополнял свои ряды за счет таких, навербованных Свободными Разведчиками аборигенов, которые не нанимались на работу, не заключали контрактов, а работали.

Работали с полной отдачей...

Часть 2

Элита Фара

I

Призыв, полученный Виккерсом, был, скорее всего, сродни воплю о помощи, и, оставив Валема на попечение Роситы, он поспешил на выручку Харему.

Сначала обстановка благоприятствовала Харему. Он благополучно достиг материка Эгин и неплохо вписался в окружающую среду: рваный плащ, смуглая кожа, знание языка и местных жаргонов, наличие денег — все давало положительный эффект.

Свой путь по Эгину Харем начал в зоне умеренного климата, постепенно переходя в более холодную зону.

Местность, по которой он проходил, являла собой что-то вроде прерии: низкая трава, растущие местами приземистые деревья и полное отсутствие приличного укрытия...

Наконец, Харем, не встретив никого на равнине, вышел к небольшому поселению, состоявшему из десятка низеньких домишек, слепленных из глины, смешанной с навозом домашних животных.

Прежде чем предстать перед местными жителями, Харем решил откорректировать свою экипировку, поэтому, после некоторого размышления, он решил воспользоваться психоконтактом.

Укрывшись за глинобитной стеной, он расположился в густом бурьяне, выжидая.

Заскрипела дверь, и во двор вышла женщина. Она была среднего роста, смуглая... На спину спадала тяжелая, черная коса, перетянутая цветными лентами, с подвешенными к ним пестрыми украшениями. Ее лицо, со слегка раскосыми глазами и выступающими скулами, тяжеловатым подбородком и чувственными губами, было покрыто слоем румян, брови были подведены черным гримом... Ее платье было самого простого покроя, напоминающее узкий мешок с тремя вырезами — для головы и для рук...

Харем осторожно прощупал ее мозг. Сначала шел какой-то сплошной фон, но вскоре он исчез, и Харему удалось взять ее под контроль.

Он заставил ее принести старую мужскую одежду и средства оплаты — деньги.

Потом она унесла все обратно, а новоявленный "местный житель" выполз из зарослей, стряхнул мусор, птичий помет, приставшие к одежде, и двинулся по дороге, проходящей через поселок.

В конце поселка стоял небольшой домишка, такой же, как остальные, только большая часть забора была обрушена...

Харем переступил остатки ограды и вышел на пустынный двор.

Поскольку никто не вышел ему навстречу, он толкнул дверь и, пригнув голову, шагнул в темный проем.

— Счастье входит в дом с гостем!— прозвучал тихий старческий голос.— Входи, путник, и пусть этот дом станет твоим...

— Делю с тобой удачу,— ответил Харем на ритуальное приветствие, пытаясь разглядеть в темноте говорившего.

Глаза его постепенно привыкли к сумраку помещения, свет в котором падал из щелей в двери, которые он, в данный момент прикрывал спиной, и из двух отверстий под потолком.

В углу хибарки что-то шевельнулось.

Это "что-то" Харем принял вначале за кучу лохмотьев и только теперь определил, что это хозяин... или хозяйка... А может, вообще, такой же гость....

Харем сел на какую-то шкуру, лежавшую на полу у открытого очага.

От углей, покрытых пеплом, исходило тепло — очагом недавно пользовались.

К очагу подошел сгорбленный человек, голова и лицо которого были покрыты белыми, отливающими серебряной паутиной волосами. Протянулась тоненькая рука и откуда-то из темноты достала круглую, как половинка шара, чашку, а затем черный от копоти чайник...

Сухая лепешка и кусок твердого, как камень, сыра дополнили сервировку "стола".

Харем наполнил чашку удивительно ароматным напитком, отхлебнул, заедая отломленным кусочком лепешки, которую, согласно ритуалу, протянул хозяину вместе с чашкой. Хозяин повторил его действия. Настало время дозволенной беседы.

— Идешь навстречу зиме?— спросил хозяин.— Твои одежды легки, и ты безоружен. Степи полны голодных конгов, а Слуги Храма Фара страшнее зверей... Зверь убивает, чтобы выжить... Жрецы, убив, оставляют жить. Сын забывает отца, мать — сына... Человек подчиняется только Жрецам! Бойся их, вежливый путник!

— Кто они?— оживился Харем.— Откуда?

— Верховный Жрец находится в Храме Фара. Туда два дня пути тебе и три мне... Я стар, и путь мой — до первого конга... А мне нужно пройти

далеко в зиму... Не погнушайся, возьми с собой старика — тебе же веселее, а то, глядишь, и я пригожусь...

Старик умолк, Харем тоже задумался. Конечно, вдвоем было бы спокойнее, но старик замедлит передвижение.

— Я спешу, старик, и, кроме того, мне не нужно в Храм Фара, а ты, как я понял, не прочь держаться от него подальше. Жаль, что нет ездовых животных, а еще лучше — машина...— мечтательно протянул Харем.

— Тащить меня не будешь,— настаивал старик,— а ходок я не плохой... За день до Храма я сверну в долину, ты же продолжишь путь, хотя понять не могу, зачем тебе гибнуть? Молодой... Не жрец, да и на Слугу не похож?

— Ладно, когда выходим?— спросил Харем, в душе довольный тем, что дал себя уговорить.

Хозяин предложил выйти на следующий день ранним утром: так они смогут засветло добраться до следующего поселения, не рискуя встретить конгов, которые охотились преимущественно ночью.

Сейчас им не оставалось ничего другого, как постараться хорошо отдохнуть. Кое-как устроившись на жестких подстилках, Харем уснул, включив охранное поле в ждущий режим: любая попытка войти с ним в непосредственный контакт отбросит приблизившегося включившимся полем. Он какое-то время слышал кряхтенье укладывающегося хозяина и, наконец, уснул.

Несмотря на свою неприхотливость, Харем спал плохо: было холодно и жестко, кроме того, включилось защитное поле, когда какой-то мелкий грызун решил полакомится из походной сумки Харема его запасами.

Проснулся он задолго до рассвета, почувствовав тепло, исходящее от очага: хозяин готовил завтрак, насколько приготовленное им имело право называться завтраком.

— Я — Фарлен, путник,— произнес хозяин.— Как обращаться к тебе?— Он сделал что-то, напоминающее реверанс клоуна на цирковой арене.

— Харем,— коротко бросил Разведчик, пытаясь в неверном свете костра разглядеть своего будущего спутника.

Мерцающие отблески пламени сделали представшую ему фигуру еще более гротескной и невероятной.

Харем "деликатно" попробовал прослушать Фарлена, но, к своему удивлению, наткнулся на прочный блок... Хозяин оказался не таким уж простачком! Для Харлема это было предупреждением держаться начеку.

Из своего мешка Харлем достал добавку к завтраку, внеся, таким образом, свою лепту в приготовление еды. Поели они в полной тишине. И только когда они допили горячую, тонизирующую жидкость, предложенную хозяином, тот заговорил снова:

— Выступаем. Скоро рассвет, а у нас впереди день нелегкого перехода.

И он был прав. Если когда-то между поселениями существовала связь, то, скорее всего, она оборвалась много лет назад... Сейчас даже

не было тропинок — пришлось идти, волоча ноги в цепляющейся, жесткой траве, следя, чтобы нога не провалилась в скрытую травой нору или щель в почве... Процесс ходьбы отнимал все силы и внимание, которые нужны были еще на осмотр местности — слуги Фара могли быть всюду.

У Харема была еще одна забота: он пытался рассмотреть Фарлена... Но весь его риск сломать ноги, отвлекаясь от дороги, был неоправдан: лохмотья и густая грива седых волос полностью скрывали попутчика. Он переключил внимание на осмотр дороги, но одновременно решал проблему: как быть в случае опасности... накрыть полем обоих или спасаться самому.

Харем безумно устал и замерз, когда Фарлан, все время молчавший, произнес:

— Привал,— и почти упал в неглубокую впадину, похожую на заплывшую землей траншею: тут можно было полулежа укрыться от продирающего до костей ветра.

Харем свалился рядом.

— Разожжем костер?— спросил он.— Пока дует ветер — дым не сможет нас выдать.

Фарлен молча потянулся за ближайшими пучками сухой травы.

Набрав несколько охапок сухой травы, обломав сухие ветки на редких кустиках, путники общими усилиями разложили небольшой костер.

Запасливый Фарлен достал из своих необъятных лохмотьев чайник, сухие лепешки и неизменный сухой сыр. Харем, немного подумав и взвесив остаток сил, достал тюбик Е-рациона.

— Что это?— спросил Фарлен, вертя тюбик в руках.

— Концентрат пищи,— стараясь говорить как можно безразличней ответил Харлем.— Набить животы этим нельзя, но день-другой не будем ощущать голода.

Фарлен фыркнул, ничего не сказав, но вернул Харему только половину тюбика...

После непродолжительного отдыха они снова тронулись в путь. А когда вдали показались низенькие строения пограничного поселка, Харем облегченно вздохнул, расслабляясь. Как оказалось, зря!

Из-за глинобитных строений показались черные точки, в которых, по мере их приближения, путники смогли распознать всадников, скачущих на распластавшихся над травой конях. Их одежда в лучах заходящего солнца блестела, как чешуя какого-то сказочного земноводного.

— Жрецы Фара,— спокойно констатировал Фарлен.— Теперь, Харем, держись!— Он, порывшись в лохмотьях, что-то достал, напоминающее корягу, и стал ждать.

Харем повернул кольцо на среднем пальце правой руки и присоединился к Фарлену.

Когда уже можно было разглядеть лица приближающихся всадников, они исчезли... Харем изумленно вглядывался в пустошь перед собой, где только что, подобно птицам на бреющем полете, неслись к ним рабство или смерть... Никого!

Только вглядевшись повнимательнее, Харлем заметил, что трава в некоторых местах как бы ложится, но не по ветру, а против.

Нападающие спешились, уложив коней и медленно окружали путников.

— Странно,— Фарлен напряженно всматривался в окрестности,— обычно они нападают сразу...

Несколько выстрелов было ему ответом.

— Они не желают брать живьем! Это на них не похоже... Кого же они испугались? Тебя или меня?

Вопрос повис в воздухе, поскольку им пришлось лечь на землю — вокруг свистели пули.

Харем прижался к спутнику и, изредка приподнимая голову, пытался осмотреться, когда рявкнула базука. Прямо у их голов взрыл землю небольшой снаряд... Поле отразило удар, но в ушах порядочно звенело...

Взрыв решил проблемы Харема о выборе способа защиты. Лучшим способом оказалось нападение.

Он поднялся во весь рост и осмотрел поле боя. Потом выбросил руку в сторону колеблющейся травы и сжал кулак. Взметнулся плащ жреца и опал кучей синего тряпья, хорошо видной из-за срезанной травы.

Поскольку поле было средством защиты, а не нападения, то в момент атаки изнутри оно отключилось. Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы Харема захлестнуло несколько ременных петель. Он упал, делая отчаянные попытки освободиться. К ним, уже не скрываясь, бежало несколько жрецов.

Фарлен откатился в сторону и поднял свою "корягу". В нападающих ударил луч бластера. От неожиданности Харем оцепенел. Космическое оружие у жалкого нищего! Он сбросил с себя обрывки ремней и приподнялся. Теперь вся степь наполнилась синевой и металлическими отблесками плащей атакующих жрецов. Фонтаны взрывов окружили Харема и старика плотным кольцом. Защищаться можно было только полем, нападать было безрассудно.

— Харем,— Фарлен прижался к нему,— будем уходить!

Грохот взрывов смолк — они стояли, тесно прижавшись друг к другу на пустынной ранине. Вдали виднелись домишки поселка, вокруг была изрытая воронками полузасыпанная ветром песчаная земля... И никаких жрецов!

— Что это?— Харем удивленно вертел головой.

— Пришлось уйти в послезавтра, то есть, в сегодня из позавчера,— засмеялся Фарлен.

Голос его прозвучал по-молодому задорно, а его жалкая, сгорбленная фигура на миг выпрямилась, и Харем с удивлением отметил, что ростом старик почти вровень с ним... Но вот перед ним снова куча лохмотьев и седых волос, из которой прорывается хриплый старческий смешок.

— Слушай, Фарлен,— решительно начал Харем,— ты что, морочишь мне голову? Кто ты?

— Нищий странник!— Фарлен продолжал хихикать.

— Пусть так, тогда тут мы должны разойтись, так и не познакомившись...— и, помолчав, добавил:— А жаль! Ты был отменным спутником, хотя и слишком молчаливым...

— Зато не мешал тебе д у м а т ь!— с каким-то ехидством сказал Фарлен, упирая на слово "думать".

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказал... или... ты можешь знать невысказанное?

— Из уважения к твоей седой шерсти, считай, что я съездил тебе по шее... мысленно,— фыркнул Харем.

— Это всегда успеется,— миролюбиво сказал Фарлен.— Сейчас нам лучше обойти поселок, а там уж... каждый своей дорогой... И не злись на старика. Я сам иногда с трудом вспоминаю, кто я и откуда...

Харем поднял мешок.

— Ладно, пошли.— Они начали осторожно обходить поселок.

Плато за поселком кончалось, переходя в холмистую местность. Холмы были покрыты лесами, а на горизонте горы упирались в небо остроконечными снежными шапками. Только одна гора казалась черным провалом на фоне голубого неба.

— Храм Фара,— кивнул спутник Харема на черную гору.

II

Несмотря на внешнее спокойствие, особа Фарлена все больше и больше беспокоила Харема, и он апеллировал к Виккерсу.

Но даже Виккерс не смог, перебирая известное ему, найти аналогий, хотя сталкивался с самыми различными цивилизациями.

Космос всегда подбрасывал загадки, многие из которых были пока неразрешимы... Пока... На это рассчитывала вся цивилизация Дружественных Галактик.

Старинные предания и легенды, передававшиеся из уст в уста, упоминали о пришельцах, следы которых позже обнаруживались в разных галактиках.

Патруль, взяв за основу данные из этих легенд, часто обнаруживал следы пришельцев.

Называли их Паломниками Вселенной. Самих Паломников никто не встречал, но предполагалось, что они овладели темпоральными полями, как современники Виккерса — пространством...

Если Фарлен был Паломником, то все проблемы отходили на задний план: требовалось войти с ним в более тесный контакт. План Харема ломался, разве что удастся заинтересовать Фарлена Храмом Фара...

— В какой-то мере,— вдруг сказал Фарлем и снова захихикал.

— Что... "мере"?— оторопел Харем.

— Я говорю, Храм Фара интересует меня не настолько, чтобы лезть в него сломя голову. Нужна подготовка... А что у нас?— Фарлен перестал смеяться.— Что же касается контакта, то мы, кажется, даже подружились, спасая друг друга...

Харем, а через него и Виккерс с недоумением вслушивались в его хриплый голос, пытаясь и боясь собраться с мыслями. Харем был в полной растерянности...

Оборвав свое бурчание на полуслове, Фарлен высвободил из-под лохмотьев свой бластер-корягу и настороженно стал изучать ближайшую группу деревьев. Там кто-то стоял, прислонясь к дереву.

Харем тоже приготовился к бою. Незнакомец протянул вперед руки вверх ладонями и медленно пошел к ним. Когда он вышел из тени деревьев, Харем узнал Виккерса и толкнул в сторону ствол бластера своего спутника.

— Ты что?— удивился тот.

— Это друг.— Харем стоял перед стариком, заслоняя приближавшегося.

— Чувствую, у нас создается неплохое трио...— снова оживился Фарлен. Его бластер снова исчез в лохмотьях.— Плохо, что вы оба одеты не по здешней моде...

— Ну, это легко исправить,— поддержал разговор подошедший Виккерс.— Одолжи, дружище, на минутку свой наряд, и мы все будем щеголять такими же.

Фарлен попятился, а Харем, не давая ему опомниться, обхватил его, прижав к себе.

— Так ты еще и нахал!— Фарлен с неожиданной силой разжал захват Харема и отвел его руки.— Возьмите мой плащ — его вполне хватит для соблюдения местного этикета.

Виккерс сдублировал плащи, и они общими силами вываляли их в пыли.

Трое аборигенов, ведомые трясущимися, едва переставляющим ноги старцем, медленно шли сквозь заросли к отсвечивающей последними лучами заходящего солнца далекой реке и исчезли под сенью начавшегося леса.

Несмотря на медлительность, Фарлен уверенно продвигался вперед, и через некоторое время путники стояли на крутом, обрывистом берегу реки. Почти неприметной извилистой тропой, которую отыскал по только ему известным приметам Фарлен, путники спустились к реке.

Всю дорогу они молчали. Харем наслаждался возможностью расслабиться, решив, что Виккерс лучше справится с неожиданностями...

Виккерс тоже был занят своими мыслями. Он пытался понять, с кем свела их судьба, кто такой Фарлен. Единственный выход, к которому он смог прийти, был необычным: Фарлен был таким же пришельцем, как и они... Об этом говорило многое: телепатия, оружие и, что было самым главным — способность перемещаться во времени.

— Теперь можно отдохнуть,— прервал их мысли Фарлен.— Тут имеется уютная норка, в которой нас не станут тревожить незванные гости.

Он раздвинул кусты и указал на узкую щель в скале, после чего, распластавшись в траве, ужом вполз в отверстие. Друзьям ничего не оставалось, как только повторить его маневр.

Они продолжали ползти в темноте, когда над их головами раздался голос Фарлена:

— Можете встать,— и в такт со словами вспыхнул яркий свет.

Они стояли в просторном помещении, посреди которого находился стол, окруженный мягкими креслами, несколько диванов, стационарный дубликатор, пульт гиперсвязи... Из команты вело несколько дверей.

— Располагайтесь. Осмотритесь. А я смою немного грязи с себя — это сейчас предел моих мечтаний...— И Фарлен вышел через одну из дверей.

— Вот как нужно устраиваться,— сказал с некоторой долей зависти и иронии Виккерс.— Мы же большей частью пренебрегаем удобствами... Странного хозяина послал нам Господин Великий Космос! И что это он вдруг разоткровенничался? Выдал свое убежище?..— Он подошел к стене, дотронулся до нее и заключил:— Перестроенный металл. Выдержит вспышку сверхновой! Хороший домик...

Харем, блаженствуя в кресле, тыкал пальцем в кнопки дубликатора, пытаясь получить что-нибудь съестное, но безуспешно. Наконец, махнув рукой, он задумчиво сказал:

— Отличный старикашка! Думаю, он не преподнесет нам неприятных сюрпризов...

Тут раздался хриплый голос Фарлена:

— Не желаете привести себя в порядок?— И дальше смех. Повод для смеха у него был — Харем стоял с отвисшей челюстью, его глаза, что называется, стали "квадратными". Виккерс выглядел не лучше...

Фея из древних преданий, задорно подперев осиную талию, смотрела на них искрящимися от смеха глазами.

Постепенно ее старческий, хриплый смех перешел в ласковый перезвон серебряных колокольчиков. Пышные, золотистые волосы струились по ее плечам: туника из какого-то серебристого материала, казавшегося воздушным, извивалась по ее фигуре, не скрывая, а подчеркивая формы ее тела.

Даже Виккерс, немало повидавший на своем веку, не мог оторвать восхищенного взгляда, а о Хареме нечего было и говорить...

Фарлен явно наслаждалась произведенным эффектом.

— Можно подумать, что у вас отнялись языки... Можете хвалить мысленно — я услышу... И... мне разрешили присоединиться к вашей группе, если, конечно,— она снова засмеялась,— вы не откажетесь от общества старикашки!

Когда разведчики привели себя в состояние, приемлемое для контакта с чудом, явившимся в облике Фарлен, Виккерс церемонно поклонился, представляясь:

— Виккерс, Разведчик Патруля. А этот юноша, уже знакомый вам, мой друг, воспитанник и тоже Разведчик...— Пожимая протянутую ему руку, он добавил:— С кем имею честь?

— Что я Фарлен, вы уже знаете...— Она как бы подыскивала слова.— Я отношусь к... Космическому Патрулю,— она снова улыбнулась при виде реакции, вызванной ее словами,— но только в службе Времени. Я ждала его.— Она кивнула в сторону Харема.— Штаб дал добро на контакт с вами. И... поскольку я лет на двести независимового времени моложе вас, то поступаю в распоряжение Верховного Командующего Патруля Виккерса...

— Послушай, дитя, ты начинаешь службу с мелкого подхалимства?! Я — Разведчик, простой Свободный Разведчик... И руковожу Свободной Группой, а ты — "Верховный"... "штаб"...

— Все бывает,— сделав неопределенный жест рукой, сказала Фарлен и уже деловым тоном добавила:— У меня сообщение: в восьмом веке Космической Эры, Эгина несколько раз уходила в темпоральный кокон. Мы должны выяснить, что и как происходило... Все данные на кристалле. Можете воспользоваться аппаратурой или моим мозгом. И еще... Периодически на территории Фара телепатическая связь прерывается. Похоже на мощные гипноизлучатели. Не исключено, что энергетическое оружие и силовые поля тоже могут быть нейтрализованы...

— Ничего,— Харем, наконец, обрел дар речи,— поживем, как в каменном веке. Хотя эта квартира не похожа на пещеру, а ты на саблезубого тигра.

Виккерс, призвав на помощь все свои технические знания, пытался понять, где же они очутились — в космическом корабле, в темпоральной капсуле, или просто в скальном укрытии... О назначении некоторой аппаратуры он мог только догадываться, но, когда поднявшись на несколько этажей в гравилете, он оказался в помещении, заполненном аппаратурой, обзорными экранами и приводом боевых аннигиляторов — двух мнений уже не могло быть — их убежищем стал мощнейший из виденных им, пилотом высшей категории, космический крейсер.

Виккерсу пришла мысль, что боевой мощи корабля хватило бы на уничтожение этой планеты, причем запас энергии не претерпел бы особенных изменений...

— И ты единственный член экипажа?— недоверчиво спросил он у Фарлен.

— Ну, если возникает необходимость... Любой специалист Патруля может быть тут тотчас, но реинджеры всегда отличные пилоты...— у Фарлен прозвучало это без малейшего намека на рисовку или желание поддеть собеседника.

Харем все же не сдержался и съязвил:

— Дедуля, гибель от скромности тебе не грозит.— Ткнув кулаком в переборку, он спросил:— Если телепортация... то на кой черт тянуть сюда эту махину, да еще впихивать в скалу?

Фарлен, как бы продолжая разговор с Виккерсом, сказала:

— ... потому что это не просто корабль. Все достижения нашей техники собраны в этой коробке.— Она окинула взглядом стены, корабля.— Сотни зондов — роботов и биороботов, замаскированных под местных жителей, поставляют миллиарды бит информации ежесекундно. Кроме того, мы можем в любую минуту призвать их на помощь... Если, конечно, окажемся в экстремальной ситуации.— Она коснулась стены и, повинуясь ее движению, часть металла скользнула вверх, открывая небольшую прямоугольную нишу — что-то вроде потайного сейфа.— Возьмите это,— она протянула Виккерсу и Харему небольшие черные квардатики,— и укрепите их на поясах. Если потребуется помощь, достаточно плотно прижать к нему любую часть тела — ваши биотоки вызовут любого робота, находящегося поблизости... И еще: если к датчику прикоснется чужой — его уничтожат... Имейте это в виду. Как видите, вооружены мы неплохо, но чем могут ответить жрецы... А полную картину нам даст гипноизлучатель. Отдыхайте! И... на этом моя миссия хозяйки заканчивается. Теперь командуете вы.— Она взяла Виккерса за руку и слегка пожала ее.

Через реку пришлось переправляться, приняв все меры предосторожности — река была невероятно "грязной". Где-то выше по течению на нее сбрасывали большое количество радиоактивных отходов.

Даже почти нечувствительные к радиации Разведчики не решились вступить в контакт с "теплой водичкой", как окрестил ее Харем.

— Местные жители называют ее Рекой Забвения, а впадает она в подземное озеро.— Виккерс хмыкнул.— Одно название чего стоит...

Опасения были не напрасными, хотя опасность зашла несколько с другой стороны.

Когда плот, сколоченный Разведчиками, отошел от берега, и мужчины, пользуясь шестами, старались придать ему нужное направление, толстая ветвь, которой пользовался Виккерс, сломалась. Он с трудом удержался на плоту, а когда поднял шест, то одного взгляда было достаточно, чтобы понять: шест перекушен. Хозяин мощных челюстей, в погоне за более вкусным продолжением, высунул из воды голову — порождение какого-то кошмарного сна. Вся она была покрыта крупными, с ладонь мужчины, роговыми наростами: мощные челюсти, снабженные не менее мощными острыми зубами, занимали большую часть головы: небольшие глаза, с ороговевшими веками, злобно взирали на мир...

Монстр сделал рывок из воды и вцепился в плот своими перепончатыми лапами с когтями-якорями. Одновременно из воды, как абордажные канаты, выплеснулись щупальцы и начали сметать все находящееся на плоту в сторону открытой пасти. Плот сильно накренился под весом

"гостя", что облегчило ему задачу. Виккерс с размаху опустил обломок шеста на нос лакомки, а Фарлен и Харем одновременно дали импульс из бластера в оскаленную пасть.

Чудовище фыркнуло и от неожиданности шлепнулось в воду. Залп бластеров, по-видимому, не причинил пришельцу особого вреда.

— Мутанты,— то ли утверждая, то ли спрашивая сказал Виккерс. Он подошел к краю плота, где только что был монстр, и внимательно осмотрел его. Потом молча взял у Харема бластер и направил его луч на влажный край бревенчатого настила. Ударил луч, но... это был только луч света... Спутники с интересом следили за его манипуляциями.

— Все,— сказал Виккерс,— бластеры могут служить для освещения.

— Или вместо дубинок,— засмеялась Фарлен.

Харем хмуро добавил:

— Вспышки могли засечь на берегу... Нужно готовиться к встрече.

Против всяких ожиданий, высадка прошла спокойно, и они беспрепятственно двинулись в сторону гор.

Вдали, на фоне темнеющего вечернего неба, поднимался светящийся купол. Поднявшийся на холм Харем крикнул:

— Город! Большой город!

Остальные присоединились к нему и какое-то время любовались неистовством красок и огней ночного города.

— Странно только то, что мы подошли вплотную без помех...— заметила Фарлен, а Виккерс ей возразил:

— Мы зашли со стороны реки. Ее, видно, считают непреодолимой преградой, а, скорее всего, нам просто повезло.

Фарлен улыбнулась:

— Всякое везение — результат хорошей подготовки,— сказала она менторским тоном и уже просто добавила:— Я взяла под контроль всех ближайших тварей. И они меня поняли...

Виккерсу оставалось только пожалеть, что подобная мысль не пришла в голову ему...

Город, казавшийся таким близким ночью, требовал дневного перехода. Спустившись с холма, путники попали в дремучие заросли, состоящие из молодых деревьев, увитых лианами, папортников, вымахавших выше человеческого роста; орхидей, запах которых был настолько силен, что действовал как наркотик...

Разведчикам пришлось собрать всю силу воли, чтобы противостоять сонной одури, навеваемой цветами. Иногда попадались и старые деревья, но все они были мертвы — могучие ветви обгорели, стволы были расщеплены, местами до корней... Как-будто чудовищный грозовой разряд пронесся над лесными великанами, сжигая и ломая все на пути, а они, жертвуя собой, прикрыли землю, спасая семена, ставшие теперь молодой порослью.

— Судя по молодняку,— сказала Фарлен,— лет двадцать назад тут было весело. Растительность, похоже, тоже мутировала...

— Ядерный удар?— Виккерс как бы беседовал сам с собой.— Как же мы проморгали? Сейчас здесь зона действия счетчиков — потому и бластеры отказали... Какие еще сюрпризы?

Харем указал на скалы, обросшие лишайником и увитые лианами:

— Развалины...

Действительно, при ближайшем рассмотрении скалы оказались остатками стен, колонн, портиков. Ступени широкой, теперь скрытой травой и дерном лестницы, вели на открытую террасу. На ней, в широком кресле белого мрамора, сидела, задумчиво подперев голову рукой, покоящийся на подлокотнике кресла, статуя мужчины. В отличие от кресла, статуя была изготовлена из зеленого и розового мрамора. Одежда — зелень, тело розовое. Сочетание создавало поразительную иллюзию: казалось, что сидящий сейчас стряхнет свою вековую задумчивость, смахнет с колен сгнившие листья и шагнет, давя сучья, прямо к путешественникам, раскрыв руки в приветствии.

Виккерс поднялся по ступеням к скульптуре, поднял несколько обломков ветвей и, выбрав наиболее прочный из них, стал счищать мусор с колен сидящего. Из-под слоя прелых листьев, земли и травы показалась книга, лежащая на коленях статуи. В ней была одна страница из белого материала, напоминающего пилликон, которая крепилась на таком же шарнире. Обложка была частью мраморной глыбы.

— Линкос,— сказал Виккерс, глядя на текст, врезанный в пластик.— "... вырождается в фашизм!"— Он повернул страницу на шарнире.— "Любая фанатическая вера, пусть даже в самую светлую идею..."— прочел он начало фразы.— Странный памятник!

— А что такое "фашизм"?

— Власть кучки маньяков, сумевших одурачить народные массы, нетерпимость ко всему, что противоречит "идее".— Фарлен на мгновение умолкла.— Жажда уничтожения всего, не укладывающегося в рамки этой идеи. Наши наблюдатели собрали обширную информацию по этой теме, и был создан специальный отдел, где нас знакомили с источниками этой страшной болезни человечества.

Харем добавил:

— Я знаю эту болезнь, теперь запомню и название!

Разведчики преодолели последний овраг и, наконец, выбрались на открытую местность. Вдали виднелись первые постройки города. Никто их не отстанавливал, никому они не были интересны — одетые в жалкие лохмотья бродяги...

Домишки на окраине были дрянными по всем статьям... Низенькие, приземистые, с маленькими и узкими окнами-щелями, они скорее походили на ящики для перевозки крупногабаритных грузов. Строения

были разгорожены заборчиками из металла или неоструганных досок. На крохотных земельных участках ковыряли землю аборигены.

Фарлен поморщилась и попыталась войти в мысленный контакт со спутниками. Поскольку ничего не получилось, она вполголоса произнесла:

— Ну и вонища!

"Благоухание" распространяла канава, по которой текли нечистоты — своего рода канализация.

Разведчики решили подыскать пристанище: нужно было отдохнуть и осмотреться.

— Может, найдем что-нибудь менее ароматное?— с надеждой предложил Харем.

Никто не возражал, несмотря на усталость. Группа углубилась в узкие, грязные улочки.

Дома постепенно становились выше и опрятнее, разрывы между домами стали уменьшаться, пока они не выстроились стена к стене, сплошными колодцами-ущельями, с арочными проходами. Эти улицы — ущелья пересекались между собой под самыми разными углами.

Около двери одного из домов пожилая женщина возилась с ключами, пытаясь открыть дверь, но ей не совсем удавалось — руки были заняты какими-то свертками...

К ней и обратился Виккерс:

— Уважаемая,— голос звучал странно даже для него самого: впервые после гипно-урока он говорил на языке аборигенов,— разрешите помочь вам.— Он подхватил вывалившийся пакет и протянул руку за вторым, явно мешавшим женщине.— Мы приехали на несколько дней в ваш город,— продолжал он,— и были бы очень благодарны за совет, где можно остановиться...

Женщина пыталась выхватить пакеты из рук Виккерса, но, успокоенная его тоном, наконец, открыла дверь, после чего все же поспешила забрать свое имущество.

— Сколько вас?— спросила она, уже благожелательно глядя на Разведчиков.

— Я, дочь и они,— сказал Виккерс, викнув в сторону Харема и Фарлен, стоявших рядом.

— Кто вы?

— Мы хорошо заплатим,— добавил Виккерс, как бы не расслышав вопроса,— по сто мил в день с человека,— но, увидев изумление, отразившееся на лице женщины, поспешил добавить:— С питанием...

Женщина задумалась. Видно было, что она прикидывала возможности не упустить выгодную сделку, дающую ей сумму, превышающую получку за месяцы каторжного труда и ее возможности.

— На сколько дней?— поинтересовалась она.— От пяти до десяти. Деньги даем вперед.— И Виккерс достал из-под своих лохмотьев несколько монет, при виде которых у женщины исчезли остатки колебаний.

— Я поживу это время у соседки, а вам отдам свою комнату. Только скажите, что вы мои родственники из Такна. Иначе будет скандал, соседи заявят, что у меня появились нетрудовые доходы.— И, уже с явной гордостью, добавила:— Вам повезло, у нас всего четыре семьи на кухне!

Ее гордость была понятной: большинство имело по восемь, а кое-где и по шестнадцать хозяев-работяг на одну кухню.

Виккерс тоже мог гордиться знанием психологии аборигенов... Только одна мысль омрачала его триумф. Он подумал: "До чего же прочна в людях жадность!"

Несмотря на нищенскую обстановку и тесноту, группа осталась довольна житьем.

Виккерс пытался разобраться, почему бессильна телепатия, Харем экспериментировал с отказавшим трансгрессором, Фарлен занялась одеждой...

Она приобрела более приличную экипировку для себя и своих друзей, но решила не использовать ее полностью, пока не подыщется более подходящее пристанище. Если в рабочих кварталах появится одетый со вкусом прохожий — это бросит тень подозрения на весь квартал... Свой рваный плащ она отложила, и сейчас вид ее вполне соответствовал рабочему средней категории.

Виккерс и Харем выходили из дому в своих накидках, а позже, по ходу событий, снимали их, укладывая в сумки.

Больше всего Виккерса беспокоило отсутствие оружия, если не считать музейного пистолета. Поскольку Разведчики владели всеми видами оружия, проблема сводилась к приобретению оружия аборигенов.

Ранним утром — солнце только высветило верхушки гор — Виккерс почувствовал, что блокада мозга исчезла. И тут в его мозгу начал звучать хвалебный гимн в честь Фара и его наместников на Эгине. Виккерс попытался вступить в контакт со своими спутниками, что ему удалось. В их мыслях царили недоумение и некоторая растерянность

"Ничего, знание этого дурацкого гимна нам не помешает,— успокоил их Виккерс,— я думаю, что остальное время гипноизлучатель дает фон, подавляющий мозговую деятельность... Он же "давит" наши передачи".

"Что-то вроде глушителя,— размышлял Харем.— Нужно попробовать отделиться от него".

"Или использовать фон, как несущую, модулируя нашими мыслями,— продолжил Виккерс.— Нужно составить график включения этой рекламы, тогда мы сможем получать информацию".

"Реклама" длилась восемнадцать минут, после чего снова пошел фон. Какое-то время Виккерс экспериментировал, пробуя проникнуть в мозг Фарлен, но безуспешно... Кроме того, их ждал ворох неотложных дел.

Разведчики вышли на улицу, в это время почти пустынную. Городской транспорт только что начал свою работу — по улице проносились небольшие автомобили. Харем, заинтересовавшись принципом их

движения, определил, что внутри находятся мощные электромоторы. Этим объяснялось отсутствие смога в воздухе. Всюду, где только было свободное место: то ли глухая стена, то ли забор, а на лужайках и в парках в виде огромных транспорантов, располагалась красочно оформленная реклама, убеждающая аборигенов, что лучше, чем они — не живет никто, да и невозможно. Всюду мелькали портреты Жрецов Фара, как тавро, выжженное на боку животного, всюду красовалась эмблема Фара: черная пирамида в обрамлении лучей восходящего за ней солнца.

Виккерс обратил внимание на то, что все средства информации: печать, радио, телевидение не переставали убеждать жителей в том, какое счастье жить под эгидой Фара, как пекутся о них избранные или же правители, какие блага получает тот, кто честно и добросовестно трудится на благо свое и Фара...

"Снова словесный понос!"— подумал Виккерс, но из деликатности не высказал свою мысль вслух спутникам...

III

Улицы города постепенно оживлялись. Толпы людей, спешащих к местам работы, заполняли тротуары. На стоянках городского транспорта образовались огромные очереди.

"Пик" длился окло двух часов, после чего улицы остались оживленными, но толпа схлынула.

Виккерса немало удивило отсутствие блюстителей порядка на улицах. но, поразмыслив, он не мог припомнить ни одного эпизода, где требовалось их вмешательство. Люди, машины — все двигалось как бы по заранее хорошо отрепетированному сценарию. Вообще, во всей городской суете было что-то механическое. У Виккерса даже мелькнула мысль, что все окружавшие биороботы... Он сам же и опроверг это предположение — зачем биороботам гипноизлучатели.

— Любопытно, где их главный излучатель?— высказал Харем мысль, которая уже давно не давала покоя Виккерсу.

— Нужно попробовать измерить напряженность поля и взять несколько пеленгов...— вступила в разговор Фарлен.— Но, поскольку сами мы бессильны, нужно собрать прибор...

Вечер ушел на сборку прибора из приобретенных телевизора и радиоприемника.

Результат был неожиданным. Виккерс, пытаясь проанализировать сигнал фона, выяснил, что кто-то давно уже пользовался фоном, как несущей... Пользовался для контроля подсознания...

Даже Виккерс с трудом уловил "передачу". Нового в ней ничего не оказалось, все те же призывы верить и подчиняться жрецам Фара. Новым был только призыв выявлять врагов Фара в "День Возмездия".

Фарлен уже знала, что День Возмездия всегда приходится на первый день месяца. Тогда все жители выходят на улицу со знаками Фара на виду. Знаки выдаются аборигенам в день совершеннолетия и подгоняются под биоритм хозяина. Если же знак попадает в чужие руки, то в День Возмездия он даст вспышку, типа лазерного выстрела, и сгорит.

Всех встреченных без знака — надлежит сдавать жрецам, а при оказании сопротивления — уничтожить.

Харем пригласил к столу хозяйку квартиры, и та, пользуясь возможностью отвести душу "на дармовщину", как она сама же выразилась, постаралась "нагрузиться". В результате группа получила Знак Фара во временное пользование.

Это был овальный диск, напоминающий наручные часы. Носили его, как и часы, на руке. По черному полю вокруг пирамиды Фара, тоже черного цвета, шли золотые лучи восходящего солнца. Когда, приложив немало усилий, Знак осторожно вскрыли, то нашли внутри миниатюрный приемник... Сам Знак был изготовлен из материала, по свойствам напоминающего термит.

— Видимо, особый сигнал, поступая в приемник, вызывает срабатывание этого разрядника,— разбирался Виккерс.— Если мы изготовим дубликаторы без начинки — они вполне сойдут за настоящие...

— Удачная идея!— комментировал Харем.— Только небольшой нюанс — дубликатор не работает...

— Прогуляемся к реке. Плот, надеюсь, уцелел, да и запасы не мешало бы пополнить.— Фарлен была хозяйственной.

Харем тоже был за поход к реке — его волновала проблема оружия.

— Ладно,— согласился Виккерс,— отправляйтесь, но без эксцессов, а я тем временем попробую здесь определиться... Очень уж непонятны устремления Жрецов. Чего они добиваются? Власти? Так они ее имеют, причем, неограниченную... А где власть, там и богатство... Что же им нужно еще?— Он задумчиво посмотрел на собирающихся в путь товарищей.— Возьмите и мой пистолет — может, пригодиться... заодно сдублируете...

После ухода Фарлен и Харема, Виккерс обдумывал вопрос, как поступить с хозяйкой. Не совсем уверенный в успехе своего начинания, он провел сеасы гипноза с очумевшей от похмелья бабой. Пришлось внушить ей, что часы, одетые на ее руку, как раз и являются привычным Знаком Фара. Пока все шло нормально...

Когда окраины города остались позади, и путники подошли к опушке леса, их окликнули. Город принадлежал молодому парню, стоявшему под развесистым деревом в окружении еще четырех мужчин, приблизительно одного возраста с ним.

— Куда ты тащишь эту красотку?— вопрошал молодчик, делая несколько шагов в сторону Харема и Фарлен. Его руки покоились на охотничьем ружье, ремень которого был перекинут через шею.

Харем окинул компанию взглядом. Ружья были у всех... Кроме того, у каждого висела кобура с пистолетом, оттягивая ремень, кинжалы, а у одного из них даже пара гранат.

— Решили немного прогуляться по лесу,— ответил Харем, продолжая двигаться в сторону леса.

— Стоять!— скомандовал их собеседник, срывая ружье с шеи.

— Ребята, вы чего?..— Харем выглядел испуганным.— Мы же вам не мешаем, мы уже уходим...

— Ты убирайся, а девке с нами не будет скучно,— кто-то захихикал под деревьями.

Компания подошла вплотную. Один из них взял Харема за плечо и, повернув спиной к себе, стал обыскивать. Нащупав за поясом Харема револьвер, он отвернул полу куртки и достал его.

— Ух, ты!— удивленно протянул охотник, рассматривая оружие.— Такого я еще не видел!

— Вот тут предохранитель,— сказал обернувшись Харем, и пальцем сдвинул защелку в положение готовности.

Потом перехватил руку с пистолетом и, направив на ближайшего охотника, нажал на курок вместе с пальцем своего противника. Сухой щелчок, и одним нападавшим стало меньше. В это время Фарлен прыгнула в сторону охотников и, еще не коснувшись земли, в полете, успела попасть одному из них ребром ладони по переносице, а ногой нанести удар в живот второму. Она покатилась по земле под ноги третьему и, обхватив его ноги, рывком усадила его на землю. После этого, перевернувшись на спину, поджала ноги к животу и нанесла удар сидящему кавалеру, резко выбросив ноги в голову.

Харем за это время справился со своим собеседником и теперь стоял с пистолетом над всей группой.

— Вы уж извините, мальчики,— сказала Фарлен, поднимаясь и стряхивая пыль с одежды,— но я привыкла к более изысканным манерам, а кроме того, мой спутник гораздо приятнее...

Она тщательно обыскала охотников, забирая все оружие, потом обратилась к Харему:

— Эвтан...

Харем подал ей несколько шприцев-ампул. Фарлен сделала всем охотникам укол и собрала у всех Знаки Фара.

— Теперь они два месяца ничего не смогут вспомнить из случившегося. Можно возвращаться. Да, еще этот...— Она наклонилась к убитому охотнику и сняла с его запястья Знак Фара.

В то же мгновение у нее в руках вспыхнуло ослепительное пламя. Харем отшатнулся от пыщущего жара и зажмурился, но ему показалось, что в момент вспышки Фарлен исчезла. Почти сразу же он открыл глаза

— перед ним плыли черные круги, но он видел: Фарлен стояла на месте, а на земле, у ее ног, догорал Знак Фара. Она приветственно махнула рукой и засмеялась:

— Пошли, Харем!

— Слушай, а что будет с этими... Подожди, я их слышу!— Харем удивленно вертел головой, разглядывая охотников.

— А почему я не слышу тебя? Когда ты начал принимать?

— Сразу после вспышки... А как ты уцелела? Что за фокус ты проделала?

Фарлен задумалась. Шок... В это мгновение сознание могло отключиться... Подсознание! Привыкшее к постоянному поступлению информации подсознание!..

Великий космос! Какой только гадости не напридумали люди для удержания Власти! Впрочем, люди ли? Скорее всего, какая-то ассиммилировавшая раса вампиров Вселенной, а, может, они подцепили какой-то вирус подлости и зла...

И лекарство тут одно — уничтожить вирус вместе с носителями... И неэтично, и негуманно, а куда денешься? Давить, как бешеных котов!

Она еще раз попробовала прощупать мозги охотников... На этот раз с большим успехом...

— Значит, Знак Фара! Просто и остроумно. Они все настроены на более мощную станцию, чем наш мозг...— рассуждал Виккерс, выслушав отчет о вылазке.— Но, в таком случае, мы можем прослушать жрецов. Надеюсь, они не таскают с собой Знаки... Хотя... Почему вспыхнул раньше Дня Возмездия Знак убитого?

— Думаю, есть центр слежения, где регистрируется состояние владельца Знака. И как только Центр регистрирует смерть поступает сигнал самоуничтожения Знака...

— Похоже, что мы топчемся на месте.— Харем вертел в руках препарированные Знаки Фара.— Еще ни разу мы не встретили здесь жрецов. Может, они всегда находятся в Храме?

— А кто же тогда нападал на нас?— поинтересовалась Фарлен.— Нет, тут что-то не так...

Ознакомившись с городом и, что было самым важным, с подходами к Храму, они решили сделать попытку приблизиться к нему, а в случае удачи, и попасть внутрь.

К горам вела прекрасная дорога, выложенная шестигранными камнями, подогнанными так, что создавалось впечатление монолитной дороги...

Пробную вылазку решили предпринять Виккерс и Фарлен, изображая подгулявшую парочку.

Во второй половине дня, дав соответствующие инструкции Харему, Виккерс решил выступить. Он хотел посетить несколько баров и других злачных мест и постараться, чтобы их запомнили, как "перебравшую парочку" — своего рода страховка на случай расследования.

День был сравнительно теплый, солнце, клонящееся к западу, отражалось в сотнях окон города и высвечивало далекие снежные вершины, его лучи глохли только на черном конусе Храма Фара.

Виккерс и Фарлен вошли в небольшой ресторанчик, решив перекусить и осмотреться. Над входом висел сделанный из металла и раскрашенный парусный корабль. Чуть ниже красовалась его название: "Парус". Виккерс пожал плечами — реки мелководные, до моря два дня пути, а поди ж ты: "Парус"!

Они прошли мимо двух служителей, стоявших в дверях и угодливо кланявшихся посетителям... Несмотря на угодливость швейцаров, у Виккерса и его спутницы возникла перед глазами картина: здоровенные, гориллообразные швейцары-привратники вышвыривают зарвавшегося или некредитоспособного клиента...

— Вышибалы...— дополнила Фарлен.

— А кабак, вроде бы, для космонавтов,— решил Виккерс, окинув взглядом публику.

Действительно, кое-где за столиками мелькала коричневая форма Космического Торгового Флота, а мужчина, прошедший мимо них к бару, несмотря на обычный костюм, несомненно, был космонавтом. Об этом говорило его мощное телосложение, мускулы, походка перекатом, с пятки на носок, как на железной палубе с магнитными присосками...

Мешковатый костюм свободно обвисал на космонавте, но Виккерс успел заметить выпуклость в районе талии — рукоятку револьвера, а может парализатора или вибрационного оружия, поскольку бластер был бы тут бессилен... Только сейчас Виккерс с сожалением подумал, что абсолютно упустил возможность включения в свой арсенал этих видов оружия.

Посетителей было мало. Это были в большинстве мужчины, чем-то напоминавшие этого расположившегося у стойки космонавта...

Две женщины пытались внести какую-то струю оживления в мрачное застолье космических волков. Одна из них пела под аккомпанемент небольшого джаза, а вторая пыталась изобразить танец живота, который у нее не особенно "вытанцовывался" из-за наличия довольно солидного брюшка..

Виккерс знал, что алкоголь в Фаре был под запретом, но его можно получить с соответствующей наценкой — "за риск", как объясняли владельцы баров...

Вообще-то, в городе Фара было великое множество запретов: алкоголь, наркотики, проституция, пропаганда войн, секс, забастовки и незапланированные демонстрации, любая религия, кроме культа Фара, и многое другое...

Называлось это: "Заповеди Фара". Вправленные в нарядные рамки "Заповеди" висели на видном месте в каждом заведении, учреждении, а то и просто на улице, привинченные к стенам домов.

В разъяснениях к "Заповеди" говорилось, что поскольку все жители Фара довольны, то политических выступлений, как то: забастовки, де-

монстрации и тому-подобное быть не может. Если же отдельные отщепенцы и позволят себе оное, то не подлежит сомнению, что они либо шпионы, засланные с целью подорвать благополучие народа, либо психически неполноценные, а посему — подлежащие изоляции и принудительному лечению в специальных больницах.

Виккерс засмеялся, вспомнив, как на ракетно-ядерном полигоне Сарогона любовался лозунгом: "Наша цель — благо народа!" Он еще подумал тогда, что цель обширна, и попадание в любую точку этой цели скажется на благе...

Они разместились за столиком у окна, выходящего в небольшой садик внутреннего двора, и заказали моментально появившемуся метродотелю обед и выпивку. Тот так же бесшумно, как и появился, исчез и через минуту появился официант с заказанным.

— Да, обслуживание у них на высоте,— пробурчал Виккерс,— тут и не отдохнешь, не заказывая...

Фарлен принялась сразу же за еду, отдавая должное искусству поваров. Виккерс присоединился к ней.

Когда, утолив голод, они решили попробовать напитки, Виккерс, бывший все время настороже, заметил какое-то странное перемещение среди посетителей. Из-за двух соседних столиков поднялись несколько человек и заняли места в некотором отдалении, а их места заняла компания только что вошедших молодых людей. Среди них было несколько девиц, раскрашенных по последней моде, как попугаи...

Один из вошедших прошел к эстраде и что-то сказал, после чего джаз затих. Мужчина подошел к диску-автомату и, опустив монету, втиснул клавишу. Когда полилась музыка, ничем не отличающаяся от скрипа и визга джаза, он вернулся на место.

Пара соседей поднялась и начала дергаться в танго, а их соседи отдали дань закуске и выпивке.

— Виккерс,— Фарлен говорила полушепотом,— тут, в баре, телепат, и, может, не один...

— А фон?

— Похоже, помещение экранировано.

— Ну, что же, нас это вполне устраивает.

Виккерс осторожно начал прощупывать собравшихся.

Фарлен вдруг засмеялась и обернулась в сторону соседнего столика. Один из соседей буквально пожирал ее глазами.

— Он, по-моему, сексуальный маньяк,— сказала Фарлен, заикаясь от приступов смеха.— За эти секунды он успел переспать со мной сто раз... А здорово он представил меня без платья. Минутку... у них тревога... какие-то сигналы поступили в мозговой центр, и они готовят тотальную проверку типа Дня Возмездия... Я попробую дубликатор — нужно вернуть Знаки охотникам.

Фарлен, открыв сумку, начала возиться в ней.

— Делаю с запасом... и еще немного монет, и... твой пистолет, и... места не хватает.— Она снова засмеялась.

— А телепат за столиком у экстрады,— сказал Виккерс,— космонавт. Не здешний... Попробую вступить с ним в контакт. Как считаешь?

— Нам могут пригодиться его кулаки... Этот сексуальный маньяк собирается знакомиться...

— Тогда лучше уйдем. Я не хочу шума.— Виккерс поднялся из-за стола и бросил на салфетку золотую монету.

Фарлен тоже поднялась, и они пошли к выходу. Когда проходили мимо эстрады, Виккерс заметил, что космонавт тоже встал, отодвинул кресло, и бросил монету на стойку.

Степенно покинув ресторан, Виккерс и Фарлен быстро пошли по улице в сторону ближайшего переулка. Сворачивая за угол, они увидели спешащих за ними парней из-за соседних столиков.

— Он горит желанием познакомиться,— комментировала Фарлен.— Жаль, что пошел фон...

Они нырнули в туннель подземного перехода, пробежали и вошли в магазин по другую сторону улицы. Преследователи показались из-за угла на противоположной стороне. Они осмотрели улицу и повторили маневр Виккерса.

Сейчас они стояли, совещаясь, у витрины магазина, и не было никаких гарантий, что магазин их не заинтересует...

Виккерс подошел к продавцу.

— Послушай, дружище,— сказал он, кладя на прилавок монету.— Моей даме плохо, где у вас подсобные помещения?

Продавец смахнул монету и сделал приглашающий жест в сторону занавешанной портьерой двери. В тесном проходе, заставленном ящиками, был кран, из которого Фарлен, преодолевая нежелание, сделала несколько глотков воды.

— Вик, их интересую я,— шепнула Фарлен,— подстрахуй меня тут у витрины, а я потолкую с женихами... Думаю, они после этого будут против уличных знакомств...— Она засмеялась и, кивнув продавцу, добавила:— Мне уже лучше.

Фарлен набросила Виккерсу на плечо ремень своей сумки и вышла. "Женихи" в это время спускались с порожка магазина.

Выйдя из-за двери, она остановилась, как бы ожидая кого-то, и тут ее заметили.

Радостно хрюкнув, ее обожатель подошел и отвесил церемонный поклон.

— Рад вас видеть,— его тонкогубый рот растянулся до ушей, обнажая мелкие, как у хорька, зубы.— Я так и не успел пригласить вас на танец.

Фарлен осмотрела улицу, ни на секунду не задерживая взгляда на говорящем. Казалось, что она крутит головой, пытаясь понять, откуда долетает до нее звук. Голос "жениха" начал срываться — его нервы не выдерживали.

— Я с тобой говорю.— Он попытался схватить Фарлен за подбородок и повернуть к себе лицом, но промахнулся — девушка отклонилась. Его рука задела только ее плечо.

— Ты, хамоватая жаба,— спокойно сказала Фарлен,— я не танцую с земноводными... Убери плавники!

"Жених" начал розоветь, его бледно-голубые глаза округлились, и он как-то весь подобрался... Фарлен была начеку.

— Ах, ты...— "Жених" грязно выругался и ударил ее раскрытой ладонью, целясь сжатыми пальцами в солнечное сплетение.

Фарлен не ушла от удара, а стояла спокойно — свои мышцы она знала... Удар был сильным. Пальцы "жениха" вывернулись под неестественным углом, и он завизжал от боли, тряся искалеченной рукой и вертясь на месте.

Его спутники недоуменно наблюдали этот танец.

— Так ты еще и поешь?— сказала Фарлен, с интересом следя за неистовым танцем пострадавшего.— Подвинься,— обратилась она к одному из парней,— загородил всю улицу...

Она попыталась пройти, но парень стоял на месте, правда, не долго: Фарлен сдвинула его плечом.

— Оставьте ее в покое!— прозвучал за ее спиной голос, и она невольно обернулась.

Компания, оставив "поющего жениха" надвигалась на нее... Сейчас вся сцена напоминала фотографию: застигнутая окриком компания медленно поворачивалась к вновь прибывшему. Это был космонавт-телепат. Его руки были засунуты в карманы куртки, глаза, устремленные на Фарлен, прищурились в улыбке, остальных он как будто вовсе не замечал, полностью игнорируя окружающих.

— Леди, позвольте проводить вас, иначе вы рискуете наткнуться еще на компанию подобных плюгавчиков...

— Спасибо, парень, все отлично.— Виккерс, подобно космонавту, шел сквозь толпу парней, которые, поняв изменившееся соотношение сил, неохотно пошли по улице, лишь изредка оглядываясь.

Космонавт пожал плечами, поднял сжатую в кулак руку, раскрыл ее перед лицом ладонью к себе. Пальцы, кроме мизинца, были сжаты. Оттопыренным мизинцем он смахнул невидимую пылинку с кончика носа. Виккерс, наблюдая за его манипуляциями, издал какой-то неразборчивый звук и заговорил:

— Сэр, гм... я вас встречал, по-моему, в кабачке "Веста"...

— Никогда не бывал в системе К-32,— ответил космонавт и добавил на линкосе, стараясь умерить звучание своего баса:— 9-я Паломническая, отель "Благоденствие", 407 номер, Гаузнер Уильям.— Он повернулся и ушел в сторону парка.

Виккерс подошел к Фарлен, которая с интересом вслушивалась в их словесное жонглирование.

— Кто он?— несмотря на кажущуюся невозмутимость, ее распирало любопытство.— Мне знакомо его лицо, но, как это ни прискорбно, не могу вспомнить.

— Билл Гаузнер, тебе это о чем-нибудь говорит?— Виккерс с улыбкой смотрел на Фарлен.— Ну-ну,— успокоил он, заметив обиду на ее лице.— Парень из Спецкорпуса Патруля... Сейчас Вольный Торговец. Совмещает приятное с полезным... Скорее, опасное с полезным...

— Ты с ним знаком?

— Нет. И имя у него, скорее всего, вымышленное. Но он мне тоже кого-то напоминает.

— Ты уверен, что это не провокация?

— Не думаю. Он знает пароль. Остальное узнаем вечером... Пойдем вместе... поход подождет.

Остаток дня ушел на возврат "охотникам" Знаков Фара, которые были тщательно доработаны, и теперь разведчики могли держать под контролем их владельцев.

Харем, за время отсутствия товарищей, докончил сборку прибора, но, когда он попробовал взять пеленг на точку самого интенсивного изучения, обнаружилось, что это не так-то просто... Излучателей было несколько. Кроме того, возникла накладка очень мощного мозгового излучения, которое было не механического происхождения... Так мог "работать" только органический мозг... "Супер-мозг",— решил Виккерс. Он даже рискнул вступить с ним в контакт. Сначала было такое ощущение, как будто Виккерс бредет в темном лабиринте, а над головой висит что-то огромное — вероятно, так чувствовал бы себя муравей, ползущий в темноте по столу пальмы...

Потом его мозг почувствовал деликатное, еле уловимое прикосновение, но за этой деликатностью чувствовалась непостижимая мощь. Кто-то деликатный, боящийся нанести вред, поддерживал контакт. Фон, помехи и гипнополе исчезли — Виккерс получил доступ к чужому мышлению и тоже раскрылся. Считанных секунд хватило на это "рукопожатие". Знакомство состоялось, но обе стороны были сдержаны в количестве информации.

Виккерс, потирая виски, говорил вопросительно глядящим на него друзьям:

— Галактика Л-32, Сектор Млечного Пути из системы "Дерущихся Змей". Змеи, 8-я планеты... Гиперпространственный туннель через Храм Фара...

— А что происходит здесь? Ты хоть что-нибудь понял?— Фарлен перебила его, направляя на насущные проблемы.

— Правительственный механизм Фара очень похож на систему правления М-87. Там тоже вся власть, как политическая, так и гражданская, были сосредоточены в одних руках... И на протяжении тысячелетий никто не мог понять в чьих...

— М-87?— Фарлен задумалась.— Они уже несколько тысячелетий входят в Содружество... Одним из наших первопроходцев в 87-й был мутант Горачин. Он передал спецкорпусу мощнейшее психическое оружие...

— Которым я всегда пользуясь с огромной осторожностью и неохотой,— добавил Виккерс.— Было много случаев гибели обладателей парапсихической мощи вместе с окружающими...

— О чем это вы? Почему я ничего не знаю?— Голос Харема звучал обиженно.— Ты же передал мне свои знания, Вик?— И, обернувшись к Фарлен, продолжил свои жалобы:— А тогда... со Знаками Фара... Он говорит, а ты смеешься... Как это?

Виккерс не стал читать лекции по основам телепатии, которые, кстати, знал и Харем, только не собрал знание воедино. Фарлен тоже промолчала, хотя подумала, что он должен знать о временном подвиге. Виккерс и на будущее решил воздержаться от информации, а Фарлен, наоборот, решила при случае посвятить Харема в свои дела. В одном они были единодушны: Харему не хватает аналитических способностей. Хотя все это придет с возрастом...

Отель "Благоденствие" был одним из самых респектабельных в городе и самым дорогим.

Вестибюль отеля украшали скульптурные группы древних мастеров Зарана. По мраморному полу шли медные полосы, утопленные в камень и образующие затейливую вязь древнего шрифта, скопированного с гробниц древних царей Зарана. Старания ученых оказались тщетными — надписи не поддавались расшифровке. Посетители топтали и полировали их подошвами.... Что это? Скорбные эпитафии на чью-то смерть? Пророчества? Предостережения? Размышления о быстротечности жизни? А, может, рецепт приготовления любимого блюда царя?..

Скульптуры, в отличие от надписей, были подлинными. У одной из скульптурных групп Виккерс пораженно остановился... Высеченные из белого мрамора, сейчас, правда, желто-серого от времени, стояли трое. Один из них явно был человеком: высокий, широкоплечий, с чертами лица, не встречающимися в Заране... Его одежда напоминала Виккерсу форму, которую он сам снял перед отправкой на задание. Он казался гигантом, если бы не соседи по постаменту. Рядом с человеком, опираясь на три ноги, стоял гуманоид... Две мощные руки выходили из такого же мощного торса, где-то посередине. Две другие начинались у шеи. Собственно, шеи как таковой не было: голова переходила сразу в туловище и была не менее удивительной. По окружности верхней части головы располагались четыре глаза, нос и рот сливались в треугольный нарост, который, видимо, был ороговевшим... Массивное основание головы окружали восьмиугольные выступы, как бы вырастающие из тела гуманоида. Он был почти вдвое выше человека.

Третий из группы тоже был гигантом, и каждая деталь его тела, взятая отдельно, была человеческой. Именно "отдельно". Две руки, две

ноги, одежда, в отличие от гуманоида, у которого трудно было понять, где тело, а где деталь одежды, была такой же, как и на человеке. Шея... Вот именно!!! Шея... Две шеи поддерживали две головы! Приятные лица и тоже не эгинского типа. Чуть заметная улыбка таилась в уголках губ, в прищуре глаз...

С трудом взяв себя в руки, Виккерс тихо произнес, обращаясь к спутникам, тоже расматривающим скульптуру:

— Я знаю их!

— Вы уже были здесь?— удивился Харем. Фарлен, не оборачиваясь к спутникам, коротко бросила:

— Ив Горачин...

— ... инструктор парапсихологии,— продолжив ее речь, вмешался Виккерс,— адмирал Земной Гегемонии, мутант и пришелец из другой Метагалактики.

— Все мы мутанты, особенно по понятиям их времен,— кивнув на скульптуру, заключила Фарлен и, обернувшись, дотронулась до руки Виккерса.— Пора...

В кабине лифта они молча достали из сумок необходимые приборы и оружие, маскируя их в складках одежды.

Дверь в номер 407 находилась чуть левее лифтовой клети. На стук отозвался приятный мужской бас:

— Войдите!

Виккерс резко толкнул дверь и прыгнул в комнату. Фарлен в акробатическом прыжке вкатилась за ним, а Харем поднял парализатор и веером прошелся по коридору, откуда к распахнутой двери спешили около двадцати человек. Почти столько же находилось в 407-ом...

На диване лежал космонавт, опутанный липучкой из силиконовой ленты. Несколько жрецов, во всяком случае, Виккерс подумал, что это могут быть только они, стояли у стен с оружием наготове. Остальные кинулись к Фарлен и Виккерсу. Возникло два клубка переплетенных тел. Один клубок, с Фарлен в центре, переместился к стене и, подобно снежному кому, поднял стоявших там жрецов. Стрелять те не решались: слишком уж плотная стена окружала девушку. Клубок перемещался по комнате, пока не столкнулся со вторым. По дороге на полу оставались составные части клубка: оружие, жрецы... Одни оставались лежать неподвижно, другие, подвывая, спешили отползти к стене — в относительную безопасность...

Соединившись, клубки начали быстро уменьшаться.

Виккерс и Фарлен не применили оружие: сгруппировавшись, они наносили быстрые, хорошо акцентрированные удары руками, головой, ногами, так что вошедший в комнату Харем не пытался вмешиваться со своей помощью. Он подошел к дивану и склонился над космонавтом. Попытка разрезать ножом пленку ничего не дала: силикон есть силикон, и Харем начал сматывать ленту с лежащего. Вольный Торговец не подавал признаков жизни.

— Что с ним? — спросила подошедшая Фарлен.

— Не пойму. Какой-то шок.— Харем поднял руку Торговца, пытаясь нащупать пульс.— Жив.

Фарлен положила руку на лоб пострадавшему, пытаясь наладить психоконтакт.

— Какое-то сильнодействующее снотворное с последующей обработкой парализатором...— как бы рассуждая сама с собой, произнесла Фарлен.

— Сейчас займусь.— Виккерс возился с жрецами, упаковывая их липучкой.

— Там еще куча в коридоре,— обрадовал Харем. После чего он вместе с Фарлен занялся перетаскиванием жрецов в номер.

Отмыв руки в ванной, они принялись за космонавта. Виккерс, порывшись в своей необъятной сумке, достал диагностическую аппаратуру и прижал ее к плечу космонавта. На крошечном пульте-табло вспыхнули индикаторы, и несколько игл впилось в плечо.

Космонавт открыл глаза.

— Время?— это были его первые слова.

Виккерс ответил, а космонавт облегченно вздохнул, поясняя:

— Если я в течение часа не выйду на связь — Корпус высаживает десант, что сейчас весьма нежелательно...— Он замер на мгновение, сосредоточенно прислушиваясь к чему-то, и добавил:— Порядок! Дал отбой... И еще я не могу понять, какую дрянь они мне подсунули? Ни я, ни мои приборы не зафиксировали ничего... Давайте послушаем их.— Он кивнул в сторону жрецов.

— И не мешает обыскать их,— добавил Храем,— к тому же глянем, как устроены их Знаки...

Знаков у жрецов не оказалось.

Космонавт и Виккерс начали "прослушивание". Контакт с первым закончился как-то странно для Виккерса: мозг жреца был открыт, но присутствие чужого сознания как бы "захлопнуло дверь". А Виккерс получил сильный телепатический импульс, и вынужден был сам создать блок.

Космонавт, взглянув на обескураженного Виккерса, предложил оставить жрецов в покое.

— И, думаю, нам нужно убраться отсюда. Чем скорее, тем лучше!

Хозяин с гостями быстро спустились в холл и, стараясь идти степенно, покинули отель.

Вся улица была перекрыта войсками. Это были те же жрецы, но теперь они не выглядели бродячими кочевниками. Большинство из них были в легких боевых скафандрах. С обеих сторон улицы стояли по два передвижных парализатора, снятых с космических крейсеров, а в руках нескольких жрецов, стоявших под прикрытием парализаторов, Виккерс заметил аннигиляторы... Жрецы предусмотрели все, требующееся для захвата обычных космонавтов....

Разведчиков окружала толпа аборигенов, застигнутых началом боевых действий, в которой было много детей и женщин, а, может быть,

что вполне укладывалось в понятия о морали жрецов, толпу специально согнали сюда, как заложников.

— Вы окружены!— прогремел голос из динамика, установленного где-то за спинами жрецов.— Во избежание кровопролития и гибели мирного населения, предлагаем сдаться!

Харем обиженно фыркнул и сдернул сумку с плеча, но Виккерс остановил его движением руки.

— Мы имеем возможность подождать финала этой какофонии,— вмешался космонавт в поддержку Киккерса.

От группы жрецов отделилось несколько человек и приблизилось к своей добыче. Каждый имел в руках рулон силиконовой ленты... Последним упаковали Харема. Всю группу сунули в бронированную машину и, экскортируемая победителями, машина, пересекая город, вышла на дорогу к храму Фара.

— А мы еще решали проблему, как туда попасть,— на линкосе сказала Фарлен.— Слава Фара! Хоть какая-то польза от него!

Сначала дорога была прямой, но где-то через час начался подъем по серпантину. Периодами дорога упиралась в скальные массивы. Тогда из головной машины выходил жрец и стоял некоторое время у скалы, опираясь на нее обеими руками. Казалось, что он пытается сдвинуть каменную глыбу, расчищая путь. Потом жрец возвращался в машину, и через минуту-другую глыба втягивалась в скальный массив, освобождая проход.

"Хорошо берегут свой храм,— размышлял Виккерс.— Много камешков нам пришлось бы поворочать!"

Наконец, колонна остановилась, не доезжая до подножия храма. Местность напоминала воснный лагерь, а, может, и была им...

Основание Храма не было видно за строениями, увенчанными параболическими антеннами, подстанциями с лесом высоковольтных опор, какими-то шпилевидными башнями, напоминающими диспетчерские космопорта.

Скорее всего, это и были службы космоса. За это говорил и стоящий на площади корабль класса крейсера и несколько космических катеров.

Космонавт-торговец только недоуменно пожал плечами, осматривая окрестности. Страна Фара была полна контрастов: варианты с аннигиляторами, рабы с отключенной психикой, конница и космические корабли, фашизм и супермозг...

А в ближайшем будущем еще предстоит возня с темпоральным коконом...

О своем положении пленников они не сособенно задумывались, за исключением Харема, который придумывал планы освобождения и даже захвата Храма, один фантастичнее другого. Виккерс даже был доволен случаем, давшим возможность достичь Храма без драки. Сказывались прописные истины Школы Рейнджеров, которые каждую стычку с аборигенами классифицировали как неудачу Разведчика.

С приходом ночи колонна снова тронулась в путь. Двигались в полной темноте около часа. Потом колонна снова остановилась, и сразу же вспыхнул не очень яркий свет, который исходил от огромного, уходящего под конус потолка светильника. Он был сделан в виде подсвечника для пяти свечей, которые, однако, не были зажжены — светился материал подсвечника и сами свечи... Вся эта светящаяся громада покоилась на шестигранном постаменте десятиметровой высоты, по периметру которого шли высеченные надписи. Сам постамент был изготовлен из какого-то белого металла.

Разведчики поняли, что завершилась первая стадия их поиска: они попали в Храм Фара.

Жрецы вышли из машины и, став перед постаментом, подняли руки, после чего, как бы повинуясь неслышному непосвященным сигналам, распростерлись на полу.

— Теперь еще и мистика добавилась!— пробурчал Вольный Торговец.

Прозвучал отрывок мелодии из гимна Фара, и в постаменте появился темный проем. Он был довольно узким — для одного человека. Жрецы начали подталкивать пленников к проходу. Виккерс шагнул в него первым и исчез. Остальные последовали за ним.

Когда Виккерс шагнул во тьму прохода и сделал шаг, ему пришлось зажмуриться: над его головой сверкало белое солнце, а сам он стоял на раскаленном песке среди пустыни. Он оглянулся на вход, а точнее на выход из пирамиды... Вместо черного конуса храма перед ним был обычный глиняный сарай с черным провалом двери.

Первым его желанием было вернуться к товарищам, он только чуть задержался, желая осмотреться. И хорошо сделал, иначе разбил бы лоб себе или вышедшей из двери Фарлен, за которой появились и остальные его спутники. Дверь закрылась.

Космонавт довольно весело кивнул Виккерсу и пробасил:

— Пространственный туннель Паломников. У нас уже есть теория нуль-перехода, но нет еще самих переходов. Такие станции мы иногда находим, но опасаемся пользоваться ими. Никогда не знаешь, куда занесет тебя космос... У вас есть предложение на дальнейшее наше путешествие? Тут мне не очень нравится — песок... Где мы — не знаем, кроме этой развалины — ничего вокруг... Попробуем вернуться...

Виккерс пожал плечами и, подойдя к Фарлен, зацепил зубами конец силиконовой пленки. После того, как Фарлен, вращаясь, как волчок, сняла с себя "упаковку", дело пошло быстрее — через несколько минут вся группа разминала затекшие руки.

Фарлен попробовала мысленный контакт с Виккерсом. Помех не было.

Виккерс, обращаясь к космонавту, сказал:

— Поскольку мы вынуждены делить с тобой дальнейшие невзгоды и радости — лучше всего будет представиться. Как вас прикажете называть?

— Долиш Рорк, Спецкорпус Патруля, сейчас Вольный Торговец, специалист по негуманоидным расам. Имею хобби — Паломники Вселенной. Мечтаю разыскать хоть один город. Если они вообще существуют...— добавил он после секундного молчания.— И нужно сейчас определиться...

IV

Виккерс решил произвести разведку. На несколько десятков секунд он исчез, а когда материализовался снова на прежнем месте, его одежда была покрыта инеем, а сам он дрожал от холода.

— Если ориентироваться по здешнему солнцу, то на востоке есть что-то, напоминающее город или его развалины... Со ста миль высоты, куда я телепортировал, он неплохо просматривается... Но в свободном падении и диком холоде много не углядишь. Мы можем переместиться в том направлении, но не должны терять этот сарайчик. Не в наших интересах застревать тут надолго.

Город имел необычный вид: стремительно уходящие ввысь конические башни; плоские приземистые строения, похожие на ангары; шаровидные здания, блестящие на солнце; ажурные виадуки, мосты...

Стена, прорезанная арками ворот и узкими бойницами, увенчанная множеством сторожевых башен, окружала город. С бархана, на котором стояли путники, она не казалась высокой — всего два-три человеческих роста.

Вся группа, не спеша, готовясь к неожиданностям, спустилась к стене.

Харем попробовал толкнуть створ ворот и удивленно отдернул руку, рассматривая ладонь.

— Она скользкая,— сказал он,— как будто смазана жиром...

Виккерс подошел к выступу стены и приложил ладонь ребром. Потом, не отнимая ладони, заглянул сбоку: между стеной и ладонью был просвет.

— Стена покрыта силовым полем,— произнес Виккерс.— Есть несколько способов попасть внутрь... Поскольку нас не приглашают, думаю, неудобно делать брешь в стене. Но, опять-таки, нас и не гонят, а что вполне резонно, и не подозревают о нашем торжественном прибытии. И если мы нанесем визит вежливости жителям города, думаю, они не обессудят. Попробую телепортировать в город. Если не расквашу нос о поле — хорошо, нет — все равно телепортирую.— Он исчез.

Через несколько минут Виккерс вернулся за группой.

Теперь они стояли на площади города. Город был пуст — не покинут, а именно пуст. Улицы и площади были чисты, строения выглядели новыми... Хаос и запустение, царящие обычно в покинутых селениях, отсутствовали.

Долиш предложил исследовать ближайшее приземистое строение. На этот раз дверь, которую толкнул Харем, открылась без проблем.

В зале царил полумрак, но с их приходом начали загораться светильники, подобные тем — в Храме Фара... Потолок здания стал прозрачным, создав иллюзию чистого неба.

Это был магазин или рынок: на тянущихся через все здание прилавках лежали самые различные товары: зелень, фрукты, сифоны с какими-то напитками, рулоны тканей самых различных расцветок, поделки мастеров, оружие...

Все было новым, свежим и... непонятным.

— Какие-то загадки,— резюмировала Фарлен.— Продукты выглядят аппетитно.

И она, несмотря на недовольную гримасу Виккерса, взяла с прилавка какой-то экзотический плод, понюхала его и осторожно надкусила. Потек красный сок.

— Недурно! И освежает! По-моему, вполне съедобен.

— А чем платить?— Вольный торговец считал неэтичным брать товар бесплатно.

— Может, это гостеприимные хозяева выставили нам угощение?..— рассуждал Харем, пробующий в эту минуту какой-то зеленоватый напиток.— Ого, аж зубы ломит! Холодный и вкусный!

Утолив голод и жажду, путники решили приняться за осмотр соседнего шаровидного здания.

Харем, ставший авторитетом по открыванию дверей, без всякой опаски распахнул полукруглые створки входа. Они вошли и стояли в кромешной темноте, по привычке ожидая какого-либо свечения или другой иллюминации... Вместо этого начался двигаться пол, причем с такой начальной скоростью, что на ногах удержались только Долиш и Виккерс — Фарлен и Харемом, пребольно стукнувшись мягкими частями тела, сели на движущуюся ленту пола.

Вглядываясь в темноту, спутники приготовили оружие, опасаясь новых подвохов этого непонятного шара.

"Сюрпризы" не замешкали появиться: они спешили один за другим, как бы боясь упустить подвернувшуюся оказию.

Раздалось рычание, и из темноты к ним направилось внушительных размеров животное. Его три головы извергали пламя, а само оно светилось зеленым фосфорическим огнем, полыхающим по всей длине химеры: от кончика бьющего по когтистым лапам хвоста, закованного в броню, до шести пар остроконечных ушей.

Харем вскинул парализатор и дал импульс. Чудовище, казалось, не заметило нападения, но Харем, уронив парализатор, крикнул:

— Оно... оно стреляет в меня из... парализатора!

Фарлен подняла бластер.

— Отставить!— Виккерс положил руку на плечо Фарлен.— Посмотрим, чем это все кончится... Защитное поле!

Когда до чудовища оставалось несколько метров, в движущейся дороге образовался провал, в котором и оказалась вся группа. Падение было замедленным: они плавно опустились на дно провала.

Создавалось впечатление, что об их костях проявлена забота — падение с такой высоты без гравилифта не сулило ничего хорошего.

После фейерверка огней, источаемых драконом, внизу было темно, только светились бледно-сиреневым светом какие-то грибы и лишайники на стенах пещеры...

Виккерс посмотрел вверх, ожидая увидеть ствол шахты, откуда свалился, но, к его изумлению, над ним был сплошной потолок, покрытый такой же слабосветящейся слизью, как и стены. Путь был открыт только вперед по туннелю. Пахло сыростью и грибами. Ну что ж, вперед так вперед...

Некоторое расстояние они прошли без приключений, потом Долиш остановил группу и вслушался. Доносилось потрескивание, глухие удары, под ногами вздрагивала почва.

— Похоже на обвал,— сказал Долиш, осматривая стены и потолок тоннеля.— Так и есть, пошли трещины. Быстро уходим!

Они едва успели выскочить из-под оседающего потолка, но на этом приключение не закончилось. Ход упирался в подземную реку. Назад пути не было, там еще рушились стены и потолок хода.

Прижатая течением к берегу, болталась лодка. Материал, из которого она была изготовлена, слабо светился, как и многое на этой планете. Отражение лодки в реке, казалось, пытается оторваться от суденышка и уйти в самостоятельное путешествие по черным и мрачным водам.

— Нам предлагают отчаливать,— сказал Виккерс, увертываясь от катящихся из хода камней.— Не совсем вежливо, но настойчиво!

Потрескивающая набережная, в свою очередь, торопила с принятием решения. Пока остальные размещались в лодке, Виккерс возился с цепью и замком, удерживающим суденышко. Замок не поддавался, и Виккерс, всунув ствол пистолета в замочную скважину, выстрелил. Замок не открылся. Тогда Виккерс изо всех сил рванул цепь, крепившуюся к скобе, вмурованной в набережную. Скоба легко поддалась, и Виккерс, не удержав равновесия, оказался в воде. Цепляясь за цепь, он взобрался в лодку, несущуюся по течению. В пазах вдоль бортов лодки крепились составные весла, пакеты с продуктами и целый арсенал оружия. Они осмотрели экипировку лодки, которая к этому времени втянулась в центральную, самую быструю часть потока. Вкушать радости спокойного путешествия удалось недолго.

Русло потока сузилось, каменные берега мелькали с огромной скоростью, а впереди слышался рев низвергающейся воды.

— Действующий вулкан им в брюхо!— выругался Долиш.— Влезли в аттракцион для аборигенов!

Виккерс засмеялся.

— Вы тоже поняли? Постарайтесь в случае надобности пользоваться оружием из их арсенала — наше может натворить бед. И привяжитесь...

Харем достал из зажимов несколько пистолетов странного вида и излучатель, или что-то похожее на него... Виккерс ковырялся в маленьком пульте управления, обнаруженном им на носу лодки. После нажатия одной из кнопок лодка рванулась вперед, все увеличивая скорость. Нажатие следующей кнопки вызвало появление с кормы прозрачного колпака, который накрыл лодку сверху. Остальных кнопок Виккерс пробовать не стал, да и некогда было: суденышко, как с трамплина, прыгнуло в воздух, оставляя позади шумящий водопад, и всем днищем шлепнулось в тихие воды озера. Видимо, оттуда лодка потеряла скорость... Колпак тоже исчез.

В месте падения водопада был ореол белой светящейся пены. Берега, близко не было видно.

— Будем грести по прямой,— решила Фарлен.— Не может же это озеро быть бесконечным...

Так они и поступили. Долиш заметил усиливающееся свечение за правым бортом. Он склонился над водой, которая была чрезвычайно прозрачной... Казалось, что из глубины всплывает разинутая пасть, усеянная мощными зубами, обрамленная усами толщиной в руку человека, которая жила своей змеиной жизнью. Космонавт взял из рук Харема какую-то пушку и начал стрелять в оскаленную пасть. Остальные, разобрав амуницию из арсенала, поддержали его. Пасть брызнула в разные стороны щупальцами и треугольными зубами. Светящиеся обрывки исчезли в глубине.

— Что там еще?— Фарлен ткнула стволом оружия вверх.

Все пространство над озером было заполнено химерами-призраками. Многоглазые драконы, какие-то летающие ящеры, улыбающиеся мертвым оскалом скелеты самых невероятных животных, чудовищные комбинации человеческих существ с кибернетическими устройствами... Весь этот хоровод спускался все ниже и ниже — шлюпка начала раскачиваться от поднятого ими ветра.

Харем рванул из-за пояса парализатор, а Фарлен поспешно доставала бластер... Виккерс остановил их.

— Не нервничайте, скорее всего, они не в силах навредить нам, так что, если хотите, пользуйтесь этим,— он поднял со дна лодки первое попавшееся оружие и выстрелил вверх, не целясь. Одно из чудовищ рассыпалось. Виккерс, подумав, выстрелил в воду, одновременно наблюдая за несущимися на них химерами — одна из них рассыпалась.

— Короче, можете не целиться, а нажимайте на спуск... Всей этой какофонией можно управлять отсюда, этим оружием... Мы в каком-то дурацком аттракционе для аборигенов. Нужно смотреть, в какую дыру лезем — на будущее...

Вдали забрезжил свет, и когда лодка приблизилась, стал виден причал и ступени, подымающиеся к светлому проходу. Языки пламени вырывались из проема, но группа перестала обращать внимание на все эти светозвуковые эффекты. Жар пламени чувствовался только на под-

ходе к отверстию, и, пройдя сквозь пламя, все оказались на площади, с которой начались их похождения.

— Странная у них манера развлекаться,— недовольно пробурчал Долиш.— Где-то тут должен быть кибермозг, управляющий всей этой игорной хижиной...

— Попробуй взять пеленг,— обращаясь к Харему сказал Виккерс,— может, узнаем что-либо о судьбе местных жителей...

— Если они вообще были здесь,— вмешалась Фарлен.

Виккерс пожал плечами, наблюдая за приготовлением Харема.

— Есть!— Харем выпрямился, оставив в покое ручки прибора.— Мощный передатчик... Скорее всего, там и центр.

Петляя по улицам, группа вышла к приземистому строению, расположенному в центре площади. На его крыше вращалась параболическая антенна, рядом с которой, сплетаясь в самые невероятные узоры, тянулись провода, вздымались ажурные башенки из белого металла.

Среди этих антенных джунглей Виккерс отметил антенну гиперсвязи. Дело принимало серьезный оборот...

Поиски входа не увенчались успехом. Долиш старательно изучал стену, пытаясь отыскать хоть намек на стык... Он подозвал Виккерса, который не мог оторваться от созерцания антенны гиперсвязи, и, ткнув ладонью в стену, заявил:

— Поле! Как и вся крепостная стена. Рискну телепортироваться...

На мгновение он исчез, но тут же появился на прежнем месте. Ноги у него подгибались, лицо было окровавлено, кровь текла из носа и из ушей — он был без сознания. Так выглядит человек, получивший мощный удар парализатора, когда мышцы рвут сами себя в невероятных вывертах, когда мускулатура горла, сокращаясь, может привести к удушению. Обычный человек был бы уже мертв. Долиша спасло то, что он успел в последнее мгновение вернуться.

Фарлен наклонилась над ним, оказывая помощь. Долиш довольно скоро очнулся и, покачиваясь, встал, опираясь на ее плечо.

— Бессмертные Саргона!— как ругательство, бросил он.

Виккерс и Фарлен вздрогнули. Виккерс в предвидении новых осложнений, Фарлен — найдя то, что искала.

V

Когда-то на Саргоне существовал материк Свободы. Жители, населявшие его, были независимыми и — вполне соответствуя своему материку — свободолюбивыми.

Из своей среды они избирали на пять лет правительство: на самом Саргоне было неспокойно, и кто-то должен был стоять во главе Свободных.

Раз в пять лет проходили выборы нового правительства. Сотни лет держалась такая система. И, как результат самоуспокоения, за эти годы образовалась элита, поставлявшая членов правительства. Сроки избрания стали продляться, выборы превратились в простой фарс: избирательные законы, составленные умными и хитрыми юристами привели к тому, что избирались только кандидаты элиты, в руках которой был мощный полицейский аппарат, финансы, армия, а самое главное — пропагандистская машина, которой завидовал весь Саргон. Власть стала передаваться чуть ли не по наследству, как в древние, забытые даже историками Саргона, времена.

Постепенно родственники и верные прислужники Элиты расползались с правительственных вершин, где уже стало тесновато, занимая ключевые посты пониже...

Но жизнь быстролетна. И тысячи ученых решали проблему продления жизни элиты. В одной из клиник Эгины было сделано открытие, сразу ставшее Государственной Тайной 1! Используя молодой организм, дряхлым старикам удавалось возвращать молодость. Чтобы свежее "сырье" было всегда под рукой, создавались гипноизлучатели, державшие под контролем элиты часть Эгины.

Планы Бессмертных чуть не потерпели фиаско из-за восстания на Саргоне. Планета, как давно молчавший вулкан, вскипела огнем гражданских войн, запестрела огнями ядерных взрывов.

Бессмертные, располагающие всей накопленной веками информацией, исчезли в Храме Фара, но система гипноизлучателей продолжала действовать, как прежде... Считалось, что Бессмертные погибли...

— Они накрыли нас силовым полем!— крикнул Харем, пытавшийся приблизиться к злополучному зданию.

Виккерс осмотрелся. Всю группу окутывал какой-то мерцающий туман. Он не был плотным: просто мерцающая дымка, но Виккерс ощущал напряженность поля.

— Ничего,— сказал он,— все же не темпоральное... Сейчас я немного разомнусь...

"Благо есть предлог",— подумал он и, кивнув в сторону пирамидального здания, добавил:

— Отойдите туда.

Группа, без особых затруднений, пересекла площадь, укрывшись за зданием.

— А теперь укройтесь защитными полями,— скомандовал Виккерс.

Он повернулся лицом к зданию и сосредоточился... Металлические конструкции на крыше здания начали оседать, теряя очертания, и в конце концов, металл тонкой струйкой потек с крышы. Само здание тоже начало терять прямоугольную форму, заваливаясь внутрь.

Долиш и Харем смотрели на происходящее изумленно, Фарлен с интересом, но тоже с некоторой долей удивления.Стены постройки

превратились в расплавленную, растекающуюся по площади массу, а на месте здания вырисовывались контуры какого-то другого строения. Из огня, подобно Фениксу, возникла... сараюшка! Она была подобна той — с выходом из Храма...

— Снова станция ноль-пространственного перехода... Снова Паломники...— Долиш угрюмо смотрел на остывающую массу.— А ведь они могли успеть!— И двинулся к станции Паломников.

Если остальная группа знала о Паломниках кое-что, то Долиш прошел специализацию по этой загадочной цивилизации. Нельзя сказать, что он знал много... Но знал все, чем располагал Патруль... Он знал, что большая часть Разведчиков, прошедших в дверь "сараюшек", не возвращалась, но игра стоила свеч.

Может, это было просто самовнушение, но когда все собрались у станции, жар раскаленных камней проникал даже сквозь защитное поле.

Полушепотом, как бы опасаясь подслушивания, заговорила Фарлен.

— Если эти бессмертные вампиры прошли, то куда бы мы ни попали — мы сядем им на хвост.

Пройти в станцию оказалось не просто. Виккерс знал, что расшифровкой кода, открывающего доступ к станции ноль-перехода, занимался Специальный Корпус. Для особи, прошедшей ноль-пространство — станция прибытия оставалась открытой, но только для него! Сейчас проблему, на которую у специалистов уходили месяцы, а то и годы, предстояло разрешить четверке неподготовленных и не снаряженных для этой цели Разведчиков.

— Я постараюсь добыть код,— вдруг заявила Фарлен. На долю секунды ее фигура как бы затуманилась, начала расплываться в воздухе, но вот она уже снова стоит рядом и сбивает огонь с одежды...

— Ну и парилку ты устроил Бессмертным! Стоило посмотреть, как они всем скопом ринулись в переход, хлопая себя по тлеющим задам... Ты знаешь, им сейчас будет не до нас: понадобится кожа для пересадки, свежая кровь и новый заряд психоэнергии... А код...— Она прикоснулась к нескольким местам на двери, которая тут же отошла в сторону.— Пошли, только все вместе.

Группа плотной массой переступила порог.

Они стояли на мраморной лестнице, полого спускавшейся к ласково шумящему морю. Слегка встревоженное ветром, море постоянно меняло свою окраску от бледной голубизны до ультрамарина с примесью изумрудной зелени. От него исходило тепло, а его шелест убаюкивал.

За спинами Разведчиков стояла беседка, сложенная из розового туфа. Только задвигающаяся дверь напоминала о мире, из которого они только что вынырнули. Заросли необычных растений окаймляли лестницу, на самом верху которой, как завершающий штрих этого райского уголка, возвышался дворец, окруженный белой террасой. Там,

терраса переходила в ступени, на постаментах с обеих сторон лестницы лежали мраморные изваяния животных. Огромные головы добродушно улыбающихся зверей покоились на сложенных крест-на-крест лапах.

— Неуправляемую реакцию им в брюхо!— высказался Долиш.— Ведь это же Земля!

— Или ее двойник,— уточнил Виккерс.

— Но на Земле не было Паломников. Поищем, куда делись старцы...

Молчавший до сих пор Харем потянул Виккерса за рукав.

— Вик, зачем им убивать людей? Они же могли бы как и мы... регенерация...

— Каждый идет своим путем, Хар.— Виккерс с восхищением рассматривал стоявший на рейде белый парусник.— У них было достаточно человеческого материала, и думали они только о человеческой шкуре... Остальные для них скот на убой. Нам нужно сменить экипировку. Становится жарко, да и прокоптились мы изрядно.— Он начал медленно прощупывать внутренности дворца, потом сел на ступеньку и стал ждать.

— Сюда идут.— Харем указал на террасу.— Двое...

— Я их позвал.— Виккерс посмотрел на приближающихся через плечо.— Сейчас переоденемся, и в путь.

Двое молодых людей прошли мимо расположившихся на ступенях друзей, даже не взглянув в их сторону. Спустившись к воде, они не спеша разделись и, один за другим, прыгнули в море. Пока они нежились в ласковых волнах, Харем и Виккерс возились с дубликатором.

Переодевание не заняло много времени, и четверка двинулась вверх по лестнице, к сказочному дворцу, охраняемому мраморными зверюгами.

Дворец был похож на драгоценный камень в оправе гигантских деревьев: белый мрамор, зеленые породы, содержащие медь, позолота...

Разведчики вошли в резную с витражами дверь трехметровой высоты и заскользили по паркету, с орнаментами из деревянных брусков с различной окраской.

Снаружи было жарко, но в холле кондиционеры поддерживали приятную прохладу.

Виккерс известил спутников, используя линкос:

— Бессмертные появились и сразу же отбыли на дежурном автомобиле в направлении их личного аэродрома. В доме постоянно дежурил штат прислуги: врачи, повара, разнорабочие, красотки для увеселения Бессмертных, массажисты и целый гарнизон телохранителей...

В любую минуту может быть накрыт стол, чем мы и воспользуемся. Осторожней с передачей, по-моему, на планете есть телепаты: я принял какие-то биоимпульсы...

— Не мешает осмотреться, поскольку мы уже тут.— Фарлен была верна своим исследовательским наклонностям.

— Я, видимо, тут задержусь,— вставил Долиш.— Нужно включить...— тут он задержался, подыскивая у прислуги название планеты,— Терру в Содружество.

— Я тоже против фашизма,— вставил неожиданно Харем.

— Осталось только двое.— Виккерс засмеялся и обнял Фарлен за плечи.— А тебе, старикашка, идет любой наряд... Но самый лучший был тот, в корабле...

— Пожалуйста к столу,— обратился к ним служитель в белой форме, распахивая двери в банкетный зал.

Осмотр усадьбы дал много интересного: дворец охранялся спецотрядом, кроме того, от постороннего вторжения его блокировали четыре ряда колючей проволоки под напряжением. На темное время суток включалась охранная система "тьма", а периметр ограды контролировался телекамерами, сведенными на пульт караульного помещения.

Создавалось впечатление, что Бессмертные расположились не в своей стране, а на территории противника, окруженные партизанскими отрядами.

Долиш выяснил, что официально правит планетой сенат, избираемый жителями этой планеты. Во главе сената стоят два аборигена: один осуществляет гражданскую, второй — политическую власть. Вторая превалирует. Пятерка Бессмертных фактически командует всей планетой, не зная ограничений даже в самых изощренных своих побуждениях и желаниях. Каждое, пусть даже глупейшее изречение одного из них становится законом для планеты.

Элита, рвущаяся к кормушке, периодически вызывает микровзрывы в правительстве, освобождая, таким образом, себе место для продвижения вверх. Обычно об этой "акробатике" аборигены не имеют ни малейшего представления...

Всю эту информацию, собранную из мозгов окружающих аборигенов, Виккерс просуммировал и поставил в известность Долиша. Немного было и особо секретной информации, которой "поделился" с ним начальник Специального отдела безопасности, подчиняющийся только Всепланетному Разведывательному Управлению, или, как его сокращенно называли, ВРУ.

Выйдя на связь с кораблем патруля, Виккерс затребовал Галактические координаты Терры, что они и выдали ему. Штаб патруля дал предписание Виккерсу следовать за Бессмертными, оставив на Терре Долиша и Харема. Дополнительная информация его порадовала: на материке Эгина прибавилось населения — четыре человека: Валем, Росита, Пэт и Ливен оживались на новом месте.

Бронированная машина доставила разведчиков на крохотный аэродромчик, где им предстояло ждать возврата самолета Бессмертных. Тут они и распрощались: Долиш и Харем оставались на побережье, а Виккерс и Фарлен сами не знали, куда заведет их пространственный туннель, воздушное путешествие или еще какой-нибудь сюрприз...

Несмотря на малые размеры, аэродромчик охранялся не хуже дворца, а это означало для Виккерса новые контакты с людьми и новую информацию... Он еще раз предупредил остающихся, что предполагает наличие на планете телепатов, посоветовал соблюдать крайнюю осторожность, и на той же машине Долиш с Харемом вернулись на побережье, ставя целью закрепиться в каком-нибудь крупном городе.

Виккерс и Фарлен расположились на отдых, заняв пустующий коттедж Бессмертных. Ночью их разбудил начальник отряда ВРУ, доложивший о прибытии самолета.

— Самолет заправляется,— докладывал начальник бесцветным голосом, чеканя слова.— Прикажете сменить экипаж?

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Нет. Нас вполне устраивает старый.

Самолет был невелик — под стать аэродрому. Широкие плоскости делали его менее скоростным, но зато улучшали способность к планированию. Его внутреннее устройство поражало продуманными удобствами для пассажира, вплоть до мелочей.

Экипаж отсалютовал Виккерсу и застыл, ожидая приказаний.

— Ребята, придется еще раз повторить полет,— спокойно информировал их Виккерс и, видя, что они ждут еще чего-то, добавил:— В добрый путь! Приступайте!

Пилоты проследовали в рубку.

Полет проходил спокойно, пока не показались горы.

— Осталось пять минут полета,— прозвучал в динамике голос пилота.— Прямо по курсу звено истребителей...

Виккерс обеспокоенно взглянул на Фарлен, поднялся и прошел в кабину к пилотам. Пилот кивнул на лобовое стекло.

— Перестраиваются для боевого захода. Что-то случилось... Они готовят ракетный удар,— добавил он, протягивая Виккерсу запасную пару наушников.

— Помолчите!— Виккерс сосредоточился на быстро увеличивающихся точках впереди, крикнув в кабину:— Фарлен, приготовься включить поле!

Одни из истребителей, теперь их уже можно было хорошо рассмотреть без приборов, вспыхнул ярким пламенем, превратившись в расплывающуюся огненную субстанцию. Этот огненный шар, расширившись, коснулся соседнего самолета, который тоже вспыхнул.

Остальные истребители, проделав головокружительный вираж, разбрызгались в стороны.

Пилоты, видимо, были не новичками в боевых действиях: самолеты сразу же выправили курс, и уже не строем, а с разных сторон атаковали. До своей гибели они успели дать залп...

— Уходи к земле!— крикнул Виккерс и тут же скомандовал:— Поле!

Взрывной волной самолет швырнуло несколько раз в самых невероятных направлениях, но пилоту удалось выровнять его.

— Подходим к аэродрому!— отрапортовал он, глядя на Виккерса, как на какое-то божество.— Ну, ты и даешь, парень!.. — Тут самолет снова тряхнуло.— Бьют с аэродрома! Куда нам?

— Иди на посадку. Все будет о'кей.

Самолет стоял на взлетной полосе, а по нему прямой наводкой била зенитная установка. Горели служебные помещения, подожженные рикошетирующими ракетами...

— Выруливай вплотную к диспетчерской!— приказал Виккерс.— Там пока мертвая зона. Снять поле!

На несколько секунд на поле воцарилась тишина, дверь диспетчерской распахнулась, и оттуда выбежала группа людей в форме ВРУ. На ходу стреляя из ручного оружия, они бежали к самолету. Приблизившись на несколько метров, они убрали оружие, поправили портупеи, каски и застыли, вытянувшись по стойке "смирно".

Они "ели" глазами появившихся пассажиров, подняв руки в ритуальном приветствии. Между тем, к самолету подъехала машина, в которую и погрузились прибывшие вместе с экипажем.

"Охраннос поле",— передавал Виккерс. Машина, взвизгнув тормозами, остановилась у ..."сараюшки".

— Оружие есть?— спросил Виккерс у пилота. Тот дотронулся до кобуры.— Пойдете с нами. Выполнять только мои распоряжения!

Фарлен снова пришлось переместиться к моменту ухода Бессмертных в ноль-переход.

Виккерс, руководствуясь указаниями Фарлен, открыл переход и велел держать защитное поле в ждущем режиме. Затем они шагнули в дверь.

Защитное поле сияло, отражая залпы нескольких бластеров. Обстрел не прекращался. Судя по силе огня, работали стационарные установки. Виккерс попробовал прощупать атакующих, но безрезультатно... Попытка Фарлен тоже оказалась безуспешной. Чтобы обезвредить противника, нужно было на какое-то время снять защиту, но передышки им не представляли ни на одну секунду: огонь велся непрерывно.

Виккерс пошел навстречу огню. Луч бластера уперся в защитное поле... "Роботы,— понял Виккерс, пройдя в тыл установки,— ну и ладно, хоть этика отпадает!"

Он снял поле и начал отключать автоматические установки.

Вокруг станции раскинулись непролазные джунгли, только у входа чернела полоса выжженной земли. Когда погасла последняя вспышка бластеров, деревья как бы сомкнулись вокруг клочка свободного пространства. Тяжелый запах сырости и гнили стоял в воздухе и постепенно вытеснял запах гари. В сплошной стене растений не видно было даже намека на проход.

"Придется менять программу у роботов и пускать их вперед",— подумал Виккерс, обращаясь к Фарлен. Оба молча кивнули головой.

Ошарашенные летчики так вертели головами, что Виккерс подумал: "Они рискуют себе вывернуть шеи от чрезмерного любопытства". Фарлен "услышала" его мысль, и ее смех разрядил напряженность.

— Вик,— позвала Фарлен,— смотри как тут поработали бластером...— Стволы деревьев были исполосованы ударами излучений бластеров.— Нам тоже придется врубаться в лес. А жаль! Может, ты попробуешь еще разок осмотреться? Только оденься потеплее...

Виккерс взял из рук одного из пилотов меховую куртку, которую тот, изнывая от жары, снял, и напялил ее на себя. В следующее мгновение он исчез на несколько секунд...

— В десятке километров есть что-то вроде замка. Но все эти километры тянется сплошной лес. Телепортируем?— И мысленно добавил: "А что с этими? Потащим с собой? Или вернем?"

— Их, скорее всего прикончат,— ответила Фарлен.

Они взяли летчиков за руки и телепортировали к замку.

VI

Строение было необычным. При осмотре оказалось, что выступающую над поверхностью скалу чьи-то искусные уроки обработали, придав ей форму замка, с башнями, стрельчатыми крышами, прорезанными в толще скал окнами... Видимо, должны существовать и внутренние помещения.

Здание-скалу опоясывала стена, похоже, тоже вырубленная из монолита.

Подумав о титанических усилиях, потребовавшихся на такую работу, Виккерс пожал плечами. Он осматривал стену, пытаясь отыскать проход.

— Великий Космос, не оставлять прохода — это их стиль. Жаль стеночку... Может, проще телепортировать? Оставим эту красоту! Схожу посмотрю.— Виккерс кивнул на оконный проем, но Фарлен удержала его — часть стены исчезла.

— Вроде бы приглашают,— Виккерс двинулся к проходу.— Пошли, пока не передумали!

Двор был обширен. Его благоустройство, видимо, тоже стоило немалых трудов: ровная площадка из срезанной скалы; под стенами дома пролегала траншея, заполненная землей, из которой росли кусты и деревья; из дома-скалы пробивался ручей, который по каменному желобу пересекал двор... И что больше всего удивило и обрадовало путников, так это благословенная прохлада. После парилки джунглей двор казался землей обетованной. Фарлен, больше всех страдавшая от жары в

непривычном для нее одеянии, сразу повеселела. Виккерс, хотя и не придавал значения погодным условиям, тоже вздохнул свободнее.

— Интересно, куда делись наши упыри-правители?— неожиданно поинтересовался штурман. Он был старше пилота, выше ростом и "умнее", как заключил Виккерс в самом начале пути.

Вопрос был неожиданным для всех, вернее, его постановка...

— Джонни, почему так неуважительно?— наконец, отреагировал Виккерс, слегка улыбаясь.— Они же ваши избранники!

Джонни-штурман иронически фыркнул.

— "Наши избранники"... Как звучит! Если вам дают пять кегельных шаров и просят выбрать из них пять лучших, как должен отреагировать нормальный человек? Половина избирателей просто не ходит на выборы, но статистика всегда дает высокий процент голосования "за". Я не пойду проверять правильность подсчета, и любой здравомыслящий человек тоже. Никто не желает пропасть без вести в подвалах разведки.

— Но у вас же свобода. В крайнем случае, вы всегда можете покинуть места, подвластные пятерке...— Виккерс неплохо знал конституционные права аборигенов, хотя, вызывая на откровенный разговор Джонни, он прекрасно знал о его бесправном положении. Джон не был ставленником элиты — он был специалистом!

— Даже если бы мне удалось эмигрировать, все мои родственники были бы обречены. Сын за отца, отец за сына, заодно будут отвечать братья, сестры, жены и матери. Вот так... Только круглому сироте по карману такая роскошь. Но... таких не отпускают с поводка, для них все двери закрыты... Если муж и жена отдаляются от контроля — дети остаются заложниками. И в любом, казалось бы, безопасном месте, ВРУ приложит все старания и усилия, чтобы убрать неугодных. Если это произойдет в другой стране, все свалят на проклятых чужеземцев, воспев для контраста счастливую жизнь под мудрым правлением Пяти Гениальных Бессмертных. Я просто знаю и видел больше других наших сограждан. Я возил всю эту мразь, всех прихлебателей пятерки. Сколько раз хотелось размазать их по несущейся под нами земле... Наверное, я трус.

— Если все это так, то провалиться мне в черную дыру, не пойму, чего ты разоткровенничался?— поинтересовалась Фарлен.

— Пятерка — ваши враги. А любой их враг — мой друг! Люди, вы сложные, много в вас непонятного... Думаю, что вы из глубокого Космоса. Слышал, но никогда не верил в легенды. Многие бы посчитали тебя Богом...— штурман посмотрел на Виккерса.— Так, что с Бессмертными? Где будем искать?

— Найдем. Не мы одни ищем. Их бессмертие кончилось. И вы поможете нам в этом в а ш е м деле. А потом на своей планете. Берегите ее! Не создавайте палачей на свою голову...— Он посмотрел на замок.— А сейчас перейдем к осмотру этого симпатичного местечка.

Вся группа двинулась ко входу в замок. Когда они миновали приветливо распахнутые двери, солнце уже скрылось за горизонтом.

Было темно, но в большом зале начали люминисцировать стены. Скала как будто стала прозрачной и очень походила на окно, выходящее в солнечный двор.

— Замок Паломников,— с каким-то удовлетворением констатировала Фарлен.— Какие тысячелетия прождал он нашего прихода?

— Это Древние,— сказал Джон.— На нашей планете есть много построек, и есть что-то вроде полигона, а, может, космодрома... Почва сплавлена в единый монолит около ста километров диаметром. Ученые твердят, что под поверхностью есть служебные помещения, но попасть туда невозможно... Даже алмазные бури садятся... и ни царапины...

Виккерс подумал, что этим стоит заняться после Бессмертных.

Осматривая замок, Разведчики обратили внимание на полное отсутствие сообщений между этажами. Только около мягких кресел, в которых так приятно было отдыхать, находился подъемник — видимо, для доставки пищи... Виккерс осмотрел его и, не найдя никаких пусковых устройств, подумал, что не прочь был бы выпить стакан холодного молока, но, к сожалению... молоко, за последнюю пару тысячелетий, неминуемо прокисло. Он даже засмеялся в ответ на свои мысли.

В подъемнике что-то щелкнуло, откинулась крышка, и в нише, как и представлялось Виккерсу, стоял высокий, из тонкого белого стекла, запотевший стакан с белой жидкостью, надо думать, с молоком...

Виккерс как-то нерешительно протянул руку, взял стакан, понюхал содержимое и нерешительно попробовал жидкость.

— Молоко! Ах ты, жестянка!— Он похлопал подъемник по корпусу.— Утерла нос? И не прокисшее — добавил он, прихлебывая.— А еще три, не будет ли так любезно Ваше Жестяное Величество?

Крышка захлопнулась и откинулась снова. Молоко было холодным — ныли зубы, но именно о таком мечтал Виккерс.

— Может, поразнообразим наше меню фруктами?— подала мысль Фарлен, а подъемник начал выдавать блюда и десерт одно за другим... Видимо, кто-то из группы здорово проголодался.

— Вот тебе и телепатия,— обронил многозначительно Виккерс и взглянул на Фарлен.

После довольно обильного обеда, так непривычного для двух желудков, освоивших питательные таблетки из космического рациона, вся группа продолжила осмотр замка.

Около одного из окон, на полу, вырисовывался квадрат, окантованный вплавленной в пол металлической полосой.

Задумавшийся Виккерс вступил в площадь квадрата. Сначала ему почудилось, что он на борту космического корабля: состояние невесомости так привычно и вместе с тем неожиданно нарушило его равновесие... но, тут же взяв себя в руки и осмотревшись, он понял, что плавно поднимается к потолку, в котором открылось отверстие.

— Гравитационный лифт,— крикнул он стоявшим внизу спутникам.— Поднимайтесь.

И, оттолкнувшись от края люка, он встал, рассматривая новое помещение. Оно не было жилым — скорее всего, какая-то лаборатория. Только оборудование ее было необычным: похожее и, вместе с тем, такое отличное от известного Виккерсу. Самой знакомой частью интерьера был занимавший одну из стен экран. К нему, как и старому доброму знакомому, и подошел Виккерс. Экран замерцал, по нему побежали ряды цифр — очень похожие на Галактические координаты... Виккерс подумал, что не мешало бы иметь запись этой информации для дальнейшей расшифровки...

Из пульта под экраном поползла тонкая силиконовая лента, на которой повторялось все, что мелькало на экране.

Высветилась какая-то схема. Красные точки находились среди мелких, как бы окутывающих их туманом белых.

В очертаниях скоплений белых точек Виккерс начал распознавать очертания знакомых туманностей, звездных систем, свою Галактику... Многое было незнакомым.

Затем часть красных точек вместе с туманностями стала уходить за пределы экрана, а другие стали как бы приближаться, расти. Вот уже светлые точки стали намного больше красных, и можно было распознать центральные светила с планетами, на которых и мерцали красные огоньки.

— Станции Паломников Вселенной!— прошептала за спиной Виккерса Фарлен.— А в центре — планета, на которой мы находимся... Во всяком случае, это наиболее вероятно. Нужен код, открывающий станции... А потом, когда мы будем посвободнее, можно совершить паломничество по системам. Но почему же они ушли. Такая могучая цивилизация?..

В пульте что-то щелкнуло, и освобожденный конец ленты, закручиваясь, упал на пол, где собрался уже солидный рулон.

Красный свет залил экран. Только края экрана отсвечивали свойственной ему голубизной. Очертания красного пятна что-то напоминали...

— Сараюшка!— удовлетворенно приветствовала Фарлен появление станции Перехода.

На красной поверхности пульсировало несколько более ярких точек. Они, как в бегущих огнях, переливались, в определенной последовательности.

— Ну, вот вам и код...— Фарлен смеялась, а Виккерс поспешно запоминал последовательность свечения.

— ... и два направления поиска НП-переходов: строго сто миль на север, или столько же — на юг. Куда сейчас двигаться — решим, но, думаю, что мы на верном пути: выход из перехода был в нашу сторону... Великий Космос, чувствуешь себя варваром, столкнувшись с Паломниками.— Детка,— Виккерс обернулся к Фарлен,— приобщишься к их поискам? Разумеется, после этой погони...

Фарлен передала:

— Разумеется, Вик, я страшно любопытна.

Полунемой договор был заключен. Это немного развлекло их, оттеснив неприветливость и грязь Свободной Страны Бессмертных.

— Джон,— Виккерс подбирал слова,— как ты думаешь, вам лучше ждать тут, или вернуть вас домой? Подумай...

— Я предпочитаю давить элиту, но он,— Джон кивнул в сторону напарника,— боюсь, не даст и шагу ступить — продаст!

Виккерс задумался.

— Выход один: с голоду он тут не подохнет, вреда от него не будет. Пусть поторчит на нейтральной полосе. Патруль уточнит ее координаты, а я,— Виккерс с шутливой серьезностью поднял руку и торжественным голосом продолжил:— нарекаю эту планету Замковой!

Никто не возражал, хотя Джон подумал, что проще и лучше было бы утопить прислужника элиты... Почему именно "утопить", он и сам не понял, но другой вид смерти казался ему менее подходящим для пилота.

Расчет оказался верным, и в ста милях к югу отыскался НП-переход, или, как ласково окрестили его разведчики — "Сараюшка".

Человек — не животное, привыкает ко всему. И нуль-переходы, как-то среди бури впечатлений и событий стали чем-то обыденным. Страха они не испытывали — сказалась вековая убежденность в добрых намерениях Паломников и в добротность их техники.

Виккерс и Фарлен подготовились к переходу и к неожиданностям, которые могут ожидать их "по ту сторону". Место, где находился канал НП-перехода, было пустынным, но можно было заметить, что им пользовались время от времени: расчищенная площадка перед входом, выжженная растительность... На краю площадки стоял обгоревший остов вертолета. Металл был еще горячим. Рядом лежал полуобгоревший труп, судя по сохранившимся деталям одежды — пилот. Видимо, Бессмертные избавились от лишнего свидетеля.

Перед переходом Виккерс связался со Штабом Патруля, передав подробности пребывания на Замковой, пока те брали пеленг.

Переход доставил новые неожиданности. Пройдя "сараюшку", Виккерс и Фарлен успели заметить огромный, уже знакомый им светильник, конус потолка... Все длилось мгновение, так как пола под ними не было: они валились куда-то в подземелья Храма Фара.

"Телепортируемся к входу в Храм!" — передал Виккерс.

И вот они стоят у черного подножья пирамиды...

— Сюрпризы начались?!— засмеялась Фарлен, осматривая сферу защитного поля, высвеченную вспышками бластера со всех сторон. Правда, вспышки прекратились: отраженные залпы изрядно покосили ряды нападающих — поле работало исправно...

— Не могу передавать. Включены гипноизлучатели.— Виккерс указал на вершину храма, где в лучах заходящего солнца сияли аккуратные переплетения сферы излучателя.

— Убрать его можно, но что произойдет с обладателями Знака Фара? Возможна самоликвидация. Придется влезать в элиту — узнать, что и как...

— А Бессмертные?— поинтересовалась Фарлен.

— Так или иначе — им не уйти. Сегодня вокруг них вакуум. Деться не куда... Лаборатории их тут... Живой материал — тоже имеется только тут.

VII

Приказ об уничтожении группы был, видимо, строгим. После неудачной попытки сбросить их в подземелья храма и расстрелять у входа, не пришлось долго ждать продолжения: в дело пошли мощные парализаторы, управляемые роботами. Защитное поле работало, но отраженные парализующие излучения не могли поразить роботов. Для уничтожения механизмов требовалось снять поле, а осажденные опасались под огнем такой интенсивности остаться без защиты на долю секунды.

— Сто метеоритов им по курсу!— бурчал Виккерс, обдумывая следующий ход.— Так можно простоять вечность! Что предложишь, Фарлен?

— Как обычно: пошли к ним...

Они двинулись. Подойдя к одной из установок, они попытались найти за ней укрытие от излучений остальных, ведущих их в лучах. Тогда можно было бы на секунду отключить поле защиты, но все было пронизано излучениями парализаторов. Вокруг было уже знакомое поле — космодром.

Виккерс махнул в сторону ближайшего космического катера, но, поскольку защитные поля полыхали, Фарлен не заметила его жеста.

— К катеру,— крикнул Виккерс и побежал.

Вокруг не было ни души. Да это и понятно: жестокий поток излучения уничтожил бы любое живое существо, что, возможно, и произошло в момент, когда Разведчики перемещались, смещая сектор обстрела.

Виккерс вкатился в люк катера, а Фарлен, двигавшаяся намного медленнее из-за того, что вынуждена была следить еще и за прикрытием штурмана, увидела, как из-под стабилизатора катера начали вырываться огненные протуберанцы, а сам катер стал подниматься на столбе огня.

Поднявшись до крыш вспомогательных построек, катер проутюжил все находящиеся на них антенны. Поток излучения парализаторов не прекратился, но перестал перемещаться по полю вслед за Фарлен и Джоном: перестали поступать команды из Центра Управления. Катер опустился в нескольких шагах от остановившихся Фарлен и штурмана, и, спустя считанные секунды, оба были уже в относительной безопасности за броней катера.

От служебных зданий, не в сторону катера, а к боевым кораблям бежали одетые в форму ВРУ люди. Прорваться на взлетную полосу они не могли: мешало излучение оставшихся без управления роботов, поэтому Виккерс выиграл немного времени, требующегося на отключение парализаторов.

Когда же взлетная полоса стала безопасной — догонять было уже некого: катер ушел в космос.

И все же, катер и крейсер стартовали за беглецами. Некоторое время они прочесывали пространство, но вернулись ни с чем, придя к выводу, что катер, развив скорость, ушел в межзвездное пространство, остался без горючего и теперь, неся на борту обреченный экипаж, проваливается в бездонные глубины космоса...

Виккерс не зря считался пилотом экстракласса. Катер совершил гигантский прыжок от храма Фара до реки Забвения. На берегу еще лежали остатки их плота, а протоптанная ими тропинка еще обозначалась смятой травой.

Знакомым путем они дошли до заброшенного города, где Виккерс предложил сделать привал, а заодно и осмотреть руины.

Фарлен связалась со своим кораблем и запросила сведения об остатках древнего города. Сведения о наличии хранилищ, скрытых под почвой в скальном массиве, заинтересовали Разведчиков и, получив координаты местонахождения подземелий, вся группа телепортировала туда.

Неожиданно, подземелья оказались довольно приятным местом — здесь было тепло и сухо. Воздух был насыщен ароматами трав и деревьев — несомненно, имелась и связь с поверхностью. Стены покрывал светящийся пластик, жирный на ощупь, но не поддающийся ножу: Фарлен пробовала сделать зарубку на стене для ориентировки — и все бесполезно. Свет, исходящий от стен, напоминал искусственное освещение на космическом корабле: не утомляющий глаз, слегка желтоватый, он напоминал свет Солнца прародины людей — Земли.

— Знаешь, Вик, я встречала нечто подобное в курсе истории Земли,— сказала Фарлен.— Такие же комнаты, ряды кресел, все это служило для просмотра каких-либо материалов по разным отраслям знаний. Но там был еще экран...

Виккерс взглянул на стену против кресел.

— Ну, если стена в него трансформируется... Хотя, чего гадать? Попробую сесть.— И он решительно плюхнулся в кресло, устроился поудобней, оперся на спинку, руки положил на поручни и... ничего не произошло!

Он встал и начал рассматривать "бестолковое" кресло. Поставив себя на место конструктора, он внимательно осмотрел поручни. Потом, потянув поручень у самой спины вверх, он откинул его вперед. Развернулся небольшой пульт управления. Разведчики склонились над ним, рассматривая надписи.

— Это не линкос,— Фарлен пыталась связать знакомые буквы в слова.

— Интерлинг — язык, предшествующий линкосу.— Виккерс начал читать надписи.— "Психология, Техника, История, Космос, Оружие, Время"... Ну, что же, попробую посидеть снова...— Он сел в кресло и прикоснулся к надписи "История". В месте касания вспыхнул огонек.

Откинувшись в кресле, Виккерс ждал какого-нибудь эффекта...

Он пытался понять, какую же ошибку совершил, перетряхивая весь свой багаж технических знаний, но не мог ничего добавить к сделанному.

Он с сожалением подумал, что ему так и не удастся узнать ничего о предыстории Фара, так нужной для вживания в образ элиты Фара...

VIII

Лавер сидел за широким столом, покрытым скатертью, сотканной из золотистых нитей. Справа и слева от него сидели соратники — непримиримые друзья по элите.

Лавер знал, что ненависть взаимна и сильна, но все они понимали: их мощь в единстве, поэтому, кроме мелких пакостей, вроде подсиживания, обгона на избирательных скачках, они не могли позволить себе ничего другого.

Перед ними был огромный зал, битком набитый представителями низовой элиты. Это тоже свои... И каждый мечтает посидеть за этим позолоченым столом, и каждый с надеждой ждет своего часа.

И, вертясь, как заводные игрушки, припадая к барьеру, взбираясь на опоры колонн, вокруг суетилась целая армия репортеров, кино-телеоператоров. Мигали "блицы"... Среди них, тоже с аппаратурой, с самым деловым видом мелькали сотрудники ВРУ, распознать которых в общей массе мог только представитель верховной элиты, да и то потому, что знал о их присутствии.

Лавер знал и то, что в каждом ряду огромного зала сидят по несколько агентов, расставленных в шахматном порядке. Их задача — безопасность сидящих за столом, ну и... каждый из них был экипирован записывающей и передающей аппаратурой.

Сейчас на трибуне торчал Родди. Вслушиваясь в его монотонный, хриплый голос, Лавер с тоской думал, что это надолго... И самое худшее было то, что Родди первый выступающий... Впереди еще куча выступлений, каждое из которых будет перефразированным первым докладом...

"Не могли мы вообразить, что-нибудь пооригинальнее,— подумал Лавер. При мысли об оригинальном он вспомнил, как этот самый Родди при посещении провинциального городишки, славного своими винными заводами, "оригинальничал" на банкете в честь "высоких гостей".

Напившись, Родди предложил позвать к столу работниц завода, а сам, раздевшись, тряся жирными прыщеватыми ягодицами, начал приглашать женщин на тур вальса. Лавер удовлетворенно потянулся в кресле, вспомнив, как пунцовые от стыда девушки дико верещали, когда преградившие путь к бегству агенты ВРУ срывали с них одежду, "приглашая" в круг. Ох, и повеселились они тогда!

Впрочем, только ли тогда? Почти каждый день проводятся подобные "спец-мероприятия."

Лавер тяжело вздохнул.

"Устал! Устал! Может после этой говорильни махнуть на Эгину? Там, в Свободной Республике Фара, работают биологи и врачи... Там будущее верховной элиты — ее бессмертие. Туда идет самый лучший человеческий материал. А все это,— он обвел взглядом сидящих в зале, мысленным взором окинул весь Саргон,— лишь ступеньки вечности..."

На трибуне кряхтел еще кто-то...

Наконец, аплодисменты с воплями: "Слава! Слава!"

"Кажется,— комедия идет к концу"— Лавер с облегчением встал под звуки песни Свободных Граждан, которой обычно заканчивались все сборища Элиты.

Вся сознательная жизнь Лавера прошла в служении Великой Цели. Отец его — Верховный Правитель, отправил своего молодого отпрыска в небольшой провинциальный городишко — Коленд, где всеобщим голосование население выбрало назначенного "сверху" Лавера политическим мэром. Избрание сопровождалось пышной рекламной шумихой, долженствующей дать понять избирателям, насколько свободно они осуществляют права, гарантированные им конституцией Свободного Саргона.

Дальнейшее продвижение ничем не отличалось от первых выборов.

Случались, правда, на Саргоне и небольшие эксцессы, вроде недовольство рабочих, мятежи фермеров... Но несколько "случайных" автомобильных катастроф, в которых гибли наиболее рьяные возмутители спокойствия, несколько убийств, которые "тщательно" расследовались, и основные противники элиты перестали существовать. Случалось, что зачинщикам удавалось покинуть Саргон, но тут подключались средства массовой пропаганды... Имена бежавших на другие планеты предавались анафеме, даже родственники боялись упоминать их, дети отказывались от родителей, и наоборот...

Весь механизм работал исправно уже сотни лет.

В свою очередь, обеспечив подобное продвижение своим детям, Лавер решил уточнить перспективы на свое будущее и отбыл на Эгину.

Виккерс на секунду очнулся, отряхивая свой мозг от дурно пахнущей субстанции, бывшей Лавером, и тут же окунулся в другую...

Сали находился в своем рабочем кабинете. Убранство кабинета было спартански строгим: большой несгораемый шкаф с цифровым замком,

несколько телефонов на простом деревянном столе, экран селектора в углу, около стрельчатого окна стоял шкаф под стать столу. Простые стулья примыкали ко второму столу, образуя с первым букву "Т".

Из селектора прозвучал голос секретарши:

— Прибыл полковник!

— Пусть войдет!— отозвался Сали, нажимая кнопку включения селектора и открывая нажатием вторую дверь.

В кабинет вошел мужчина средних лет, в таком пиджаке и брюках, которые были на Сали. Собственно, весь облик вошедшего был как бы стремлением повторить все подробности туалета Сали, только в слегка уменьшенных размерах: полковник был ниже ростом...

Полковник вытянулся у двери, вопросительно глянув на Сали, после чего перевел взгляд на стол.

Сали понимающе кивнул и, достав из ящика стола металлический стержень, опустил его в углубление верхней части экрана селектора. Раздалось несколько едва слышных щелчков, а на экране появилась надпись: "Помещение блокировано".

— Садись, Ежир. Мы одни. Что там у тебя с мудрецами?

С "мудрецами" было плохо... Ученые, правда не все, отказывались от проведения экспериментов на человеческом "материале". Они имели наглость утверждать, что бессмертие кучки элиты не даст им морального права резать и калечить простых людей...

А опыты по воздействию на психику простого народа, превращающие его в убойный скот, еще на прапланете Земля назывались фашизмом... Да, строптивые ученые зашли в своем саботаже далеко и заслужили соответствующую "награду"! Но, поскольку, власть была "народной" и "справедливой", а весть о выступлении мудрецов получила широкую огласку, то должно было подыскать подходящий повод для расправы со "слишком умными" учеными, как любит выражаться Сали.

— Все готово!— согласился полковник, его голубые с белесыми ободками узко посаженные глазки удовлетворенно щурились под белесыми, под стать глазам, бровями и ресницами. Тонкий нос хищно шевелился, как бы вдыхая запах паленого мяса пытаемых "мудрецов". Его предвкушения, казалось, передались Сали, который с удовольствием потянулся, достал из кармана своих широких военных брюк платок и ткнул в него горбатый, лоснящийся от угрей нос. Раздалось лошадиное фырканье, и по усам потекли выделения, которые Сали, ощупав, вытер тыльной стороной ладони.

— Побеседуем с ними на этаже,— глухо, все еще ковыряясь в носу, сказал он.

Полковник понимающе кивнул. "Этажом" на жаргоне правящей элиты называли подвалы в резиденции Сали.

— Так что же эти бедняги натворили?— поинтересовался Сали.

— Разглашение государственный секретов!— последние два слова полковник произнес с особым ударением.

— Я лично всегда относился с недоверием к чистоплюям... Но тебе не кажется, что слишком часто у нас разглашают секреты? Так у нас и тайн не хватит.— Сали засмеялся, довольный шуткой.

— Тогда можно раскрыть подготовку покушения на представителя народа. Кстати, у меня есть в запасе такой представитель. Его все равно нужно убирать. После избрания, у него появился заскок: начал отстаивать интересы избирателей... Забер, может быть, вам уже докладывал? Особенно он распоясался, когда получил доступ к документам ВРУ. Поговаривают, что он готовит к изданию книгу с фотодокументами... Часть рукописей находится у академика Сегла. А он как раз один из "мудрецов". Мы одним ударом прихлопнем всех. Сегла обвиним в убийстве и похищении рукописи.

— А что выяснило ВРУ относительно наших людей, исчезающих непонятным образом на Эгине? Кстати, этот ваш Забер тоже бывал на Эгине, знает много, а как видишь, не пропал... Запросите, чем он там занимался?— Сали приподнял стержень и кивнул на селектор.

— Слушаюсь!— тон полковника снова стал услужливо-четким. Он набрал серию цифр на пульте селектора и, после сигнала готовности, проревел в микрофон:— Досье Забера, Эгина...

Сухо клацнул патрон пневмопочты.

— Забер пробыл на Эгине 78 дней,— начал читать полковник документ, извлеченный из патрона,— из них 18 дней провел в окрестностях Фара. По его словам — охотился в джунглях. Секретный сотрудник ВРУ, которому было поручено следить за Забером, был разорван раненым ксигом во время охоты. Опрошеннные егеря описали подробности. Тут их показания... Непонятно внезапное исчезновение егерей перед повторным допросом. Не разысканы до сих пор. Показания Забера сходятся с показаниями егерей...

— Не нравится мне эта история,— Сали сердито разрубил воздух ладонью.— Пора с ним кончать!

— Спецгруппа готова! Все будет сделано...

Сали знал, что "спецгруппа" набиралась из убийц. Не профессиональных, как например, палачи, платные убийцы-наемники, а убийц по призванию, виртуозов своего, такого необычнного хобби... Он минуту помедлил и распорядился.

— Мою машину! Малыша! Вы со мной!— И пошел к выходу, добавив на ходу:— Вызывайте спецгруппу...

— Они ждут в машине, инструкции дам им по пути.

У подъезда уже ждала небольшая потрепанная машина старого образца. Ее всегда использовал Сали для "выезда в люди". Ее невзрачный кузов скрывал мощный мотор, стекла и обшивка были из пуленепробиваемых сплавов, радиотелефон и до зубов вооруженный водитель дополняли оборудование скромной машины.

Когда полковник заметил в метрах двухстах стоящую красную машину, он велел остановить "малыша" и, подняв трубку, связался со спецгруппой.

— Я в ста пятидесяти метрах за вами. Вариант три. Следуйте к Заберу. После акции уходите на площадь Свободы. Там дальнейшие указания. Действуйте!

Красная машина рванулась вперед, и полковник жестом указал водителю "малыша" курс за ней.

Сали, конечно, ехать было не обязательно. Решение выбраться немного "на люди" возникло внезапно — захотелось вспомнить молодость... ночные "бдения"...

Устав ВРУ гласил, что дневное время служит для восстановления правящих, а ночное — для уничтожения инакомыслящих или просто неугодных элите...

Машины ехали уже среди красивых, удобно спланированных домов, в которых проживали сливки общества... Движение машин на улицах "элитного" района разрешалось только при наличии специального пропуска: дабы не тревожить сон перетрудившихся "слуг народа", поэтому им несколько раз встречались патрульные машины, останавливающие идущую впереди машину и подобострастно бравшие "под козырек" узнанному "малышу".

Сали нахмурился.

— Вы что, не могли убрать их на это время?— сердито пробурчал он полковнику.

Полковник промолчал, и в машине воцарилась тишина.

Красная машина просигналила красными позиционными огнями, и полковник жестом приказал водителю " малыша" остановиться.

Проехав еще несколько метров, передняя машина тоже остановилась у небольшой, двухэтажной виллы, обнесенной металлической оградой. Из машины, как тени, выскочили пять фигур и, не утруждая себя звонками или возней с запорами ворот, перемахнули через ограждение. Через несколько минут в окнах виллы загорелся свет, и почти сразу же прогремел взрыв. Свет погас.

Где-то минуту спустя из окна нижнего этажа метнулась темная фигура и, перемахнув через ограду, как-то странно волоча ноги, направилась в сторону "малыша".

Полковник достал оружие, к бою приготовился и водитель...

— Сурек, ты?— окликнул полковник.

— Их не было,— послышался прерывистый голос,— они заминировали сейф... все убиты... я был внизу... контужен...— Говоривший повернулся и, все тем же заплетающимся шагом, двинулся к красной машине.

— Предупредили! Кто?— Сали буквально шипел от злости.

— Никто не знал об "акции" до момента, когда я из "малыша" издал приказ. Они распечатали приказ в машине — конверт с вариантом... Тут

что-то не то... Что с "мудрецами"? Забера нет, дом взорван... может их...— Полковник включил радиотелефон.— Две группы на Площадь Свободы,— и, обращаясь к водителю, добавил:— А ты гони туда же.

На площади их уже ждали две легковые автомашины и будка с надписью "Продукты". ВРУ имело сотни, если не тысячи подобных машин: были "Почта", автобусы "Экскурсия", "Технический контроль", даже "Скорая помощь".

В ВРУ шутили: "Наша помощь самая скорая". Действительно, машину медицинской помощи приходилось ждать по несколько часов и, если случай был серьезный, функция "Скорой" сводилась к констатации смерти и к отправке тела в морг.

Кортеж двинулся в менее представительные кварталы "мудрецов".

Если в элите были люди с деловыми качествами, такими, как влиятельные родственнники, "чистая" анкета, в которой, начиная с прапрабабок и дедов не просматривалось расовых примесей, то "мудрецов" отбирать по таким признакам не приходилось.

Тут решающим фактором была голова, независимо, кому она принадлежит, то ли джуду, то ли любому другому, из любой прослойки общества. Это было даже удобно: заартачившегося "мудреца" можно убрать в любую минуту, не особенно утруждаясь соблюдением законности... Труднее было с устранением выходов из элиты. Их было мало и все они были на виду. Их приходилось убирать, сваливая вину на "черных" (независимо от цвета кожи) простых людей.

"Странно, что с Забером этот номер не прошел,— размышлял Сали.— Вмешалось, что-то непредвиденное".

В самом аппарате ВРУ не могло быть утечки: система "каждый докладывает о каждом" работала четко... Кроме того, прослушивались телефонные разговоры, в общественных местах и в наиболее важных квартирах были надежно упрятаны микрофоны и телекамеры. Детей принуждали доносить на родителей, причем обвиненные в чем-либо отцы и матери уничтожались вместе с донесшими на них детьми. Сали пришел к выводу, что случай с Забером можно объяснить только вмешательством... Он вдруг ясно представил себе этих проклятых мудрецов, сидящих за аппаратурой и напряженно вслушивающихся в мысли элиты... в ЕГО мысли! А, может, у них и на Эгине, в Храме, есть свои люди?!

— Быстрее!— он толкнул водителя в спину.

Тот кивнул на идущие впереди машины.

— Обгонять?

Напряжение покинуло Сали, он отрицательно покрутил головой, и поняв, что водитель не видел его жеста, сказал:

— Не нужно...

Не оправдав худших опасений Сали, все "мудрецы" были на месте, и их старательно рассовали по машинам. Сали с удовлетворением

вслушивался в крики перепуганных, неодетых детей и женщин — забирали всех...

Несколько человек из спецгруппы остались на месте, перетряхивать пустые квартиры, а колонна двинулась в том же порядке в сторону столь милого сердцу Сали "этажа"...

Откинувшись на сиденьи, он размышлял о том, что давно уже пора съездить на Эгину с инспекционной поездкой...

Колонна почему-то изменила направление движения и стала приближаться к пригороду. "Малыш" следовал за ними, как привязанный. Сали пытался заговорить, но его, неожиданно, сковал дикий страх. Его трясло, тело непроизвольно сгибалось и норовило втиснуться под сиденье, где уже копошился полковник.

Наконец, колонна остановилась. Спецгруппа, двигаясь как во сне, открыла "продуктовую" машину, освобождая пленных. Потом чьи-то жесткие руки, нимало не соизмеряя усилий, рванули Сали за его знаменитый полувоенный френч, обрывая пуговицы и перехлестывая горло жестким воротником.

Пленные сели в большую машину для пассажирских перевозок, туда же, им в ноги, швырнули Сали. Дверь захлопнулась, и машина некоторое время катилась по булыжной мостовой, потом остановилась, мотор заглох, и появилось ощущение полета...

Виккерс очнулся и вскочил с кресла.

— Ну и гадостью тут угощают!— фыркнул он, прекрасно понимая, что на это "угощение" сам и напросился.— Ладно, будет еще немного информации об элите...

— Знаешь, Вик, я понимаю все! Но, думаю, что всех Бессмертных нужно топить в малом количестве воды, как и предлагал Джон,— и добавила, сама удивившись своему изречению:— Ты познакомился с элитой, неужели кроме этой и мозговой гнили ничего в этой памяти нет?

— Трудно сказать... Сейчас я почти не способен думать нормально — столько злости и грязи прошло сквозь меня...— Виккерс, придерживаясь за подлокотник, снова сел.

"Туго приходилось ученым этой благославенной страны",— подумал он, откидываясь на спинку кресла.

— Папка приехал!— радостный вопль сопровождался толчком, после которого Андрес едва устоял на ногах. Его дочери повисли на нем.

— Брысь, негодяйки, в один прекрасный день я свалюсь у порога и расшибу себе голову!— Он, смеясь, стаскивал расшалившихся детей со своих плеч.

Радостная встреча слегка растворила неприятный осадок от разговора с координатором ВРУ по науке. Координатор настаивал на ускорении работ, финансируемых президентом...

Работа... Андрес поежился. В молодости он избрал профессию бионика. Мог ли он предположить с чем придется иметь дело? Насекомые, животные

стали пройденным этапом... План перспективных работ по бионике предусматривал переход к опытам с человеческим материалом.

Годы кропотливой работы дали возможность продлить жизненный цикл особи до бесконечности, он мечтал о провале всей этой затеи.

Эта мысль окрепла в нем после встречи с Греем — сыном соседки...

Однажды в их лабораторию поступила партия "свежего материала". Среди двух десятков избитых, покалеченных людей, Андрес, хотя и с трудом, опознал Грея.

Соседей он знал давно. Мать Грея — Даро, будучи совсем молодой девчонкой, переехала на материк Эгина, в поисках края, где расовые различия не являются мерилом полноценности человека, где любой гражданин может получить образование и жить, не подвергаясь преследованиям.

По Саргонским меркам, Эгина, пережившая жестокую встряску войны, вторжение объединенных армий Орлов и Справедливых, то есть испытавшая на своей шкуре весь ужас геноцида, шовинизма, фашизма и еще десятка подобных "благ", решительно отбросила все виды насилия и подавления личности.

Народы, населявшие материк, вздохнули полной грудью воздух свободы, пропитанный запахом пороха, разлагающихся трупов, немытых человеческих тел... Для граждан свободной Эгины это был аромат новой жизни, новых взаимоотношений, новых понятий.

Простой неграмотный крестьянин мог высказать свои соображения по поводу управления страной и, по воле народа, мог стать руководителем страны.

Окрыленная победой страна мечтала о великом будущем, проявляя истинный героизм в защите своих завоеваний и в мирном труде. Молодежь строила новые города, фундаментом которых были кости от непосильного труда, недоедания и холода энтузиастов. А власть в стране исподволь переходила к заново возникшей элите. Элите умной, которая учла все ошибки старых правителей и сделала почти невозможными новые выступления народных масс.

Внешне все было хорошо: средства инфрмации сплошь и рядом втолковывали народам всего Саргона, других планет и систем, что нет страны счастливее Эгины.

Вот так и Даро, поддавшись пропагандистской шумихе, нашла возможность перебраться на материк Эгина, в край свободных и счастливых людей.

А тем временем, на Эгине гибли лучшие умы, что было и не удивительно: они-то одними из первых поняли, куда катится страна.

Теперь даже слово "интеллигент" звучало, как оскорбление.

Спустя десятилетия, народ начал понимать подоплеку происходящего, но цепи нового рабства были добротно скованы.

Андресу повезло. Дара стала его репетитором, передав ему весь багаж своих знаний, скопленных ее недюжинным умом. Он стал специалистом-биоником, а поскольку элита, державшая в руках судьбу

страны, была обеспокоена тем, что рано или поздно сроки жизни, отпущенные судьбой, истекали — бионики были нужны, несмотря на сомнительное, с точки зрения властей, происхождение.

Находясь у кормила власти, или как еще подшучивали в народе, "у кормушки", элита не останавливалась ни перед какими затратами, субсидируя исследования...

Мозги "яйцеголовых" оставались в цене. Но иногда слишком уж "заумных" ученых убирали...

Андрес старался объединить вокруг себя сотрудников, пытаясь создать центр саботажа заданий элиты.

Сегодня, вызванный к координатору, он выслушал весьма нелестный монолог, из которого узнал, что "паршивый интеллигентишка" возомнил себя вершителем судеб элиты, а на самом деле он... Дальше следовало непечатанное. Когда он вышел из кабинета, адъютант-секретарь вручил ему предписание выехать для продолжения исследований в Фара. Андрес не взял предписания и ушел...

Ночью, когда вся семья уже спала, раздался звонок, потом удары чем-то тяжелым в дверь. Открыть Андрес не успел: дверь с грохотом упала на лестницу. Около десятка мужчин, одетых в гражданскую одежду, но с военной выправкой, заполнили квартиру.

Детей и жену Андреса, не успевших одеться, сбросили с постели, после чего, вслед за хозяевами, на пол полетели постельные принадлежности. Ворвавшиеся что-то искали.

Андрес стоял у стены, наблюдая, как спокойно и деловито агенты ломали шкафы, рвали книги, распарывали диваны и кресла, вытряхивали чемоданы. Досталось и детским игрушкам: их давили каблуками, если игрушка былав твердой, и пороли ножом мягкие.

— Есть!— заявил один из прибывших, поднимая над головой руку с зажатым в ней, якобы найденным, парализатором военного образца.— Заговор! Подготовка покушения!

Он подошел к Андресу и ударил его в лицо. Затылком Андрес врезался в стену, у которой стоял, и потерял сознание. Пришел в себя уже в машине. Его везли на аэродром.

— Хватит! Нанюхался я их счастья...— Виккерс помассировал виски и проделал несколько движений, разминая мышцы.— Нужно кончать с этими...— дальнейшее было сказано на языке, которого Фарлен не знала, а о содержимом могла судить по тону и выражению лица говорившего.— Для продления жизненного цикла им нужна Фара! Там их ждут наши. Всем нам предстоит нелегкий труд по сбору и уничтожению знаков Фара. Но до этого надо изменить программу гипноизлучателей: в минуту опасности они могут успеть дать импульс уничтожения жителей. Попытаемся ограничить число жертв. Сорок "же" им на плечи!..

Он поднял поручень кресла, намереваясь закрыть пульт управления, но его остановил молчавший все время Джон.

— Можно мне?— Он сел в кресло и нажал на клавишу "Техника".— Поинтересуюсь, если удасться, что делать с излучателями и знаками...

— Отлично, малыш!— засмеялся уже начавший приходить в себя Виккерс, но Джон уже не слышал: его глаза закрылись, тело расслабилось... Некоторое время он сидел неподвижно, потом вскочил на ноги и закрыл пульт-поручень.

— Лучше всего,— как заученный урок отрапортовал он,— прибегнуть к помощи мозга, имеющего к Саргону пространственный туннель из галактики А-32, сектор Млечного Пути, система "Дерущихся Змей", В-Змеи, 8-я планета... Вы что-то говорили о супермозге...— Он обернулся к Виккерсу.— Может это он? Пока мы будем изымать Знаки, он может продублировать гипноизлучатели...

— Вик, связь с запалом Знака идет на обычной радио-частоте... Зачем сейчас мозг? Сначала соберем Знаки... Хотя,— Фарлен задумалась,— можно внушить им, чтобы все их добровольно принесли и свалили их в любую яму...

IX

За время отсутствия Разведчиков, в городе ничего не изменилось. Все тот же размеренный ритм административного центра, те же проблемы, те же заботы. Разве что воздух стал прохладнее, а люди оделись потеплее...

Снова втроем..... Правда, Харема заменил Джон... А вот проблемы остались прежними: уладить вопрос с жильем, собрать Знаки Фара, отключить гипноизлучатели, не навредив людям, и еще...

— Завтра День Возмездия... Попробуй выйти на связь с мозгом, Вик. Пусть он на время возьмет контроль над владельцами Знаков...

— Для связи с мозгом при этом фоне нужна установка Харема... Нужно заглянуть к нашей бабуле. Все-таки мы ее родственники из Такна!

Они находились неподалеку от злополучного "Благоденствия", и Виккерс, прежде чем выйти на 9-ю Паломническую, окинул ее взглядом. Ничто не предвещало неприятностей, и они спокойно пересекли шумную улицу, затерявшись в потоке прохожих.

Джон с интересом впитывал новые впечатления, вполне полагаясь на бдительность своих спутников. Виккерс сосредоточенно размышлял, а Фарлен, засунув руки в прорези плаща, с невозмутимостью шагала рядом, не уступая никому дороги. Впрочем, ее невозмутимость была несколько наигранной, так как под плащом ее рука покоилась на рукоятке револьвера, а рукоять ножа была рядом с другой рукой...

Обладая отличной зрительной памятью, она осматривала встречных, надеясь вовремя узнать кого-либо из своих знакомых — встреча с любым из них не входила в ее расчеты...

Наконец, центр остался позади, и они выбрались на знакомую улицу.

Здесь тоже все было по-прежнему: унылые коробки-дома, с маленькими, похожими на птичьи дупла окнами, те же бедно одетые — не хватает заработка на лучшее, стоящее настолько дорого, что носить может только элита, как говорил один из Бессмертных: "Наш контингент..." — тянущиеся от водоразборных кранов на верхние этажи — вода была в домах другого "контингента". Дома в большинстве своем пяти- и шестиэтажные, разбитые на клетушки комнаты. Рабочий и этому будет рад, а глотку заткнули. Низкие дома были еще удобны и тем, что не нуждались в лифтах, а когда за неимением лишнего пространства стали лепить огромные, многоэтажные коробки, пришлось ставить лифты, которые все равно не действовали, но устанавливались!

Виккерс достал ключи и, подойдя к подъезду "своего" дома, открыл "парадное", то есть общую входную дверь.

Хозяйка была на работе. В комнате произошли некоторые изменения: вещи, оставленные разведчиками при неожиданной отлучке, лежали аккуратно сложенными под небольшим столиком в углу комнаты, на полу появился новый ковер, а на столике... лежали книги!!!

— Клянусь Космосом,— Виккерс взял верхнюю книгу,— выхолощеный Знак Фара благотворно действует на нашу знакомую... Сборник поэзии Эгины! Раз начала читать, значит, начала думать. Не зря простых аборигенов кормят только собраниями сочинений Бессмертных и передачами о благоденствии под эгидой Фара, а беллетристика — удел бедных слуг, которых не требуется убеждать, что жуя черствый хлеб, они наедаются пирожными. Интересно, как дела у "охотников", глядишь, станут пай-мальчиками.

— Когда-то на нашей пра-планете Земле, до объединения всех народов против всех видов власти, под каким бы соусом она не подавалась, какими бы лозунгами не пользовалась, были свои элиты, то ли наследственные, то ли избранные на свою голову народами, которые неизменно вели свои государства к завуалированному фашизму. И пусть у них не было вампиров-Бессмертных, но соки, жизненные силы из народа они высасывали не хуже вампиров. Угнетенный, ищущий хоть какой-нибудь духовной раскрепощенности, народ пытался найти выход в создании своих религий, своих учений, но даже самые прогрессивные теории правители ухитрялись обращать себе на пользу. Но остановить растущее сознание народов было трудно... Вот народ и смел все виды власти на Земле, уничтожил границы, которыми так умело пользовались сидевшие в персональных квартирах, ездившие на персональных машинах, получавшие персональные зарплаты и пенсии, на которые они уходили только потеряв способность двигаться или уже окончатель-

но перессорившись со своими друзьями-сподвижниками и "выпертые" из содружества вампиров.— Фарлен, разговаривая, ковырялась в аппарате Харема. Затем она выпрямилась и, откинувшись на спинку стула, добавила:— Готово. Фон снимает.

Виккерс послал импульс и получил ответное рукопожатие... Мозговой контакт снова был непродолжительным — он напоминал диалог, в котором участники одновременно говорят и слушают собеседника.

Виккерс обернулся к своим спутникам.

— Три гипноизлучателя. Расположены так: один в Храме, самый мощный и связанный с компьютером, второй на космодроме, третий здесь, на здании ВРУ, два последних все время дают одно и то же, по записи... Здание ВРУ уничтожить проще всего — оно в пределах видимости. Оставим его на десерт... Еще нужно взорвать координационный центр, он под космодромом. Мозг продублирует импульсы излучателей и изменит фон. Операция будет окончена, когда аборигены сойдутся, как обычно, в День Возмездия, к открытому плавательному бассейну. Тогда последний Знак Фара булькнет в воду. Джон, поскольку ты третий в нашей группе, будешь работать с Фарлен, а я попробую связаться с нашей ударной группой,— он ласково улыбнулся,— это наша боевая, испытанная четверка свободного поиска... Они нужны нам к утру. Встреча назначена на Площади Процветания, у монумента Пяти Недремлющих, сразу после захода солнца.

Когда-то на этой площади, ограниченной жилыми массивами и большим старым парком, происходили народные гуляния, выставки... В те, давно уже ушедшие времена, в центре площади стоял отлитый в бронзе памятник первому премьеру свободного народа Эгина — Ростану. Расправив могучие плечи, он стоял на шестиугольном постаменте, вскинув руку открытой ладонью верх. С ладони, провожаемой взглядом Ростана, взлетал космический корабль.

У памятника с заходом солнца любила собираться молодежь — тут пели песни, читали стихи, большей частью собственного сочинения, тут обсуждались волновавшие молодые умы проблемы... Гипноизлучатели решили все проблемы раз и навсегда...

Теперь, у нового памятника, котрый увековечил пятерку Бессмертных, стоявших без пьедестала, как бы вышедших прогуляться к "любимому народу", возносилась хвала в Дни Возмездия, и пелись хвалебные песни вперемежку с гимном Фара. В остальные дни, если погода благоприятствовала, тут можно было посидеть за столиками, вынесенными из бара прямо на плиты площади, выпить прохладительный напиток или что-нибудь горячее, поесть и, если позволит карман, поесть неплохо... Людей обычно было много, но свободных столиков хватало.

В этот вечер погода не подкачала. Виккерс с удовольствием вдыхал запах парка: аромат цветов, запах зеленых и чуть вянущих листьев, испарения орошенной земли... Он окинул взглядом столики и прохожих,

пытаясь выделить из общей массы людей свою четверку. Мелькнула мысль, что группа еще не прибыла, а, может, попала в какую-нибудь переделку. Найдя свободный столик под витриной бара, он сел, обернувшись к ней спиной. Солнце уже скрылось за верхушками деревьев, его последние лучи высвечивали верхние этажи домов, окружавших площадь, брызгая сотнями солнечных бликов от окон, отчего площадь приобрела вид шахматной доски...

"Запаздывают,— размышлял Виккерс, набирая заказ на небольшом пульте в центре столика.— Может их раскрыли?"

К его столику подошел мужчина, волоча за собой кресло от соседнего столика. Мельком взглянув на подошедшего, Виккерс отвернулся. Взглянуть мельком для Виккерса было тоже самое, что для обычного человека сделать несколько снимков — сейчас он анализировал увиденное. Странным было и то, что подошедший приволок еще один стул, хотя у столика было три свободных. Облик мужчины был незнаком Виккерсу, и вместе с тем, что-то было в нем не так.

— Вы позволите?— обратился подошедший и, не ожидая ответа, сел у столика совсем на другое место.

Виккерс рассмеялся.

— Чтоб ты проглотил комету, а ее хвост торчал из глотки! Ты делаешь успехи. А где остальные?— Густой парик и борода, плюс отличный загар, настолько изменили внешность Валема, что выдал его только голос.

— Вон, топает счастливая семейка,— кивнул профессор на приближающуся раскрашенную даму с двумя подростками.

Дама положила руки на плечи своих спутников и тихо произнесла:

— Без эмоции! Еще будет время... Садитесь.

— Мы приехали взглянуть на вашу чудесную страну,— заговорил Валем, обращаясь к Виккерсу.— Эта милая семейка тоже из нашей экскурсии. Мы все время держимся вместе... Мне нужно... пока они будут заказывать... не будете ли вы так любезны...— Он наклонился к Виккерсу, хорошо разыгрывая смущение, и стал что-то шептать.

Посторонний наблюдатель мог решить, что мужчине понадобилось такое, о чем в присутствии детей и дамы не принято говорить вслух.

Виккерс засмеялся и, бросив на столик деньги, встал.

— Я провожу вас,— сказал он, пропуская Валема вперед.

Когда они удалились на приличное расстояние от столиков, Виккерс указал тропинку, идущую сквозь заросли деревьев.

— Сюда. Тут, по крайней мере, нет насекомых...

Валем удовлетворенно хмыкнул.

— В гостинице их полно. А расшалившаяся детвора выковыряла все микрофоны, еще, к тому же, угробила телекамеру, о чем мы весьма скорбим вместе с ВРУ...— Валем был весел, и ему безумно хотелось обнять Виккерса, это желание было у всех "экскурсантов".

— Завтра День Возмездия,— начал Виккерс,— и вы с самого утра возьмете под контроль плавательный бассейн. Скорее всего, жрецы вме-

шаются... Я в это время буду заниматься излучателями, и, по мере их уничтожения, Мозг возьмет их функции полностью на себя. И, конечно, продублирует фон, модулируя его своей информацией. Я отправлюсь в сторону Храма — там у них главный излучатель. Моя задача обезвредить его, информационный центр, потом вернусь "дорабатывать" сюда. Сейчас идите по этому адресу.— Виккерс всунул в руку Валема клочок силиконовой ленты, на котором шифром патруля были выбиты буквы и цифры.— Там двое наших. Соскучился я по детворе и Росите.

Он повернулся и, не оглядываясь, углубился в темноту.

Валем, постояв некоторое время, пошел к столикам.

X

Храм был ярко освещен. Виккерс даже зажмурился: так резок был переход от темноты аллеи к буйству праздничных огней у Храма.

Его интересовало состояние ранее поврежденных антенн у Храма. Он убедился, что все они были уже старательно восстановлены.. К его величайшей досаде.

"Быстро управились,— подумал Виккерс,— впрочем, делают-то они не своими руками... А задурманенный народ костьми ляжет от переполняющего его энтузиазма." Кости пойдут на удобрение, а еще пригодные к пересадке органы пойдут в пересадку для элиты...

Покинув оживленный район, он расположился у скалы под прикрытием какого-то куста, с которого уже начали облетать листья, и попытался представить эту страну лет через двадцать. Скорее всего, в Храме обоснуются ученые, археологи, космопроходчики, Патруль... Патрулю предстоит уйма работы. И не только эгинцы, а и лучшие умы всего Саргона будут здесь... Исчезнут границы...

Все начнется завтра утром... Виккерс позволил себе расслабиться, размечтаться. Только где-то в закоулке мозга мелькнула мысль о всех предстоящих трудностях, но это все завтра, а сейчас — отдых.

В это время раздался шум скатывающихся по склону камней, и мимо Виккерса мелькнула стелющаяся по земле тень. В ночи сверкнули два красных глаза, и тень растворилась в кустах.

"Конг",— узнал Виккерс, устраиваясь поудобнее. Он включил защитное поле в ждущий режим и уснул. Несколько раз поле включалось, будило его: камешки осыпи, мелкие зверьки попадали в зону действия экрана. Виккерс просыпался, сквозь дремоту отключал поле и засыпал снова.

За час до рассвета он проснулся окончательно и спустился к ручью — напиться и освежиться после сна. Как обычно, по укоренившейся привычке, он проверил воду. Она была "чистой". Каждый Патрульный,

а тем более Свободный Разведчик, знал непреложную истину: на "неблагополучных" планетах все продукты и, в первую очередь, вода, подлежат проверке на радиоактивность.

В крайних случаях космонавты могли пользоваться "горячей" водой и пребывать в зонах, уровень радиации в которых в сотни раз превышали нормальный, не угрожающий живой материи... А Виккерс, будучи мутантом, мог бы совсем не тревожиться такой мелочью, как "горячий" ручей...

И все же — "Не лезьте на "рожон",— любил говорить инструктор школы Патруля,— а, главное, в чужом мире вы должны быть всегда готовы к любым неожиданностям — не расслабляйтесь!"

Виккерс, склонившись над водой, зачерпнул ее ладонью и напился. Потом плеснул ледяной водой себе в лицо, удовлетворенно фыркнул и вытерся краем плаща. Потом выбрал камень покрупнее, уселся и достал тюбик Е-рациона.

"Это, конечно, не деликатесы с Замковой... Но — еда, своя, привычная".

Он осмотрелся. Вершины гор уже серебрились под лучами восходящего солнца, пробуждались птицы...

В сиянии и грохоте взрыва утро исчезло...

Для Виккерса возвратилась ночь...

— Куда труп?

Это были первые слова, дошедшие сквозь тьму и разрывающую тело боль до Виккерса.

— Приказано было доставлять всех, хоть по куску. А этот тяжелый. Может, и правда, по куску будет легче тащить? Давай пополам?

Виккерс пытался собраться с мыслями, сосредоточиться, но не мог. Мысли плелись, как столетия: нога за ногу...

Он слегка шевельнул рукой. Что-то получилось, но движение откинулось болью.

— Смотри, шевелится!— в голосе говорившего звучало удивление.— Добивать придется, а то как делить... О, пояс ему мешает, а обрубком-то не очень поворочаешь...

Превозмогая подступающее беспамятство, Виккерс прижал остатки руки к черному квадрату на поясе.

— Конги! Стреляй!— крик не выражал испуга, только предостережение.

Виккерс сосредоточился на зрении. Постепенно темнота отступала, и он, как в тумане, разглядел одним глазом прижавшихся спинами друг к другу двух жрецов, отстреливающихся от окружавшего их десятка конгов. По его телу ползла солидных размеров змея, чешуя которой всякий раз вспыхивала радужным сиянием, когда пули жрецов летели в его направлении. Виккерс закрыл глаза и начал исследовать свои болячки. Он понял, что врагов ему уже не приходится опасаться, что времени у него почти не осталось, что День Возмездия уже наступил.

Мозг его, еще не оправившийся от шока, с трудом выполнял свои функции, но ожидание, было равносильно смерти: могло не выдержать сердце, могло не хватить крови...

— Делать-то что?— снова услышал он голос.— Не нападают, а шевельнуться не дают. Смотри, мы ни одного не шлепнули. Жаль, кончились патроны...

Виккерс перестал слушать. Он не знал, сколько прошло времени, пока, собравшись с силами, он не ухитрился сесть. Змея, скользя по его шее, сползла с ноги и, обвившись вокруг лодыжки, застыла. Только ее головка, поблескивая бисеринками-глазами, с явным любопытством вертелась из стороны в сторону, ловя каждое движение вокруг.

Виккерс тоже огляделся. В метре от него, окруженные сидящими конгами, стояли жрецы. Их любое движение сопровождалось грозным ворчанием конгов, а жрецы старались стоять спокойно.Виккерс с удивлением перевел взгляд на свою ногу. Она была голой, неестественно розовая кожа страшно зудела.

"А где же ботинки и половина штанины?" — Ему стало здорово не по себе, когда он осознал происшедшее, неподалеку лежал его ботинок с куском материи, бывшей раньше частью его костюма... Из этих окровавленных лохмотьев торчала белая кость в воротнике из рваного мяса...

"Великий Космос, провалиться мне в Черную дыру, если это не мой ботинок, вместе с ногой..."

Лежавшая рядом кисть, с зажатым в ней тюбиком Е-рациона, уже не требовала комментариев.

Превозмогая головокружение, он встал. Змея спустилась к незащищенной одеждой части ноги, и ее клыки погрузились в тело. Виккерс вздрогнул от неожиданности и боли, которая сразу же прошла, но не сделал попытки помешать земноводному. Через несколько секунд головокружение и зуд прошли, а змея сползла на землю.

— Теперь снова рацион,— сказал Виккерс, обращаясь к змее.— А ты, голубушка, подержи поле.

Он достал еще один тюбик Е-рациона, не решившись отбирать у мертвой руки ее трофей.

Раздался глухой стук — оба жреца лежали на сырых камнях без сознания.

Только теперь Виккерс заметил, что земля и кусты буквально кишели собравшейся вокруг живностью.

"Да, Фарлен, постаралась на славу!" — подумал он, и уже вслух добавил:

— Все зверюги свободны! Благодарю, и обещаю больше не разевать рот!

Он снял обувь со второй ноги, швырнул ботинок в ручей и пошел к Храму.

XI

Виккерс не знал, как вышли на него жрецы — случайно, или следили за ним, поэтому принял меры предосторожности. Первое, что требовалось проделать — сменить изорванную одежду... Он подошел к жилому, как ему казалось, дому, и стал ждать.

Двухэтажное длинное здание имело множество окон. Они были темными, и только через некоторое время загорелся свет. Он вспыхнул одновременно в целом ряде окон верхнего этажа, и Виккерс понял, что это, скорее всего, казарма, в которой проживает охрана или обслуживающий персонал. Наконец, дверь открылась, и вышел одетый в форму, напоминающую костюм космонавта, мужчина, низенький и толстый. Он поежился от утренней свежести, потер руки и двинулся по тротуару, шедшему вдоль стены дома. Пока Виккерс прикидывал размеры одежды вышедшего, дверь снова распахнулась, и показалось еще несколько человек...

Тут было не до примерки, и Виккерс благоразумно не высовывался из тени кустов.

После того, как здание покинуло еще человек десять, Виккерс, понимая, что ждать больше не может, двинулся к дверям. По пути было несколько небольших кустов, за которые он пытался держаться. Из двери выскочил еще какой-то запоздалый и, громко окликая товарищей, припустил за ними.

Виккерс приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Посреди большого холла, заканчивающегося широкой лестницей, стояло несколько кресел и несколько кубов объемных экранов. Один был включен, и на его месте металась какая-то пара, видимо, выясняя отношения. В кресле, недалеко от двери, сидел охранник, наблюдая перипетия семейной жизни... Виккерс вошел, и не успевший ничего понять караульный потерял сознание от увесистого удара ребром ладони за ухом.

Виккерс поднял своего "крестника" и перенес за стеклянную перегородку, где и положено было находиться последнему. Услышав шаги, Виккерс усадил отяжелевшего охранника в кресло, откинув его на спинку.

— Привет, Гарон,— взмахнул рукой проходящий жилец казармы и, не дождавшись ответа, добавил,— дрыхнешь... Когда-нибудь нарвешься на начальство...— и вышел.

Виккерс начал переодеваться. Свою одежду он сунул под скамейку, спеленутого силиконовой лентой охранника сунул под стол. Ботинки жали, брюки были коротковаты, но, в общем, Виккерс оставался доволен. Сунув за пояс оружие охранника, он вышел.

Утро было в разгаре... На здании передающего центра космопорта сияли новые антенны. Виккерс вышел на памятную площадь, пересек ее и стал у стены здания на другой стороне площади.

Сейчас он не собирался церемониться и действовал с полной отдачей...

Здание центра просело и начало растекаться, а Виккерс уже принялся за остальные службы...

Когда почти весь космопорт дымился, Виккерс обрушил вход в Храм и послал пробный телепатический импульс Мозгу...

"Я слежу за тобой. Контроль принял",— последовал немедленный ответ.

Виккерс телепортировался в город на площадь перед зданием правительства и принялся за остальные излучатели.

Его разрушительную деятельность прервал импульс Роситы:

"Вик, пятерка бежит в космос. Они стартовали у Храма".

Помянув все космические препятствия, Виккерс убыл назад к Храму.

На столбе бушующей материи, вырывавшейся из дюз, уходил в небо космический скоростной лайнер. Одного взгляда на взлетное поле было достаточно, чтобы понять: на оставшихся тихоходах догонять бессмысленно... Он телепортировался на борт лайнера, материализовавшись в одном из коридоров, откуда направился на корму к двигателям.

Добравшись до ремонтного люка, на котором вспыхивала надпись "Радиация! Смертельно!" и постояннно горело табло: "Без скафандра высшей защиты не входить!", он снял запорные болты и откинул люк. Пройдя в узкий коридор, опоясывающий корабль по окружности, он обернулся и заплавил люк изнутри. Преследуемый волной жара от расплавленного металла, и чувствуя "жар" повышенной радиации, он разбил колпак, закрывающий управление аварийным сбросом реактора двигателей. Начал он с отключения одной дозы, так что корабль стал описывать дугу. Не дав времени пилотам выровнять курс, он включил аварийный сброс двигателя, оставив только аварийный реактор жизнеобеспечения и телепортировал к Храму...

На площади шел бой. Несколько космокатеров поливали площадь залпами боевых аннигиляров. Лучи их, как гигантские плуги, выворачивали землю и бетон космодрома, в центре которого стояли Фарлен и Джон, укрытые силовым полем.

Всю эту сцену Виккерс наблюдал какую-то долю секунды, так как, не успев стать на почву, он, полуобгоревший, телепортировался с поля боя.

С трудом придя в себя, он стоял теперь, прислонясь к стене дома, на улице позади катера.

Черная громада катера хорошо просматривалась в проеме улицы, и Виккерс с удовольствием сосредоточил свою психоэнергию на его тупой вершине, месте, где находился пилот... Катер грузно осел, а Виккерс перекочевал к другому катеру.

Успокоив аннигиляторы, Виккерс передал Фарлен: "Выбирайтесь, не снимая защиты, и идите к бассейну". Нащупав Роситу, он ознакомился с положением у бассейна.

Когда "обряд затопления" Знаков Фара был окончен, Виккерс предложил Мозгу транслировать его — Виккерса — приказ: всем покинуть район бассейна, после чего Мозг снял радиочастоту...

Вода бассейна исчезла, умчавшись кипящим паром вверх, края котлована, покрытые керамической плиткой, лопнули с оглушительным треском, сгорели скамьи и металлические поручни, трапы...

Только защитные поля уберегли Разведчиков, которые предусмотрительно отодвинулись от оплывающих берегов...

— Вик,— Ливен не мог больше молчать,— нам пришлось драться! Жрецы кинулись на людей, не давали выбрасывать эту гадость.— Он кивнул в сторону раскаленного бассейна.— Фарлен их слегка поджарила, а мы прикрывали ее станнерами и парализаторами.

Виккерс обнял Ливена, и тут же под другую его руку подсунулась голова Кэт. Конечно, она тоже заслужила похвалу!..

Валем смеялся, глядя на своих отважных соратников, а Фарлен и Росита задумчиво смотрели на затухающий бассейн.

Мозг согласился вести еще некоторое время "подпитку" подсознания аборигенов по измененной программе...

В городе было неспокойно. Прекращение гипнопередач возымело неожиданные последствия: аборигены осознали свою роль подопытных и выращиваемых на убой животных...

Виккерс с тревогой наблюдал происходящее. Несколько молодых парней, только недавно избавившихся от Знаков, вошли в квартиру "обожаемого", избранного ими же представителя "слуг" народа... Войти было непросто, пластиковая дверь под ударами начала рассыпаться, но под осыпавшимся пластиком оказался металлический каркас, не поддавшийся усилиям "гостей". Попытка проникнуть в здания черед окна тоже не увенчалась успехом: стальные полосы образовали прочную решетку и уходили в стены, как арматура.

Вилла находилась в центре небольшого садика-парка, в окружении старых деревьев, аллеек, обсаженных цветами. Неглубокий ручей пересекал усадьбу, вырываясь из-под замшелого валуна у ограды и исчезая во рту огромной рыбы, высеченной на скале, ее спина и часть хвоста переходили в ограду.

Через ручей был перекинут легкий металлический мостик.

Парни подняли этот мостик, втащили на стоящее ближе других к дому дерево и, оперев на ветку, обрушили металлическую конструкцию на край крыши. Уверившись, что мостик стоит прочно, они перебрались на дом.

Взломать дверь, ведущую внутрь дома, на сей раз оказалось нетрудно: она не была рассчитана на длительную осаду.

Когда они ворвались на узкую винтовую лестницу, их встретили выстрелы. Несколько пуль, выпущенных из оружия, которое рявкало в руках хозяина-"избранника", расщепило перила, ранило в грудь "избирателя". Он-то и обезвредил хозяина, свалившись на него с

лестницы. Когда оба в глубокой контузии лежали на полу, прибывшие беспрепятственно спустились вниз, подобрали оружие, стукнули для очистки совести хозяина по голове, подобрали товарища и ворвались в жилые помещения.

Господская дочь встретила их, забившись в угол кабинета и целясь из парализатора, ствол которого описывал круги в ее трясущихся руках. Выстрелить она не успела — пуля попала ей в живот. Некоторое время она удивленно смотрела на хлещущую из раны кровь, потом побледнела и, не издав ни звука, упала вперед лицом.

Всю скамейку втащили в гостиную — тут была жена хозяина, он сам, постанывающий от раны на голове, не пришедшая в сознание дочь, еще одна дочь помоложе и сын.

Раненого работягу устроили на диване и, насколько хватало знаний, оказали первую помощь — он пришел в себя.

Незванные гости начали осмотр дома-крепости. Больше всего их поразило обилие драгоценностей и нарядов, которыми "ублажал" избранник свою супругу и дочерей. Под домом находилось помещение-холодильник, забитое такими продуктами, о котрых люди знали только понаслышке. Небольшой лифт вел еще ниже — там оказалось небольшое "персональное" противорадиационное убежище, рассчитанное на отсидку, по крайней мере, в течение пяти-шести месяцев... Тут тоже были запасы продуктов, лекарств, оружия...

— Неужели все это можно сожрать?— удивился один из парней.— Тут на сотню человек.

— Давай посмотрим, съедят ли?— засмеялся его товарищ.

Притащив наверх несколько ящиков напитков и невиданных продуктов, они предложили хозяевам есть.

Обескураженные представители благородной элиты, с трудом понимая, чего от них добиваются, начали жевать...

— Н... не... м... могу больше...,— прохрипел избранник, отталкивая от себя еду.

— Покормим! Мы всю жизнь вас, гадов, кормим,— один из парней начал проталкивать еду в номенклатурную глотку.— Ешь, ешь, тебе много нужно, не то, что нам... Ну, кусаться нехорошо,— вскрикнул он, стряхивая кровь с пальцев и пробуя продвинуть пищу стволом пистолета.

Избранник хрипел и закатывал глаза, проклиная, видимо, ту минуту, когда из свойственной элите жадности нахапал столько "подпольных" продуктов. Он вцепился в кормящую его руку и попытался вырвать оружие — вопли "питающихся" членов его семьи придали ему сил... В пылу борьбы кто-то из них нажал курок, и жирный затылок хозяина брызнул кусками кости и остатками склеротического мозга . Через несколько минут остатки хозяев валялись на проезжей части дороги. Прохожие брезгливо обходили элитные остатки...

Этот случай был как бы толчком начавшемуся беспощадному уничтожению элиты. Улицы постепенно захламлялись останками избранных, их грузили в мусоровозки и вывозили за город на свалку.

Предложение использовать элиту на "запчасти" было с негодованием отвергнуто: никто не хотел иметь в себе какой-нибудь орган, напоминающий о "любимых"...

Виккерс не пытался вмешиваться в происходящее, хотя временами чувствовал угрызения совести. Он только время от времени переключался с одного мозга на другой, пытаясь составить картину происходящего.

Неожиданно он наткнулся на мозг, в котором зрело решение спуститься на нижний уровень, что-то вроде города под городом, и активировать взрывное устройство, сигнал которому не успел послать координационный центр. Поскольку вместе с центром Виккерс уничтожил счетчик радиации, что само по себе было невероятным событием, что стала возможной активация не только взрывчатки, но и ядерного устройства.

Виккерс выругался. Аннигиляторы и бластеры ведь действовали! А он не придал этому значения...

Предупредив друзей, он телепортировался к аборигену, мозг которого "прощупывал".

Свет, казалось, лился отовсюду. По части освещения на Эгине были спецы... Белизна стен, полов только усиливала эффект яркой освещенности. В темной накидке, покрытой к тому же копотью, Виккерс явно выпадал из сияющей стерильной картины.

Спешащий по коридору абориген, одетый в белый халат, в белой накрахмаленной шапочке на голове, двигался совершенно бесшумно — обувь его тоже была приспособлена к окружающей обстановке, которая напоминала операционную для привилегированных граждан.

Виккерс решил не брать пока под контроль своего проводника, а ограничиться "прослушиванием" его мыслей. Еще требовалась белая экипировка — заставлять каждого встречного "забывать" было слишком хлопотно. Проходя по длинному коридору, Виккерс узнал от своего подопечного, что за пластиковой панелью, в одной из стен, находился склад одежды. Он мимоходом выхватил из ниши халат и головной убор. Халат оказался тесноватым, и Виккерсу пришлось выбросить плащ, после чего он с трудом натянул эту "смирительную рубашку" на себя.

"Похож на чучело",— фыркнул Виккерс, глядя на свое отражение в пластиковых стенах.— Рукава короткие, из-под халата торчат рваные брюки, не достающие до грязных армейских ботинок... Нужно кого-нибудь подраздеть..."

Его провожатый остановился у стены и, прикоснувшись к ней, потянул пальцами невидимую линию. За его рукой стена начала

раскрываться — образовалась неширокая щель, в нее он опустил металлическую пластинку с набитым на ней кодом.

Впереди по коридору упала стальная плита-стена и... Виккерс едва успел отшатнуться — такая же стена шлепнулась перед ним, отрезая его от аборигена.

Виккерс телепортировался сквозь стену, ощутив боль во всем теле. Оглянувшись, он понял причину боли: стену окутало силовое поле.

Абориген стоял у стены, а щель, в которую он опустил жетон, расширялась, образуя проход, перпендикулярный коридору. Не торопясь, он вошел в проход, и Виккерс шагнул вслед за ним...

Проход закрылся моментально, а перед ним снова возникла стена, и, одновременно, Виккерс услышал вой сирены. Отгороженный отрезок коридора начал наполняться, как определил Виккерс, газом ИТ-72, быстродействующим отравляющим веществом.... Обхватив ошеломленного аборигена сзади, Виккерс телепортировался дальше по коридору. Впереди, с глухим стуком, упала очередная заслонка... "Пошарив" в памяти аборигена, Виккерс определился в топографии подземных переходов и телепортировался в пультовую. Вой сирены не прекращался. На стенах и потолке вспыхивали желтые буквы:

"Сектор — О.ОПАСНОСТЬ!"

Спасенный, уже под контролем Виккерса, подошел к пульту и отключил сигнализацию, после чего замер, не имея дальнейших указаний...

Виккерс проследил путь проводников взрывного устройства под обшивкой стен помещения и, сконцентрировав психоэнергию на небольших участках стены, выжег коммуникации в нескольких местах. Потом абориген по команде Виккерса двинулся к заряду.

По пути Виккерс еще несколько раз уничтожал проводку... Наконец, они добрались до овальной двери-люка, затянутого винтовыми задвижками и запертого шифровым замком.

На люке был изображен круг, разбитый на сектора, окрашенные в разные цвета, а надпись по-эгински: "ОПАСНО! РАДИАЦИЯ!"

Шифр кодового замка абориген не знал... Виккерс велел ему ждать, а сам, решив не возиться с замком, "прыгнул" за люк, оказавшись в невысоком обширном помещении, которое было как бы чердаком над "хирургической" — вернее, как он уже знал,— над "банком органов". "Банк" хранил жизненно важные органы, изымавшиеся у населения...

"Хорошо продумали, один взрыв и потолок захоронит весь банк. Быстро и никаких следов! Нужно проверить — нет ли дублирующего привода."— Он бродил по чердаку, старательно выжигая подозрительные места, но на этом не успокоился и, вступив в контакт с друзьями, вызвал их к себе, предупредив Фарлен, чтобы Джона не брали, из-за высокой радиоактивности.

Радиация исходила от мощного ядерного заряда, который после активации взрывчатки и возможного уничтожения счетчика, находяще-

гося наверху, должен был сработать, превратив все содержимое "банка" в пылающий ад.

Пока Пэт и Ливен шарили по помещению, разыскивая необнаруженные заряды, взрослые, взяв по частям заряды, телепортировались в разные концы страны Фара, рассредотачивая опасный груз.

Наконец, измотанные психически и физически, они перебрались в помещение "банка".

Свет был не таким ярким, так как аварийное питание подходило к концу, а надежды на быстрое восстановление энергосистемы не было.

Фарлен связалась с Джоном. Он в это время развил бурную деятельность, пытаясь навести хоть какой-нибудь порядок в хаосе и разрухе, наступивших в Фара. Как ни парадоксально, самыми активными оказались "охотники" и другие аборигены, лишенные Знаков Фара задолго до переворота.

Фарлен мобилизовала всех специалистов на ускоренное восстановление энергосистемы...

Осмотр "банка" продолжался.

XII

После обнародования списков элиты, имевшей право пользования "банком", их собрали всех вместе и предложили альтернативу: выехать на один из материков Саргона, где установились порядки, не позволяющие всплывать такому "ценному" материалу, как "элита", или небольшими группами отправиться на неосвоенные планеты, где они смогут жить и трудиться, как все колонисты-первопроходцы, под контролем Галактического Совета и Патруля.

Жители Фара не очень охотно согласились с доводами Виккерса — они предпочитали уничтожить свою элиту и память о ней. Только уверения Виккерса, что Патруль берет на себя полный контроль над "слугами народа", внес какое-то успокоение...

Элита Фара перестала существовать.

"Сколько же таких "благоденствующих" планет?" — подумал Виккерс.

"А жаль, что их не топили,"— подумали Фарлен и Джон.

"Зачем пачкать воду?"— подумала Росита.

Пэт и Ливен тем временем возились с животными, время от времени находя "уникальных" — киборгов Фарлен.

Группе предстояло решить еще целый ряд проблем... Основным был вопрос: "Кто такие Паломники?"

У членов группы зрели планы. Предлагали исследовать всю гипнотеку с окраины столицы Фара, предлагали рейд по НП-переходам...

Мозг снял контроль со страны, но постоянно с интересом следил за бурными событиями в освобожденной стране.

В один из сеансов связи с Виккерсом, он посоветовал избавиться от гвардии элиты — жрецов и агентуры ВРУ.

"Как их отобрать?— поинтересовался Виккерс.— Не буду же я "прощупывать" всех жителей?"

— Я кое-что предусмотрел, ты уж прости меня...— Виккерс удивился: никогда еще Мозг не делал "лирических отступлений",— но я дал аборигенам пароль, который заимствовал у тебя... На вопрос: "Дело Патруля?" — ответ: "Смерть фашизму!" Знать его могут только носившие Знак, вернее, этот ответ в их подсознании. И, поскольку, само понятие и слово "фашизм" известно только вам и нескольким ученым-историкам, ответ не может быть случайным.

Валем и Джон предложили провести проверку под видом переписи населения. В группу переписи включили и тех, кто носил препарированные Знаки. "Охотников" взялась опекать Росита. Они первыми и попали в затруднительное положение.

Выбрав одну из радиальных улиц, они довольно скоро прошли с десяток домов... Очередным было небольшое двухэтажное здание, находившееся в глубине двора. Вокруг стояли подобные домишки, глухими стенами образовавшие подобие коробки-дворика. На воротах висела доска, уведомлявшая, что дом принадлежит содружеству писателей.

К этим писателям и вошла группа Роситы.

Молодой швейцар, крепкого телосложения и довольно приятной внешности, впустил их, не задавая никаких вопросов. Они представились, как агенты статистического управления, и решили начать работу с привратника, который, усевшись за столом, приготовился отвечать на вопросы...

Росита уловила его мысль:

"Микрофоны включены. Потяну время..."

Один из "охотников" с места в карьер дал пароль и замолк в ожидании отзыва.

— Какого Патруля?— поинтересовался швейцар-охранник.

— Нас просто интересует, чем занимается Патруль?— быстро вмешалась Росита. Она подошла вплотную к столу, протянула руку, обхватывая пальцами его край... Послышался негромкий щелчок.

— Ты что делаешь, стерва?— взвыл охранник, пытаясь оторвать пальцы Роситы от стола.

— Берегитесь, сюда со всего дома направляются жрецы.— Пока Росита напряженно вслушивалась, "охотники", не особенно церемонясь, скрутили руки охранника за спинкой кресла и оттянули от стола.— Он дал сигнал тревоги, пока это была обычная предосторожность... Они вооружены. Парализаторы, бластеры, пистолеты...— Как бы подтверж-

дая ее слова, вспыхнуло защитное поле, отражая луч бластера. Росита передвинула регулятор поля в положение "возврат", и луч погас, а с лестницы скатилось обожженное тело. Внешне охранник и жрец ничем не отличались от рядовых жителей Фара — одежду они сменили...

Висевшая на стене картина с морским пейзажем, вдруг, плюнув огнем, оборвалась, открывая ствол крупнокалиберного пулемета, прошивающего все помещение длинными очередями.

"Охотник" поднял бластер и выжег гнездо вместе с куском стены... А в комнате вдруг стало очень тесно: несколько десятков сопящих, воняющих потом и алкоголем мужчин — ввалилось из разных дверей.

Росита, вспомнив уроки Виккерса, сжала поле до минимума. Ободренные жрецы облепили сферу, пытаясь дотянуться до застывшей группы...

И тогда Росита резко расширила поле, давя окружающих. Затрещала одна из стен. Росита двинулась к выходу.

— Окружите дом,— приказала она,— но не подходите близко. Я возвращаюсь в дом.— И, пройдя назад в помещение, она начала расширять поле, ломая стены. Здание начало оседать, и Росита вышла на улицу. Лишенные опоры поля стены рухнули. Из окон рушащегося дома выпрыгнуло несколько жрецов, которых еще в воздухе срезали выстрелы "охотников".

— Ну вот, еще одно гнездо перестало существовать...— резюмировал один из спутников Роситы.— Пока идем без потерь...

Росита тотчас сообщила о происшедшем своим друзьям, они же, в свою очередь, порадовали ее своим "известием", что крупный отряд ВРУ и жрецов рвется к космическим кораблям.

Оставив "охотников" у следующего дома, Росита "прыгнула" к своим.

Кто-то из прислужников элиты захватил корабль среднего класса, задраил люки и включил противометеоритную защиту — экран, через который Виккерс когда-то уже пытался пройти. Последствия он помнил очень хорошо и не очень рвался к острым ощущениям. Взлететь корабль не пытался — видимо, сказывалась нехватка экипажа, и, к тому же, для старта нужно было снять защитный экран, загрузить же всю ВРУ-жреческую банду мешал Патруль.

Нападающие, понимая, что единственным выходом из создавшегося положения является уничтожение горстки людей, стоящих на их пути, двигались вперед, не считаясь с потерями.

Заминка произошла, когда "слуги" повторили свой излюбленный прием: они погнали впереди себя несколько десятков женщин и детей, подходя под этим прикрытием к разведчикам, блокировавшим входной люк корабля.

— Каждый берет на себя нападающего с бластером. Они надеются повторить номер у гостиницы. Сейчас нам не до церемоний.— И "ведомый" Виккерсом нападающий начал жечь своих соратников.— А сейчас деритесь сами, я займусь кораблем...

Виккерс, несмотря на экранировку, смог взять под контроль пилота осажденного корабля и, как только тот, повинуясь приказу, снял защиту, телепортировался в рубку.

Пилот, пытаясь подняться с кресла, отбивался от навалившихся на него членов экипажа.

— Всем стоять!— Виккерс, не особеннно выбирая методы и выражения, расшвыривал нападавших.— Никуда вы не летите! У вас назначена приятная встреча с представителями горячо любимого вами народа... Что-то не вижу восторга...

Подоспевшие Разведчики помогли пеленать в силикон несостоявшихся беглецов.

— Веселое было местечко!— Джон с удовольствием рассматривал свою руку, кисть которой он ухитрился потерять в стычке с ВРУ.— Как новая, только чешется...— Он для сравнения принялся рассматривать и вторую руку.— Ну, малышка,— он ласково посмотрел на Пэт,— спасибо, и помни: эта рука всегда в твоем распоряжении...

— Джон, ты остаешься здесь. Теперь ты наш, можешь рассчитывать на нашу помощь, помощь Патруля, Галактического Совета... А когда уладишь здешние дела, можешь присоединиться к нам на путях Паломников, на Терре.

Появилась Фарлен, почему-то перепачканная грязью, и тихо, но четко выговаривая каждое слово, заговорила с Виккерсом.

— Я получила капсулу по нашим каналам связи. В этой реальности над Эгиной не наблюдался темпоральный купол. Бессмертные не успели докончить исследования. Изменение реальности прошло успешно! А мы можем использовать мой корабль для прыжка во времени, если он понадобится для свободного поиска...

КОСМИЧЕСКИЕ ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

ПРОЛОГ

Я увяз по уши. Моя жизнь изменилась роковым образом. Вот уже два года, как я вышел в отставку, и, естественно, космоса мне не хватает. Космоса, и всего, что с ним связано. Полной свободы в еще девственных мирах... бесконечности звездного пространства, ежедневной опасности...

Конечно я получил компенсацию. Одну, по крайней мере. Норелла! Ради нее я оставил все и с тех пор я счастлив. Но счастье, к сожалению, даром не дается. За него надо платить.

Сожалею ли я? Наверное, нет. Кроме того, я уже не молод, а жизнь, которую я вел, становилась все более полна опасностей. В сорок лет реакция уже не та, да и рефлексы начинают сдавать.

По крайней мере так говорят, но о себе я другого мнения... На моих губах появляется улыбка...

Сорок лет для искателя приключений в космосе это уже кое-что. Не каждый из нас доживает до такого возраста.

Сорок лет! Еще недавно, пока у меня не появился животик, мне давали на десять лет меньше.

Но важно не это. Важно то, что я еще привлекаю внимание. Хотя мое лицо огрубело от скитаний в космосе, но фигура... плечи...

Мой счет в банке производит впечатление. Правда я завел его только благодаря Норелле. Но, если я ее покину, она никогда не поймет меня, как не понимает, что космос тоже можно любить.

Вздохнув в очередной раз, я продолжаю одеваться. Это значительно сложнее, чем влезать в скафандр. Нужно надеть брюки, жилет, пиджак... а рубашка?... галстук?... ботинки?...

Но вот я готов. Прямо хоть на карнавал. Улыбаюсь, глядя на себя в зеркало.

Наконец выхожу на террасу.

Норелла заставила меня приобрести прекрасный замок в глубине пиренейских лесов. Это моя родина, хотя, если не считать первых месяцев моего существования, я никогда не бывал здесь. Теперь все эти леса принадлежат мне. На планете немного счастливцев, которые могут позволить себе такое.

Все вполне законно приобретено на таинственные средства. Я сколачивал их там, куда до меня никто не рисковал проникать. Я сколачивал их бластером и терморужьем.

Теперь все позади. Теперь меня обслуживают пятьдесят роботов, и мне нравится в моем замке. Мне нравится быть с Нореллой, а на замок наплевать!

Я спускался к парку, когда услышал шаги. Я обернулся. Это Таура.

— Космический вызов, шеф.
— Почему ты не послал робота сообщить мне это?
— Вызывает Рон Скалдер.
— Рон?
— Он вывел Фрам на орбиту и хочет говорить с вами.

Рон Скалдер! Внезапно ко мне вернулось все прошлое и сердце забилось, когда я поспешно шел в свой кабинет.

Таура полностью у меня под каблуком, потому что он такой же чокнутый, как и я. Он бороздил пространство достаточно долго вместе с нами. Двадцать лет назад мы со Скалдером зафрахтовали первый Фрам. Мне было всего шестнадцать, когда мы отправились в первую экспедицию к астероидам Арктура...

Я открыл дверь кабинета. Норелла уже оказалась здесь. Ослепительная женщина. Двадцать три года. Высокая, белокурая, стройная. Когда я познакомился с нею, она заканчивала университет... и получила приз за красоту.

Сейчас она болтала с Роном. Его бородатое лицо я увидел на экране видеофона.

— Рон приглашает нас на Фрам,— говорит Норелла,— я пытаюсь его уговорить опуститься на Землю.

— Мы могли бы пообедать у тебя на Фраме,— вступаю в разговор я,— если бы ты пообещал немного погостить у нас, на Земле.

— Это невозможно. Я могу задержаться лишь на несколько часов...
— Куда ты собрался?
— На те темные планеты... Я хочу поговорить с тобой о них. Ты же знаешь их лучше, чем я.
— Разве вы там были не вместе? — спросила Норелла.
— Один раз вместе. Но потом я вернулся туда уже с Марвелом, который там погиб.
— Значит вы хотите добраться до Арканы?
— Точно,— ответил Рон.

От воспоминаний у меня по спине побежали мурашки.

— Ты действительно собрался туда?
— Да.
— Хорошо. Высылай за нами шлюпку.

Старина Рон... Этот великан всегда одет в венерианский скафандр, на поясе которого всегда висит венерианский кинжал с кривым лезвием, острый, как бритва. Этот кинжал подарил ему я.

Мой старик. Ему пятьдесят. Любовь для него ничего не значит. Вернее, не существует. С тех пор, как девушка с Ардена родила ему сына и умерла при этом, он уже больше никого не любит.

Мы вырастили мальчика в космосе, воспитывая по принципу — делай как я, и из него вышел великолепный парень, который от души вкалывает, чтобы обеспечить свое будущее.

Раскланявшись с Нореллой, Рон крепко обнял меня. И ни с чем не сравнимый запах Фрама опьянил меня. Этот чистый, даже стерильный,

воздух не похож на воздух наших жилищ, воздух улиц. Нет, это воздух, от которого пахнет сказкой.

Кроме Рона здесь были венерианец Арт и Сторк, морлот, родившийся на Земле. Арт наш старый компаньон, но я всегда недолюбливал его: он был чересчур жесток... Строк мне нравился больше из-за его безрассудной отваги.

Рон проводил Нореллу в большую кают-компанию, где ничего не изменилось. Войдя вслед за ними, я машинально уселся в свое старое кресло, командирское кресло во главе стола.

Внезапно придя в себя, я поднялся:

— Извини, Рон...

— Ерунда. С того момента, как ты ступил на борт Фрама, ты автоматически стал его капитаном.

— Не преувеличивай.

Не спорю, его слова доставили мне удовольствие, которого я не мог скрыть от Нореллы, которая бросила на меня обеспокоенный взгляд. Я рассмеялся, а робот наполнил наши стаканы ликером Мольба, по вкусу весьма напоминающим Чинзано.

Мы уселись в кресла. Рон казался недовольным. Он то и дело поглядывал на Нореллу, как будто ее присутствие стесняло его. Я решил делать вид, что ничего не замечаю.

Я понимал, что Рон хочет мне предложить принять участие в очередной авантюре, но я также понимал, что шансов на успех мало. Даже если бы я соблазнился, одного взгляда Нореллы было бы достаточно, чтобы покончить с этим вопросом.

Но, когда был подан обед, разговор зашел совсем о другом. Мне казалось, я не пробовал эти блюда целую вечность. Замороженные татаваны — что-то вроде закуски у жителей планеты Цибор, тукал с Маркса-8 — вкуснейшая мякоть драхвы, и наконец, колбы с Параны. А рогатый поросенок, который в родной саванне также опасен, как дикий кабан в нашем лесу.

Во время обеда мы делились воспоминаниями, и только когда робот подал кофе, Рон внезапно сказал:

— Кстати об этой экспедиции к темным планетам. Я бы хотел, чтобы ты принял командование, Абурен.

— Что?

— Именно для тебя я приготовил этот крючок, и я надеюсь, ты попался на него. Принимай предложение.

— Ты напрасно теряешь время.

— Послушай, ты же знаешь Аркану лучше всех... Там же полно золота, алмазов, самоцветов... За несколько часов мы наполним доверху трюмы Фрама, а ты же знаешь, что золото все дорожает и дорожает. Денег, заработанных за несколько месяцев, тебе хватит на всю жизнь.

Я покачал головой.

— Деньги меня больше не интересуют. Я не знаю, что с ними делать. Надо быть нищим и голодным, чтобы отправиться на Аркану. Ты разве нищий?

— Не в этом дело.

— Что еще?

— Я никогда не был на Аркане. Мне хотелось бы восполнить этот пробел в моем кругозоре.

— А ты думал об арканцах?

Он пожал плечами.

— Но они же так медлительны. Слишком медлительны для нас.

— Медлительны, но упрямы.

— Ты же их хорошо знаешь, я знаком со всеми их уловками.

— Да. Но они вызывают у меня отвращение.

— И поэтому ты отказываешься?

— Не совсем так. Я бы все равно отказался, даже если бы не было Норелды. А я ей обещал больше никогда не уходить в космос.

Лицо Рона помрачнело.

— Если ты не пойдешь, Арт и Сторк тоже откажутся.

Я взглянул на них и они кивнули.

— Почему? Рон, как капитан, ничем не хуже меня... Может даже лучше.

— Не совсем так,— прошептал Арт.— Скалдер способен на многое. Он совершал невероятные подвиги, но всегда под твоим командованием. С тех пор, как ты ушел, он занимался только каботажем. Один он не способен на большее.

Сторк поддержал его.

— Арт прав. Но Рон не должен обижаться. Он знает свой потолок. Но ему все равно придется идти на Аркану.

— Помолчи, Сторк.

Морлот пожал плечами.

— Ему придется идти со случайным экипажем. И с меньшими шансами на успех.

Рон вскочил почти взбешенный.

— Хватит, Сторк!

Он был бледен, и мне показалось, что он способен ударить. Норелла тоже побледнела.

— В чем дело, Рон?

— Ни в чем. Я сделал тебе предложение. Ты отказался. И хватит об этом.

— Нильс в плену на Аркане,— сказал Арт.

— Что?

Рон повернулся к венерианцу, схватившись за кинжал. Но тут я вспомнил про свой авторитет:

— Хватит, Рон, сядь...

— Абурен...

— Помолчи. Арт, что ты сказал о Нильсе?

— Он отправился на Аркану за золотом. Но его корабль попал в воронку и был раздавлен. К счастью, он смог окопаться в горах, но долго там не сумел продержаться.

Я взглянул на Рона.

— Ты обращался к властям?

— Они отказываются снарядить экспедицию на Аркану.

Нильс, это сын Рона, ребенок, которого мы вместе вырастили в тяжелых условиях. И я для него такой же отец, как и Рон, может даже лучше. Норелла это знала. Она положила свою руку на мою.

— Я бы сказал тебе все, если бы ты согласился лететь с нами,— сказал Рон.— Но я не хотел принуждать тебя. Речь идет об Аркане... Аркане, приносящей несчастье.

В отличие от меня он всегда был суеверным.

— Нильс вел себя глупо...

— Я тебе никогда бы не простил, если бы с ним что-нибудь случилось.

В основном я думал о Норелле, но она улыбнулась и сказала:

— Ради Нильса ты должен лететь туда. Ты бы не простил мне, если бы я попыталась тебя задержать. Но мне тоже хочется отправиться с вами.

— Невозможно... На Аркане я должен быть уверен в каждом, как в самом себе. Ты будешь для нас обузой. Нам придется тратить силы, обеспечивая твою безопасность, и наши шансы на успех будут минимальными.

— Я понимаю.

Я уже почувствовал себя капитаном.

— Сколько времени Нильс на Аркане?

— Пятнадцать дней.

— Это он сообщил?

— Да. Он надеется продержаться еще месяц.

— Оружие у него есть?

— Много. И в основном бластеры.

— Заряженные на корабле?

— Да.

— Значит мы можем успеть, если отправиться немедленно.

— Фрам готов. Оружейные кладовые забиты.

— Арканцы особенно боятся парализаторов.

— У нас есть бластеры.

— Отлично. А экипаж?

— Арт и Сторк. И еще Велеа, которого мы возьмем на станции Ассиньян.

Велеа! Отлично. Еще один мой старый товарищ. Хотя он родился на Ассиньяне, он связан какими-то древними узами с Землей, и это определило его ум и воображение.

Стало быть кроме остальных, еще этот коренастый ассиньянец. С квадратным туловищем и почти без шеи. С короткими мускулистыми ногами и длинными руками необыкновенной силы.

— Я думаю, что этого будет достаточно,— добавил Рон.— В любом другом составе было бы опасно вступать в войну с Арканцами.

— Пятеро. Да, этого достаточно. Поскольку все готово, мы отправляемся в два часа. А пока я провожу Норелу.

Мы с Нореллой вышли в длинный проход, ведущий к шлюзам.

— Спасибо, Норелла.

— Тебе не за что благодарить.

— Если бы это был не Нильс, я никуда бы не полетел.

— Я знаю... Арканцы... кто они такие?

— Трудно объяснить. Представь себе змею, разум которой сравним с нашим... У этой змеи две лапы, но они не предназначены для ходьбы. Это что-то вроде рук. Кроме того, они имеют множество мутаций.

— Что это такое?

— Когда арканец захватывает пленника, он тащит его в свое гнездо. Там он начинает его медленно поглощать живьем. Образуется некий вид симбиоза, причем каждый отличается друг от друга.

— Это ужасно!

— Я видел их с головами людей, собак, тигров... Одни говорят, другие хрюкают. А между собой они общаются с помощью телепатии.

— Их там много?

— На Аркане их миллионы, но они не имеют возможности распространиться по Вселенной, поэтому правительство не думает их истреблять. Они слишком медлительны. Например, мне хватит доли секунды, чтобы выхватить бластер, у арканца это движение занимает целую минуту.

— И они живут на темной планете? Значит там нет солнца?

— Есть, но ночь у них втрое длиннее дня, так как одна из планет системы постоянно заслоняет вторую.

Я помог Норелле сесть в шлюпку, встал за штурвал и вызвал командный пост Фрама. Мне ответил Сторк.

— Мы готовы, Сторк,— сказал я.

Глухой взрыв и шлюпка, отделившаяся от корабля, стала проваливаться в бездну, заработали двигатели. Подходя к атмосфере, я включил гравитационный компенсатор, чтобы погасить скорость и не сгореть от трения о воздушную массу.

Глава первая

Четыре прыжка в подпространстве позволили нам добраться до Ассиньяны, где мы взяли на борт Велеа. Ассиньянец обрадовался, увидев меня.

Затем еще два прыжка — мы уже в окрестности темных планет. Здесь Рон попытался установить связь с Нильсом.

Ответа долго не было, и нас охватила тоска. Но тут экран видеофона задрожал, и на нем появилось изображение.

— Наконец,— сказал Нильс.— Я уже начал отчаиваться.

Он был худ как скелет, с воспаленными глазами человека, не спавшего много ночей. Но он улыбнулся, узнав меня.

— Ты тоже здесь... Те не будешь лишним... Все очень плохо. Нас осталось всего трое...

— Что? Арканцы уволокли четверых твоих людей?

— Нет... но погибли они ужасно. Эти твари изобрели нечто вроде катапульты и бомбардируют нас обломками скал. Это застигло нас врасплох, и я потерял четверых.

— А что теперь?

— Сейчас мы легко уничтожаем эти орудия, как только их устанавливают. Арканцы даже не успевают их зарядить. Но для этого нам приходится постоянно бодрствовать.

Катапульты! Ну что ж, это должно было произойти. Десять лет назад в Большой Совет Земли был представлен рапорт, объявляющий эту постоянно мутирующую расу смертельно опасной для человека. Но Совет не захотел слушать об этом.

Земля слишком далеко. Вопрос о разведывательной экспедиции так и остался открытым. Очевидно было решено, что угроза еще слишком далека. Но теперь было ясно, что она близится.

— Теперь все будет в порядке, Нильс.

— Вряд ли все будет так просто...

— Почему?

— Я не уверен, но мне кажется, что временная воронка, куда попал мой корабль, выведенный на орбиту...

— О чем ты говоришь?

— Магнитная ловушка.

— Ты сошел с ума!

— Я знаю, это кажется невероятным. Но пространственный вихрь не впустит вас в атмосферу, а если вы прорветесь, то не выпустит обратно.

— Именно это и произошло с тобой?

— Да... Я прорвался сюда со второго раза. В первый раз нас отбросило, а во второй раз корабль врезался в скалу.

— То, что ты сказал, очень важно.

— Может я и ошибаюсь. Но будь осторожен. На твоем месте я не выходил бы на орбиту. Попытайся преодолеть барьер на скорости.

— Согласен. Та шлюпка, что есть у тебя, она исправна? Ты можешь подняться в воздух?

— Да.

— По моему сигналу вы поднимитесь, и Фрам подхватит шлюпку в полете.

— Послушай... Сделай это поскорее, мы уже еле держимся... Они атакуют непрерывно. Они находятся в постоянном движении. Через сколько времени вы сможете быть на месте?

— Через десять часов.

— Тогда мы сможем выйти наружу, так как нам уже будет не нужно экономить заряды... Кто с тобой?

— Венерианец Арт, морлот Сторк и Велеа.

— Хорошая компания.

Он улыбнулся.

— Я выключусь, так как наши резервные батареи уже садятся.

Экран погас. Я повернулся к Рону, который сидел, задумчиво подперев голову.

— Ты веришь в то, что малыш рассказал о магнитной ловушке?

— Он знаком с нею.

— Но если арканцы умеют создавать такие ловушки, они могли бы соорудить что-нибудь получше катапульты.

— Ловушка... Но зачем им она?

— Что ты хочешь сказать?

— То, что на Аркане погиб боевой корабль, не удивило бы никого. Всякое бывает. Но если бы не магнитная ловушка, прошло бы очень много времени, прежде чем люди обнаружили бы, что эволюция арканцев не стоит на месте. Более того, она зашла слишком далеко.

Рон ухмыльнулся. Ясно, что мое объяснение не было убедительным.

Я сказал:

— В любом случае, мы должны поставить в известность Арта, Велеа и Сторка... Вызови их.

Рон включил внутренний селектор.

— Капитан вызывает всех на центральный пост.

Аркана! Мы спускаемся на освещенную сторону планеты. Нам повезло: ведь мы теперь можем управлять посадкой без помощи радионавигационной системы.

Как мне советовал Нильс, я начал входить в атмосферу без обычных предпосадочных маневров на орбите.

В это время Рон вызывал сына:

— Алло!... Нильс!... Фрам вызывает Нильса...

— Нильс слушает.

— Мы приближаемся. Будь готов.

— Мои радары видят вас... Шлюпка готова.

— Как арканцы?

— Сейчас тихо. Похоже, что они прекратили нападения, когда вы вошли в атмосферу.

— Ты видишь связь?

— Да... Объясню позже. Я вынужден оставить здесь много бомб... Кроме того, у меня золото и алмазы...

— Сейчас не до этого. Главное, вытащить тебя.

— Но я не могу вернуться на Землю с пустыми руками.

Я усмехнулся. Как это похоже на людей.

— Не беспокойся об этом,— вступил в разговор Рон.— Никто не сунется сюда. Я гарантирую.

В это время я почувствовал, что Фрам наткнулся на сопротивление магнитного поля. Еще немного — и мы в ловушке...

Но, как я и предполагал, у нас еще был большой запас энергии и особенной опасности пока не было. Мы могли освободиться из ловушки резким ускорением.

На освещенной стороне показались два континента. Один, самый большой, охватывал северный полюс, другой находился в экваториальной области и был покрыт непроходимыми джунглями.

На одной из вершин горной цепи второго континента находился лагерь Нильса. На индикаторах внешнего обзора мелькали цифры, указывающие расстояние до лагеря. Нильс окопался в узком проходе, заваленном обломками корабля вперемешку с глыбами скал. В центре лагеря возвышалась смотровая вышка, установленная на вершине утеса.

— Забавно устроился малыш,— с восхищением заметил Рон.

Арканцы держались в низине. Они окружили гору, склоны которой были усеяны полуобнаженными трупами.

Только что была отбита атака и арканцы медленно приходили в смятение.

За восемь лет, прошедшие после моей последней экспедиции, основательные мутации привели к тому, что облик арканцев стал приближаться к человеческому.

— Взгляни, Рон... Это пока еще карикатуры, но впечатляющие.

— Да... но у них еще нет средств передвижения.

— Верно. Кое у кого есть что-то вроде ног, но они не пользуются ими. Однако эволюция продолжается...

Десять тысяч метров... восемь тысяч... пять тысяч... и снова толчок. Опять корабль наткнулся на поле, но я увеличил мощность двигателей и скорость не упала. Три тысячи метров... две тысячи... тысяча...

Из лагеря неожиданно вынырнула шлюпка и устремилась к нам.

— Подготовиться к приему!

Рон открыл люки трюма, и я стал снижать скорость. Через несколько секунд шлюпка была на борту корабля и оставалось лишь закрыть люки.

На этот раз я набирал высоту с максимальным ускорением.

Нам еще раз пришлось столкнуться с магнитным полем, но прорвали его легко. Наш корабль буквально катапультировался в космос. Через минуту, оказавшись на безопасном расстоянии, я стал снижать скорость Фрама.

Рон отправился встречать спасенных, а я остался у пульта управления и задумался. Да, магнитная ловушка была организована довольно быстро, как будто полем управлял квалифицированный оператор, ждавший нас. Такая реакция не свойственна арканцам. По крайней мере тем, которых я знал восемь лет назад.

За моею спиной открылась дверь лифта. Я включил автопилот и обернулся:

— Нильс!

Несмотря на то, что он исхудал и осунулся, он оставался таким же атлетом. Более стройным и гибким, чем его отец. Он был похож на мать. Я встречал ее на Ардене. Это была женщина необыкновенной красоты.

Я обнял парня.

— Это было ужасно, малыш...

— Я не терял надежды.

— А твои друзья?

— Они верили мне до конца.

— Где они?

— Отец отправил их прямо в лазарет, так как они в худшем состоянии, чем я. Им нужно выспаться. С ними Арт и Велеа.

— Тебе тоже нужно в лазарет.

— Сначала я должен сказать тебе кое-что.

Он достал из шкафа бутылку с витализатором и налил себе полный стакан.

— Я буду отдыхать позже. Хочу сказать, что среди арканцев живут люди...

— Люди?

— Да, я не раз видел их.

— И арканцы не нападают на них?

— Нет. Более того, мне показалось, что люди командуют ими.

Новость не застала меня врасплох. По крайней мере, я смог понять необычное поведение магнитной ловушки.

Нильс продолжал:

— Ты дважды бывал на темных планетах?

— Да. Я был на Аркане и с твоим отцом на Эвеа.

— И дальше ты никогда не бывал?

— Нет. Я искал золото и алмазы на Аркане и изучал Эвеа.

— На Аркане ты был двадцать четыре часа, а на Эвеа сорок восемь?

— Откуда тебе это известно?

— За месяц пребывания на Аркане я мог кое-что наблюдать. Я заметил, что люди посещают Аркану регулярно. По ночам.

— Значит они живут на двух последних планетах системы?

— Да. Артос и Нандал.

— То есть эти планеты обитаемы? Но ведь ни на одной планете системы, кроме Арканы, не обнаружено даже следов жизни.

— Официальным исследованиям уже почти четыреста лет... Я сказал, что они обитаемы, но не обязательно там живут аборигены.

— Ты думаешь, это люди, которые там скрываются?

— Темные планеты находятся в зоне, неконтролируемой в течение четырех веков. Патрульные корабли никогда не бывали в этой зоне...

— Твою гипотезу легко проверить. Значит арканцами командуют беглецы — ссыльные или преступники?

— Вероятно.

— Не могу понять, как им удалось войти в контакт с арканцами.

В рубке появились Рон, Сторк и Велеа.

— Твои товарищи скоро будут в порядке, Нильс. Сейчас они в регенаторных ваннах,— сказал Сторк.

— Тебе тоже нужно взбодриться, Нильс,— добавил Рон.

— Немного позже... Сейчас мы должны принять важное решение.

— Какое?

— Нильс предлагает лететь к Артосу и Нандалу.

— Зачем?

— Пускай он расскажет. Меня он убедил. Я считаю, что это стоит сделать.

Мне пришлось включить максимальную скорость, так как я не хотел рисковать и переходить подпространство в той области, которая мне не была хорошо знакома. Мы уже прошли Эвеа, однако до сих пор еще не был решен вопрос об экспедиции к Артосу и Нандалу.

Рон и Велеа считали, что нам следует вернуться в солнечную систему. Сторк и Арт и его компаньоны Форстер и Варуа были против, решение об экспедиции было бы принято большинством голосов, так как в спорных ситуациях голос командира является решающим.

Гипотеза Нильса заслуживала проверки, и сама мысль о том, что мы можем обнаружить цивилизацию, находящуюся вне закона опьяняла меня. Я давно отрекся от безрассудных авантюр, но если уж я сюда ввязался, то должен извлечь из нее все, что можно. В конце концов, это же мое последнее путешествие в космос в качестве командира.

Нильс, хорошо отдохнувший в своей каюте, вошел в рубку. Он и слышать не хотел о регенераторной ванне, куда его хотел упрятать отец.

— Уже встал?

— Глупо терять время на сон, после того, как чудом вернулся к жизни. Где отец?

— В машинном отделении. Он сменил Арта, который пошел отдохнуть. Велеа тоже отдыхает.

— А Сторк?

— Дежурит в блоке регенерации.

— Значит нам никто не помещает.

— Нет... Ты что-то хочешь мне сказать?

— Да. При отце я не хотел говорить этого.

— Почему?

— Он и так много страдал из-за меня.

— Он тебя любит.

— Ты тоже любишь меня.— Он улыбнулся, достал сигареты.— Однако ты лучше понимаешь меня.

Я взял сигарету и стал прикуривать, а он начал рассказывать.

— Когда мой корабль попал в магнитную ловушку, я решил, что они хотят получить корабль целым и невредимым.

— Те люди, о которых ты говорил?

— Да... Но когда корабль разбился о скалы, мы перестали представлять для них интерес, и они оставили нас арканцам... Нас было десять. Пятеро погибло под обломками скал, брошенными из катапульты. Позже мне предоставился случай сделать вылазку. С помощью гранат...— Он глубоко затянулся и продолжал.— Я оставил Форстера и Варуа в лагере,

а с остальными пошел в контратаку. Гранатами мы проложили себе дорогу... и тут перед нами оказалось нечто вроде блокгауза.

— Что имеешь ввиду?

— Низенькое сооружение с амбразурами. Из одной амбразуры появлялся странный фиолетовый луч... Он поразил всех моих спутников, прежде, чем я успел сжечь эту амбразуру огнеметом...

— Что было дальше?

— Я вернулся в лагерь...

— А этот луч он убил трех товарищей?

— Нет. Они сделались как безумные. После того, как их коснулся луч, они бросили оружие и направились к арканцам. Они буквально побежали к ним... В лагере я ничего не стал рассказывать Форстеру и Варуа. Зачем их беспокоить лишний раз? Достаточно того, что они увидели среди арканцев людей.

— А до этого они их не видели?

— Нет.

— Ты сказал, что эти люди как будто командуют арканцами.

— Может не командуют, а просто советуют... Но после вылазки я не видел их возле лагеря. Как будто они не хотели быть виновными в нашей гибели...

— И они пользовались этим фиолетовым лучом только при защите блокгауза?

— Да. Больше этот луч не появлялся. Могу только сказать, что этим лучом управляют люди...

Глава вторая

Психическое оружие! Мне это не нравится. Где-то рядом сборище уголовников, людей вне закона... А за ними стоят ученые, может быть даже целая группа.

В течение десяти веков ученые играли важную роль в жизни человечества. Без поддержки правительства они создавали что-то новое и становились на сторону того или иного политического режима. Диктаторов, королей, императоров...

От этих ученых всего можно ожидать. Особенно от тех, кто не признает официальной власти, которые считают, что им все позволено, что они превыше всего. Вот в чем великая опасность...

Великие ученые обгоняют свой век, а их открытиями, дающими власть и могущество, обладающими разрушительными силами, могут воспользоваться и другие, которые тоже ненавидят и не признают власти — правда, по другой причине. Такое содружество интеллектуальных сливок общества и его грязных отбросов может стать гибельным для цивилизации.

— Что ты думаешь? — спросил Нильс.

— Это очень важно. И если у нас будут серьезные доказательства, мы немедленно вернемся в солнечную систему.

— Чтобы доложить Совету Безопасности?

— Да. Но без доказательств это бессмысленно.

— А сейчас у нас есть только мои слова.

— И наш долг — идти вперед.

— Но ты мне веришь?

— Если бы не верил, разве я отправился бы к Артосу и Нандалу?

— Но то, что я рассказал, может показаться невероятным.

— Я бывал и не в таких ситуациях. То, с чем встречался я, тоже казалось невероятным.

— Но экспедиция может оказаться опасной.

— Того, кто покинул цивилизованный мир ради приключений, всегда ждут опасности.

Он, конечно, прав. Этот фиолетовый луч может быть смертельно опасен для человечества. Луч, воздействующий на психику... Будущее нашей цивилизации может оказаться под вопросом.

Как и все авантюристы космоса, я был верен общественному строю своей планеты. Даже, если я презираю его.

— Что мне сказать отцу и остальным?— спросил Нильс.

— Мы не можем скрывать существование такого луча. Это вопрос их безопасности.

— Хорошо. Я расскажу обо всем за обедом. Форстер и Варуа будут с нами.

— Ты им доверяешь полностью?

— Так же как ты доверяешь Арту и Сторку.

— Прекрасно, вернемся к тем людям, которых ты заметил у арканцев. Какого они типа?

— Земляне.

— Ты уверен?

— Почти.

— Ты не заметил никаких особенностей?

— Нет... Если не считать...

— Что именно?

— Они все очень красивые.

— Сколько ты их видел?

— Шесть. Но я уверен, что их значительно больше.

— И все красавцы?

— Да. Прекрасное сложение, правильные черты лица. И все блондины.

— Может это признаки расы? Какие-нибудь скандинавы? Шведы? Норвежцы?

— После того, как мы уничтожили амбразуру, откуда испускался луч, они больше не пытались использовать его?

— Нет. По крайней мере против меня.

— У тебя впечатление, что, после того, как корабль разбился, вы их перестали интересовать?

— Да. Если бы они захотели, то с помощью этого луча...

— Это ни о чем не говорит. Луч может быть не связан с громоздкой установкой.

— Возможно. Я тоже думал об этом.

— Более того, они могли специально не помогать арканцам, так как с вами они имели шанс получить новый звездолет...

— Тогда они должны были бы запретить арканцам использовать катапульты.

— Да, если они имеют власть над арканцами.

— Тут мы можем только предполагать. Я уверен, что интеллект арканцев еще только в зародыше, и они вряд ли способны рассуждать. И тем не менее, мне хотелось бы знать, как может человек находиться среди них и не подвергаться нападению. Это все равно что кошка среди своры собак.

— После моего последнего посещения у арканцев произошли основательные мутации. Они всегда так медлительны?

— Да. В этом отношении у них нет прогресса. И мне кажется, не будет, пока их форма не стабилизируется.

— В виде близком к нашему?

— Меня это пугает. Меня всегда поражала скорость их мутации, и, так как я знаю, каким путем это достигается, я задаюсь вопросом: не те ли люди, о которых ты говорил, поставляют им человеческий материал в большом количестве?

Нильс встряхнул головой вместо ответа, но я знал, что он думает о том же, о чем и я: мало нам ужасов!

Люди, как подопытные морские свинки выращиваются для использования в этом чудовищном симбиозе на Артосе и Нандале.

Мы подходим а Артосу!

Морлот Сторк тряхнул меня за плечо.

— Ложись и поспи, так как, когда мы выйдем на орбиту, я разбужу тебя.

— Правильно сделаешь.

Я зевнул и направился к дивану.

— Где экипаж?

— Нильс отправился будить отца, а Арт готовит Форстера и Варуа к выходу из спячки. Я считаю, что во время посадки все должны бодрствовать.

Отдохнув и освежившись, я надел скафандр, на поясе которого с одной стороны висел бластер, а с другой — лазер, способный разрезать дом, как разварившуюся сосиску.

— Кто за пультом управления?

— Велеа.

Я вышел из рубки. Все, о чем рассказал мне Нильс, ни на минуту не выходило у меня из головы. Сторк и все остальные, кроме Форстера и Варуа, еще не вышедших из блока регенерации, были в курсе. А этих двух сразу же информирует Арт.

Сообщение Нильса произвело эффект разорвавшейся бомбы. Рон и Велеа настаивали на том, чтобы развернуться и отправиться обратно. Но второе голосование дало те же результаты, что и первое.

Собрав их, я спросил:

— В полете никаких происшествий?

— Никаких.

— Принимались сообщения?

— Были какие-то непонятные сигналы, видимо, шифровка.

— Дешифратор?

— Ничего не дает. Похоже, что сообщение на неизвестном языке.

— Но дешифратор что-то должен выдать.

— На этот раз нет. Его перевод сплошная бессмыслица.

Мы подошли к пульту управления. Фрам шел на автопилоте, а Велеа следил за скоростью. Я посмотрел на экран внешнего обзора, на котором был виден Артос. При максимальном увеличении были видны три континента.

Первый простирался от северного полюса почти до экватора, второй находился на самом экваторе, третий опоясывал южный полюс. Они занимали около четверти поверхности планеты. Остальная часть была занята тремя огромными океанами и множеством морей.

— Анализаторы?

— Типичная зеленая планета,— ответил Велеа.— Та же гравитация, воздух годен для дыхания, но содержит немного меньше кислорода.

— Это не значит, что можно расслабиться.

— Южный континент практически необитаем. Обширные бесплодные пустыни. То же на большей части экваториального континента. Но тут другая крайность: он покрыт густыми непроходимыми лесами, напоминающими джунгли старой Амазонки.

— Северный континент?

— Он обитаем, но плотность популяции очень низка.

— Города?

— Это слово совсем не подходит. Десяток деревень в зоне умеренного климата. Две из них большие. Достаточно большие, чтобы быть центром страны.

— Деревни примитивные?

— Нет. Каменные дома. Я уловил различные формы энергии.

— Двигатели?

— Вероятно.

— Если это не зародышевая цивилизация, мы должны попытаться вступить с нею в контакт. Но при этом демонстрировать добрые намерения.

Я улыбнулся и после этого объявил:

— Всем постам быть готовым к обороне. Оружие подготовить, как при высадке на враждебную планету.

— Что можно поручить Форстеру и Варуа? — спросил Сторк.

— Форстер будет наблюдателем на мостике А, Варуа — на мостике Б.

— А я? — спросил Нильс.

— Ты будешь моим первым помощником.

Я обернулся к Рону, который был как бы разжалован.

— Очень жаль, Рон, но ты в оппозиции, и я не могу доверять тебе полностью.

Он пожал плечами:

— Если бы ты назначил кого-то другого, я протестовал бы. Но речь идет о Нильсе...

Улыбнувшись, он хлопнул сына по плечу. Ну что ж, хоть в этом нет проблемы, однако я видел, как Велеа удивленно поднял брови. Он в это время переключил управление на ручное.

Действительно, на северном континенте есть деревни. В основном, это крестьянские усадьбы, фермы. Но они устроены на один манер: большое центральное здание окружено несколькими постройками поменьше. Все они расположены среди полей правильной формы, разделенных лугами и полосками леса. На лугах пасутся стада: коровы, овцы, козы.

Крестьяне прекращают работу и поднимают головы, чтобы рассмотреть наш корабль. Мы пролетаем над огромной равниной, ограниченной с юга и севера двумя реками, текущими в противоположных направлениях.

У них множество притоков. Две большие деревни — их можно даже назвать маленькими городами — расположены здесь же: одна — в излучине северной реки, другая — в дельте южной реки.

Сторк комментировал, не отрывая глаз от экрана:

— Космодрома нет... Но есть средства передвижения. Автомобили. Повозки... Примерно двадцатый век Земли...

С тех пор, как мы вошли в атмосферу, я ожидал захвата магнитной ловушки, но пока все шло нормально. И сейчас я не замечал никакого сопротивления.

Нильс положил мне руку на плечо:

— Куда ты хочешь посадить Фрам?

— Вблизи северного города.

— Да. Оттуда мы сможем контролировать всю равнину.

Я нашел большую площадь, где при посадке мы ничего не разрушим. На всякий случай я включил гравитационный компенсатор и принял меры, чтобы не сжечь землю огнем реакторов.

Сразу же из города к нам направилась колонна грузовиков и легковых машин.

— Надо думать, это представители власти,— заметил Велеа.

— Интересно, что это за власти?

Пока что я не замечал ничего подозрительного, но осторожность никогда не помешает.

— Все по местам. Нильс будет на смотровой площадке. Откроешь мне шлюз.

— Ты хочешь выйти один?

— В случае внезапного нападения будет лучше, если пострадает один.

Когда машины приблизились, я вошел в лифт и спустился на нижнюю палубу. По пути я проверил все посты. Войдя в шлюз, я дал команду, и Нильс включил механизм.

В толпе было человек тридцать. И все женщины. Дюжина их была в форме и с ружьями. Одна из них казалась мне главной. Она сделала два шага навстречу мне и сказала на галактическом языке:

— Добро пожаловать на Артос.

Ей было лет тридцать. Высокая решительная. Рыжие волосы пылали огнем на солнце. Красивая. Ее земное происхождение не вызывало сомнения. Я поклонился и сказал:

— Мое имя Абурен. Я прибыл с Арканы.

При этом я наблюдал за их реакцией и заметил легкое замешательство. Женщина ответила.

— Меня зовут Вагина. Я возглавляю нашу общину.

Слегка улыбаясь, я осмотрелся.

— На Артосе нет мужчин?

— Почему же? Но их права ограничены. Ты увидишь их в Нолене.

Мне показалось, что она волнуется.

— Нолена это город?

— Да, наша столица. Но ты, кажется, прибыл не один?

— Да. Но мои спутники остались на борту. Один из них будет меня сопровождать в Нолену.

Я включил передатчик на поясе и приказал:

— Сторк! Будешь меня сопровождать. Нильс должен остаться, так как я не доверяю Рону и Велеа. Арт может произвести неблагоприятное впечатление на женщин, а морлот наверняка им понравится. За него я спокоен.

Глава третья

Когда Сторк присоединился ко мне, Вагина указала мне на один из экипажей. Она сказала, что будет сопровождать нас, и я почему-то ощутил беспокойство.

— Когда-то такие экипажи назывались на Земле автомобилями.

— Я знаю, тебя удивляют эти старые машины, но у нас нет ничего другого.

— А ты знаешь, что есть и другие средства передвижения?

— Я родилась на Лобосе. Мне было пятнадцать лет, когда меня перевезли сюда.

— Здесь вы живете без связи с миром?

— Да.
— Почему?
Тень пробежала по ее лицу.
— Так хотят хозяева.
— У вас есть хозяева?
— Разве ты не знаешь? Ведь они позволили тебе прилететь сюда.
— Я никого не спрашивал о разрешении.
— Но ты же прилетел с Арканы?
— Да. С Арканы. Там я освобождал своих друзей.
— ... ?
Внезапно беспокойство в ее взгляде сменилось растерянностью. Она тихо спросила:
— Ты прорвался сквозь барьер?
— Какой барьер? Магнитную ловушку, в которую пытались захватить мой корабль?
Она опустила голову и задумалась. В это время автомобиль въехал в город, и я наконец увидел мужчину. Он шел по тротуару, одетый в костюм из ярко окрашенной ткани, тогда как все женщины, не исключая и Вагины, были одеты в неяркие цвета одежды.
— Как получилось, что ваши мужчины бесправны?
— Этого хотят хозяева.
— И мужчины мирятся с этим?
— Они привыкли. Правда, некоторые протестуют, даже устраивают восстания. Но хозяева убирают таких.
— На Аркану?
— Может быть.
— Чтобы отдать их арканцам?
— Что это такое?
Вероятно, она действительно не знает об арканцах, и я не ответил на ее вопрос, но спросил:
— И вы никогда больше не встречаетесь с теми кого убирают?
— Нет.
— Если даже это ваши родные?
— Что мы можем сделать? Хозяева сильны. У них оружие, против которого бороться невозможно.
И снова она не поняла меня. Автомобиль въехал в просторный двор и остановился. Вагина пригласила меня выйти.
Я оставил передатчик включенным, чтобы на Фраме могли нас слышать. Я ступил на мраморные плиты двора и увидел настоящий дворец. В него вела огромная лестница.
Восхищенный этим великолепием, я спросил:
— Кто построил этот дворец?
— Мой отец,— и, не скрывая гордости, она добавила:
— Он был одним из хозяев.
— А ты?

— Среди хозяев нет женщин, но мне доверено возглавлять общину.
— Хозяева... На кого они похожи?
— На нас... на вас...
— Значит это люди?
— Естественно, хотя это слово здесь не в ходу.
— Тем не менее, оно означает расу, которая завоевывает вселенную и господствует во всех открытых мирах.
— Вселенная?
— Множество галактик, тысячи планет, подобных твоему Лобосу.
В ее голосе послышалась тоска о родине.
— Лобос...
— Ты хотела бы туда вернуться?
— Хозяева запрещают даже думать об этом.
Вагина поднималась по лестнице рядом со мною, морлот шел сзади. Я не сомневался в его бдительности. Рука его лежала на рукоятке бластера, и он в любой момент был готов отразить нападение. Впрочем интуиция подсказывала мне, что опасность пока нам не грозит.
Пройдя роскошную террасу, мы попали в большой холл, а затем в уютный зал, стены которого были украшены гобеленами.
Низкий стол, деревянные кресла, круглые и широкие. Вагина выставила охрану за двери и пригласила нас сесть.
— Здесь только я знаю ваш язык. Я изучила его в детстве. Никто не понимает о чем мы говорим. Для всех вы — посланцы хозяев. Насколько я поняла, ты иностранец?
— Иностранец? Что ты имеешь в виду?
— Не знаю. Я чувствую в тебе человека, подобного тем, каких я знала на Лобосе... Как мой отец.
— Он был одним из хозяев?
— Да. Одним из самых главных. Он много путешествовал.
— Вне темных планет?
— Он был везде.
— Он умер?
— Вероятно. Однажды он не вернулся. И тогда произошли большие перемены. Появились другие хозяева. Уже не те, что прилетали раньше.
— И с этого времени ты возглавила общину?
— Да.
— Хозяева часто появляются здесь?
— Только тогда, когда им нужны слуги.
— Это часто?
— Два раза в год.
— Много они забирают людей?
— Сотню.
— Мужчин или женщин?
— И тех и других.
— Молодых?

— Двадцать — двадцать два года.

— И когда вы их ждете?

Она покраснела и не ответила.

— Они больше не вернуться, не так ли?

Дрожащим голосом она ответила:

— Нет.

— Они объяснили почему?

— Нет... Хозяева никогда ничего не объясняют.— Внезапно она добавила.— С хозяевами мы не были несчастны, но...— Она замолчала, но я настаивал:

— Но...

— Мы для них не существуем. Они только требуют повиновения. Во времена моего отца хозяева брали в жены женщин с Артоса. Теперь такого не бывает.

— И ты об этом жалеешь?

— Некоторые из нас, да.

Внезапно вмешался Сторк:

— Ты сказала, что вы должны им повиноваться. Почему? Ведь вы же вооружены?

Вагина вздрогнула.

— У них есть ужасное наказание.

— Какого рода?

Она указала на мой бластер.

— Примерно такая же штука. Она заставляет ужасно страдать несколько часов.

Вот как! Я понял. Отрегулированный на небольшую мощность бластер не парализует, а вызывает страшные судороги. Я понял, почему Вагина вздрогнула при одной мысли об этом.

Сторк спросил:

— И ты подвергалась такому наказанию?

— Однажды.

— За что?

— Я пыталась спрятать человека, которого должны были отправить на Аркану.

Мы замолчали. Все это было дико, ужасно, но по-своему логично. Вздохнув, я спросил:

— Если ваши хозяева так жестоки, то почему же ты принимаешь нас?

— Я скажу, что приняла вас за посланцев.

— И они поверят?

— Да, если не будут проверять детектором лжи.

— Тебя уже проверяли?

— Один раз, после смерти отца.

Она бросила на меня пронзительный взгляд.

— Когда я увидела тебя возле корабля, я поняла, что ты ничего не боишься. Ты не боишься мужчин, живущих у нас...

— Вы обращаетесь с ними как с рабами...
— Не мы...
— Да, я знаю. Хозяева заставляют.
— Ты не боишься хозяев.
— Их много?
— Не знаю... Когда был жив мой отец, их было не больше десяти... Но теперь их значительно больше. На Артос они приезжают впятером или вшестером, но я знаю, что их более тридцати.
— Какие они молодые или старые?
— Разные.
— Они все живут на Аркане?
— По крайней мере они так говорят.
— Артос заселяли при твоем отце?
— Нет. Когда я прибыла сюда, здесь все уже было. Теперь нас стало меньше.
— Потому что вы отдаете людей дважды в год?
— Нет, они ведь возвращают детей.
— В каком возрасте?
— Не более трех-четырех лет.
— Их привозят с Арканы?
— Да.
— Но это невозможно... Аркана планета населенная чудовищами. Скажи, корабль хозяев похож на мой?
— Да. Только у них более старый.
В это время в зале появился ребенок, который что-то лопотал и отчаянно жестикулировал. Я обернулся к Сторку.
— Что ты обо всем этом думаешь?
— Если у них нет ничего, кроме этой старой посудины, они опасны для нас только на Аркане, где установили магнитную ловушку.
— А фиолетовый луч?
— Его возможности ограничены. Для безопасности достаточно держаться подальше от установки.
Поколебавшись секунду, я вызвал Нильса на связь.
— Никаких сигналов не обнаружено?
— Нет.
— Особенно внимательно наблюдайте в направлении Арканы.
— Это направление приоритетно для детекторов.
Вагина сделала неожиданное движение и удивленно спросила:
— С кем это ты беседуешь?
— Это мой помощник. Он остался на корабле. У хозяев нет ничего похожего?
— Я никогда не видела, чтобы они так общались.
Это ничего не говорит. Я помню загадочные сигналы, с которыми не смог справиться наш дешифратор.
Я встал, чтобы размяться. Меня заинтересовала драпировка стен.

Это была копия земных гобеленов, самых старых. Я видел подлинники в музее. Им уже по несколько веков. Копии же казались совсем не старыми.

Я подошел к Вагине.

— Хозяева бывают на последней планете вашей системы?

— Нандале?

— Да.

— Иногда их корабль по пути сюда делает там остановку.

— Мне нужно побывать там.

Она испуганно встала, взяла меня за руку.

— Ты хочешь оставить нас?

— Не надолго.

Оставив Сторка во дворце, я решил воспользоваться гравикомпенсатором, так как медлительность автомобиля меня раздражала. И все же, несмотря на скорость полета, у меня было время поразмышлять.

По воле случая мы столкнулись с чем-то необычным. Что-то вроде зародыша новой цивилизации. Группа людей с помощью ученых осуществляла на темных планетах чудовищный эксперимент. Они основали новое общество, не похожее ни на что, знакомое нам. И это началось достаточно давно. Значительно раньше моих путешествий к темным планетам. Я прилетал сюда еще тогда, когда был жив отец Вагины, и я не обнаружил этого только потому, что в то время у них еще не было магнитной ловушки. После смерти отца Вагины все изменилось. Все усилия стали направлены на ускорение мутации арканцев, которые должны были стать либо союзниками, либо инструментами в достижении господства.

Несомненно хозяева имеют связь с внешним миром. Но кто они? Трудно сказать. По крайней мере, с жизнью людей они хорошо знакомы. Нильса с компанией они хотели захватить, чтобы передать арканцам, а население Арканы состоит из детей вечных скитальцев галактики.

Вот и Фрам! Нильс, заметив меня, открыл верхний люк, и я очутился на мостике. Рон, Велеа, Арт и оба товарища Нильса были уже здесь.

— Ну как, все слышали?

— Да,— ответил Нильс, сверкнув глазами.

Рон не проявил энтузиазма, но я его хорошо знал: на этот раз он был заинтересован.

— Мы должны побывать на Нандале. Мне кажется, именно там мы найдем главную базу тех, кого Вагина называет хозяевами. Может даже научный центр.

— Если это так, то нам не стоит приближаться к Нандалу,— заметил Велеа.

— Что же делать?

— Вернуться на Землю и организовать экспедицию.

— Но хозяева поддерживают связь с внешним миром и будут предупреждены об этом. Мы должны застать их врасплох,— заметил Нильс.

— Мне кажется, с тех пор, как мы покинули Аркану, они в панике.

Я заранее не считаю их врагами. Может это совсем неплохая идея — основать новое общество.

— Общество, где мужчина не имеет никаких прав?— сказал Рон.

— Не преувеличивай. Хозяева ведь мужчины. Мужчины Артоса не имеют прав только потому, что хозяева не хотят иметь лишних хлопот.

— Их итак хватает,— сказал Арт.

— Вагина говорит,— что видела тридцать хозяев. Но наверняка есть и такие, кто никогда не покидает Нандал. Кроме того, там есть женщины, которых забирают с Артоса... Нет, если мы хотим что-то узнать, мы должны лететь туда.

Сказав это, я посмотрел на Рона и Велеа, ожидая согласия на продолжение экспедиции.

Глава четвертая

Рон долго смотрел на сына, затем пожал плечами. Велеа встал, налил себе стакан граля, делая вид, что ему все безразлично.

Что касается Форстера и Варуа, то они уже полностью пришли в себя и были готовы к новым приключениям.

Удовлетворенно вздохнув, я объявил:

— Двое должны остаться здесь со Сторком.

— Ты не думаешь, что неразумно разделяться?— спросил Рон.

— Нет. Нужно попытаться овладеть кораблем хозяев, если они вернутся на Артос.

— Втроем они не смогут много сделать.

— Все будет зависеть от количества хозяев. Если наши ребята почувствуют, что они в худшем положении, они должны спрятаться. Добровольцы есть?

После короткого размышления вперед вышел Арт:

— Остаться на планете женщин? С удовольствием.

— Я тоже,— вызвался Варуа.

— Бластеры и термические винтовки. Парализующие гранаты. Гранат побольше.

— Как мы будем передвигаться?— спросил венерианец.— На этих смешных штуковинах?

— Возьмите гравикомпенсаторы.

— Хорошо.

— Думаю, что Вагина поможет вам. Найдутся и другие женщины. Вы же парни хоть куда.

— А мужчины?

— На них пока не рассчитывайте. Держите контакт с женщинами.

— Ты не думаешь, что они окажутся слишком строптивыми?— спросил Арт.

— Нет, чтобы заставить их повиноваться, хозяева подвергают их жестоким пыткам. При помощи бластера, отрегулированного на небольшую мощность излучения, у них вызывают страшные судороги, продолжающиеся несколько часов. Насколько я понял, почти все женщины подвергались такому испытанию и боятся его больше смерти. Так что, если вы победите, они будут вас боготворить.

— Как и все женщины в галактике, они предпочитают победителей.

И снова Фрам вошел в пространство. На этот раз было абсолютно темно, как в открытом космосе.

Рон вместе с Форстером дежурил у реакторов. Велеа отдыхал. Нильс был со мною.

— Ты не находишь, что все очень просто?

— Не думаю. У хозяев еще не было времени на реакцию.

— Но я не сомневаюсь, что они что-нибудь предпримут. Приближаясь к Артосу и Нандалу мы подвергаемся страшной опасности.

Мы летели вперед и Нильс наблюдал за локаторами внешнего обзора. Внезапно он вскрикнул. Я обернулся.

— Ты что-то заметил?

— Да.

— Что?

— Не знаю.

— Далеко?

— Не очень... Сто-двести тысяч километров. Масса ощущается слабо...

— Звездолет?

— Не думаю. Но это тело движется прямо на нас.

— Услышав это, я сделал старый, как мир, маневр: измерил траекторию, сохранив прежним курс.

— Тело тоже изменило курс и движется на нас.

— И сделало это почти мгновенно.

— Значит устройство наведения.

— Это не звездолет.

— Или звездолет неизвестного типа.

— Когда произойдет столкновение?

Нильс ввел данные в компьютер.

— Через тридцать три минуты.

— Объяви сигнал тревоги. Все по местам. Рон на пост управления. Дай ему исходные данные для целеуказания.

Все говорило за то, что это астероид. Масса камня и металла, начиненная электроникой, реакторами. Несомненно с системой наведения.

— Что делать?— спросил Нильс.— Уйти с курса?

— Это ничего не даст. У астероида масса маленькая, а скорость выше нашей.

— Значит подпространство...

— Если бы мы были далеко от Артоса, можно было бы попробовать.

Я вызвал пост управления стрельбой, где дежурил Рон.

— Готов?

— Да.

— На старт три ракеты. Первая сразу, две другие с интервалами три минуты, если первой будет мало.

— О'кей.

Нильс произвел вычисления.

— Первая ракета будет у цели через шесть минут.

— Значит у нас еще будет время. Мы успеем выпустить еще две ракеты и в крайнем случае уйти в подпространство.

— Старт!

Начальная скорость ракеты вызвала небольшой толчок, изменивший курс ракеты. Я быстро произвел корректировку.

— Вторая готова?

— Да.

— Я смотрел на циферблат бортового хронометра. Каждая минута тянулась бесконечно долго... Две минуты... Три минуты... четыре... Я подошел к экрану внешнего обзора, сделал максимальное увеличение. Астероид имел форму огромной сигары. Анализаторы показывали, что он состоит из гранита и железа.

— Может он имеет систему, позволяющую отклонить ракету?— сказал Нильс.

— Моли бога, чтобы этого не было.

И действительно, ракета не изменила траектории, приближаясь к астероиду. Гигантская вспышка заполнила экран. Вот и все. От астероида ничего не осталось.

— Рон, можешь убрать остальные ракеты.

Я вытер вспотевший лоб, пока Нильс проверял пространство локатором.

— Мне кажется, что наши приключения еще не кончились,— ворчал он.

— У них наверняка в запасе есть еще что-нибудь.

— Я тоже не сомневаюсь.

Я прекрасно понимал, что мы встретились не с самой серьезной опасностью. Этот астероид для защиты уже давно был не в ходу в других галактиках.

Меня радовало, что хозяева, по всей вероятности, не опередили нас с точки зрения техники.

Уже несколько часов Фрам находился в состоянии боевой готовности, но пока не возникало ничего, что могло бы задержать нас. Силуэт Нандала уже вырисовывался на экране.

Мы приближались к планете, полностью погруженной во тьму. Но для нас солнце еще не было закрыто.

— Что говорят анализаторы?

— Планета земного типа. Воздух годен для дыхания. Гравитация отсутствует.

— Животный мир?

— Похоже, земного типа.

— Индустриализация?

— Нет.

— Население?

— Нет. Слишком мало суши. Примерно пятая часть поверхности планеты. Один континент, южная точка которого касается экватора. Есть еще острова, но их не рассмотреть.

— Температура?

— Холодно ночью, жарко днем. Но в допустимых пределах.

— Что представляет собой континент?

— По форме похож на Австралию. В центре обширное плато, на юге — пляжи, на севере — горные цепи.

— Города?

— Детекторы ничего не показывают. Даже там, где визуально можно наблюдать что-то вроде двух деревень.

Рон, Форстер и Велеа оставались на своих местах. Ведь мы приближались к планете и должны быть готовы ко всему. Я переключил управление на свой пульт и сказал Велеа:

— Отправляйся к реакторам. Я буду входить в атмосферу с ходу. Нужно, чтобы ты был готов.

— Но это уже третий раз. И каждый раз — двойной расход энергии.

— Ты предпочитаешь, чтобы мы угодили в ловушку?

Он промолчал, а Нильс улыбнулся. Я стал немного снижать скорость, чтобы не испытывать значительных перегрузок, но был готов в любой момент увеличить тягу двигателя. Однако ничего не происходило, и я продолжал спуск.

— День!— радостно воскликнул Нильс.

Полоса света покрыла часть поверхности планеты и атмосферу. Зрелище было феерическое.

На экране появился континент, окруженный массой воды, океана, который казался разбушевавшимся. Необъятное плато было изрезано лесами, озерами, реками.

Корабль продолжал снижаться, и мы приближались к горам.

— Никаких следов человека,— заметил Нильс.

— Тем не менее, люди должны здесь быть.

— Ты имеешь в виду астероид?

— Разумеется. Никто не стал бы нападать на нас, если бы здесь было нечего охранять...

— Лаборатория... Но искать ее на планете, это все равно, что искать иголку в стоге сена.

— Лаборатория нуждается в энергии, а детекторы ничего не обнаруживают.

Как ни странно, но после встречи с астероидом, нас никто не старался остановить. Я уменьшил высоту полета, чтобы посадить корабль возле гор.

Они зеленели на солнце. Мы увидели живописные каньоны, водопады и, наконец, животных. Стада газелей, много птиц.

— Настоящий рай,— заметил Нильс.

Я увидел стадо оленей, но их поведение было настолько странным. Другие олени спускались в долину и скрывались среди деревьев, а эти беспорядочно метались на небольшом пространстве между двух утесов.

— Что там происходит?

Я еще уменьшил скорость, и мы зависли на высоте несколько десятков метров. Приглядевшись, мы заметили, как один из оленей попытался прибежать между скал, но как будто наткнулся на какой-то невидимый барьер и упал. Тут же он вскочил и присоединился к остальным оленям.

— Что с ним?

— Какой-то невидимый барьер.

— Да. Несомненно силовое поле. Это оно остановило целое стадо.

Я выбрал место для посадки вблизи скал.

Нильс направил луч лазера туда, где мы предполагали силовое поле, и включил источник. Сноп искр указал нам точку, где произошло столкновение двух стихий.

— Луч не проникает сквозь поле.

— Увеличь мощность.

Снова ничего. Нильс вопросительно посмотрел на меня, и я сделал знак, чтобы он прекратил.

Я включил систему автоматической защиты и объявил в микрофон:

— Рон, подготовь орудия. Будь внимателен. Остальные — тоже.

— Силовое поле мне знакомо,— сказал Велеа.— Нужно определить его природу. Разреши мне идти, Абурен.

— Будь осторожен.

Олени не пострадали, значит силовое поле не опасно для людей, а тем более для меня.

Я знал, что метаболизм ассиньянцев имеет свойство нейтрализовать в какой-то степени электрические поля и заряды.

Он вошел в лифт, и вскоре мы увидели, как он вышел из шлюза и направился к ущелью. Он шел, переваливаясь с ноги на ногу, и казался неуклюжим. Но при необходимости, он мог быть быстрым, как молния.

И вот поле перед ним. Он осторожно коснулся его руками. На экране мы видели, как его руки уперлись в преграду. Велеа улыбнулся. В микрофон передатчика он произнес:

— Напряженность смехотворно низка. Я могу без труда замкнуть его. Попробовать?

— Давай.

Он медленно сдвинул руки и воздух вокруг них стал вибрировать. Через несколько секунд вибрация исчезла. Велеа опустил руки и пошел

к оленям, которые заметались перед ним. Но он обошел их и освободил проход у ущелью. Теперь оленей ничего не удерживало.

— Какой смысл запирать оленей?— сказал Нильс.— Видимо, это случайность. Генератор поля находится под землей где-то здесь.

— Да, скорее всего. Полагаю, что теперь мы сможем пройти здесь, а потом организуем тщательный поиск.

Я вызвал Рона.

— Ты поднимешься в воздух на Фраме, чтобы держать в поле зрения всю местность. С тобой будет Форстер. Если что-либо заметите, немедленно вмешайтесь. В вашем распоряжении все вооружение корабля. Возражения есть?

После небольшой паузы он сказал:

— Ты начальник.

— А ты, Форстер?

— Как прикажешь.

— Тогда идем к Велеа, Нильс.

По пути мы захватили термические ружья для себя и ассиньянца. Пока мы шли к выходу, я заметил, что Нильс улыбается, и даже насвистывает.

— Что ты такой веселый?

— Оттого, что я иду на дело с тобой. Это мне напоминает детство. А ты почему недоволен?

— Когда-нибудь ты поймешь. Ты еще молод.

— Как будто ты очень стар.

Открылся люк. Мы спрыгнули на землю. Было очень жарко, но дышать довольно легко. Велеа ждал нас и я вручил ему терморужье. Затем мы отошли в сторону и посмотрели взлет Фрама. Когда он повис над ущельем, я скомандовал:

— Вперед! Нужно идти вдоль скал. Где-то там должен находиться выход. Пожалуй, имеет смысл проверить скалы с помощью терморужей.

Тепловой луч расплавит и гранит, и все оборудование, которое может находиться внутри.

— Стадо прошло здесь!— Нильс опустился на колени.— Смотрите! Трава примята.

Да, в траве можно было рассмотреть что-то вроде тропинки. Она привела нас к углублению в скале.

— Вход должен быть здесь...

Я направил ружье на углубление. Камень почернел, стал коричневым, затем посерел... и как будто взрыв раздался внутри скалы. Она вся покрылась трещинами.

Мы мгновенно отступили, но обвала не произошло. Перед нами открылась дыра, вход в подземелье. Мы осторожно приблизились. Внизу было темно. Велеа снял с пояса осветительную гранату и бросил ее вниз.

Яркий свет выхватил из темноты огромный зал...

— Арканцы!

Их было трое. Мутанты. Олене-змеевидный человек. Жуткая смесь. Голова человека, туловище и ноги оленя, хвост змеи.

На искаженных ненавистью лицах безумцев выпученные, горящие нечеловеческой злобой глаза, смотрящие на нас. Мне показалось, что если бы не раскаленный камень возле входа, они бы бросились на нас.

— Эти арканцы совсем не такие, что живут на их родной планете,— сказал Нильс.

— Да. Похоже, что они находятся на более высокой стадии эволюции.

В глубине пещеры мы увидели стол с какой-то аппаратурой. Посредине стола тяжелый шар, закрепленный на подставке.

Тут граната перестала светить. Велеа достал еще одну.

— Бросить?

— Давай.

Когда пещера осветилась вновь, мы увидели, что шар начал медленно вращаться. Вдруг он стал красным, затем зеленым, лиловым, фиолетовым... и из него вырвался фиолетовый луч.

— Ложись!

Мы с Нильсом упали, а ассиньянец чуть задержался. Луч коснулся его груди. Велеа отчаянно взвыл и бросился к пещере.

Он ничего не слышал. Я вскочил на ноги, схватил терморужье. Но уничтожать шар было уже поздно. Надо было спасать Велеа.

И Нильс спас его. Он сразил его из своего бластера...

Глава пятая

Велеа рухнул, как подкошенный. Я подскочил к пещере, направил свое ружье в пролом и нажал кнопку. Я нажимал ее до тех пор, пока внизу не раздался взрыв. Фиолетовый луч исчез.

Нильс улыбался.

— У меня такое впечатление, что случай привел нас к штаб-квартире хозяев.

— Это не случай, а оленья тропа в ущелье.

— Сейчас это уже все равно.

Мы подошли к Велеа, и, пока Нильс занимался с ним, я заглянул в пещеру. Вся аппаратура была уничтожена, обгорелые останки араканцев еще извивались на полу...

— Неплохая мясорубка,— заметил Нильс.

В глубине пещеры я заметил мельницу. Но сейчас не было и речи о том, чтобы проникнуть в пещеру. Внутри ее было нестерпимо жарко.

— Сейчас нужно заняться Велеа,— сказал я Нильсу. Затем вызвал Рона.— Спускайся, чтобы забрать нас, но не ослабляй наблюдения. Сядешь возле входа в ущелье.

Пока мы тащили Велеа, Фрам выполнял посадочные маневры.

— Ты доставишь Велеа в блок регенерации и будешь с ним. Следи за его реакциями, когда он начнет приходить в себя.

— А ты?

— Я пойду проверю стену позади ящериц. Думаю, что они уже не опасны.

— Ты думаешь там другой вход?

— Вряд ли. Просто хочу посмотреть аппаратуру. Будем поддерживать связь по радио.

— Я предпочел бы тебя сопровождать.

— Этого нельзя делать. Если что случиться со мной, возьмешь командование на себя.

Он не был в восторге от перспективы повышения, но согласился.

Я оставил его с Велеа. К нему уже спускался Форстер.

С помощью гравикомпрессора я поднялся в воздух и направился к пещере.

— А если у них есть еще установка с лучом?— спросил Рон.

— Для меня это будет неприятной неожиданностью. Поднимитесь в воздух, а я включу телекамеру. Вы будете видеть все, что происходит со мной.

Такая предусмотрительность не будет лишней. Вход в пещеру был открыт, и я спустился прямо к галерее в конце зала. Она имела несколько уровней. На самом верху я заметил вход, достаточно широкий, чтобы я смог пройти через него.

Я сказал в микрофон:

— Попробую войти в коридор. Похоже, он тянется на всю длину фасада скалы.

— Будь осторожен.

— Не беспокойтесь. На всякий случай имейте в виду: я буду держаться правой стороны.

Выключив гравикомпенсатор, я встал на ноги у входа. Коридор естественный. Он то сужается, то расширяется. Стены из голого камня. Я пошел вперед. Ружье у бедра. Пройдя немного, я сообщил:

— В коридоре трудно дышать. Нет никакой тяги.

Метров через двести коридор снова расширился и образовал просторный грот. Он освещался сверху через круглое отверстие, видимо, вентиляционное.

Я осматривал грот, медленно поворачиваясь, чтобы мои товарищи на Фраме смогли тоже все увидеть.

— Никакой аппаратуры.

Я осторожно пошел вперед, и вдруг тошнотворный запах заставил меня оглянуться. Два арканца с кровожадным выражением на злобных лицах выползали в коридор.

Термический удар и они оба рухнули на землю.

Не прошло и секунды, как я заметил еще двух чудовищ. Еще выстрел — и их обгорелые трупы лежали на полу. Больше я никого не

видел, но был уверен, что в подземелье этих монстров еще предостаточно. Я был не прав, отправившись один. Нильс это уже понял и кричал мне:

— Один ты не имеешь никаких шансов! Рано или поздно тебя застигнут врасплох. В скале гнездо этих чудовищ. Я должен идти к тебе.

— Не ты. Ты мой заместитель. Кто дежурит возле Велеа?

— Форстер.

— Пусть сюда идет Рон. Я буду ждать его у входа.

Нельзя сказать, чтобы я был очень обеспокоен. Напротив. Из-за своей медлительности арканцы не представляли для нас никакой опасности. Мы могли бы сжечь их тысячи, ничем не рискуя. Но я не был уверен, что у них нет какого-нибудь неизвестного нам оружия, вроде фиолетового луча.

Неожиданность их появления можно объяснить. Вероятно, спрыгнули откуда-нибудь сверху у меня на пути.

Возвращаясь ко входу, я был внимательнее и встретил еще двоих, которые не имели ничего общего с человеком. Они сразу же попытались напасть на меня...

У меня сложилось впечатление, что они действуют, как живые автоматы, подчиняясь чужой воле. Они шли на верную смерть, не щадя себя. Что-то ненормальное было в их поведении.

Может у них нет собственного разума? Может образовалась мутация, которая управляет людьми? Хозяевами? Вполне возможно.

Феномен ускоренной мутации — штука любопытная и может создавать самые разнообразные формы жизни. Например, на планете Талкан, я видел таких тварей, первоначальный облик которых не был никому известен. Они, как хамелеоны, принимали облик того, с кем встречались. Я был потрясен, встретив сто раз нос к носу самого себя. Стоит появится на Талкане, и ты увидишь, что на планете живут только твои копии. Это впечатляет. Талканцев называют нестабильцами, и они совсем не опасны.

А вот и Рон. Он взлетел на галерею, выключил гравикомпрессор, посмотрел на двух последних арканцев, сожженных мною.

— Эти из основной популяции.

— Да, но до этого они никогда не нападали на меня.

— Все меняется.

— Конечно. И мы должны раскрыть их секреты.

Снова появились арканцы. На этот раз слева. Я решил идти туда. В этом направлении пол был слегка наклонен на нас. Мы начали медленно подниматься. Рон шел чуть сзади, так как он должен был прикрывать тыл.

Десять шагов... двадцать... и внезапно нам открылся новый зал. Справа от прохода что-то вроде просторной казармы, уставленной нарами. Их было штук двадцать. К нам уже приближались четыре арканца. Когда они поняли, что я заметил их, они отчаянно засвистели. Я понял, что эти арканцы просто следили за нашими передвижениями.

Все они были человекоподобны, а двое находились на высшей ступени мутации. Они не пытались атаковать нас. Наоборот, они направились к лестнице, ведущей в глубину скалы.

— Чего мы ждем?

— Огонь.

Рон сжег первую четверку, а я — тех двоих, которые уже поднимались по лестнице.

Ужасно скучно заниматься систематическим упражнением. Скорее бы найти что-нибудь другое, более интеллектуальное.

— Ты заметил,— спросил Рон,— эти двое были совсем как люди?

Это не что иное, как конечная цель мутации. Все остальные, которых мы видели на Нандале, всего лишь звенья цепи.

— Кому интересно заниматься трансфигурацией этих созданий?

— Науке.

— Я мог бы понять, если бы речь шла о единицах, но... их сотни, может тысячи. Что же это такое?

Мы подошли к лестнице, но спуститься по ней не смогли. Тошнотворный запах заставил нас остановиться.

— Болото... Гнилое болото,— пробормотал Рон.

— Да... А внизу, наверное, кишат эти твари.

Рон со злостью выхватил из-за пояса боевую гранату и швырнул ее вниз. Мы слышали, как они подпрыгнули на ступенях лестницы, а затем раздался взрыв, после которого наступила тишина.

Я тоже достал гранату и представил себе сотни этих гнусных тварей, пожирающих заживо мужчин и женщин, доставленных им с Артоса...

— Как нам избавиться от этой жуткой вони?— спросил Рон.

— Термические бомбы. Заложим штуки три-четыре в этом подземелье, вся скала раскалится добела. Тут не останется ничего живого.

Конечно, я предпочел бы внимательно осмотреть все, но этот запах был выше моих сил, а надевать скафандр мне не хотелось. Все-таки обзор в нем был хуже. А что здесь смотреть?

Вздохнув, я сделал знак Рону, и мы пошли по правому коридору, ведущему к другому гроту. Когда мы уже приближались ко входу, раздался голос:

— Я безоружен, иностранцы. Я безоружен и хочу говорить с вами.

Откуда этот голос. Я попытался определить, но не смог.

Незнакомец снова заговорил, более шутливо:

— Я не хочу показываться вам. Не желаю превратиться в живую мишень.

— Где ты?

— В расщелине под пещерой. В моих, так сказать апартаментах, дверей нет.

— Ты кто?

— Человек, как и ты. Я был одним из старых хозяев темных планет, а с некоторых пор я пленник арканцев. Твое вмешательство в какой-то степени освободило меня. За одно это я должен благодарить тебя.

— Покажись. Если ты действительно человек, у тебя нет причин бояться меня.

— Хорошо, я рискну.

И вот, снизу, из-за обломков скал появился человек. Высокий, в черном комбинезоне, обтягивающем мускулистое тело.

И он был без оружия! Я опустил терморужье, но Рон не сделал этого. Он был готов поразить незнакомца в любой момент.

— Есть здесь еще люди?

— К сожалению, они не в состоянии показаться.

— Почему?

— Со мною были еще двое, но арканцы утащили их вниз...

— Чтобы...

Он кивнул. Уточнять не было необходимости.

— Рано или поздно это должно было случиться и со мною.

— Почему ты до сих пор избегал этого?

— Я биолог. Я был нужен арканцам, чтобы помогать им добывать серу, которая ускоряет мутации.

Он увидел, что мы поняли не все, и начал скачала.

— Меня зовут Артод. Я младший сын одного из создателей этой лаборатории... Берегитесь!

Я резко обернулся и увидел двух чудовищ, бесшумно приближавшихся к нам. Тепловой луч мгновенно поджарил их.

— У твоего друга железные нервы,— улыбнулся Артод.

— В космосе без этого нельзя. Но я шеф, и должен был проявить инициативу.

Я прислонился к стене пещеры и приказал Рону:

— Следи за коридором.

Тот занял позицию у входа в грот, а я поблагодарил Артода.

— Ты благодаришь меня, но еще не доверяешь.

— Время еще не пришло. Сколько всего арканцев здесь?

Он пожал плечами:

— Может сотня...

— А фиолетовый луч?

— Вы уже столкнулись с ним?

— Он поразил одного из моих людей, но я уничтожил излучатель. Другие у них есть?

— Нет... Это был единственный. Во всяком случае на Нандале. Ты не хочешь посмотреть мои владения?

Я колебался, и Артод рассмеялся.

— Не бойся. Я не пытаюсь заманить тебя в ловушку. Я счастлив, что стал свободен. Ты можешь представить человека, который бы добровольно оказался среди этих монстров?

— Нет, конечно.

— Тогда веди.

— Сюда.

Через узкий проход между каменными глыбами мы прошли в просторную пещеру. Это оказалась лаборатория и, как мне показалось, прекрасно, по современному оборудованная. Присмотревшись, я обнаружил, что почти все приборы давно бездействуют и покрыты пылью. Работал лишь перегонный куб, в котором бурлила коричневая жидкость. Артод объяснил:

— Это сера, ускоряющая процесс мутации арканцев.

— И это все?

— С тех пор, как я стал пленником, я прекратил всякие исследования. Я делаю только то, что с меня требуют.

Он показал на вентиляционную трубу.

— Чувствуешь, как трудно дышать? Я уже привык. Все уже отказало. Они ликвидировали техников, которые казались им ненужными.

— А ты делаешь для них серу?

— А что мне остается делать? До твоего появления, здесь постоянно дежурили два арканца.

— И ты не имел права выйти?

— Редко. И то под тщательной охраной.

Теперь понятно, откуда у него под глазами темные круги и лицо бледное, как у покойника. И взгляд холодный и безразличный.

— Чем же ты питался?

Тень скользнула по его лицу, и он ответил не сразу.

— До сих пор я питался продуктами со склада, который оставил здесь мой отец. Там, за лабораторией, моя комната. Хочешь посмотреть?

— Не стоит.— Я кивнул на перегонный куб.— И все же ты ответственен за мутации арканцев.

— У меня не было выбора. Отказаться и разделить участь остальных? Это не прекратит мутаций.

— Твой дед положил начало этому?

— Он принимал участие в правительственной экспедиции. Дед был парапсихологом, разочаровавшимся в жизни в обществе. Дед и несколько его друзей были сосланы сюда. Здесь он заинтересовался арканцами, и их девственный интеллект поразил его.

— Он стал пытаться сделать из них людей?

— Нет. Он выбрал галкаров, чтобы ориентировать мутацию. Вы знаете, что это такое?

— Что-то вроде огромных носорогов из планетной системы Джлан.

— Носороги имеют по две руки. Они легко приручаются. Мой дед думал, что, дав им интеллект арканцев, или, наоборот, дав арканцам облик и чудовищную силу галкаров, он создаст мощное оружие, способное не только защитить темные планеты, но и покорить соседние системы.

— И что из этого вышло?

— На экваториальном континенте Артоса существует колония галкаров или, если хочешь, мутантов арканцев. Не знаю, что с ними сейчас. Я слышал, что они взбунтовались.

— Когда это было?

— Когда умер мой дед, и власть перешла к моему отцу. Арканцы не захотели быть похожими на носорогов. Они предпочли облик людей.

Он усмехнулся и продолжал.

— Не знаю, как произошел переворот... Однажды я обнаружил, что меня охраняют. Затем меня допрашивали, узнавали на что я способен. Допросу подверглись все, живущие на темных планетах. Хозяева, как вы их называете... Они решали... Тех, кто мог приносить пользу, оставляли, остальных отправляли, как материал для экспериментов. Так прошло десять лет...

— А община на Артосе?

— Ее основал мой дед.

— Это он передал власть женщинам?

— Да. Они менее опасны, чем мужчины. Мужская часть общины проходила строгий отбор. Лучших из них посылали на опыты, остальные были рады служить женщинам. Посредственный мужчина не опасен для общественного строя. Все революционные группировки в истории состояли из выдающихся представителей своего времени.

Внезапно из динамика послышался голос Нильса:

— Что ты скажешь о тех людях, которых я видел на Аркане?

— Они в такой же ситуации, как и я. Они заложники, попавшие в такую же ловушку. Разум каждого из них нужен арканцам.

— Мы освободим их.

Я неожиданно для себя решил это. Мы освободим заложников и уничтожим навсегда эту гнусную пародию на человечество. Моя ненависть к этим монстрам была безгранична. Я сделал знак Артоду и вышел в грот. Рон дежурил у входа в галерею.

— Ну как?

— Два нападения.

— Арканцы?

— Да.

— Я уничтожу сначала весь этот лабиринт,— обернулся я к Артоду.

— Я готов помочь в этом деле.

— Хорошо. Что еще может ждать нас?

— Единственная опасность — непосредственный контакт с арканцем. Если это произойдет, для вас все кончено. Но этого легко избежать.

— А ты?

— Меня они не тронут.

— Даже если ты изменил им?

Артод рассмеялся.

— Их разум не такой, как у вас. Они не злопамятны. Я им нужен, и они будут беречь меня при любых обстоятельствах.

— Отсюда можно выйти другим путем? У меня ведь нет лишнего гравикомпенсатора.

— Есть лестница. Я проведу вас.

Улыбаясь, он пошел впереди.

— Не нравится мне этот парень.
— Почему?
— Он служил арканцам.
— У него не было другого выбора, Рон.
— Я предпочел бы сдохнуть.
— Но жить внутри чудовища и все время ощущать это?

Артод повернул налево. Мы следовали за ним, не беспокоясь о тылах. В коридоре, который мы расчистили терморужьями, все было спокойно. За поворотом мы увидели лестницу. Тошнотворный запах исчез. Пятьдесят ступенек вверх — и мы уже на открытой галерее. Отсюда ведет другая лестница.

Мы добрались до первого грота, не встретив ни одного арканца. Здесь находился излучатель фиолетового луча. Подставка и механизм поворота почти не пострадали.

Изготовлено топорно. Я повернулся к Артоду.

— Работа твоего деда?
— Нет. Это собственное изобретение арканцев.

Час от часу не легче. Опасность гораздо больше, чем я предполагал.

— Человек из моей команды поражен этим лучом. Что с ним будет?
— В течение нескольких часов его нужно держать подальше от арканцев, чтобы он не мог откликнуться на их вызов.
— Какой вызов?
— Мысленный.
— Арканцы телепаты?
— В какой-то степени. Смотря, что ты подразумеваешь под этим словом.

Мы вышли из ущелья прямо к Фраму. Из люка появился Форстер, и я услышал голос Нильса.

— Термические бомбы готовы. Форстер займется ими.
— Их нужно установить в первом гроте. Трех штук вполне хватит, даже если пещера уходит далеко в землю.
— Нет, она неглубокая,— заметил Артод.

Форстер выгрузил три бомбы. Он установил их на гравитранспортер, который позволял легко и безопасно доставлять груз в любое место.

— Помоги ему, Рон.
— Задержку ввести от часового механизма?
— Нет. Радиоуправление с Фрама.

Я пригласил Артода подняться на корабль. Он пошел вместе со мною. Мы поднялись в лифте в центральный пост, где находился Нильс.

— Артод,— представил я спутника. Он поклонился, не подав руки, и мне показалось, что Нильс только рад этому. Весь в отца. Ему не нравились те, кто служил арканцам.

— Где Велеа?
— В блоке регенерации. Он не придет в себя еще минимум час.
— Ладно. На планете есть еще арканцы?

— Нет,— ответил Артод.

— Тогда нам тут делать нечего. Нужно вернуться на Артос, где нас ждут Сторк, Арт и Варуа.

Глава шестая

Фрам набрал высоту, достаточную для безопасного проведения взрыва бомб, установленных Форстером. Я настроил экран, чтобы видеть грот, и нажал кнопку дистанционного взрывателя.

В это момент вся гора вздрогнула, слегка осела, затем вспучилась, и ее охватило пламя. Горело все, что могло и что не могло гореть. Внизу в пещерах такая сейчас температура, что там будет уничтожено все живое.

Если Артод нас не обманывает, то Нандал освобожден от арканцев. Я надеялся, что навсегда.

Я взглянул на Артода и увидел в его глазах отчаяние и безнадежность.

— Все, что сейчас рушится, создано моим делом. Может быть, это моя ошибка...

Нахмурившись, он отправился к двери. Я представил, что он сейчас ощущает. Мятеж арканцев совсем не изменил его.

Когда мы вышли в космос, я задал координаты Артоса, включил автопилот и покинул пост управления.

В кают-компании я застал Рона и Артода. Оба были мрачны. Рон держал в руках стакан граля. Я спросил:

— Где Нильс?

— Пошел отдыхать.

— А Форстер?

— С Велеа в блоке регенерации.

Я открыл шкаф и достал бутылку граля.

— Выпьешь, Артод?

— Нет, спасибо.

— Однако тебе бы не помешало.

— Я не пью вообще.

Он оглянулся и с улыбкой сказал:

— Я восхищаюсь Фрамом. Никакого сравнения со старыми кораблями, какие видел я.

— Ты имеешь в виду корабль деда?

— Да. Он остался от первой экспедиции.

— Мне кажется, что арканцы до сих пор летают на нем.

— Кто вам сказал это?

— Вагина.

Презрительная улыбка пробежала по его лицу. Я спросил:

— Вагина тоже дочь одного из старых хозяев. Но она ничего не знает об арканцах. Почему?

— Ее отец был не такой важной персоной, как она думает. Он не был посвящен во многое. Только шефы были в курсе...

— Для нее это хозяева, которые приходили набирать слуг на Артосе.

— То есть людей,— уточнил Рон,— людей, которых посылали служить арканцам. Как служил им ты.

Глаза Артода сверкнули.

— Ты судишь не зная...

— Не зная чего? Раз Вагина никогда не видела арканцев, значит на Артос прилетали люди. И эти люди отправляли других людей на чудовищные эксперименты, вместо того, чтобы скрыться на Артосе.

— Если бы они скрывались, их товарищи-заложники на Аркане были бы обречены.

— Ты знаешь, что это не так, потому что они нужны арканцам.

И снова во взгляде Артода мелькнула злоба. Я вздохнул. Рон был прав. Слишком легко покорились старые хозяева.

Я наполнил стакан и перевел разговор на другую тему.

— Как была основана община на Артосе?

— Она существовала до моего рождения.

— Это я знаю. И она заселена колонистами с Земли. Нужно было переправить сюда много людей.

— С моим дедом прибыли эмигранты.

— Вагина говорила, что им регулярно доставляют детей. Она верит, что это дети с Арканы, но это невозможно. Тогда откуда же?

— Я ничего не знаю об этом.

Он явно лгал, но я держал себя в руках. Он понимал, что такие махинации нам не понравятся. Лоб его покрылся испариной, но он старался не выдавать своего волнения.

К счастью для него пришел Форстер, чтобы пригласить нас к Велеа, который уже пришел в себя.

Велеа лежал неподвижно. Лицо его ничего не выражало, в глазах — пустота.

— Он еще в шоке,— сказал Форстер.

Я обернулся к Артоду.

— Это тот, кого поразил луч.

— Теперь он будет укрываться вовремя.

— Какую дозу облучения он мог получить?

— Понятия не имею. Это изобретение арканцев. Луч воздействует на мозг, оставляя его чувствительным только к некоторым телепатическим сигналам. Это быстро проходит. Поэтому воздействие лучом надо повторять, как подзаряжают старый аккумулятор.

Он положил руку на лоб Велеа. Тот почувствовал это и пробормотал:

— Что со мной?

— Вспомни... Тебя поразил фиолетовый луч...

— Да... Я не успел увернуться.

Это воспоминание вызвало у него дрожь. Затем он улыбнулся и сказал:

— Теперь это позади. Я рад видеть тебя, Абурен, и тебя, Рон.

— А это Артод. Мы освободили его из подземелья. Он был пленником чудовищ. Я налью тебе стакан граля?

— Да... Это поможет мне... Но я хочу спать... спать...

— Ты выпьешь и сразу уснешь.

После того, что с ним произошло, усталость хороший признак.

Артод попросил у нас разрешения удалиться отдыхать, а я, оставив Рона и Форстера на дежурстве, пошел в свою каюту, которую занимал вместе с Нильсом.

Нильс спал. Стараясь не разбудить его, я сел на койку и закурил сигарету. Да, задал нам задачку Артод и его компания. Чего еще можно ждать от них?

Бросается то в глаза, что они долго находятся в плену. А ведь они вооружены знаниями и опытом своих предков.

Их предки проделали большую работу. Можно было не разделять их взглядов, но нельзя оспорить грандиозность проделанной работы. А эти слишком уж легко смирились со своим нынешним положением.

— Почему Артод не мог саботировать производство серы? Или просто убежать из-под охраны?

Это кажется невероятным. Может на планете есть и другие опасности, о которых я ничего не знаю? Один, без оружия... и все же... Вероятно, я не смирился бы и сделал все возможное...

А может он уже привык к чудовищам, и они не вызывают у него такого отвращения, как у меня? Ведь он хорошо узнал их и таким образом продолжил работу своего деда и отца.

И те, на Аркане, находятся в таких же условиях, и они уверены, что вся ситуация в их руках. В таком случае, они вряд ли обрадуются, когда мы явимся освобождать их.

Я вспомнил выражение лица Артода, когда термические бомбы взорвались в подземелье. Он был готов разрыдаться.

Я погасил окурок и закрыл глаза.

К чему ломать голову? Все, чему суждено случиться, произойдет. Может быть лучше, может хуже, но никогда так, как пытаешься предугадать заранее.

Внезапно раздавшийся звонок разбудил меня. Я проснулся, сел на койку. Нильса уже не было.

Я включил селектор и вызвал центральный пост.

— Что случилось?

— Два звездолета преграждают нам путь на Артос,— ответил Рон.

— Нильс с тобой?

— Я послал его на боевой мостик.

— Я иду.

Надев пояс и проверив оружие, я вышел в коридор, где столкнулся с Артодом.

— Нас атакуют?

— Во всяком случае могут... Вероятно твои друзья. Идем.

Рон был один на командном мостике.

Когда я вошел туда, он сказал:

— Ассиньянец ведет себя очень странно.

— Он не спит?

— Нет, я отправил его с Форстером в кают-компанию.

— Правильно.

Я подошел к экранам внешнего обзора. Два звездолета пытались преградить нам путь. Допотопный крейсер и огромный транспорт. Они уступали нам в скорости, но занимали более выгодное положение. Их вооружение, хотя и устаревшее, превосходило наше. Все-таки Фрам не был военным кораблем.

— Тормози.

Рон нажал кнопки и включил тормозные двигатели. Через несколько секунд Фрам остановился.

— Дай, радиовызов. Попробуй установить видеоконтакт.

Рон выполнил приказ, экран засветился, но получить изображение не удалось.

— Проверь все диапазоны. Черт знает, на какой волне они работают.

Я повернулся к Артоду, но он развел руками. Помочь он ничем не мог. Лицо его было смертельно бледным. Он явно волновался и не мог скрыть этого.

— Ты боишься?

— Не за себя... Ты будешь атаковать их?

— Все зависит от них.

Внезапно Рон вскрикнул:

— Абурен, есть!

На экране появилось изображение. Круглое лицо со спутанными волосами и всклокоченной бородой. Взгляд холодный и ненавидящий.

— Алло! Крейсер? Что вам нужно?— спросил Рон.

— Нужно встретиться.

— Об этом не может быть речи.

Артод внезапно оттолкнул Рона и встал перед экраном.

— Картер! Послушай, я с ними. На Нандале все установки уничтожены. Мы идем на Артос, оттуда будет организована экспедиция, чтобы освободить всех на Аркане.

Лицо Картера оставалось неподвижным. Он не отвечал. Лишь через некоторое время он нахмурился.

— Картер! Ответь! Ты меня узнаешь? Я — Артод.

Тишина. Картер долго вглядывался в Артода, затем усмехнулся и в это мгновение Фрам мелко задрожал.

— Наконец-то, черт возьми!— выругался Рон.— Магнитная ловушка.

Я бросился к пульту управления и, не осознавая, что делаю, включил двигатели на полную мощность. Через секунду мы уже неслись в направлении двух звездолетов. Маневр застал врасплох наших противников, которые были уверены, что мы будем пытаться отступить, вырваться. Поэтому они не отреагировали достаточно быстро, и я воспользовался этим: с максимальным ускорением свернул вправо.

Мы вырвались из ловушки, но опасность еще не миновала: в любую минуту поле могло достать нас.

— Огонь!

Да, теперь мы могли применить всю мощь нашего оружия. Нильс был готов. Две ракеты вырвались из люков Фрама.

— Нет,— застонал Артод,— это же мои братья!

— У нас нет выбора, старина. Или мы, или они. В космосе ошибаться нельзя.

Противник понял опасность, и крейсер начал разворачиваться. Тяжелый транспорт не мог этого сделать.

— Приготовься, Нильс, нет, погоди. Они даже не пытались уничтожить ракеты!

Странно. Не воспользоваться артиллерией! Удачный выстрел — ракета уничтожена за несколько километров до цели! Почему же они не использовали этот шанс? У крейсера еще есть возможность увернуться, но транспорт обречен. Еще секунда — и ракета поразит его.

Ослепительная вспышка — и на месте транспорта лишь облако пара.

Артод схватил меня за руку.

— Вы убийцы!

— Ну хватит. Иди в свою каюту, успокойся.

Я направил на него свой бластер. Он попятился.

— На корабле я командир, Артод. И все мои приказы выполняются без обсуждения.

Ярость и отчаяние были на его лице. Однако он усилием воли взял себя в руки.

— Ты не можешь понять меня...

— Почему же? На борту транспорта были твои друзья, я не сомневаюсь. Но не можем же мы погибать, уважая твои дружеские чувства.

Он провел рукой по лицу.

— Да, я понимаю. Я не буду вмешиваться. Позволь мне остаться.

— Чтобы все видеть? Ладно.

Я вернулся к экрану. Крейсер пытался уйти от ракеты, но она нагоняла его. Это были последние секунды крейсера.

— Дай команду самоликвидации, Нильс.

Я видел, как ракета взорвалась, не доходя до цели. Я посмотрел на Артода.

— Крейсер цел. Это все, что я могу сделать для тебя.

— Спасибо.

— Надеюсь, что не буду жалеть об этом.

Разумеется я зря это сделал, нужно было позволить ракете выполнить свою задачу. Что мне помешало? Да, постарел я. И уже не так тверд, как в юности.

Я покинул центральный пост и пошел к Нильсу.

— У Артода истерика?— спросил он.

— Все нормально. Представь себя на его месте. Как бы ты чувствовал себя, если бы я на твоих глазах торпедировал корабль, на борту которого находятся Форстер и Велеа?

— Да, конечно. Ты думаешь, что друзья Артода уже спасены?

— Все в их руках! Посмотрим, что они сделают, когда мы явимся на Аркану.

— Эти их действия не делают им чести.

Он прав. И это меня не воодушевляет. Я вздохнул.

Мы оставим Артода на Артосе у Вагины.

— Да, так будет лучше. Он не внушает мне доверия.

— Мне тоже.

Мы решили вернуться в центральную рубку. По пути я заглянул в кают-компанию. Форстер и Велеа собирались обедать. Артод тоже был здесь. Перед ним стоял стакан граля, но он не притронулся к нему. В задумчивости он смотрел в пол.

— Странный тип,— заметил Нильс.

Постепенно Артос превратился из яркой звезды в огромный диск. На этот раз я рискнул и сделал два полных витка перед входом в атмосферу. Все шло нормально.

Видимо крейсер ушел на Аркану. Или же генератор магнитного поля находился на транспорте, уничтоженном нами. Хорошо, если так, но я слабо верил в это.

Второй континент был ярко освещен, и, приблизившись к Нолене, я вышел в эфир.

— Фрам вызывает Сторка. Фрам вызывает Арта. Фрам вызывает Варуа.

— На связи Сторк.

Затем отозвался венерианец, а немного погодя — компаньон Нильса.

— Что можете сообщить?

— Два корабля выходили на орбиту во время предыдущего дневного периода,— сообщил морлот,— но они удалились без посадки.

— Они искали Фрам. Выяснив, что его здесь нет, они полетели на Нандал. Мы встретились с ними в космосе.

— Они атаковали вас?

— Да. Магнитная ловушка. Пришлось уничтожить один из кораблей. Транспорт.

Я маневрировал, чтобы посадить Фрам близ Нолены, и через несколько минут к Фраму бежали Сторк, Арт и несколько женщин. Я открыл шлюз, чтобы Нильс, Рон и Артод смогли выйти навстречу.

Велеа остался со мной на борту, так как я решил сам обеспечить первую вахту. Я вызвал ассиньянца и поручил ему заняться радарами.

Форстера я отправил к Нильсу, который уже познакомил Артода с Вагиной. Велеа был по-прежнему какой-то странный. Хмурое лицо, тусклый взгляд. Но свое дело он знал хорошо. После того, как он закончил работу, я предложил ему:

— Ты должен вернуться в блок регенерации. Я справлюсь один.

— Почему? Я чувствую себя прекрасно.

Он усмехнулся и, достав бластер, направил его на меня. Я остолбенел, а когда пришел в себя, он нажал на спуск, и вспышка пронзила мой мозг, заслонив от меня весь мир. Я был парализован и уже ничего не ощущал.

Глава седьмая

Все мои мышцы стискивала мучительная боль. Я хотел пошевелиться и не мог. Все тело было как будто вывернуто наизнанку.

И вдруг я вспомнил парализующий выстрел бластера, Велеа, направляющего на меня оружие, ослепительную вспышку...

Что на него нашло? О, Боже! Я попытался встать — и не смог. Лишь один мой мозг, который очнулся от летаргии... мой разум... чувства... Несмотря на такое состояние, я чувствовал, что Фрам в воздухе.

А может в космосе? Кто же им управляет? Этот человек в нескольких шагах от меня. Но я еще не открыл глаза. Вот теперь можно. Действие бластера мне известно.

Секунда... другая... Я собрал последние силы. Туман перед глазами. Он постепенно рассеивается. Ужасно медленно. И вот я вижу. Командный пульт. Перед ним квадратный силуэт.

Ассиньянец? Мой Бог! Неужели это он вывел корабль в космос? Самое сложное начинается потом.

Велеа абсолютный профан в навигации. Мы не смогли ни разу оставить его у пульта управления.

Мои руки уже обрели способность двигаться. Ноги тоже. Я попытался встать, но не смог. Оказывается мои руки связаны за спиной и привязаны к ногам.

Работа специалиста. Значит ассиньянец... Безумец...

— Ты один на борту?

Он вздрогнул и резко обернулся. Его лицо блестело от пота.

— Значит это ты поднял Фрам в космос? Ты никогда бы не решился на это сам, Велеа. Ты же знаешь, что не умеешь управлять кораблем.

Он смотрел на меня злыми глазами. Рот его искривился и он рявкнул:

— Замолчи.

— Мы затеряемся в звездной бездне и подохнем с голоду, если не столкнемся с каким-нибудь астероидом.

— Я же сказал: замолчи.

— Как ты связан с теми, кто приказал тебе взлететь?

На лице его выразился интерес и он сделал шаг ко мне:

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что тобой управляют с помощью телепатии арканцы. Это произошло с момента, когда тебя коснулся фиолетовый луч. Ты помнишь это?

Он медленно закрыл лицо рукой. Затем покачал головой.

— Никто мне ничего не приказывает.

— Тогда почему ты меня связал. Я тебе больше не друг?

Он размышлял. Эта мысль явно взволновала его, но, подумав немного, он ответил.

— Ты можешь помешать мне идти на Аркану.

— Ты хочешь лететь туда?

— Да.

— Почему?

— Я должен лететь туда.

Ясно, что сейчас у него не было прямого контакта с арканцами, но им владела идея-фикс, которую они внушили ему.

— Если ты летишь туда, я бы мог помочь тебе.

— Ты обманываешь.

— Иначе тебе туда не добраться. Ты же не знаком с навигацией.

— Я понимаю.

Бедный Велеа. Он начал расхаживать по рубке. Размышляет. Светлым умом он никогда не отличался, а сейчас перед ним поистине неразрешимая проблема. Ведь ему внушили, что он должен остерегаться меня и доставить корабль на Аркану.

Если бы я исхитрился, я смог бы завоевать его доверие, и у меня появился бы шанс.

— Ты думаешь об автопилоте?

— Он должен довести корабль.

— Куда?

— Не знаю.

— Если ему не задать координаты, он заведет неизвестно куда.

— Я не знаю координат.

— Для этого есть компьютер.

— Как им пользоваться?

— Могу объяснить.

Он пожал плечами:

— Ты не представляешь, как я хотел бы верить тебе.

Да, теперь я понимаю, что такое беседовать с идиотом. Но терпение...

— Столкновение с астероидом — это мгновенная смерть. Но лично я предпочитаю жизнь. Ты сможешь убедиться в достоверности координат, которые выдаст компьютер.

— Каким образом?

— Ты сам его спросишь. Я лишь скажу, как задать вопрос.

— Тогда начинай.

— Но мне нужно встать.

— Ни за что!

— Только ноги, Велеа. Я же должен видеть панель компьютера.

Он глубоко вздохнул. Руки его дрожали.

— Не медли, Велеа. В любой момент мы можем потерпеть катастрофу.

— Но прежде раздастся сигнал тревоги.

— Для тебя это будет большим утешением перед смертью. Чем ты рискуешь? Ведь руки мои будут связаны.

— Хорошо, я развяжу тебе ноги.

— Прекрасно.

Он подошел ко мне, проверил веревки, стягивающие руки. Затем он развязал мне ноги и помог встать, ухватив за ворот комбинезона.

Это уже был большой шаг к освобождению. Я подошел к пульту ЭВМ.

— Ты знаешь, как это происходит: ты задаешь вопрос, а он выдает ответ на цифровом табло. Следовательно ты сразу видишь, если я тебя обманываю.

— Пожалуй.

— Четвертая красная кнопка. Ее нужно нажать.

Он нажал кнопку. Загорелась надпись "координаты". Велеа улыбнулся.

— Теперь набери "Аркана". Алфавит ты знаешь.

Одну за другой он нажимал клавиши. А когда закончил, под словом Аркана появился ряд цифр.

— Тебе осталось лишь перенести эти цифры на клавиатуру автопилота и нажать красную кнопку справа.

Сказав это, я упал в кресло, а Велеа подошел к пульту управления и стал набирать цифры:

— 69, 17, 44, 36, 23, 77.

Набрав код, он нажал кнопку и в этот момент корабль вздрогнул. Чудовищные перегрузки обрушились на нас. Ведь ускорение Фрама в этот момент достигало 17 жэ.

Я ждал этого и подготовился: сел в противоперегрузочное кресло. Для Велеа это было полной неожиданностью. Он, вероятно, решил, что мы врезались в астероид.

Падая, он отпустил кнопку, которая вернулась в прежнее положение, ускорение корабля резко уменьшилось.

В голове туман. У меня ощущение, как будто я лечу в облаках. Удар был сильнейший. Я мог бы лопнуть, но теперь уже легче... как приятно.

Тьма, окутывающая меня, постепенно рассеивается. Я прихожу в себя.

А Велеа? Скорее всего мертв. Во всяком случае, не шевелится. Голова лежит в луже крови, натекшей из носа и ушей.

Я не мог предупредить его, чтобы он не нажимал на кнопку слишком долго. Наоборот, я именно этого и хотел.

Велеа был мне очень дорог, но у меня не было выбора. Ведь сейчас это был уже совсем другой человек. Даже не человек, а творение арканцев. Он принадлежал им телом и душой.

Со связанными руками я был беспомощен. Однако передвигаться я мог. Я встал на ноги. Ноги еще болели. С трудом подошел к пульту управления.

Сначала нужно остановить Фрам. Мне пришлось почти лечь на панель, чтобы дотянуться до кнопки, прекращающей подачу энергии к главному двигателю. Скорость начала падать. Еще одна кнопка... и вот Фрам повис в пространстве.

Теперь можно заняться собою. Я прекрасно понимал, что развязать веревку мне не удастся. Единственное, что я мог сделать, это перетереть ее обо что-нибудь... или перерезать. Но как это сделать? Ничего подходящего я не видел. А кислота? Кислота в кладовой! Нужно спуститься на три этажа. Лифтом воспользоваться я не мог. Пришлось спускаться по лестнице.

Но это оказалось тоже не просто. Ведь по пути нужно было открыть много дверей. И наконец я добрался до цели.

Флакон с кислотой стоял на своем месте в специальном шкафу. Но мне было легче опрокинуть его, чем достать из шкафа и открыть. Кислота с Ассиньяна. Она мне сразу напомнила Велеа. Теперь нужно смочить веревку кислотой. Веревку и, возможно, руки. Так... Готово. Я увидел зеленый дым, поднимающийся из-за спины. И вдруг острая боль пронзила меня. Я вскрикнул. Я сжал зубы, изо всех сил рванул веревку. Она разорвалась. Я взглянул на руки...

Глубокие раны причиняли невыносимую боль. Всего несколько минут в регенерационной камере и я забыл бы о них, но сейчас было не до того. Я отправился в центральный пост.

А ассиньянец был мертв. После освобождения Нильса он хотел вернуться на Землю, но я заставил его забыть об этом. Я любил его, и годы, проведенные вместе, навсегда останутся в моей памяти.

Я забрал его оружие, отнес его тело в дезинтегратор. Закрывая люк, я вспомнил о тех, кто был с Нильсом и погиб. Это воспоминание погрузило меня в глубокую меланхолию. Сейчас нас осталось слишком мало, чтобы выдержать нападение арканцев.

Ну что же, отступать поздно. Я включил двигатель и отправился в блок регенерации залечивать раны.

Автопилот высветил мне время полета до Артоса — двенадцать часов. Я не думал, что мы улетели так далеко.

Вернувшись в рубку, я увеличил скорость и отправился в каюту.

Боль уже совсем утихла, я приобрел способность рассуждать. Я лег на койку.

Значит Велеа в какой-то момент попал под телепатический контроль арканцев? Странно. Он все время полета на Артос выглядел обычно и его поведение было для меня полной неожиданностью. Это произошло после посадки на Артос. Значит арканцы на Артосе? Вагина знала об

этом и обманывала меня? Или же ничего не знала? Может она тоже служит этим чудовищам?

Но Сторк говорил, что на Артос никто не садился. Впрочем, для высадки можно воспользоваться шлюпками, а их заметить не так просто.

Что хотят арканцы? Вероятно, им нужен Фрам. Когда они хотели захватить нас с помощью магнитной ловушки, они не делали попыток уничтожить корабль. А Велеа уже тогда показался мне странным. Может они уже тогда установили с ним контакт.

Они могли навязать ему свою волю, но они знали, что Велеа не умеет управлять кораблем. А когда я очнулся, они уже прервали контакт с ним.

Это важно. Значит они могут внушать человеку свои желания, но практически управлять им не могут.

Я закурил. Что же, может мое открытие даст мне ключ ко всему, происходящему на темных планетах...

Все началось с того, что чуть больше ста лет назад дед Артода задумал прибрать к рукам систему темных планет.

Посредством мутации он хотел придать арканцам облик галкаров. Одновременно он создал что-то вроде туземной популяции на Артосе. Видимо, она состояла из детей, привезенных из соседней системы.

Поначалу арканцы как будто поддались на эту авантюру. Все шло хорошо до самой его смерти и какое-то время при его детях.

Увеличивающееся за счет постоянного привоза детей население Артоса образовало общину, которая самоуправлялась с помощью законов, ограничивающих права мужчин. Естественно на хозяев эти законы не распространялись.

К несчастью от мутации к мутации развивался интеллект арканцев, и однажды они взбунтовались. Они не желали принимать облик галкаров, они предпочитали быть похожими на людей. Это доказывает, что ум их был далеко не в зародышевом состоянии. Необходимо гениальное прозрение, чтобы видеть те преимущества, которые дает облик человека.

Вероятно далеко не все, но какая-то часть арканцев обладала повышенным интеллектом и смогла подчинить себе людей.

Да, это было именно так. Два типа арканцев — и один из них — элита — арканцы, доминирующие здесь, управляющие фиолетовым лучом. И рефлексы у них не такие слабые и замедленные, как у остальных арканцев, которых большинство.

Теперь я понял, как с ними надо бороться. Погасив сигарету, я включил гипносон и закрыл глаза. Я проснусь, как только Фрам приблизится к Артосу.

Я открыл глаза. Самочувствие прекрасное, я был свеж и бодр. Встав с постели, я размялся и пошел включать экраны внешнего обзора.

До Артоса не более двадцати минут лета. Локаторы уже включились. Я подошел к экранам. Очаг энергии... Мощный очаг... При предыдущих посещениях планеты его не было.

Вероятно, корабль... Крейсер, которому я позволил уйти после уничтожения сопровождающего его транспорта. Если генератор магнитного поля на крейсере, нужно быть очень внимательным. На этот раз они не позволят мне прорваться, как в прошлый раз.

Пока я ничем не рискую. Радары крейсера не могут меня обнаружить с поверхности планеты на таком расстоянии. Я включил анализаторы, чтобы знать все наверняка. Действительно, крейсер, хотя неизвестно, тот ли самый. На среднем континенте, близ Нолены.

Эту зону лучше обойти, так как при посадке я буду там особенно уязвим.

Хорошо. Посадку нужно делать на другом полушарии. И без выхода на орбиту. Я проверил запас энергии. Вполне достаточно. Затем выключил автопилот, так как в данном случае не хотел доверяться машине. Я предпочитал управлять сам.

Компьютер выдал мне данные для посадки.

Полная темнота. Входя в атмосферу, я включил инфравизор. Всем существом я ощутил толчок при столкновении Фрама с атмосферой. Если все будет нормально, я опущусь в верхней части экваториального континента. Крейсер не обнаружил меня, либо он не был оснащен генератором магнитного поля. Я быстро снижался и уже мог рассмотреть под собой необъятный зеленый массив.

В инфракрасных лучах я не мог видеть подробностей и мне пришлось выпустить две осветительные ракеты.

Жуткое зрелище... Огромные деревья переплетены гигантскими лианами. Из-под листвы выпорхнули обезумевшие от света птицы, и тут я заметил среди леса большую поляну.

Ракеты погасли, и я выпустил еще одну. Она осветила деревню, низкие хижины, сплетенные из тростника. Фрам мягко коснулся земли, и в последних лучах света ракеты я заметил галкаров, выходящих из хижин...

Глава восьмая

Я включил прожектор. При его свете мне открылось фантастическое зрелище. Я видел галкаров раньше, на их родной планете, даже приручил одного из них. Но это были совсем другие.

Падавший на них яркий свет совсем не беспокоил их, не приводил в ужас. Они не паниковали, не метались. Они собрались на небольшой площадке среди хижин и началось представление.

Я был уверен, что они говорят. На каком языке?! Мне стало страшно. Природа создала их не такими. Что-то неестественное было в их поведении. Что же сделал с ними дед Артода?

Отчасти меня утешало то, что в их виде не было ничего ненормального. Но я уже знал, что арканцы дали им разум. Значит они разумны?

В чем же это выражается? В умении вести себя? В той важности, которой лишены примитивные галкары?

Напрасно я искал различия. Тело такое же, как у галкаров. Кожа толстая, как панцирь, короткие лапы, прямоугольная морда, подобно ящику, разделялась на две части, когда галкар разжимал челюсти. Руки на месте, маленькие, короткие руки у самой шеи, оканчивающиеся ладонями с шестью пальцами, а седьмой большой палец с другой стороны.

Тем не менее мутация налицо. От рептилий у них ничего не осталось. Они стояли неподвижно посреди площади, задрав головы, как будто стараясь рассмотреть в темноте корабль, висящий над ними.

Казалось, свет совсем не ослепляет их. Мне хотелось понаблюдать еще, но у меня не было времени. Надо было спешить на другой континент, надо узнать, что же стало с моими друзьями.

Да, надо... но я не могу. Тысячи неясных мыслей проносятся в моем мозгу. Непонятные бессмысленные видения. Никакой логики.

Что со мною происходит? Я сделал усилие, чтобы взять себя в руки. Я даже смог протянуть руку, чтобы нажать кнопку набора высоты... Но черт возьми... я схожу с ума...

Я тряхнул головой и даже встал, чтобы сбросить с себя это наваждение.

Галкары — телепаты! Это они ворвались в мой мозг, и я позволил им сделать это. Нет, нужно постараться победить это колдовство. Я выключил прожектор, включил двигатели. И как только расстояние между мной и галкарами стало увеличиваться, я ощутил себя свободным.

Они опасны, эти галкары. Во всяком случае, когда собираются в большую группу.

Я летел, ориентируясь в инфракрасных лучах, вдоль границы земли и океана. Здесь меня не смогли бы обнаружить локаторы крейсера.

Сейчас они, очевидно, прощупывают космос. Если, конечно, считают, что я все еще опасен для них. Они знают, что Велеа обезвредил меня, и считают, что Фрам затерялся в космосе.

А сейчас Нильс и остальные попали в плен к чудовищам? Хочется верить, что этого не случится. Нильс — ребенок, а остальные — тем более. Это старые космические волки, которые выкручивались и не из таких ситуаций.

Фрам летел над лесами в направлении континента Нолена. Чтобы прибыть с восходом солнца, я не увеличивал скорость.

Я попытался связаться с Нильсом по радио, но безуспешно. Впрочем это ничего не значит, Нильс может не выходит в эфир, так как считает, что я мертв или в плену.

Лес кончился, началась сухая голая пустыня. За нею — океан. Я немного поднялся, чтобы огромная волна не зацепила меня. В это время из-за огромного диска планеты, плывущей по небу, показался луч света. Солнце! Я прибавил скорость, и достиг берега континента как раз в тот момент, когда на него упали первые лучи.

Это меня вполне устраивало. Я пошел вдоль берега, чтобы найти укромную бухточку, в которой можно укрыть Фрам.

До Нолены я решил добираться без корабля, чтобы не привлекать внимания.

Вот то, что мне нужно. Маленький песчаный пляж, укрытый амфитеатром высоких скал.

Я посадил Фрам, включил бортовой передатчик.

— Абурен вызывает Нильса... Абурен вызывает Нильса...

Тишина. Я перепробовал все диапазоны, но безрезультатно.

Теперь, когда настал день, я начал беспокоиться. Они должны были включить приемник. Если они не сделали этого, это серьезная ошибка.

Проверив заряды бластера и энергетический потенциал лазера, я закрепил гравикомпенсатор на поясе и одел специальный шлем с приемопередатчиком. Фрам я оставлял спокойно, он снабжен системой автоматической защиты. Неприятно лишь то, что я настроил защиту на свои биоволны. Если со мною что-то случится, Нильс и его друзья не смогут попасть на корабль. Но не мог же я допустить того, чтобы корабль захватили арканцы.

Я захватил терморужье, проверил его и вышел через люк. С помощью гравикомпенсатора я поднялся на возвышающееся над скалами плато.

Нолена находилась в глубине континента, километрах в ста от берега. Гравикомпенсатор обеспечивал мне скорость передвижения восемьдесят километров в час. Путь не близкий, и к городу я должен подойти незамеченным.

Вскоре начались поля, а затем я увидел огромную реку. Я пересек ее, пролетев над самой водой. Уже прошел час, как я покинул Фрам и вдруг в динамике шлема раздался щелчок и я услышал:

— Сторк вызывает Нильса...

Я облегченно вздохнул. Ответ пришел почти мгновенно.

— Нильс на связи.

Я тут же включил свой передатчик.

— Это Абурен. Я пытаюсь связаться с вами уже два часа.

— Абурен?

Голос Нильса дрожал от волнения.

— Мы думали ты давно погиб или попал в плен. Где ты сейчас?

— На пути в Нолену. Я пересек реку, которая протекает через город.

— Не ходи дальше.

— Араканцы?

— Да. Они прилетели. С людьми, которым они служат. Их много. Мой отец и Форстер у них в плену. Варуа и Арт тоже.

— Это невозможно. Как это случилось?

— Я сам ничего не знаю. Они были в Нолене, когда прилетел корабль Араканцев. Мы со Сторком тоже чуть не влипли.

— А Артод?

— Мы разделились на три группы, а он должен был обеспечить связь.

— Где он сейчас, и с кем он?

— Я не знаю.

— Он вас предал?
— Вероятно, но у меня нет доказательств. Ты привел Фрам?
— Конечно.
— Мы ничего не могли понять, когда ты неожиданно взлетел. Что произошло?
— Велеа... Он парализовал меня бластером, а затем пытался удрать в космос.
— Ничего не понимая в навигации?
— Араканцы, которые управляли им, не знали таких деталей.
— Ты уверен, что именно араканцы заставили его?
— Абсолютно. С тех пор, как его поразил фиолетовый луч, он стал подвержен действию телепатии.
— Кто же мог управлять им?
— Я думаю на Артосе были араканцы...
— До прибытия старого крейсера?
— Вероятно.
Нильс помолчал, затем спросил:
— Ты на борту Фрама?
— Нет, я оставил его на берегу.
— Правильно сделал. Недалеко от Нолены в лесу река делает поворот. Там я тебя встречу.
— И ты, Сторк.
— Хорошо.
— До встречи.

Нам нужно собраться втроем. Но даже и тогда нам будет трудно. Дела наши совсем плохи. Как Рон мог так глупо попасть в плен? Рон и остальные. Они не заметили прибытия звездолета?

Но это еще не все... Я сам чуть не попался. Из-за Велеа... нет, вместе с ним... Я вспомнил двусмысленное поведение Артода, когда на нас нападали звездолеты.

Вскоре я был там, где Нильс назначил мне встречу. Я опустился на вершину скалы, возвышающуюся над водой.

Вокруг меня темнел лес. Смесь земных деревьев с местными. Среди них были деревья, похожие на ивы, на ветвях которых висели тяжелые красные плоды.

Что касается Рона и компании, тут может быть одно объяснение. Фиолетовый луч. Если их поразил луч, то они стали, как Велеа. Даже опаснее, чем он. Я заскрипел зубами, представив себе перспективу стать врагом своих лучших друзей. Я вспомнил, как странно вел себя Велеа, когда мы летели к Артосу... Но нужно быть внимательнее: в небе над Ноленой я увидел поднимающийся корабль. В это время меня окликнул Сторк.
— Ты видел?— спросил я его.
— Похоже, он направляется сюда.
— Значит араканцы перехватили наш разговор.

— С помощью приемников пленников.

— Вызови Нильса.

Морлот включил передатчик.

— Нильс?

— Я слушаю.

— Оставайся там, где находишься и не передавай нам свои координаты.

— Почему?

— Арканцы засекли место нашей встречи. К счастью, мы уже встретились с Абуреном.

— Если я останусь здесь, как вы найдете меня.

Я вмешался.

— Я позабочусь об этом, Нильс. Но будет лучше, если сейчас мы не будем встречаться.

Выключив передатчик, я сделал знак Сторку, и мы направились к лесу, где деревья предоставили нам надежное укрытие. И вовремя, так как звездолет уже приближался к излучине реки.

— У них наверняка есть инфракрасные детекторы, которые регистрируют тепло наших тел,— сказал Сторк.

— Это не опасно. В лесу много источников инфракрасного излучения.

— Мы отправляемся на Фрам?

— Не сразу.

Я надеялся, что когда они поймут, что отыскать нас методом детектирования не даст результатов, они посадят корабль и организуют прочесывание. Их на борту должно быть очень много, но для ближнего боя мы вооружены лучше. Сторк понял это и, улыбнувшись, стал проверять свое оружие.

— Я с удовольствием попотрошу эти чудовища.

— Еще не поздно. Пока инициатива была в их руках. Пора нам перехватить ее.

Корабль лишь на несколько секунд задерживался на каждом берегу реки. С него высаживалось по десять человек.

— Люди?— удивился Сторк.

— Да. Люди, которые служат арканцам. Добровольно или после воздействия фиолетовым лучом.

— В любом случае, они нас не пощадят, если им удастся добраться до нас.

— Чтобы наши силы сравнялись, мы должны с наименьшим риском для нас уничтожить их как можно больше.

— Они могут отомстить, ведь наши люди у них в плену.

— Да, риск есть.

Я был даже рад, что Нильса с нами нет.

— Если мы не одержим быструю и полную победу, мы можем потерять своих друзей. Тогда никакие переговоры не помогут.

Звездолет набирал высоту, а люди, высадившиеся из него, уже разворачивались в цепь, чтобы начать прочесывание.

— Похоже они поняли, что мы решили дать им бой,— сказал Сторк.

— Несомненно. И они готовы принести в жертву своих людей.

— С какой целью?

— Сначала они хотели завладеть Фрамом, но теперь они боятся, что мы покинем темные планеты и объявим тревогу в соседних системах.

— Как мы будем атаковать их?

— С двух флагнов. Ты будешь слева. Убьешь одного или двух, сразу отходи. Я почти уверен, что звездолет вмешается в бой.

— Хорошо, нужно назначить место встречи, так как передатчиками пользоваться нельзя.

— Встретимся ниже по течению реки...

Наши преследователи двигались медленно. Они не имели гравикомпенсаторов и с большим трудом преодолевали препятствия. Они медленно углублялись в чащу, и их цепь достаточно быстро распалась.

Кроме ив, с тяжелыми красными плодами, здесь было много деревьев, похожих на сосны. Их иглы, длиной в десять сантиметров, были тверды как сталь и остры как бритва. Эти иглы необычайно опасны, когда стоишь внизу.

Я устроился на развилке ствола дуба, лицом к проходу, по которому должны обязательно пройти враги.

Изредка в просветах между деревьями я видел пробирающихся преследователей. Это были люди высокого роста, настоящие гиганты, атлеты.

В динамике раздался шорох: это Сторк дал сигнал, что занял позицию. Я думал, чем мне воспользоваться, терморужьем или бластером.

На человеке, что шел впереди, был костюм, как у Артода, только розовый. Сверху была натянута кожаная куртка, на голове шлем. Несомненно, для защиты от игл. В руках терморужье, вероятно, захваченное у пленников. Я приготовил лазер.

С помощью бластера я смог бы только парализовать его, но тогда стиснутые судорогой пальцы сжали бы ружье, и я не смог бы забрать его. Ну что же, тем хуже для этого человека.

Я прицелился, нажал спуск. Оружие обсолютно бесшумное. Я лишь услышал легкий шелест, когда узкий пучок энергии вырвался из ствола. Я попал в лицо, и человек упал с рассеченной на две части головой.

Я спрыгнул на землю, взял ружье, которое выпало из его рук, прицепил его за спину. В это время на другом фланге началась стрельба. И тут же остальные преследователи развернулись и бросились бежать. Маневр был хорошо отрепитирован. Я закричал в микрофон.

— Берегись корабля!

Выжав всю мощь гравикомпенсатора, я полетел к реке. Вовремя. Весь участок леса, где только что произошло столкновение, был залит напалмом. Я включил микрофон:

— Сторк?

— Все в порядке.

Он тоже сумел скрыться вовремя. Облегченно вздохнув, я продолжил путь, пока не прибыл в назначенное место. Здесь, спрятавшись, я стал наблюдать за звездолетом.

Он бросал бомбы наугад, и я решил воспользваться этим, чтобы занять более удобную позицию. Но сначала нужно узнать, где же десант.

Вскоре я увидел их на склоне скалы, где я ждал Сторка утром. Они расположились в беззаботных позах и были абсолютно неподвижны. Не роботы ли это,— подумал я. Грех не воспользоватьмся таким удобным случаем и не уничтожить их всех сразу. Я взял в руки терморужье, прицелился. Когда они заметят меня, будет поздно.

Шквал огня обрушился на скалу, и вдруг с другого берега реки раздались выстрелы. Черт возьми! Пуля попала в бедро. Я нырнул в кусты и выругался. Это ранение само по себе не опасно, но пока я доберусь до корабля, я потеряю много крови.

Боль в ноге стала непереносимой. Пришлось лечь на землю. Несколько секунд мне пришлось затратить на то, чтобы отрегулировать бластер на небольшую мощность, на частичную парализацию.

Я направил на ногу, нажал курок. Боль исчезла. Мне казалось, что мышцы стали деревянными. Я сжал зубы и, хромая, поковылял в лес, так как увидел, что сюда приближается звездолет. Позади меня полыхал лес. Мое бегство было паническим, я не рисковал вызвать Сторка. Тем более Нильса, чтобы он не обнаружил себя.

Да, арканцы значительно опаснее, чем я предполагал. Может не сами арканцы, а люди, которые им служат. А может Артод лгал, рассказывая о том, что арканцы взбунтовались. Может это дело рук хозяев?

Мысли путались у меня в голове. Я слишком устал. Надо возвращаться на Фрам, но самому мне не добраться. Придется рискнуть и вызвать морлота.

— Сторк?

— Да?

— Скорее... Я ранен.

Другой голос вмешался в нашу беседу. Нильс.

— А я? Что мне делать?

— Не выдавай свою позицию. Сторк присоединится к тебе, когда доставит меня на Фарм.

Глава девятая

Я выбрался из леса и спрятался среди скал возле реки. Далеко на севере в небе кружит звездолет, продолжая поиски.

Арканцы или хозяева? Меня этот вопрос беспокоил все больше и больше. Парализованная нога причиняла мне ужасные страдания, но я был уверен, что выдержу до прихода Сторка.

Но что это? Не его ли обнаружили враги? Я заметил, что один из участков леса подвергается сильному обстрелу.

Я принял обезволивающую таблетку, опустил ногу в холодную воду и почувствовал, что мне стало легче. Может еще раз вызвать Сторка? Нет, нас могут запеленговать. У них ведь приемники наших друзей.

Как быть с Нильсом? Я безуспешно искал способ сообщить Нильсу наши координаты, чтобы враги ничего не смогли понять. Какой-то шорох в траве на поляне... Это же Сторк! Я окликнул его.

— Я вижу тебя! Возьми левее!

Он изменил направление, и, когда был совсем рядом, я высунулся из укрытия.

— А я думал, что там, в лесу, был ты.

— Это Нильс.

— Тогда ему надо помочь.

— Он прекрасно справится сам. Кроме того, он видел меня, знает в каком направлении нужно отходить.

— Тогда слушай меня. Мне нужно как можно скорее добраться до Фрама.

— Из-за ноги?

— Да. Фрам находится на берегу моря в скалистой бухте. Вы с Нильсом спуститесь по реке до самого устья, затем идите по берегу океана налево.

— Понял.

Звездолет был далеко, и я мог рискнуть и взлететь в воздух. Мне хотелось о многом расспросить Сторка. Но я боялся задерживаться хоть на минуту. Я чуть не закричал, когда вынул ногу из воды и пошел. Сразу я вспомнил Вагину и подумал, какие же мучения приходилось выносить ей.

Если они не прекратят преследование, наши дела совсем будут плохи. Однако пока у нас Фрам, мы все же будем иметь превосходство, если, конечно, не напоремся на ловушку. Я думал, вычислял, прикидывал, чтобы хоть на секунду отвлечься от мучительной боли, терзающей меня. Я вернусь на Землю, в Пиренеи, где меня ждет Норелла. Мне казалось, что все это так далеко, далеко и во времени, и в пространстве. Мне казалось, что я больше никогда не смогу вернуться туда. Никогда.

Вот и берег... Фрам... Я двигался, как во сне. Люк открылся автоматически, уловив мое биополе, и я на лифте сразу поднялся в блок регенерации.

Времени у меня не было, и я сделал только обезволивающий укол. Стало значительно легче. Я пришел в себя и направился на командный пост, чтобы проследить за прибытием Нильса и Сторка.

Над устьем реки показался звездолет арканцев и тут я услышал вызов:

— Абурен... Мы отрезаны... Арканцы высадили десант... человек двадцать. Они преграждают нам путь...

— Я приду на Фраме и заберу вас.

— А если на звездолете есть магнитная ловушка?

— Я открою огонь до того, как они смогут воспользоваться ею. Они еще не обнаружили меня. Держитесь. Я буду все время на связи, чтобы вы могли ориентироваться.

— Абурен...

В голове Нильса я уловил нотки нерешительности.

— Ты думаешь об отце. Я тоже. Возможно он на борту. Я знаю, но мы должны рисковать. Я должен выручить вас. Если я этого не сделаю, все потеряно. Для всех...

Я включил двигатель и ловил звездолет в видоискатель устройства наведения. И как только звездолет заметил меня, я пустил ракету. Звездолет сделал рывок в сторону, ракета прошла мимо. Я сделал второй пуск. Эта игра позволит мне, преследуя звездолет, перебраться через горы к реке.

Было ясно, что звездолетом управляет неопытный пилот, и, если бы я не боялся магнитной ловушки, я легко разделался бы с ним.

Еще одна ракета, ответный маневр. На этот раз противник предпочел прекратить игру и удалиться в сторону Нолены. Это мне и надо. Он оставил даже тех, кого высадил на берегу. Я обнаружил их на поляне во время отдыха и атаковал лучами лазера. Нескольких удалось убить, а для преследования остальных у меня не было времени.

Я повернул ниже по течению реки.

— Сюда!— послышался голос Нильса.

Я посадил Фрам, открыл люки. Через полминуты Сторк и Нильс были на борту. Я набрал высоту и направился к океану, над которым я мог чувствовать себя в безопасности. Разумеется, о победе не было и речи, но я сделал, что мог.

Сторк остался управлять кораблем, а Нильс спустился со мною в блок регенерации. Он не мог сообщить мне ничего нового, кроме того, что уже сказал по радио. Рон, Арт, Форстер, Варуа попали в западню в Нолене.

— Когда Фрам внезапно взлетел, что подумали вы?

— Что ты захвачен магнитной ловушкой. К тому же ты ничего не сообщил по радио.

— О Велеа вы не подумали?

— Нет... Велеа... Враг... Невероятно...

— Он парализовал меня неожиданно. Да еще Фрам взлетел. Для вас это было ударом.

— Я сразу же сформировал три группы. Четыре, включая Артода. Я думал, что арканцы немедленно нападут на нас.

— Три группы по два человека?

— Да. Арт и отец должны были остаться в Нолене. Варуа и Форстер должны были занять холм над городом. Сторк и я отправились на равнину.

— А Артод?

— Он должен был поддерживать связь.

— Когда прибыли арканцы?

— Ночью. Мы ничего не заметили. Совершенно случайно я обнаружил подозрительные тени вокруг места, где мы обосновались. Я

бросил осветительную гранату. Нас окружило человек двадцать, вооруженных автоматами. Тот, кто ими командовал, предложил нам сдаться.

— Они точно знали, где вы находитесь.

— Да.

— Благодаря Артоду?

— Вероятно. Естественно, сдаваться мы не пожелали, открыли огонь и прорвались через окружение.

— Арканцы стреляли в вас?

— Стреляли, но не очень умело. У меня даже сложилось впечатление, что цель их — напугать нас, взять живыми.

— Возможно. Им нужны люди для мутации.

Нильс поморщился, а я сказал:

— Скорее всего, они все узнали от Артода.

— Изменник.

— Точнее враг.

— Который находился на службе у арканцев?

Я покачал головой.

— Я не верю его рассказу. Арканцы не устраивали переворот. Артод не был пленником. Он лгал, чтобы спасти свою жизнь.

— Тогда... Эти люди...

— Хозяева. Те, о которых говорила Вагина. Артод пришел на смену своему отцу. Арканцы всего лишь инструмент в его руках.

— Тогда мой отец...

— Мы освободим его...

— Мы освободим его. Еще не поздно.

— Ты уверен?

— Мутации осуществляются на Нандале и Аркане. Следовательно, пока звездолет здесь, можно не беспокоиться о наших друзьях.

— А если звездолет улетел?

— Нет, он еще здесь. Мы будем внимательно следить за небом.

Нильс посмотрел на мою ногу в регенераторной ванне.

— Когда ты будешь на ногах?

— К середине следующей ночи. И тогда мы предпримем наступление. А сейчас оставь меня.

Он положил руку мне на плечо и улыбнулся. В его улыбке не было радости. Через секунду он скрылся за дверью. Это ужасно: знать, что твой отец в плену и бездействовать. Но у нас не было выбора. Для борьбы нам понадобятся все наши силы, и я должен как можно скорее вернуться в строй.

Я направился к бассейну. Когда регенерационная жидкость поднялась и скрыла меня, робот-хирург, анестезировал бедро, занялся извлечением пули...

Горячий песок пляжа... я, задыхаясь, бегу по нему, и ужасное чудовище настигает меня, его зловонное дыхание обжигает мне затылок...

Я открыл глаза. Поняв, что это жуткий сон, кошмар, я облегченно вздохнул. Робот-массажист уже трудился над ногой. Окончательно

придя в себя, огляделся. Я лежал в пустом бассейне. Рука сразу же ощупала раненое бедро. Ничего. Ни шрама, ни царапины. Боли тоже нет.

Я чувствовал себя, как новорожденный. Но, к сожалению процедура оздоровления коснулась только тела...

Жаль, что нельзя часто повторять эту процедуру, чтобы вечно оставаться молодым и полным сил. Существуют определенные ограничения для психики, и только ЭВМ регенерационного блока может определить не противопоказано ли такое лечение.

Я вышел из бассейна и стал одеваться. Новый комбинезон был уже приготовлен для меня. Одевшись, я включил интерком и вызвал центральный пост. Лицо Сторка появилось на экране...

— Где мы?

— Все в той же точке. Дрейфуем над океаном. Еще ночь. Кажется, что на этой проклятой планете ночи никогда не кончаются.

— Где Нильс?

— В каюте.

— А звездолет хозяев?

— Наши локаторы не могут упустить его.

— Где он находится?

— В Нолене. Приборы показывают наличие силового поля.

— И он ни разу ничего не предпринимал?

— Нет.

— Странно. Тебе так не кажется?

— Да. Странно.

Все-таки скорее всего генератор магнитной ловушки находился на уничтоженном нами транспорте. Вероятно, но утверждать это я не осмелился бы.

Сторк очевидно думал также, но он промолчал. Может быть потому, что он суеверен. Я изобразил нечто, похожее на улыбку.

— Курс на Нолену. Нужно прибыть туда до рассвета.

— Есть.

Я застегнул пояс и направился в каюту, которую занимал вместе с Нильсом. Он не спал, а лежал на кровати, сцепив руки на затылке.

Когда я вошел, он вскочил.

— Ты уже вышел из блока регенерации?

— Да. А ты как? Отдохнул?

— Не мог уснуть.

— Ты думал о Роне... Я тоже... Кстати, мы летим в Нолену.

— Значит дело идет к концу?

Его лицо оживилось, и он встал. Но я не разделял его энтузиазма.

— Может быть, не сразу... Не знаю, но у меня нет желания показывать им Фрам... У меня такой план. Вы высадите меня вблизи Нолены, и я попытаюсь найти Вагину.

— Ты ей доверяешь?

— Я иду на риск. Но пока мы одни, у нас мало шансов. Нам нужна помощь. Женщины могли бы нам помочь. Если с ними ничего не получится, попытаюсь связаться с мужчинами.

— Я иду с тобой?

— На этот раз нет, Нильс, сейчас мы не можем себе позволить такой роскоши, чтобы два человека выполняли простейшую миссию, такую, как переговоры.

— А если тебя схватят?

— Тогда придется тебе испытать свой шанс. Но одному.

— Почему?

— Сторк должен остаться на корабле. Он должен вернуться, если и с тобой что-то случится.

— Чтобы сообщить властям?

— Это наш долг, Нильс. Надо, чтобы цивилизованный мир узнал о том, что творится здесь.

Нильс колебался. Он прошелся по каюте, остановился, стукнул кулаком по ладони.

— Согласен. Ты прав. Это наш долг.

Я положил руку ему на плечо.

— Но мы не должны сесть на мель. Этого не случится. Мы попадали и в более сложные ситуации.

— Но тогда мы знали точно с кем сражались.

— Мы и сейчас знаем. Единственная опасность для нас — фиолетовый луч. А так наши враги не имеют военных навыков. Да и не знают за что сражаются.

Нильс оделся, и мы отправились на центральный пост. Сторк сидел перед пультом управления.

— Как звездолет?

— Никакой реакции. Он постоянно окружен силовым полем.

— Мы далеко от Нолены?

— Нет.

— Высади меня на холмах у города. Там я сориентируюсь и смогу добраться до дворца.

В Нолене светилось лишь несколько окон. Вопреки моим расчетам утро еще не наступило. Тем лучше. На этой таинственной планете пока еще не было создано искусственное солнце.

Сторк открыл люк, и я прыгнул в пустоту, одновременно включив гравикомпенсатор.

Фрам развернулся и полетел в сторону леса, где мы недавно приняли бой.

Я бесшумно добрался до погруженного в темноту города и вскоре обнаружил звездолет на площади. Там уже однажды садился Фрам. Звездолет был окружен слабо мерцающим силовым полем.

Дворец Вагины я нашел легко. Он был выше остальных зданий и ярко светился огнями. Это облегчало мою задачу. Я опустился на верхнюю террасу.

Никого. Я выключил гравикомпенсатор и стал искать лестницу. В руках у меня был бластер, за спиной терморужье. Вот и лестница. Прямо посреди террасы. Пятнадцать ступенек. Я оказался на площадке с четырьмя дверями.

Какую выбрать? Я попытался открыть первую. Заперта. Вторая — тоже. Третья легко открылась. Я включил фонарик и вошел. Это оказалась спальня. И тут раздался крик.

Я направил луч света туда, откуда слышался крик. С постели соскочила молодая девушка и закричала еще громче. В глазах ее был ужас. Она закрыла лицо руками.

— Не кричите, прошу вас. Я пришел к Вагине. Где она?

Девушка смотрела на меня, ничего не понимая.

Ах, да. Вагина говорила мне, что никто кроме нее не понимает галактический язык. Черт возьми, что же делать? Малышка по-прежнему была в ужасе. Я приблизился к ней.

— Вагина,— сказал я.— Вагина!

Похоже, что она понимает. По крайней мере немного успокоилась и покачала головой.

Поколебавшись немного, она встала с постели, покраснев до ушей,— она была абсолютно голая.

Я улыбнулся и отвернулся. Я стоял возле двери, положив руку на рукоять бластера, пока девушка не коснулась моего плеча. Я обернулся.

На ней была короткая юбка, едва доходившая до бедра, и розовая блузка, обнажавшая правое плечо. На блузе слева, на уровне груди, я заметил эмблему, на которой было вышито слово. Я нагнулся и прочитал: — Риелла.

Девушка улыбнулась и повторила, показывая на себя пальцем:

— Риелла.

Теперь я, показав на себя пальцем, сказал:

— Абурен.

Она снова улыбнулась и повторила:

— Абурен.

Отлично. Вот и познакомились. Она что-то сказала на своем языке и, сделав знак следовать за ней, открыла маленькую дверь за кроватью.

Куда она ведет меня? К Вагине или к хозяевам? За дверью площадка. Она освещена, и вверх от нее ведет монументальная лестница. Я направился к ней, но Риелла взяла меня за руку и покачала головой.

— Не туда?

Она провела меня на другой конец площадки и указала на другую лестницу, поскромнее. Здесь было темно, и я включил фонарик.

Риелла пошла впереди, и я увидел на ее ногах красивые сандалии. Она спешила. За поворотом лестницы она обернулась, чтобы убедиться, что я не отстаю. Теперь она не боялась. Может она узнала меня? Возможно. К тому же я не знал ее языка и значит не был одним из хозяев.

Еще одна площадка. Кажется, мы находимся на уровне первого этажа, но Риелла продолжала спускаться. Внезапно тошнотворный запах

ударил мне в нос, и я попытался остановиться. Она поняла, что беспокоит меня. Видимо ей не раз приходилось вдыхать такой воздух. Она взяла меня за руку, и мы продолжили спуск.

Глава десятая

Чем глубже мы спускались, тем ужаснее становился запах. Я достал бластер и показал его Риелле, предостерегая ее. Внезапно она остановилась и прислушалась. Разговаривают...

Голос хриплый, выразительный, со странным акцентом. Я не понимал о чем они говорили, но увидел, что Риелла побледнела и сжала мою руку.

— Речь идет о Вагине?

— Вагина!

Она кивнула головой, и глаза ее наполнились слезами. Я прошел вперед и стал быстро спускаться. Разговор возобновился на этот раз на галактическом языке.

— Они скоро будут здесь. Тогда мы сможем схватить их. Осталось только спровоцировать их, чтобы они обнаружили себя. Благодаря тебе мы сможем схватить твоего шефа. Да, да, благодаря тебе мы сможем схватить твоего шефа. Да, да, благодаря тебе он попадет в ловушку. Я знаю ты очень страдаешь, ты сходишь с ума, сознавая это. Твой шеф и твой сын... Они никогда не простят тебе этого.

Раздался хриплый смех, и в этот момент я ворвался в подвал, где запах был совершенно невыносим. Сначала я увидел только одного человека, который ходил вдоль ряда клеток, из которых внезапно раздался пронзительный свист.

Арканцы почувствовали мое присутствие, и человек резко обернулся. Увидев меня, он изменился в лице, в его глазах сверкала злоба. Но прежде, чем он успел достать оружие, я выстрелил. Он мгновенно окаменел.

Других хозяев в подвале нет. Под аккомпанемент пронзительного свиста я прошел вперед.

— Абурен...

Голос Рона... И вот и он, в одной из клеток. Клетка разделена на две части. В одной половине Рон, в другой — огромное чудовище.

В соседней клетке, также разделенной на две, находилась Вагина. Но то, что я увидел в следующей клетке, из которой была удалена перегородка, заставило меня оцепенеть от ужаса.

Варуа и арканец представляли собой одно целое. Лицо Варуа смотрело на меня унылым, ничего не выражающим взглядом. Он видимо не испытывал страданий, но меня он уже не узнавал.

Спрятав бластер, я достал лазер и открыл огонь. Тонкий луч разрезал чудовище пополам и свист стал невыносимо пронзительным.

Хлынула зеленая кровь...

Вокруг было много клеток. Я насчитал двенадцать. Одни с перегородками, другие — без них. Как безумный убийца-маньяк, я начал убивать арканцев. Обыкновенных и мутантов. Среди них я нашел Форстера, уже наполовину поглощенного, ему помочь я ничем не мог. Затем увидел Арта, еще невредимого. Его я освободил в первую очередь, разрезав лазером прутья клетки. Он вышел, проворчав:

— Было бы еще одним меньше...

Теперь Рон... и Вагина... Оба едва живые. Вагина почти безумная. Она не могла произнести ни слова. Растроганный Рон протянул ко мне руки, чтобы обнять меня, но нас остановил крик Риеллы.

— Эй!

Она показала на вход в подвал, и мы услышали топот множества ног. Я передал лазер Рону, бластер Арту, а сам взял терморужье.

Арт сразу же кинулся к лестнице, и, как только показались хозяева, он встретил их парализующим излучением. Трое первых превратились в статуи, один упал, остальные отступили.

Рядом со мною Риелла пыталась успокоить Вагину. Я осмотрелся, надеясь найти другой выход. Увы единственный путь — лестница.

Я махнул рукой, чтобы Арт отошел от лестницы, и, направив терморужье, дал мощный залп. Сверху послышались истошные крики и стоны. Я смог подняться вверх по лестнице на пять ступенек. После следующего выстрела мне пришлось отступить, так как на меня посыпались горящие, как факелы тела.

Я спрыгнул с лестницы в подвал. Рон проверял каждую клетку, безжалостно уничтожал оставшихся в живых монстров... Да, мы уже потеряли Варуа, Форстера, многих людей Артоса... Мужчины и две женщины. Это конечно не хозяева...

Я взглянул на Вагину, которая пришла в себя и в порыве благодарности кинулась ко мне.

— Абурен!

— Ты знала, что у хозяев есть слуги?

— Я все поняла только вчера, когда Главный Хозяин допрашивал меня?

— Главный Хозяин?

— Артод,— пояснил Рон.— Это он захватил нас.

— Это он заставил твоего друга улететь на корабле,— добавила Вагина.— Но почти сразу же стало известно, что он не сможет довести корабль до Арканы.

— Он сказал тебе это?

— Нет, но я слышала его мысли.

— Каким образом?

— Он хотел узнать все, о чем я говорила с тобой, и подключился к моему мозгу. Я не могла утаить ничего. Но и он тоже. Теперь я знаю, что он не человек.

— Как?

— Все хозяева не люди. Это уже не арканцы, но еще и не люди, хотя внешне похожи на людей.

Мне это показалось невероятным, но Вагина говорила уверенно.

— Это открытие чуть не стоило мне жизни.

В это время Арт, стоявший возле лестницы, окликнул нас.

— Вам очень нравится оставаться здесь? Я предпочел бы побыстрее выбраться наружу.

— Лестница свободна?

— К сожалению нет. Но должен же быть другой выход.

— Может быть там?— сказала Вагина и прошла в другой конец подвала. Перед нею было что-то вроде форточки.

— Пожалуй выбраться можно.

— Вентиляционная труба?

— Да.

— Широкая?

— Вроде бы. Кроме того внутри проходит металлическая лестница.

Отлично. Я осмотрел вход. Слишком узкий. Но это не проблема. Я сделал знак Рону, и тот приготовил лазер. Несколько секунд, и Рон расширил вход.

— Поднимайся первым. За тобой Вагина и Риелла. Потом Арт. Я пойду сзади.

— Куда приведет нас эта труба?— поинтересовался Арт.

— На кольцевую дорогу.

— А если арканцы следят за ней?

— Мы ничем не рискуем.

— Тогда пошли...

Пока они один за другим скрывались в дыре, я вернулся к лестнице. С помощью терморужья я раскалил до красна лестницу. Арканцы все еще были здесь, наверху. Они, очевидно, ожидали, когда лестница остынет, и они смогут ринуться вниз.

Придется подождать еще. На всякий случай я направил энергетический луч в их толпу. Мне стало легче. Убивая их, я не ощущал ничего такого, что ощущал, убивая людей. Эти чудовища вовсе не люди. Теперь я многое понимал.

Арканцы подняли восстание против старых хозяев и уничтожили их всех. Вполне логично. Они не рискнули бы держать пленников, тем более своих создателей.

И все же я заблуждался. Я был близок к разгадке, когда пытался сесть на экваториальный континент. Галкары. Увидев их, я был удивлен отсутствием каких-либо аномалий... То, что произошло с галкарами, происходит и с людьми, попавшими к арканцам. Вот почему я был поражен, увидев Варуа. Казалось, что не его проглотило чудовище, а наоборот.

Сущность арканцев заключается в том, что им требуются трансформации, не оставляющие никаких признаков первичного существа, кроме разума. Потребность в трансформациях у них возникает после того,

как им удается поглотить что-то живое. Не важно что, лишь бы живое. Это могли быть какие-то животные, зародившиеся в океане планеты. С этого все и началось.

Еще раз подогрев лестницу мощным зарядом, я пошел к вентиляционной трубе. Мои спутники были ужасно высоко и мне пришлось догонять их.

Небольшая задержка наверху, и вот Рон, перешагнув через барьер, исчез. За ним Риелла и Вагина. Я догнал Арта в тот момент, когда он выбирался на дорогу, огибающую дворец.

День только начинался.

— Вагина, нам нужно как можно скорее выбраться из города. Скоро они догадаются, что нам удалось покинуть подвал, и они попытаются нас блокировать.

Она все поняла и повела нас на пустынную улицу.

— Скорее!

Я не знал численности арканцев, но понимал, что решительности им не занимать. Я понимал, что мы находимся в невыгодном положении, так как недостаточно хорошо вооружены. Я решил избежать сражения.

— Абурен вызывает Нильса.

— Наконец-то,— послышался тревожный голос Нильса.— Я уже начал беспокоиться. Где ты?

— Со мной Рон и Арт. И Вагина.

— А Варуа?

— Мертв. Форстер тоже.

— Как это случилось?

— Мне пришлось убить их, так как у меня не было другого выхода: начался процесс мутации.

— О! Я знаю!

— Ты должен нас встретить.

— Где?

— Там, где ты меня высадил.

— Понял.

Сообщать координаты по радио нельзя. Арканцы могут перехватить разговор.

К этому времени мы уже покинули город незамеченными и находились в лесу, на склоне холма.

— Надеюсь, что теперь ты согласишься смотаться отсюда как можно быстрее?— спросил Рон.

— Конечно, но сначала мы должны вывести из строя звездолет.

— В космосе он не опасен нам, так как гораздо медлительнее Фрама.

— Я боюсь не этого. Просто нужно лишить их возможности совершать рейсы между Артосом и Арканой, пока здесь есть люди, которых они могут использовать, как материал для мутаций.

— Ты думаешь они делают это?

— А ты сомневаешься?

Он помолчал несколько секунд, глядя на Риеллу и Вагину, затем вздохнул и ответил.

— Хорошо... Как ты собираешься уничтожить звездолет?

— Если он попытается подняться в воздух, Фрам расстреляет его. Если же он будет оставаться под защитой силового поля, мы с тобой блокируем площадь, а Нильс с Вагиной вооружат население Нолены.

— Ты хочешь поднять восстание?

— А почему нет? Если все люди начнут истреблять арканцев в человеческом облике, с чудовищами будет покончено.

— Допустим... Но не забывай, что, хотя звездолет и старый, он все же военный корабль. Его огневая мощь значительно превышает возможности Фрама.

— Я знаю. Но арканцы не умеют им пользоваться.

— Ты спятил?

— Нет. Вспомни. Они даже не пытались уничтожить ракету, которая приближалась к ним в космосе.

— Мне показалось это странным.

— Дело в том, что они никогда не пользовались вооружением корабля. Их орудия ни разу не стреляли с момента переворота.

— Будем надеяться.

— Расскажи, как вы попали в их руки.

— Очень глупо... Из-за...

— Артода?

— Да. Он подсыпал нам сильный наркотик в пищу. Мы совершенно утратили способность к сопротивлению.

— Нильса и Сторка спасло то, что они были за городом и пользовались питательными таблетками.

Над холмом показался Фрам, и я включил передатчик, чтобы сообщить Нильсу координаты.

Все одобрили мой план, и на борту остался Рон, так как он лучше Сторка управлял кораблем. Рон уже был на посту, готовый вмешаться, если звездолет сделает попытку подняться в воздух.

Звездолет все еще был на площади, окруженной силовым полем. Отсутствие какой-либо реакции у арканцев на звездолете, начинало меня беспокоить. Мне казалось, что за этим что-то кроется.

Мы выгрузили из корабля все то оружие, которое можно было доверить согражданам Вагины.

Сограждане? Вряд ли это слово подходит к тем, кто понятия не имеет о принципах общественного устройства внешних планет и над кем долгое время господствовала негуманоидная раса.

Основным оружием были старинные карабины с запасом патронов. Они служили Рону для натурального обмена с примитивными племенами. Кроме того, бластеры. О том, чтобы вооружить людей лазерами и терморужьями не могло быть и речи.

— Мы переправим оружие на одну из террас дворца,— сказал я.

— Но сначала надо очистить его от арканцев, которые там могут быть,— заметил Нильс.

— Вагина и Риелла будут нас сопровождать. Без них мы рискуем заблудиться в лабиринте коридоров.

Нильс рассмеялся. Мне показалось, что ему нравится бравировать перед Вагиной. Я посмотрел на нее. Она внимательно слушала и переводила Риелле. При последних словах Риелла улыбнулась и что-то сказала.

— Она согласна вести вас.

— Отлично. Мы дадим вам по бластеру.

Нильс объяснил, как обращаться с бластером, а Вагина перевела все Риелле.

Похоже, что Риелла не представляет, что может ждать нас. Вагина уже побывала в лапах арканцев и знала, на что они способны.

Поэтому она и согласилась. И еще потому, что она знала, без нее нам не установить контакта с населением Артоса.

Во что мы ввязались? Я вдруг испугался. Чего? Трудно сказать. Может быть я не доверял женщине, которая уже предала своих хозяев. Мне, землянину, трудно понять психологию местных жителей.

— Я уверен, что все будет нормально,— заявил Нильс.

Вагина и Риелла надели пояса с бластерами. Я вызвал Рона.

— Мы готовы. Пора.

— Высаживаю вас на террасу.

— Да. Вагина и Риелла вряд ли решаться прыгать с корабля. Даже с гравикомпенсаторами. Для этого нужна тренировка.

— О'кей.

Мы спустились на лифте в помещение шлюза, и я включил обзорный экран.

Под нами мы увидели дворец, террасу, которая как бы летела на нас. Корабль застыл в воздухе, люк открылся. Ответственный момент. Я сиыгнул первым. Никого. Арт уже был рядом со мною.

— Встречающих нет?— спросил он.

— Вроде нет.

Я махнул рукой и остальные тоже стали прыгать. Вскоре все стояли рядом со мной.

Я проверил площадь. Вокруг звездолета никакого движения.

— Они должны видеть нас. Чего они ждут?

Мои нервы напряглись до предела. Я предпочел бы, чтобы сейчас на нас обрушился шквал огня. Нет ничего хуже, чем чувствовать опасность, но не знать, откуда она придет.

Фиолетовый луч? Может они хотят сначала понять, что мы собираемся делать, куда пойдем, к звездолету или во дворец?

Вагина провела нас к лестнице. Не к той, через которую я попал в комнату Риеллы. Эта лестница была значительно шире. Во дворце было тихо. Казалось, что он давно покинут. Держа перед собой терморужье, Сторк начал спускаться.

Все арканцы ушли. На первом этаже мы нашли лишь несколько слуг и женщин из отряда Вагины. Женщины рассказали нам, что хозяева оставили дворец час назад. Уходя, они убили несколько пленников.

В подвале арканцы не оставили никаких следов. Все трупы были сожжены, а некоторых они унесли с собой. К чему такая предосторожность? Я не понимал этого, но это не влияло на наш план.

Я оставил Нильса и Арта во дворце вместе с Вагиной и Риеллой, чтобы они собрали и вооружили самых надежных и смелых людей города. Вместе со Сторком я поехал на автомобиле к площади.

Немного не доехав до нее, мы бросили автомобиль. Звездолет по-прежнему был окружен силовым полем. Это надежно защищало его и не мешало арканцам атаковать нас.

Пока Фрам выгружал оружие, я проверял наличие поля лазером. Поле ни на секунду не отключилось.

— Что ты об этом думаешь, Сторк?

Морлот пожал плечами.

— Мне кажется, они поступают правильно.

Уж не собрался ли Сторк оправдывать этих убийц? Что такое "правильно"?

— Похоже, они выжидают,— заметил Сторк.

— Чего они ждут?

— Может быть, помощи.

— С Арканы?

— Или откуда-нибудь еще.

— Что ты хочешь сказать?

— Вагина говорила, что они регулярно привозят малолетних детей. А с военным кораблем, или транспортом, которые устарели на пятьдесят лет назад, невозможно показаться в нормальном порту.

Правильно! Не с Арканы же они привозят детей. Значит, они бывают в иных звездных системах, и значит у них есть корабль пират, вся команда которого имеет облик людей.

— Ты прав, они наверняка ждут помощи.

— Сейчас они понимают, что с нами трудно тягаться, хотя мы уничтожили их не так уж много.

Я включил передатчик и вызвал Рона.

— Следи за космосом. Включи все приемники и локаторы. Не исключена возможность появления другого корабля арканцев.

Вот почему они затаились.

— Вероятно.

— Но чтобы контролировать космос, я должен выйти на орбиту.

— Действуй.

— А если у них магнитная ловушка?

— Чтобы воспользоваться ею, они должны отключить силовое поле. В этом случае мы сразу уничтожим их терморужьями. Их скорлупа не выдержит нашего залпа.

— С богом!

Глава одиннадцатая

Наступила ночь. День на темных планетах кончается быстро. Я нес вахту, а Сторк отдыхал в укрытии, которое мы нашли вблизи площади. Звездолет оставался под защитой силового поля, наличие которого я время от времени проверял лучом лазера. Шипящие искры сыпались в том месте, где тонкий луч касался поля.

Я не думал, что арканцы попытаются напасть на нас ночью, но предосторожность никогда не бывает лишней. За день я дважды связывался с Нильсом. Арт и Нильс собрали группу женщин и обучали их обращаться с оружием. Большинство женщин неплохо освоили это искусство, но с мужчинами было труднее. Они совсем отвыкли от ответственности.

Ожидание уже начало раздражать меня. Я начал думать уже, что ошибся. Может они никого не ждут. После массового убийства в подвале, они поддались животному инстинкту самосохранения. В таком случае наше ожидание может затянуться. Пока у них не кончится энергия для поддержания силового поля, или пока голод не заставит их выйти наружу.

Дважды я вызывал их по радио, но они не отвечали. Борясь со сном, я постоянно курил и ходил взад и вперед.

Теплая ночь наполнена ароматами. Нежный запах цветов смешивался с настойчивым запахом леса на холме.

— Абурен,— вдруг раздался взволнованный голос Рона.

— Слушаю.

— Они появились. Мои приборы зафиксировали их.

— Корабль один?

— Нет. Несколько. Самое малое — два.

— Значит нет речи, чтобы выйти против них на Фраме?

— Конечно. Нужно уходить, как можно быстрее. И моли бога, чтобы это оказалось не слишком поздно, Абурен.

— Если хочешь можешь отправляться. Попытайся добраться до ближайшей планетной системы и передай SOS. Попросишь помощи у первого же патрульного корабля.

— Ты прекрасно знаешь, что они откажут.

— Но ты все-таки сделай это. Затем отправляйся на Табор и от моего имени обратись ко всем космическим авантюристам, бродягам, искателям приключений. Скажешь им, что мне нужна помощь. Среди них наверняка найдутся те, кого я выручал.

— Я полечу один?

— Это зависит... Я не буду мешать никому, кто захочет присоединиться к тебе.

Нильс, слышавший разговор, вмешался.

— Лично я остаюсь здесь.

— Я тоже,— сказал Арт.

— А Сторк?

— Он спит, но я разбужу его.

Сторк спал чутко и сразу открыл глаза. Сообщение о том, что к арканцам идет помощь, не произвело на него впечатления. Он улыбнулся.

— Я уйду, если уйдешь ты, Абурен. Если ты останешься, остаюсь и я. Ты же знаешь это. Стоило ли будить меня из-за такой ерунды?

— Ты слышал, Рон?

— Да.

— Прежде, чем ты уйдешь, я хотел бы забрать максимум оружия с Фрама. Оно нам может понадобиться.

— О'кей. Я возвращусь в атмосферу. Куда садиться?

— Я скажу тебе это в последний момент.

На террасу дворца. Я оставил морлота возле площади. Если арканцы выключат силовое поле, он атакует корабль двумя терморужьями, направив их туда, где находится ядерное горючее.

Вот и Фрам. Он спускается совершенно бесшумно, благодаря мощному гравикомпенсатору. Остановившись у самой земли, Рон открыл нам люк. Через несколько секунд он появился сам, чтобы встретить нас.

— Корабли далеко?

— Если они не уменьшат скорость, то через десять часов будут здесь.

— То есть в начале дня.

— Вероятно, они так и хотят.

— Значит у нас есть время подготовиться. Сколько на борту шлюпок?

— Две.

— И обе вооружены парализаторами?

— Да.

Отлично. Правда Рон останется без термического оружия. Только несколько лазеров. Мы погрузили в шлюпки все, что может понадобиться, и в первую очередь продовольствие. Я решил отправить Нильса и Арта в лес с группой, которую они сформировали. Мы со Сторком останемся на холме. В Арьергарде.

Первая шлюпка, управляемая Артом, покинула Фрам и опустилась на землю, чтобы забрать два десятка женщин во главе с Риеллой.

Лица женщин были суровы и решительны. Большинство из них уже столкнулись с арканцами, когда они арестовали Вагину. Теперь они знали против кого им предстоит сражаться.

Нильс обнял отца и сел за штурвал второй шлюпки, куда Вагина должна была посадить вторую группу.

— Я отвезу их и вернусь,— сказал Нильс.

Наблюдая за отлетающими шлюпками, я давал последние наставления Рону.

— Как только выйдешь из системы темных планет, передай в эфир SOS, затем отправляйся на Табор. Собери побольше людей и не забудь о вооружении. Если тебе нужны деньги, я выпишу чек.

— Не стоит. У меня есть.

— Возвращайся побыстрее. Мы можем попасть в тяжелое положение. На орбите не задерживайся, опасайся встречи с этими кораблями. Возможно, у них есть магнитная ловушка.

— Я буду держаться подальше от них.

— Дорога до Табора и обратно, плюс время на то, чтобы собрать людей.

— Жди меня не раньше, чем через десять дней.

— Я бы сказал пятнадцать.

Мы пожали друг другу руки, и он скрылся в рубке. Видимо, он не хотел демонстрировать свои чувства. Люк закрылся, и я почувствовал, что у меня защемило сердце. Без Фрама нам будет трудно.

На отдаленных планетах корабль — единственная ниточка, связывающая с цивилизацией. Не имеющий корабля — обречен. Но я уверен — Фрам вернется. В этом на Рона можно положиться. Фрам с включенными прожекторами поднимался в небо. Терраса погрузилась во тьму. Но через некоторое время глаза привыкли к слабому свету факелов в руках женщин, ожидавших возвращения шлюпки.

Разговаривать с ними бесполезно, никто не понимает галактического языка. Я вызвал Сторка.

— Что нового?

— Ничего.

— Как только Фрам уйдет в космос, присоединяйся ко мне.

Планета уже сделала пол-оборота, и, если бы черный диск не заслонял солнце, было бы совсем светло. Нильс и Вагина успели сделать два рейса и забрали всех женщин. В лесу они соорудили укрепления, чтобы мы со Сторком могли сдержать натиск противника.

Мы покинули город и расположились на холме, откуда была хорошо видна площадь. Звездолет был окружен полем, которое в темноте было видно издалека.

Сторк был мрачен. Он нервно курил и расхаживал по маленькой площадке, которую мы выбрали местом наблюдения.

— Мне кажется, что эта ночь бесконечна.

— Она кончается...

И действительно, небо вдруг быстро стало оранжевым и мы увидели два корабля.

— Но это же Фрам!— воскликнул Сторк.— Фрам...

Фрам летел к площади в сопровождении крейсера современной конструкции.

— Сторк... крейсер...

— Он идет под флагом звездного патруля.

Я включил приемник и сразу услышал голос Рона.

— Абурен, почему ты не отвечаешь?

Я экономлю аккумуляторы. Что происходит?

— Я уже час пытаюсь связаться с тобой. Я сделал пол-оборота и понял, что это корабли патруля. Покоритель и Непобедимый.

— Как они оказались здесь?

— Я хотел доложить командиру о том, что происходит здесь, но он уже в курсе. Правительство получило какие-то жалобы.

— По поводу пропажи детей?

— Он не сказал мне, но это вероятно. В любом случае — они здесь и правительство получит необходимые сведения. Непобедимый остался на орбите.

Фрам приземлился возле звездолета арканцев, все еще окруженного силовым полем. Рядом сел Покоритель. Наконец-то кончились все наши неприятности. Я надеялся, что Нильс слушает нас.

— Нильс? Ты все слышал?

— Да. Невероятно... Я уже приказал сворачивать лагерь и возвращаться в Нолену.

— Правильно.

Я махнул Сторку рукой, нажал кнопку гравикомпесатора и поднялся в воздух. Сторк последовал за мной. Мы направились к площади. Звездный патруль... Как все удачно сложилось. И наконец будет покончено с похищениями детей. Конец кошмара. И для нас и для всего человечества.

Вот и площадь. Я видел, как Рон вышел из Фрама и направился к трапу Покорителя. Из крейсера вышли несколько солдат, а за ними три офицера, среди которых я узнал по форме командира.

На звездолете арканцев все по-прежнему. Он окружен силовым полем. Мы встали рядом с Роном. Он представился Рон Скалдер. А это мои товарищи: Абурен и Вальтер Сторк, морлот.

— Командир патруля Делгинкофф. Следуйте за мной.

Командир немногословен. Голос его сух и строг. Солдаты патруля всегда недолюбливали таких, как мы, свободных бродяг космоса. Мы гражданские и не имеем права подниматься на борт военного корабля, имея оружие. Мы сдали оружие и пошли за командиром. Как только мы вошли в камеру шлюза, Делгинкофф обернулся и сказал:

— Арестуйте этих людей!

— Но, командир...

Он самодовольно улыбался.

— Мы прибыли сюда по вызову профессора Артода. Вы ответите за свои злодеяния, Абурен.

— Нет никакого профессора Артода. Тот, кто назвался так, не более, чем мутант-арканец. Я могу доказать это.

— Я не сомневаюсь,— рассмеялся командир,— но все же и вас, и ваших товарищей ожидает клетка.

Нас окружили, и я услышал голос Нильса.

— Абурен, что происходит?

— Нас арестовали.

— Звездный патруль?

Я не успел ответить. В глазах у меня все вспыхнуло, и я лишь успел увидеть бластер Делгинкоффа и его ухмыляющееся лицо. Я потерял сознание...

Сторк склонился надо мной. Самый молодой из нас, он очнулся первым. Колющая боль пронизывала мои мышцы. Судороги усугублялись еще и тем, что я был парализован во второй раз за прошедшие сутки.

Я хотел выпрямиться, но не смог, как и тогда, на борту Фрама. Ах да, на этот раз Делгинкофф. Туман стал рассеиваться, и я пробормотал:

— Где Рон?

— Он все еще парализован.

— Нильса схватили тоже.

— Не знаю.

Мы находились в круглой камере, входа я не заметил. Стены были облицованы металлическими плитками. Пять деревянным топчанов. Рон лежал на одном из них.

Я медленно поднялся. Прошло уже два часа с тех пор, как нас схватили. Я попытался привести в порядок свои мысли.

Черт! Отобрали пояса с рациями. Вздохнув, я полез в карман за сигаретами.

— Как только Делгинкофф вызовет нас, я потребую, чтобы они провели обследование Артода. Должны же быть какие-то аномалии, доказывающие, что он не человек.

— А если командир откажется?

— Ему нет смысла отказываться. Обвинение против Артода слишком серьезно. Он должен согласиться, чтобы быть уверенным.

— Если их вызвал Артод, почему же они не задержали Фрам в воздухе?

Действительно странно...

Я закурил и сел радом с Роном. Он медленно приходил в сознание.

— Нильс...

— Его нет.

— Ты думаешь, он на свободе?

— Если бы его схватили, то он был бы тут с нами и Арт тоже.

— Может быть.

Я хорошо знал Нильса, он понял мое предупреждение и наверняка скрылся, чтобы не попасть в волчью пасть.

Рон пошевелился, попытался улыбнуться, но судорога пробежала по его телу, и он сморщился от боли. К счастью скоро все кончилось, и он смог сесть.

— Почему нас арестовали?

— Потому что Патруль вызвал Артод, назвавшись человеком и ученым.

— В космосе Патруль сообщил мне, что послан к темным планетам по поводу участившихся жалоб.

— Жалоб Артода на нас... Ты знаешь, что власти не выносят таких как мы.

— В любом случае он не имел права парализовать нас.

— Я вышел на связь с Нильсом...

— Действительно. Он хотел помешать сказать правду Нильсу. Почему?

Верная мысль. Только я не успел обдумать ее, так как внезапно открылась замаскированная в стене дверь и в помещение вошел сержант с бластером в руках.

— Выходите! Все!

— Нас поведут к командиру?

— Молчать. Выходите, я сказал.

Спорить нет смысла. У него было суровое лицо, и я не сомневался, что он с удовольствием воспользуется случаем использовать бластер. Я вышел в коридор. Остальные — за мной. Здесь нас уже ждало шестеро вооруженных людей.

— Вперед.

— Нас ведут, как уголовников,— усмехнулся Сторк.

— Молчать!

Ясно, что нас вели не в командный пост, так как вместо лифта нас погнали по лестнице на второй уровень.

— Стоять!

Мы остановились перед дверью. Сержант постучал и жестом приказал нам войти. В глубине помещения за столом, покрытом зеленым сукном сидело пятеро. Делгинкофф с двумя офицерами и двое штатских. Один из них — Артод, он смотрел на меня иронически. С нами вошел только сержант, и, когда дверь закрылась, Делгинкофф объявил:

— Имея полномочия Военного Трибунала, мы выносим следующее решение, касающееся вас...

Ошеломленный я прервал его:

— Как решение? Не выслушав нас?

— Тяжесть преступлений и их очевидность делает эту процедуру излишней.

— Но вы даже не знаете о чем речь.

— Пока вы спали, мы прозондировали ваши мозги.

— Это противозаконно!

Я был взбешен и рванулся вперед, но ужасная боль остановила меня. Такое впечатление, как будто с меня сорвали кожу и обнажились все мышцы. Это сержант выстрелил в меня из бластера. Излучение было минимальной мощности, но я не мог пошевелиться. Делгинкофф продолжал:

— Вы трое, а также человек по имени Нильс Скалдер и венерианец Арт приговариваетесь к пожизненному заключения и все пятеро будете депортированы на планету Нандал.

Он хочет отдать нас арканцам! О, Боже! Это невозможно! Это какая-то ошибка! Нужно доказать ему...

— Командир! Артод не человек. Корабельный врач может сделать анализ.

— Это бесполезно.

Стеклянный взгляд, ироническая улыбка. Как занавес, которым он прикрывался.

— Тогда и ты тоже арканец!

Делгинкофф усмехнулся.

— У тебя было достаточно времени понять это. Я думал, что ты сообразительнее, Абурен. Космический патруль не имеет права мотаться по каждому вызову...

Арканец! Все ясно! Арканец, принявший в результате мутаций облик Делгинкоффа, и с тех пор выдает себя за него. Ведь он унаследовал его память и его знакомства... Два офицера, несомненно, тоже арканцы... И сержант... Солдаты же, судя по тому, что им не разрешено входить сюда, люди.

Люди, не подозревающие, что служат чудовищам.

Глава двенадцатая

Под небольшим конвоем нас отправили в Нолену на автомобиле. Один из офицеров сел рядом с нами, знакомый нам сержант — за руль.

Понятно, они не хотят, чтобы мы общались с солдатами. Мы не особенно отчаивались: пока Нильс на свободе, мы могли надеяться. Однако мы понимали, что Нильса вот-вот могут схватить.

Необъятность планеты давала Нильсу некоторые шансы, тем более, что он был не один, а с женщинами. Но если встанет вопрос жизни и смерти? Я не знал, как поведут себя женщины в такой ситуации.

Автомобиль остановился перед дворцом Вагины. Офицер предупредил нас:

— Если вы будете пытаться вступить в контакт с солдатами, я немедленно парализую вас. И мучения ваши будут ужаснее.

Этим нас не испугаешь, но не стоит подвергаться опасности без пользы.

Если бы я был уверен, что мне удастся все объяснить солдатам, я бы рискнул. Но быть парализованным при первом же слове... Я лучше воздержусь, дождусь более благоприятного момента.

Мы миновали парадную лестницу и оказались в помещении, откуда вела лестница в подвал. Рону снова предстояло вернуться в клетку, но на этот раз я был с ним.

На лестнице еще остались следы термоударов. Нас привели в подвал с клетками. Артод уже был здесь.

Сторка посадили в первую клетку. Рона в следующую, а за ним — меня. Все клетки двойные и я с содроганием посмотрел на отделение, куда посадят чудовище, предназначенное для мутации.

Артод заметил мой взгляд и лукаво улыбнулся:

— Не сейчас, Абурен, не сейчас. Сначала дождемся отлета Покорителя.

— Экипаж его состоит из людей?

— Точно.

— И если они обнаружат истину, вам уже будет некуда сматываться, верно?

— Необходимые предосторожности приняты. Больше года Делгинкофф наш. На внешних планетах у нас есть центр, аналогичный тому, что вы уничтожили на Нандале. На Таборе. В таверне космопорта. Там мы осуществляем мутации.

Он был ужасно горд, объясняя нам это.

— Снаружи ничего подозрительного. Но стоит войти туда какому-нибудь офицеру, и с ним все кончено. У нас есть и женщины. Естественно, человеческие. Они приводят человека в одну из комнат и там с ним не церемонятся. Через два часа он выходит к своим спутникам, но это уже не он.

Клетки заперты. Перед уходом Артод сказал:

— Через двадцать четыре часа вы тоже будете нашими. Вы сможете вернуться на Землю. Вернуться к своей жизни. И никто ничего не заметит: ведь мутации не затронут вашу память.

В сопровождении офицера и сержанта, он пошел к выходу. И тут Рон взорвался:

— Как глупо мы влипли! И это называется Звездный Патруль! Патруль, который должен был помочь нам!

Он с яростью стал трясти прутья решетки.

— Успокойся,— сказал я.— Нильс на свободе, значит не все потеряно.

— Нильс тоже попадется в ловушку.

— Он понял, что мы арестованы.

— Но что он может сделать против сотен солдат?

— Они подчиняются Делгинкоффу, пока не выяснится, что он не человек.

— Но как это может выясниться?

Ни стула, ни стола... Ничего, что могло бы служить оружием, когда к нам запустят рептилий. Артод все предусмотрел. Сторк сидел, прислонившись спиной к стене клетки. Он закурил и казался совершенно безразличным. Но я не мог так покориться.

— Проверим карманы. Может найдется что-нибудь, что может пригодиться.

— У меня есть нож,— сказал морлот.

— Где?

— В сапоге. Как у любого морлота. Они не подумали об этом. Нож специально приспособленный для метания.

Ужасное оружие в руках морлота. Однако в данной ситуации он сможет послужить нам только один раз. И вдруг я вспомнил Форстера и Варуа, которых мне пришлось разрезать пополам после мутации.

Кровь, которая хлестала из них была зеленой. Сине-зеленая кровь сама по себе противное зрелище, а в сочетании с гнилостно-болотным запахом, распространяющимся при этом... Солдаты и офицеры, которые еще остались людьми...

Тогда они поймут все, если конечно Делгинкофф рискнет еще раз показать нас нормальным людям.

— Когда нас вели сюда, мне показалось, что нас сопровождает отряд солдат.

— Да,— подтвердил Рон.

— Вероятно, они сторожат в коридоре, хотя им запрещено входить сюда, но...

— Тихо!— прошептал Сторк.

Он показал на вентиляционную трубу, откуда появились две ноги. Голые женские ноги... Довольно симпатичные... Через секунду на пол спрыгнула Вагина и приложила палец к губам. За нею Риелла с бластером. Она встала у входа. Вагина подошла к нам, вручила оружие. Каждому по лазеру и бластеру.

— Где Нильс?— спросил Рон.

— На холме вместе с венерианцем.

— Нет, так нам не победить арканцев,— сказал я.

— Мы можем их атаковать, когда они все соберутся на корабле. Ведь завтра они должны улететь.

— Если мы сбежим, они отложат полет.

— Что же тогда делать?

— Нужно доказать солдатам, что Делгинкофф и Артод — арканцы.

— Как?.

— У мутантов, как и у арканцев, зеленая кровь. Зеленая, с ужасным запахом. Достаточно кого-то ранить при свидетелях.

Я надел пояс с гравикомпенсатором и стал резать прутья решетки. То же сделали и Рон со Сторком. При этом мы следили за входом, но там было тихо.

— Послушайте меня. Если войдет человек их охраны, его немедленно нужно парализовать. Если же это будет Артод, офицер или тот самый сержант, Сторк должен бросить ему нож в горло.

— Понятно.

— Вы, Вагина и Риелла, уходите через вентиляционную трубу. Постарайтесь не попасться в ловушку. Кольцевая дорога охраняется?

— Нет.

— Ну, что же, удачи вам!

Когда они скрылись из виду, я стал кричать:

— Помогите! Помогите!

Сразу открылась дверь. Сержант остолбенел, увидев нас вне клеток. Он схватился за бластер, но нож морлота уже вонзился ему в горло. Морлот никогда не ошибался больше, чем на дюйм. Поток зеленой крови хлынул на пол. Тошнотворный запах заполнил помещение.

Я закричал:

— Солдаты, если вы люди, смотрите, кто командовал вами!

Два помощника Артода ухватились за оружие, но наши бластеры остановили их. Они не успели даже поднять бластеры. Реакция у них, конечно, замедленная и кровь зеленая.

Я рискнул выйти в коридор. Пятеро солдат из Патруля с ужасом смотрели на трупы. Никто не думал поднимать на нас оружие.

— Ваш шеф и большинство офицеров — это мутанты арканцы. Речь идет о расе негуманоидов, которые, приняв человеческий облик, пытаются выйти во вселенную.

Один солдат покачал головой:

— Меня зовут Мерсер. Что нам нужно делать?

— Предупредить всех ваших и постараться связаться с Непобедимым. Так как его оставили на орбите, полагаю, что его экипаж полностью состоит из людей.

— Этот крейсер прибыл с Земли только на прошлой неделе.

— Изменений экипажа не было?

— Нет.

— Тогда их командира нужно срочно предупредить.

— Он здесь! — воскликнул Мерсер.

— Где?

— Там, наверху. На площади, где должно состояться награждение оружием.

— Когда?

— Сейчас.

Неожиданный шанс. Я позвал Рона и Сторка, и они скоро вернулись с Вагиной и Риеллой.

— С Делгинкоффом мы должны сделать то же самое, что и с сержантом, и в присутствии всех.

Сторк вытащил нож из горла сержанта, вытер лезвие.

— Мне только нужно приблизиться к нему на двадцать метров, и тогда он будет мертв.

— Это нелегко.

— Награждение будет во дворце?

Сторк задумался на несколько секунд.

— Тогда это можно сделать, если неожиданно спрыгнуть со второго или третьего этажа.

— Попробуем.

Солдаты сопровождали нас, но путь был свободен. Все были на празднестве. Мы быстро добрались до лестницы и направились наверх.

На четвертом этаже Вагина нам показала кабинет, окна которого выходили на площадь. Морлот достал нож, сжал его и стал искать глазами Делгинкоффа.

Он сидел на трибуне среди штатских и офицеров. Там же сидел Артод.

— Все, что они могут предпринять, это воспользоваться парализатором.

— Вижу,— ответил Сторк.

С улыбкой, похожей на гримасу, он поднялся на подоконник и, нажав кнопку гравикомпенсатора, полетел вниз, к трибуне.

Секунды мучительного ожидания... Морлот метнул нож, еще не коснувшись земли, и из горла Делгинкоффа хлынула зеленая кровь. Заме-

шательство было таково, что Сторк успел взмыть вверх и никто не успел взяться за оружие. При этом он кричал:

— Это не человек! И среди офицеров есть ещё такие. Вами командуют чудовища, которые хотят завоевать галактику.

Теперь настала моя очередь. Вместе с Роном мы приземлились возле трибуны, и я быстро подошел к командиру Непобедимого, который пытался восстановить порядок.

— Докажите сначала, что вы — наш, и все последуют вашему примеру.

— Как доказать?

Я без колебания врезал ему кулаком по носу. Брызнула кровь... Красная... Солдаты с радостью закричали.

Когда другие офицеры стали доказывать, что они люди, подобным же способом, арканцы попытались удрать, но это им не удалось.

Рон вернулся на Фрам, и началась охота на арканцев. Настоящая охота, безжалостная и повсеместная. В трюмах звездолета, где Артод ждал Делгинкоффа, мы обнаружили двенадцать рептилий.

Все они находились на разных стадиях мутаций. Капитан Лармат заснял на пленку все эти стадии от первоначальной до полного преобразования облика.

Когда он вернулся с корабля, он предложил термобомбами уничтожить все живое на Аркане. Только нужно взять на землю для изучения несколько экземпляров.

И среди них — Артод, которого подвергли зондированию мозга. Именно профессор Артод, возглавлявший первую экспедицию Большого Совета, виновен во всем этом кошмаре.

У него не было плохих намерений. Обнаружив, что однажды мутировавшие арканцы приобретают тягу к трансформации, он загорелся идеей преобразовывать арканцев в галкаров. К несчастью, один из его ассистентов упал в клетку с чудовищами...

Никто ничего не заподозрил, когда арканец, приняв облик человека, появился среди людей.

Никакого восстания не было. Этот арканец постепенно заманивал в ловушку одного человека за другим...

На Аркане есть часть арканцев в человеческом облике. Но они являются результатом спонтанных мутаций и просто служат высшим арканцам.

В соседних системах уже более тысячи арканцев заняли места людей. И в основном руководящие должности. Правда теперь не имеет труда обезвредить их.

Артод мечтал завоевать планеты путем внедрения туда своих. Теперь этого не случится.

Сейчас Лармата занимали две проблемы. Как быть с галкарами, заселяющими экваториальный континент? Видимо, их придется оставить в покое до решения Большого Совета. И вопрос о населении Артоса.

С Вагиной все ясно. Она решила лететь с Нильсом. А Риелла со Сторком. Остальные женщины решили остаться. Они полюбили планету с ее бесконечно длинными ночами.

Они останутся и разработают свои законы и порядки. Но малолетних детей нужно забрать отсюда и вернуть родителям.

Аркана! Фрам опередил корабли Космического Патруля на двадцать четыре часа. Разумеется с согласия капитана Лармата.

Когда все закончилось, Рон предложил нам слетать на Аркану. Он рассказывал о золоте, алмазах...

Было бы глупо пренебречь этим. Тем более, что от Артода мы узнали, что магнитная ловушка погибла вместе с транспортом, уничтоженным нами по пути с Нандала.

Да, Фортуна улыбнулась нам. Лично мне ничего не нужно было. Рону тоже. Но есть еще Нильс, Арт, Сторк. Да и о семьях Велеа, Форстера, Варуа нужно было позаботиться.

Мы плавно вошли в атмосферу Арканы. Локаторы и анализаторы обшаривали каждый дюйм. Они обнаружили скопление арканцев в районе лаборатории, но нас это не касалось. Корабли Патруля займутся их истреблением. Мы же будем стрелять только для самообороны.

Но нападение маловероятно. Благодаря телепатической связи, они знали, что все потеряно, и теперь покорились судьбе, как дикие звери перед неизбежностью.

Детекторы должны были указать нам наиболее богатые месторождения. Рон принял командование, и всем нам оставалось только ждать его указаний. Я был только пассажиром, мнение которого выслушивают, но не более.

Раздался приказ Рона:

— Открыть люк! Я остаюсь на борту на случай нападения.

Он обратился ко мне:

— Я не прошу тебя помогать Нильсу, Абурен. Каждый должен устраивать судьбу своими руками.

— И все же я тоже выйду.

— Ты ненасытен, Абурен.

Это точно. Однако, я решил выйти только для того, чтобы найти уникальный алмаз для Нореллы. На память о моей последней экспедиции. Самый большой алмаз, какой только найду здесь.

У меня будет время для поисков, пока ребята набьют сумки так, что едва смогут тащить их.

Конец

ПРОФЕССИЯ — СОЛДАТ

1.

Стоя на своем месте, в шести шагах впереди шеренги солдат, Дермод краем глаза наблюдал за медленно приближающимся вездеходом. За рулем сидел усталого вида землянин в зеленом мундире стражника. На заднем сидении находились две большие гусеницы — теплокровные, кислорододышащие многоножки, покрытые чем-то похожим на мех — обитающие на планете Келгия. Поскольку тела этих существ не требовали какой-либо одежды, знаки различия можно было прочитать прямо на их серебристом меху, соответственно раскрашенном.

"Так это и есть наши враги",— подумал Дермод.

Вездеход медленно и неумолимо двигался прямо на него. У Дермонда пересохло во рту. Сейчас настанет самый важный момент, и Дермонд страстно желал, чтобы его поступок, который он должен будет совершить через несколько секунд, выглядел довольно убедительным. В сомкнутых шеренгах солдат также росло напряжение. Каждую минуту можно было ожидать взрыва неконтролируемой ненависти к офицерам-келгианам. Такой спектакль всегда происходил при выборах, подумал Дермод, чтобы убедить врага в неустрашимости духа этих ребят, бывших в действительности просто бандой свиней, ублюдков и недоделанных идиотов. Те, которым удастся убедить этих офицеров в своей силе, не будут выбраны для войны, поскольку враг, имея возможность выбора, всегда укажет на самых слабых противников.

Вездеход был уже так близко, что Дермод видел полосы пыли на прозрачном колпаке машины. "Сейчас,— подумал он,— а то будет поздно!"

В юные годы он был самым лучшим актером в драмкружке. И сейчас он был твердо уверен, что его лицо страшно побледнело и покрылось потом. Тело начало дрожать, зуб на зуб не попадал. Кульминационный момент всего этого представления он разыграл точно в ту минуту, когда вездеход поравнялся с ним. Тогда он медленно повалился на землю.

Его падение изумило неприятельских офицеров, так же, как и его собственных солдат. Но уже через несколько секунд одинокие крики быстро перешли в общий вопль возмущения, и мир Дермода, видимый через щелки глаз с земли, превратился в вихрь пыли, топающих ног и нарастающего крика.

Дермод еще несколько секунд лежал посреди орущих и размахивающих руками солдат, потом поднялся и стал вместе со всеми ругать неприятеля нецензурными словами. Он хотел создать образ офицера, который терял сознание при виде неприятеля, еще перед началом военных действий, но тут важно было не переборщить.

Через полчаса его вызвали в штаб лагеря и направили в кабинет, занятый офицером в зеленом мундире, который сидел за большим заваленным бумагами столом. Стражник молча указал ему на стул.

— Майор Дермод,— начал офицер,— вы выбраны для ведения боев в будущей войне. Ваш страх произвел на келгиан такое впечатление, что они выбрали вас, даже не заглядывая в ваше досье. Моей обязанностью является объяснить вам правила ведения этой будущей войны. А поскольку наш разговор будет содержать некоторые кровавые подробности,— тут он саркастически улыбнулся,— прошу избавить меня от хлопот и постараться не потерять сознания.

Когда до него дошло значение этих слов, Дермод вынужден был приложить немалые усилия, чтобы не выказать огромного возмущения и робости. Значит, удалось?

Он постарался изобразить на лице выражение страха и ужаса, которое должно было появиться на лице у каждого обычного солдата земной армии после такого сообщения.

Район действия, объяснял стражник, будет обычным, и уже согласовано количество солдат, воюющих с обеих сторон. Пополнения при потерях как у землян, так и у келгиан, не будет. Постоянно будут поставляться только припасы необходимые как для продолжения жизни, так и для ведения войны. Не предусматривается никакой медицинской помощи, кроме той, которую могут обеспечить себе сами солдаты.

Землянам будет позволено воевать винтовками и пистолетами с патронами химической детонации, а также ручными гранатами. Снаряжение келгиан будет таким же, с той только разницей, что патроны огнестрельного оружия будут у них оснащены разрывными пулями.

Дермод приподнялся на стуле, пытаясь протестовать. При мысли о том, что может сделать с человеком разрывная пуля, он ощутил неприятный спазм в желудке.

— Но... но...

— Мы пришли к выводу,— невозмутимо продолжал стражник,— что, поскольку телесная оболочка келгиан непрочна, необходимо выровнять этот недостаток видом оружия. Вы хотели что-то сказать, майор?

— Только то, что вы могли бы выбрать что-нибудь более, ну... более гуманное, что ли.

— Это слово не соответствует действительности,— холодно произнес офицер.— Если бы мы руководствовались гуманными соображениями, то даже ваша банда любителей подраться сначала бы подумала, а уже потом хваталась бы за оружие. У вас есть еще вопросы?

Дермод имел множество вопросов, но они выдали бы его с головой, если бы такой перепуганный и мерзкий человек, каким он старался выглядеть, начал вдруг их задавать. Но несмотря на это, он все же решил кое-что разузнать.

— На той планете есть обширные водные пространства,— начал он неуверенно.— Можете ли вы сказать...

— Будут ли проводиться военные действия на море? — закончил вопрос стражник.

— Ответ будет таков: нет! Это будет чисто сухопутная война.

— А как будет с воздушной поддержкой?

— Никаких бомбардировщиков, да и истребителей тоже. Вы будете располагать только несколькими легкими разведывательными самолетами, если, конечно, найдутся дураки, которые на них будут согласны летать. Не будет также артиллерии, вообще никакого вида оружия дальнего действия. На этот раз мы проводим небольшую войну и намерены проследить, чтобы все было по правилам. У вас есть еще вопросы? Нет? До свидания!

Кипя от злости, Дермод покинул штаб, где каждый взгляд, брошенный на его мундир, выражал презрение, жалость или легкую насмешку. Он старался игнорировать это отношение к нему гордых и чванливых тиранов в зеленых мундирах стражи — но тем не менее, в его душе всегда поднималось чувство гнева, ярости и бешенства. От удара по одной из этих ему ненавистных рож (весьма отчаянный поступок) его удерживала только мысль, что их дни уже сочтены.

Сегодня удался первый шаг смелого и далеко идущего плана — он был выбран на войну! Следующий шаг может оказаться более трудным, так как майор Дермод должен был еще выиграть эту войну. Тогда, третий, самый последний шаг, окажется самым простым: лавина, если уже сдвинулась, ее не остановишь...

Мощные вертолеты садились на поле, словно гигантские разозленные насекомые. Другие, уже стоящие на земле, выплевывали из своих внутренностей длинные плоские ящики с оружием. Их тут же подхватывал наземный персонал, проверял и складировал под бдительным холодным взглядом стражников, сверявших поступавшее количество оружия по накладным. Дермод едва сдерживал себя от бушевавшей внутри него ярости. Те, кто не участвовал в будущей войне, использовались для работ по подготовке и обеспечению Семнадцатой Земной Военной Экспедиции, в то время, как те, кто шел в бой, получили отпуск, который должен был продолжаться вплоть до самого момента погрузки в корабли. Это создавало прекрасную иллюстрацию мерзкой добропорядочности, под прикрытием которой стражники делали свою грязную работу.

Честно и справедливо было бы возложить тяжесть приготовлений на плечи мужчин, идущих на войну, вместо того, чтобы давать им недели три свободы. Свободы на то, чтобы поразмыслить о том, что их ждет впереди...

"Это не то, что в старые времена",— подумал Дермод, и в который раз его охватила давящая жалость к самому себе. Он попытался представить себе, что рев вертолетов — это грохот тысяч бомбардировщиков, заслоняющих небо, разукрашенное белыми шапками взрывов зенитной артиллерии..., а может быть, это грозный рык артогня?

Его захватывала фантазия, и он пошел в своих мыслях еще дальше, продвигаясь назад во времени, в то полулегендарное прошлое, когда жизнь была буйной, бурливой и по-настоящему счастливой...

Потоки воздуха врывались в кабину через дырки, пробитые пулями в плексигласе фонаря, а залитые маслом очки затрудняли наблюдение

за приборами его маленького истребителя. Но он отчетливо видел большую красную кнопку на ручке управления и различал растущий в прицеле силуэт вражеского бомбардировщика. Через мгновение он ясно увидел линии трассирующих снарядов, связывающих его самолет с самолетом врага. Огонь его пушек разрывал на клочки фюзеляж неприятеля. В стороны летели клочки обшивки, и внезапно яркая вспышка оранжевого клубка огня при взрыве бензобаков и боезапаса поставила последнюю точку на судьбе бомбардировщика.

Его маленький истребитель подбросило...

... Дермод схватился за поручень, стараясь не упасть с сиденья в командирской башенке тяжелого танка и в то же время через грохот, пыль и смрад горячего масла отдавал приказы своему экипажу. Фонтаны земли и камней взлетали в небо вокруг его бронированной машины; удары пуль крупнокалиберного пулемета с пролетающего пикировщика грохотом отдавались в его голове, даже несмотря на надетый шлемофон...

... Дермод находился в боевой рубке рейдера, бьющего всеми своими орудиями в поддержку высаживающемуся десанту...

"Те войны,— подумал он с ностальгией,— в них что-то было..."

Придя домой, он попытался вздремнуть, но сон не шел к нему. Он ощущал потребность в дружеской поддержке, в друге, с которым можно было бы переговорить о Планете, который бы еще раз заверил его, что то, что он намеревается сделать, является настоящим добром для огромного количества существ, наделенных разумом.

К сожалению, единственный человек, которого он мог бы назвать своим другом (правда, с большой натяжкой), был в это время на Келгии, выбирал для сражения самые трусливые экземпляры гусениц. Прибытия его на Землю можно было ожидать не раньше, чем через неделю...

Приняв внезапное решение, Дермод сменил мундир на гражданский комбинезон — он утопит свои сомнения и неуверенность в работе.

Он выбрался из лагеря и поехал в город, расположенный неподалеку. Наступил вечер, и на улице было полно гражданских жадных до сенсаций галактов. Среди толп прогуливающихся нередко мелькали белые ремни солдат, свидетельствующие о том, что этим людям скоро необходимо будет отправляться на войну.

Дермод поставил машину на стоянку и двинулся в ближайший бар. Наливая себе виски из автомата с напитками, он оглядел помещение. Здесь была большая шумная группа солдат, расположившаяся за несколькими столиками, прямо посредине зала. Рядом с ними, за соседним столиком, сидел лейтенант, с уважением слушающий разглагольствования какого-то гражданского типа, до нельзя толстого, который вливал в себя рюмку за рюмкой. Дермод невольно прислушался.

— ... помню, как мы дрались с брелтианами несколько лет назад,— громко разглагольствовал толстяк.— Да, конечно, это был небольшой конфликт в сравнении с тем, что намечается сейчас, но несмотря на это,

нам тогда здорово дали по морде. Эти восьмирукие с Брелтии были такими большими и тяжелыми, что стража была вынуждена позволить им пользоваться антигравитационными поясами для того, чтобы обеспечить хоть какую-либо свободу действий в сравнении с нашей... и как ты думаешь, что эти подонки сделали? Они начали отдавать свои пояса другим. Те одевали два или три вместе, взлетали в воздух и бомбили нас сверху! Но мы бы у них все равно выиграли в той войне, если бы не эти проклятые стражники...

Глядя на ветерана брелтано-земного конфликта, Дермод пришел к выводу, что это один из тех типов, которым всегда удается во время войны прокантоваться где-то в тылу, разглагольствуя потом о своем героическом прошлом. Или это обычный осведомитель, так как его разговоры начали сводиться к тому, что Дермоду совсем перестало нравиться.

— Если хочешь знать,— громко шептал толстяк лейтенанту,— я на твоем месте нашел бы где-нибудь теплое местечко и переждал всю эту заваруху.— Он замолчал, придвинулся ближе и уже тише продолжал: — Я не должен был говорить это тебе, но если тебе не удастся устроиться в тылу и сделается слишком горячо, то можно попытаться сконтактироваться со стражей и ...

— Я могу угостить вас, лейтенант,— прервал словоизлияния толстяка Дермод, бросая жетоны в автомат с напитками и набирая на пульте заказ. Толстяку же он резко сказал:

— Я слышал, что вы тут болтали, и мне стыдно за вас. Лейтенант намерен воевать, а не сидеть с опущенными руками, правда, лейтенант? Если только остальные наши солдаты выглядят также мужественно и уверенно, то война не должна продлиться долго!— и добавил с бешенством:— А кто вы, собственно, такой? Тайный агент? Страж? Провокатор?

Толстяк возмущенно запротестовал против такого заявления, но лейтенант, удивленный, что кто-то считает его мужественным, тихо приказал ему убираться прочь. Когда он увидел перед собой полную рюмку, то улыбнулся и сказал:

— Благодарю.

2.

Лейтенант выглядел импозантно: на его высокой худой фигуре отлично сидел серо-бронзовый мундир Земных Вооруженных Сил, высокие сапоги блестели. В общем, на него приятно было смотреть. Только вот лицо немного подкачало и носило, мягко говоря, выражение глубокого беспокойства. Дермод снова пробормотал проклятия толстяку и, желая хотя бы отчасти исправить зло, причиненное его болтовней, громко сказал:

— Не обращайте внимания на то, что говорил этот тип. Мы будем воевать и обязательно выиграем эту войну! На этот раз все будет по-другому! Позвольте, лейтенант, поговорить с вами. Я не займу много вре-

мени, ведь вы наверняка торопитесь на свидание с какой-нибудь красоткой, и я не хотел бы быть причиной вашей задержки...

— У меня нет никакого свидания,— перебил Дермода лейтенант,— видите ли, сэр, я недавно женился, и она... я...,— он смутился и замолчал, пытаясь овладеть собой. Дермод даже испугался, как бы этот юнец не разрыдался.

Он прекрасно представил себе ситуацию, в которой оказался лейтенант. Молодожен, призванный на войну, испуган; молодая жена в ужасе, она уговаривает его не ехать... Но он не может сделать этого! Они ссорятся, и он убегает из дому, пытаясь набраться храбрости из рюмки. Никаких следов характера,— подумал Дермод с неприязнью. И с таким материалом он должен будет идти на войну!

Проклятые стражники!

Как она сама утверждала, стража руководствовалась благородной и возвышенной целью, согласно которой все представители разумных рас Галактики имели право на максимум свободы. Каждая личность имела право делать все, что ей вздумается, при условии, что она при этом не нарушала свободы остальных членов общества. И если две группы существ доводили спор до такой степени, что не могли разрешить его никаким другим способом, кроме войны, то, пожалуйста, стража разрешала им воевать! Но поскольку жизнь очень ценная вещь, и если кто-то хочет ее потерять, то пускай уже это будут особи самые малоценные. Такая цель достигалась благодаря специальному отбору с обеих спорящих сторон. Отбирались самые плохие солдаты из армии противника, при этом стража услужливо предоставляла обоим штабам полные психические досье на отобранных солдат. Короче говоря, это означало, что самые лучшие солдаты никогда не имели возможности участвовать в боевых действиях.

Качества, которые являлись критериями отбора мужчин в армию,— думал Дермод с горечью,— были самые разные, от исторического патриотизма до обычного желания поносить мундир, что так помогало в любовных похождениях. Современный солдат был или моральным нулем или психологически ненормальным.

Но лейтенанта было трудно обвинить в подобном, ведь в конце концов он все же был офицером. И Дермод решил помочь этому юнцу прийти в себя. Он спокойно игнорировал слезы, наворачивающиеся на глазах лейтенанта, и начал убежденно говорить о предстоящих военных операциях. И постепенно офицер перестал жалеть себя, начал вставлять свои комментарии и проявлять растущую заинтересованность. Может, даже чересчур большую, и это заставило Дермода насторожиться.

Прерывая Дермода неторопливым жестом руки, он сказал:

— Вы говорите, что эта война будет не похожа на все другие, в которых участвовали земляне, что вся кампания не превратится в обычную позорную беготню и смешной фарс, разыгрываемый на потеху стражи. Вы это утверждаете? Но позвольте вас спросить, откуда вам это известно? И кто вы на самом деле? — лейтенант замолчал, и его мутный от виски взгляд внезапно стал чистым и ясным.

— Где-то я вас уже встречал,— продолжил он через мгновение.— И притом совсем недавно. Да, именно так! Вы... вы тот самый майор, который потерял сознание при виде этих келгиан!

Дермод замер. Плохо, очень плохо! Лейтенанту можно многое простить, но не отсутствие ума и наблюдательности. Да, рассказ о майоре, который вначале теряет сознание при виде врага, а потом ходит по кабакам в гражданской одежде и поднимает дух у солдат, наверняка быстро достигнет чужих ушей...

Ни малейшего подозрения не должно пасть на Великий План до тех пор, пока не начнется война. От этого зависело все! Лейтенанту необходимо было любой ценой заткнуть рот!

— Вы, вероятно, являетесь ответственным лицом,— продолжал лейтенант,— чтобы рассказывать об этом...

— Заткнись!

Дермод сказал это спокойно, но в его голосе ясно послышались властные нотки.

— Сиди тихо и слушай!

Надо было рисковать, другого выхода не было. Он вынужден будет кое-что рассказать, хотя бы для того, чтобы обеспечить молчание этого лейтенанта, чтобы тот не болтал направо и налево о таких, казалось бы, несущественных вещах, но которые, однако, достигнув чужих ушей, могли уничтожить весь его ПЛАН!

Поэтому Дермод тихо произнес:

— Я потерял сознание, точнее, притворился, что потерял сознание, специально. Ты можешь понять, зачем я это сделал? Я только прошу тебя, чтобы наш разговор остался в тайне, так как если стража пронюхает что-нибудь...

Он специально оборвал фразу.

Резкий тон Дермода привел лейтенанта в чувство. Поэтому он сразу все понял:

— Так вы притворились, чтобы попасть на войну? Теперь понятно,— он с облегчением кивнул головой. И одновременно с первым правильным суждением, он сделал еще один вывод, но уже неверный: — Судя сейчас по всему вашему поведению, у вас есть единомышленники!

— Угадал!— быстро сказал Дермод.— Но еще раз прошу вас сохранить все это в тайне. Может быть, еще рюмочку?

Лейтенант встал и выпрямился, гордый и задумчивый. Покачав головой, он произнес:

— Нет, благодарю. Лишняя рюмка виски может развязать мне язык, а кроме того, завтра утром будет тяжелой голова. А это мне,— его глаза подозрительно блеснули, словно он услыхал далекие звуки фанфар,— ни к чему! Утром я должен быть в отличной форме. Поэтому, я, пожалуй, двинусь домой. Спокойной ночи, сэр.

Его рука метнулась было вверх, чтобы отсалютовать, но он вовремя спохватился, кивнул и направился к выходу.

Дермод встал и пошел следом, ощущая приятное чувство от хорошо исполненного долга. Он позволил лейтенанту подумать, что на стороне землян есть еще такие, как он — боевые, храбрые солдаты, которые в любой сложной ситуации не потеряют присутствия духа и выпутаются из любого происшествия. Да, ему удалось успокоить этого испуганного мужчину в мундире и превратить труса в готового на все, полного боевого энтузиазма солдата!

Однако, когда Дермод вышел из бара, хорошее настроение покинуло его. Может быть, этому способствовал вид стражника, рассекающего шумную, пеструю толпу, а может быть, зрелище стольких галактов на улицах. Галакты земного происхождения, которых официально именовали Гражданами Галактики, часто посещали своих убогих сородичей, считая их в некотором роде чудаками, которые ведут опасную и романтическую жизнь. Сознание того, что большая часть земного населения в настоящее время состоит из безвольных и деградированных особей, окатило Дермода стыдом и отвращением тем большим, что он сам принадлежал к ним.

Однако главной причиной его плохого настроения стало чувство, что он является маленьким, ничего не значащим человеком, пытающимся сдвинуть с места огромный камень.

И он должен был все время повторять себе, что этот камень можно и не сдвинуть, если не знать, куда толкать, что он так тонко сбалансирован, что даже небольшое усилие, приложенное соответствующим образом, заставит его покатиться.

Не только на Земле, а практически на всех других планетах Галактического Союза система построения общества была одна и та же. В самой основе общества находились недовольные, которым не нравились законы, которые не признавали этики и норм поведения, которые жили в колониях разной величины — от большого города до заселения области, занимающей значительную часть континента. Колонисты были безмерно, почти фантастически горды собой и своим прошлым. Верили, что только они культивируют идеалы своей расы, и считали себя единственными и неповторимыми.

Что же касается Земли, которая ничем не отличалась от других планет, то более девяносто пяти процентов человечества составляли Граждане Галактики, которым было все равно, что творится в Галактике, которые жили жизнью непродуктивных, развращенных в прелестях жизни эстетов, которым было неинтересно, что происходит в Космосе и кто властвует в НЕМ. Поэтому галактов на Земле и на всех других планетах он мог не принимать в расчет, как реальную силу, способную расправиться со стражей.

Дермод с горечью усмехнулся: расправиться со стражей!... Те, которые устанавливали Законы, отнюдь не были глупыми.

Галактов, практически, не контролировали, так как со стороны их не существовало опасности восстания. Зато в колониях стражей было больше, чем достаточно. Колонии были источником неприятностей и потенциальными центрами бунтов во всей Галактике, о чем стража

отлично знала, используя необходимые по ее представлениям средства безопасности. Дермод, однако, был уверен, что на этот раз даже стражники не совладают с развитием событий.

Он постарался пересилить свое плохое настроение. Зайдя в один из баров, он окинул помещение взглядом. Двое офицеров сидели за дальним столиком и о чем-то в полголоса спорили. Дермод подошел к ним и, поклонившись, спросил:

— Я могу угостить вас, коллеги?

Этим способом, да, впрочем, и многими другими он в течение трех недель познакомился с большим числом своих солдат. Надо было признать, что особого восторга испытать не пришлось. Но так как он считал себя немного психологом, то уверовал, что его разговоры с ними принесли определенную пользу. До того, как произошел случай, который заставил его окончательно порвать с прежней жизнью, он учил историю и психологию в Галактическом университете.

... Поднимаясь вверх на небесно-голубых столбах ракетного выхлопа, двадцать семь тяжелых транспортов стражи, набитых солдатами и их снаряжением, покинули Землю. Десятью днями позже, во время которых Дермод уговорами и угрозами склонял своих офицеров к принятию его новой смелой концепции ведения войны, они приземлились на Военной Планете номер 3, которая была выбрана как наиболее подходящая для проведения войн между теплокровными, дышащими кислородом жителями Галактики. Но прошло еще два дня, прежде чем пустые корабли улетели, а сопровождавшие земную армию советники из стражи удалились на свою базу, расположенную в пятистах милях от лагеря землян. Только тогда Дермод, вздохнув, начал готовиться ко второму этапу своего Плана.

У него было, по крайней мерей, четыре недели свободы действий. Это был период, который давался офицерам и солдатам для ознакомления с местностью, с оружием, в общем, для вхождения во что-то вроде боевого настроения. Либо наоборот: те, кто принимал всерьез пропагандистские речи советников, должны принять были решение о сдаче в плен. В конце этого четырехнедельного периода Дермод знал об этом, должны были прибыть психологи стражи, которые опять будут увещевать их, и только тогда, наконец, будет отдан приказ начать войну.

Во всяком случае, так это выглядело до сих пор...

3.

В первый день, когда они стали свободны от присутствия стражи, Дермод решил провести инспекторский смотр своего войска.

Когда он шел вдоль шеренги солдат, то видел в их глазах только удивление и недоверие. Конечно, все помнили его, как майора, который

упал в обморок во время появления гусенниц, и чего это он вдруг появился с погонами полковника на плечах? И почему этот, так быстро растущий в звании командир проводит инспекцию только с двумя офицерами, вместо того, чтобы тащить за собой всю свою свиту? Почему, раз об этом уже говорится, на всем плацу не видно ни одного офицера?

Когда Дермод скомандовал "вольно" и поднялся на трибуну, выражение "он привлек всеобщее внимание собравшихся" было бы недостаточно точным. Несколько минут он молча стоял перед ними, разглядывая своих подчиненных, перекладывая микрофон из одной руки в другую. Но, наконец, нарушил тишину:

— Вы, наверняка, теряетесь в догадках, пытаясь понять, кто же я на самом деле, и будете в этом совершенно разочарованы, так как я не дам ответа на мучающую вас загадку. Я сейчас не буду удовлетворять ваше любопытство, офицеры займутся этим вечером. Достаточно будет, если я скажу, что некоторые сведения необходимо будет держать в секрете от стражников. Сейчас же я намерен вам рассказать о наших врагах, их физическом строении, об оружии, которым они будут владеть, об эффективных способах их поражения. Ознакомлю вас также с тактикой и стратегией, которые должны будут обеспечить нам победу в этой войне.

Не один рот раскрылся в недоумении от этих слов, смысл которых сводился только к одному — что можно достигнуть чего-то, недостижимого уже века...

Дермод сделал вид, что не замечает этого, и продолжал говорить дальше.

— Итак, в непосредственном контакте гусеница не имеет никаких шансов против любого из вас. Келгиане — это только большие бесформенные меховые мешки, наполненные кровью и другими физиологическими жидкостями, практически лишенные скелета. При любом ранении им требуется специальная медицинская помощь, иначе они быстро погибают. Мы же более стойкие, и поэтому стража, выравнивая шансы между нашими расами, вооружила их оружием с разрывными пулями. Однако, я считаю, что, несмотря на более худшее вооружение, мы все же имеем в борьбе с ними довольно хорошие шансы...

А вот это собравшимся не понравилось. Он отлично заметил, как они скривились в гримасе недовольства. Он напомнил им, что впереди их ждет ни мало, ни много, а смерть...

Поэтому Дермод тут же поменял тему своего выступления на менее раздражающую, с горечью думая о других исторически известных полководцах, наставляющих своих воинов перед битвой: о Генрихе-V в Азинкорта, о Монгомери в Эль Аламейне, о Клавдии перед последней битвой, которая должна была положить у его ног всю Британию. Эти полководцы пробуждали такой воинственный запал, возбуждали такую любовь и преданность, что их подданные охотно отдавали свои жизни за них.

Но в теперешние времена уже не следовало говорить о каких-то идеалах, о смерти или славе. Сегодня нужно было обеспечить солдат всем необходимым и гарантировать им не толко славу, но и безопасность!

— Предупреждаю вас, солдаты!— кричал Дермод.— Стратегия, которую я намерен проводить, с этого момента будет стоить не одной жизни, но это будут жизни врагов. И если речь идет о вашей и моей безопасности, то знайте, что я намерен сражаться в бою вместе с вами, а не сидеть в штабе и пользоваться своими привилегиями. Никто не может жить вечно, но, по крайней мере, можно попробовать! Да, вы будете в безопасности,— продолжал он,— но эта безопасность не заключается в уклонении от контактов с врагом, в бегстве или сдаче позиций. Она заключается в уничтожении противника, до того, как он уничтожит нас — уничтожении быстром, результативном и при затрате минимальных усилий. Вы будете нападать на врага, когда он будет меньше всего ждать этого, когда он будет спать либо когда будет абсолютно убежден, что ему ничто не угрожает в округе на сотни миль. Вы должны вырастать перед ним из-под земли и убивать, убивать, убивать!

СМОТРИТЕ!!!

Он взмахнул рукой, и невидимые до сих пор офицеры вступили на плац, вызвав смех у солдат. Служа обычно примером в ношении формы, они шли сейчас тяжелым, не в ногу шагом, немного сгорбленные, покачивая головами. Они производили гротескное зрелище из-за своих выкрашенных в черный цвет лиц, бесформенной, какой-то серой одежды, которая заменяла великолепные, яркие мундиры, не говоря уже о сетках, закрывавших шлемы и украшенных пучками травы. Только оружие было вычищено и блестело.

Глядя на них, Дермод почувствовал удовлетворение. Его обращение к солдатам, во всяком случае, до сего момента, не производило нужного впечатления. И только появление офицеров потрясло солдат, ошеломило их, заставило вникнуть в смысл сказанного Дермодом.

Люди в таких необычных одеждах повернули и бесшумно скользнули в заросли, мгновенно исчезнув с глаз. Смех в рядах солдат стих.

— Мне осталось сказать немного,— продолжил далее Дермод.— Не через месяц, не через неделю, а уже завтра вы начнете учиться становиться невидимыми, учиться убивать врага, самому оставаясь в живых. Свои выходные мундиры вы переделаете на маскировочную одежду. Перекрасьте их так, чтобы в них нельзя было отличить вас от самого последнего клочка земли на этой проклятой планете. Словом, вы должны научиться искусству камуфляжа. А когда психолог стражи приедет, чтобы мешать нам своими ложными, ненужными и дефективными разговорами, мы будем уже на полдороге к победе, тем более, враг не надеется на быстрые акции с нашей стороны! В нашу пользу будет момент внезапности! Кроме того, ход ведения наших боевых действий будет абсолютно непохожий на все то, что происходило до сих пор. А если учесть, кроме всего, и наше физическое превосходство... Думаю, что сомнений в исходе битвы не может быть никаких!

Кто-то крикнул "ура", и все остальные подхватили этот крик. Дермод замолчал. Удивление и замешательство охватили его на мгновение, лишили дара речи. Каждое его слово было тщательно взвешено и принято как психологический стимул, но он никогда не надеялся на

такую сильную и быструю реакцию. Он был доволен и одновременно чувствовал горечь за тех мужчин, которые так легко поддались нажиму.

Когда крики пошли на убыль, он поднял руку и крикнул:

— Тихо!

Через мгновение наступила тишина, и Дермод продолжил:

— Собственно, должен вам заметить, что это чисто физическое превосходство менее всего важно. Вы должны забыть, что являетесь людьми, воюющими с гусеницами. На время войны вы должны похоронить всякие человеческие чувства и сантименты и стать безжалостными, холодными и искусными убийцами. С этого момента вы должны тренировать себя, а свою службу считать обязанностью, философией и образом жизни. Помните, что ни одна раса в Галактике не может сравниться с вами, так как профессия каждого из вас с этого момента становится — "солдат"! А крики "ура" оставьте на потом, когда выиграете войну. Разойдись!

Но солдаты остались в строю и стали орать без памяти.

Генерал Прентисс ждал его в штабном кабинете. Сам он ничего не делал с тех пор, как покинул Землю, кроме разве что того, что присвоил Дермоду звание полковника. Но это было договорено ранее, чтобы Дермод мог стать самым старшим офицером в строю. Хотя генерал и мог похвастать недюжинным умом, но свое звание он получил благодаря политике. Именно он, заметив исключительные таланты Дермода, начертал перед ним первые штрихи Великого Плана.

Небрежно отвечая на приветствие, генерал сказал:

— Я слышал вашу речь, господин полковник, и это походило на то, что они практически ели с рук.— Он понимающе улыбнулся.— И что же дальше?

Дермод чувствовал себя не в своей тарелке, как это обычно бывало в присутствии этого маленького, круглого человечка, который был политическим и военным руководителем всей негалактической части землян. Он бы чувствовал себя гораздо увереннее, если бы этот руководитель был слеплен из более твердого материала, но наверняка стража тщательно следила, чтобы никакая сильная личность не заняла, случаем, ответственный пост. Однако он желал, чтобы генерал был менее любезен со своими подчиненными, реже улыбался и вообще, вел себя более свойственно генералу!

Он быстро отбросил эти мысли, как несправедливые, и ответил:

— Сейчас нам необходимо одержать хоть какую победу. Ничего особенного, просто небольшая стычка между патрульными, но результат должен быть ошеломляющим, чтобы наши люди поверили, что они непобедимы. И если они поверят в это, то в самом деле будут непобедимы. Думаю, что если организовать...

— Звучит неплохо,— кивнул генерал, прерывая полковника. Он встал, опять улыбнулся своей все понимающей улыбкой, похлопал Дермода по плечу и вышел. Дермод, который намеревался обговорить с ним дальнейшие планы, покачал головой осуждающе и запер дверь на ключ. И сел, чтобы спокойно все обдумать.

Военная планета номер 3 — никто никогда не придавал ей особого значения, чтобы присвоить название, была единственной из нескольких обитаемых планет, задействованных стражей для разрешения конфликтов с применением силы. Другие имели условия жизни, пригодные для существ, дышащих хлором, живущих под водой, или даже существ, питающихся непосредственно солнечной энергией. И поскольку именно номер 3 была пригодна, хотя и не очень, для теплокровных существ, дышащих кислородом, то стража и отправила землян и келгиан сюда для ведения своей войны.

Планета ничего не могла предложить, кроме атмосферы. Единственный обширный континент в виде ромба был плоским, покрытым степью, разбавленной только кое-где лысыми низкими горами и изрытой небольшими оврагами, ярами и высохшими руслами рек. Несколько островков на остальной части планеты были уменьшенной копией континента. Густые широколиственные растения с желтыми прожилками скрывали землю. Но они были не в состоянии прокормить каких-либо крупных животных, за исключением маленьких, длиной в несколько сантиметров, и не были столь густыми, чтобы можно было спрятаться в них. Вот так выглядело поле боя.

Немногим более двести миль на восток располагалась база келгиан, а в пятистах милях на север находилась база стражи. Вся местность между ними была для Дермода белым пятном, совершенно неизвестным районом. Пока не будет точных карт и подробных фотографий этой территории, немногое можно сделать — это Дермод отлично понимал.

Придя к мысли, что без рекогносцировки он все равно ничего не придумает путного, Дермод решил больше не забивать себе сегодня ничем голову.

4.

Рано утром следующего дня начались учения. Построенные в четыре батальона по две тысячи человек, земляне тяжело замаршировали с базы. Четыре колонны постепенно разделились, направляясь в сторону намеченных оперативных районов боевых действий, исчезая в пыли, поднимаемой колесами грузовиков, замыкающих тылы колонн. Только тогда Дермод перестал следить за маршем и вернулся на базу, чтобы провести совещание с группой воздушной поддержки.

Она состояла из пилотов — лейтенантов Довлинга, Клифтона и Бриггса, а также тридцати человек обслуживающего персонала. Эти последние принадлежали к вспомогательным службам, которые были сформированы из мужчин, признанных Дермодом абсолютно непригодными к бою — это были смердящие свиньи, в отличие от потенциально-храбрых свиней, которые только что прошли перед ним в походном строю. Трое лейтенантов числились у него в качестве специально подобранных свиней. Все трое принадлежали к тому типу людей, которые неохотно рвутся в бой, все они были когда-то владельцами вертолетов, поэтому не боялись высоты, все

легко загорались и легко поддавались чужому влиянию. Лейтенант Клифтон, парень, которого Дермод встретил в баре в тот вечер, был весьма дисциплинирован и, поэтому, был назначен командиром группы.

— Садитесь, господа,— предложил походные стулья вошедшим офицерам Дермод.— Я не хотел бы задерживать вас более, чем это необходимо. Когда мы готовились к посадке, я приказал вам сделать снимки поверхности этой планеты, и хотя некоторые фотографии сделаны отлично, однако, они дают только общее представление о континенте, на котором мы сейчас находимся. Сейчас необходимо выявить все подробности местности, на которой мы будем воевать, — каждую горку, перевал, дыру в земле или куст. Эти данные имеют фундаментальное значение. От них будет зависеть наша тактика, которая должна будет обеспечить нам минимальное количество потерь. Я приказываю вам делать съемку ранним утром или поздним вечером, когда длинные тени помогут нам расшифровать изображение.— Он замолчал, а через минуту продолжил более значимым тоном:

— Я хотел бы напомнить вам, господа, что это нелегкое и весьма нудное занятие, но вы ни в коей мере не должны забывать, что ваша тройка принадлежит к самым важным людям в нашей армии. От вашей работы будет зависеть вся наша стратегия! Прежде всего, сделайте съемку местности, расположенной между нами и вражеской базой, но ни в коей мере не приближайтесь к врагу! У них не должно возникнуть подозрений, что мы уже начали действовать против них. Это все!— закончил Дермод, улыбаясь.— Я хотел бы, чтобы лейтенант Клифтон полетел со мной к нашим колоннам. Вы двое будете следовать за нами и своим умением управляться самолетом заставите солдат поверить в то, что вы — асы! Благодарю вас. Пошли!

Дермод слетал поочередно ко всем четырем батальонам, растянутым теперь на добрые три мили. Эти визиты не были необходимы, но Дермод обещал, что будет воевать вместе со своими подчиненными, и не хотел произвести плохое впечатление, оставаясь на базе даже во время учений. Тем временем сопровождающие его самолеты исполняли фигуры высшего пилотажа. Гипноленты, которые получили пилоты, дали им необходимые знания по пилотированию, но эти знания не давали умения, которое должно было появиться только после большого числа тренировок.

С высоты двух тысяч футов его войска выглядели импозантно. Каждая колонна имела три разведывательные машины, во главе и по бокам колонны, и двенадцать шарообразных транспортеров со снаряжением. Разведчики получили задание быть начеку, хотя на атаку врага вряд ли приходилось рассчитывать, но Дермод желал, чтобы его солдаты сразу приобретали необходимые навыки. Количество транспортеров было точно определено: они должны были обеспечить полное обслуживание без предоставления мест для лентяев, желающих прокатиться. Дермод желал, чтобы каждый его солдат выработал в себе максимум умения и выдержки. Начались учения, и опытные инструкторы учили солдат, как надо правильно стрелять и бросать гранаты. Все это, конечно, приходилось делать пока с помощью макетов, но Дермод надеялся, что приобретение

необходимых навыков не займет у его подчиненных много времени. Большое внимание Дермод уделял и обучению солдат маскировке. Ему пришла в голову идея, чтобы каждое подразделение выходило вперед и устраивало засаду на следовавшее сзади. Такая игра очень хорошо научила бы осторожности одних, а других — умению быстрой маскировки.

Дермод наблюдал за ходом обучения до тех пор, пока подразделения не скрылись за горизонтом, а потом повернул на базу.

Тотчас же после возвращения он позвонил генералу, так как его неотступно преследовала одна мысль:

— Господин генерал, нам приданы, как известно, три самолета, а что же досталось гусеницам?

— Откуда я могу такое знать? — улыбнулся его собеседник.— По всей видимости, это должны быть зенитные орудия. А почему это вас беспокоит, полковник?

— Потому что от этого будет зависеть жизнь моих подчиненных,— огрызнулся Дермод и отключился.

Он был зол на такое легкомысленное отношение к делу. Неужели генерал не понимает, что зенитные орудия могут также хорошо стрелять и по наземным целям!

Но это не могли быть зенитные орудия,— говорил он себе,— это было бы слишком простым решением вопроса для стражи. Одно только немного успокаивало его. Ведь если им не сказали, что получили келгиане в противовес их самолетам, то, наверняка, эти гусеницы не знают, что у людей они есть. Тем не менее, когда вечером он лег в постель, то долго не мог заснуть и лежал, размышляя, какие неожиданности еще ждут их. Этот вопрос не давал ему покоя.

Двумя днями позже Клифтон вернулся из полета чрезвычайно возбужденным. Когда Дермод немного успокоил его, то лейтенант доложил, что видел колонну врага, выходящую из лагеря. Они направлялись в сторону землян. Он был слишком далеко, чтобы точно определить их количество и состав, но...

Дермод резко прервал его, не скрывая злости:

— У вас был приказ не приближаться к их лагерю!

Ожидание похвалы сменилось растущим недоумением. Клифтон начал объяснять:

— Это была штурманская ошибка, господин полковник. И все время я держался от них на восток, маскируясь в блеске солнца. А восходящие потоки помогали мне держаться в воздухе с выключенными двигателями, поэтому меня даже не слышали.

— Как близко вы подлетели к ним?

— На шесть-семь миль.

Было весьма маловероятно заметить с расстояния в шесть миль в блеске солнца бесшумно парящую машину. Дермод представил себе лейтенанта, который управляет самолетом, пытаясь удержать его против солнца, одновременно наблюдая за противником в бинокль, и

гнев оставил его. Клифтон проявил определенную ловкость и инициативу. Но выглядел он сейчас словно преступник перед казнью, поэтому Дермод рассмеялся и сказал:

— Вобщем-то я не отдам вас под суд, лейтенант. Но если еще раз вы что-нибудь учудите без приказа..! А пока что, я объявляю вам благодарность. Вы смогли воспользоваться своим серым веществом и обернули ошибку в управлении самолетом в свою пользу. Это мне нравится. Вы смогли бы сделать такое еще раз?

Клифтон с готовностью кивнул головой.

— Район там гористый, и перед сумерками всегда появляются восходящие потоки.

— Ну и хорошо. Значит, ежедневно, в это время вы будете проводить наблюдательные полеты и докладывать о продвижении врага. Но,— добавил он тут же с нажимом,— если возникнет хотя бы малейший риск быть обнаруженным, необходимо тотчас же ретироваться. Понятно? Можете быть свободными, Клифтон.

Когда лейтенант вышел, Дермод погрузился в размышления. Значит гусеницы двинули колонну, количество и состав которой неизвестны.

В каждой современной армии был определенный процент солдат, которые ни к чему не были годны, но ко всему, они еще оказывали вредное влияние на других, словно гнилые яблоки в ящике с хорошими плодами. В то время как проводились занятия и тренировки, таких солдат обычно направляли на разные работы, например, на сбор оружия, оставшегося от прошлых сражений. Очень много таких никчемных солдат дезертировали, но командиры считали это невесть какой потерей. Дермод поступил наоборот и держал гнилые яблоки на базе, а лучших солдат послал в район старых боевых действий, где они, по всей очевидности, должны были встретиться с наихудшими солдатами врага.

На следующее утро, после очередного рапорта Клифтона, Дермод направил первый и второй батальоны на юг, чтобы отрезать противнику отход — хотя подчиненные и не знали о продвижении врага.

Учения проходили беспрерывно. На третий день, когда мускулы и кости начали протестовать против таких больших нагрузок, тренировки потеряли свою привлекательность как новая интересная игра. Между четвертым и шестым днями появились первые признаки муштры: солдаты стали быстрее реагировать на приказы, были более стойки и более уверенны в себе, но одновременно так страдали и устали, что были близки к тому, чтобы устроить бунт.

Однако, Дермод не давал им передышки. Когда солдаты из третьего батальона нашли ящики со старыми саперными лопатами, он начал учить их окапываться, и солдаты были рады разнообразию; не очень-то жаловались на такую дополнительную нагрузку.

Водителям разведывательных машин было лучше всего до тех пор, пока один из них не нашел полузасыпанную разбитую цистерну, оставшуюся с каких-то прошлых боев. Дермод приказал разрезать ее и обить

листами кабины разведчиков, сделав, таким образом, их пуленепробиваемыми. Однако, в машинах было настоящее пекло, особенно в полдень. Водители почувствовали себя увереннее и выполняли свои маневры более четко, но раздирала их злость, как и всю армию, из-за жары и усталости.

На девятый день все так устали и нанервничались, что, казалось, достаточно искры, чтобы вспыхнул бунт. Но на это Дермод приготовил им стычку с врагом...

5.

На первый взгляд, весь план отличался такой классической простотой, что Дермод чувствовал себя немного пристыженным. Вот уже шесть дней он держал колонну гусениц под таким пристальным наблюдением, что в любое время мог сказать направление и расстояние, какое преодолел враг, с точностью до нескольких миль и пару градусов. Он знал не только намерения врага, но и каждый холм, овраг и потенциально пригодный для засады кустик в районе, который он выбрал для первого удара. Ловушку, которую он поставил (где скрывались солдаты второго батальона в зарослях по обе стороны долины, по которой должна была пройти колонна врага), была не очень удачная, но момент внезапности и численное преимущество его людей давали много шансов.

Чтобы получить полную уверенность, что враг пройдет именно здесь, а не по перевалу на юге или по высохшему руслу реки, ловушка должна была привлечь их.

Дермод долго думал над тем, что же может сыграть роль сыра в ловушке для мышки. Все зависело от проведения этой первой атаки. В конце концов он решил, что единственный, кто сможет это сделать в сложившейся ситуации, это он сам.

И именно поэтому, на девятый день, спустя два часа после выезда с базы, перед полуднем он неподвижно лежал в кустах вместе с сержантом-водителем замаскированного вездехода и наблюдал за приближающейся колонной гусениц. Сержант по фамилии Девис всякий раз шепотом высказывал критические замечания: келгиане напоминают больших мерзких слизняков, и что кожа покрывается у него мурашками, когда он видит согнутые в крючок их спины, и как такие медлительные, неловкие и вообще омерзительные существа могут мериться силой с людьми, это превосходит его, сержантское воображение.

Дермод слушал его, прерывая, видя, что Девис болтает просто из-за страха. С расстояния в двести ярдов, колонна, которая раньше напоминала ленивую реку, начала проясняться, выделяя отдельных личностей, покрытых серебристым мехом, а низкий странный шум, ко-

торый производили существа, передвигающиеся на брюхе, был слышен уже довольно хорошо, так, что волосы становились дыбом.

И только тогда Дермод сказал:

— А теперь, Девис, бегом к машине!

Вместе с Дермодом, расположившимся на кресле наблюдателя, Девис выехал на полной скорости на открытое пространство, показавшись неприятелю на глаза. Он на мгновение задержался, показывая, что застигнут врасплох видом келгиан, потом резко развернулся и направился в сторону долины, где Дермод расположил засаду.

Выглянув через пару секунд в смотровую щель, Дермод надеялся увидеть гусениц, повернувших за случайно появившейся разведывательной машиной землян. Но келгиане были испуганы и растеряны. Вместо того, чтобы броситься в погоню, они впали в панику, начав крутиться на месте, сбиваться в группы, а некоторые даже повернули назад.

Дермод замер.

— Выходи, быстро!— приказал он.— Ложись под машину и делай вид, что ремонтируешь ходовую часть. Или, еще лучше,— добавил он, когда Девис спрыгнул на землю,— облей вон те кусты соляркой и подожги...

Уже через несколько десятков секунд келгиан не было видно из-за клубов густого черного дыма. Девис не пожалел горючего. И только сейчас келгиане поняли, что земляне оказались в безвыходной ситуации. Начали свистеть пули. Две из них попали в кабину, вырвав два куска металла.

— В машину!— скомандовал Дермод. Но сержант не дожидался приказа, он сидел уже за рулем, и если бы Дермод опоздал хотя бы на секунду, он уехал бы без него.

Разрывные пули свистели вокруг, осыпая машину градом осколков от камней. Но хуже всего были попадания — грохот ударов разрывных пуль по броне кабины раскалывал голову Дермода на части. Машина подпрыгивала, и он трясся в кресле, как марионетка. Дышать становилось все труднее, так как воздух пропитывался парами горючего, вытекающего из где-то пробитого топливопровода.

Какой-то трезвой и объективной частью своего разума он удивлялся, как мог оказаться таким глупцом, чтобы считать что-то подобное интересным приключением, но одновременно спихивал ногу Девиса с акселератора, чтобы они не очень опережали врага. Сержант должен был держаться вне досягаемости гранат противника и вести машину таким образом, чтобы враг смог увериться в мысли, что земляне в панике бегут. Будучи в этот момент в самой настоящей панике, Девис пренебрегал первой частью приказа, подсознательно выполняя весьма тщательно вторую его часть. И так продолжалось это спихивание ног до тех пор, пока не показались склоны долины.

Дермод неоднократно подчеркивал, что вся колонна врага должна оказаться в долине, и только тогда надо захлопывать ловушку. Сейчас он пожалел, что так настаивал на этом.

Град пуль бил и разрывал броню кабины, и можно было легко догадаться, что произойдет, если пуля попадет в незащищенную часть вездехода. Вонь от паров топлива была такой сильной, что забивала легкие тяжелым удушливым туманом. Вдруг раздался резкий скрежет.

Что-то металлическое заскрежетало о спинку сиденья Дермода, резкий толчок отбросил его назад, и одновременно огненный всплеск стеганул по щеке. Дермод едва успел отупевшим мозгом зарегистрировать вид огромной зияющей дыры в борту. Вездеход затрясся, коробка передач рассыпалась, и машина встала, как вкопанная.

Девис начал дергать ручку дверцы и что-то орать от страха. Дермод крикнул, чтобы он сидел на месте, но из-за грохота не услышал собственного голоса, поэтому он схватил сержанта за плечо. Но в этот момент тот уже распахнул дверцу. Разрывная пуля попала прямо в переносицу сержанта, превращая голову в кровавое месиво и разбрызгивая мозг по кабине. Дермод перегнулся через обмякшее тело солдата и захлопнул дверцу.

Внутри кабины стало жарко, и это несмотря на то, что поток прохладного воздуха врывался через дыру в обшивке. Дермод почувствовал, как жжет ступни пол, начавший раскаляться через лопнувшие швы, в днище начало пробиваться пламя. Он должен был немедленно выбираться отсюда, рискуя нарваться на пулю, иначе имеет шанс сгореть здесь живьем. Чисто автоматически его рука начала дергать за ручку дверцы. В какой-то момент сердце его замерло — дверца не поддавалась, но потом что-то щелкнуло, и он кубарем выкатился на землю, пытаясь отползти как можно дальше от горящей машины.

Через мгновение взорвались баки с горючим, и вездеход с грохотом взлетел на воздух.

Когда он отполз на безопасное расстояние от жарких языков пламени, до него донесся новый звук: рев двух тысяч винтовок, которые почти одновременно начали свою работу. Он лежал без движения до тех пор, пока выстрелы не затихли, и только тогда медленно перевернулся на спину и осторожно сел.

Мяукающие звуки, которые не могли издавать человеческие глотки, еще долго звучали в наступившей тишине.

Тела гусениц со всей колонны лежали словно кучи бесформенных мешков, из которых вытекала светло-розовая краска — кровь келгиан имела невероятно пастельный оттенок по сравнению с человеческой кровью. Их окружила возбужденная группка его солдат. Нужно приказать похоронить всех погибших — и своих, и келгиан,— подумал Дермод.— Затем нужно будет заняться транспортом врага — машины необходимо будет переоборудовать для нужд его солдат. И, наконец, самое важное, научить солдат пользоваться оружием келгиан. И все это необходимо делать в строжайшей тайне — стража не должна узнать, что здесь происходило!

Одновременно он ощутил отвращение к содеянному. Он мечтал только о том, чтобы, как можно быстрее, уйти отсюда и не видеть головы сержанта. Он хотел вернуться на базу, окружить себя книжками и картами и углубиться

в теоретические проблемы войны, так как его практическая сторона оказалась более малопривлекательной, нежели он мог подумать. Однако нужно все же выполнять свои обязанности, сказал он себе, поднимаясь на ноги и удаляясь от горящей машины — он должен выиграть эту войну!

Победители из второго батальона замаршировали на базу, куда через несколько дней вернулись и другие подразделения. Теперь Дермод приказал солдатам надеть их старые серо-бронзовые мундиры вместо новой амуниции — в любой день ожидали приезда психолога стражи, и Дермод не хотел, чтобы тот заметил что-либо необычное.

У стражников был острый ум и наметанный глаз. К тому же происходило так много необычного, что Дермод боялся, как бы что не упустить из виду, что могло бы возбудить интерес психолога.

Но то, чего он боялся, — случилось. Психолог заметил что-то необычное, что-то весьма странное в лагере землян. Он ворвался красный от гнева в штабной кабинет, где находились генерал, полковник Симонс из службы тыла и Дермод. Из слов стражника Дермод понял, что тот как раз заканчивал читать лекцию солдатам, как обычно втолковывая глупости о своей благотворительной организации, которая одновременно является проводником идеи о максимальной свободе личности, что проявляется в позволении им воевать, если они в самом деле хотят этого. Но вместе с тем стража испытывает ужасную озабоченность при мысли о том, что так много холодных людей, не протестуя, идут на смерть. Долго и подробно, как только умеет делать психолог стражи, он размышлял вслух о видах смерти, которые могут настичь их, если они будут упираться в своем безумии.Он взывал их к разуму, чтобы они предприняли трезвые шаги и весело жили, вместо того, чтобы умирать в муках.

Как обычно, четверть присутствующих должна была сбежать от этой болтовни, остальные тут же подавали заявления об отправке их домой.

Но здесь его никто не слушал. А когда он попытался переговорить с некоторыми солдатами отдельно, они начали смеяться ему в лицо.

Дермод едва сдержал проклятия. Он неоднократно говорил всем, как надо вести себя в присутствии психолога. Но батальоны уже вкусили крови и носились по лагерю, как петухи, а ребята из других батальонов просили Дермода, чтобы он повел и их в бой за славой. Во всем лагере трудно было найти человека, похожего на свинью. Но могли бы, по крайней мере, выказать побольше мудрости, со злостью подумал Дермод, слушая тираду стражника.

— И вообще, что здесь происходит? — рычал психолог.— Эти люди стали фанатиками! Это самое подходящее слово! Мне это не нравится, наша политика не предполагает...

— Вы приехали к нам очень поздно,— прервал его генерал,— наверняка вы вначале были у гусениц. Скольких вам удалось склонить к пацифизму?

— Из наших людей никто не дезертирует!— выкрикнул полковник Симонс.— А это означает, что мы начинаем войну с численным преимуществом! Мы раздолбаем этих мохнатых в пух и прах!

Симонс был снабженцем и, как всякий интендант, он панически боялся военных действий. Сейчас в их преддверии он стал очень нервным — панически реагировал на резкий крик, не мог спать без света в комнате и никогда не удалялся далеко от базы. Но и его охватила военная лихорадка, носившаяся в земном лагере, Дермод замер. Симонс, так же, как и генерал, имел четкие инструкции, как вести себя со стражником — нужно ползать перед ним на брюхе, лизать сапоги, быть готовым к услугам и исполнению любых его желаний, чтобы как можно быстрее этот психолог убирался отсюда вон и оставил их в покое. А они провоцировали его!!!

И своей глупой, безрассудной недалекостью ставили под угрозу весь план!

Дермод буркнул что-то, и генерал вышел. В приемной он застал Клифтона и двух младших офицеров. Он рассказал им, что нужно сделать, и подождал десять минут, чтобы они пришли в себя от удивления и могли выполнить приказ. Может быть, эти меры предосторожности окажутся ненужными, но, судя по тому, как развивались события в кабинете... Он потряс головой и вернулся в кабинет.

— ... кто-то забил этим людям головы фальшивым героизмом!— в голосе стражника гнев мешался с раздражением.— Посморим, что произойдет с этими иллюзиями, когда они попробуют разрывных пуль келгиан и...

— Мы утрем им носы!— вновь заорал Симонс.....— Уже один раз мы добрались до них и показали...

— Симонс!— не выдержал Дермод и одернул полковника.— Сейчас же заткни пасть!

Стражник вздрогнул и ошеломленно посмотрел на Дермода. Потом встал и спокойным голосом произнес:

— Это мне не нравится, господа. Из неосторожности произнесенных слов полковника я понял, что у вас уже было сражение с келгианами, о котором мы не знаем. Судя по всему, так и было, учитывая настроения ваших солдат. И еще одно! До сих пор я не слышал о такой армии, где майор может кричать на полковника. А отсюда следует только один вывод — пока я не выясню всего до конца, военные действия прекращаются. Как только я вернусь в наш базовый лагерь, за вами будет выслан транспорт.

Генерал и Симонс начали протестовать, перебивая друг друга, с побелевшими лицами, мучаясь от мысли, до чего их довели длинные языки. Дермод, довольный, наблюдал, как они копошатся в собственном дерьме. Генерал кричал:

— Этого нельзя делать! Условия таковы, что если вам не удастся отговорить от участия в бою определенного процента солдат, то война будет продолжаться без вмешательства стражи до тех пор, пока обе армии не решат, что...

— То, что я здесь увидел,— прервал его стражник,— имеет все признаки отлично спланированного действия, поэтому правила не в счет! Мы их установили, мы их можем и отменить! Прощайте, господа!

Дермод, предполагавший такой поворот событий, нажал локтем кнопку звонка. Потом встал и широко раскрыл двери перед стражником. И заулыбался, когда психолог остановился, как вкопанный.

— Что все это значит? — через мгновение стражник пришел в себя.

Дермод аккуратно затворил дверь, оставив за нею шестерку грозных солдат в полной боевой экипировке и с оружием, нацеленным прямо в грудь стражнику, и озабоченно проговорил:

— До сих пор я этого никогда не делал и поэтому не знал точной формулировки, но могу сказать, что вы арестованы. Сдайте оружие!

Стражник странно ухмыльнулся. Показывая на табличку, прикрепленную на нагрудном кармане мундира, он изрек:

— Врачи и психологи не носят оружия, разве что для защиты от существ, лишенных разума.— Окинув взглядом весь лагерь и всех присутствующих, он саркастически добавил:

— Как видно, я ошибся.

Генерал и полковник от изумления проглотили языки при виде солдат. Дермод вышел из кабинета, оставив их без объяснений, следуя за охраной, сопровождавшей психолога.

Когда они проходили мимо плаца, вертолет стражника — для них бесполезный, так как не было гипнолент — как раз оттаскивали в сторону, чтобы дать самолету Клифтона возможность взлететь.

Утром следующего дня Земной Экспедиционный Корпус двинулся в бой.

6.

Дермод кратко проинформировал солдат о состоянии дел. Он рассказал, что второй батальон достиг результатов, потому что оказался ближе всех к колбнне врага. Эта победа могла достаться любому из четырех батальонов. Все прошли одинаковое обучение, и сейчас каждый солдат может с честью выйти победителем из противоборства с противником.

У него не было намерений звать их в бой, прикрываясь разными демагогическими лозунгами. Он и так был уверен, что они рады исполнить свой долг не только перед обитателями Земли — единственными, хранящими в своей памяти традиции эпохи пионеров космической эпохи, но, прежде всего, они являются потомками расы самых великих воинов в Галактике.

Он добавил, что до сих пор единственной жертвой оказался геройский сержант Девис. Но если они будут следовать инструкциям и сохранять спокойствие в опасных ситуациях, то очень может быть, что жертв больше и не будет, во всяком случае, он, Дермод, очень надеется на это. Закончил он строгим предупреждением, что если какой-то горячий идиот из-за своей глупости начнет стрелять, то он задушит его голыми руками.

Они двинулись в поход с песней на устах, а Дермод сел в самолет и с лейтенантом Бриггсом отправился проверять выдвинутых вперед

разведчиков. Клифтон еще не вернулся, и сейчас, когда тень их самолета скользила по походным колоннам солдат, Дермод не переставал задавать себе один и тот же вопрос — увидятся ли они еще когда-нибудь? У Клифтона было весьма важное поручение и, если бы он погиб по дороге к базе стражи, Дермод не знал бы, что делать дальше. Когда Бриггс приземлился рядом с разведывательным вездеходом, никто во всей его армии не догадывался даже, как неуверенно чувствует себя командир.

Дермод забрался в кузов и постучал по кабине, давая понять водителю, что можно ехать. Вездеход рванулся внезапно вперед с такой силой, что Дермод рухнул на сиденье рядом со стражником. Он решил взять психолога с собой, чтобы не рисковать, оставляя его одного в лагере, где врач легко смог бы убедить какого-нибудь легковерного солдата выпустить его. Сейчас стражник наблюдал за всем происходящим с холодным, почти научным интересом. У него было отсутствующее выражение лица, словно он уже начал что-то писать в своем уме, излагая происходящие события.

Внезапно психолог подал голос.

— Как это вы сделали, господин майор, то есть, полковник? — тут же поправился он, саркастически улыбнувшись.— Я слышал, что говорят о вас ваши солдаты. Вы для них легендарная личность. Меня также интересует то великое сражение, которое вам удалось выиграть.

— Это было совсем не великое сражение,— раздраженно бросил Дермод. Он был страшно недоволен собой и беспокоился о судьбе Клифтона. Кроме того, нужно было опасаться последствий последних событий, могущих разрушить Великий План. Этот идиот генерал вел себя, как напуганная старая баба, и ничем не помогал ему. Арест стражника, единственное, что оставалось делать Дермоду в той ситуации, страшно испугал генерала Прентиса. Несмотря на все заверения Дермода, этот генералишка дрожал, как осиновый лист. Было тут от чего нервничать, но все же, Дермод старался владеть собой и говорить тихо. Он сказал:

— Мы превышали их в численности почти в шесть раз и напали внезапно. Это была победа, а не битва.

— Вы вправе называть это, как вам будет угодно,— ответил стражник.— Меня интересуют, главным образом, жертвы. В колонне, которая попала в ловушку, было, как я узнал, двести пятьдесят три личности. Каков процент убитых и где пленные?

— Пленных нет.

— Что? Вы убили их всех?

Дермод кивнул головой.

Весь остальной день стражник молчал. Он был бледным, плохо выглядел и старался сидеть как можно дальше от Дермода. Следующие четыре дня он также не разговаривал с полковником. Во время этих четырех дней Бриггс и Довлинг беспрерывно вели наблюдение с воздуха за лагерем келгиан. Они докладывали, что силы противника распределены по группам в пятьсот единиц на холмах вблизи лагеря, где они занимаются воинской учебой. Кроме факта, что на другой день вечером враг поджег большой

участок, заросший кустарником, видимо, из-за неосторожного обращения с оружием, донесения не содержали ничего необычного.

Именно в тот же вечер Дермод решил, что нет смысла больше скрывать от врага наличие у них самолетов, и Давлинг вернулся из полета с двумя дырками в крыльях. Он рассказывал с побелевшим от страха лицом, что если бы пули попали в двигатель, он мог погибнуть бы. Присутствовавший при этом Бриггс подтвердил его слова. И оба они тут же отказались наотрез летать в разведку.

Дермод битых часа три доказывал им, убеждал их, пока они не согласились при условии летать вне досягаемости келгианского оружия. Поэтому донесения потекли опять рекой, и Дермоду вскоре стало ясно, что враг интенсивно готовится к войне, но тайна оружия, которое они получили от стражи в противовес их самолетам, так и осталась нераскрытой. Клифтона все не было...

Все его планы и тщательно обдуманные действия могли рассыпаться в прах, если Клифтон не вернется. Но он и дальше продолжал следовать тому, что задумал; каждую минуту понимая, что может налететь военный флот стражи и уничтожить все в мгновение ока.

Он начинал постепенно ненавидеть генерала за то, что тот оказался таким плаксой и трусом. Прентис все время приказывал ему отправить стражника в лагерь, видимо, для того, чтобы заключить с ним какую-то сделку. Он также начал ненавидеть и себя за ту роль, которую он отвел себе в этой великой и почетной освободительной миссии — освобождении Галактики от тирании стражи, так как ощущал, что большая часть его соплеменников чересчур апатична и не желает этого.

В таком состоянии духа Дермод сам уже не знал, ищет ли он опоры, или мальчика для битья, когда на пятый день стражник решил заговорить с ним почти с того же самого места, на котором он замолчал ранее.

— Вы должны знать, господин полковник, что мы, стража, много путешествуем. С нашей, может быть, особой точки зрения, все разумные расы равны между собой, поэтому смерть такого количества келгиан волнует меня так же, как и уничтожение такого же количества землян. Почему вы посчитали необходимым убить их всех, и намерены ли вы поступить таким же образом еще раз, и как после всего этого вы можете спокойно спать?

— Отвечая с конца, скажу, что это не ваше дело,— устало ответил Дермод.— На второй вопрос могу ответить, что я намереваюсь атаковать противника еще раз. И, наконец, я не хотел их всех уничтожать, но так было нужно. Безопаснее. И, кроме всего, я не мог удержать...

— Знаю, знаю,— прервал его стражник.

— Я уже знаю, что произошло с вездеходом, вами и Девисом. Однако, вы могли бы отдать приказ брать пленных, вместо того, чтобы уничтожать более двух сотен разумных существ!

— Не мог!— буркнул Дермод со злостью.— Поставьте себя, хотя бы на мгновение, на мое место. Организовав эту засаду, я мог бы решить не уничтожать всех врагов, а только тех, кто будет сопротивляться. Я мог

отдать приказ испуганных брать в плен, это так. Но вы же должны знать, что нам запрещено пользоваться радиостанциями. Так вот, представьте себе — некоторые гусеницы, попав в плен, не поняли бы, что происходит, и начали бы впадать в панику, раня и убивая при этом моих солдат. Я не мог позволить им это, так как при больших потерях солдат охватывает страх. Единственный способ сделать из этих свиней настоящих солдат — это научить их воевать с чувством полной безопасности. А это, к сожалению, означает невозможность пленения врага.

— Несомненно, у вас свои проблемы,— сказал стражник тоном, полным ироничного сочувствия. Несколько минут он молчал, машина тряслась и подскакивала, пересекая русло высохшей реки и въезжая в заросли кустарников. Потом он спросил:

— Вы отдаете себе отчет в том, что делаете, полковник?

Дермод вздохнул:

— Да. Я учу и организовываю людей, у которых отсутствуют такие моральные качества, как отвага, самодисциплина, тому, чтобы они полюбили убийство. Как вы знаете, ловкие и смелые садисты-убийцы выходят именно из таких свиней-разгильдяев.

— Вы, наверное, очень гордитесь собой,— печально произнес стражник.— Оттого, что смогли достичь столького?

Дермод пристально посмотрел на него, а потом спросил:

— А как вы думаете?

Стражник нахмурился.

— Еще пару минут назад я сказал бы, что это именно так. Но сейчас я уже не знаю, что и сказать..,— он замолчал и больше не отзывался.

7.

Два дня спустя армия Дермода форсировала склон поднимающегося кольца гор, окружающих лагерь келгиан, — по плану она должна была утром следующего дня атаковать врага и уничтожить значительную часть его сил. Сейчас Дермод вынужден был руководить всей операцией с земли, так как рельеф местности не позволял им лететь прямо в лагерь, поэтому контакт с генералом поддерживался вездеходами почти с двухдневным опозданием. Это не имело особенного значения, если бы Прентис не переставал терроризировать его из-за ареста стражника и ничем более не помогал. Известий от Клифтона все еще не было.

После обеда Дермод сказал:

— Если бы вы сообщили мне, что дали гусеницам для уравновешивания наших самолетов, то мы, изменив стратегию, могли бы избежать многих жертв.

— Людей или келгиан? — язвительно поинтересовался психолог.

— Людей, конечно!

Стражник покачал головой и показал на марширующих в такт строевой песни солдат. В боевом снаряжении мужчины с раскрасневшимися лицами были обвешаны гранатами и винтовками, многие из которых имели странные приклады, приспособленные к строению тел гусениц. Каждое движение солдат свидетельствовало о их большой уверенности в себе и о большом желании идти в бой.

— Посмотрите на них,— произнес стражник,— один лучше другого. Герои. А вернее сказать, истеричные индивидуумы, охваченные иллюзией собственного сумасшествия. Несколько кровавых жертв, и они только тогда вернутся в реальность нашего мира. Поэтому я не скажу вам, что имеют келгиане в запасе. Я рассчитываю на то, что когда истерический героизм наткнется на отчаяние существ, припертых к стене, владеющих вдобавок неизвестным оружием, война быстро закончится.

— Вы рассчитываете на очень многое,— со злостью выпалил Дермод.

— Нет,— улыбнулся психолог.— Только на суд.

— Ну, хорошо,— разозлился Дермод. Я расскажу вам кое-что о моих планах на завтра, чтобы вы не были очень разочарованы, когда это ваше судилище наступит...,— и он описал психологу длинную долину, расположенную в пятнадцати милях отсюда, тянущуюся с севера на юг. Воздушная разведка обнаружила там три группы гусениц, две небольшие и одну, численностью примерно в девятьсот особей. Горная местность позволит ему незаметно подойти достаточно близко, чтобы получить момент внезапности.

После полудня он позволил людям отдыхать до вечера, а вечером приказал выходить на позиции.

Солдаты первого и третьего батальона занимают позиции на северной стороне долины и с рассветом должны начать наступление. Они должны будут разгромить первую группировку врага, состоящую из двухсот гусениц, и маршем продвигаться в глубь долины. Можно было бы предположить, что бегущий враг вольется во вторую группу келгиан, увеличив тем самым ее численность. Но и она должна быть разгромлена. Остается третья группировка врага, но и она должна быть отброшена к южному выходу из долины, где в скалах их встретит массированный огонь второго батальона.

Для полной уверенности высоко в горах будет находиться вдоль всей долины четвертый батальон, который должен будет уничтожать всех тех, кто попытается подняться в горы. Четвертый батальон также займется возможной охраной, которую неприятель мог расположить на склонах долины, хотя Дермод был на все сто процентов уверен, что никакой охраны там и в помине нет, так как келгиане не были готовы еще к боям и надеялись встретиться с землянами через пару недель.

— Только третья, самая большая группировка врага может оказать нам сопротивление,— закончил Дермод.— Но если это те, кто игрался с огнем и поджег кустарник, то у нас не будет хлопот с этой глупой и придурочной бандой.

— Наверное,— пожал плечами стражник.

Дермод пристально посмотрел на психолога. Тон его ответа был сухим и бесцветным, а лицо ничего не выражало. Или он, Дермод, сказал что-то важное,

и сейчас этот индюк старается скрыть свои чувства от него? Или же демонстрирует такую реакцию на рассказ, чтобы лишить его уверенности в себе и склонить к изменению Плана? Скорее, последнее, решил Дермод.

— Конечно, не все будут уничтожены,— сказал он, пытаясь попасть в уязвимое место стражника.— Я надеюсь, что некоторые будут в панике бежать с боя и сеять страх среди оставшихся, тем самым облегчая нам достижение победы в последующих сражениях.

Стражник некоторое время сидел молча, а потом произнес:

— Калгия, это высоко цивилизованная, культурная, с хорошо развитой техникой и наукой планета, население которой состоит на девяносто семь процентов из Граждан Галактики. Те, с которыми вы воюете, это, конечно же, только келгианский аналог вас самих, но они чувствуют и мыслят так же, как и вы. Например, их система брака и семейных отношений, точно такая же, как и у вас, и если присмотреться, то особой разницы между вами не существует. И вас не корежит от того, что вы лишаете жизни разумные существа?

Дермод развел руками:

— Война — это не забава.

— Значит, это, наконец-то, вы признаете? — саркастически бросил стражник.— А вы всегда так думали? Или, может быть, раньше у вас в голове был всякий вздор о этаком романтическом приключении?

Дермод безмолвствовал.

— Вы неординарный и талантливый человек, полковник Дермод,— продолжал стражник.— По правде говоря, можно было подумать, что вы не тот, за кого себя выдаете. Что каким-то образом вам удалось подделаться под фамилию настоящего Дермода...

Дермод мысленно перенесся в то мгновение, когда пассажирский лайнер, теряя высоту из-за взрыва в одном из двигателей, падал в океан. В кресле рядом с ним сидел маленький, испуганный паренек, которого звали Джонабан Дермод, и который еще несколько часов назад восторженно рассказывал о своем поступлении в офицерскую школу. Он погиб во время посадки на воду, и по какой-то причине, может быть, желая известить семью погибшего, он снял с него идентификационный жетон. А когда оказалось, что у погибшего нет ни семьи, ни близких, а из уцелевших никто не знал его раньше, он присвоил себе его личность вместе с жетоном. Сейчас он ощущал беспокойство от того, что психолог почти раскрыл его тайну.

Однако, он теперь понял, что это не делает погоды. Он зашел в своих планах слишком далеко.

— Теперь я вижу, что прав в своих предположениях,— сказал стражник, внимательно следя за реакцией Дермода.— Ваши таланты говорят о том, что вы когда-то были способным, хотя и ленивым студентом, готовящимся получить звание Гражданина Галактики. Да, скорее всего, вас замучили эти сухие и трудные для запоминания лекции по истории других миров, социологии и этики, ведь только познав эти предметы, можно понять другие расы и научиться с ними мирно сотрудничать.

И вы отбросили все это, наверняка углубились в изучение прошлого Земли. Будучи студентом, вы имели доступ к хроникам и запрещенным книгам, и вместо того, чтобы правильно оценить написанное там, вы начали жить прошлым, строить планы, опираясь на него, и так далее. На обычного колониста эти сведения, почерпнутые из книг и хроник, наверняка не повлияли бы. Но вы были кандидатом в Гражданина Галактики, который на занятиях по психологии и социологии приобрел опасные знания, помогающие управлять толпой. Как можно предположить, все прочитанное пробудило у вас романтические чувства, да, скорее это так и было. Но сейчас, когда вы убедились, что убийство цивилизованных существ не является ни необходимым, ни романтичным, почему бы вам не проявить свой интеллект и не отменить все то, что вы задумали?

Дермод ощутил, что начинает колебаться. Он задал себе вопрос, во имя чего он обрекает себя на физическую опасность и все большее нервное напряжение, стараясь любой ценой спасти План? Генерал получил под зад и охотно бросил бы все это. Из слов стражника следовало, что отмена приказа — это единственно правильный и логичный шаг. Но он тут же вспомнил, что это говорил психолог, а известно, что психолог кого хочешь может уговорить.

— Вы только теряете время, сэр,— сказал он, вставая с сидения и приказывая остановить колонну. Наступила тишина, нарушаемая лишь негромким говором солдат, готовящихся к отдыху, и в этой тишине голос стражника прозвучал неестественно громко:

— Но почему?...

— А потому, что все, что вы сейчас тут наговорили — это ерунда!— рассмеялся Дермод.— Вы... вся стража — это банда тиранов, которая...

— Тиранов? — взорвался психолог.— Но ты же свободен, человек! У вас теперь больше СВОБОДЫ, чем когда-либо в истории! Вы можете делать все, что пожелаете. Если кто-то хочет быстренько отправиться в пекло, то милости просим, мы даже поможем, но при условии, что он не потащит за собой еще кого-то, кто этого не хочет. Вот этого мы не можем допустить!

— А что происходит, когда мы желаем воевать? — спросил Дермод.— Инспекторы врага допускают к битве только самых слабых. Психологи стражи взывают потом к их морали, и все превращается в жалкий фарс, в котором мы становимся выставленными на посмешище. И это вы называете свободой?

— Однако, вы должны признать, что мы тщательно придерживаемся правил игры,— заметил стражник.— Кроме этого, раз уж не удается избежать войн, мы разрешаем их, добиваясь при этом следующего: мы стремимся к тому, чтобы погибало как можно меньше разумных существ, и страхом или убеждением учим желающих воевать разуму. Ничто так не возвращает здравый рассудок и ощущение реальности, как угроза смерти, особенно в непривычных условиях.

Дермод махнул рукой и произнес:

— Мы и нам подобные представители других рас — это преследуемое меньшинство, которое вы хотите, во что бы то ни стало, уничтожить,

так как мы горды, упрямы и независимы — что является источником вашего постоянного раздражения!

— Вы глубоко заблуждаетесь!— воскликнул стражник.— Любой из вас может стать Гражданином Галактики при условии, что пройдет обучение и сможет без конфликтов жить с другими разумными существами!

— Большинство из нас считают, что овчинка выделки не стоит,— сухо возразил Дермод. И желая закончить дискуссию, он вылез из машины и направился к солдатам. Однако стражник следовал за ним, не переставая говорить. Дермод вынужден был признать, что этого типа трудно переговорить.

— Большая часть галактов, живущих на Земле, конечно, деградируют,— откровенно признал стражник,— и поэтому самые ценные и умные земные граждане еще в молодости покидают планету. Оставшиеся же опускаются из поколения в поколение, заключая между собой браки.Но по крайней мере нет надобности следить за ними, так как они ни на что не способны. Хотя это можно сказать и в общем-то о всех Гражданах Галактики — при мысли о любой акции, даже полицейской, их начинает тошнить. Но все же некоторые личности поодиночке или же, объединившись в группу, выходят иногда на преступный путь, и необходимо предпринимать решительные шаги, чтобы поддержать порядок и спокойствие. Именно поэтому стража...

В этот момент Дермод остановился, чтобы переговорить с начальником службы тыла батальона о музыке, которая потребуется завтра для боя. Лейтенант с худым лицом был сторонником темы "Марса" из сюиты Хольста "Планеты", но Дермод с ним не соглашался, настаивая на чем-нибудь громком. Тогда лейтенант предложил "1812 год" Чайковского. Дермод сказал, что это уже лучше, но не совсем, так как колокола в их случае совсем не уместны. Нет ли Вагнера?

Стражник пользовался малейшей паузой, чтобы вставить свое слово, а когда Дермод двинулся дальше, перебрасываясь словами с лежащими в тени солдатами, его пленник пошел следом, комментируя свои же выводы. И все, что он говорил, было так логично, так убедительно, так точно подмечено, что Дермод начал нервничать.

Нынешняя война была вызвана тем, что у землян, не имеющих галактического гражданства, была отобрана торговая фактория на одной из планет. В принципе, признался стражник, только галакты должны иметь право контактировать с представителями других рас, но запрет межпланетных полетов означал бы нарушение основного принципа демократии, исповедуемого Стражей, право на торговлю было передано гелгианским Галактам. Земляне предложили келгианам торговлю на паях, но гусеницы посчитали, и, впрочем, справедливо, что земляне жадные, и у них напрочь отсутствует торговая этика. Земляне проглотили обиду и обратились к своим келгианским аналогам. И начался взаимный товарообмен. Но ряд недоразумений, возникших попросту из-за незнания образа мышления партнеров, обмен резкими словами и определенное количество мошенничества привели к драке, в которой погибли и земляне, и келгиане. После этого возникли такие сложности, что обе стороны

пожелали воевать, считая это единственно возможной развязкой конфликта. Стража исполнила их желание неохотно, так как очень высоко ценила жизнь любого разумного существа.

По его мнению, стража — это самоотверженная группа людей, без которой распалась бы давно вся галактическая цивилизация. В эту организацию входят только люди, так как только эта раса имеет внутреннюю твердость, которая позволяет ей делать неприятные вещи и даже творить зло во имя благородных дел. Некоторые действия стражи могут показаться грубыми и незаконными, но все же...

Дермоду смертельно надоели эти словоизлияния психолога.

— Сержант!— крикнул он, и сидящий недалеко солдат вскочил и подбежал к нему.

— Охраняйте этого человека!— приказал Дермод, кивая на стражника,— но ни под каким видом не позволяйте ему говорить. Если он вас не послушается — стреляйте без предупреждения!

Когда стражника увели, Дермод обнаружил, что трясется от гнева. На душе было очень гадко. Он прошел в тень и прилег, чтобы отдохнуть до вечера, но заснуть никак не мог. Всякий раз, когда он старался выбросить из головы все подробности, связанные с предстоящими событиями, и закрывал глаза, перед его взором возникали скрюченные, растерзанные тела двухсот пятидесяти келгиан. В голову настойчиво лезла сумасшедшая мысль — а что бы он думал, если бы это были люди??? Конечно, его Великий План хорош, ничего нельзя сказать плохого о нем. И вполне вероятно, да что там вероятно, он выиграет войну! Но генерал есть генерал, и он опять начнет командовать! Какой бардак начнется вновь под руководством этой старой бабы?! И все это время не переставал звучать голос этого проклятого стражника, который просил, убеждал, настаивал. И Дермод никак не мог заставить его замолчать.

8.

Перед рассветом Дермод со вторым батальоном заблокировал выход из долины. Немного впереди, надежно укрытые всеми видами маскировки, находились четыре специальных взвода, укомплектованные людьми, которые научились превосходно обращаться с оружием, взятым у врага, и Дермод надеялся, что их винтовки с разрывными пулями будут хорошим противовесом тому неизвестному оружию, которое прятали у себя келгиане.

За спиной Дермода долина расширялась, превращаясь в котлован с высокими, неприступными стенами, а затем вновь сужалась, превращаясь в еще одну долину, еще уже первой.

Дермод взял с собой стражника, который сейчас абсолютно никак не реагировал на то, что происходило. В течение трех часов он не проронил ни слова. В конце концов первым заговорил Дермод, просто так, чтобы убить время и ни о чем не думать.

— Еще одно, что мне не нравится, это ваше поведение, психолог,— сказал он.— Вечно вы брюзжите, чем-то недовольны. Вы что, никогда не улыбаетесь?

Мгновение казалось, что психолог лопнет от гнева, но он все же сдержал себя и усталым голосом произнес:

— Вы же знаете, сколько в Галактике несправедливого. И мы, стража, пока что не можем этого прекратить. Вот поэтому-то нас и гнетет тоска...

— Представляю себе,— рассмеялся Дермод.

— Нет, это невозможно представить,— возразил стражник, и на этом разговор закончился.

По мере того, как рассветало, Дермод все чаще поглядывал на часы, прислушивался, не раздаются ли выстрелы со второго конца долины, где первый и третий батальоны должны были вскоре начать бой.

Но услышал он только шум самолета.

Превратившись в каменную статую, Дермод яростно оглядывал небо. Ведь он ясно и четко приказал Бриггсу и Давлингу, чтобы они держались как можно дальше от долины и вели наблюдение за гусеницами, расположенными лагерем в пятидесяти милях отсюда. А теперь один из этих глупцов внезапно решил появиться здесь в самый неподходящий для этого момент. Шум самолета стал сильнее, и тут же Дермод увидел его, заходящего на посадку. Один из этих кретинов решил здесь приземлиться!

И только мгновением позже он опознал самолет. Это был Клифтон!

На дне долины был маленький участок земли, усеянный небольшими валунами, и то, что Клифтон каким-то образом сумел увернуться от них, было похоже на чудо.

С выпущенными закрылками и включенными тормозами самолет быстро катился вперед еще ярдов пятьдесят, а затем случилась авария. Валяющийся на земле камень ударил по стойке шасси и оторвал ее. Самолет крутанулся вокруг оси и потерял вторую стойку. От удара обвалились оба крыла, и вдобавок переломился фюзеляж возле хвоста. Фюзеляж с одним двигателем тащился по земле до тех пор, пока сила трения не остановила его.

— Черт побери! Что с тобой случилось? Ты добрался до стражи? Ты не ранен? — Дермод засыпал летчика потоком вопросов, помогая лейтенанту встать.— Ну, говори же!

Слегка оглушенный Клифтон начал докладывать: значительно облегчив самолет, он загрузил его добавочными баками с горючим, что и позволило ему преодолеть пятьсотмильное расстояние до базы стражи.

Он рассказал там все точно так, как приказал ему Дермод, и стражники проглотили наживку, поверив всему, что он им сказал. Они дали ему даже часть своего снаряжения, радио и транслятор для психолога, который должен был оставаться у землян. Стражники страшно хвалили Клифтона, говоря, какой он умный и проницательный.

Встречный ветер и перебои в работе двигателя на обратной дороге вынудили его приземлиться в двух днях пути от Базы, и он вынужден был возвращаться за самолетом на грузовике с запчастями и горючим. Поэтому-то он так и задержался.

Прибыв в лагерь, Клифтон хотел было доложить генералу о своем возвращении, но тут узнал ошеломляющую новость. В лагере генерала не было! Офицерам удавалось пока скрывать это от Дермода, посылая ему приказы, подписанные будто бы его именем. Генерал же покинул лагерь уже около недели назад: через день после того, как уехал Дермод. И именно поэтому он, Клифтон, решил рискнуть своей шеей и приземлиться в долине на виду у гусениц. Что теперь они будут делать?

— На чем он уехал? — резко спросил Дермод.

— На одноместной разведывательной машине,— внезапно подал голос стражник, который молча стоял возле Дермода, слушая рапорт Клифтона.— Мы даем такие машины командующим воюющих сторон в тайне от остальных на тот случай, если им надоедает воевать, или дела начинают принимать слишком серьезный оборот, и ни остается ничего другого, как задать драпака. Это очень плохо влияет на моральный дух солдат, что приводит к быстрому завершению войны...

— С генералом или без него, но мы все равно эту войну выиграем!— прервал психолога Дермод и обратился к Клифтону.

— Я разрешаю вам отдыхать, лейтенант. Поищите хорошее укрытие и не высовывайтесь. Сегодня предстоит жаркий денек.— И, обращаясь к стражнику, вежливо добавил:

— И вам кажется, что вы все предусмотрели, не так ли?

Ответ психолога заглушил рев огня, который словно гром накрыл долину. Атака началась.

9.

Несмотря на то, что отзвуки сражения долетели до него, многократно усиленные отражением от стен долины, Дермод старался разделить и анализировать характерные особенности разного вида оружия: короткий резкий хлопок винтовок землян, медленный взрыв гранаты и двойной звук оружия келгиан. Через несколько минут сила огня уменьшилась, впрочем, Дермод это и предполагал. Он только не ожидал, что стражник выберет этот момент для возобновления своих аргументов.

— Генерал впал в панику, когда вы арестовали меня,— кричал он.— И сейчас умыл руки, я даю вам голову на отсечение, что он собирается свалить всю вину на вас, полковник! Мы оба знаем, что вы можете без труда победить келгиан, зачем же убивать их тысячами, чтобы доказать такое? — А когда Дермод не прореагировал на эти слова, голос психолога приобрел дикую необузданную ярость.— Ты — кровожадная бестия... ты мясник... зверь!

— Моей целью не является резня келгиан!— сказал Дермод.— По правде говоря, я очень надеюсь, что многие из них сумеют убежать отсюда и рассказать, что здесь происходило. Поэтому, когда мы воспользуемся транслятором, который ваши коллеги прислали вам, и предложим им почетную капитуляцию, они наверняка будут страшно пора-

жены этим и согласятся на наши условия без колебания. Но это только первый шаг, важный для свершения Великого Плана!

Две тонкие струйки дыма поднялись из глубины долины и рассветились огнями: две сигнальные ракеты — оранжевая и голубая. Оранжевая после голубой означала, что враг атакует с неожиданной стороны, а наоборот — что у них имеется численное преимущество! Но обе ракеты вместе не означали ничего! Дермод, который точно знал позицию келгиан, начал склоняться к мысли, что кто-то из его солдат сделал это просто так, из-за возбуждения.

Причин для беспокойства пока что не было.

— Победы в этой войне,— продолжил он свою мысль,— должно хватить. Вот уже сотни лет никто ничем подобным не занимается, и сам факт того, что люди победили чужую расу в войне, контролируемой стражей, сильно поколеблет ваше положение. По всей Галактике чужаки скорее всего придут к мысли, что стражники, сами являясь людьми, помогли выиграть эту войну своим соплеменникам. В результате поднимется волна недовольства и восстаний, которая свергнет вашу тиранию. Может быть, в моем плане существует какая-нибудь ошибка, психолог?

Выражение лица стражника явно свидетельствовало, что ошибки никакой не было.

— Вы попали в наше самое уязвимое место, полковник,— наконец произнес психолог.— Поэтому-то мы иногда, даже когда и не нужно, строги к представителям нашей расы...

Выстрелы раздавались уже ближе, и в глубине долины Дермод заметил следы дыма.

— Когда я вынужден был арестовать вас, психолог,— произнес Дермод,— вы, надеюсь, понимаете, для чего я это сделал,— то невольно даже подумал, что весь мой План провалится. Но лейтенант Клифтон полетел на вашу базу и наплел там, что вы замыслили одно очень деликатное дело и просили, чтобы вам не мешали. Я знал, что вас очень ценят ваши товарищи, психолог, и на этом строил свой расчет. Так и оказалось. Они передали вам свое благословение, посчитав Клифтона за одного из тех рассудительных типов, которые решили помочь им. Когда мы начнем конвоировать пленных, все станет на свои места. Келгиане ясно увидят, кто помог нам, так как заметят вас в моей штабной машине. Конечно, транслятор вы не получите, и пока ваши люди сориентируются, что же в самом деле произошло, будет уже поздно — никто им уже не поверит!

Дермод отвел взгляд от бессильно сжимающего кулаки стражника к видневшимся вдалеке отрядам противника, которые стали появляться из клубов поднимающегося дыма. Вот она — минута славы — победный конец наступит через несколько минут!

Но Дермод ощущал только злость, раздражение, неудовлетворенность и мучительные сомнения. Он очень хотел сейчас все это бросить ко всем чертям и оказаться дома. Но так ли это? — задал он сам себе вопрос. А чем он займет свои мысли, если сейчас смалодушничает. Разве не появится в его мыслях червячок сомнения в том, что он наделал?

10.

Ракеты летели в небо и взрывались, пачкая чистую голубизну оранжевыми, зелеными и желтыми огнями. Их оказалось семь — их рисунок и очередность ничего не означали. Через мгновение в небе расцвели еще пять штук сигнальных ракет. Вытаскивая бинокль, Дермод убеждал себя, что это его люди решили устроить небольшой победный фейерверк.

А может быть, эти идиотские сигналы означают панику в стане врага?

Да, пока что все было хорошо. Беспокоиться не было причин.

Внезапно у Дермода перехватило дыхание. Где-то среди волнующейся массы гусениц появился сноп огня, лизнул край стены и двинулся дальше, оставляя за собой полосу горящей земли и клубы жирного дыма.

Огнеметы!

В тот момент, когда он узнал тайное оружие врага, он уже знал, что надо делать. Бросившись к своим солдатам, вооруженным винтовками с разрывными пулями, он сказал им, что огнеметы — это оружие с малым радиусом действия, и не такое грозное, как выглядит внешне. Пуля летит дальше, поэтому они должны сконцентрировать свой огонь на огневиках — их легко узнать по баллонам на спине, а остальных предоставить другим солдатам.

Когда Дермод вернулся в свой окоп, келгианские пули уже взрыхляли землю вокруг него.

— Еще не стрелять!— крикнул он.— Подпустить поближе!

После этого, отдышавшись, он зло бросил стражнику:

— Вы вооружили их огнеметами, а еще говорите, что я кровожадный!

Дермод не стал слушать ответа, он был удивлен тем, что почувствовал испуг. Это был давящий тайный страх, что все идет не так как надо. Что все это преступно и нечеловечно. Если бы удалось как-нибудь отсюда выбраться и еще раз все обдумать! Но склоны долины очень круты, чтобы легко преодолеть их, а единственная дорога к отступлению шла через перевал, слишком узкий для массового отступления. Так или иначе, он бы потерял большую часть своих людей. От этой мысли он пришел в себя и вспомнил, что это все-таки его солдаты преследуют врага и что инициатива принадлежит ему.

— ...это снаряжение не просто в обслуживании,— донесся до него голос стражника,— а у вас имеются самолеты. Мы думали, что келгиане не захотят воспользоваться этим оружием из-за опасности взрыва, а вы, узнав о наличии у них огнеметов, не захотите идти в бой и встретиться лицом к лицу. Даже герои не любят огня. Но все вышло иначе. Ваш пилот видел огнемет в действии, но доложил о нем, как о случайном пожаре на полигоне. Келгиане, испугавшись, что земляне разгадают их тайну, перестали практиковаться в их обслуживании. Но сейчас, когда стало слишком жарко, они, как видите, включили их на полную мощность.

Дермод покачал головой, словно это движение помогало наполнить ее мыслями. Враг был уже в зоне действия оружия, но скрывался в дыму.

Гусеницы вслепую перли в его ловушку. Их было очень много, а такого он не предусматривал. Ситуация могла выйти из-под контроля, и это начало его беспокоить. В своих расчетах он не принимал во внимание фактор живого разумного существа — им владело только чувство игры в солдатиков. Сейчас нужно было время, чтобы он мог собраться с мыслями и оценить ситуацию, а вот этого-то как раз и не было! Но что-то нужно было делать, по крайней мере, стараться что-то делать!

Поэтому, когда он раскрыл рот, из него вылетел только непонятный скрежет, заглушенный выстрелами. Дермод проглотил слюну и опять попробовал:

— Внимание, солдаты! Не стрел...

Его слова заглушил грохот первого залпа. Напряженные до предела солдаты, которые слышали выстрелы, доносящиеся из глубины долины, не поняли его приказа. Одновременно радиомашина включила на полную мощность "Полет Валькирии". Началась беспорядочная стрельба. Дермод выбрал эту музыку по трем причинам: чтобы заглушить грохот выстрелов, крики раненых и возбуждать солдат.

Он очень опасался, что раненых на этот раз будет немало.

Огонь второго батальона собирал обильный урожай: узкое дно долины было усеяно трупами врага, но гусеницы также ломились вперед, по телам павших. Передние падали, и по их трупам шли все новые и новые шеренги. Несмотря на истребительный огонь его солдат, гусеницы в панике ползли от расступающихся первого и третьего батальонов. А солдаты второго батальона, расположенные вдоль всей долины, не успевали уничтожать их.

Стражника рядом с ним стошнило. Дермод поддержал его и прошептал:

— Нужно с этим кончать! Помогите мне, в самолете Клифтона есть транслятор...

В этот момент глаза Дермода задержались на гусенице, которая с большим трудом переползла через трупы, на ее спине висел большой баллон, а в передних конечностях она держала шланг, кончавшийся соплом. Из сопла внезапно вырвался язык пламени, который поджег кусты в расположении окопа второго батальона. Выстрелы прекратились, и все заволокло дымом; Дермод закричал, чтобы бойцы не двигались с места, но его голосовые связки никак не могли соперничать с Вагнером, а кроме того, его бы и так не слушали.

Он увидел, как его солдаты поднялись и побежали. И в этот момент их накрыло озеро кипящего пламени, превращая разумных существ в живые факелы огня.

Гусеницы, появившись из дыма, все круша, навалились на позиции второго батальона, стараясь как можно скорее перейти во вторую долину.

Дермод уже ничем не мог остановить своих солдат, которые, как и келгиане, стремились через перевал. Его власть над подчиненными была утеряна — паническое бегство превратило их в стадо, несущееся за неведомыми вожаками.

— К самолету, быстро!— крикнул Дермод, дергая стражника за плечо.— Достанем транслятор.— Он не смотрел на психолога, все его внимание было сосредоточено на поисках оптимальной дороги среди валунов и клубов дыма.

В это время голова колонны гусениц успела докатиться до входа на перевал. Их огнеметчики, которые прокладывали колонне дорогу, оказались в середине, и в этот момент какая-то шальная пуля ударила в баллон с горючим. Раздался сильный взрыв, и жидкий огонь залил все вокруг в радиусе пятидесяти ярдов. Тотчас же взорвалось еще несколько баллонов, пожирая живые тела. И именно там, среди огня, был самолет Клифтона...

Долина превратилась в ад. Однако уцелевшие гусеницы ползли дальше, пытаясь взобраться на отвесные стены. Но строение их тел не позволяло совершать горные прогулки, они падали навзничь, но на их месте оказывались новые и новые смельчаки, пытающиеся выбраться из этого пекла.

Тогда и показались шествующие с триумфом ряды первого и третьего батальонов.

До этого мгновения все шло как по маслу — ни одна гусеница не остановила свое волнообразное движение и не огрызнулась огнем по наступающим цепям солдат.

Котловина быстро наполнялась телами. Яростный жар и жирный черный дым наполняли ее сверху. Дермод смотрел, как его люди стреляли по любой движущейся цели, едва видя что-либо в дыму и страшно кашляя из-за ядовитого смрада, носившегося в воздухе.

Над полем сражения раздавалась музыка Вагнера, зовущая солдат на новые подвиги. Правда, сейчас звук стал значительно слабее, так как почти все передатчики, скорее всего, были повреждены, но тот, что находился возле Дермода, старался вовсю. Кашляя и проклиная все на свете, Дермод стал искать его. Пули свистели рядом и буравили землю под ногами.

Когда они добрались до скрюченного человека с усилителем на спине, им хотелось рыдать от радости.

Дермод остановил запись и переключился на микрофон.

— Солдаты! Говорит полковник Дермод...— закричал он, и голос его разнесся над долиной. Но более он ничего не успел сказать. Шальная пуля разнесла усилитель вдребезги.

— Ваша речь немного запоздала, полковник,— горько пошутил стражник.— Так всегда бывает...

Его левая рука безвольно свисала в рукаве мундира, от которого сейчас остались одни лохмотья, лицо было в крови.

Дермод не смел смотреть ему в глаза.

— Надеюсь, полковник, вы сейчас довольны,— печально вымолвил психолог и склонил голову.

— Это вы во всем виноваты!— закричал Дермод.— Почему вы не сказали мне об огнеметах?

— Может быть, это и наша ошибка,— пожал плечами стражник.— Но что сделано, то сделано. К чему сейчас размахивать руками. Надеюсь, что и так понятно, что земляне сильнее келгиан? А раз так, то они выйдут из

этого сражения победителями, что означает, что вы выиграли свою войну. Власть стражи скоро рухнет, и останется только наблюдать, как разваливается вся Галактическая цивилизация, разбиваясь на ряд враждебных группировок. Вы добились своего, полковник, и хранит вас Господь. И нас тоже.

Кроме чувства вины и отвращения к самому себе, Дермод подсознательно заметил, что стражник говорит не очень громко, но, однако, его отлично было слышно. Это странно, подумал он, и огляделся.

Выстрелы стихли. Стало тихо. Даже гусеницы перестали стрелять. Сквозь редеющий дым были видны группы людей и келгиан, судорожно сжимающих оружие, напряженно вглядывающихся в небо.

Дермод непроизвольно поднял голову. Над долиной [illegible] огромные звездолеты стражи, и при виде их он ощутил страшное облегчение. Сейчас он был в силах произнести эти слова. Одним ухом он слышал, как стражник говорит о генерале Пренисе, который, испугавшись, рассказал все руководству стражи. Сообщение было передано на землю, и оттуда тотчас же были высланы корабли.

— Вас, наверное, интересует, что сделают с вами,— закончил стражник,— когда я расскажу всем о вашем Великом Плане?

Дермод покачал головой.

— Я надеюсь, что меня сразу расстреляют,— сказал он. И это было правда. Он действительно думал над этой проблемой.

— Ну, так легко вам не отделаться,— покачал головой психолог, и в его голосе прозвучала нотка сочувствия.— Я могу сказать, что будет с вами. Видите ли, стража никогда не убивает, когда можно спасти.

Раздалась серия громких чавкающих звуков, и земля вокруг покрылась влажными быстро испаряющимися пятнами. Стражник одобрительно кивнул:

— Неплохо они применили газовые бомбы. Нас усыпят, и не будет дополнительных жертв. А теперь, господин полковник, я расскажу вам, что вас ждет в дальнейшем. Прежде всего, необходимо развязать конфликт, возникший здесь по вашей вине. И хотя наши корабли обладают достаточной силой, ваша помощь также не будет лишней.

А потом... я должен сразу сказать вам, что остаток своей жизни вы проведете в попытках не допускать такие конфликты. Ваши старые друзья возненавидят вас, а Галакты, по достоинству оценивая ваш труд, все же будут смотреть на вас, как на изгоя. Вы будете презираемы всеми разумными существами Галактики,— говорил стражник, и его слова долетали до него как бы издалека, так как газ уже начал свою усыпляющую работу.— И вы, разозленный и взбешенный бессмысленной глупостью других существ, никогда не избавитесь от чувства вины за прошлые грехи. Все это вместе объединив, вы получите весьма милый человеческий характер.

Позже Дермод не мог вспомнить, заснул ли он первым, или психолог все же опередил его. Он только запомнил короткий нервный стресс, который он пережил после его последних слов, перед тем, как потерять сознание:

— Ну что ж, люди другого и не ожидают от стражника...

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Продолжаем издание сериала "Звездные войны, судя по откликам столь полюбившегося Вам.

Как мы уже сообщали тираж книг сокращен нами до 50 000 экземпляров. В результате несвоевременного внесения изменений в технологические карты были допущены ошибки в выходных данных книг. Так в 12-ом томе ("Пятые звездные войны") указано, что тираж составляет 100 000 экз., но на самом деле он вышел только в количестве 50 000экз. 14-ый том серии "Терминатор", выпущенный на Тверском полиграфкомбинате, составляет 75 000 экз.

Помимо данного 13-го тома, который Вы держите сейчас в руках, издательством запланирован выпуск в 1993 году следующих книг:

1. Том N6 "Вампиры Лос-Анджелеса - тиражем 50 000 экз.
2. Том N15 "Седьмые звездные войны" - тиражем 50 000 экз.

НО НА ЭТОМ СЕРИЯ НЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ...

С уважением...
А. САЯПИН.

ПО ВОПРОСАМ ОПТОВОГО ПРИОБРЕТЕНИЯ
НАШИХ КНИГ ПРОСИМ ОБРАЩАТЬСЯ:

Тел. в г.Смоленске: /08122/ 9-95-80
/представитель издательства/.

Scan Kreider

СОДЕРЖАНИЕ

1. Убийство в XXII-ом столетии 3
2. Оружие-мутант 109
3. Космический патруль 181
4. Космические искатели приключений 297
5. Профессия-солдат 377

БИЛЛ НАТ

"Шестые звездные войны". /Библиотека зарубежного крим. и прикл. романа. Выпуск 13./

Художественный редактор А. САЯПИН
Технический редактор Л. ЗАИЧКИНА, И. ТЫРВА

"Мелор". ЕЕ0601. Эстония, г.Таллинн, а/я 3515.

Сдано в набор 15.07.93 г. Подписано в печать 5.08.93 г. Формат бумаги 60x90 1/16. Бумага типографская N2. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл. печ. л.26. Уч-изд.л.27,1. Заказ № 3975. Тираж 50 000 экз. Заказное.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства на Смоленском полиграфическом комбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Качество печати соответствует качеству представленных издательством диапозитивов.

Диапозитивы изготовлены А/О «АМИПРЕСС».
214019, г.Смоленск, а/я 57.
Тел.: /08100/ 5-23-27, факс: /08100/ 5-06-24.

